

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
Высшая школа перевода

Русский язык и культура в зеркале перевода

Юбилейная международная научная конференция

г. Салоники (Греция)
08-12 июля 2021

Материалы конференции

Издательство Московского университета
2021

УДК 81'25:008
ББК 81-7:71.0
P89

Русский язык и культура в зеркале перевода: Юбилейная международная научная конференция; Материалы конференции. – М.: Издательство Московского университета, 2021. – 560 с.

Рецензент: профессор, член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения, член Союза журналистов Москвы Вьюнов Ю.А.
ISBN 978-5-19-011541-3 (e-book)

В сборник включены материалы докладов, представленных на Юбилейной международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода». В опубликованных докладах освещаются различные аспекты общей теории, истории, методологии и дидактики перевода, а также теории художественного перевода. Ряд выступлений посвящен творчеству Ф.М. Достоевского и критическому анализу переводов его произведений на разные языки мира (к 200-летию со дня рождения). Традиционно в докладах рассматриваются также вопросы преподавания русского языка как иностранного и сравнительной культурологии. Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики и сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

Материалы сборника будут, несомненно, полезны для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кому близка данная тематика.

Ключевые слова: теория и методология перевода, художественный перевод, творчество Ф.М. Достоевского, сравнительная культурология, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный.

УДК 81'25:008
ББК 81-7:71.0

Russian Language and Culture Reflected in Translation: Proceedings of the Anniversary International Scientific conference – Moscow: Moscow University Press, 2021. – 560 p.

Reviewer: professor, associate member of the International Slavic Institute, member of the Union of Journalists of Moscow Vyunov Yury.

The compilation includes materials of the reports presented at the Anniversary International Scientific conference “Russian Language and Culture Reflected in Translation”.

The published reports touch on various aspects of the general theory, history, methodology, translation didactics as well as the theory of literary translation. A number of presentations is focused on the work of Fyodor Dostoevsky and the critical analysis of existing translations of his books into different languages (dedicated to the 200th anniversary of his birth). Traditionally, reports also examine the aspects of teaching Russian as a foreign language and comparative culturology.

This compilation is of interest to the researchers studying technique and practice of teaching Russian as a foreign language, theory, methodology and translation didactics, contrastive linguistics and literary criticism, culturology and intercultural communication.

The compilation materials will be undoubtedly of use to teachers, postgraduates, students and anyone related to the subject.

Key words: theory and methodology of translation, literary translation, the work of Fyodor Dostoevsky, contrastive linguistics, intercultural communication, Russian as a foreign language.

ISBN 978-5-19-011541-3 (e-book)

© Коллектив авторов, 2021

© Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021

ПЕРЕВОД В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

<i>Баева М.П.</i> Перевод древнерусских лексем с неясным значением на материале китайских переводов «Слова о полку Игореве».....	7
<i>Буйлов В.В.</i> Изменение семантики и валентности слов в контексте прозы Андрея Платонова и ее перевода на английский язык.....	16
<i>Губайдуллина А.Н.</i> Особенности перевода и семиотика паратекста в серии социально-политических книг для детей libros para mañana («Книги завтрашнего дня»).....	33
<i>Есакова М.Н., Леоненкова Е.Д.</i> Асимметрия в обозначения количества в переводе (на материале переводов произведений М.А. Булгакова на французский и английский языки).....	42
<i>Зигмантович Д.С.</i> Воздействие просодических и лексических особенностей оформления речей политиками на устный синхронный перевод: экспериментальное исследование....	53
<i>Кобозева И.М.</i> Перевод жестовых номинаций: опыт корпусного исследования.....	65
<i>Крюкова Е.В.</i> Палимпсестное имя как переводческая проблема (на материале произведений Т. Пратчетта).....	75
<i>Лю Байвэй.</i> Метод русского перевода конструкции «把/ба» на примере произведения «Сон в красном тереме».....	85
<i>Манерко Л.А.</i> Концептуальная метафора в англоязычном научном дискурсе и ее отражение в переводе.....	97
<i>Нургали К.Р., Тернавская М.М.</i> Феномен «этнокультурные маркёры» в теории перевода прозаических произведений.....	104
<i>Сафонова В.В.</i> Евро-атлантические форматы международной научной коммуникации как актуальная область исследования в дидактике перевода для аспирантов-гуманитариев..	111
<i>Серикова А.В.</i> Переводчик: исследователь и организатор.....	123
<i>Серкова С.Е.</i> Обучение синхронному переводу с помощью цифровых платформ.....	133
<i>Соколова Е.Н.</i> Колористическая лексика в оригинальном и переводном текстах романа Р. Брэдли «451° по Фаренгейту».....	140
<i>Трубина О.Б.</i> О переводческой норме и жаргонной переводческой рецепции.....	153
<i>Чович Б.</i> Как мы переводили Сергея Есенина (от перевода к рецепции и литературным связям).....	162
<i>Чович Л.И.</i> Эргонимы с русскими реалиями в Сербии и Республике Сербской и способы их передачи на сербский язык.....	172
<i>Шебаршина Д.Ю.</i> Комплексные трансформации в переводе.....	181

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ

<i>Басова М.В.</i> Дисциплина «Деловой этикет» в иноязычной аудитории.....	190
<i>Есакова М.Н., Селезнева А.И.</i> Память как основа личностной компетенции переводчика.....	203
<i>Зеленова А.А.</i> Проявление категории одушевленности / неодушевленности на лексическом и синтаксическом уровнях в русском и китайском языках.....	214
<i>Калита О.Н.</i> Методика как наука в учебном пособии по курсу «Русский язык как иностранный» для греческих студентов-филологов.....	226
<i>Кротова Т.А., Новикова В.В.</i> Использование функционала СДО при комплексной подготовке к ТРКИ-1 (из опыта разработки онлайн-курса).....	233
<i>Криворотова Э.В.</i> Развитие лингвистического мышления обучаемых как условие успешности межкультурной коммуникации.....	242
<i>Кульгавчук М.В.</i> «Государственный человек» на уроке РКИ: лингвокультурологический аспект.....	251
<i>Лесневская Д.С.</i> Формирование экологической культуры в обучении русскому языку как инославянскому.....	260
<i>Литвинова Г.М., Щеголькова И.М.</i> Опыт создания мобильного тренажера для начинающих изучать русский язык как иностранный.....	268
<i>Мелехова Л.М.</i> Новое обучающее пространство – виртуальная экскурсия.....	277
<i>Садыгова А.А.</i> Виды речевой деятельности в обучении РКИ.....	286
<i>Скляренко К.С.</i> Методы формирования навыков функционального чтения в учебнике русского языка для 5 класса.....	293
<i>Шоканова Р.</i> Новые подходы к организации обучения русскому языку в Казахстане: методы и технологии, программы и планирование, контроль и тестирование.....	303

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Амириди С.Г.</i> Эпоха коронавируса в зеркале языка: употребление новой лексики в русском и греческом языках (на материале средств массовой коммуникации, социальных сетей и разговорной речи).....	314
<i>Го Чуньянь.</i> Преподавание русского перевода на фоне культурных различий между Китаем и Россией.....	332
<i>Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н.</i> «Кликбейт» как новая форма привлечения внимания читателя.....	341
<i>Ковалева К.Н.</i> Современный бизнес-сленг: баг или фича?.....	350

<i>Потапова А.М.</i> Эллинистическая эпиграмма: перевод и рецепция жанра в русской литературе в первой трети XIX века.....	358
<i>Пхитиков Х.М.</i> Артефакты Древней Кабарды сквозь призму времени.....	368
<i>Тарасенко Т.В., Разумовская В.А.</i> Юмор и его культурная специфика (на материале китайских анекдотов).....	376
<i>Тихов Т., Вълчева-Тихова К.</i> Святой Иоанн Рыльский Чудотворец, покровитель Болгарии.....	384
<i>Усачева О.Ю.</i> О некоторых вопросах речевой культуры в современной языковой ситуации.....	390
<i>Шатиц Ю.Л.</i> Нетипичные случаи локализации по вертикали в сербском языке в зеркале русского.....	398
<i>Шмелев А.Д.</i> Русские слова со значением тревоги в зеркале перевода.....	410

**ПРОЗА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В МИРОВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)**

<i>Алексидзе М.Д., Гурули Л.М.</i> Особенности передачи повторов как средства выражения экспрессивности (на материале перевода романа Ф.М. Достоевского «Идиот» на грузинский язык).....	422
<i>Анастасьева И.Л.</i> Мотив козла отпущения в творчестве Ф.М. Достоевского.....	435
<i>Артемьева Ю.В., Явари Ю.В.</i> Интерпретация русских реалий в переводах произведений Ф.М. Достоевского.....	443
<i>Борис Л.А.</i> Неожиданный Достоевский: развитие образа и идей писателя на рубеже тысячелетий.....	451
<i>Клюшина А.М.</i> Вербальная репрезентация функционально-семантической категории крайности в образе Дмитрия Карамазова.....	462
<i>Ковалевич Е.П., Томашева И.В., Чернова Л.В.</i> Реализация категории эмотивности в рассказах Ф.М. Достоевского: переводы на английский и испанский языки.....	473
<i>Кольовски А.А.</i> Роль «метода мелких наблюдений» в раскрытии образов героев Достоевского.....	483
<i>Конюхова Е.С., Лыткина О.И.</i> Цветовая палитра в романе «Бедные люди» и повести «Белые ночи».....	491
<i>Мешкова Е.М.</i> Некоторые особенности дискурса Ф.М. Достоевского в переводах на английский язык.....	500
<i>Миронова Н.Н.</i> «Черный бриллиант» русской литературы: рецепция и переводы (к 200-летию Ф.М. Достоевского).....	508

<i>Мишкуров Э.Н.</i> Ф.М. Достоевский – человек, писатель-философ, публицист, переводчик: Pro Et Contra.....	515
<i>Тилекова Н.Д., Адинаев Ш.</i> Социально-психологический анализ творчеств Ф.М. Достоевского и Ч.Т. Айтматова.....	527
<i>Турдубаева Н.Ш.</i> Произведения Ф.М. Достоевского в переводах на киргизский язык....	534
<i>Хуснулина Р.Р.</i> Ф.М. Достоевский и английские писатели-«традиционалисты» начала XX века: диалог.....	541
<i>Шестакова Н.Н.</i> Великие таланты стремятся друг к другу: Достоевский и Висконти «Белые ночи».....	550

ПЕРЕВОД В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Баева Мария Павловна

Московский государственный областной университет
г. Москва (Россия)

Baeva Maria

Moscow Region State University
Moscow (Russia)

ПЕРЕВОД ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕКСЕМ С НЕЯСНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

TRANSLATING THE OLD RUSSIAN LEXEMES OF OBSCURE MEANING (ON THE BASE OF CHINESE TRANSLATIONS OF “THE TALE OF IGOR’S CAMPAIGN”)

Статья посвящена проблеме перевода древнерусских лексем с неясным значением на китайский язык. В статье приводятся существующие этимологические гипотезы происхождения некоторых лексем. Изучение фрагментов литературных памятников, включающих подобные лексемы, приводит к появлению новых версий прочтения оригинала, что неизбежно влечёт внесение поправок в существующие переводы. Для установления точного прочтения фрагмента, включающего лексему с неясным значением, обычно сопоставляются несколько случаев употребления данной лексемы в разных текстах, при этом предпочтение отдаётся более ранним текстам. Однако в «Слове о полку Игоре» существует огромное количество словообразований, лексические аналоги которых не обнаруживаются в ранних дошедших до нас литературных памятниках XII в., а встречаются лишь начиная с XV в. Цель данной статьи заключается в анализе степени адекватности подобранных эквивалентов в китайских переводах. Материалом данного исследования явились два перевода «Слова о полку Игоре» на китайский язык: 1) 《伊戈尔远征记》 Вэй Хуанну (魏荒弩) и 2) 《伊戈尔出征记》 Ли Сиинь (李锡胤).

The article reviews the problem of translating the Old Russian lexemes of “The Tale of Igor’s Campaign” into the Chinese language. The article also presents etymological hypotheses which can clarify their meaning. The study of such lexemes leads to appearance of new interpretations and new emendations of the existing translations. For determining a precise meaning, one should compare several contexts in which a lexeme was used, preference is given to earlier texts. However, “The Tale of Igor’s Campaign” contains the great number of lexemes with no lexical analogues in texts of XII century, we can find their analogues in texts since XV century. The main aim is to examine the adequacy of several lexemes and their equivalents. The author of this article analyses two Chinese translations: 1) 《伊戈尔远征记》 by Wei Huangnu (魏荒弩) and 2) 《伊戈尔出征记》 by Li Xiying (李锡胤).

Ключевые слова: лексема, гапакс, «Слово о полку Игоре», этимология.

Key words: lexeme, hapax, “The Tale of Igor’s Campaign”, etymology.

Впервые в китайском литературоведении «Слово о полку Игоре» упоминается в 1917 г. в книге «История европейской литературы» [欧洲文学史], составленной Чжоу Цзожэнем (周作人) после прочтения одноименного курса лекций в Пекинском университете. В книге приводится справка, краткое содержание и перевод небольшого фрагмента. В 1921 г. Цюй Цюбо (瞿秋白), китайский публицист и литературный критик, пишет обзорную статью для «十月革命前的俄罗斯文学». Несмотря на многочисленные

упоминания произведения в очерках и энциклопедических статьях (в «小说月报» 1921 г., в «俄国文学史略» 1924 г., в «红豆» 1934 г., «俄国文学史» 1954 г. [左少兴, 2010, с. 13]), первый полный перевод был опубликован лишь в 1957 г. Переводчик Шао Чжэнь (绍珍), более известный под псевдонимом Вэй Хуанну (魏荒弩), при работе использовал тексты-посредники: перевод Д. С. Лихачёва и один из ранних английских переводов. С внесенными г-ном Вэйем поправками перевод переиздавался 4 раза: в 1983, 1991, 2000, 2019 гг.

В 1991 г. Ли Сиинь, профессор Хэйлунцзянского университета, создаёт полный перевод с оригинального древнерусского текста. Данное издание предназначалось для внутреннего пользования, впервые перевод официально был опубликован в 1999 г. в книге «世界英雄史诗译丛», включающей также переводы других поэм: «Беовульф», «Песнь о Роланде», «Песнь о Сиде». В 2003 г. выходит билингвальное издание перевода.

Особую трудность при переводе древнерусских произведений на иностранные языки представляют лексемы с неясным значением, большое количество которых насчитывается в тексте «Слова о полку Игореве». Одиночные лексемы, употребление которых зафиксировано только в одном литературном памятнике, принято называть гапаксами (от греч. *hapax legomena*). В случае со «Словом о полку Игореве» лексемы могут встречаться в тех же контекстах еще и в «Задонщине» по причине несомненной взаимосвязи двух памятников. Существуют также малоупотребительные лексемы, словообразовательные аналоги которых обнаруживаются в других текстах, однако их значения по-прежнему остаются неочевидными, в связи с чем трактовка фрагментов, содержащих такие единицы, носит гипотетический характер. Цель данной статьи заключается в сопоставлении возможных значений некоторых гапаксов, редких лексем и в анализе степени адекватности подобранных китайскими переводчиками эквивалентов.

В строке «тѣй *клюками* подпрѣся о кони, и скочи къ граду Киеву» (курсив мой – М.Б.), говорится о том, как Всеслав Полоцкий стал киевским князем. Под «клюками» долгое время понимались разные материальные предметы, которые имели вид трости, крюка или палки с загнутым концом или иной согнутой частью. По одной из версий раненный Всеслав не мог сесть на лошадь без помощи костылей: «опираясь ходулями» (Л.А. Мей), «опершись въ предѣлы свои костылями» (А. Вельтман). Н.М. Павлов предполагал, что в данной строке переписчик допустил ошибку, и вместо оригинального «клюками» в тексте должно быть «колками» [Павлов, 1902, с. 22], т.е. вонзив в коня *шпоры* (перевод мой – М.Б.), отсюда в переводе Э.Я. Гребневой «коня пришпорив»

[Гребнева, 2000]. В словаре И.И. Срезневского находим следующее производное значение данного существительного: «хитрость, обман» [Срезневский, 1893, с. 1230].

Напомним, что киевляне предъявили Изяславу требование предоставить им оружие и коней, в результате чего началось восстание. Всеслав Полоцкий мог воспользоваться этой неблагоприятной внутренней ситуацией с целью захвата власти в городе. Отметим, однако, что такое прочтение сложно принять безоговорочно, учитывая существующие синтаксические нормы. Несмотря на возникающую синтаксическую ошибку как в китайских, так и в большинстве современных переводов используется именно эта версия. Ли Сиинь перевел фрагмент следующим образом: «他利用"战马"纠纷窃据基辅» [伊戈尔出征记, 2003, с. 60], т.е. занял Киев, воспользовавшись конфликтом из-за «боевых коней» (перевод мой – М.Б.). Вариант Вэй Хуанну более полный, в нём сохранен и глагол «подпрься» из оригинального словосочетания, и производное значение лексемы, при определенном прочтении можно заключить, что его перевод сочетает в себе обе версии трактовки значения данной лексемы: «他倚在马上施用诡计, 匆匆地驰向基辅城郭» [伊戈尔远征记, 2019], т.е., опираясь на коней, воспользовался коварным планом и помчался к городским стенам Киева (перевод мой – М.Б.).

Вопрос о значении лексемы «<в>/<б>ремя» (Таблица 1) всё ещё остается открытым.

Таблица 1

меча <в>ремены / <б>ремены чрезъ облаки [Слово о полку Игореве, 1981, с. 100]	
Вэй Хуанну	Ли Сиинь
把权势扩展到九霄云外 [伊戈尔远征记, 2019].	把大石弹抛入云霄 [伊戈尔出征记, 2003, с. 58].

Написание «время» встречается в Екатерининской копии, «бремя» – в выписках Н.М. Карамзина. В русских переводах Ярослав Галицкий метал «камень» (Р.О. Якобсон), «тягости» (В. Капнист), «тяжкие грузы» (М.Д. Деларю), «громады» (Л.А. Мей) и просто «камни» (К.Д. Бальмонт). Таким образом, лексема может иметь прямое значение – «снаряды». Буквального понимания придерживается и Ли Сиинь, в его переводе лексеме соответствует «大石弹», т.е. большие шидани, каменные ядра, которые могли служить снарядом для камнеметов, что упоминается в китайском трактате «Собрание наиболее

важных военных методов» 1044 г. [武经总要]. По мнению Д.С. Лихачева, в данной строке под «бременем» следует понимать «войска», в комментарии к своему переводу он пишет, что «Ярослав обычно посылал войска далеко за пределы своего княжества, не сопровождая их сам» [Слово о полку Игореве, 1982, с. 68]. Трактовка, предложенная Д.С. Лихачевым, является довольно распространенной среди переводчиков: «громады войск» (И.А. Новиков), «перебрасывал воинов» (А.Г. Степанова), «мечешь рати» (В. Гончаров). На наш взгляд, соответствие «权势», т.е. могущество, выбранное в первом китайском переводе, является своеобразным развитием данной версии с сохранением переносного значения.

Лексема «болонь» имеет разные эквиваленты в китайских переводах (см. Таблица 2):

Таблица 2

у Пльсьнска на болони [Слово о полку Игореве, 1981, с. 98]	
Вэй Хуанну	Ли Сиинь
在近郭有一座基雅尼森林 [伊戈尔远征记, 2019].	在普列斯纳河边的林子里 [伊戈尔出征记, 2003, с. 55].

Данная лексема встречается в «Повести временных лет» и, по-видимому, означает некое пространство около городских стен. В переводе Д.С. Лихачева половцы «зажгли предградье» около Киева (в ориг. «зажгоша болонье около града») [Повесть Временных лет], в своём переводе «Слова о полку Игореве» Д.С. Лихачев использует этот же эквивалент: «в предградье стоял лес Кияни» [Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»]. Такую трактовку мы можем наблюдать и в переводе Вэя Хуанну – 近郭, т.е. вблизи внешних стен города. Выбор Ли Сииня, 河边, т.е. на берегу, объясняется тем, что данная лексема гипотетически связывалась с местом, близким к воде: «низкий, заливаемый водой берег реки», «низменное поречье, покрытое травой» [Там же]. Подтверждение данному значению находится в рыльских отказных книгах XVII в., которые содержат сведения о локальной и общеупотребительной лексике того времени. В них встречается слово «болонье» в значении «заливной, поемный луг или подгорье» [Ващенко, 1982, с. 149]

Загадочное существо под названием «дивь» / «дивь» упоминается в «Слове о полку Игореве» два раза и является гапаксом. В русских переводах лексема в большинстве случаев сохраняется и передается как имя собственное. Однако общепринятого

толкования вышеупомянутых древнерусских лексем не существует, не ясным остаётся и животное, обозначаемое данной лексемой. В словаре В.И. Даля приводится следующее определение: «зловещая птица; вероятно пугач, филин» с добавлением «морское чудище» [Даль, 2000, с. 210]. Кроме филина или совы Див сравнивали и с другими птицами, например, с удою и журавлем. Д.Н. Дубенский с ссылкой на Л. Гая утверждал, что данный гапакс мог обозначать удода, поскольку в ряде славянских языков удою именуется «диб» [Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»]. Отметим, что проведение такой параллели не может быть оправдано с точки зрения этимологии. Л.А. Булаховский реконструировал праформу данного слова как *udodъ, приведя известные аналоги в славянских языках [Булаховский, 1948, с. 104], среди которых созвучного анализируемой нами лексеме не обнаруживается. Следует также добавить, что помимо сохранения исходной древнерусской лексемы нередко в соответствующих строках переводчики прибегают к вставкам. Приведем несколько примеров:

- добавление различных эпитетов: «черный Див» А.Н. Майков, «вражий див» К.Д. Бальмонт, «вѣщій Дивъ» Д.Д. Бохан;
- дефисное написание с добавочными характеристиками: «Дивь-Злокоба» Ф.Ф. Моисеев и В.Ф. Моисеева, «Див-кликун» А.А. Корниенко;
- переводческие вставки в скобках: «Див (древний бог)» Н.Ю. Бубнов.

Обобщая имеющиеся гипотезы, можно заключить, что Див – злой дух, предстающий в облике птицы, чье появление расценивается как дурное предзнаменование. В китайских переводах имеем следующие варианты (см. Таблица 3).

Таблица 3

Древнерусский текст	Вэй Хуанну	Ли Сиинь
дивъ кличетъ врѣху древа [Слово о полку Игореве, 1981, с. 93].	梟妖蓬松起羽毛[伊戈尔远征记, 2019].	妖梟挖掌起羽毛[伊戈尔出征记, 2003, с. 49].
уже врѣжеса дивъ на землю [Слово о полку Игореве, 1981, с. 99].	梟妖扑向了大地[伊戈尔远征记, 2019].	恶梟制服了大地[伊戈尔出征记, 2003, с. 56].

С точки зрения национально-культурной семантики выбор эквивалентов «梟妖» и «妖梟» с вариантом «恶梟» представляется удачным. В китайской культуре существительное имеет дополнительное коннотативное значение, основанное на культурно-исторических ассоциациях и в отличие от славянской традиции, где данный образ не лишен положительной коннотации (сова как символ мудрости), в китайской культуре её образ преимущественно отрицательный. Так, в древнекитайском трактате «Книга гор и морей» содержится описание мифической географии Китая, соседних

территорий и обитающих там существ. Среди них упоминается паосяо, загадочное создание, пожирающее людей, чей крик напоминает совиный [山海经, 2012]. Паосяо (狢鴞) дословно «косуля-сова») – мифическое существо, воплотившее в себе три образа: когти и зубы тигра, тело барана, лицо человека, при этом глаза находятся чуть ниже подмышечных впадин и имеют способность видеть в темноте, что также сближает существо с филином или совой.

Также известно существо под названием «梟獍» – мифическая сова, которая выклевала глаза у вскормившей её матери [百度百科, 2021]. В настоящее время так образно называют непочтительных детей и неблагодарных людей.

Существительные «сова / филин» с негативной коннотативной окраской нередко используются в идиомах и устойчивых сравнениях:

- 梟鸞 - филин и феникс [БКРС] (образно в значении «негодяй и совершенный человек»);
- 狐唱梟和 – лиса и сова поют вместе [Там же] (образно в значении «два плохих человека действуют согласованно»).

Крик совы или филина в китайской культуре считается недобрым знаком, предвестником смерти [吴国华, 1996, с. 112], что нашло отражение в прикладном искусстве: на жертвенных сосудах для вина часто изображалась сова. В «诗经» («Книга песен») находим строки, которые подтверждают негативный образ птицы и связь с загробным миром: «墓门有梅，有鴞萃止；鴞鴞鴞鴞，既取我子，无毁我室» [诗经].

Вопрос о толковании слова «орьтма» до сих пор остается спорным. В переводах на современный русский язык существует огромное количество эквивалентов, настолько разных, что их нельзя включить в одно семантическое поле. Среди них «покрывала», «охабни», «войлок», «попоны», «плащи», «намёты», «кафтаны», «шубы», «шатры», «накидки», «бурки», «покровы» и «покрывала», «тулупы», «ковры», «саквы». «Охабни» (выбор первых переводчиков) и все варианты, которые можно объединить доминантой «одежда», объясняются контекстом. При упоминании трёх предметов, два из которых плащи и козухи, логичным представляется под орьтмами понимать название верхней одежды. Отметим, что вариант сохранения или несущественного изменения лексемы также присутствует среди эквивалентов: «орьтмы», «ортмы», «орницы-покрывала», «оршмы». При выборе эквивалента некоторые переводчики пытались установить

возможные этимологические параллели в других языках. И.И. Срезневский предлагал связать древнерусское существительное с болгарским диалектизмом «фортома» или «ортома», т.е. «толстая веревка» [Срезневский, 1902, с. 712]. Версию «покрывало, накидка» в настоящее время принимает большинство переводчиков, в том числе и Вэй Хуанну: «被单» [伊戈尔远征记, 2019], т.е. покрывало / простыня. Ли Сиинь выбрал эквивалент «车帷» [伊戈尔出征记, 2003, с. 50], т.е. боковая штора / занавеска в экипаже. На наш взгляд, такой выбор трудно обосновать, принимая во внимание и контекст, и существующие этимологические гипотезы.

Строка «вльци грозу въсрожать по яругамъ» [Слово о полку Игореве, 1981, с. 93] представляет трудность при переводе из-за неясности значения древнерусского глагола «въсрожать», который считается результатом искажения другого слова. Среди возможных версий правильного прочтения следующие: «върожать» И. Снегирёв и похожий вариант «ворожать» Ф.Е. Корш, т.е. «предвещают», «въгрожать» В.Ф. Миллер, т.е. «нагоняют», «въсрошают» (А.А. Потебня, Д.С. Лихачёв), т.е. «възьерошивают». В русских переводах у данного глагола множество эквивалентов. Перечислим лишь некоторые из них: «нагоняют» Н.А. Мещерский и А.А. Бурькин, «умножают» Я. Пожарский, «накликают» Д.С. Лихачёв, С.В. Шервинский, В.И. Стеллецкий, Е.А. Евтушенко, «ворожат» Л.А. Мей, «ждут» М.Д. Деларю, «манят» Г.П. Шторм, «бередят» А.Ю. Чернов, «возбуждают» Ю.А. Косирати, «сторожат» Г.П. Павский, А. Комлев, «хоронятся» Н. Гутгарц, «крадутся» В.В. Суханов. Вэй Хуанну перевёл фразу следующим образом: «**噪**起了雷雨» [伊戈尔远征记, 2019], т.е. призывают воем грозу (перевод мой – М.Б.). Ли Сиинь опустил существительное, в его переводе волки просто воют: «狼群在谷里低**噪**» [伊戈尔出征记, 2003, с. 49]. Существительное «гроза» здесь используется в старом значении. Основным значением древнерусского существительного было «ужас, страх» [Срезневский, 1893, с. 596], его вторичное значение «явление природы» стало главным в современном языке. Необходимо упомянуть, что Цзо Шаосин (左少兴) в своей статье, посвящённой краткому анализу перевода Ли Сииня, предлагал другой вариант: «狼群在山谷中告知危险将至» [左少兴, 2010, с. 94], т.е. предупреждают о грядущей опасности (перевод мой – М.Б.), что является более удачным переводом.

Подводя итог, отметим высокое качество проанализированных нами переводных текстов. При подборе эквивалентов для некоторых лексем с неясным значением и гапаксов переводчики опирались на ранние и более распространенные толкования. Также

следует добавить, что при переводе рекомендуется учитывать не только существующие этимологические гипотезы, но и архаичные значения других слов, используемых в одном предложении с анализируемыми лексическими единицами.

Список литературы:

- Булаховский Л.А.* Общеславянские названия птиц / Л.А.Булаховский // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. VII. Вып. 2. С. 97–125.
- Ващенко Т.Ф.* Некоторые данные о составе лексики отказных книг // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982. С. 147–157.
- Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. 736 с.
- Павлов Н.М.* Слово о полку Игореве: (Заметки об исследованиях памятника и переложение на соврем. яз.). М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев, 1902. 58 с.
- Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. М.: Просвещение, 1982. 176 с.
- Слово о полку Игореве: древнерусский текст и переводы / сост., вступит. статья и коммент. В. И. Стеллецкого, под ред. Ф. П. Филина, М.: Советская Россия, 1981. 288 с.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Типография Императорской Академии наук. Т. 1, 1893. 1420 с.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Типография Императорской Академии наук. Т. 2, 1902. 1802 с.
- 王人法 《伊戈尔远征记》应译为《伊戈尔卫队记》 / 王人法 // 安康师大学报. 陕西安康: 安康, 1999. Vol. 11. №2. P. 13–15.
- 吴国华 文化词汇学. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1996. 330页.
- 伊戈尔出征记. 古俄语-汉语对照. 译者: 李锡胤. 北京: 商务印书馆, 2003. 182页.
- 左少兴 《伊戈尔出征记》翻译琐事 / 左少兴 // 俄语语言文学研究. 北京: 北京大学外国语学院, 2010. №3. P. 90–95.

References:

- Bulakhovskii L.A.* Obshcheshlavyanskije nazvaniya ptits / L.A. Bulakhovskii // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. 1948. Vol. VII. №2. P. 97–125. (In Russian).
- Dal' V.I.* Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya. M.: Izd-vo EHKSMO-Press, Izd-vo EHKSMO-MARKET, 2000. 736 p. (In Russian).
- Pavlov N.M.* Slovo o polku Igoreve : (Zametki ob issledovaniyakh pamyatnika i perelozhenie na sovrem. yaz.). M.: tipo-lit. t-va I.N. Kushnerov, 1902. 58 p. (In Russian).
- Slovo o polku Igoreve. Istoriko-literaturnyi ocherk. M.: Prosveshchenie, 1982. 176 p. (In Russian).
- Slovo o polku Igoreve: drevnerusskii tekst i perevody / sost., vstupit. stat'ya i komment. V. I. Stellets'kogo, pod red. F. P. Filina, M.: Sovetskaya Rossiya, 1981. 288 p. (In Russian).
- Sreznevskii I.I.* Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 1, 1893. 1420 p. (In Russian).
- Sreznevskii I.I.* Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 2, 1902. 1802 p. (In Russian).
- Vashchenko T.F.* Nekotorye dannye o sostave leksiki otkaznykh knig // Istoriya russkogo yazyka. Pamyatniki XI–XVIII vv. M., 1982. P. 147–157. (In Russian).
- Wang Renfa “Yige'er yuanchengji” yingyiwei “Yige'er weiduiji” / Wang Renfa // Ankangshidaxuebao. Shaanxi Ankang: Ankang, 1999. Vol. 11. № 2. P. 13–15.
- Wu Guohua Wenhua cihuixue. Ha'erbin: Heilongjiang renmin chubanshe, 1996. 330 p.
- Yige'er chuzhengji. Gu eyu - hanyu duizhao. Yizhe: Li Xiyin. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2003. 182 p.
- Zuo Shaoxing “Yige'er chuzhengji” fanyi suoshi / Zuo Shaoxing // eyu yuyan wenxue yanjiu. Beijing: Beijing daxue waiguoyu xueyuan, 2010. № 3. P. 90–95.

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET)

Бабкин Д.С. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/cgi-bin/trans.py?it=b6>.

БКРС. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bkrs.info>.

Гребнева Э.Я. «Слово о полку Игореве» в славянском контексте [Электронный ресурс] / Публикация А.А. Гребнева и Л.А. Гребневой. Самара: Изд-во СамГПУ, 2000. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/cgi-bin/trans.py?it=bu>.

Повесть Временных лет в переводе Д.С. Лихачева, [Электронный ресурс] 2001. – Режим доступа: <http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/povest.txt>.

Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: В 6 выпусках [Электронный ресурс] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Ин-т рус. яз; Под ред. Б.Л. Богородского, Д.С. Лихачева, О.В. Творогова; Сост. В.Л. Виноградова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965—1984. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/>.

Оу Zhou wenxueshi [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bedu.com/read-19931.html>.

Shanghaijing. Guoxue [Электронный ресурс], 2012. – Режим доступа: <http://www.guoxue.com/?book=shanghaijing>.

Shijing. Gushi wenwang [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://so.gushiwen.cn/gushi/shijing.aspx>.

Wujingzongyao. Zhongguo zhaxue shudian zihua jihua [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=817018&remap=gb>.

Baidu. Baike: Qiaojing [Электронный ресурс], 2021. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/泉境>.

Yige'er yuanzhengji. Zhongguo fanyijia yicong [Электронный ресурс]. Yizhe: Wei Huangnu. Renmin wenxue chubanshe, 2019. – Режим доступа: <https://read.douban.com/reader/ebook/131971210/>.

Babkin D.S. «Slovo o polku Igoreve» v perevode V. V. Kapnista [Electronic resource] (In Russian) – Available at: <http://nevmenandr.net/cgi-bin/trans.py?it=b6>.

BKRS. Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' [Electronic resource] (In Russian) – Available at: <https://bkrs.info>.

Povest' Vremennykh let v perevode D.S. Likhacheva [Electronic resource] 2001. (In Russian) – Available at: <http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/povest.txt>.

Grebneva E.Ya. «Slovo o polku Igoreve» v slavyanskom kontekste [Electronic resource] / Publikaciya A.A. Grebneva, L.A. Grebnevoj. Samara: Izd-vo SaMGPU, 2000. (In Russian) – Available at: <http://nevmenandr.net/cgi-bin/trans.py?it=bu>.

Slovar'-spravochnik «Slova o polku Igoreve»: V 6 vypuskakh [Electronic resource] / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom); In-t rus. yaz; Pod red. B.L. Bogorodskogo, D.S. Likhacheva, O.V. Tvorogova; Sost. V.L. Vinogradova. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1965—1984. (In Russian) – Available at: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/>.

Ouzhou wenxueshi [Electronic resource] – Available at: <http://www.bedu.com/read-19931.html>.

Shanghaijing. Guoxue [Electronic resource], 2012. – Available at: <http://www.guoxue.com/?book=shanghaijing>.

Shijing. Gushi wenwang [Electronic resource]. – Available at: <https://so.gushiwen.cn/gushi/shijing.aspx>.

Wujingzongyao. Zhongguo zhaxue shudian zihua jihua [Electronic resource]. – Available at: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=817018&remap=gb>.

Baidu. Baike: XIAOJING [Electronic resource], 2021. – Available at: <https://baike.baidu.com/item/泉境>.

Yige'er yuanzhengji. Zhongguo fanyijia yicong [Electronic resource]. Yizhe: Wei Huangnu. Renmin wenxue chubanshe, 2019. – Available at: <https://read.douban.com/reader/ebook/131971210/>.

Буйлов Василий Витальевич
Университет Восточной Финляндии
г. Йюэнсуу (Финляндия)

Bouilov Vassili
University of Eastern Finland (UEF)
Joensuu (Finland)

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ И ВАЛЕНТНОСТИ СЛОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОЗЫ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА И ЕЕ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

THE ALTERATION OF WORD SEMANTICS AND VALENCY IN THE CONTEXT OF ANDREI PLATONOV'S PROSE AND ITS ENGLISH TRANSLATION

Андрей Платонов в своей повести «Котлован» преднамеренно вводит в текст множество радикальных семантических и синтаксических деформаций. Степень готовности воспринимать и понимать прозаический текст Платонова во многом зависит от общей эрудиции читателя, от уровня его эмоциональности, от степени его включенности в особый, недоступный для поверхностного восприятия мир Платонова. Известный литературный переводчик Томас Уитни в попытке найти в английском языке точные денотативные значения слов и выражений исходного текста также часто прибегает к нарушению норм английского языка, удачно реконструируя и воссоздавая в переводе элементы платоновского идиостиля. Во многих случаях такая реконструкция позволяет ему воспроизводить в своём переводе частичный эффект платоновского «нарушенного языка». При этом как Платонов, намеренно нарушающий нормы русского языка, Уитни в своём переводе тоже часто отказывается от соблюдения норм английского языка и добровольно подчиняет себя языковым и онтологическим принципам и конвенциям Андрея Платонова.

Andrei Platonov in his short novel "Foundation Pit" deliberately introduces into the text a lot of radical semantic and syntactic deformations. The degree of readiness to perceive the prosaic text of Platonov depends largely on the general erudition of readers, on the level of their emotionality, on the degree of their inclusion in the special world of Platonov, which is inaccessible to surface perception. The well-known literary translator Thomas Whitney in an attempt to find in the English language the exact denotative meanings of words and expressions of the source text also resorts to the violation of the norms of English language, reconstructing and recreating in translation the elements of Platonov's idiosyncrasy. In many cases, such reconstruction allows him to reproduce in his translation the partial effect of Platonov's "broken language". At the same time, as Platonov, who deliberately violates the norms of Russian language, Whitney in his translation also partly refuses to comply with the norms of English and voluntarily submits himself to the language, creative and ontological principles and conventions of Andrei Platonov.

Ключевые слова: идиостиль Андрея Платонова, платоновский «нарушенный язык», частичный отказ следовать нормам русского языка, коммуникативные интенции, лингвопереводоведческий анализ, валентность и лексическая сочетаемость, семантические и синтаксические деформации, сверхлинейные смыслы, переводческий имитирующий трансфер, метод рекреативного перевода, переводческие ошибки.

Key words: Andrei Platonov's Idiosyncrasy, Platonov's "broken language", a partial refusal to follow the norms of the Russian language, communicative intentions, lingua-translatological analysis, valency and lexical compatibility, semantic and syntactic deformations, superlinear meanings, translation imitative transfer, translation recreative method, translation errors.

Если рассматривать язык Андрея Платонова в самых основных его чертах, следует отметить, что в основе **платоновского творческого метода** лежит авторский прием неконвенциональной трансформации первичных, соответствующих языковой норме словосочетаний в результате как **общего изменения их семантики**, так и **расширения сочетаемости и валентности** входящих в них слов, приводящему к такому изменению

[Буйлов, 1996]. Такая особенность индивидуального стиля Платонова, связанная с извлечением сверхлинейных смыслов через сознательное расширение сочетательной способности слов вступать в синтаксические и лексическо-семантические связи с другими элементами, позволяет достигать изменения как общего, активного или пассивного, типа валентности используемых слов, так и изменения ее облигаторности, обязательного или факультативного ее характера.

Чтобы исследовать в этой статье проблемы перевода прозы Андрея Платонова, связанные непосредственно с общим изменением семантики слов и вызываемым этим расширением их сочетаемости и валентности, в качестве материала для подробного сопоставительного лингвопереводоведческого анализа нами были выбраны соответственно тексты повести Платонова «Котлован» [Платонов, 1988] и её перевода на английский язык под названием *The Foundation Pit*, осуществленного опытным американским литературным переводчиком-славистом **Томасом П. Уитни (Thomas P. Whitney)** [Platonov, 1973], проработавшим в Советском Союзе много лет в качестве корреспондента и известным, помимо всего прочего, такими своими публикациями, как две бесценные по своему значению антологии «Новая литература в России» (*The New Writing in Russia*, 1964) и «Молодые русские» (*The Young Russians*, 1972), а также сложнейшими по поставленным перед ними задачами переводами на английский язык романа А.И. Солженицына «В круге первом» (1968) и художественно-исторической эпопеи Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (1974).

Для перевода «Котлована», осуществлённого Томасом П. Уитни, показательным является то, что предисловие к его американской публикации «Котлован»/*The Foundation Pit* [Platonov, 1973] было написано Иосифом Бродским. Выдающийся поэт с мировым именем, ставший в 1987 году Лауреатом Нобелевской премии, в 1972 году после лишения гражданства СССР, насильственной высылки из родной страны и переезда в США в июле того же 1972 года, где он принял пост «приглашённого поэта» и начал преподавать в Мичиганском университете в городе Энн-Арбор, безоговорочно поддержал осуществление и издание в 1973 году в Издательском доме «Ардис Паблишинг»/ *Ardis Publishing, Michigan*¹ этого единственного на тот момент перевода «Котлована» на английский язык. Иосиф Бродский фактически стал идейным вдохновителем и духовным двигателем этого исторического литературного и переводческого проекта. Он не только всемерно поддерживал, но и самым активным образом участвовал в подготовке этого

---

¹ Ардис – «Ардис Паблишинг»/ *Ardis Publishing*. Известное американское издательство, специализирующееся на издании русской литературы на языке оригинала и в английском переводе.

двуязычного издания, включавшего в себя одновременно и текст оригинала, и текст английского перевода «Котлована».

В процессе нашего лингвопереводоведческого анализа исходного и целевого текстов повести были рассмотрены соответствующие части текстов на двух языках. У Платонова можно наблюдать окказиональные семантические расширения, сужения, переносы лексических значений слов, редукцию словосочетаний, что вызывает изменение категориальной семантики слов, их одушевленности-неодушевленности, конкретности-абстрактности, и значительно повышает образность его языка и художественного стиля. Так, например, в следующем фрагменте «Котлована» глагол наличия *существовать*² [1. Быть, наличествовать, иметься, иметь место. 2. чем и на что. Поддерживать свою жизнь] [Ожегов, 1990, с. 780], имеющий расширительное, концептуальное значение, поставлен Платоновым в ряд **однородных членов** с глаголом движения *ходить* [1. Движение, совершающееся не в одно время, не за один прием или не в одном направлении.] [там же, с. 862], обозначающим конкретное действие:

– Ты зачем здесь ходишь и существуешь? – спросил один, у которого от измождения слабо росла борода. [Платонов, 1988, с. 20]

«Why do you come here and exist?» one of them asked, the one whose beard grew sparsely because of exhaustion. [Platonov, 1973, с. 15]

В результате неконвенционального сведения этих различных по семантике слов и их семантического взаимовлияния глагол *существовать* получает семантическое сужение с актуализацией и буквализацией одного из своих вышеприведенных словарных значений «**поддерживать свою жизнь**» (см. выше одно из толкований этого слова по словарю Ожегова), сводя свое контекстуальное значение к обозначению физического процесса выживания несмотря ни на какие трудности.. Глагол *ходить*, напротив, обретает семантическое расширение, вносящее смысловую коннотацию «**жизненного пути, следования по жизни**». Преднамеренное соединение Платоновым в одном ряду этих разных по семантике глаголов создает эффект многомерности жизни и пространства, внося в текст особый платоновский философский пафос повествования.

Перевод Уитни частично соответствует нормам английского языка, хотя по-английски звучит немного странно и осуществляется как **вольно** при прагматически адаптированной передаче глагольной формы *ходишь* через словосочетание *come here*, так и **буквально** при передаче глагольной формы *существуешь* через ее прямой словарный эквивалент. Не исключено, что в контексте «Котлована» при данной нетипичной для

---

² Здесь и далее мы будем для удобства давать словарные толкования слов в квадратных скобках, а после них ссылку на источник уже в круглых скобках.

нормы комбинации английских слов с различной семантикой у читателей, носителей английского языка, могут возникнуть подобные же ассоциации, какие возникают у носителей русского языка при чтении оригинала.

Расширение семантики слов в языке Платонова происходит за счет разрушения первичных, соответствующих норме словосочетаний. В основном Платонов модифицирует лексическую сочетаемость, реже – грамматическую сочетаемость слов. Встречаются и комбинированные случаи. Платонов добивается объемного, многомерного видения фразы, отражающего полифоническую многомерность окружающего его мира. Частичный отказ следовать нормам русского литературного языка позволяет писателю расширить рамки традиционного словоупотребления и, благодаря образованию сверхлинейных смыслов, достичь более высокой степени экспрессивности слова и в целом повествования, что в итоге создает неповторимый индивидуальный стиль Андрея Платонова.

Авторский подход в «Котловане» допускает нарушение традиционной нормы соединения и сочетания друг с другом языковых единиц разного порядка. В основном Платонов модифицирует лексическую сочетаемость, реже – грамматическую (синтаксическую) сочетаемость слов. Встречаются и комбинированные случаи. И конечно, при рассмотрении таких авторских языковых преобразований следует разграничивать понятия сочетаемости и валентности. Существует значительное количество трактовок и разночтений этих двух понятий при общей констатации того факта, что **валентность является потенцией, а сочетаемость – реализацией этой потенции**. Конкретизируя это на примере глаголов, А.М. Мухин так определяет соотношение понятий сочетаемости и валентности:

«<...> сочетаемость и валентность глаголов взаимно дополняют друг друга, хотя первая определяется по отношению к лексемам, то есть единицам того же уровня языка, имеющим лексическую семантику, вторая же – по отношению к синтаксемам, наделенным синтаксической семантикой и являющимся единицами синтаксического уровня. Исследуя валентность глаголов, лингвист может установить, каким именно лексико-семантическим группам глаголов такая-то валентность более свойственна и каким менее свойственна или вовсе не свойственна. Поэтому показательной для лексической семантики глаголов может быть не только их сочетаемость, но и валентность, в которой отражаются факты взаимодействия лексических и синтаксических единиц, то есть лексем и синтаксем.» [Мухин, 1987, с. 29, 69]

Рассмотрение в «Котловане» возможных авторских расширений или сужений валентности должно проходить с учетом следующего фактора, о котором нам напоминает Н.В. Юдина:

«<...> следует различать валентность **языковую**, которая представляет собой **потенциальную** способность языковой единицы сочетаться с другими, и валентность **речевую**, которая не всегда может соответствовать этим потенциальным способностям сочетающихся языковых единиц и даже – более того – нарушать традиционные закономерности соединения, напр., оксюмороны).» [курсив автора выделен нами жирным шрифтом – В.Б.] [Юдина, 2006, с. 12]

Так, используемое в следующем фрагменте текста из «Котлована» наречие **навзничь** в обычном словоупотреблении допускает для себя ограниченную семантическую сочетаемость с глаголами вертикального движения с семантикой падения **падать-упасть-опрокинуться-откинуться навзничь** [ср. Опрокинувшись на спину, вверх лицом. *Упасть навзничь*] [Ожегов, 1990, с. 374]:

Она лежала сейчас навзничь <...> [Платонов, 1988, с. 49]

She lay there this moment face up <...> [Platonov, 1973, с. 67]

При этом в данном фрагменте имеет место и взаимное окказиональное расширение лексической и семантической валентности глагола **лежать**, которое не способно в обычных условиях синтаксически связываться с наречием **навзничь**, лишенным соответствующего семантического признака лексически и не входящим в ограниченный ряд по норме сочетающихся с ним наречий, как, например, **лежать молча**. Употребление Платоновым глагола местоположения **лежать** и наречия **навзничь** в неконвенциональном сочетании **лежала навзничь** в микроконтексте описания смерти эксплицирует коннотацию не просто лежащего, но фатальной силой отброшенного, впечатанного, вдавленного в землю погибшего человека.

Перевод этого фрагмента Уитни соответствует нормам английского языка. Словосочетание **лежала навзничь** переведено **описательно** с применением метода **прагматической адаптации**: *She lay* <...> *face up* – *она лежала* <...> *лицом кверху*. Это приводит к значительному снижению первоначальной образности, связанному с полной потерей контекстуального коннотативно-семантического наполнения оригинала.

В другом примере из «Котлована» наблюдается расширение лексической сочетаемости наречия **пешком** [о способе передвижения на своих ногах. *Идти пешком*] [Ожегов, 1990, с. 515]. Согласно норме, наречие **пешком** может выступать в сочетании лишь с определенными глаголами движения как обозначение способа передвижения

идти-ходить-явиться-передвигаться-вернуться-подняться-спуститься-попасть-уйти-добраться пешком и т.д.:

<...> *медведь таскал этот камень пешком* <...> [Платонов, 1988, с. 97]

<...> *the bear was hauling this stone afoot* <...> [Platonov, 1973, с. 157]

Платонов в своем тексте допускает более избыточное в смысловом плане выражение, чем нормативное тавтологичное сочетание **идти пешком**. Это приводит к значительному **расширению лексико-семантической сочетаемости** наречия **пешком**, которое в платоновском условном контексте гипотетически способно было бы допустить свое участие в словосочетаниях типа **носить пешком, бежать пешком, гулять пешком, стоять пешком** и т.п. Это происходит одновременно и взаимообразно с окказиональным расширением лексико-семантической валентности глагола **таскать**, который в обычном языковом употреблении ограничен способностью вступать в словосочетания только со строго определенными наречиями, такими, например, как **бегом, ползком, голышом** и т.д.

При этом перевод Уитни не соответствует нормам английского языка. Подобно авторскому окказиональному словосочетанию **таскать что-то пешком** в оригинале, конструкция **to haul smth. afoot** звучит в предложении по-английски странно и одновременно смыслорасширяюще: **was hauling this stone afoot**. Это представляется удачным решением переводчика, образовавшего английский контекстуальный окказионализм с расширенным коннотативным полем по аналогии с окказиональным словосочетанием в русском подлиннике.

Представленное в следующем примере окказиональное употребление Андреем Платоновым глагола **побледнеть** в сочетании с существительным **тело** вызвано специфическим для его языка расширением лексико-семантической сочетаемости компонентов данной конструкции. В обычном «неплатоновском» языковом употреблении **побледнеть** у человека могут только **лицо** и **кожа** [Бледнеть – 1. Становиться бледным, бледнее. 2. перен., перед чем. Казаться неважным, незначительным в сравнении с чем-н.] [Ожегов, 1990, с. 56]:

Тело Вощева побледнело от усталости <...> [Платонов, 1988, с. 16]

Voshchev's body grew pale from fatigue <...> [Platonov, 1973, с. 5]

Употребление Платоновым существительного **тело** в сочетании с глаголом **побледнеть** в конструкции **тело побледнело** приводит к окказиональному расширению лексико-семантической сочетаемости и валентности рассматриваемых компонентов словосочетания. Прибегая к такому неконвенциональному расширению, гипотетически можно было бы сказать **побледнели руки-ноги, побледнела спина, побледнели плечи** и т. д. Художественное соединение двух рассматриваемых слов при указании причины такого

состояния *от усталости* используется писателем для создания образа смертельно уставшего, измотанного долгим путешествием и постоянными моральными переживаниями человека.

Дословный перевод Уитни этого фрагмента посредством калькирования соответствует нормам английского языка. Однако, в отличие от русского языка, аналитическая конструкция *to grow pale* имеет более широкую сочетаемость и вступает во многие синтаксические связи, которые исключены в русском языке для глагола *побледнеть*. Поэтому предложение *Voshchev's body grew pale from fatigue* звучит вполне приемлемо для носителей английского языка, не рождая никаких особых дополнительных контекстуальных коннотаций, адекватных коннотациям оригинала.

Художественно задействованный в следующем фрагменте глагол речи *бурчат* [разг. 1. Ворчать, ворчливо бормотать] [Ожегов, 1990, с. 69] имеет ограниченную лексическую сочетаемость. В обычном языковом употреблении он требует актант-распространителя, включающего в себя сему «звук»: *бурчат мелодию, бурчат песню, бурчат стихи, бурчат проклятия* и т.д. В случае с текстом «Котлована» у глагола *бурчат* наблюдается расширение его лексико-семантической валентности:

<...> *Жачев бурчал во сне свое беспокойство.* [Платонов, 1988, с. 95]

<...> *Zhachev kept mumbling his complaints in his sleep.* [Platonov, 1973, с. 154]

Согласно норме, отвлеченное существительное *беспокойство*, несущее семантику переживания, с глаголом речи *бурчат* лексически и семантически не сочетается. Такое «художественное» нарушение Платоновым нормы ведет к образованию коннотации звуковой предметности проявления *беспокойства*, явления лексически абстрактного. Платоновский персонаж буквально артикулирует «проговаривание наружу» своего беспокойства. В английском языке используемая Уитни аналитическая конструкция *to keep mumbling one's complaints* является нормативной. Перевод соответствует нормам английского языка и подобное переводческое решение ведет к потере присутствующей в оригинале коннотации.

В следующем примере Платонов искусно обыгрывает синонимическую оппозицию *роскошь – украшение*. Употребление существительного *роскошь* [1. Богатство, великолепие. 2. Излишества в комфорте, в удовольствиях. 3. Изобилие, природное богатство] [Ожегов 1990: 683] в контексте, связанном с будничной «полевой» обстановкой, способствует созданию яркого эмоционально-эстетического контраста, через который раскрывается красота, емкость и богатство многомерного ассоциативно-предметного пространства, созданного Платоновым в «Котловане»:

<...> *сварил картошек <...> посыпал сверху для роскоши укропом <...>* [Платонов, 1988, с. 26]

<...> *cooked up some potatoes, <...> poured on top of them for embellishment some dill <...>* [Platonov, 1973, с. 23]

Для перевода выбран вариант *embellishment*, предлагающий буквальную передачу значения, выражаемого существительным *украшение*, вторым компонентом рассматриваемой синонимической оппозиции *роскошь – украшение*. Перевод соответствует нормам английского языка. Словосочетание *poured on top of them for embellishment some dill* звучит в данном контексте поэтично, но не дает повода для образования новых платоновских коннотаций.

В следующем фрагменте текста Андрей Платонов обыгрывает присущее языковой норме и принятому в русскоязычном социуме узуальному употреблению глаголов *бурить/пробурить* и *сверлить/просверлить*. Употребление Платоновым глагола *пробурить* в контексте действия, производимого с деревянными *гробами*. В этой фразе гиперболическая контаминация построена на том, что *в дереве как материале* обычно не *бурят*, а *сверлят* отверстия. Употребление глагола *пробурить* [бурить – делая скважины, шпурь, сверлить, пробивать почву, горную породу] [Ожегов, 1990, с. 68] в данном контексте, при описании действия, производимого с *гробами*, рождает яркую сюрреалистическую коннотацию, поскольку *бурят* только скважины в горной породе или в определенных пластах земной поверхности:

<...> *он уже управился пробурить в гробовых изголовьях и подножьях отверстия <...>* [Платонов, 1988, с. 53]

<...> *he had already managed to drill holes into the heads and feet of the coffins <...>* [Platonov, 1973, с. 75]

Перевод Уитни соответствует нормам английского языка. Разница в семантике слов, входящих в оппозицию *пробурить-просверлить*, на которой строится платоновская игра слов, стирается при переводе на английский язык. Это объясняется тем, что и глагол *бурить*, и глагол *сверлить* переводятся глаголами *to bore* и *to drill*, каждый из которых обозначает в английском языке одновременно и *бурение*, и *сверление*. Поэтому использование в переводе глагола *to drill* отвечает нормам английского языка и исключает возможность воссоздания в переводном тексте требуемой оригиналом прагматической коннотации.

Ознакомившись с некоторыми примерами из текста «Котлована», раскрывающими сознательное изменение Платоновым лексической и семантической валентности и сочетаемости слов, переходим к рассмотрению относительно более редких для Платонова

случаев модифицирования **грамматической (синтаксической) валентности и сочетаемости**. При изменении **синтаксической валентности** платоновские синтактико-семантические трансформации приводят к изменению как общего, активного или пассивного, типа валентности используемых слов, так и к изменению ее облигаторности, обязательного или факультативного ее характера. В своем исследовании языка Платонова мы в целом придерживаемся следующей трактовки синтаксической валентности В.В. Морковкиным:

«Валентность слова – это такое свойство его содержательной стороны, которое позволяет ему иметь при себе определенный набор синтаксических позиций. Присловная синтаксическая позиция – закрепленная правилами языка возможность употребления вместе с данным словом ряда однотипно связанных с ним распространителей его значения.» [Морковкин, 1979, сс. 28, 130]

Так, например, в тексте «Котлована» Андрей Платонов художественно инициирует изменение синтаксической валентности глагола **гордиться**. Непереходный возвратный двухактантный одновалентный глагол эмоционального отношения **гордиться** [кем-чем. Испытывать гордость от чего-н. *Гордиться успехами. Гордиться сыном*] [Ожегов, 1990, с. 142] предполагает присутствие распространителя-актанта в творительном падеже. Одноактантное употребление этого глагола раздвигает границы его значения, привнося в семантику слова расширительное концептуально-поведенческое звучание:

– Тебе, бюрократ, рабочий человек одним пальцем должен приказывать, а ты гордишься! [Платонов, 1988, с. 15]

You bureaucrat! You ought to jump whenever a working man even raises his finger – but instead you act conceited! [Platonov, 1973, с. 4]

При полном соответствии перевода нормам английского языка, в результате использования Уитни нейтрального идиоматического выражения **to act conceited** в переводном тексте наблюдается исчезновение обобщающего, расширительного семантического наполнения, имеющегося в оригинале. Потеря образности вызвана разницей между сочетаемостью глагола **гордиться** в русском языке и сочетаемостью формы **to act conceited** в английском, где присутствие актанта-распространителя является факультативным. В связи с этим отсутствие актанта-распространителя в английском тексте не вызывает изменения его семантики, подразумеваемого оригиналом, прагматическая коннотация которого в переводе полностью снимается.

В следующем фрагменте двухактантный непереходный глагол мыслительной деятельности **сомневаться** [в ком-чем и с союзами «что» и «чтобы»]. Испытывать

сомнение относительно кого-чего-н.] [Ожегов, 1990, с. 745], согласно норме, требует распространителя в предложном падеже:

<...> *сомневался Воцев на ходу.* [Платонов, 1988, с. 20]

<...> *Voshchev mulled over his doubts as he walked about.* [Platonov, 1973, с. 13]

Платоновское окказиональное употребление глагола **сомневаться** без своего конвенционального актанта художественно формирует расширенную коннотацию обобщенного, концептуального, родового действия, не соотнесенного с направленностью на конкретные объекты и подразумевающего общефилософское видение мира. Уитни глагол **сомневаться** с расширенной платоновской коннотацией переводит **описательно** устойчивой идиомой *to mull over one's doubts*. Перевод соответствует нормам английского языка и в нем наблюдается потеря прагматической контекстуальной коннотации, присутствующей в оригинале.

В следующем примере из текста «Котлована» типовая семантическая роль пациенса существительного **огонь** заменяется семантикой агенса, которая обычно предполагает одушевленного участника и сознательного инициатора ситуации, который к тому же способен ее контролировать. Экспрессивная коннотация достигается Платоновым за счет замены понятийного содержания существительного **огонь** как предполагаемого пассивного участника, объекта воздействия, новым его ассоциативно-образным представлением. Обычно **дуют на огонь, а не огонь дует на кого-то** [дуть. – 2. Выпускать ртом сильную струю воздуха. *Дуть на свечку*] [Ожегов, 1990, с. 186]:

<...> *в горне горел дующий огонь, который поддерживал сам кузнец, лежа на земле и потягивая веревку мехом.* [Платонов, 1988, с. 86]

<...> *in the furnace burned a blast flame fanned by the smith himself, lying on the ground, pulling on the bellows' ropes.* [Platonov, 1973, с. 135]

В рассматриваемом предложении деепричастная форма глагола **потягивать** должна была бы иметь следующую диатезу: **кузнец** в качестве субъекта действия выступает в именительном падеже и занимает позицию подлежащего; **мех** как объект действия выступает в винительном падеже, занимая позицию прямого дополнения; **веревка** как инструмент действия выступает в творительном падеже, занимая позицию агентивного дополнения. Платонов же просто меняет местами объект и инструмент **потягивая веревку мехом** и пользуется этой подменой как стилистическим приемом. Этим писатель добивается беспрецедентного коннотативного расширения синтаксической и лексико-семантической валентности участвующих в данном «эксперименте» слов, еще более усиливая общее сюрреалистическое звучание всего предложения.

Перевод Уитни во всех этих акцентуированных в тексте Платонова моментах соответствует нормам английского языка. Английская атрибутивная конструкция *a blast flame* не передает специфического смысла, выражаемого атрибутивным сочетанием *дующий огонь*. **Ошибка переводчика** здесь состоит в том, что он не замечает или просто упускает имеющуюся в оригинале синтаксическую и смысловую перестановку в намеренно «перевернутой» автором конструкции *потягивая веревку мехом*, предлагая в переводе традиционную синтаксическую связь: *pulling on the bellows' ropes*. Естественно, из-за этого упущения суть прагматическо-коннотативного насыщения оригинала до англоязычного реципиента перевода не доходит.

Используемые в «Котловане» субстантивированные причастия *трудящийся* [Живущий заработком от своего труда. *Трудящиеся* (сущ.) *города и деревни*. *Власть трудящихся* (сущ;)] [Ожегов, 1990, с. 812] и *неимуций* [Не имеющий средств к существованию, нуждающийся] [там же, с. 404], деривированные с помощью словообразовательной модели семантического стяжения, в обычном употреблении выполняют функцию социально-идеологических слов-клише дореволюционной либерально-демократической мысли и советской политической риторики. Платонов возвращает их первоначальную причастную форму и атрибутивную функцию:

<...> *и разное другое снаряжение трудящегося, но неимущего тела*. [Платонов, 1988, с. 84]

<...> *and various other equipment of the working, yet propertyless, body*. [Platonov, 1973, с. 132]

Принимая свое прямое значение и актуализируя свою внутреннюю форму слова и первоначальную валентность, эти субстантивированные причастия обозначают в контексте этого отрывка из «Котлована» признак имени, связанный с действием и состоянием. Платонов удачно обыгрывает подобную «обратную» лексическую транспозицию, сталкивая «причастную» и «субстантивную» семантику данных слов и разрушая заезженные идеологические штампы через возвращение словам их прежней, буквальной семантической емкости.

Перевод соответствует нормам английского языка и осуществлен **буквально** для всего предложения и субстантивированного причастия *трудящийся* как *working* и **вольно** в случае с толкованием *неимуций* как *propertyless*. При этом коннотативно-семантический эффект, который присутствует в оригинале, в переводе утерян. Стилистически вся конструкция *the working, yet propertyless, body* звучит по-английски неестественно, что лишь отчасти решает проблему передачи и отражения в переводе коннотативно-имплицитного смысла платоновского нарушенного словоупотребления.

Все рассматриваемые нами случаи модифицирования Платоновым лексической и грамматической сочетаемости слов ведут к изменению их валентности и значительному расширению их семантики. В этой связи, естественно, особый интерес представляют комбинированные случаи, в которых представлены изменения обоих типов сочетаемости. Расширение сочетаемости слов у Платонова влияет на рост ассоциативного ряда при передаче системы авторской образности. Ю.И. Левин так определяет сущность и механизм языкового и творческого эксперимента Платонова, которым, по нашему представлению, можно считать «Котлован»:

«Происходит расширение, распахивание малого – в большое, частного – в общее, переход с поверхности вглубь или вишь (в Мир). <...> Эмпирическое приобретает метафизический и/или экзистенциальный статус, оказывается прямым выражением структуры Мира или Человеческого Существования. <...> Это трансцендирование осуществляется преимущественно путем расширения спектра валентностей слова или предложения <...>» [Левин, 1998, сс. 400-401, 412]

Подобным концентрированным абстрактно обобщенным сочетанием смыслов в следующем фрагменте из текста «Котлована» является, конечно, «высокое» словосочетание *тайна жизни*. Однако главным объектом нашего внимания в этом предложении является используемое здесь Платоновым словосочетание *осмысленный ребенок*. В результате намеренного нарушения Платоновым валентности прилагательного *осмысленный* наблюдается эмоциональная коннотация окказионального характера, дополняющая денотативное содержание данной языковой единицы ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии:

Здесь Воцев решил <...> рассказать осмысленному ребенку тайну жизни <...>
[Платонов, 1988, с. 17]

So here and there Voshchev decided to <...> tell the meaningful child the secret of life <...> [Platonov, 1973, с. 7]

Мотивированное глаголом качественное прилагательное *осмысленный* [Разумный, сознательный. *Осмысленный ответ. Ребенок уже смотрит осмысленно* (нареч.); сущ. *осмысленность*] [Ожегов, 1990, с. 461], благодаря скрытой в себе предикативности обычно вступает в сочетания только с отвлеченными существительными со значением отвлеченного процессуального признака *ответ, взгляд, действие, поведение*, тоже мотивированными глаголом и являющимися названиями отвлеченного действия [Лопатин, Лопатина, 1990, сс. 291, 462]. Прилагательное *осмысленный* имеет общий с этими существительными интегральный семантический признак «процесс» и в обычных

контекстах не может сочетаться с конкретным существительным со значением «невзрослости» **ребенок** [там же, с. 204]. На основе осознания внутренней формы наименования прилагательное **осмысленный** получает в платоновском тексте новую расширительную экспрессивную функцию, поскольку денотативное и коннотативное содержание языковой единицы вступают во взаимную связь: буквально – **ребенок, осмысленный изнутри, в своей внутренней сути**.

Перевод Уитни также не соответствует нормам английского языка. Можно утверждать, что здесь в переводе наблюдается ситуация, эквивалентная ситуации в тексте оригинала. И такое «неправильное» словосочетание, созданное в английском переводе **по аналогии с оригиналом**, рождает такие же поэтические и философские прагматические коннотации, которые имеются и в русском подлиннике.

Ю.И. Левин таким образом определяет способность к расширению валентности слов в тексте Андрея Платонова, широко реализуемой в изоморфизме различных уровней платоновского текста:

«Теперь можно сформулировать некий глобальный инвариант платоновского текста: всякий конкретный элемент стремится к расширению, установлению возможно более широкого круга связей с другими элементами – в частности и в особенности с элементами более «отвлеченного» плана, – а в пределе к конституированию себя в качестве неотъемлемой, необходимой и при этом уникальной части универсума как целого. На чисто грамматическом уровне этот инвариант реализуется, в частности, путем расширения круга валентностей слова и аграмматичного заполнения валентных связей, в специфическом сочетании конкретной и абстрактной лексики и т.д.» [Левин, 1998, с. 401]

В следующем примере, в сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным, поясняющим сказуемое в главной части, выраженное формой глагола сов. в., прош. вр., муж. р., ед. ч. **подошел**, в качестве средства подчинительной связи выступает подчинительно-изъяснительный союз **чтобы**. Художественно введенное Платоновым модифицирование валентности, а также лексической и грамматической сочетаемости компонентов рассматриваемой конструкции способствует расширению категориальной семантики этих слов и повышению ассоциативной образности повествования:

<...> тогда Воцев подошел к открытому окну, чтобы заметить начало ночи <...>

[Платонов, 1988, с. 15]

<...> at that point Voshchev went over to the opened window so as to observe the beginning of the night <...> [Platonov, 1973, с. 3]

В результате окказионального сведения имеющих противоречащие смысловые изъяснительного союза **чтобы**, наделенного **семантикой цели**, и выраженного инфинитивом сказуемого придаточного предложения **заметить** в неконвенциональную синтаксическую связь в сочетании **подойти чтобы + заметить** актуализируется расширение синтаксической и лексической сочетаемости и валентности участвующих в данной конструкции компонентов. Такое смоделированное писателем расширение связано с тем, что двухвалентный глагол мыслительной деятельности **заметить** [1. кого-что и с союзом «что». Увидеть, обнаружить. 2. кого-что. Отметив в уме, запомнить, обратить внимание на кого-что-н.] [Ожегов, 1990, с. 214] предполагает неожиданность, непредсказуемость действия для самого субъекта, что абсолютно **исключает возможность целевой установки** при его употреблении. Неконвенциональное соединение слов с противоположной семантикой способствует эксплицированию образно-эмоциональной контекстуальной коннотации, рождающей ощущение абстрактной, почти сюрреалистической алогичности этого действия, поэтической атмосферы призрачности, зыбкой воздушности и космичности пространства, мимолетности, физической осязаемости природы.

Перевод данного фрагмента придерживается норм английского языка, но при этом в нем допущена **переводческая ошибка**, связанная с использованием при переводе глагола **заметить** амбивалентного глагола **observe** [наблюдать, замечать *on/up*; следить за чем-л.] [APЭС АБВУУ Lingvo, 1999]. В результате употребления глагола **observe** происходит невольная актуализация его словарного значения **наблюдать**. Это совсем не отвечает целям перевода, поскольку в таком случае глагол **to observe**, выступая в этом 1-м своем словарном значении, передает совсем другой смысл: **to observe the beginning of the night – наблюдать начало ночи** и не достигает предполагаемого прагматическими условиями данного уподобляющего перевода окказионального нарушения норм сочетаемости. Такое намеренное нарушение требуется для точной реконструкции в английском переводе расширенного коннотативно-семиотического наполнения оригинала, связанного с алогичностью процесса производимого действия.

При этом передача искомого значения **заметить** глаголом **to observe** могла бы быть формально обеспечена в переводе подходящим управлением этого глагола, которое предполагает расположение за ним в постпозиции одного из 2-х предлогов **on/up**. По нашему мнению, воссоздание особого смысла оригинала в переводе могло бы быть легче и точнее деривировано на основе применения в окказиональной сочетаемости с другими компонентами английской конструкции по аналогии с платоновской сочетаемостью более для этой цели подходящего глагола **to notice**, семантика которого в наибольшей степени

соответствует целям воссоздания первоначальной коннотации оригинала: *Voshchev went over to the opened window so as to notice the beginning of the night.*

В этой статье мы рассмотрели, насколько конгруэнтно Томасу Уитни как переводчику удалось передать характерное для Платонова использование в качестве стилистического приема изменений общей сочетающей способности слов с целью расширения их возможностей вступать в неконвенциональные синтаксические связи с другими элементами. Платонов сознательно нарушает нормативное употребление многих словосочетаний, заменяя в них устойчивые компоненты на компоненты, имеющие отличную от них лексическую и синтаксическую сочетаемость или изменяя валентность и сочетаемость уже имеющихся устойчивых компонентов словосочетаний. Возникающая в результате таких авторских смелых языковых преобразований художественная образность безгранично ассоциативна. Новаторское и радикальное расширение возможностей сочетаемости слов позволяет Платонову добиваться объемного в своем экзистенциальном охвате обобщенно-философского видения фразы, отражающего полифоническую многомерность окружающего его мира.

Таким образом, самой большой трудностью для Томаса Уитни как переводчика является такая особенность языка Платонова, которая связана с его частичным отказом следовать нормам русского литературного языка. Из-за появления серьезных металингвистических различий, без радикальных семантических и лексических изменений Уитни не удастся передать в переводе языковые особенности оригинала. В таких случаях ему всегда приходится принимать во внимание то обстоятельство, что соответствие текста перевода нормам языка-рецептора обычно неприменимо при переводе прозы Платонова в силу специфических особенностей его языка. Ему также приходится учитывать и то обстоятельство, что коммуникативные интенции читателя перевода также часто не совпадают с интенциями самого Платонова.

В основном перевод повести «Котлован» осуществляется Томасом Уитни через имитирующий трансфер, соответствующий современному понятию перевода. При традиционной переводческой установке, по которой задача переводчика состоит в препятствовании разрывам в коммуникации, а не в отборе свойственных исходному тексту элементов, Уитни приходится проделывать в переводе «Котлована» как раз противоположное принятым переводческим нормам. И он старается решить эту переводческую «сверхзадачу» при передаче основных черт индивидуального писательского стиля, расширяя в переводе рамки традиционного словоупотребления и лексической сочетаемости и достигая более высокой степени экспрессивности благодаря образованию сверхлинейных смыслов уже в системе английского языка. Вооружившись

методом рекреативного перевода, он занимается воссозданием «неправильности» платоновского языка и стиля в тексте перевода через радикальное нарушение норм английского языка по аналогии с платоновскими авторско-оказиональными языковыми моделями, органично подчинив себя пассионарной и бунтарской стихии платоновского текста и платоновской творческой личности, опрокидывающей границы дозволенного в языке и переводе.

Список литературы:

APЭС ABBYY Lingvo 6.0. Англо-русский электронный словарь ABBYY Lingvo 6.0. Electronic Dictionaries System (BIT Software), 1999.

Буйлов В.В. Изменение семантики и валентности слов в контексте прозы Андрея Платонова. *Вопросы функционирования современного русского языка. Сборник статей. Раздел I. Отв. ред. Ю.А. Бельчиков. Институт русского языка им. А.С. Пушкина.* Москва: Издательство Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1996, сс. 60-66.

Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) Левин Ю.И. *Избранные труды. Поэтика. Семиотика.* Москва: «Языки русской культуры», 1998, сс. 392-419.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1990.

Морковкин В.В. Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации. *Проблемы сочетаемости слов: Сб. статей. Вып. 145.* Москва: МГПШЯ им. М. Тореца, 1979, сс. 129-140.

Мухин А.М. Валентность и сочетаемость глаголов. *Вопросы языкознания*, №6, 1987, сс. 52-64.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1990.

Платонов А.П. Котлован. Москва: Книжная палата, 1988.

Юдина Н.В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «прилагательное + существительное»). *Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук.* Москва: Институт языкознания РАН, 2006. Интернет-ресурс 14.02.2016: http://psycholinguistik.narod.ru/olderfiles/5/JUdina_ADD.pdf.

Platonov A. The Foundation Pit. Котлован. *A bi-lingual edition. Предисловие И.Бродского.* Ann Arbor, Michigan: Ardis Publishing, 1973.

References:

APЭС ABBYY Lingvo 6.0. Anglo-russkij jelektronnyj slovar' ABBYY Lingvo 6.0. Electronic Dictionaries System (BIT Software), 1999.

Bouilov V.V. Izmenenie semantiki i valentnosti slov v kontekste prozy Andreja Platonova. Voprosy funkcionirovanija sovremennogo russkogo jazyka. Sbornik statej. Razdel I. Otв. red. Ju.A. Bel'chikov. Institut russkogo jazyka im. A.S. Pushkina. Moskva: Izdatel'stvo Gos. IRJa im. A.S. Pushkina, 1996, ss. 60-66.

Levin Ju.I. Ot sintaksisa k smyslu i dalee («Kotlovan» A. Platonova) Levin Ju.I. Izbrannye trudy. Pojetika. Semiotika. Moskva: «Jazyki russkoj kul'tury», 1998, ss. 392-419.

Lopatın V.V., Lopatina L.E. Malyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Moskva: Russkij jazyk, 1990.

Morkovkin V.V. Sochetaemostnye svojstva slova i problema ih sistemnoj lek-sikograficheskoj intepretacii. Problemy sochetaemosti slov: Sb. statej. Vyp. 145. Moskva: MGPSHJa im. M. Toreza, 1979, ss. 129-140.

Muhin A.M. Valentnost' i sochetaemost' glagolov. Voprosy jazykoznanija, #6, 1987, ss. 52-64.

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka. Moskva: Russkij jazyk, 1990.

Platonov A.P. Kotlovan. Moskva: Knizhnaja palata, 1988.

Judina N.V. Leksicheseskaja sochetaemost' v kognitivnom aspekte (na materiale konstrukcii «prilagatel'noe + sushhestvitel'noe»). Avtoref. diss. na soisk. uchen. step. dokt. filol. nauk. Moskva: Institut jazykoznanija RAN, 2006. Internet-resurs 14.02.2016: http://psycholinguistik.narod.ru/olderfiles/5/JUdina_ADD.pdf.

Platonov A. The Foundation Pit. Kotlovan. A bi-lingual edition. Predislovie I.Brodskogo. Ann Arbor, Michigan: Ardis Publishing, 1973.

Губайдуллина Анастасия Николаевна
Институт детства РГПУ имени Герцена
Национальный Исследовательский Томский государственный университет
г. Санкт-Петербург (Россия)

Gubaidullina Anastasiia
Institute of Childhood. Herzen State Pedagogical University
National Research Tomsk State University
St. Petersburg (Russia)

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА И СЕМИОТИКА ПАРАТЕКСТА В СЕРИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КНИГ ДЛЯ ДЕТЕЙ LIBROS PARA MAÑANA
(«КНИГИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ»)**

**PECULIARITIES OF TRANSLATION AND SEMIOTICS OF PARATEXT IN A
SERIES OF SOCIO-POLITICAL BOOKS FOR CHILDREN LIBROS PARA MAÑANA
("BOOKS OF TOMORROW")**

Серия научно-популярных книг для детей в жанре picture books (книги-картинки), посвященных социально-политическим вопросам, была написана в Испании в 1977 году, переиздана там же в 2015 и наконец переведена на русский язык и выпущена издательством «Самокат» в 2018. Согласно аннотации, книги данной серии предназначены детям от старшего дошкольного до среднего школьного возраста, но тексты должны быть причислены к детской литературе двойной адресации, рассчитанной на посредничество взрослого, поскольку предполагают разговор о сложных проблемах: о демократии, диктатуре, социальном неравенстве, гендерных взаимоотношениях – и рассчитаны на диалог с ребенком.

Диалогическая установка в русской версии поддерживается как на вербальном, так и на невербальном уровне (иллюстрации, фотоколлаж, оформление обложек). При переводе произошли частичные изменения основного текста книг. Кроме того, русские издатели дополнили книгу оригинальным паратекстом (предисловие и послесловие; тест для детей; обращение к маленьким читателям). Вербальные и невербальные знаки книг должны рассматриваться комплексно, семиотически; разные типы знаков и приемов достигают одного результата: явно выраженной гражданской позиции в русской версии книг. В результате, книги серии Libros para mañana («Книги завтрашнего дня») выполняют роль инструмента социального влияния на ребенка и несут мощный дидактический потенциал.

A series of popular science books for children in the genre of picture books, dedicated to socio-political issues, was written in Spain in 1977, republished there in 2015 and finally translated into Russian and published by the Samokat Publishing House in 2018. According to the annotation, the books in this series are intended for children from senior preschool to middle school age, but the texts should be classified as dual addressing children's literature. The text requires the mediation of an adult, since it involves talking about complex problems: democracy, dictatorship, social inequality, gender relations. These questions can be addressed in a dialogue with the child.

The dialogue setting in the Russian version is supported both verbally and non-verbally (illustrations, photo collage, cover design). During the translation, there were partial changes in the body of the books. In addition, Russian publishers supplemented the book with an original paratext (preface and afterword; a test for children; address to young readers). Verbal and non-verbal signs of books should be considered comprehensively, semiotically; different types of signs and techniques achieve the same result. We see a clearly expressed civic position in the Russian version of the books. As a result, the books of the Libros para mañana series ("Books of Tomorrow") serve as an instrument of social influence on the child and have a powerful didactic potential.

Ключевые слова: современная детская литература, политическая литература, Media Vaca, Издательство «Самокат», Сахаровский центр, семиотический анализ.

Key words: contemporary children's literature, political literature, Media Vaca, Samokat Publishing House, Sakharov Center, semiotic analysis.

В 2015 году издательство Media Vaca (Валенсия, Испания) переиздало серию социально-политических книг для детей старшего дошкольного, младшего школьного возраста *Libros para mañana*, впервые выпущенных издательством La Gaya Ciencia в 1977 году, вскоре после смерти диктатора Франко. Книги относятся к разряду *picture books*: в них мало вербального текста (одна или несколько строк на каждом развороте), но на каждой странице есть детализированные фоновые иллюстрации. Текст в книгах не изменился с 1970-х годов и остался актуальным до настоящего времени, а иллюстрации к новому изданию создали современные художники. Испанская серия получила высшую премию Болонской книжной ярмарки за лучший проект *nonfiction* для детей.

В свою очередь российское издательство «Самокат» в 2018 году представило эту серию, состоящую из четырех книг (*Cómo puede ser la democracia* [Plantel 1, 2015, с. 2]³; *Así es la dictadura* [Plantel 2, 2015, с. 2]; *Hay clases sociales* [Plantel 3, 2015, с. 2]; *Las mujeres y los hombres* [Plantel 4, 2015, с. 2]) в переводе на русский язык: «Что такое демократия?» [Плантель 1, 2018, с. 2]; «Знакомьтесь, диктатура» [Плантель 2, 2018, с. 2]; «Социальное неравенство есть!» [Плантель 3, 2018, с. 2]; «Женщины и мужчины» [Плантель 4, 2018, с. 2]. Перевод с испанского языка выполнила Надежда Беленькая.

При переводе заглавий книг произошли изменения. В трех книгах из четырех название русской версии интонационно усилено. Так, испанское, интонационно нейтральное, название *Cómo puede ser la democracia* (Какой может быть демократия) в русской версии приобрело вопросительную интонацию. В названии *Así es la dictadura* (Такова диктатура) появилось обращение к читателю: «знакомьтесь». В этом варианте проявляется большая вовлеченность реципиента и, учитывая, что книга рассчитана на детей младшего школьного возраста, название показывает им диктатуру как новое, неизвестное им явление. В названии *Hay clases sociales* словосочетание «социальные классы» переведено как «социальное неравенство», что, в сочетании с восклицательным знаком и глаголом «есть» в финальной позиции, создает декларативную, провокационную интонацию.

То же относится и к содержанию книг. Несмотря на то, что перевод в целом выполнен близко к оригиналу, есть принципиальные изменения. Иногда их цель – сделать текст более понятным, доступным для детей. Так, в книге о демократии «*conservadores y progresistas*» [Plantel 1, 2015, с. 22] переводятся описательно: «люди, которые хотят перемен, и <...> такие, кто хочет оставить все как есть» [Плантель 1, 2018, с. 22]. Другие

---

³ Поскольку книги не имеют конкретного автора, в ссылке вместо фамилии автора указывается группа «Плантель» как автор идеи и текста. В других случаях отсутствия автора у источника мы указываем название источника.

случаи изменений более неоднозначны по своим задачам. Так, фразы «Todos tienen que participar. Todos tienen que votar» [Plantel 1, 2015, с. 24] в переводе имеют вид «Каждый имеет право участвовать в выборах и голосовать» [Плантель 1, 2018, с. 24]. Происходит изменение модальности. Если испанская конструкция tener que (+ inf.) имеет модальность необходимости и долженствования, осознаваемого субъектом («Все должны участвовать. Все должны голосовать»), то русский вариант приобретает модальность возможности.

Смена модальности заметна и в других примерах. В частности, в книге, посвященной диктатуре, когда речь идет о вероятности окончания диктатуры, в испанском тексте равно вероятными являются смерть диктатора и его свержение: «La dictadura se acaba cuando el dictador se muere <...> O cuando lo echan por la fuerza» [Plantel 2, 2015, с. 36]. Переводчик же добавляет вводное слово «случается»: «Случается, диктатора свергают» [Плантель 2, 2018, с. 36] – благодаря которому свержение диктатора становится более редким окончанием правления, чем его смерть.

Наибольшим изменениям при переводе подвергся текст книги о социальном неравенстве. При этом, думается, изменения мотивированы, в ряде случаев, стремлением переводчика к культурной доместикации. Например, он отказывается от перевода следующего текстового отрывка: «Unos van a colegios muy caros. Los otros aprenden donde pueden: en la escuela, en el barrio, en su casa» [Plantel 3, 2015, с. 11] («Одни ходят в очень дорогие школы (колледжи). Другие учатся, где могут: в школах, в районе, у себя дома»). Вместо этого переводчик предлагает следующий текст: «Первые с рождения окружены роскошью. Вторые с рождения лишены самых простых вещей» [Плантель 3, 2018, с. 11]. Этот текст связан с предыдущей страницей, где говорится о детях, богатых и бедных с рождения. Отказ от эпизода о школах может быть обусловлен иной ситуацией с образованием в России, чем в Испании. У нас до сих пор действует Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Согласно ч. 5 ст. 66 Федерального закона № 273-ФЗ начальное общее, основное общее и среднее общее образование являются обязательными [N 273-ФЗ, 2012]. При этом домашнее обучение в России ассоциируется, скорее, с большими финансовыми возможностями, чем с их отсутствием.

С других случаях отход от текста оригинала мотивирован стремлением к конкретизации, облегчению содержания для детского восприятия. Так, утверждения «Los hijos de los ricos... nacen ricos. Los hijos de los pobres... nacen pobres» [Plantel 3, 2015, с. 10] («Дети богатых... рождаются богатыми. Дети бедных... рождаются бедными») переводчик изменяет, добавляя наречия места: «Дети тех, кто наверху (богатых)... рождаются богатыми. Дети тех, кто внизу (бедных)... рождаются бедными» [Плантель 3, 2018, с. 10]. С одной стороны, наречия «вверху» и «внизу» метафорически обуславливают положение

богатых и бедных в иерархии социальных классов (вспомним характеристику революционной ситуации: верхи не могут хозяйничать и управлять, как прежде, низы не хотят жить, как прежде [Ленин, 1958, с. 300]). С другой стороны, наречия семантически связаны с фоновым изображением на странице, в верхней половине которой нарисован ребенок богатых родителей (свидетельства роскоши: отдельная детская кроватка с пологом; тигровая шкура под кроваткой; предметы искусства в помещении), а в нижней части – ребенок из бедной семьи, спящий в одной кровати с отцом, матерью и старшим ребенком. Таким образом, при переводе текст и изображение начинают дополнять друг друга; маленький читатель может соотнести фразу с картинкой и увидеть условия жизни двух разных семей.

Подобный механизм соотнесения иллюстрации и текста используется в описании власти богатого человека. Оригинальная фраза «*Y mandan también los que mandan*» («И приказывают / управляют также теми, кто управляет») [Plantel 3, 2015, с. 18] в переводе имеет вариант «Богатые жонглируют теми, кто управляет всем остальным» [Плантель 3, 2018, с. 18]. Выбор глагола решает сразу несколько задач: позволяет избежать глагольного повтора, который был в оригинале, актуализирует метафорический смысл выражения «жонглировать кем-то» и связывает вербальный текст с изображением, на котором человек в пиджаке жонглирует уменьшенными фигурками людей разных профессий.

Переводчик отказывается от описания среднего класса как людей, «стремящихся походить на более властных, более богатых, более высокого класса» [Plantel 3, 2015, с. 27], заменяя это фразой: «Они очень далеки от тех, кто наверху. Но осторожны в своих действиях: им есть что терять» [Плантель 3, 2018, с. 27]. И на том же развороте, посвященном среднему классу, осуждающее, ироничное высказывание в адрес среднего класса: «*La clase media es muy miedosa: tienen miedo de los ricos porque son los amos, y de los pobres porque les pueden quitar sus puestos*» («Средний класс очень испуганный / боящийся: они боятся богатых как своих хозяев и боятся бедных, потому что те могут занять их места») [Plantel 3, 2015, с. 28] – переводится более нейтрально: «Нередко люди ради карьеры готовы на многое, при этом они боятся, что кто-то займет их место» [Плантель 3, 2018, с. 28]. Вероятно, изменения связаны с тем, что мнения о среднем классе в России, скорее, позитивные, нежели негативные, и в русском переводе есть интенция к сохранению позитивной семантики этого социального явления.

Еще больший интерес представляет паратекст, которого не было в оригинале (Паратекст рассматривается с опорой на концепцию Жерара Женетта [Genette, 1997, с. 2]). В сферу нашего внимания попадают аллографические (то есть созданные не автором, а

издателями) паратексты: как перитексты (в данном случае к перитекстам можно отнести обложки, предисловие и послесловие), так и эпитексты (тесты по теме книги или фотогалерея на форзацах).

Паратекст отражает социально-политические взгляды российских издателей, а также их интенции в отношении данной серии книг. По мнению Питера Бурка, анализировавшего паратекст в европейских переводах, предисловия и обращения к читателю как формы паратекста помогают переводу поддерживать идеи и убеждения, априори существующие в принимающей культуре [Burke, 2007, с. 20].

Что касается обложек книг, то в трех вариантах из четырех сохранен испанский вариант оформления. Однако четвертая книга «Женщины и мужчины» в русском издании имеет иную иллюстрацию, чем в испанском. И в том, и в другом случаях на обложке изображены мужчина и женщина, держащиеся за руки, на зеленом фоне. В испанской книге женщина одета в деловой брючный костюм, а мужчина – в платье и дамские туфли. На шее у него повязан шейный платок. То есть происходит смена или взаимовлияние гендерных признаков. Гендерная «переключка» подчеркивается общей цветовой палитрой: платье мужчины, как волосы и галстук женщины, – оранжевого цвета, а костюм женщины, блузка мужчины и его волосы – черного). При этом, наравне с нетипичными гендерными признаками в иллюстрации есть и стереотипные: мужчина имеет бороду, а женщина – длинные волнистые волосы.

В русском издании женщина и мужчина обнажены, но их тела прикрыты длинными волосами, а половые органы закрыты листками дерева. Заметна явная отсылка к ветхозаветным образам Адама и Евы: обнаженные тела, «фиговый листок» – узнаваемый культурный паттерн, вокруг мужчины и женщины изображены небольшие растения – индексальный (в классификации Ч. Пирса) знак райского сада [Моррис, 1982, с. 44]. Можно сделать вывод о том, что в русском издании подчеркивается более традиционное, религиозное представление о взаимоотношении полов. Если испанская, феминистическая, версия делает акцент на смене социальных позиций, то русская – лишь на сближении. Идентичность мужчины и женщины на обложке русской книги достигается одинаковыми, конусообразными фигурами людей, но остаются и различия: мужчина, как и в испанской версии, изображен с бородой. Поза женщины слегка отличается от мужской; женщина слегка сгибает левую ногу, что может быть определено как знак кокетства или женской слабости.

На форзацах книги «Что такое демократия?» размещены фотопортреты «<...> тех, кто для читателей больших и маленьких ассоциируется с демократическим движением в России. А также сотрудники издательства “Самокат” и их друзья, пожелавшие стать

частью этой книги» [Плантель 1, 2018, с. 45]. Всего 144 портрета. В фотогалерею вошли портреты XX-XXI веков, людей разных профессий: поэтов и писателей (А. Солженицын, Н. Горбаневская), политиков (В. Новодворская, Б. Немцов, Л. Соболь), ученых (А. Сахаров, А. Шаранский, Л. Богораз, К. Бабицкий), журналистов и тележурналистов (В. Демчиков, К. Гордеева), актеров и режиссеров (К. Серебренников, И. Евдокимова, А. Злобин) – и так далее.

Главным критерием отбора для «демократической галереи» стали оппозиционные взгляды людей. Большинство участвовало в акциях протеста разных лет (от судебного процесса по делу Даниэля и Синявского, митингов против вторжения советских войск в Чехословакию – до политических событий современности). Многие из представленных людей имеют отношение к Сахаровскому центру. Сахаровский центр находится в Москве и позиционируется как «многофункциональная общественная и просветительская площадка, на которой в разных форматах обсуждаются актуальные культурные, социальные и общественные проблемы, остающиеся за пределами информационного мейнстрима» [СЦ, 2021]. Своей миссией Сахаровский центр считает «формирование исторической памяти о советском тоталитаризме и сопротивлении несвободе, продвижение ценностей свободы, демократии и прав человека, поддержку активной, качественной и свободной дискуссии об актуальных вопросах истории, прав человека и в целом гуманитарных проблем, содействие развитию гражданского общества» [СЦ, 2021]. Безусловно, ребенок – читатель книги – не знает людей, изображенных на форзаце. Но большое количество портретов, их стилистическое разнообразие, возрастные, гендерные различия, включение детей в общую группу (на семейных фотографиях) дает реципиенту возможность для самоидентификации с определенным, прогрессивным сообществом и характеризует демократию в России как широкое, популярное явление.

Интересен и вербальный паратекст. Предисловия четырех книг почти идентичны. В них издатели рассказывают об истории этой книжной серии и объясняют, что при переводе добавлено «краткое послесловие на последней странице», где детям объясняются «кое-какие реалии, которые они могут не понять» [Плантель 1, 2018, с. 5]. То есть внимание издателей обращено к послесловию как концептуально значимой части текста.

Несмотря на то, что послесловие позиционируется как пояснительный текст для маленьких читателей, его язык заставляет предположить, скорее, ориентацию на взрослого читателя или, как минимум, двойную, детского-родительскую адресацию. В послесловиях много абстрактной лексики, политические термины, которые, с большой долей вероятности, не известны старшим дошкольникам и младшим школьникам.

Например: «Речь идет о тех странах, где существует абсолютная монархия и отсутствует парламент, а главное, не проводятся свободные выборы. Сорок лет назад диктаторские правительства возглавляли большинство государств Латинской Америки и кое-какие страны в Европе; сегодня это в первую очередь Африка и Азия» [Плантель 2, 2018, с. 43].

В послесловие включены статистические данные (например, сравнение числа стран с режимом диктатуры на 1977 и 2018 год) [Плантель 2, 2018, с. 43]. Рассматриваются сложные вопросы: понятие «мягкой диктатуры» и проблемы «коррупции диктатуры» [Плантель 2, 2018, с. 43]; ценность демократии и понимание гражданских свобод [Плантель 1, 2018, с. 39]. Издатели призывают детей найти и выяснить значение слов «капиталист» и «спекулянт» [Плантель 3, 2018, с. 41]). Таким образом, русский паратекст не только имеет определенные дидактические установки, но и пробуждает активную позицию реципиента: ребенку потребуется разобраться в сложных социальных категориях, самостоятельно найти информацию, а взрослый (родитель, учитель) может выступать в качестве посредника для облегчения понимания смысла книги.

Тесты, предлагаемые детям в конце книг, посвящены не столько усвоению материала книги, сколько прояснению позиции самого ребенка по отношению к теме. Поэтому многие вопросы рассчитаны на эмоциональную реакцию («Что в демократии тебе нравится больше всего? А) Свобода. Б) Все решается сообща. В) Уважение к любым идеям», «Что в демократии нравится тебе меньше всего? А) Что отдельные люди (меньшинство) вынужденным мириться с тем, что решают остальные (большинство). Б) Что нужно дождаться следующих выборов, чтобы избрать новых правителей. В) Что каждый имеет право открыто говорить все, что думает, и никто ему не запретит» [Плантель 1, 2018, с. 38]; «Что тебе меньше всего нравится в диктатуре? А) Все решения принимает диктатор. Б) Мнение народа не учитывается. В) С простыми людьми обращаются плохо» [Плантель 2, 2018, с. 40]). Последний вопрос каждого теста – всегда вопрос с открытым ответом, где нужно написать короткое «эссе» («Как ты думаешь, демократия полезна для страны? Изложи свое мнение письменно» [Плантель 1, 2018, с. 38]; «Кто чаще всего контролирует твою учебу, папа или мама? Напиши небольшое сообщение» [Плантель 4, 2018, с. 40]). Обратим внимание на то, что тестовые вопросы, как любые вопросы с вариантами ответа, с самого начала построены по принципу «выбор без выбора». Они не только отражают детское мнение, но формируют его. Издатели предлагают детям отправлять ответы на тест в Сахаровский центр, его адрес приведен на странице с тестом.

Получается, что письменные ответы на тест выполняют несколько внетекстовых задач:

а) воспитывают гражданскую позицию ребенка, ставят его в роль актора, деятеля;
б) позволяют издателям (а вместе с ними и гражданским активистам) узнать общественное мнение с помощью детских ответов, о чем прямо сообщается в пояснении к тесту: «Благодаря тебе мы все сможем узнать мнение детей, а мнение взрослых нам скоро станет известно (или уже известно) по итогам выборов» [Плантель 2, 2018, с. 41];

в) формируют будущее сообщество активистов.

Анализ переводов серии «Книги завтрашнего дня» дает возможность сделать ряд выводов.

Несмотря на формальную адресацию: «для дошкольного, младшего и среднего школьного возраста» [Плантель 2, 2018, с. 48] первичным адресатом данной серии книг является все же взрослый. Во-первых, каждая книга отражает изначально сформированную, «взрослую» социальную точку зрения (консолидированную позицию издательств Media Vasa и «Самокат», редакторов, переводчика, художников). Во-вторых, посредничество взрослого (родителя, учителя, библиотекаря) будет необходимо ребенку для понимания сложных, неоднозначных понятий и утверждений.

Семиотические изменения в переводе происходят как на уровне вербального текста, так и на уровне невербальных знаков.

Наблюдается взаимное влияние текста и реальности: с одной стороны, специфика социально-политической ситуации в России влияет на изменения вербального и невербального текста при переводе; с другой стороны, знаки нового, переведенного текста способствуют конструированию у реципиента определенной социально-политической модели.

Список литературы:

- Ленин В.И.* Маевка революционного пролетариата / В.И. Ленин. // Полное собрание сочинений. – В 55 тт. – М., 1958. – С. 299 – 306.
- Моррис Ч. У.* Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика : Сборник переводов. – М. : Радуга, 1982. – С. 37-89.
- Плантель 4.* Женщины и мужчины / Группа «Плантель» / пер. с испанского Н. Беленькой – М.: Самокат, 2018. – 48 с.
- Плантель 2.* Знакомьтесь, диктатура / Группа «Плантель» / пер. с испанского Н. Беленькой – М.: Самокат, 2018. – 48 с.
- Плантель 3.* Социальное неравенство есть! / Группа «Плантель» / пер. с испанского Н. Беленькой – М.: Самокат, 2018. – 48 с.
- Плантель 1.* Что такое демократия? / Группа «Плантель» / пер. с испанского Н. Беленькой – М.: Самокат, 2018. – 48 с.
- СЦ* / Сахаровский центр. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sakharov-center.ru/about> (дата обращения: 15.05.2021)
- № 273-ФЗ* / Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2020 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (дата обращения: 15.05.2021)

- Burke, P.* Cultures of translation in early modern Europe / P. Burke // Cultural Translation in Early Modern Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – p. 7 – 38.
- Genette, G.* Paratexts: Thresholds of Interpretation / G. Genette. – New York, NY, USA: Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 427 p.
- Plantel 2* / Así es la dictadura / Equipo Plantel – València: Media vaca, 2015. – 48 p.
- Plantel 1* / Cómo puede ser la democracia / Equipo Plantel – València: Media vaca, 2015. – 48 p.
- Plantel 3* / Hay clases sociales / Equipo Plantel – València: Media vaca, 2015. – 48 p.
- Plantel 4* / Las mujeres y los hombres/ Equipo Plantel – València: Media vaca, 2015. – 48 p.

References:

- Lenin V.I.* Maevka revolyutsionnogo proletariata / V.I. Lenin. // Polnoe sobranie sochinenii. – V 55 tt. – M., 1958. – S. 299 – 306. (In Russian)
- Morris CH. U.* Osnovaniya teorii znakov / CH.U. Morris // Semiotika : Sbornik perevodov. – M. : Raduga, 1982. – S. 37-89. (In Russian)
- Plantel' 4.* Zhenshchiny i muzhchiny / Gruppya «Plantel'» / per. s ispanskogo N. Belen'koi – M.: Samokat, 2018. – 48 s. (In Russian)
- Plantel' 2.* Znakom'tes', diktatura / Gruppya «Plantel'» / per. s ispanskogo N. Belen'koi – M.: Samokat, 2018. – 48 s. (In Russian)
- Plantel' 3.* Sotsial'noe neravenstvo est'! / Gruppya «Plantel'» / per. s ispanskogo N. Belen'koi – M.: Samokat, 2018. – 48 s. (In Russian)
- Plantel' 1.* Chto takoe demokratiya? / Gruppya «Plantel'» / per. s ispanskogo N. Belen'koi – M.: Samokat, 2018. – 48 s. (In Russian)
- STS / Sakharovskii tsentr. [Ehlektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://www.sakharov-center.ru/about> (data obrashcheniya: 15.05.2021) (In Russian)
- N 273-FZ / Federal'nyi zakon "Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii" N 273-FZ ot 29 dekabrya 2012 goda s izmeneniyami 2020 goda. Ehlektronnyi resurs. Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 15.05.2021) (In Russian)

*Есакова Мария Николаевна
Леоненкова Екатерина Дмитриевна*
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

*Esakova Maria
Leonenkova Ekaterina*
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**АСИММЕТРИЯ В ОБОЗНАЧЕНИИ КОЛИЧЕСТВА В ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.А. БУЛГАКОВА НА
ФРАНЦУЗСКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ)**

**ASYMMETRY OF THE DESIGNATION OF QUANTITY IN TRANSLATION
(A STUDY OF WORKS BY MIKHAIL BULGAKOV AND THEIR TRANSLATIONS
INTO FRENCH AND ENGLISH LANGUAGES)**

Художественный текст является одним из основных источников лингвокультурологической информации. В описанных автором сценах встречаются языковые единицы, отражающие быт и нравы определенного народа. Зачастую они могут вызывать проблемы при переводе, даже несмотря на то, что многие из них являются универсальными. К таким языковым единицам можно отнести слова, выражающие количество.

В данной статье рассматриваются фрагменты текста, взятые из произведений М.А. Булгакова («Дьяволиада», «Собачье сердце», «Мастер и Маргарита») и их переводы на французский и английский языки, в которых даются количественные характеристики предметам. Основная цель исследования - определить, с какими трудностями сталкиваются переводчики в работе над подобными единицами перевода.

The literary text is one of the main sources of linguocultural information. There are linguistic units that reflect the life and customs of a certain people in the scenes described by the author. They can often cause translation problems, even though many of them are universal. These linguistic units include words expressing quantity.

This article examines the fragments of text taken from the works of Mikhail Bulgakov ("Diabloliad", "Heart of a Dog", "The Master and Margarita") and their translations into French and English, in which quantitative characteristics of objects are given. The main goal of the study is to determine what difficulties translators face when they are working on such translation units.

Ключевые слова: языковая асимметрия, обозначение количества, художественный текст, художественный перевод, «Дьяволиада», «Собачье сердце», «Мастер и Маргарита», М.А. Булгаков.

Key words: language asymmetry, designation of quantity, literary text, literary translation, "Diabloliad", "Heart of a Dog", "The Master and Margarita", Mikhail Bulgakov.

В жизни любого художественного текста может наступить момент, когда он становится объектом перевода на другой язык. Но перевод – это не просто новая интерпретация оригинала. Он дает тексту оригинала новое измерение, вводит его в другую культурную систему, в которой существуют иные ориентиры и «оси координат». Сам перевод живет в этой новой системе координат вполне самостоятельной жизнью, не всегда похожей на жизнь оригинала. Вместе с тем, воспринимая текст, созданный

представителем чужой культуры, мы невольно сопоставляем его со своим опытом, обогащая его новыми смыслами, давая ему, таким образом, новую жизнь в новом времени и пространстве. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответ на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывает перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [Бахтин, 1979, с. 334 – 335].

Отражение культурных особенностей в художественном произведении позволяет рассматривать его как один из главных источников лингвокультурологической информации. Автор произведения описывает реальные или виртуальные картины, пользуясь языковыми средствами как инструментом. В то же время каждый знак, семантически значимый, является отражением определенного фрагмента внеязыковой действительности и заключает в себе элемент языковой картины данного народа.

Категория количества – одна из тех универсальных категорий, отражающих некоторые свойства объективной действительности. Эта точка зрения развивалась в истории философии Аристотелем, Гегелем, Декартом и другими философами. В XX веке описание категории количества стало предметом исследования целого ряда научных работ (см. работы Меновщикова, Чеснокова, Акуленко, Кругликовой, Панфилова и др.)

Большой интерес данная категория представляет и для перевода, хотя, на первый взгляд, она не вызывает каких-либо сложностей.

Рассмотрим, какие средства использует автор художественного текста для передачи количества и каким образом переводчики передают данное значение в переводе. Данный анализ мы будем проводить на материале произведений М.А. Булгакова, в работах которого значительное внимание уделяется описанию сцен, связанных с потреблением пищи, в частности напитков.

В.Г. Гак в работе «Семиотические основы сопоставления двух культур» пишет о том, что сфера питания является одним из четырех аспектов проявления культуры; в рамках нее можно выделить и материальные, и организационные, и духовные, и поведенческие элементы [Гак, 1998, с. 117].

В самом деле, физиология человека такова, что количество потребляемых напитков, разумеется, изменяясь от одной культуры к другой, и в целом составляет сопоставимую категорию, то есть такую, которая даже при всем своеобразии в какой-либо одной культуре может быть понята в другой. В то же время анализ переводов показывает,

что представление о количественных параметрах потребления напитков, о единицах, позволяющих точно определить количество потребляемого, далеко не всегда соответствует тому, как описываются они в текстах оригиналов.

Первое отношение между обозначениями количественных категорий в русских оригиналах текстах и французских переводах – это отношение точного и приблизительного. Это отношение не стоит понимать как абсолютное. Мы не пытаемся показать, что один язык оказывается абсолютно точным в обозначении количества в тех случаях, когда другой дает их приблизительное описание. Более правильно говорить о том, что описание количества различаются большей или меньшей конкретностью.

Известно, что французский язык в отличие от русского предпочитает использовать более абстрактные формы для обозначения целого ряда категорий.

В.Г. Гак приводит множество примеров, когда французский язык использует для обозначения того или иного денотата слова с более абстрактным значением. Объяснение этому он видит в том, что в XVII веке, когда складывались нормы современного французского языка, господствовали идеи классицизма, предполагавшие отказ от всего конкретного и предметного. В.Г. Гак приводит высказывание известного стилиста того времени Бюффона: «N'employez que des mots généraux» – «используйте только общие слова» [Гак, 1977, с. 77].

Интересно, что это известное положение, характеризующее асимметрию употребления лексики в русском и французском текстах, восходит именно к литературной традиции. Это позволяет нам предполагать, что большинство категорий передаются во французском языке более абстрактно, чем в русском. Однако категория количества, в частности в обозначении количества потребляемых напитков, под эту закономерность не попадает. Французское обозначение этой категории оказывается во всех исследованных нами случаях либо столь же конкретным, либо еще более конкретным.

В английском языке существует две тенденции: переводчики используют либо уточняющие слова, либо слова, указывающие неопределенное количество чего-либо.

Французский, английский и русский языки располагают сопоставимыми возможностями для обозначения некоторого количества потребляемых продуктов.

Первый наименее конкретный способ обозначения – это неопределенное количество, то есть указание только на то, что речь идет не о предмете в целом, а о его какой-то части. Так, в русском языке с помощью изменения падежной формы показывается, идет ли речь о продукте как о некоем классе, либо о некоторой части.

Мы говорим: «я люблю вино» (именительный падеж выражает понятие класса), но «выпил вина» (то есть некую неопределенную часть продукта – родительный падеж).

Смысл этой размытой количественной категории в том, что конкретное количество определяется традициями культуры потребления продуктов и физиологическими свойствами человека.

Во французском языке для обозначения такого неопределенного количества неисчисляемых предметов используется партитивный артикль.

В английском языке для описания ситуации в общем обычно используется нулевой артикль; для передачи неопределенного количества применяется местоимение *some* (в утвердительных предложениях и иногда в вопросительных, если они выражают просьбу или предложение) и *any* (в отрицательных и вопросительных предложениях).

Следующим этапом обозначения количества, если идти по пути уточнения, можно считать использование количественных слов с неточным объемом, таких, например, как русские «много, немного, чуть-чуть, малость и т.д.», их французские эквиваленты “*beaucoup, peu, un peu etc*” и английские эквиваленты – *much, many, (a) few, (a) little* и т.д.

Следующий этап – это уже более конкретное обозначение объема с помощью указания на посуду, из которой потребляется тот или иной напиток. На этом уровне французский и английский языки располагают, как и русский, разнообразными возможностями обозначения точного количества.

В русском языке имеются названия посуды, традиционно закрепленные за тем или иным напитком:

Рюмка – небольшой, обычно стеклянный сосуд на ножке, употребляемый для питья спиртных напитков [СРЯ, т. 3, с. 747] – водка (возможно коньяк, т.е., как правило, крепкие напитки).

Стопка – небольшой стаканчик для вина [СРЯ, т.4, с. 275] – водка, вино, коньяк.

Лафитник – вино (но могут быть и более крепкие напитки).

Бокал – сосуд для вина в форме рюмки, но большего размера [СРЯ, т. 1, с. 104] – вино, шампанское.

Фужер – высокий бокал для прохладительных напитков, вина и т.п. [СРЯ, т. 4, с. 586] – шампанское, вино.

Чаша – старинный большой сосуд в форме полушария, предназначенный для питья [СРЯ, т. 4, с. 656] – вино.

Чашка – небольшой сосуд для питья округлой формы, обычно с ручкой, из фарфора, фаянса [СРЯ, т. 4, с. 657] – чай, кофе, молоко, вода.

Стакан – стеклянный сосуд цилиндрической формы, без ручки, служащий для питья [СРЯ, т. 4, с. 246] – вода, вино, чай (водка).

Кружка – сосуд в форме стакана с ручкой [СРЯ, т. 2, с. 138] – пиво, молоко, вода,

чай.

За каждым из этих названий стоит определенный объем. Отношение к объему конкретно обозначено лишь в слове «стопка» (100 грамм). Во всех остальных названиях сема объема относится скорее к разряду потенциальных сем, или «виртуэм», которые могут актуализироваться в случае контраста, возникающего, когда описывается нарушение традиции использования какого-либо предмета для употребления напитка. Например: «фужер водки» означает «много, пренебрегая правилами этикета».

Русские обозначения посуды для питья в подавляющем большинстве не имеют образной основы. Пожалуй, только «лафитник, лафитничек, лафитный стакан» соотносит непосредственно посуду с ее содержанием. Иначе говоря, название конкретного вина «Лафит» позволяет восстановить в сознании форму, размер и объем посуды для его потребления.

Во французском языке обозначение посуды также варьируется в зависимости от потребляемого напитка:

родовое имя «*verre*» имеет видовые аналогии:

Coup – посуда, обычно более широкая и невысокая на ножке: *une coupe de champagne*;

Flûte – высокий и узкий на ножке, напоминающий флейту;

Gobelet – посуда без ножки, вытянутая в высоту: *un gobelet de vin*;

Godet – маленький стаканчик без ножки (обычно для вина);

Chope – пивная кружка;

Tasse – чашка (для кофе и чая);

Tate-vin – маленькая серебряная чашечка для дегустации вина;

Quart – стакан в 250 грамм для вина или других напитков, используемый в армии;

Timbale – металлический стакан для вина.

Приведенные примеры показывают не меньшую вариативность французских названий посуды для питья. В некоторых из этих названий отчетливо обнаруживается и образность формы (*timbale* – цимбалы, *flûte* – флейта) и точный объем (*quart* – стакан 250 грамм).

В английском языке также встречается много слов, обозначающих посуду:

Cup – чашка, чаша; может также использоваться для хранения сыпучих веществ (например, муки, сахара);

Teacup – чашка для чая;

Coffee cup – чашка для кофе;

Mug – кружка (обычно для горячих напитков: кофе, горячего шоколада, чая);

Snifter – бокал, суженный кверху (для бурбона, бренди и виски);

Chalice / goblet – чаша на ножке, бокал, кубок;

Glass – стакан, бокал;

Short glass – рюмка, стопка;

Sherry glass – лафитник (для белого крепленого вина);

Champagne glasses: flute, coupe – бокалы для шампанского; *flute* – высокий и узкий бокал на ножке, *coupe* – более широкий и невысокий бокал на ножке;

Wine glass – бокал для вина; в зависимости от типа напитка форма бокала будет отличаться;

Pint glass – бокал для пива и сидра объемом 568 мл (20 английских жидких унций);

Pilsner glass – бокал для светлого пива (в том числе для пильзнера и светлого лагеря).

Таким образом, в системах трех языков в наименованиях посуды для питья могут быть установлены даже некоторые соответствия:

Русский язык	Французский язык	Английский язык
стакан	verres, gobelet	glass
фужер	verres, flûte, coupe	flute, coupe
бокал	verres, coupe, flûte	glass, flute, coupe
рюмка	0 (verre à...)	short glass
стопка	0 (verre à...)	short glass
чаша	coupe	cup
чашка	tasse	cup
пивная кружка	chope	pint glass, pilsner glass

Обилие обозначений посуды для питья показывает уважительное отношение к процессу потребления напитков. Более того, оно свидетельствует и о том, какие напитки в основном употребляются для питья.

Во Франции основной напиток застолья – это вино, то есть напиток с небольшим содержанием алкоголя. Поэтому во французском языке, видимо, и нет специальных наименований для посуды, предназначенной для потребления крепких алкогольных напитков. Типично французские напитки (коньяк, арманьяк, кальвадос), как правило, пьют из широких и невысоких бокалов в форме шара («verre ballon»).

Центральной лексической единицей, объединяющей все разнообразные наименования посуды для питья, является слово «verre», способное заменить любое из видовых наименований. Именно оно и используется переводчиками в качестве

эквивалента для наименования самых разнообразных предметов посуды, свойственных русской культуре употребления напитков.

Англия является родиной большого количества алкогольных напитков. Самыми популярными являются пиво, виски, сидр, поэтому в английском языке существует большое количество слов для обозначения посуды для этих напитков, в зависимости от объема и формы бокалов, а также географического положения.

В английском языке некоторые слова, которые обозначают посуду, были заимствованы (это в целом относится к «нетрадиционным» английским напиткам), однако чаще всего используются слова «glass» (обычно для алкоголя) и «cup» (для неалкогольных напитков) вместе с названием напитков.

Можно привести следующую сводную таблицу соответствий русских, французских и английских обозначений посуды, сделанную на основе анализа романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита и его переводов на французский и английский языки.

Русский язык	Французский язык	Английский язык
«стопка» [с. 397]	«un petit verre» [p. 127]	glass [p. 90]
«лафитный стакан» [с. 581]	«un verre de bordeaux» [p. 377]	-
«лафитничек» [с. 414]	-	dram [p. 112]
«стопка» [с. 581]	«un verre» [p. 378]	glass [p. 94]
«рюмки» [с. 675]	«petit verre à alcool» [p. 475]	goblet [p. 364]
«лафитники» [с. 675]	«un verre à bordeaux» [p. 475]	tumbler [p. 364]
«тонкостенные бокалы» [с. 675]	«des grands verres ballons à paroi fine» [p. 475]	thin-walled glasses [p. 364]

Использование родового термина «verre» в качестве основного эквивалента иногда с уточняющими определениями отражает два хорошо известных нам явления межъязыковой асимметрии, имеющих, правда, различную основу. Первое явление – это предпочтение, отдаваемое французскими авторами (в том числе и переводчиками) словам с общим значением, о чем мы уже упоминали выше.

Второе явление – это переводческая трансформация – генерализация, часто используемая в тех случаях, когда при переходе от исходного языка к языку перевода, переводчик обнаруживает, что в последнем нет термина для обозначения соответствующего понятия, и вынужден использовать слово с более общим понятием, конкретизируя его значение с помощью определения.

Например: «Он залпом выпил **пол чайного стакана** (вина - М.Е.)» [«Дьяволиада»,

с. 252]

«*Il en but d'un trait un demi-verre*» [р. 3]. (ср.: стопка – un petit verre, рюмка – petit verre à alcool и т.д.)

Похожую ситуацию мы видим и в английском языке, где обычно используется родовый термин «glass». Для граненого стакана существует особый термин – «faceted glass». В переводе используется уточнение «*a tea-glass*», т.е. «стакан для чая» (перевод наш – Е.Л.):

«*In a flash he knocked back half a tea-glass*» [«Diabloliad», р. 117].

В текстах перевода отмечается и другое, пожалуй, более интересное явление, заключающееся в том, что во французском переводе обозначения количества потребляемого напитка оказывается более точным по сравнению с русским оригиналом. Эта тенденция заметна не в конкретных обозначениях количества, а в более размытых. Так, в русском оригинальном тексте в сценах, где персонаж наливает или выпивает какой-то напиток, очень часто возникает неопределенное обозначение количества, эквивалентное французскому обозначению с помощью партитивного артикля.

Переводчик в ряде случаев и использует соответствующую форму:

«*Дайте нарзану, - попросил Берлиоз.*

Нарзану нету, - ответила женщина в будочке...» [«Мастер и Маргарита», с. 324].

Переводчик к названию «Нарзан» (Narzan) добавляет слово с родовым значением «l'eau» (вода): «*Donnez-moi de l'eau de Narzan...*» [«Le Maitre et Marguerite», р. 25]. Дословно в переводе данная фраза звучит следующим образом: *Дайте мне воды из источника Нарзан*. Хотя во французской культуре минеральные воды также обозначаются по названиям источников (например: Evian, Perrier и т. д.), имя «Нарзан» является экзотизмом для французской культуры и, по мнению автора перевода, нуждается в уточнении.

«*'Give us seltzer,' Berlioz asked.*

'There is no seltzer,' the woman in the stand...» [«The Master and Margarita», р. 18].

В английском переводе не используется конкретная посуда, только нулевой артикль. В данном фрагменте следует обратить особое внимание на название воды. В английском переводе нам встречается слово «seltzer» – сельтерская вода. Это минеральная вода, которая добывается в Германии, в то время как нарзан – это природная минеральная вода из источников Северного Кавказа.

Таким образом, у иностранных читателей складывается ложное представление о том, что Берлиоз пытается купить заграничную сельтерскую воду, а не советский нарзан.

Также стоит обратить внимание и на саму форму слова «нарзану».

В русском языке есть немало слов, которые в форме родительного падежа обозначают некоторую, неопределенную часть целого (значение партитивности). Многие существительные мужского рода для обозначения партитивности имеют два варианта форм: с флексией «-а» и с флексией «-у».

Наличие двух форм для одного значения, как правило, предполагает стилистическую вариативность.

Но употребление формы родительного падежа, оканчивающихся на -у, по мнению ученых, постепенно идет на убыль. Как отмечает Ю.А. Бельчиков: «В течение XX века в русском литературном языке наблюдается устойчивый рост употребительности окончания -а (-я) существительных мужского рода родительного падежа единственного числа с основой на согласный, в отличие от параллельного окончания на -у (-ю), использование которого заметно сокращается» [Бельчиков, 2008, с. 107]. Основные сферы употребления форм родительного падежа на -у – разговорная речь и отражающие ее жанры художественной литературы. Таким образом, получается, что форма «нарзану» – форма разговорного языка. И М. Булгаков неслучайно использует ее, передавая речь Берлиоза, председателя Массолита, и продавщицы из «будочки».

Во французском и английском переводах этот нюанс не передан. Это приводит к тому, что иностранные читатели не могут понять той иронии, которая заключена в столкновении устаревающей формы родительного партитивного на -у – «нарзану» и отчетливо просторечной формы «нету». Форма на -у, как и форма на -а обозначают некоторую неопределенную часть потребляемого продукта и имеют в качестве эквивалента во французском языке форму с партитивным артиклем. Однако в переводе довольно часто русский родительный партитивный подлжит уточнению, то есть большей конкретизации.

Например: «*Филип Филипович жестом руки остановил его, налил себе коньяку, хлебнул, сосал лимон и заговорил...*» [«Собачье сердце», с. 420].

Таким образом, русская фраза содержит существительное «коньяк» в родительном партитивном и не уточняет количество налитого напитка.

Можно только предполагать, что профессор, зная, что такое коньяк и как его пьют, налил его себе немного, хотя из формы слова и из ближнего контекста этого вовсе не следует. Французский же переводчик вносит необходимое, на его взгляд, уточнение «un peu» (немного)

«*Le professeur l'arrêta d'un geste de la main, se versa un peu de cognac, en but une gorgée, suçota une rondelle de citron et dit enfin*» [«Coeur de chien», p. 118].

В английском переводе используется слово *some* для обозначения неопределенного

количества напитка:

«Philip Philipovich stopped him with a gesture, poured himself some cognac, sipped, sucked a section of lemon and said...» [«The Heart of a Dog», p. 58].

Таким образом, во французском тексте возникает более точная и более конкретная, по сравнению с русским оригиналом картина потребления напитков, что некоторым образом противоречит общему представлению о большей абстрактности французского языка по сравнению с русским.

Данное положение, на наш взгляд, можно объяснить явлением фразеологичности речи, обусловленной целым рядом факторов, в том числе и культурных.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в переводах на французский и английский языки, несмотря на все разнообразие слов, обозначающих питейную посуду, переводчики в основном используют одно видовое слово («verre» и «glass» соответственно). В оригинале на русском языке питейная посуда представлена в большом количестве, объем напитка передается не только с помощью определенной посуды, но и с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов (лафитничек), что вызывает особые трудности при переводе. Французские переводчики зачастую прибегают к конкретизирующим словам, тогда как английские переводчики используют слова, обозначающие неопределенное количество.

Список литературы:

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М., 1979. - С. 334 -335.

Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка. Нормы употребления слов, фразеологических выражений, грамматических форм и синтаксических конструкций / Ю.А. Бельчиков. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 424 с.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. М.: Международные отношения. - 1977. - 263 с.

Гак В.Г. Семиотические основы сопоставления двух культур. // Вестник МГУ. / Серия 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация - № 2 - М., 1998/2. - 117 - 126.

References:

Bakhtin M.M. Esthetika slovesnogo tvorchestva / M.M. Bakhtin. M., 1979. - S. 334 -335.

Bel'chikov YU.A. Prakticheskaya stilistika sovremennogo russkogo yazyka. Normy upotrebleniya slov, frazeologicheskikh vyrazhenii, grammaticheskikh form i sintaksicheskikh konstruksii / YU.A. Bel'chikov. – M.: AST-PRESS KNIGA. – 424 s.

Gak V.G. Sopostavitel'naya leksikologiya / V.G. Gak. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. - 1977. - 263 s.

Gak V.G. Semioticheskie osnovy sopostavleniya dvukh kul'tur. // Vestnik MGU. / Seriya 19 Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya - № 2 - M., 1998/2. - 117 - 126.

Источники:

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. - Минск: «Юнацтва». -1988.

Булгаков М.А. Собачье сердце / М.А. Булгаков. - СПб: «Кристалл». - 1998.

Boulgakov M. Le Maitre et Marguerite: Traduit du Russe par Claude Ligny / M. Boulgakov. - P.,

1997.

Boulgakov M. Coeur de chien: Traduit du Russe par Michel Pétris / M. Boulgakov. - P., 1996.

Bulgakov M. The heart of a dog and other stories. Translated by Kathleen Cook-Horuju and Avril Pyman / M. Bulgakov. - Raduga Publishers, Moscow, 1990.

Bulgakov M. The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov. Translated by Avril Pyman. English translation copyright Raduga Publishers Moscow [Электронный ресурс] – 1990. – Режим доступа: <http://www.arvindguptatoys.com/arvindgupta/29r.pdf>

Bulgakov M. The Master and Margarita by Mikhail Bulgakov. English translation and notes by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky [Электронный ресурс] – 2008. - Режим доступа: www.paskvil.com/file/files-books/bulgakov-master-and-margarita.pdf

Зигмантович Дарья Сергеевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Zigmantovich Daria
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРОСОДИЧЕСКИХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ОФОРМЛЕНИЯ РЕЧЕЙ ПОЛИТИКАМИ НА УСТНЫЙ СИНХРОННЫЙ
ПЕРЕВОД: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

**THE IMPACT OF PROSODIC AND LEXICAL FEATURES OF SPEECH DELIVERY
BY POLITICIANS ON SIMULTANEOUS INTERPRETING: EXPERIMENTAL STUDY**

С середины XX века устный синхронный перевод стал объектом исследования психологов, преподавателей, практикующих переводчиков, когнитивистов, историков и других специалистов. Сегодня интерес к экспериментальным исследованиям синхронного перевода не ослаб. Наоборот, во многих странах мира на базе научных школ или в специализированных центрах проводятся различные эксперименты с тем, чтобы глубже понять саму суть устного синхронного перевода; выявить, чем руководствуется синхронист и какие решения он принимает в экстремальных условиях работы; установить ряд закономерностей, которые оказывают воздействие на процесс и результат перевода для того, чтобы усовершенствовать дидактику и практику устного перевода. Ряд исследований показал, что особенности оформления речей ораторами могут выступать в качестве дестабилизирующих факторов для работы синхронных переводчиков. К этим особенностям относятся: скорость речи оратора, паузация речи оратором, синтаксис, лексический состав. В настоящей статье описываются результаты проведённого в Высшей школе перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова эксперимента, основной целью которого стало выявление того влияния, которое участники политического дискурса оказывают на полноту и качество устного синхронного перевода.

Since the mid-20th century, simultaneous interpreting (SI) has been the subject of research by psychologists, lecturers, practicing interpreters, cognitive scientists, historians, and other specialists. Today, the interest in experimental studies of SI has not waned. On the contrary, in many countries various experiments are conducted in scientific schools or specialized centers in order to better understand the very essence of SI; to identify what guides a simultaneous interpreter and what decisions he or she makes in extreme working conditions; to establish a number of patterns that affect the process and result of interpreting to improve the interpreting didactics and practice. A number of studies have shown that the peculiarities of speech delivery by orators can be destabilizing factors for simultaneous interpreters. These peculiarities include speaker's speech rate, speaker's speech pausing, syntactic features, vocabulary. This article describes the results of the experimental study conducted at the Higher School of Translation and Interpreting (faculty) (Lomonosov Moscow State University). The main goal of the experiment was to identify the influence that participants in political discourse have on the completeness and quality of SI.

Ключевые слова: устный синхронный перевод, практика устного перевода, дидактика устного перевода, экспериментальное исследование, синтаксис, скорость речи, паузация, лексика, оратор.

Key words: simultaneous interpreting, interpreting practice, interpreting didactics, experimental study, syntax, speech rate, pausation, vocabulary, orator.

В отечественной и зарубежной науке к описанию и исследованию устного синхронного перевода (далее – УСП) подходят по-разному. Каждый исследователь стремится дать собственную трактовку этому многогранному и сложному виду переводческой деятельности. В литературе можно найти много различных определений.

Тем не менее, все они подчеркивают синхронный/одновременный/параллельный характер восприятия речи на одном языке (язык оригинала) и воспроизведение речи на другом языке (язык перевода). Ниже приводится ряд определений, которые давали УСП отечественные и зарубежные специалисты:

– УСП – это один «из сложнейших видов работ устного переводчика», который завершает курс подготовки устных переводчиков. Успех и качество синхронного перевода зависят от ряда доведенных до автоматизма навыков, как: переключение, «синхронизация слуховой рецепции и речи», грамотное оформление перевода, концентрация внимания [Миньяр-Белоручев, 1959, с. 174].

– УСП – «это такой вид устного перевода на международной конференции, который осуществляется одновременно с восприятием на слух (плюс иногда зрительно “с листа”) предъявляемого однократно устного сообщения на ИЯ в изолирующей переводчика от аудитории кабине и в процессе которого – в экстремальных условиях деятельности – в любой отрезок времени перерабатывается информация строго ограниченного объема» [Чернов, 1987, с. 10]. Автор вероятностно-прогностической модели выделяет ряд важных и присущих УСП особенностей: осуществление перевода одновременно с выступлением оратором, обработка ограниченного объема информации, дефицит времени и стресс [Чернов, 1978, с. 11–12].

– УСП – «вид деятельности устного переводчика, характеризующийся произнесением текста перевода параллельно со звучанием исходного текста» [Ширяев, 1979, с. 173]. Автор основанной на понятии «единицы ориентирования» трехэтапной модели синхронного перевода к числу особенностей УСП относит одновременное восприятие и порождение речи, ограниченные временные рамки, навязанная оратором скорость перевода и перевод «по сегментам по мере их поступления» [Ширяев, 1979, с. 6].

– УСП – «способ устного перевода, при котором переводчик, слушая речь оратора, практически одновременно (с небольшим отставанием – 2–3 сек.) проговаривает перевод» [Комиссаров, 1990, с. 98]. Среди особенностей синхронного перевода теоретик отдельно выделяет параллельное восприятие и воспроизведение на разных языках, зависимость темпов восприятия, переработки и воспроизведения информации от темпа речи оратора, работу памяти, внимания, быстрое принятие решений, посегментный характер перевода (как и у А.Ф. Ширяева), а также высокую психологическую нагрузку [Комиссаров, 1990, с. 99–105].

– УСП – это набор сложных операций, базу которого составляет способность синхронистов концентрироваться на выполнении нескольких задач одновременно [Oléron, Nanpon, (1965) 2002].

– УСП – «сложное поведение» (англ. *complex behaviour*). Автор психологической модели указывает на то, что задача синхрониста представляет собой «сложный процесс переработки данных человеком, который включает в себя восприятие, хранение, поиск, трансформацию и передачу вербальной информации» [Gerver, 1975, с. 119].

– УСП – это такой режим устного перевода, когда находящийся в кабине синхронист слышит речь оратора через наушники и одновременно воспроизводит перевод воспринимаемого сообщения в микрофон со средним отставанием в одну или более секунд [Gile, 1995, с. 12].

– УСП – сложная когнитивная деятельность, в ходе которой переводчик вынужден в синхронном режиме осуществлять операции по восприятию, анализу, пониманию, переводу, правке и воспроизведению речи, с которой выступает оратор [Moser-Mercer, Künzli, Korac, 1998, с. 48].

Таким образом, и в зарубежной, и отечественной науках УСП традиционно рассматривается как включающий в себя целый ряд механизмов и операций сложный процесс. Успех осуществления УСП во многом зависит от переводчиков, которые должны постоянно совершенствовать свои навыки, поддерживать их на уровне автоматизма, а также от содержащихся в речах политиков просодических и лингво-культурологических элементов, которые оказывают влияние на простоту или сложность осуществления УСП.

Сегодня отечественными и зарубежными специалистами проводятся различные эксперименты с тем, чтобы наметить пути совершенствования дидактики и практики устного перевода, а также установить закономерности, которые оказывают воздействие на процесс и результат УСП, что поможет в разработке критериев для отбора речевого материала и системы упражнений.

На практических занятиях по устному синхронному переводу нами была выдвинута следующая гипотеза: в речах политиков содержатся просодические и лексические элементы, которые оказывают влияние на осуществление УСП. В частности, мы предположили, что перевод политических речей Н. Саркози осуществлять проще, в отличие от выступлений Ф. Олланда.

Для доказательства данной гипотезы на базе Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 2019 году был проведен эксперимент.

Данное экспериментальное исследование преследовало сразу несколько целей:

1) доказать, что разные ораторы по-разному осуществляют подачу материала, что оказывает воздействие на работу синхронистов (с точки зрения осуществления максимально полного и точного перевода);

2) доказать, что речи, с которыми выступают ораторы на тех или иных мероприятиях, отличаются по ряду факторов (синтаксис, паузация, скорость речи и лексический состав), которые оказывают влияние на степень переводимости выступлений с точки зрения полноты и точности передачи материала;

3) доказать, что не все устные выступления одинаково обрабатываются в режиме синхронного перевода;

4) доказать, что при отборе речевого материала для нужд УСП необходимо следовать системе критериев.

Поставленные цели обусловили необходимость решения следующих задач:

1) осуществить отбор речевого материала из числа «внешних» (реципиенты – не носители языка оратора; речи составлены для УСП) и «внутренних» (реципиенты – носители языка оратора) речей [Зигмантович, 2016];

2) осуществить отбор участников эксперимента;

3) разработать алгоритм проведения эксперимента и подготовиться к проведению эксперимента;

4) составить опросные листы для участников эксперимента;

5) провести эксперимент (перевод выступлений и заполнение участниками эксперимента опросных листов);

6) собрать и обработать данные (аудио переводов и опросные листы);

7) оценить качество осуществленного перевода;

8) сформулировать выводы, доказывающие или опровергающие выдвинутую гипотезу.

Для проведения эксперимента было отобрано шесть выступлений двух политических деятелей – Николя Саркози и Франсуа Олланда (по три речи на каждого: две «внешние» речи и одна «внутренняя»). Общая длительность звучания выступлений на каждого оратора: 29 минут 41 секунда и 26 минут 34 секунд, соответственно.

В эксперименте принимали участие студенты VI курса, обучающиеся по программе «Перевод и переводоведение» (специалитет, 6 лет). Для всех участников эксперимента первым иностранным языком является французский, а вторым – английский. Эксперимент проводился в аудитории, в которой установлено специальное оборудование для осуществления УСП. Участники эксперимента синхронно перевели три речи Н. Саркози и затем три речи Ф. Олланда с французского на русский язык. Перед воспроизведением каждой новой речи студентам сообщалась основная информация для лучшего ориентирования в контексте: оратор, дата, место, участники и тип аудитории. Воспроизведение речей осуществлялось по нарастающей сложности: совместная пресс-

конференция с представителем другой страны – выступление в международной организации – обращение к франкофонам по случаю того или иного мероприятия (см. табл. 1).

Таблица 1

Список речей для проведения эксперимента

	Речь
Николя Саркози (16 мая 2007 – 15 мая 2012)	Совместная пресс-конференция с президентом Турции Абдуллахом Гюлем в Анкаре 25 февраля 2011 г. [Sarkozy, Gül, 2011].
	Выступление на 66 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 21 сентября 2011 г. [Sarkozy, 2011a].
	Выступление перед лауреатами премии «Лучший мастер Франции» в Париже 25 ноября 2011 г. [Sarkozy, 2011b]
Франсуа Олланд (15 мая 2012 – 14 мая 2017)	Совместная пресс-конференция с премьер-министром Японии Синдзо Абэ в Париже 5 мая 2014 г. [Hollande, Abe, 2014].
	Выступление на саммите Африканского союза в Аддис-Абеба 25 мая 2013 г. [Hollande, 2013].
	Выступление на металлургическом заводе Р. Буржуа в Безансоне 14 апреля 2017 г. [Hollande, 2017].

Оценка полноты и качества осуществленного студентами перевода проводилась по следующим критериям:

1. Длина предложений (количество слов в каждом предложении от точки до точки).
2. Синтаксис речей.
3. Скорость речи оратора.
4. Паузация речи оратором.
5. Лексический состав.

По окончании эксперимента учащиеся заполнили два опросных листа для оценки уровня сложности осуществления УСП «внешних» и «внутренней» речи. В первом опросном листе оценка осуществлялась по перечисленным выше критериям в баллах от 1 до 5, где 1 – «очень сложно»; 2 – «вызывает определенные сложности»; 3 – «средней сложности»; 4 – «легко»; 5 – «очень легко». Во втором опросном листе студенты оценивали степень влияния длины предложений, синтаксиса речей, скорости речи оратора, паузации и лексического состава на УСП, используя следующие варианты ответа: «никогда», «очень редко», «в некоторых отдельных случаях», «почти всегда», «всегда».

Последовательно рассмотрим основные результаты проведенного эксперимента.

1. Длина предложений

Практика показывает, что перевод длинных предложений создает ряд трудностей для синхронистов, так как их сложнее делить на смысловые отрезки и удерживать в памяти информацию, содержащуюся в начале предложения.

Для участников эксперимента УСП длинных предложений в выступлениях на совместных пресс-конференциях и в стенах международных организаций «вызывает определенные сложности», либо оценивается как «средней сложности», поскольку доля длинных предложений тут низка. Перевод длинных предложений во «внутренних» речах, по мнению студентов, «очень сложный» или «вызывает определенные сложности».

2. Синтаксис речей

При анализе переводов участников эксперимента внимание обращалось на то, как студенты справились с переводом выделительных (фр. *mise en relief*), анафорических и трехчастных конструкций.

– Передача выделительных конструкций не вызвала сложностей, так как их отчетливо слышно в речи. Например, выделительные конструкции « *C'est ensemble que nous devons combattre ces fléaux. C'est ce que nous faisons au Mali pour protéger le Sahel [...]* » [Hollande, 2013] были в полном объёме переданы почти всеми участниками эксперимента.

– Передача анафорических конструкций вызвала ряд трудностей. В некоторых случаях студенты передавали каждый компонент конструкции в полном объеме: «*Шестьдесят лет прошло с тех пор, как...*», «*Шестьдесят лет с момента, как...*» и «*Шестьдесят лет существует вопрос о...*»⁴. Либо участниками эксперимента передавалась только часть конструкции: «*Встанем на место палестинцев*»⁵.

– Передача компонентов трехчастных конструкций также осуществлялась по-разному. Студенты либо передавали в полном объеме все три элемента конструкции, либо сокращали число компонентов: «*посредством диалога и сотрудничества*» вместо «*посредством диалога, сотрудничества, согласованности действий*»⁶.

Степень влияния синтаксиса «внешних» речей на перевод оценивается участниками эксперимента как «средней сложности». Перевод синтаксических конструкций «внутренних» речей получил оценку «очень сложный» или «вызывает определенные сложности». Благодаря эксперименту удалось установить, что более типичный и похожий синтаксис легче переводить в режиме УСП.

3. Скорость речи оратора

Британский психолог Д. Гервер экспериментальным путем установил средний предел комфортной скорости речи оратора для синхронистов: до 120 слов в минуту.

---

⁴ В оригинале: «*Voilà donc soixante ans que [...]*» [Sarkozy, 21.09.2011].

⁵ В оригинале: «*Mettons-nous à la place des Palestiniens. [...] Mettons-nous à la place des Israéliens [...]*» [Sarkozy, ibid.].

⁶ В оригинале: «*[...] faire en sorte qu'il n'y ait pas d'autre voie que le dialogue, que la coopération, que la concertation, [...]*» [Hollande, Abe, 2014].

Увеличение этого порога приводит к ухудшению качества УСП, появляются ошибки и пропуски [Gerver, 1975, с. 121–122]. В XX веке был проведен ряд экспериментов, в результате которых было установлено, что темп речи оратора оказывает наибольшее воздействие на полноту и точность УСП и скорость восприятия, обработки и воспроизведения информации [Ширяев, 1979; Чернов, 1987; Gerver, 1975]. Данные по скорости речи ораторов в отобранных нами речах приводятся ниже (см. табл. 2).

Таблица 2

Скорость речи ораторов

	Речь	Скорость речи оратора (слов в минуту)
Николя Саркози	Совместная пресс-конференция с президентом Турции Абдуллахом Гюлем [Sarkozy, Gül, 2011].	139,4
	Выступление на 66 сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Sarkozy, 2011a].	102,2
	Выступление перед лауреатами премии «Лучший мастер Франции» [Sarkozy, 2011b].	143,5
Франсуа Олланд	Совместная пресс-конференция с премьер-министром Японии Синдзо Абэ [Hollande, Abe, 2014].	131,3
	Выступление на саммите Африканского союза [Hollande, 2013].	102,7
	Выступление на металлургическом заводе Р. Буржуа [Hollande, 2017].	143,1

По блокам рассмотрим влияние скорости речи ораторов на перевод:

– Перевод совместных пресс-конференций оценивается большинством участников эксперимента как «средней сложности» (для двух ораторов).

– Перевод выступлений в стенах международных организаций: перевод обращения Н. Саркози к Генеральной Ассамблее ООН оценивается участниками эксперимента как «легко осуществимый» или «средней сложности», а УСП выступления Ф. Олланда на саммите Африканского союза для одной половины респондентов «вызывает определенные сложности», и вторая половина учащихся отмечает «среднюю сложность» его осуществления. Таким образом, по мнению участников эксперимента, обращения Николя Саркози к иноязычной аудитории переводить проще с точки зрения влияния скорости речи оратора на качество и полноту УСП.

– Перевод обращений к франкоязычным гражданам, произносимых на такой высокой скорости речи, выполнять «очень сложно» (половина респондентов) или «вызывает определенные сложности» (другая половина респондентов).

Анализ воздействия скорости речи оратора на полноту и качество перевода показал, что при повышении темпа речи оратором у синхронистов появляются хезитации, продолжительные паузы, оговорки, пропуск значительного количества информации.

4. Паузация речи

Логичная расстановка пауз оказывает воздействие на восприятие и последующее воспроизведение информации в условиях УСП. Перевод речей с нелогичной паузацией был оценен участниками эксперимента как «средней сложности» для «внешних» выступлений и как «очень сложный» или «вызывающий определенные сложности» для «внутренних» выступлений.

5. Лексический состав

В ходе анализа переводов внимание обращалось на то, как учащиеся справляются с передачей метафор и образов, числительных, имен и названий.

– Передача метафорических образов во «внешних» речах вызвала трудности только в одном случае. Половина учащихся успешно справилась с переводом сравнения бездействия с параличом: «*Но пусть эта Генеральная Ассамблея [...] решит двигаться вперед, решит вырваться из смертельной ловушки бездействия*»⁷. В том же обращении к Генеральной Ассамблее второй образ был также передан половиной участников эксперимента: «*Вы не можете бездействовать, когда этот ветер свободы и демократии дует в вашем регионе*»⁸. Вторая половина учащихся неверно расслышала глагол *souffler* (рус. дуть) и спутала его с глаголом *souffrir* (рус. страдать). Метафорическое сравнение, встретившееся во «внутренней» речи, не было передано ни одним из участников эксперимента: «*Поскольку учеба является трамплином к получению работы [...]*»⁹.

– Передача числительных в условиях работы УСП всегда создает ряд сложностей для синхронистов. Только около 50% количественных данных верно передается переводчиками. Наибольшую сложность традиционно представляют четырехзначные цифры и далее по возрастающей [Mazza, 2001, с. 101]. Количественная информация, содержащаяся во «внешних» речах Николя Саркози, была передана точно за исключением одного отрывка, где есть градационное перечисление временных интервалов: «один месяц» – «полгода» – «год»¹⁰. При переводе «внешних» речей Франсуа Олланда участники эксперимента неверно передали *mille* (рус. тысяча), которое всегда путается с *million* (рус. миллион).

– Распознавание, хранение в памяти и передача ономастических компонентов на языке перевода в режиме УСП также представляет сложность (даже для опытных синхронных переводчиков) [Костикова, 2018, с. 872–873]. Студенты успешно передали

---

⁷ В оригинале: « Mais que cette Assemblée générale [...] décide d'avancer, décide de **sortir du piège mortel de la paralysie** » [Sarkozy, 2011a].

⁸ В оригинале: « Vous ne pouvez pas rester immobiles alors que **ce vent de liberté et de démocratie souffle** dans votre région » [Sarkozy, ibid.].

⁹ В оригинале: « C'est parce que l'apprentissage **est un tremplin vers l'emploi** [...] » [Sarkozy, 2011b].

¹⁰ В оригинале: « **Un mois** pour reprendre les discussions ; **Six mois** pour se mettre d'accord sur les frontières et sur la sécurité; **Un an** pour parvenir à un accord définitif » [Sarkozy, 2011a].

все имена и названия, встретившиеся во «внешних» речах, среди которых были, например: французские политические деятели Брюно Ле Мэр или Мануэль Вальс, президент Южно-Африканской Республики Нельсон Мандела и президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган; названия французских компаний Thales (выпуск информационных систем для авиакосмического, военного и морского применения) и Airbus (самолетостроение); названия регионов *Sahel* (рус. *Сахель*) и *Proche-Orient* (рус. *Ближний Восток*). Во «внутренних» речах также содержались ономастические компоненты, однако, участники эксперимента не справились с их передачей.

Испытуемые отметили, что лексический состав выступлений оказывает значительное воздействие на качество и успех УСП. Перевод лексики «внешних» речей оценивается испытуемыми как «средней сложности» или «легко осуществимый». Практически все студенты отметили, что перевод лексики выступлений внутреннего характера осуществлять «очень сложно» или «вызывает определенные сложности».

Анализ ответов участников эксперимента в опросных листах показал, что решающую роль для успеха и полноты УСП, по мнению испытуемых, играет облегченный и типичный синтаксис (выделительные и анафорические конструкции, отсутствие вставных конструкций) и средняя скорость речи оратора.

Таким образом, в результате проведенного эксперимента мы пришли к следующим выводам:

1) Николя Саркози и Франсуа Олланд по-разному выступают с речами, что обусловлено набором просодических, лингво-культурологических и лексических элементов в речах ораторов, которые проявляются в выступлениях индивидуально (длина предложений, синтаксис, скорость речи, паузация, лексический состав).

2) Вариативный и переменный характер, а также сложность или облегченность перечисленных в предыдущем пункте критериев показывает, что полнота, точность и качество УСП «внешних» речей и «внутренних» речей на разных уровнях зависит от оратора и самого синхрониста.

3) Не все устные выступления одинаково обрабатываются в режиме УСП. «Внешние» речи успешно переведены всеми испытуемыми по ряду признаков. Степень полноты и точности здесь обеспечиваются выше, чем при работе с «внутренними» выступлениями. Участники эксперимента указали на то, что существенное воздействие на УСП оказывают темп речи оратора и логичная паузация.

4) Обор речевого материала для нужд УСП должен осуществляться в соответствии с системой критериев для достижения удовлетворительных результатов.

К данным критериям мы предлагаем отнести следующие:

– Преследуемая преподавателем цель определяет сложность выбранного выступления: начальный этап обучения УСП – формирование навыков, более продвинутый уровень – отработка и автоматизация соответствующих навыков, профессиональный уровень – проведение интенсивного тренинга.

– Оценка общего уровня знаний и компетенций группы студентов.

– Работа с транскрипцией выступления и визуальная оценка длины предложений и синтаксиса, а также насыщенности количественной информацией, ономастическими компонентами, метафорами и образами.

– Работа со звучащей речью и оценка подачи материала оратором с точки зрения паузации речи (логичная/нелогичная), скорости речи (медленная/средняя/быстрая) и уровня шума (низкий/средний/высокий).

Доминирующий критерий – первый, так как он влияет на то, какой тип речи выбирает преподаватель для студентов – «внутреннюю» или «внешнюю».

Результаты проведенного нами эксперимента, а также предложенные нами критерии отбора речевого материала могут стать базой для создания системы соответствующих упражнений для преподавания синхронного перевода, а также отработки и автоматизации навыков УСП. В будущем планируется провести эксперимент с группой профессиональных синхронистов (в том числе в другой языковой комбинации – «английский» язык – «русский» язык), а также предложить ряд упражнений для нужд УСП. Продолжение исследований в данном направлении представляется нам перспективным и может помочь глубже изучить суть и механизмы УСП для совершенствования дидактики и практики устного перевода.

Список литературы:

Зигмантович Д.С. Политический дискурс как объект устного перевода (на материале речей российских и французских политиков) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2016. № 3. С. 41–57.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Костикова О.И. Когнитивная обработка информации с ономастическим компонентом в устном синхронном переводе // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 870–874.

Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения переводу на слух. М: Изд-во Института международных отношений, 1959. 190 с.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Международные отношения, 1978. 208 с.

Чернов Г.В. Основы синхронного перевода: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.

Gerver D. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation [Электронный ресурс] // Meta : journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal, 1975. Vol. 20. № 2. P. 119–128. – Режим доступа: <http://id.erudit.org/iderudit/002885ar>.

Gile D. Regards sur la recherche en interprétation de conférence. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1995. 276 p.

Mazza C. Numbers in Simultaneous Interpretation // The Interpreters' Newsletter. № 11. Trieste: EUT Edizioni Università di Trieste, 2001. P. 87–104.

Moser-Mercer B., Künzli A., Korac M. Prolonged Turns in Interpreting: Effects on Quality, Physiological and Psychological Stress (Pilot Study) // Interpreting, 1998. Vol. 3. Issue 1. P. 47–64.

Oléron P., Nanpon P. Research into simultaneous translation (translated by Ruth Morris) // The Interpreting Studies Reader / ed. by Franz Pöchhacker and Miriam Shlesinger. London; New York: Routledge, (1965) 2002. P. 43–50.

References:

Chernov G.V. Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda [Theory and Practice of Simultaneous Interpreting]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978. 208 p. (In Russian).

Chernov G.V. Osnovy sinkhronnogo perevoda: Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. [The Basics of Simultaneous Interpreting]. M.: Vysshaya shkola, 1987. 256 p. (In Russian).

Gerver, D. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation [Electronic resource] / D. Gerver // Meta : journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal, 1975. Vol. 20. № 2. P. 119–128. – Available at: <http://id.erudit.org/iderudit/002885ar>.

Gile D. Regards sur la recherche en interprétation de conférence. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1995. 276 p.

Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. [Theory of Translation (Linguistic Aspects)]. M.: Vysshaya shkola, 1990. 253 p. (In Russian).

Kostikova O.I. Kognitivnaya obrabotka informacii s onomasticheskim komponentom v ustnom sinkhronnom perevode [Language Processing in Simultaneous Interpreting: Information with the Onomastic Component] // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2018. № 34. P. 870–874. (In Russian).

Mazza C. Numbers in Simultaneous Interpretation // The Interpreters' Newsletter. № 11. Trieste: EUT Edizioni Università di Trieste, 2001. P. 87–104.

Min'yar-Beloruhev R.K. Metodika obucheniya perevodu na slukh [Methodology of Teaching Oral Translation]. M: Izd-vo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii, 1959. 190 p. (In Russian).

Moser-Mercer B., Künzli A., Korac M. Prolonged Turns in Interpreting: Effects on Quality, Physiological and Psychological Stress (Pilot Study) // Interpreting, 1998. Vol. 3. Issue 1. P. 47–64.

Oléron P., Nanpon P. Research into simultaneous translation (translated by Ruth Morris) // The Interpreting Studies Reader / ed. by Franz Pöchhacker and Miriam Shlesinger. London; New York: Routledge, (1965) 2002. P. 43–50.

Shiryayev A.F. Sinkhronnyi perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda [Simultaneous Interpreting. Simultaneous Interpreter and Methodology of Teaching Simultaneous Interpreting]. M.: Voenizdat, 1979. 183 p. (In Russian).

Zigmantovich D.S. Politicheskii diskurs kak objekt ustnogo perevoda (na materiale rechei rossiiskikh i frantsuzskikh politikov) [Political Discourse as a Subject Matter of Interpreting of Speeches Delivered by Russian and French Politicians] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2016. № 3. P. 41–57. [In Russian].

Список источников:

Hollande, F. Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur l'avenir des relations entre la France, l'Europe et l'Afrique, à Addis-Abeba le 25 mai 2013 [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://discours.vie-publique.fr/notices/137001238.html>.

Hollande, F. Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur l'entreprise de métallurgie R. Bourgeois, à Besançon le 14 avril 2017 [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://discours.vie-publique.fr/notices/177000965.html>.

Hollande, F., Abe, S. Déclaration conjointe de MM. François Hollande, Président de la République, et Shinzo Abe, Premier ministre du Japon, sur les relations franco-japonaises, à Paris le 5 mai 2014 [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://discours.vie-publique.fr/notices/147000992.html>.

Sarkozy, N. Allocution de M. Nicolas Sarkozy. Ouverture de la 66ème session [Электронный ресурс]. 2011a. – Режим доступа: <https://www.flickr.com/photos/vascopress/6170823952/>.

Sarkozy, N. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur les lauréats du "Meilleur ouvrier de France" et sur les efforts gouvernementaux en faveur des métiers manuels, à Paris le 25 novembre 2011 [Электронный ресурс]. – 2011b. – Режим доступа: <http://discours.vie-publique.fr/notices/117002632.html>.

Sarkozy, N., Gül, A. Point de presse conjoint de MM. Nicolas Sarkozy, Président de la République, et Abdullah Gül, Président de la République de Turquie, sur les relations franco-turques, la situation politique dans les pays arabes et sur la position de la France face à l'adhésion éventuelle de la Turquie à l'Union européenne, à Ankara (Turquie) le 25 février 2011 [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://discours.vie-publique.fr/notices/117000532.html>.

Кобозева Ирина Михайловна
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kobozeva Irina
Lomonosov Moscow State university
Moscow (Russia)

ПЕРЕВОД ЖЕСТОВЫХ НОМИНАЦИЙ: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

GESTURE NOMINATIONS IN TRANSLATION: A PARALLEL CORPUS STUDY

Эмблематические жесты, как правило, имеют в вербальном языке стандартные номинации. Описание семантики жестовых номинаций (ЖН) по контекстам их употребления остается одним из основных способов описания семантики обозначаемых ими жестов. ЖН — это та точка, в которой анализ языка жестов пересекается с анализом письменного, в том числе художественного, текста. Жесты персонажей реалистического произведения, каковы бы ни были функции этих жестов, передаются читателю при помощи ЖН. А поскольку перевод текста предполагает адекватную передачу его смысла, то наличие в тексте ЖН требует от переводчика знания семантики обозначенного таким образом жеста с тем, чтобы выбрать соответствующую по смыслу ЖН в языке перевода.

В докладе рассматриваются результаты пилотного корпусного анализа на конкретном примере ЖН *развести руками* и ее соответствий в английском языке по данным русско-английского подкорпуса Национального корпуса русского языка.

В результате анализа все переводные соответствия на основе их количественных характеристик подразделяются на ординарные и неординарные. Ординарные соответствия уже на основе качественных характеристик подразделяются на стандартные и нестандартные. Выявленные причины появления неординарных и нестандартных ординарных соответствий представляют интерес для теории и практики перевода. Полученные результаты важны также для контрастивного исследования жестикуляции, поскольку некоторые виды нестандартных соответствий свидетельствуют о разной степени ономаσιологической выделенности жестовых аналогов в разных языках жестов.

As a rule, emblematic gestures have standard verbal counterparts — gesture names (GNs). Semantic description of GNs based on the context of their use remains a major source for the semantic description of gestures they denote. GN is the point where analysis of gestures meets text analysis, and in particular, literary text analysis. Characters' gestures, whatever their functions may be, are depicted for readers through GNs. Since translation should adequately transmit the meaning of the text, the presence of GN in the text requires that the interpreter knows the meaning of the gesture denoted by this GN in order to choose the semantically corresponding GN in the language of translation.

In the paper we present and discuss the pilot corpus study of a Russian GN *razvestirukami* 'spread one's hands and its English equivalents in English subcorpus of the Russian National Corpus.

As a result, all the translational equivalents of this GN were firstly classified on the basis of their frequency as ordinary and extraordinary, and secondly, the ordinary equivalents were divided into standard and non-standard on the basis of their qualitative features. The proposed explanations of extraordinary and non-standard ordinary equivalencies may be of interest for translatology. The obtained results are also relevant for the contrastive study of gesticulation since some kinds of non-standard equivalencies indicate that interlingual gestural analogs may have different degree of "onomasiologic" salience.

Ключевые слова: язык тела, эмблематический жест, семантика, перевод, параллельный корпус, русский язык, английский язык.

Key words: bodylanguage, emblematic gestures, semantics, translation, parallel corpus, Russian, English.

Обратившись в конце XX в. к изучению устного дискурса, лингвисты не могли игнорировать важную роль паравербальных средств в процессе коммуникативного взаимодействия и включили в сферу своих интересов язык тела, в частности жесты.

Особое место среди сопровождающих речь жестов занимают эмблематические жесты, или эмблемы [Efron, 1972 (1941)]. Эмблемы – это кинетические знаки с определенным значением, которое они способны передавать без какого бы то ни было вербального сопровождения (КИВНУТЬ, ПОКРУТИТЬ ПАЛЬЦЕМ У ВИСКА, ОБЛИЗНУТЬСЯ¹¹ и т.п.). Устойчивая связь между означающим и означаемым жеста-эмблемы позволяет описывать его значение и употребление так, как если бы это было слово, и создавать толково-комбинаторные словари жестов, подобные «Словарю языка русских жестов» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001] (далее СЯРЖ). Входом в СЯРЖ служат названия жестов-эмблем, которым сопоставляется графическое и вербальное «физическое описание» жеста, его толкование на семантическом метаязыке, а также информация о парадигматических и синтагматических свойствах жеста. Значение жестов выявлялось методом контекстуального семантического анализа названий жестов, представляющих их в письменном тексте, – жестовых номинаций (ЖН): *подбочениться, кивок, махнуть рукой, поглаживать бороду* и т.п.

ЖН – это та точка, в которой анализ языка жестов пересекается с анализом письменного текста, в частности текста художественного. Литературные персонажи живут, мыслят чувствуют, действуют, говорят и жестикулируют в созданном автором текста воображаемом мире. В реалистической литературе они делают это так, как, по мнению автора, это может происходить в мире реальном. Жесты персонажей, каковы бы ни были функции этих жестов, передаются читателю при помощи ЖН. А поскольку перевод текста с одного языка на другой предполагает адекватную передачу смысла оригинала, то наличие в тексте ЖН требует от переводчика знания семантики обозначенного таким образом жеста с тем, чтобы выбрать соответствующую по смыслу ЖН в языке перевода. С целью выяснения того, насколько успешно переводчики справляются с этой задачей, мы провели пилотный анализ переводов ЖН *развести руками* на английский язык и анализ английских выражений, при переводе которых на русский язык использовалась данная ЖН (стимулов перевода) по данным английской части параллельного корпуса в составе Национального корпуса русского языка.

Объект исследования – переводные соответствия, или эквиваленции (ср. [Бунтман и др., 2014]), одним из компонентов которых выступает ЖН *развести руками* (сокращенно *PP*).

В «английском» сегменте параллельного корпуса НКРЯ на дату 14.02.2021 по запросу *развести / разводить* с грамматической пометой «индикатив» + *рука* с пометой

---

¹¹Здесь и далее прописными буквами обозначается собственно жест как знак языка жестов. В отличие от этого жестовые номинации, являющиеся знаками вербального языка, записываются курсивом.

«твор. пад., мн. ч.» было выдано 117 пар предложений «оригинал – перевод» в виде базы данных в формате Excel. Оставив в базе все англо-русские пары, которых в корпусе пока существенно меньше, чем русско-английских, мы произвольным образом удалили ряд русско-английских пар, доведя общее число пар до 100, и в результате получили набор эквиваленций, отраженный в Таблице 1.

Таблица 1. Количество эквиваленций с ЖН *развести руками* (PP) по разным направлениям перевода.

Направление перевода	Количество эквиваленций	Из них с ЖН в оригинале
Рус → Англ	72	72(PP→X)
Англ → Рус	28	22(X→PP)
Итого	100	94

Все ЖН в базе были размечены по ряду параметров:

1. Стимул для жеста (подчеркнуто здесь и далее мной — И.К.), который может быть как вербальным, то есть репликой собеседника (С) определенного иллокутивного типа (напр., «вопрос», «вопрос-предположение», «вопрос-упрек», «упрек», «отказ»), так и невербальным (напр., «необычная ситуация», «действие С»).

2. Вербальный РА, сопровождаемый жестом (напр.: *He hasn't done well*; б. *Вы это или не вы?*)

3. Сопровождающий жест: «пожал плечами», «поднял брови», «вздыхнул» и т.п.

4. Модификатор при ЖН, например: *wide / широко, беспомощно / helplessly, от неожиданности / in surprise* и т.п.

5. Психологическое состояние жестикулятора: «боится», «оробел», «сокрушается». Значения этого параметра либо эксплицированы в контексте психологическим предикатом, либо имплицированы в модификаторе при ЖН. Так, модификатора *от неожиданности* имплицитно означает значение: «удивился» по данному параметру.

6. Авторская интерпретация жеста, напр.: *в этом жесте выражалась его беспомощность перед чувством, с которым не мог он совладать; inawhat-givesgesture*, где жест интерпретируется с отсылкой к фраземе *What gives?* в значении «Что поделаешь?».

Состав эквиваленций с ЖН *развести руками* отражает Табл. 2. В ее правой части – английские выражения, которые были переведены при помощи ЖН PP. Эквиваленции с тождественными или синонимичными эквивалентами (напр., PP → *shrug one's shoulders*, PP → *shrug* и *lift one's shoulders* → PP) образуют одну строку таблицы. Добавление к эквиваленту «+ перифразы» означает, что он может выступать в перифрастическом варианте, например, эквивалент *shrug* имеет вариант *give a shrug*. В последнем столбце

Табл. 2 указана общая частота эквиваленций данного вида по обоим направлениям перевода.

Таблица 2. Состав эквиваленций с ЖН *PP* в разных направлениях перевода

<i>PP</i> → английский		Английский → <i>PP</i>		Частота Англ ↔ <i>PP</i>
Перевод	Частота	Оригинал	Частота	
<i>spread(out)one's hands</i>	18	<i>spread(out) one's hands</i>	5	23%
<i>spread(out) one's arms</i>	14	<i>spread one's arms</i>	1	15%
<i>throw up one's hands</i>	9	<i>throw up one's hands</i>	1	10%
<i>throw(out) one's hands</i>	1	<i>throw (out) one's hands</i>	2	3%
<i>shrug (one's shoulders)</i> + перифразы	11	<i>lift one's shoulders</i>	1	12%
<i>gesture</i> _v + перифразы	6	<i>gesture</i> _v + перифразы	3	9%
<i>a sweep of one's arms</i>	1	<i>make a sweeping gesture</i>	1	2%
<i>open one's arms</i>	1			1%
		<i>opened his hands and extended them outwards</i>	1	2%
<i>stretch out one's arms</i>	1			1%
		<i>splay one's arms</i>	1	1%
		<i>wave one's hands</i>	1	1%
<i>raise one's hands</i>	1	<i>raise one's hands</i>	2	3%
описательная ЖН	1	описательная ЖН	2	3%
нежестовая замена <i>PP</i>	4	речевое или иное нежестовое действие	6	10%
∅	4	∅	1	5%
ИТОГО	72		28	100%

Как видно из таблицы, большинство английских эквивалентов ЖН *PP* – это также ЖН: словосочетания глагола физического действия с управляемой объектной ИГ, обозначающей руки (*hands* или *arms*), либо глагол *gesture* «жестикулировать» или его перифрастический вариант *make a gesture* «производить жест». «Описательными» в таблице названы такие ЖН, в которых либо вместо глагола физического действия выступает глагол другого семантического класса, например, *demonstrate with one's hands*, либо они представляют собой сложную конструкцию с отдельным маркированием разных физических аспектов жеста, типа *balancing one's expanded palms* букв. «балансируя раскрытыми ладонями». «Нежестовые замены» в Табл. 2 – это эквиваленты, обозначающие не жест, а иное коммуникативное действие (см ниже пример (4)). Эквивалент ∅ в переводе означает, что переводчик проигнорировал ЖН, как если бы в оригинале не было сказано, что некто *развел руками*, а тот же эквивалент в оригинале означает, что переводчик ввел ЖН *развести руками*, хотя в оригинале никакой жест не упоминался.

Анализ данных. Данные о частотности, приведенные в Табл. 2, позволяют разделить все эквиваленции (и соответственно, эквиваленты) на две категории: **ординарные** (ОЭ), встретившиеся с общей частотой 10% и выше, и **неординарные** (НЭ).

Среди **ординарных** можно выделить **стандартные** (СОЭ) и **нестандартные** эквиваленции/ эквиваленты (НОЭ). СОЭ — это номинация жеста, принадлежащего к тому же «физическому» типу, что и в оригинальной ЖН. Так, для *PP* это должна быть номинация двуручного жеста. НОЭ обозначает либо жест другого типа, либо не жест.

Из Табл. 2 явствует, что стандартными для ЖН *развести руками* являются три эквивалента: *spread (out) one's hands, spread (out) one's arms, throw up one's hands*. Учитывая, что *hand* и *arm* обозначают разные части верхней конечности и что в своем прямом значении глаголы *spread* «распространять» и *throw up* «бросать вверх» обозначают перемещение объекта с разными векторами, факт наличия у ЖН *PP* трех нетождественных по внутренней форме эквивалентов свидетельствует либо о том, что в английском языке у жеста РАЗВЕСТИ РУКАМИ есть три синонимичных номинации, либо о том, что ЖН *развести руками* полисемична или даже омонимична, соответствуя не одному, а двум или трем разным жестам, каждый со своим означаемым. Выяснение этого вопроса относится к компетенции жестикуляционной лингвистики.

Остановимся подробнее на **нестандартных ординарных эквивалентностях**.

Самой частотной по нашим данным (12%) является НОЭ *PP ↔ shrug (one's shoulders)* + варианты ЖН того же самого жеста:

(1) Ковченко неопределенно **развел руками**. – Kovchenko **shrugged his shoulders**. [В. С. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 2 (1960) | Vasily Grossman. Life and fate. Part 2 (Robert Chandler, 1985)]

(2) Montez **lifted his shoulders** and eyebrows expressively. – Монтес выразительно поднял брови и **развел руками**. [Isaac Asimov. The Gods Themselves (1972) | Айзек Азимов. Сами боги (Р. Рыбакова, 1975)]

Совершенно очевидно, что эквиваленты в (1) и (2) обозначают физически разные жесты: у РАЗВЕСТИ РУКАМИ активный орган – руки, у ПОЖАТЬ ПЛЕЧАМИ – плечи. Вместе с тем при различии физической формы данных жестов, они близки по значению. ВСЯРЖ они подаются как «жестовые аналоги». Их толкования имеют большую общую часть [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001, с. 93-95, 129-130]. Пример (3) иллюстрирует случай, когда можно использовать любой из двух жестов или оба сразу:

(3) И он, расставив тонкие ноги, **пожал** своими и так уже вечно сжатыми **плечами** и **развел руками**, как будто хотел выразить изумление, как такая дрянь может находить себе покупателя. – Saying which, he stood with skinny legs apart, **shrugged his** hunched up

shoulders, and **spread his hands**, as if to express astonishment at the fact that such rubbish could find. В. М. Гаршин. Надежда Николаевна (1885) | Vsevolod Garshin. Nadezhda Nikolayevna (BernardIsaacs, 1959)

Чем можно объяснить тот факт, что в английских переводах с русского с достаточной регулярностью встречаются НОЭ *shrug (one's shoulders)* при возможности использовать СОЭ *spread one's hands / arms*? Мы предполагаем, что в данном и подобных случаях проявляется различие в степени ономаσιологической выделенности [Geerarts, Grondelaers, Bakema 1994] жестовых аналогов: при наличии условий, допускающих использование любого из аналогов А и В, в одном языке жестов предпочитают использовать жест А, а в другом – В.

Еще один тип НОЭ – это замена ЖН на номинацию другого коммуникативного действия (обычно речевого), как в (4), или наоборот, как в (5). Всего таких НОЭ в нашем материале 10%. При этом первый тип замены представлен в направлении перевода «русский → английский», а второй – в направлении «английский → русский»:

(4) Майор тут же заказал самолет и, вспомнив про Мересьева, **развел руками**: – Не повезло, улетаем. – The major at once ordered the plane and remembering that Meresyev was in the room he **said apologetically**¹²: "You're out of luck. We are going away». [Б.Н. Полевой. Повесть о настоящем человеке (1946) | Boris Polevoi. A Story about a real man (Joe Fineberg, 1950)

(5) "I don't know," she **answered**¹³ → Не знаю, – **развела руками** девочка. [L. Frank Baum. Dorothy and the Wizard in Oz (1908) | Л. Фрэнк Баум. Дороти и Волшебник в Стране Оз (Т. Д. Венедиктова, 1992)]

Подобные замены происходят преимущественно в конструкциях прямой речи. Уже отмечалось, что в русскоязычных переводах наблюдается большее разнообразие предикатов, вводящих речь, по сравнению с англоязычными оригиналами [Уржа 2018, с.119], и в их число входят разнообразные ЖН. При этом русские ЖН вводящие прямую речь, могут выступать в постпозиции к ней, с требуемой в таких случаях инверсией субъектной ИГ и вводящего глагола или фраземы, как в (5). В английском языке подобные конструкции с постпозицией и инверсией возможны для глаголов речи и очень небольшого числа глаголов, обозначающих внеречевые фонационные действия, в частности *sigh* «вздыхнуть», как в примере (6), который русский переводчик по неясным причинам заменил на *PP*:

(6) "We are help less to escape," **sighed** the Wizard. – Но выбраться отсюда

---

¹² Дословно: *сказал извиняющимся тоном.*

¹³ Дословно: *ответил.*

невозможно, – **развел руками** Волшебник. [L. Frank Baum. *Dorothy and the Wizard in Oz* (1908) | Л. Фрэнк Баум. *Дороти и Волшебник в Стране Оз* (Т.Д. Венедиктова, 1992)]

ЖН могут употребляться в препозиции и постпозиции к прямой речи в английском тексте, но не как предикаты, образующие единую конструкцию с прямой речью, а как предикаты независимых предложений, описывающих жест, осуществляемый одновременно с речью, или же непосредственно перед ней, или после нее, как в (7):

(7) – Если уж это так необходимо? – **развел руками** со вздохом Ярченко. – “Well, if that is so indispensable?” Yarchenko **spread out his hands** with a sigh. [А.И. Куприн. *Яма* (1870) | Alexandre Kuprin. *Yama* (Bernard Guilbert Guerneу, 1929)]

При всем различии синтаксических структур оригинала и перевода в (7), семантически они эквивалентны. Почему же английские переводчики не всегда используют возможность сохранить в переводе жест персонажа, заменяя ЖН на номинацию речевого действия¹⁴, иногда в сочетании с модификатором, компенсирующим тот или иной аспект информации, передаваемой жестом в оригинале (ср. модификатор *apologetically* в (4)). И почему русские переводчики, напротив, иногда вводят ЖН в перевод английских конструкций с прямой речью, в которых о жестикуляции нет ни слова. Ведь таким образом англоязычные переводчики снижают степень кинетической активности персонажей, а русскоязычные, наоборот, повышают. Одним из объяснений этого феномена может быть переводческая стратегия доместикации [Venuti, 1998], то есть приближения текста перевода к нормам своей (принимающей) культуры. Известно, что англичане более ограниченно и сдержанно используют жесты и мимику по сравнению с русскими [Ларина, 2009, с. 90–96]. По-видимому, то же справедливо и в отношении американцев. И если переводчик использует стратегию доместикации, то он будет приближать «градус» жестикуляции к принятому в «своей» культуре: англоязычный переводчик будет убирать жесты, «избыточные» с позиций англо-саксонской культуры, заменяя в переводах с русского на английский, а русскоязычный – добавлять.

Рассмотренный вид НОЭ смыкается с одним из видов неординарных эквивалентов (НЭ), а именно с нулевым эквивалентом. Эквиваленций с нулевым эквивалентом в наших данных всего пять: 4 – типа «*PP* → $\emptyset$ », и 1 – типа « $\emptyset$ → *PP*» (см. Табл. 2). НЭ типа «*PP* → $\emptyset$ » – это просто еще один вариант устранения ЖН оригинала при переводе с русского на английский, как в (8):

(10) Гольд оробел, он беспомощно **развел руками** и побрел, опустив голову и что-то бормоча. → The fisherman shuffled off, his head hung low and muttering some thin gunder

---

¹⁴ В русских конструкциях с вводящей прямую речь ЖН сема ‘говорить’ имплицирована в значении конструкции.

his breath. [Николай Задорнов. Амур-батюшка (1940-1958) | Nikolai Zadornov. AmurSaga (Olga Shartse, 1971)]

Мы проверили по корпусу, встречаются ли аналогичные НЭ в направлении Англ. → Рус., т.е. будет ли ЖН *spread one's hands / arms* опускаться в русском переводе, и не нашли ни одного такого случая. Напротив, в наших данных встретился случай добавления данной ЖН русским переводчиком:

(9) In them days, when you-all come around makin' poormouths.". He heaved a sigh of resignation. "Well, I suppose I'll have to give you-all a grub-stake or soup, or some thin go rother». — Вот тогда придете ко мне с голодухи... - Он вздохнул и **развел руками**. - Ну, что ж делать, придется мне ссудить вас деньгами или нанять на работу, а то и просто покормить. [Jack London. The Burning Day light (1910) | Джек Лондон. Время-не-ждет (В. Топер, 1956)]

Таким образом, появление НЭ с «нулевыми» эквивалентами или, напротив, введение ЖН в переводе при отсутствии ее в оригинале в паре языков «английский - русский» можно объяснить все той же переводческой стратегией доместикации.

Совсем иной тип НЭ возникает в результате **ошибки переводчика**, состоящей в неверной интерпретации смысла жеста, описанного в оригинале. Рассмотрим НЭ «*wave one's hands* → *PP*», представленную в примере (10):

(10) He coughed nervously and **waved his hands** and repeated his annoying remark about her sweet pretty little head. — Нервно покашливая, он **развел руками** и повторил свою дурацкую фразу насчет того, что не надо ей загружать делами свою милую хорошенькую головку. Margaret Mitchell. Gonewiththe Wind, Part 2 (1936) | Маргарет Митчелл. Унесённые ветром, ч. 2 (Т. Кудрявцева, 1982).

Переводным эквивалентом ЖН *wave one's hands* является ЖН (за)*махать руками*. Обозначаемый этими номинациями жест (ЗА)МАХАТЬ РУКАМИ не является аналогом жеста РАЗВЕСТИ РУКАМИ. (ЗА)МАХАТЬ РУКАМИ – это основной отрицательный жест в его двуручном варианте [Гришина, 2017, с. 425]. Жест РАЗВЕСТИ РУКАМИ может выступать как факультативный отрицательный жест, который в качестве ответа на заданный вопрос всегда выражает невозможность для Г ответить на него [Гришина, 2017, с. 429–430]. Однако обращение к контексту показывает, что в данном случае интерпретация «У меня нет ответа на этот вопрос», которая могла бы оправдать перевод *wave one's hands* как *развести руками*, не проходит. Вербальным аналогом этого жеста в данном контексте могло бы быть что-то вроде *Давай не будем об этом!*), что подтверждает произносимая одновременно с жестикуляцией (или непосредственно после ее начала) фраза о милой хорошенькой головке, которую не надо загружать делами.

Разводя руками вместо прямого ответа на вопрос, коммуникант «или извиняется за это, или указывает на необоснованность ожиданий адресата» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001, с. 129]. Ни та, ни другая мотивировка жеста в данном контексте не проходит. В наших данных встретилось три подобных ошибки переводчика, результатом которых является несогласованность жеста с ситуацией общения, которая отсутствовала в авторском тексте.

Наконец, рассмотрим случай, который можно назвать **ошибкой в оригинале**.

(11) ...*Небольшая такая картинка. – И Марлен **развел руками** нешироко, примерно как портной ему показывал.* – “...A rather small picture it was, too.” Here Marlen **demonstrated with his hands**, just as the tailor had done. [Людмила Улицкая. Зеленый шатер (2011) | Liudmila Ulitskaia. The Big Green Tent (BelaShayevich, 2014)]

В оригинале автор ошибочно использует номинацию жеста-эмблемы *PP* вместо описания жеста-иллюстратора [Efron, 1941], изображающего линейные размеры объекта (картинки). Здесь следовало сказать *развел руки* или *показал руками*. Переводчик при этом выбирает соответствующую ситуации дескрипцию жеста: *demonstrated with his hands* «показал руками». И подобный пример не единственный в наших данных.

Мы провели пилотный анализ переводных соответствий (эквиваленций) жестовых номинаций по данным английского подкорпуса параллельного корпуса НКРЯ, разделив все эквиваленции на основе их количественных характеристик на ординарные и неординарные, а ординарные на основе их качественных характеристик – на стандартные и нестандартные.

Анализ неординарных и нестандартных ординарных эквиваленций жестовых номинаций показал, что причины их появления могут быть различны: 1) разная степень ономаσιологической выделенности жестовых аналогов в разных языках жестов; 2) семантическая ошибка переводчика при интерпретации жеста, обозначаемого жестовой номинацией оригинала; 3) ономаσιологическая ошибка автора при выборе жестовой номинации, исправляемая в переводе.

Анализ ординарных эквиваленций представляет интерес для жестикуляционной лингвистики *perse*. Так, наличие двух ординарных эквивалентов у *PP*, а именно *spread (out) one's hands / arms* и *throw upon one's hands*, исходя из существенных различий между этимонами [Гришина 2017, с. 10-11] английских номинаций и указываемыми в них разными векторами движения рук, требует осмысления со стороны исследователей жестикуляции, сопровождающей речь, так как может свидетельствовать о том, что у русского жеста РАЗВЕСТИ РУКАМИ есть дополнительные функции (и, соответственно, контексты употребления), которые могли ускользнуть от внимания исследователей.

Список литературы:

- Бунтман Н.В., Зализняк А.А., Зацман И.М., Кружков М.Г., Лоцилова Е.Ю., Сичинава Д.В. Информационные технологии корпусных исследований: принципы построения кросслингвистических баз данных // Информатика и ее применения. 2014, № 2. С. 98–110.
- Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. Москва – Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. 256 с.
- Гришина Е.А. Русская жестикация с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 744 с.
- Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 512 с.
- Уржа А.В. Стратегии интерпретации глаголов, вводящих речь, в современных русских переводах художественной прозы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2018, №4. С. 43 -50.
- Efron D. Gesture, Race and Culture. The Hague: Mouton, 1972, 226 p. [First published as Gestures and Environment. New York: King's Crown, 1941].
- Geeraerts D., Grondelaers S., Bakema P. The Structure of Lexical Variation. Meaning, Naming, and Context. Berlin / New York, 1994. 221 p.
- Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London: Routledge, 1998. 224 p.

References:

- Buntman N.V., Zaliznyak A.A., Zatsman I.M., Kruzhkov M.G., Loshchilova E.Yu., Sichinava D.V. Informatsionnye tekhnologii korpusnykh issledovaniy: printsipy postroeniya krosslingvisticheskikh baz dannykh [Information technologies of corpus studies: principles of crosslinguistic data bases construction]. Informatika i ee primeneniya, 2014, V. 8, № 2. P. 98–110. (In Russian).
- Efron D. Gesture, Race and Culture. The Hague: Mouton, 1972. 226 p. [First published as Gestures and Environment. New York: King's Crown, 1941].
- Geeraerts D., Grondelaers S., Bakema P. The Structure of Lexical Variation. Meaning, Naming, and Context. Berlin: DeGruyterMouton, 1994. 221 p.
- Grigor'eva S.A., Grigor'ev N.V., Kreidlin G.E. Slovar' yazyka russkikh zhestov [Dictionary of the language of Russian gestures]. Moscow – Vienna: Yazyki russkoi kul'tury; Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 49, 2001. 256 p. (In Russian).
- Grishina E.A. Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya (korpusnye issledovaniya) [Russian Gestures from a Linguistic Perspective. A collection of corpus studies.]. Moscow: Izdatel'skii dom YASK: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2017. 744 p. (In Russian).
- Larina T.V. Kategoriya vzhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii [Category of Politeness and Communication Style: English and Russian Linguo-cultural Traditions in Contrast]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2009. 512 p. (In Russian).
- Urzha A.V. Strategii interpretatsii glagolov, vvodyashchikh rech', v sovremennykh russkikh perevodakh khudozhestvennoi prozy [Strategies of reporting verbs' interpretation in modern Russian translations of fiction]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogou niversiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. 2018, № 4. P. 43–50. (In Russian).
- Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London: Routledge, 1998. 224 p.

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET)

- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. М., 2003-2021 – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>.
- Russian National Corpus [Electronic resource]. Moscow, 2003-2021. – Available at: <http://ruscorpora.ru>.

Крюкова Екатерина Викторовна
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва (Россия)

Kryukova Ekaterina
Russian State University for the Humanities
Moscow (Russia)

**ПАЛИМПСЕСТНОЕ ИМЯ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Т. ПРАТЧЕТТА)**

**PALIMPSEST NAME AS A TRANSLATION CHALLENGE
(A STUDY OF T.PRATCHETT'S WORKS)**

В статье раскрывается содержание понятия «палимпсест» как иерархии просвечивающих друг через друга текстов, будь то разные версии одного текста или тексты, пересекающиеся в едином нарративном пространстве, с целью воздействия на читателя. Использование принципа палимпсеста в работе с художественным текстом, с одной стороны, позволяет раскрыть его глубинный потенциал через связи с другими текстами, актуализируя их и демонстрируя непрерывность их существования. С другой стороны, рецептивный аспект палимпсеста является способом реализации коммуникативной природы литературы, когда произведение невозможно без активной роли читателя, вступающего в некий диалог с автором. Интересное развитие эта идея находит в произведениях современного британского писателя Терри Пратчетта, где принцип палимпсеста реализуется на разных уровнях, в частности на уровне имён, что представляет отдельную переводческую проблему с точки зрения интерпретации художественного текста. На примере произведений Т. Пратчетта демонстрируются, какие палимпсестные связи скрываются в используемых именах, будь то названия книг или имена персонажей, а также, какие переводческие решения возможны, с учётом функций, которые выполняет палимпсест в литературном произведении.

The paper explores the notion of palimpsest as a hierarchy of texts superimposed over each other, be it different versions of the same text or texts intersecting in the common narrative space, aimed to have an impact on the reader. On the one hand, the use of the principle of palimpsest when working with fiction, makes it possible to unlock its underlying potential through connections with other texts, actualizing them and demonstrating the continuity of their existence. On the other hand, the receptive aspect of palimpsest serves as a way of realising the communicative nature of literature, when a literary work is impossible without the active role of the reader, who enters into a dialogue with the author. The idea finds an interesting development in the works of the contemporary British writer Terry Pratchett, where the principle of palimpsest is realized at different levels, in particular at the level of names, which presents a translation problem of its own from the point of view of the interpretation of the literary text. The study of T. Pratchett's works demonstrates what palimpsest relationships are hidden in the names used, be it book titles or character names, and what translation solutions might be possible, with regard to the functions that palimpsest performs in the literary work.

Ключевые слова: перевод; палимпсест; юмористическое фэнтези; Т. Пратчетт.

Key words: translation; palimpsest; comic fantasy; T. Pratchett.

Модель литературного палимпсеста, впервые разработанная Ж. Женеттом в работе 1982 г. «Палимпсесты: литература во второй степени», представляется крайне актуальной для понимания механизма реализации транстекстуальных смыслов. Термин «палимпсест», изначально обозначавший рукопись на пергаменте с уже написанным текстом, когда новый текст наносился на старый, и таких слоёв могло быть неисчислимо много [Словарь античности, с. 407], приобретает у Ж. Женетта метафорическое значение в контексте размышлений о современной литературе, где в качестве слоёв текста выступают

всевозможные отсылки на произведения прошлого [Genette, 1997]. Использование понятия «палимпсест» в переносном смысле как иерархии проступающих друг через друга текстов, будь то версии одного текста или разные тексты, пересекающиеся в едином нарративном пространстве, с целью воздействия на читателя, позволяет по-новому взглянуть на литературный процесс, когда под влиянием массовой культуры текст литературного произведения может состоять не только из слоёв текстов литературных, но также текстов кино или даже музыки. Однако несмотря на то, что концепция палимпсеста развивалась и уточнялась в работах разных учёных [Шатин, 1997; Проскурин, 2001; Тюпа, 2013 и др.], некоторые её аспекты, в частности переводческий, ещё не изучены детально.

Прекрасным материалом для рассмотрения этого вопроса является серия юмористического фэнтези «Плоский мир» (“Discworld”), написанная современным британским автором Терри Пратчеттом (Terry Pratchett). Сам писатель говорил о том, что «Плоский мир» получился в результате объединения «несколько типичных фэнтезийных вселенных» [Невский, Электронный ресурс], что ещё раз подводит нас к идее о палимпсестной структуре художественного текста. Сознательно обращаясь к этому принципу, правда, через термин «белое знание» (“white knowledge”) по аналогии с «белым шумом», автор уточняет, что имеет в виду общее представление о чём-либо, будь то роман, писатель, литературный образ и т.д., существующие у нас в сознании, на чей источник нельзя указать с точностью (“the sort of stuff that fills up your brain without you really knowing where it came from”) [Words from the Master, Электронный ресурс]. При этом автор указывает, что он выбирает отсылки, распознать которые не составит труда читающей, смотрящей и слушающей аудитории (“I try to pick one [a reference] that a generally well-read, well-viewed, well-listened person has a sporting chance of picking up”) [Там же]. Важным моментом здесь является именно ментальная составляющая, когда палимпсест выступает как «порождающее устройство модели мира», складывающейся из «многообразных вариаций памяти, ... размышлений и отражений в сознании» [Исаев, Владимирова, 2017, с. 206-207].

Подобная сложная иерархия текста остро ставит вопрос перевода, ведь от того, насколько переводчик распознает эту многослойность, будет зависеть, насколько точно всё будет передано на другой язык. Особенный интерес в этом смысле представляют палимпсестные имена, которые, в зависимости от места присутствия в тексте, реализуют связи как на макро-, так и микроуровне. Исходя из этого, названия книг, например, задают определённый вектор движения читательских ожиданий касательно всего произведения.

Так, название книги Т. Пратчетта “Wyrd Sisters” («Вещие сестрички»), на первый взгляд, представляет собой эрратив, орфографическую ошибку. На самом же деле,

очевидно для британского читателя, оно отсылает к пьесе В. Шекспира «Макбет», где в нескольких сценах, также как и в пратчеттовском романе, действуют три ведьмы. Вот как говорит о них сам Макбет: “Saw you the Weird Sisters?” [Shakespeare, Электронный ресурс]. В пьесе этих ведьм никогда не называют по отдельности – они всегда “the weird sisters”. У Шекспира эти ведьмы предсказывают Макбету его судьбу, и, следуя их совету, он ступает на путь одновременно величия и разрушения. Однако если проследить историю этого образа ещё дальше, то мы придем к древней богине триединства, которая стала предшественницей символа Святой Троицы (Holy Trinity). Т. Пратчетт лишь немного меняет написание первого слова, сохраняя произношение, и получается “wyrd” вместо “weird”. Подобный прием моментально наталкивает англоязычного читателя на мысль о Макбете, создавая соответствующие ожидания. Однако при этом всё равно остаётся вопрос, почему именно такое написание выбирает Пратчетт, ведь у Шекспира используется слово “weird”.

Если обратиться к англоязычным словарям, то становится очевидным, что единого мнения о связи этих двух слов нет. Одни словари указывают на то, что “weird” является дериватом слова “wyrd”, поглотив его значение, а в других дается информация о том, что у этих слов свои отдельные значения. Так, в “Collins Dictionary” и “Longman Dictionary of English Language and Culture” статьи для слова “weird” есть, а для “wyrd” отсутствуют. Однако “Collins Dictionary” трактует “weird” как “strange”, т.е. «странный» [Collins Dictionary, Электронный ресурс], в то время как “Longman Dictionary” даёт 2 дефиниции, добавляя мистический сверхъестественный компонент:

- 1) very strange; unnatural, mysterious, and/or frightening; eerie,
- 2) *informal* unusual and not sensible or acceptable; bizarre [Longman Dictionary of English Language and Culture, p. 1562].

В свою очередь, “Oxford English Dictionary” третьим значением “weird” дает устаревшее “connected with fate”, т.е. «связанный с судьбой» и также определяет это слово не только как прилагательное, но и как устаревшее шотландское существительное: “a person’s destiny”, т.е. «судьба человека» [Oxford English Dictionary, Электронный ресурс]. В той же статье указывается, что слово произошло от древнеанглийского слова германского происхождения “wyrd”, означающего «судьба». Прилагательное, употребляющееся уже в позднем среднеанглийском языке, изначально обозначало «имеющий силу управлять судьбой» и употреблялось, в основном, в сочетании “the Weird Sisters”, первоначально отсылающем к Мойрам, трём сёстрам – древнегреческим богиням судьбы, а позднее к ведьмам из шекспировского «Макбета». Любопытно, что именно

использование прилагательного “weird” в этом произведении послужило тому, что в начале XIX в. у слова появился компонент «сверхъестественный» [Там же].

Однако если более подробно изучить слово “wyrd”, то становится ещё более очевидным, что Т. Пратчетт неспроста выбрал такое написание для названия книги. В статье 2000 г. “What is Wyrd?” исследователь А. Hunt-Anschütz пишет о том, что это слово обозначало основополагающий концепт язычества [Hunt-Anschütz, 2000]. Древнеанглийское “wyrd” было образовано от глагола “weorðan” – «становиться», который, в свою очередь, произошёл от индоевропейского корня *uert – «поворачивать» [Bauschatz, 1982]. “Wyrd” буквально означает «тот, который повернулся», или «тот, который стал». Таким образом, “wyrd” является воплощением понятия того, что всё превращается во что-то ещё, одновременно возвращаясь к своим истокам и отдаляясь от них. Иными словами, “wyrd” – это процесс, при котором события прошлого определяют, пишут события будущего. В германо-скандинавской мифологии даже есть три богини – норны, живущие возле источника Урд в Мидгарде, водами которого они поливают корень мирового дерева Иггдрасиль, тем самым продлевая его существование. В сказаниях они изображались как три женщины, одна старая и дряхлая (Урд), другая средних лет (Верданди), третья же совсем юная (Скульд), что, ко всему прочему, как нельзя лучше описывает главных героинь пратчеттовской книги. Именно имя первой норны Urd, самой сильной из трех, которая смотрела в прошлое, и является этимологической основой “wyrd” [Там же].

Не меньший интерес представляет и то, что в современном английском языке это слово тоже используется. Так, “Urban Dictionary”, который представляет собой лексикографическую квинтэссенцию современного английского языка и его узуса, трактует “wyrd” как сеть причинно-следственных связей, некий эквивалент кармы, естественные последствия поступков человека для его будущего [Urban Dictionary, Электронный ресурс].

Таким образом, остановив выбор на написании “Wyrd Sisters”, Пратчетт не просто отсылает нас, на первый взгляд, к знакомому «Макбету» У. Шекспира, создавая определённые ожидания ещё перед прочтением книги и обрисовывая всего двумя словами главных героинь, но и к многослойной истории слова “wyrd”, за которым стоят образы триединой богини, скандинавских норн, древнегреческих мойр, властвовавших над судьбой человека. Прочтение этих образов в современном ключе позволяет уже в названии книги заявить основной вопрос произведения, о том, что такое судьба, и как наши поступки в прошлом определяют наше будущее. Стоит отметить, что русский перевод «Вещие сестрички», к сожалению, не передаёт заложенный в оригинале

палимпсестный потенциал, отсылая читателя лишь к шекспировскому «Макбету», через использование перевода А. Радловой 1939 г., что, безусловно, ставит вопрос «считывания» палимпсеста при переводе.

На микроуровне уже внутри произведения палимпсестные имена – это, в первую очередь, имена персонажей. Как справедливо отмечает В.И. Тюпа, любое личное имя «служит апеллятивной границей внутреннего бытия, омываемого внешним бытием других» и вызывает определённую психологическую установку со стороны других, которая затем может измениться в ходе общения [Тюпа, 2014, с. 281]. Опять-таки речь идёт о создании определенных ожиданий у читателя, которые по ходу дальнейшего функционирования персонажа в произведении уже трансформируются в необходимом для реализации авторской интенции ключе.

Так, в романе «Cape Jugulum. Хватай за горло» мы видим следующую фамилию вампирского клана:

Magpyr [Pratchett, 1998, p. 26]	Сорокула [Пратчетт, 2006, с. 32]
---------------------------------	----------------------------------

В оригинале фамилия семьи вампиров представляет собой контаминацию “magpie” и “vampyre”, что создает у английского читателя образ, состоящий из «сороки» и «вампира». Палимпсестное использование образа сороки обусловлено тем, что издавна эта птица символизировала темные силы – она даже изображена на гербе вампирского клана. Кроме этого, у Пратчетта вампиры используют сорок, чтобы следить за людьми. Однако при этом возникает вопрос нестандартного написания “vampyre”. Объяснение даётся одним из вампиров:

‘Of course. We <i>are</i> vampires... Or, we prefer, vampyres. With a “y”. It’s more modern.’ [Pratchett, 1998, p. 90].	– Конечно. Мы ведь вампиры. Или упыри. Это более устаревшее название [Пратчетт, 2006, с. 109].
‘We’re vampires. Or, rather, vampyres. Father’s a bit keen on the new spelling. He says it indicates a clean break with a stupid and superstitious past.’ [Pratchett, 1998, p. 112].	– Мы – вампиры, ну, или упыри, как будет угодно. Хотя отец настаивает именно на первом варианте. Говорит, что, приняв себе новое имя, мы тем самым рвём с нашим тёмным, полным суеверий прошлым [Пратчетт, 2006, с. 135].

Здесь выявляется еще одна палимпсестная связь, заключающаяся в том, что словом “vampyre” называют себя современные поклонники «вампирской» субкультуры, которые поддерживают соответствующий «вампирский» имидж как в поведении, так и одежде.

При этом последняя необязательно должна быть выдержана в старинном стиле, что порой может выглядеть довольно нелепо. Обсуждению этого слова даже посвящены некоторые разделы интернет-словарей, как, например, в том же “Urban Dictionary”.

Ещё более любопытным является то, что на самом деле такая репрезентация слова представляет собой более старый вариант написания. Здесь также прослеживается связь с рассказом 1819 г. Дж. Полидори “The Vampyre”, который заложил основы «вампирической» литературы, впервые представив романтизированный образ вампира-аристократа. Таким образом через слово “vampyre” Т. Пратчетт тут же даёт нам представление о том, что представляют собой его персонажи-вампиры.

Ещё одной палимпсестной связью является и то, что “Magyug” отсылает нас к “Magyar” (мадьяр), названию европейского народа финно-угорской языковой группы, которые осели в IX в. на территории Трансильвании в Румынии. Иными словами, Дракула, будь он реальным человеком, был бы мадьяром.

Подобная нагруженность оригинала, безусловно, находит своё отражение и в переводе. Остановив выбор на эквиваленте «упырь», переводчик развивает образ как «более устаревшее название». Иными словами, переводчик ориентируется больше на передачу не смысла, а эффекта, жертвуя при этом формальными особенностями оригинала, которые невозможно передать дословно на русский язык, и подбирая эквивалент, вызывающий у русского читателя похожий эффект. Тем не менее, при этом теряется оригинальный компонент, отсылающий к современной «вампирической» субкультуре. К тому же, во второй части перевода непонятно, почему речь идёт о «первом варианте»: «Мы – вампиры, ну, или упыри, как будет угодно. Хотя отец настаивает именно на первом варианте». Тогда получается, что подразумевается слово «вампиры», и создаваемый оригиналом эффект передается не полностью.

Возвращаясь к имени “Magyug” – «Сорокула», становится очевидным, что переводческая проблема не исчерпана. В русском официальном переводе сохраняется отсылка к «сороке», но поскольку в русском языке у слова «вампир» нет другого написания, а «вампирическая» субкультура является англоязычной в своей основе, вариации на тему “vampyre” в русском языке нет. Поэтому вместо слова «вампир» или даже «упырь» в качестве второго корня используется «Дракула», который, пожалуй, представляет собой практически имя нарицательное, упоминание которого тут же наталкивает на мысль о вампирах.

Ещё одно палимпсестное имя представлено паронимией:

Nanny Ogg [Pratchett, 1989, p. 229]	нянюшка Ягг [Пратчетт, 2016, с. 309]
-------------------------------------	--------------------------------------

Это имя могущественной ведьмы, чей характер основан на образе «матери» из языческого мифа о Тринединной богине [Askerman, 2002]. Само имя отсылает к ирландскому Тир на Ног (Tig na nog), «острову юных» в кельтской мифологии, стране вечной молодости, острову вечной молодости – месту, в котором все, по преданию, оставались молодыми, что очень соответствует характеру героини, которая, несмотря на свой преклонный возраст, ведёт себя очень непосредственно. Любопытно, что фонетическая палимпсестная связь обнаруживается и в следующем. Слово “Ogam”, обозначавшее письменность древних кельтов и их тайный язык, появляется в Плоском мире в виде Oggham, что опять-таки отсылает нас к образу этой ведьмы. При этом в одной из книг она даже утверждает, что именно её предки изобрели этот язык [Pratchett, 2005].

Если говорить о переводе, то очевидно, что принцип палимпсеста не реализован в полной мере. Перевод первой части даётся нам калькой «нянюшка», а вот фамилия, скорее всего, отсылает к образу Бабы Яги. Возможно, таким способом переводчик хотел создать дополнительные ассоциации с колдовством, ведь нянюшка является ведьмой. Однако нянюшка – добрая, а не злая, и поэтому могут возникнуть нежелательные ассоциации.

Другим интересным примером палимпсеста является имя героини “Witches Abroad”, основанное на синонимии при образовании окказионализма:

Emberella [Pratchett, 1991, p. 229]	Элла [Пратчетт, 2001, с. 309]
-------------------------------------	-------------------------------

В данном случае корнеобразующим элементом является слово “ember” – «горячая зола, тлеющие угольки» [Longman Dictionary, p. 447]. У англоязычного читателя сразу же возникают ассоциации с именем “Cinderella”, где “cinder” имеет практически такое же значение «зола, тлеющие угли» [Longman Dictionary, p. 240]. Модель словообразования у обоих слов совпадает, т.е. речь идет о «Золушке» Плоского мира. Примечательно, что в русском языке подобрать синоним к «золе» представляется более сложным, поэтому переводчик использует сокращение от полного имени, а в одной сцене делает добавление, чтобы русскоязычный читатель также считал отсылку:

<p>“Of course, you know mine. Mind you, I spend so much time cooking over this wretched thing now that Mrs Pleasant calls me Embers. Silly, isn’t it.”</p> <p>Emberella, thought Magrat. I’m fairy godmothering a girl who sounds like</p>	<p>Ну а как зовут меня, ты наверняка и сама знаешь. Представляешь, я столько времени провела за готовкой у этого проклятого очага, что теперь тетушка Приятка зовет меня Золушкой. Глупо, правда?</p> <p>«Золушка... – подумала Маграт. – Я</p>
--	---

<p>something you put up in the rain.</p> <p>“It could use a little work,” she conceded [Pratchett, 1991, p. 177].</p>	<p>умудрилась стать феей-крестной у девчонки с таким дурацким прозвищем...»</p> <p>– Она могла бы выдумать что-нибудь получше, – согласилась Маграт [Пратчетт, 2001, с. 253].</p>
---	---

В заключение следует отметить, что проходя через каждый слой палимпсестного текста, читатель шаг за шагом приближается к пониманию интенции произведения, которая раскрывается перед ним постепенно. Парадигматичность модели палимпсеста, в свою очередь, даёт читателю определённую перспективу и служит важнейшим способом реализации транстекстуальных смыслов и коммуникативной природы литературы, что является важным способом прочтения текстов. Таким образом, перед переводчиком стоит непростая задача передать смысловую и текстовую многослойность произведения средствами другого языка. Когда речь идёт о палимпсестных именах, задача ещё больше усложняется, поскольку часто имя представляет собой квинтэссенцию бытия персонажа, создавая через отсылки к другим текстам определённые ожидания у читателя. Особое внимание в этом контексте необходимо уделить и переводу названий, которые служат реализации авторского замысла на макроуровне, задавая некое направление движения читательского внимания. Работа переводчика при этом часто заключается в воссоздании похожих напластований в другом языке через апеллирование к образам, знакомым носителям другой культуры, что требует большой чуткости, эрудиции и понимания, на какой эффект направлено использование того или иного палимпсестного имени.

Список литературы:

- Исаев С.Г., Владимирова Н.Г.* Актуальная поэтика: Смена художественной парадигмы / С.Г. Исаев, Н.Г. Владимирова. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017. 482 с.
- Проскурин О.А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест / О.А. Проскурин. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. 462 с.
- Пратчетт Т.* Ведьмы за границей / Т. Пратчетт [пер. с англ. П. Киракозов]. – М., Эксмо, 2001. 384 с.
- Пратчетт Т.* Вещие сестрички / Т. Пратчетт [пер. с англ. В. Вольфсон]. – М., Эксмо, 2016. 416 с.
- Пратчетт Т.* Саге Jugulum. Хватай за горло! / Т. Пратчетт [пер. с англ. Н. Берденников, А. Жикаренцев]. – М., Эксмо, 2006. 512 с.
- Словарь античности:* Пер. с нем. / Отв. ред. В.И. Кузищин. – М.: Прогресс, 1989. С. 407.
- Тюпа В.И.* Поэтика палимпсеста в «Докторе Живаго» / В.И. Тюпа // Новый филологический вестник. – 2013. № 2 (25). М., 2013. С. 141-152.
- Тюпа В.И.* Палимпсестные имена / В.И. Тюпа // Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении / под. ред. В.И. Тюпы. – М.: Intrada, 2014. С. 281-287.
- Шатин Ю.В.* Минейя и палимпсест / Ю.В. Шатин // *Ars interpretandi*: Сб. статей к 75-летию Ю.Н. Чумакова. – Новосибирск, 1997. С. 222-225.
- Ackerman R.* The Myth and Ritual School / R. Ackerman. – Psychology Press, 2002. 234 p.

Bauschatz P. The Well and the Tree: World and Time in Early Germanic Culture / P. Bauschatz. – University of Massachusetts Press, 1982. 256 p.
Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree / G. Genette. – University of Nebraska Press, 1997. 490 p.
Longman Dictionary of English Language and Culture. Pearson Education Limited, 2006. – 1620 p.
Pratchett T. A Discworld Novel: Wyrdsisters / T. Pratchett. – Corgi Books, 1989. 288 p.
Pratchett T. A Discworld Novel: Witches Abroad / T. Pratchett. – Corgi Books, 1991. 286 p.
Pratchett T. A Discworld Novel: Carpe Jugulum / T. Pratchett. – Corgi Books, 1998. 425 p.
Pratchett T. A Discworld Novel: Lords and Ladies / T. Pratchett. – Corgi Books, 2005. 400 p.

References:

Ackerman R. The Myth and Ritual School / R. Ackerman. – Psychology Press, 2002. 234 p.
Bauschatz P. The Well and the Tree: World and Time in Early Germanic Culture / P. Bauschatz. – University of Massachusetts Press, 1982. 256 p.
Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree / G. Genette. – University of Nebraska Press, 1997. 490 p.
Isaev S.G., Vladimirova N.G. Aktual'naya poetika: Smena khudozhestvennoi paradigmy [Actual Poetics: the Change of Artistic Paradigm] / S.G. Isaev, N.G. Vladimirova. – Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University Publ., Velikii Novgorod, 2017. 482 p. (In Russian).
Longman Dictionary of English Language and Culture. Pearson Education Limited, 2006. – 1620 p.
Pratchett T. A Discworld Novel: Wyrdsisters / T. Pratchett. – Corgi Books, 1989. 288 p.
Pratchett T. A Discworld Novel: Witches Abroad / T. Pratchett. – Corgi Books, 1991. 286 p.
Pratchett T. A Discworld Novel: Carpe Jugulum / T. Pratchett. – Corgi Books, 1998. 425 p.
Pratchett T. Ved'my za granitsei [Witches Abroad] / T. Pratchett // translated by P. Kirakozov. – M., Ehksmo, 2001. 384 p. (In Russian).
Pratchett T. A Discworld Novel: Lords and Ladies / T. Pratchett. – Corgi Books, 2005. 400 p.
Pratchett T. Carpe Jugulum. Khvatai za gorlo! [Carpe Jugulum] / T. Pratchett // translated by N. Berdennikov, A. Zhikarentsev. – M., Ehksmo, 2006. 512 p. (In Russian).
Pratchett T. Veshchie sestrichki [Wyrdsisters] / T. Pratchett // translated by V. Volfson. – M., Ehksmo, 2016. 416 p. (In Russian).
Proskurin O.A. Poehziya Pushkina, ili Podvizhnyi palimpsest [Pushkin's Poetry, or Mobile Palimpsest] / O.A. Proskurin. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 462 p. (In Russian).
Shatin Yu.V. Mineya i palimpsest [Menaion and palimpsest] / Yu.V. Shatin // Ars interpretandi: Sb. statei k 75-letiyu Yu.N. Chumakova [Ars interpretandi: Collected articles to the 75-th anniversary of Yu.N. Chumakov]. – Novosibirsk, 1997. P. 222-225. (In Russian).
Slovar' antichnosti [Dictionary of Antiquity] / Translated from German and edited by B.I. Kuzishchin. – M.: Progress, 1989. P. 407. (In Russian).
Tyupa V.I. Poetika palimpsesta v «Doktore Zhivago» [The Poetics of Palimpsest in “Doctor Zhivago”] / V.I. Tyupa // Novyi filologicheskii vestnik [New Philological Bulletin]. – Vol. 2 (25), 2013. P. 141–152. (In Russian).
Tyupa V.I. Palimpsestnye imena [Palimpsest Names] / V.I. Tyupa // Poetika «Doktora Zhivago» v narratologicheskom prochtenii [The Poetics of “Doctor Zhivago” in a Narratological Reading] / Edited by V.I. Tyupa. – Moscow: Intrada, 2014. P. 281-287. (In Russian).

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET)

Невский Б. Терри Пратчетт. Демидург Плоского мира [Электронный ресурс] / Б. Невский // Мир фантастики. – Режим доступа: <https://www.mirf.ru/book/terry-pratchett>.
Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/weird>.
Collins Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/weird>.
Hunt-Anschütz A. What is Wyrd? [Электронный ресурс] / A. Hunt-Anschütz. – Режим доступа: <http://www.zartomithraism.uk/ee/pagan/posts/what-is-wyrd.html>.
Oxford English Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/weird>.

- Shakespeare W.* The Tragedy of Macbeth [Электронный ресурс] / W. Shakespeare. – Режим доступа: <http://shakespeare.mit.edu/macbeth/full.html>.
- Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Wyrd>.
- Words from the Master [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lspace.org/books/apf/words-from-the-master.html>.
- Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/weird>.
- Collins Dictionary [Electronic resource]. – Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/weird>.
- Hunt-Anschütz A.* What is Wyrd? [Electronic resource] / A. Hunt-Anschütz. – Available at: <http://www.zartomithraism.uk/ee/pagan/posts/what-is-wyrd.html>.
- Nevskii B.* Terri Pratchett. Demiurg Ploskogo mira [Terry Pratchett. The Demiurg of Discworld] [Electronic resource] / B. Nevskii // Mir fantastiki [The World of Science Fiction] (In Russian). – Available at: <https://www.mirf.ru/book/terry-pratchett>.
- Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – Available at: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/weird>.
- Shakespeare W.* The Tragedy of Macbeth [Electronic resource] / W. Shakespeare. – Available at: <http://shakespeare.mit.edu/macbeth/full.html>.
- Urban Dictionary [Electronic resource]. – Available at: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Wyrd>.
- Words from the Master [Electronic resource]. – Available at: <https://www.lspace.org/books/apf/words-from-the-master.html>.

Лю Байвэй
Институт русского языка
Хэйлунцзянский университет
г. Харбин (Китай)

Liu Baiwei
Russian College
Heilongjiang University
Harbin (China)

МЕТОД РУССКОГО ПЕРЕВОДА КОНСТРУКЦИИ «把/БА» НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»¹⁵

THE METHOD OF TRANSLATING “把/ba”-CONSTRUCTION INTO RUSSIAN WITH EXAMPLES OF THE NOVEL “A DREAM OF RED MANSIONS”

Конструкция «把/ба» является уникальной конструкцией предложения в китайском языке, и на русском языке нет соответствующей конструкции в предложении. Эта конструкция наиболее часто встречается в устном и письменном переводе. В результате анализа мы обнаружили, что конструкция «把/ба» в произведении «Сон в красном тереме» в основном переводится через активный залог в предложении и пассивный залог. Мы считаем, что если вы хотите перевести конструкцию на русский язык, сначала необходимо перефразировать предложение без конструкции «把/ба», тем самым перевести предложение будет удобнее и проще.

The “把/ba”-construction is a unique sentence in Chinese, there is no corresponding sentence in Russian. This construction is most often found in oral and written translations. As a result of the analysis, we found that the construction “把/ba” in the novel “A Dream of Red Mansions” is mainly translated through the active voice in the sentence and the passive voice. We believe that if you want to translate the construction “把/ba” into Russian, first you need to paraphrase the sentence without the construction “把/ba”, thus the sentence will be more convenient and easier to translate.

Ключевые слова: конструкция «把/ба», «Сон в красном тереме», стратегия перевода.

Key words: “把/ba”-construction, “A Dream of Red Mansions”, the method of translation.

Основываясь на теории «современной китайской грамматики», эта статья специально анализирует синонимичное преобразование конструкции «把/ба» и правила грамматической конструкции «把/ба», а также переводит конструкцию «把/ба» в русские активные предложения и русские пассивные предложения. Оба случая были проанализированы с примерами. Конечно, синонимичное преобразование конструкции «把/ба» не является произвольным, но также должно удовлетворять определенным условиям и следовать определенным правилам, чтобы завершить синонимичное преобразование шаблона предложения.

1. Синонимичное преобразование конструкции «把/ба»

1.1 Условия синонимичного преобразования конструкции «把/ба»

---

¹⁵Статья подготовлена при финансовой поддержке Фондов, проекты №HDRWYY201901, №JC2016W2, JGXM-YJS-2020014.

Синонимичное преобразование предложения с конструкцией «把/ба» не означает, что предложение после преобразования должно быть точно равно значению предложения, здесь имеется ввиду тождественное или эквивалентное значение предложения, это также преобразование предложения с конструкцией «把/ба».

Предложения разных форматов образуют синонимичные предложения и должны соответствовать определенным условиям. «Современная китайская грамматика» (1994, с.152-153) считает, что, во-первых, два предложения должны быть с одинаковым значением (то есть фактическими словами одного и того же значения), что является необходимым условием для предложений разных форматов для формирования синонимичных предложений и основ. Во-вторых, порядок составных слов двух типов предложений должен быть разным. При необходимости неконструктивные слова (то есть функциональные слова, представляющие грамматические отношения) могут быть увеличены или уменьшены. Это грамматические средства синонимичных предложений, которые вызывают разные форматы предложений. Наконец, значение предложений, выраженных двумя предложениями, является одинаковым или эквивалентным, но акцент и объяснение значения предложений различны, то есть выражения не полностью согласованы, что является результатом синонимичных предложений. Исходя из этого, мы выбрали предложение с конструкцией «把/ба» в произведении «Сон в красном тереме» для преобразования синонимичного предложения, например:

Пример 1. Оригинал: 这是书误了他，可惜**他也把书糟踏了**¹⁶。(42-354)

Превращается в: 这是书误了他，可惜**他也糟踏了书**。

Из примера предложения видно, что преобразованное предложение опускает конструкцию «把/ба», которая совпадает с составом исходного предложения, и порядок двух компонентов предложения, очевидно, различен. «**他也糟踏了书**。」 – это общее динамическое предложение, в котором рассказывается о чем-то, без особого акцента на определенном слове предложения, и «**他也把书糟踏了**。」 – это вид упорядочивания смысла с конструкцией «把/ба», относящейся к первоначальному объекту «书» перед глаголом, имеет эффект подчеркивания избавления от объекта «书». Можно видеть, что исходное предложение и преобразованное предложение соответствуют условиям, необходимым для преобразования синонимичного предложения, и два предложения являются синонимами друг другу.

---

¹⁶ Цифры в скобках после примера указывают на количество страниц.

1.2 Правила синонимичного преобразования конструкции «把/ба»»

«Исследование китайской грамматики» [Чжанъюньхуэй, 2000, с. 142-150] иллюстрирует шесть правил, обычно используемых при преобразовании китайских предложений. Мы обнаружили, что при синонимичном преобразовании конструкции «把/ба» обычно используются пять из этих правил, а именно: правило опущения, правило смещения, правило перемены мест, правило замены и правило добавления. Ниже мы представим эти пять правил подробно.

Правило опущения, то есть правило, при котором удаляют слово в предложении в соответствии с потребностями выражения. При синонимичном преобразовании конструкции «把/ба» предлог «把/ба» обычно опускается, и в этом случае применение правила пропуска является обязательным. Точно так же в синонимическом преобразовании конструкции «把/ба» правило смещения часто используются вместе с правилом опущения.

Правило смещения заключается в перемещении определенного слова в предложении из исходной позиции в другую новую позицию в соответствии с потребностями выражения. Такие как:

Пример 2. Оригинал: (琪官)把汗巾儿给他了。(34-286)

Превращается в: (琪官)给了他汗巾。

В преобразовании предложения используется два правила преобразования: во-первых, используется правило опущения, предлог «把/ба» в исходном предложении опускается, а затем используется правило смещения, чтобы переместить «汗巾儿» в конец предложения, тем самым образуя синонимичное предложение. Эти два правила чаще встречаются при синонимическом преобразовании предложений с конструкцией «把/ба». Когда дело доходит до смены правил, нужно упомянуть правило перемены мест.

Правило перемены мест, то есть в соответствии с необходимостью выражения, связанные слова в предложении обмениваются друг с другом. Правило перемены мест отличается от правила смещения: правило смещения относится к прямой или обратной позиции слова, а правило перемены мест относится к взаимному перемещению двух слов. Что касается того, как использовать правило перемены мест, мы проиллюстрируем это правилом смещения.

Правило смещения относится к замене определенных слов в предложении определенными словами в соответствии с потребностями выражения. В процессе синонимического преобразования конструкции «把/ба» правило смещения часто

используются вместе с правилом перемены мест. Такие как:

Пример 3: Оригинал: 这一句话把里外两个人都吓了一跳。(84-968)

Преобразованный как: 里外两个人都被这一句话吓了一跳。

Преобразование предложения последовательно использует два правила преобразования: во-первых, правило перемены мест используется для изменения положения «一句话» и «里外两个人». Затем, используя правило смещения, предлог «被» заменяется предлогом «把/ба», образуя тем самым синонимичное предложение.

В дополнение к вышеупомянутым четырем правилам синонимическое преобразование конструкции «把/ба» часто используется правило добавления. Правило добавления относится к добавлению определенного слова в предложение в соответствии с потребностями выражения. Такие как:

Пример 4. Оригинал: 风姐听了，**把头一梗，把筷子一放**，腮上似笑不笑的瞅着贾琏道：“你当真的，是玩话？”(23-187)

Преобразовано в: 风姐听了，**梗着头，放下筷子**，腮上似笑不笑的瞅着贾琏道：“你当真的，是玩话？”

От исходного предложения к преобразованному предложению применяются три правила преобразования: сначала используется правило опущения, предлог «把/ба» опускается, а затем используется правило смещения для перемещения «头» и «筷子» после «梗» к глаголу соответственно. После «放», когда используется глагол, «梗» означает «挺直». Поскольку слова, добавленные в преобразовании китайского предложения, часто присоединяются, определенное слово обычно добавляется после глагола, поэтому используется правило добавления. Добавьте вспомогательное слово «着» после «梗» и добавьте слово «下» после «放».

Таким образом, в процессе синонимического преобразования конструкции «把/ба» часто используются правила опущения, смещения, перемены мест и замены. Эти правила часто нельзя использовать по отдельности, и для завершения синонимического преобразования конструкции «把/ба» можно использовать как минимум два правила.

2. Грамматическое преобразование и метод перевода конструкции «把/ба»

Преобразование грамматики относится к изменению структуры предложений в соответствии со спецификой языка в процессе перевода. Преобразование грамматики

обычно сочетается с преобразованием словарного запаса. Во многих случаях изменение в структуре предложений вызвано не грамматическими, а словарными соображениями [Рецкер, 1974, с. 80]. Наше исследование показало, что перевод предложения на русский язык обычно превращается в активное предложение на русском языке или пассивное предложение на русском языке. Чжан Хуэйсен указал, что состояние – это грамматическая категория, сформированная морфологическими и синтаксическими средствами и состоящая из ряда основной динамики и пассивной динамики. Глаголы выражают взаимосвязь между характеристиками действия и их носителями с разных точек зрения. Основная динамика представляет собой источник характеристик действия (семантический субъект) и то, что он динамический, означает, что носитель является носителем признака действия (семантический носитель)» [Чжан Хуэйсен, 2007, с. 42]. Далее мы проанализируем два случая перевода предложения с конструкцией «把/ба» в русское активное предложение и русское пассивное предложение.

2.1 Конструкция «把/ба» в активном залоге

Конструкция «把/ба» в произведении «Сон в красном тереме» часто выражается в русском переводе. В связи с этим мы делим предложение «把/ба» в зависимости от того, имеет ли предложение «把/ба» предмет или нет. Таким образом, анализируется русский перевод. Разбирая примеры предложений, мы обнаружили, что многие пары предложений «把/ба» переводятся на активный залог в русском предложении. Пред-субъектами «把/ба» в этих предложениях в основном являются местоимения и существительные, такие как:

Пример 1.

Оригинал: 你也不用银子了，我把那玉还你罢。（117-990）

Преобразовано в : 你也不用银子了，我还你那玉罢。

Перевод: Я знаю, что деньги вам не нужны! **Я вам отдам яшму обратно!** (117-790)

Пример 2. Оригинал: 贾母把方才一席话说与众人听了。（43-359）

Преобразовано в : 方才一席话，贾母说与众人听了。

Перевод: Затем матушка Цзя передала всем разговор, который только что произошел между ней и госпожой Ван. (43-595)

Анализ: Если вы хотите перевести «我把那玉还你罢» как в примере 1 на иностранный язык, вам нужно преобразовать это предложение в предложение без конструкции «把/ба». Используя правило опущения и смещения синонимичного преобразования, «我把那玉还你罢» можно изменить на «我还你那玉罢». «罢» в конце предложения эквивалентен вспомогательному слову «吧». Используемый здесь метод

перевода является обычным средством в переводе. В примере 2 используются правила смещения и опущения для преобразования предложения без конструкции «把/ба», а в переводе используется расширенный метод перевода, то есть для расширения значения исходного слова в двуязычном преобразовании. Перевод дополняет «方才一席话».

Кроме того, есть много предложений без подлежащего перед «把/ба» в произведении «Сон в красном тереме». Хотя перед «把/ба» нет подлежащего, мы все же можем найти его исходя из контекста. Такие предложения также можно перевести как русский активный залог, без субъекта перед «把/ба» в произведении «Сон в красном тереме» условно подразделяются на две категории: первый тип можно вывести из контекста, что субъектом «把/ба» является определенный человек, например:

Пример 3. Оригинал: 凤姐听了，把头一梗，把筷子一放，腮上似笑不笑的瞅着贾琏道：“你当真的，是玩话？” (23-187)

Преобразованный как : 凤姐听了，梗着头，放下筷子，腮上似笑不笑的瞅着贾琏道：“你当真的，是玩话？”

Перевод: Фын-цзе насупилась, **отбросила палочки для еды и**, обращаясь к Цзя Ляню, полушутя, полусерьезно спросила: – Ты это всерьёз или шутишь (23-315).

Анализ: «把头一梗» – это естественная реакция после описания сестры Фенг, слушающей слова Цзя Лиана. Это действие показывает, что сестра Фенг была очень недовольна в то время. Хотя в переводе нет соответствующего перевода предложения «梗着头», но используется глагол «насупиться», значение слова «морщить брови, принять серьезный вид» также показывает, что первоначальный текст хотел выразить неприятное значение сестры Фенг. Из контекста видно, что «把筷子一放» – это действие, изданное сестрой Фенг, поэтому субъектом является сестра Фенг, на что указывает в переводе женский суффикс «-ла» глагола «отбросить».

Предмет также может быть выведен в соответствии с контекстом, но некоторые предложения «把/ба» отражают предмет не через глагольное сказуемое, а через предмет в безличном предложении. Иногда подлежащее не кажется необходимым, и в переводе ничего нет. Варианты осуществления, такие как: Пример 4.

Оригинал: (你) 把头也梳一梳。 (44-370)

Преобразовано в : (你) 梳一梳头。

Перевод: Тебе нужно причесаться. (44-614)

Пример 5. 我没法儿，把两枝珠花儿现拆了给他。

Преобразовано в : 我没法儿, 现拆了两枝珠花儿, 给了他。

Перевод: Пришлось снять два цветка из жемчуга и отдать ему. (28-385)

Анализ: и пример 4, и пример 5 используют правило опущения и правило смещения, чтобы стать синонимичными предложениями исходного предложения. Предложения переводятся в безличные предложения, а глагольное сказуемое и инфинитивы глаголов являются основными компонентами безличных предложений. В примере 4 основной активный рефлексивный глагол «причесаться» используется для указания поведения самого субъекта, что эквивалентно «причесать + себя». В переводе примера 5 используется метод слитного перевода, который переводит два предложения в глагольное сказуемое «прийтись»; вместе с глаголом используется инфинитив, чтобы сделать целое предложение основным компонентом безличного предложения.

Пример 6. Оригинал: 原要还把你妹妹们的新衣服拿两套给他妆裹。(32-272)

Преобразовано в : 原要拿两套你妹妹们的新衣服给他妆裹。

Перевод: Мне хотелось подарить еще одно или два платья из тех, которые шили для твоих сестёр, чтобы обрядить покойницу, но, как назло, не нашлось ни одного нового. (32-450)

Анализ: Этот пример является более сложным предложением с конструкцией «把». Цуй Силян называет структуру части сказуемого после «把» «конструкция, включающая глагольно-результативное словосочетание». В произведении «Сон в красном тереме» около 120 таких предложений. Преобразование синонимичного предложения в Примере 6 использует правило опущения и правило смещения. В преобразованном предложении есть два сказуемого, а именно глаголы «拿» и «妆裹», что создает некоторые трудности при переводе. В связи с этим в переводе используется метод сегментированного перевода, а преобразованное предложение сегментируется, а значение предложения переводится в виде небольших предложений. Можно сказать, что сегментация является наиболее важной и наиболее широко используемой в методологии перевода. Кроме того, в переводе используются безличные глаголы с -ся. Здесь мы хотим выразить бессознательные надежды и идеи говорящего. Такие предложения обычно используются для выражения тёплого или деликатного тона субъекта в предложении.

Говоря о втором типе рассматриваемых конструкций в произведении «Сон в красном тереме», перед «把/ба» нет подлежащего. Даже если вы ссылаетесь на контекст, вы не можете четко понять предмет до конструкции «把/ба» и обычно не можете понять специфику.

Пример 7. Оригинал: 如今我没有钱去打点,就把我拒绝。(104-895)

Преобразовалось в : 如今我没有钱去打点,就拒绝我.

Перевод: А сейчас, когда у меня нет денег, **со мной не хотят иметь дела.** (104-624)

Пример 8. Оригинал: 因此把他二人都抬到王夫人的上房内。 (25-211)

Преобразовано в : 因此他二人都被抬到王夫人的上房内。

Перевод: Вследствие этого больных перенесли наверх в комнату госпожи Ван ... (25-350)

Анализ: Подлежащее в предложении не очень ясно, эта ситуация является относительно распространенным языковым явлением в китайском языке. По совпадению, этот языковой феномен также существует в русском языке, обычно переводимом в неопределенные личные предложения, «неопределенные личные предложения фокусируются на самом поведении, не подчеркивают, кто является деятелем, или считают ненужным указывать деятеля. Основными компонентами являются глаголы настоящего времени и будущего времени. Множественное число третье лицо или форма множественного числа прошедшего времени.

2.2 Конструкция «把/ба» в пассивном залоге

Существует множество способов классификации предложений в пассивном залоге, среди которых более распространенными критериями классификации являются классификация с точки зрения формы и значения. Пассивный залог делится на формальные пассивные предложения и осмысленные пассивные предложения. «Сказуемое в пассивном предложении – это динамическая форма, или глагол, который был изменен через пассивную форму, и производит действие дополнения (если есть), составляет пять форм, в то время как субъект объекта выражается в падежной форме». [Ван Чжицзянь, 2011, с. 42]. Так называемый пассивный залог относится к предложению, которое не помечается динамически в форме, но значение предложения содержит предложение пассивного значения.

Пример 9: Оригинал: **如今既是把病耽误到这个地位, 也是应有此灾。** (10-89)

Преобразовано в : **如今既是病被耽误到这个地位, 也是应有此灾**

Перевод: **Но поскольку болезнь запущена,** вполне естественно, возникли осложнения. (10-155)

Пример 10. Оригинал: 你既找寻过没有, **也算把你作朋友的心尽了。** (67-578)

Преобразовано в : 你既找寻过没有, **也算尽你作朋友的心了。**

Перевод: Раз ты искал его, **твой долг по отношению к другу исполнен.** (67-100)

Анализ: Пример 10 использует правило опущения и правило смещения для преобразования предложения без конструкции «把/ба». Как перевести существительное «心» – это трудность перевода этого предложения на русский язык. По смыслу предложения «心» здесь означает «долг и ответственность», что показывает, что переводчик переводит это слово в «долг» более уместно. В переводе используется метод замещения: «Замена – очень эффективный метод оптимизации читабельности и важный способ функциональной компенсации» [Лю Мицин, 2005, с. 199]. В примере 9 происходит синонимическое преобразование с конструкцией «把/ба», а пример 10 преобразуется в активное предложение на китайском языке. Несмотря на то, что залог разнится, все они переводятся в русский страдательный залог. Можно видеть, что не все предложения в активном залоге на китайском языке должны использовать активные предложения при переводе на русский язык, а некоторые активные предложения на китайском языке также могут быть переведены на пассивные предложения на русском языке.

Конструкция «把/ба» переводится в страдательный залог, сказуемым перевода может быть также и несовершенный вид непереходного глагола с -ся, такой как:

Пример 11. Оригинал: 宝玉只顾如此一想，不料早把些邪魔招入膏肓了。（5-41）

Преобразовано в：宝玉只顾如此一想，不料邪魔早被招入膏肓了。

Перевод: Занятый своими размышлениями, Бао-юй и не предполагал, **что в его душу вливается какая-то чудодейственная сила.**

Анализ: Исходное предложение преобразуется с помощью использования правила замены, правила смещения и правила опущения, а в переводе употребляется непереходный глагол несовершенного вида с частицей -ся – «вливаться». «膏肓» – это уникальный лексикон китайского языка, «心尖脂肪叫膏，隔上面一薄膜叫肓» [Словарь китайского языка: Новый Китай», 2004, с. 71]. Согласно смыслу предложения, перевод выражается как «душа», где «душа» означает «心, 心灵, 内心», под влиянием глагола «вливаться», в тексте используется четыре падежных формы «душа».

Конструкция «把/ба» в произведении «Сон в красном тереме» не только переводится в пассивном залоге в русском переводе, но и некоторые предложения «把/ба» переводятся в пассивное значение: это пассивное предложение не пассивно по форме, но содержит пассивный залог. Русский лингвист Бондарко А.В. называет эти «значения, выраженные лексическими средствами, динамически называемыми динамикой словарного запаса (лексический пассив)» [Бондарко, 1991, с. 139]. Эти предложения «把» в основном

используют лексические средства для выражения пассивного значения в переводе. Такие как:

Пример 12. Оригинал: 倘或老太太知道了，倒把我这几年的脸面都丢了。(72-624)

Преобразовано в : 倘或老太太知道了，我这几年的脸面就都丢了。

Перевод: Ведь если об этом узнает старая госпожа, пострадает моя репутация, которой я добивалась в течении нескольких лет! (72-176)

Пример 13. Оригинал: 恍惚间，把找鸳鸯的念头忘了。(116-983)

Преобразовано в : 恍惚间，就忘了找鸳鸯的念头。

Перевод: Мысль о Юань-Ян сразу вылетела у него из головы, он расхрабрился, подошёл к первому шкафу, распахнул дверцы и заглянул внутрь. (116-778)

Анализ: Пример 12 использует правило опущения и правило добавления для преобразования в активное предложение без конструкции «把/ба». Подлежащее «репутация» в переводе также является смысловым объектом действия. В примере 13 используются правило опущения, правило смещения и правило добавления для преобразования в активные предложения на китайском языке. «Мысль» является подлежащим в переводе, а также объектом действия. «Вылететь из головы» является разговорным выражением, означающим «Забыть обо всем».

Подводя итог, конструкция «把/ба» является уникальным шаблоном предложения в китайском языке, а соответствующий шаблон предложения на русском языке отсутствует, необходимо преобразовать предложение с «把» как синоним перед переводом на русский язык. Анализируя русский перевод конструкции «把/ба», мы обнаруживаем, что предложения с конструкцией «把/ба» в основном переводятся на предложения в активном залоге и пассивном залоге на русском языке, и преобразование предложения «把/ба» в активное предложение на китайском языке часто представляет собой нечто большее, чем преобразование. Есть три основные причины для пассивного предложения. Прежде всего, китайские пассивные предложения обычно используются, чтобы выразить вещи, которые являются неблагоприятными или нежелательными для подлежащего, и обычно вызывают неблагоприятные последствия, что является «неудачным залогом». Во-вторых, у китайского языка есть много способов выражения пассивных понятий: шаблоны предложений, используемые для выражения пассивного значения, включают в себя не

только предложение «被/бэй», но также предложение «把/ба» и другие шаблоны предложений. Наконец, люди привыкли использовать активные предложения. Это привычка использования привела к этому традиционному выражению. Активный залог в предложениях является более естественным и прямым для использования.

Список литературы:

- Бондарко А.В.* К определению понятия «залоговость» / Бондарко А.В. и др. // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. 139 с.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. М.: Международные отношения, 1974.
- Цао Сюэцин.* Сон в красном тереме / Цао Сюэцин. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
- Ван Чжицзянь.* Эюй бэйдунцзюй дэ довэй яньцзю [Многомерное исследование предложений пассивного залога в русском языке]. Шанхай вайгоуй дасюэ, 2011. 42 с.
- Лю Мицин.* Синьбянь дандай фанььи лилунь [Современная теория перевода: Новое издание]. Бэйцзин: Чжунго дуйвай фанььи чубань гунсы, 2005. 199 с.
- Синьхуа ханьюй цыдянь. Бяньвэйхуэй бянь.* Синьхуа ханьюй цыдянь [Словарь китайского языка: Новый Китай]. Бэйцзин: Шаньгу иньшугуан гоцзи юсянь гунсы, 2004. 71 с.
- Цао Сюэцин, Гао Э.* Хунлоумэн [Сон в красном тереме]. Бэйцзин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2000.
- Чжан Хуэйсен.* Чжанхуэйсэнь цзи. [Коллекция Чжан Хуэйсен]. Хаэрбинь: Хэйлунцзян дасюэ чубаньшэ, 2007. 42 с.
- Чжан Юньхуэй.* Ханьюй юйфасюэ яньцзю [Исследования по китайской грамматике]. Бэйцзин: Чжунъян миньцзу дасюэ чубаньшэ, 2000. С. 142–150.

References:

- Bondarko A.V.* K opredeleniyu ponyatiya «zalogovost'» / Bondarko A.V. i dr. // Teoriya funkcional'noj grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'. SPB.: Nauka, 1991. 139 p. (In Russian).
- Cao Xue-qin, Gao E.* Hongloumeng [A Dream of Red Mansion]. Beijing: Renmin enxue chubanshe, 2000. (In Chinese).
- Cao Xue-qin.* Son v krasnom tereme / Cao Xue-qin. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khkhudozhestvennoj literatury, 1958. (In Russian).
- Liu Miqing.* Xinbian dangdai fanyi lilun [New Edition of Contemporary Translation Theory]. Beijing: Zhongguo duiwai fanyi chuban gongsi, 2005, 199 p. (In Chinese).
- Recker Ya.I.* Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda / Ya.I. Recker. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. (In Russian).
- Wang Zhijian.* Eyu beidongju de duowei yanjiu [Multidimensional Study of Passive Sentences in Russian]. Shanghai waiguyu daxue, 2011. 42 p. (In Chinese).
- Xinhua hanyu zidian. Bainweihui bian.* Xinhua hanyu zidian [Xinhua Chinese Dictionary]. Beijing: Shangwu yinshuguan guoji youxian gngsi, 2004. 71 p. (In Chinese).
- Zhang Huisen.* Zhang Huiseng ji [Collection of Zhang Huisen]. Haerbin: Heilongjiang daxue chubanshe, 2007. 42 p. (In Chinese).
- Zhang Yunhui.* Hanyu yufaxue yanjiu [Study of Chinese Grammar]. Beijing: Zhongguo minzu daxue chubanshe, 2000. P. 142–150. (In Chinese).

Манерко Лариса Александровна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Manerko Larissa
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ

CONCEPTUAL METAPHOR IN ENGLISH SCIENTIFIC DISCOURSE AND ITS REFLECTION IN TRANSLATION

В статье раскрывается один из важных аспектов лингвостилистического анализа перевода, которым выступает перевод метафоры. Автор раскрывает особенности формирования концептуальной метафоры в англоязычном научном дискурсе, указывает, что в понимании метафоры участвует старое и новое знание носителя языка – автора научной статьи. Согласно теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, подобное взаимодействие понимается как соотношение между областью-источником и областью-целью. В статье показывается, что необходимо учитывать также как вводится в тексте метафора и какие элементы способны выявить ПРОФИЛЬ и ОСНОВАНИЕ метафоры. На этой теоретической основе показываются способы перевода метафоры в научном тексте с английского на русский язык.

The article reveals one of the most important aspects of linguostylistic analysis in translation, where the translation of metaphor is becoming of great interest. The author reveals peculiarities of conceptual metaphor in English scientific discourse and highlights the fact that to understand metaphor we are to compare the old and new knowledge of the author who has written the scientific article. According to the theory introduced by G. Lakoff and M. Johnson we are to describe the source domain and the target domain. In the article we are to point out how metaphor is introduced in the text and which elements are able to indicate the PROFILE and BASE of the metaphor. On this theoretical basis ways of metaphor transference in scientific texts are demonstrated, especially in translating from English into the Russian language.

Ключевые слова: научный дискурс, английский язык, концептуальная метафора, перевод на русский язык.

Key words: scientific discourse, English, conceptual metaphor, translation into Russian.

Задумываясь о том, как функционирует метафора в научном дискурсе, следует вспомнить, что основной категорией когнитивно-коммуникативного терминоведения выступает языковая личность. Она участвует в профессиональной деятельности, благодаря тому, что она обладает определенной совокупностью знаний. Процесс развития подобной личности связан «с последовательным освоением разных по сложности видов деятельности» [Мишланова, 2002, с. 11], знакомством с обыденной, общенаучной и научной картиной мира, особенностями категоризации и концептуализации, которые зависят от множества типов знания, осуществляемых в дискурсе.

При написании научной статьи, ученому в определенной сфере своей деятельности приходится следовать характеристикам, имеющим отношение к жанрово-стилистическим

особенностям научной речи. Среди них обычно называются цельность, связность, точность, логичность, аргументированность, абстрактность и объективность изложения. Но эти характеристики никак не могут раскрыть особенности речемыслительной деятельности, непосредственно связанной с понятием дискурса и осуществляемыми в нем номинативными, креативными, интерпретирующими и иными механизмами.

В последние два десятилетия ученые все чаще упоминают использование метафоры как один из языковых и аналоговых средств, когда происходит перенос знаний из одной области в другую в рамках академического дискурса. Благодаря этому переносу, метафору относят к концептуальным механизмам, который связан с процессом терминологизации и ведет к опосредованному развитию смысла на основе существующего уже знака в научной коммуникации. Концептуальные метафоры служат орудием осмысления и понимания какой-то более абстрактной области в терминах и концептах более известной конкретной области. Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают, что в появляющейся метафоре можно выделить область-источник – она намного понятнее и конкретнее, обычно опирается на непосредственный физический опыт и легче усваивается и передается от одного коммуниканта другому в общении.

Среди всех существующих метафор особое место занимают номинативные метафоры, которыми изобилует любая, в том числе естественнонаучная область знания. Одни из них упоминаются в текстах научной области без всяких выделений в тексте, ср. *Leaves exposed, attached to the parent plant, to full sunlight till 4PM show no assimilation, though living, green, and with normal chlorophyll grains*. В этом случае метафора выступает в качестве атрибутивного компонента субстантивной конструкции; *This 'stress' condition is known as protoinhibition and its recognition can be traced to Edwart, who reported as long as 1896* [Barber, Andersson, 1992, p. 61]. В этом примере также представлено метафорическое выражение в качестве атрибутивного компонента к существительному, но метафора выделяется кавычками, за счет нее создаются яркие и запоминающиеся образы, которые постепенно перестают ощущаться коммуникантами как метафоры. Похожие примеры фиксируются довольно часто в других видах дискурса: “tree of life” («дерево жизни»), “tree theory” of languages («теория родословного древа» у А. Шлейхера), “big bang” theory (теория «большого взрыва») и др. [Манерко, 2018]. Попробуем разобраться в особенностях использования метафор в естественнонаучном дискурсе.

Метафорическое выражение может быть представлено как отдельным словом, так и словосочетанием, фразой и фразеологической единицей. При этом они могут указывать на довольно разные области обыденной и общенаучной картины мира:

СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ – a crucial photochemical *machine*; in contrast to the acceptor-side *mechanisms* outlined above; Indeed, the *mechanism* that the plant *favours*; photosystem II is the ‘*engine of life*’;

СПОРТ – It seems that a *penalty* is paid in performing light-driven water-splitting...;

ЭНЕРГИЯ – Glycogen phosphorylase is an essential enzyme which, in mammals, provides the *fuel* needed to sustain life between feeding

ЖИВОТНЫЕ – However, there is more than one way to *skin a cat* and another scenario that leads to photoinhibition... (в составе глагольной конструкции)

ПРОЦЕСС – The plant cannot *turn off* the sunlight but it has developed several molecular strategies...

Внешняя форма комплекса, состоящего из компонентов, активизирует имеющиеся у адресата повседневные (обыденные) знания и стоящие за ними ментальные структуры. Читатель выбирает именно ту информацию, которая необходима для восстановления существующих элементов и отношений между ними. В ономаσιологической модели, в рамках которой могут быть описаны производные, сложные слова и субстантивные словосочетания, ономаσιологический базис и ономаσιологический признак, связанные друг с другом посредством ономаσιологического предиката. Подобные модели были описаны детально в работах Е.С. Кубряковой, Е.М. Поздняковой, Л.А. Манерко и других. В том случае, когда мы имеем дело с отдельным словом – метафоризированным элементом в дискурсе, также необходима отсылка к тем знаниям, которые переданы на основе предыдущих повседневных знаний от автора реципиенту для более легкого понимания семантически осмысленных единиц. Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают на то, что метафорические модели представляют собой «отображение пропозициональных или образно-схематических моделей одной области на соответствующие структуры другой области» [Лакофф, Джонсон, 1998, с. 158]. Тогда получается, что метафорическая проекция представляет собой предикативную конструкцию, которая позволяет связать разные семантические области друг с другом. С.Л. Мишланова, исследуя в основном медицинский текст, указывает, что метафорическая модель медицинского дискурса, может быть представлена такими доменами, как ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА, которые в дальнейшем представляют четыре метафорические модели: 1) Человек как социальный объект; 2) Человек как биологическое существо; 3) Живая природа; 4) Неживая природа [Мишланова, 2002].

Удивительным явлением, которое фиксируется в естественнонаучном дискурсе, является использование нескольких метафорических выражений, написанных в кавычках в рамках одного абзаца. Тогда, когда ставятся кавычки, авторы хотят донести мысль

читателю о том, что метафора взята из другого регистра речи, знакомого ему из повседневной коммуникации, что облегчает восприятие и понимание научного текста. Приведу пример из статьи, в которой на основе исследований доказывалось, что обилие света может быть губительно для фотосинтеза растений: *The creation of photosystem II and a water-splitting system driven by sunlight represents the 'big bang' in evolution since it guaranteed the biosphere an unlimited supply of 'fuel' for the conversion of gaseous carbon dioxide to organic material. ...There is, therefore, no doubt that photosystem II is the 'engine of life'* [Barber, Andersson, 1992, p. 61].

В одном абзаце использованы три номинативные метафоры *'big bang, 'fuel', the 'engine of life.'* Все они выделены посредством кавычек. Интересно, что современные представления о теории горячей Вселенной повествуют о том, что после момента Большого взрыва начался резкий переход к расширению Вселенной, а дальнейший спад температур привел к образованию материи на основе определенных физических сил и элементарных частиц в их современной форме. Авторы статьи [Barber, Andersson, 1992] проводят аналогию, подчеркивая важность сходных процессов, происходящих в фотосинтезе. При этом кавычками авторы указывают на то, что мы имеем дело не с обыденными, а общенаучными знаниями, тогда для облегчения восприятия отрывка текста осуществляется переход от общенаучной к научной картине мира. Читатель воспринимает указанный отрывок на основе слова или фразы, которые даны в кавычках – таким образом выстраивается ПРОФИЛЬ (profile) метафорического выражения, соотносимого с ОСНОВАНИЕМ (base) области цели научного дискурса. Следует обратить внимание на то, что мы используем термины Р. Лэнекера ПРОФИЛЬ и ОСНОВАНИЕ [Цит. по Ченки 1997: 358]). Ср. *the 'big bang' in evolution* здесь профилем выступает область-источник («большой взрыв, приводящий к изменениям»), а основанием для трансфера знания в научный дискурс является указание на процессе изменения состояния - «в процессе эволюции», но не взрыва, а развития растения. Следующее предложение и метафора, используемая в нем, встраиваются областью-источником в очередной трансфер знания, происходящий в развивающемся дискурсе. Здесь используется выражение *supply of 'fuel' for the conversion of gaseous carbon dioxide to organic material*. Подобная энергия в виде упомянутого *'fuel'* («топливо») предназначено для проработки новой области знания, связанного с эволюцией растения, а именно превращения одного состояния в другое. В третьем высказывании *photosystem II is the 'engine of life'* происходит сопоставление фотосистемы с движущей силой жизни. Данный «каскад» метафор используется автором статьи преднамеренно для объяснения сложных процессов, происходящих в фотосинтезе растений. И третье предложение завершает

абзац, в котором мы обращаем внимание на формулировку, передаваемую посредством глагола *to be*, которое становится некоторым выводом, завершающим превращения, заданные потоком метафор. Можно сказать, что в научном дискурсе главным моментом является осознание того, что в основе научной метафоры в академическом дискурсе лежит сложный и противоречивый интерпретационный механизм, который предполагает взаимодействие старого знания и нового знания. Противоречивость состоит в том, что важным смысловым компонентом выступают экстралингвистические факторы, которые способны направить внимание читателя и возможности его интерпретации в нужное русло, где из нескольких путей осмысления выбирается один возможный, заданный автором (авторами) статьи.

Перевод метафор, как и вообще перевод в традиционной лингвистике, относится к лингвостилистическим аспектам. В учебных пособиях по переводу использование метафоры описывается на основе художественной литературы, где предлагаются следующие способы: полный перевод, добавление или опущение, замена, связанная в лексическом несоответствии и т.д. [Казакова, 2006, с. 245-246]. Перевод метафор в научном дискурсе также осуществляется на основе добавления или объяснения подразумеваемого смысла в исходном тексте (*'engine of life'* «движущая жизненная сила»), структурного преобразования с расширением области знания (*It seems that a penalty is paid* «Кажется, что ответным шагом этого процесса является») или подбора эквивалента в русском языке (*Leaves exposed, attached to the parent plant* «Появившиеся новые листья, прикрепленные к стеблю растения...»). При этом часто метафора в переводе с английского языка на русский исчезает. В когнитивной лингвистике и когнитивной теории перевода ученых интересует презентация авторской концептуальной системы при помощи образов-метафор и как способ представления знания. Учитывая, что довольно часто общенаучная метафора в переводах остается, ср. примеры из медицинского дискурса в русском языке: «Симптом ВЕРШИНЫ АЙСБЕРГА. Изображение жировой части дермоидной кисты яичника в виде конуса или БУГОРКА, окруженная жидкостью, характерен для доброкачественной дермоидной кисты (тератомы) яичника смешанного типа; ХРУСТАЛИК – прозрачная двояковыпуклая линза..., имеющая переднюю и заднюю поверхности, которые переходят одна в другую в области экватора» [Цит. по Мишланова, 2002]. В нашем случае можно сохранить метафору в следующих примерах, несколько видоизменив ее в соответствии с культурологической составляющей: *Leaves exposed, attached to the parent plant* « Новые листочки, появившиеся от материнского стебля...»; *The creation of photosystem II and a water-splitting system driven by sunlight represents the 'big bang' in evolution since it guaranteed the biosphere an unlimited*

supply of 'fuel' for the conversion of gaseous carbon dioxide to organic material.

«Формирование фотосистемы II и системы транспорта воды от солнечных лучей представляет собой некий «большой взрыв» для эволюционного развития, поскольку он гарантирует биосфере бесконечный поток своеобразного «топлива» в процессе преобразования углекислого газа в органические вещества»). В процессе перевода учитываются родо-видовые признаки категоризации, указывающие на возможности приспособления растений к жизни на земле, что привело к усложнению форм жизни, предполагающему «транспорт воды» и других питательных веществ внутри растительных тканей. Фотосистема и транспорт воды становятся теми гиперонимными терминами, посредством которых становятся понятными научная специфика «большого взрыва» и «топлива» в переведенном предложении, а образная составляющая остается в переводе благодаря сравнению.

Таким образом, в работе были раскрыты особенности формирования концептуальных метафор в научном дискурсе и показана специфика их переноса из области-источника к области-мишени. Также в статье раскрываются способы перевода метафор в научном тексте с английского языка на русский язык при использовании образных схем и явления категоризации.

Список литературы:

Казакова Т.А. Практические основы перевода: English – Russian: Учебн. пос. СПб: «Союз», 2006. 319 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 20014. 256 с.

Манерко Л.А. Мультиmodalность в англоязычном академическом дискурсе // Терминология и знание: Материалы VI Международного симпозиума (Москва, 8-10 июня 2018 г.) / Отв. редакторы С.Д. Шелов, Е Цисун. М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова; Министерство образования КНР; Хэйлундзянский университет, 2018. С. 157-167.

Мишланова С.Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2002. 160 с.

Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 340-369.

Barber J., Andersson B. Too much of a good thing: light can be bad for photosynthesis // Trends in Biochemical sciences, 17(2). February 1992. P. 61-66.

References:

Barber J., Andersson B. Too much of a good thing: light can be bad for photosynthesis // Trends in Biochemical sciences, 17(2). February 1992. P. 61-66.

Chenki A. Semantika v kognitivnoj lingvistike // Fundamental'nye napravlenija sovremennoj amerikanskoj lingvistiki. M., 1997. S. 340-369. (In Russian).

Kazakova T.A. Prakticheskie osnovy perevoda: English – Russian: Uchebn. pos. SPb: «Sojuz», 2006. 319 s. (In Russian).

Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforj, kotorymi my zhivem. M.: Editorial URSS, 20014. 256 s. (In Russian).

Manerko L.A. Mul'timodal'nost' v anglojazychnom akademicheskom diskurse // Terminologija i znanie: Materialy VI Mezhdunarodnogo simpoziuma (Moskva, 8-10 ijunja 2018 g.) / Otv. redaktory S.D. Shelov,

E Cisun. M.: Institut ruskogo jazyka imeni V.V. Vinogradova; Ministerstvo obrazovanija KNR; Hjejlundzjanskij universitet, 2018. S. 157-167. (In Russian).
Mishlanova S.L. Metafora v medicinskom diskurse. Perm': Izd-vo Permskogo universiteta, 2002. 160 s. (In Russian).

*Нургали Кадиша Рустембековна
Тернавская Мадина Мейрамбековна*
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
г. Нур-Султан (Казахстан)

*Nurgali Kadisha
Ternavskaya Madina*
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Nur-Sultan (Kazakhstan)

ФЕНОМЕН «ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ» В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

THE PHENOMENON OF ETHNOCULTURAL MARKERS IN TRANSLATION THEORY OF PROSE WORKS

В статье рассматриваются вопросы перевода прозаических произведений и проблемы, связанные с неадекватностью воссоздания художественного текста в переводе. Материалом для сопоставительного анализа послужил рассказ Оралхана Бокея «Оттепель» и его перевод на русский язык, выполненный Александром Кимом.

При рассмотрении литературного материала автор статьи особое внимание обращает на такие аспекты, как компрессия текста при переводе в результате упрощения идеологических пластов содержания; сохранение общего идейного посыла, заложенного писателем в оригинальном тексте; точки зрения в повествовании (с позиции рассказчика, автора, героя произведения). Немаловажным оказывается передача на другой язык и вспомогательных элементов произведения, таких как, например, эпитафия, который при переводе рассматриваемого произведения был опущен.

В статье анализируются структурные, а также иные формальные отличия переводного текста от оригинального произведения. Выявлено расхождение в смысловом отношении за счет невозможности перевода отдельных элементов оригинального текста, что, однако, признается неизбежным в условиях этнокультурной специфики, различия наборов выразительных средств, присущих различным языкам. Кроме того, личность переводчика, его опыт и умения (талант) также оказывают влияние на полноту и точность перевода оригинального произведения.

В результате проведенного исследования авторы статьи приходят к выводу о том, что наиболее важным для переводчика выступает умение четко, точно отразить образный мир произведения, идею, позицию и стиль писателя.

The article deals with the issues of translation of literary works and the problems associated with the inadequate reconstruction of a literary text in translation. The comparative analysis was based on the story of Oralkhan Bokey "The Thaw" and its translation into Russian by Alexander Kim.

When considering the literary material, the author of the article pays special attention to such aspects as the compression of the text during translation as a result of the simplification of ideological layers of content; preservation of the general ideological message laid down by the writer in the original text; various perspectives in the story (the narrator's, the author's, the character's). It is also important to transfer the auxiliary elements of the work into another language, for example, the epigraph, which was omitted during the translation of the work in question.

The article analyzes the structural and other formal differences between the translated text and the original work. The discrepancy in the semantic relation was revealed due to the untranslatability of specific elements of the original text, which, however, is recognized as inevitable in the context of ethnocultural specificity, the differences in the sets of expressive means inherent in different languages. In addition, the personality of the translator, his experience and skills (talent) also affect the completeness and accuracy of the translation of the original work.

As a result of the study, the author of the article comes to the conclusion that the most important thing for a translator is the ability to clearly and accurately reflect the figurative world of the work, the idea, the perspective and the style of the writer.

Ключевые слова: язык, перевод, прозаическое произведение, этнокультурные маркеры, Оралхан Бокей.

Key words: language, translation, prose work, ethnocultural markers, Oralkhan Bokey.

«Прозаический перевод» – это перевод романов, очерков, художественной литературы, рассказов, комедий, народных сказок, житий, критических произведений, научной фантастики и т.д. Это вид литературного творчества, где письменное произведение на одном языке воссоздается в другом. Принято считать, что перевод стихов очень проблематичен, но мы должны согласиться с тем, что переводчики также сталкиваются с множеством трудностей, когда дело касается перевода прозы.

Так, например, когда исходный и целевой языки принадлежат к разным культурным группам, первая проблема, с которой сталкивается переводчик прозы, – это поиск терминов на его или ее родном языке, которые выражают наивысший уровень достоверности значения определенных слов. Например, есть слова, которые относятся к понятиям, характерным для какой-либо узкой отрасли, либо отражают уникальный или специфический оттенок, характерный только для культуры определенного этноса. Подобные слова создают особые группы и представляют особую культуру, перевод подобных слов и конструкций – задача, которую каждый переводчик решает скрупулезно и индивидуально.

К группам слов и словосочетаний для перевода также можно отнести различные фигуры речи, которые могут обладать двойственным значением: игру слов, крылатые слова и выражения, а также и каламбуры. Точно так же названия рассказов и романов содержат множество примеров такой двусмысленности, которую трудно или даже невозможно перевести [Сатыбалдиев, 1987, с. 1].

Многие думают, что перевод литературных произведений – это одна из высших форм передачи художественного творчества, потому что это больше, чем просто перевод текста. Литературный переводчик также должен быть достаточно опытным, чтобы переводить чувства, культурные нюансы, юмор и другие тонкие элементы произведения. Фактически, переводчики переводят не значения слов и выражений, а заново воссоздают сообщения в новой языковой реальности, поэтому текст и его перевод нужно рассматривать как единое художественное явление. В качестве альтернативы Питер Ньюмарк (1988) определяет перевод как «передачу значения текста на другой язык так, как задумал автор».

В литературно-прозаическом переводе язык имеет больше, чем коммуникативную или социальную и соединительную цель. Слово работает как «ключевой ингредиент» литературы, то есть выполняет художественную функцию. Между началом и завершением новаторского переводческого произведения возникает особый образ действий, «транс-выражение» жизни, заключенной в рамки образов переводимого

произведения. Следовательно, проблемы «прозаического перевода» относятся к сфере искусства и зависят от его конкретных законов.

Перевод художественного произведения идет путем развития культуры и цивилизации, достижения эстетической красоты, роста сознания, расширения мировоззрения в результате познавательного и духовного обмена человеческими именами и названиями. Развитие перевода напрямую сопряжено с развитием человечества. Недаром художественный перевод относят к категориям духовного наследия нации, определяя тем самым ее интенцию к обогащению культуры и ее расширению.

Таким образом, художественный перевод – как связь, культурная преемственность – долгое время находился в центре внимания исследователей компаративистов. Теоретически историю возникновения перевода можно продемонстрировать несколькими тезисами:

1. Начальный этап зарождения межкультурных связей, где определяющую роль играет торговля.
2. Развитие межнациональных связей завоеваний и географических открытий, а позже туризма.
3. Развитие цивилизации и укрепление позиций образования, где владение несколькими языками сродни норме.

Так, если существует языковой барьер, люди нашли выход: традиция переводить «сокровища» литературы одного народа на другой посредством изучения языка существовала в истории как западных, так и восточных стран. Переводы играют важную роль во взаимосвязи литератур народов мира, в развитии международного сотрудничества в области науки и литературы [Нұрмаханов, 1978, с. 4].

Концепция перевода имеет очень широкий спектр применений. Поэтические и прозаические произведения, публицистические статьи, научная литература, официальные газеты, выступления политических и общественных деятелей, ораторов, фильмы переводятся с одного языка на другой.

Людям, говорящим на разных языках, для общения нужна помощь переводчиков. Однако мы хотели бы упомянуть переводы в области художественной литературы. Слово «перевод» хорошо известно. Тем не менее, поскольку это особый вид и плод человеческой деятельности, он требует научного и терминологического определения. В качестве примера переводов прозаических произведений возьмем одно из произведений Оралхана Бокеева.

Оралхан Бокеев (Оралхан Бокей) – выдающийся казахский писатель, стремительно вошедший в литературу сборником повестей и рассказов «Камчигер», изданным в Алма-

Ате в 1970 году, который принес начинающему писателю признание и славу. Его индивидуальный новаторский стиль, прекрасно и самобытно сочетающий жанры публицистики, поэзии и прозы, значительно обогатил казахскую литературу. Книги писателя переводились на немецкий, словацкий, болгарский, английский, венгерский, арабский, китайский, японский языки. Также проза О. Бокеева выходила на многих языках народов СССР.

Главное кредо произведений Бокея – Человек, духовная чистота и сложный внутренний мир человека. Для его произведений характерно эмоциональное и эстетическое напряжение художника, внутренняя борьба, метафорические философские мысли, содержание, не оставляющее читателя равнодушным, эмоциональный шок, в который повергает читателя автор в любом произведении. Сложность перевода таких произведений на другой язык можно увидеть в переводе произведения «Оттепель».

В 2003 году в связи с «Годом Казахстана в России» были изданы произведения известных казахских писателей, переведенные на русский язык. Среди авторов, отобранных для издания, особняком стоят произведения Оралхана Бокеева, объединенные в цикл-коллекцию «Человек-олень». В статье не указан переводчик авторского рассказа «Оттепель». Однако нет никаких сомнений в том, что этот рассказ, вошедший в книгу «Человек-олень», был переведен Александром Кимом, ранее этот перевод в сборнике «След молнии» (в 1978 году). Однако при внимательном сравнении перевода с оригиналом обнаруживаются значимые несоответствия перевода, а именно идеологических пластов. Однако, надо понимать, что специфика стиля Бокеева своей сложностью и многослойностью представляется нам вызовом переводческому мастерству.

«Независимо от того, насколько талантлив переводчик, он или она не сможет раскрыть оригинал студентам на втором языке, если он или она не обладает всесторонними знаниями секретов обоих языков и способностью автора достичь желаемого уровня», – говорит А. Сатыбалдиев [Сатыбалдиев, 1987, с. 81]. Кроме того, даже если переводчик не обратит внимание на художественно-эстетические требования произведения, это неизбежно подорвет авторскую идею. Об этом свидетельствует перевод А. Кима.

Произведение от первого лица, где автор одновременно и участник событий, и рассказчик. Основная деталь в произведении – картина В. Васильева «Тепло». Главный герой повествования смотрит на картину и развивает собственную игру воображения, где оттепель – основная ассоциация, связанная с событиями в произведении. Чтобы полностью разобраться в произведении, необходимо, прежде всего, правильно понять значение названия «Оттепель». Бокеев понимает «оттепель» как метафору, которая

означает смену парадигмы: от зимы к весне, от приятельских отношений к чувству. По словам автора, мир не холодный и не горячий, а он (мир) «словно между сном и бодрствованием».

Ярким акцентом произведения можно считать образ главной героини Жанар. Восприятие окружающего мира слепой Жанар также уникально как она сама. Бокеев осознанно подчеркивает значимое отсутствие зрения героини, он пишет о ее глазах так: «Көптеген көздер екеуміздің әр адымымызды аңдып, ішіп-жеп қарағанын, әлбетте сен білмедің ғой. Солардың ішінде: қасқыр көздің, түлкі көздің, үкі көздің, қоян көздің, мысықкөздің тышқан, жылан, қара, көк. Ала көздің барын да қайдан сезуші едің» [Бөкей, 1987, с. 20], а на русском «Мы ходили почти всюду вместе, и я радовался, что тебе не приходится видеть мужских глаз, в которых было много жадного любопытства и так мало доброты» [Бокеев, 2003, с. 20] – без использования классификации в теории перевода. Как видите, автор называет это «глазами масс», а переводчик – «мужскими глазами».

В начале рассказа автор использовал эпиграф из народной песни, чтобы объяснить то, что он пытался передать.

Жолаушы атың семіз желе-тұғын,
Көз бар ма мен байғұста көре-тұғын.

Эпиграф в нескольких словах передает атмосферу рассказа. Этот эпиграф уникален для казахской концепции, и его отсутствие без перевода делает неполным или даже невозможным интерпретацию содержания произведения, поэтому его необходимо сохранить и в переведённом тексте. По нашему мнению, корректнее было выбрать из изучаемого языка пословицы, которые по смыслу соответствовали эпиграфу.

О. Бөкей, описывая внутреннее напряжение главного героя в произведении, мотивирует и вдохновляет читателя, изображая силу воли и духа главного героя. Герой одновременно мудр и храбр, зол и великодушен.

Художественное произведение – это конкретное отражение действительности жизни, изображенное в образной форме. Художественный перевод мы также знаем, прежде всего, как художественное произведение. Таким образом, художественное переводческое произведение представляет собой образную систему второго языка, глубоко осознавая и остро ощущая через язык оригинала образы реальной жизни, описанные в этом произведении [Сатыбалдиев, 1987, с. 140]. Руководствуясь этим принципом, можно считать рассказ «Оттепель» переведенным не полностью. Переводчик не просто сократил объем рассказа, он убрал из него значимые диалоги, раскрывающие важные психологические черты персонажей рассказа.

Академик Кабдолов отмечает, что одной из трудностей в переводе диалога является то, что в диалоге стоит характер человека, говорящего одно и то же слово, можно заметить его радость и обиду, любовь и разочарование. При переводе диалога, важны авторские ремарки, благодаря которым читатель замечает, в каком состоянии был герой, когда произносил ту или иную фразу, каким было его настроение и чувства. К примеру, узловым диалогом рассказа, в котором Жанар испытывает жажду жизни, переводчиком проигнорирован – он отсутствует в русскоязычном варианте.

- Адамдар өзіне-өзі өш. Оң қолы мен сол қолы, оң көзі мен сол көзі мәңгі қас дейді ғой.

- Ол – өтірік. Кісілер ешқашанда өзіне жауыққан емес.

- Ендеше, неге өзін-өзі өлтіреді?

- Ол ілуде кездесетін аурулар ғана. Егер шынымды айтсам, өмір сүруге менің де қақым жоқ. Хақыны былай қойғанда мүмкін емес қой. Қазақтың «мұндай тірлікті итке бермесін» дегені менің басымда емес пе. Ал өле салсам пышақ та, жіп те... қысқасы, өлудің, өлтірудің неше сықылды әдіс-айла құралдарының жетілген тұсы емес пе... неге сонда, неге?...

Этот наводящий на размышления диалог тоже нужно было перевести. В следующем разделе: «Сіз мені аямаңызшы аға, біреудің аянышты көзі мен сөзінен қорқамын. Қанша мүсіркегенімен, менің жанарымды жазып беретін адам жоқ. Мен мүсәпір де, сормандай да, жарымжан да емеспін. Мен – Адаммын!» [Нұрмаханов, 1978, с. 47].

Перевод: «Вы меня не жалеете, хорошо? Я знаю, представляю, что жалость может быть в глазах, и я боюсь таких глаз! Я не люблю сострадания: оно ущербно. Ведь если бы был на свете человек, способный дать мне зрение, то сделал бы он это не из чувства жалости, а главным образом потому, что он мог бы это сделать, правда ведь?». Похоже, автор не обратил внимания на «...Я-Человек!», которые были даны особым пафосом. Эти предложения должны были быть точными, потому что они указывали на то, что главный герой не приложил усилий для того, чтобы понять.

Даже при беглом сравнении оригинала с переводом, мы видим, что оригинал – 20 страниц, перевод – 10 страниц, что говорит о значительной переработке текста.

Переводчик постарался упростить идейный и смысловой пласты рассказа. Произведения О. Бокеева также переведены на несколько языков. Все, кто настаивает на переводе образцов казахской литературы на русский язык, должны хорошо знать образные особенности казахского языка, качества, присущие казахскому словесному

искусству. Основное требование к переводчику – донести до читателя полный смысл оригинала, сохраняя стиль автора [Бельгер, 1967, с. 5].

Таким образом, перевод прозаического произведения – эта передача мысли, выраженной устно на одном языке, или написанного текста, понятной слушателю, ученику на другом языке, т.е. его родном языке. Литературный или художественный перевод – это передача литературного произведения, написанного на одном языке, читателям средствами другого языка и максимально четкое сохранение стилистических, художественных особенностей оригинала. Самая главная задача художественного перевода – не слепое калькирование слов и выражений, а правильная передача художественной стороны оригинала, т.е. умение переводчика четко, точно отразить образный мир произведения, идею, позицию и стиль автора.

Список литературы:

- Бельгер Г.* Перевод-большое искусство / Г. Бельгер // Казахская литература, 1967.
Бокеев О. Человек-олень / О. Бокеев. М.: Русская книга, 2003.
Сатыбалдиев А. Духовное сокровище / А. Сатыбалдиев. Алматы: Писатель, 1987. 229 с.
Бөкей О. Ұйқым келмейді [Я не могу заснуть] / О. Бөкей. Алматы: Жазушы, 1987. 420 с.
Нұрмаханов К. Дәстүрлі достық [Традиционная дружба] / К. Нұрмаханов. Алматы: Жазушы, 1978. 332 с.

References:

- Bel'ger G.* Perevod-bol'shoe iskusstvo / G. Bel'ger // Kazakhskaya literatura, 1967. (In Russian).
Bokeev O. Chelovek-olen' / O. Bokeev. M.: Russkaya kniga, 2003. (In Russian).
Bokej O. Ұйқым келмейді [Ya ne mogu zasnut'] / O. Bokej. Almaty: Zhazushy, 1987. 420 p. (In Kazakh).
Nurmakhanov K. Dəstürli dostyқ [Tradicionnaya druzhba] / K. Nurmakhanov. Almaty: Zhazushy, 1978. 332 p. (In Kazakh).
Satybaldiev A. Dukhovnoe sokrovishche / A. Satybaldiev. Almaty: Pisatel', 1987. 229 p. (In Russian).

Сафонова Виктория Викторовна
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Safonova Victoria
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКИЕ ФОРМАТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДИДАКТИКЕ ПЕРЕВОДА ДЛЯ АСПИРАНТОВ-ГУМАНИТАРИЕВ

EURO-ATLANTIC FORMATS OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC COMMUNICATION AS A CRUCIAL AREA OF RESEARCH IN THE DIDACTICS OF TRANSLATION FOR PHD STUDENTS IN THE HUMANITIES

Переводческая образованность современных исследователей уже достаточно давно признается как неотъемлемая характеристика современного научного работника, способного к двуязычному научно-исследовательскому взаимодействию. Поскольку дидактика перевода для аспирантов непереводческих специальностей находится пока еще на этапе становления, тем важнее определить направления ее развития, фокусируясь на реальных исследовательских потребностях аспирантов в использовании перевода и осуществлении медиативной деятельности на ИЯ. Одним из направлений развития рассматриваемой дидактики перевода представляется лингвокультурное изучение и описание евро-атлантических форматов научного общения, которые существенно отличаются от форматов научного общения на русском языке наличием достаточно жестких требований к вербальному и невербальному поведению исследователей в научной и научно-образовательной сферах. Эти форматы были установлены с конца 20-го века в странах Евросоюза и англоязычных странах и были подвержены влиянию английского языка как глобального языка науки, англоязычных и некоторых других западноевропейских академических культур на европейское академическое сообщество. В статье будут представлены наиболее важные социокультурные характеристики евро-атлантического формата научной коммуникации на примерах их отражения в лингвокультурных моделях вербального структурирования статей и текстов презентаций.

Лингвокультурный анализ 75 зарубежных международных конференций в 2015-2020 гг. как коммуникативных событий в мире современной науки показал, что успешность научного взаимодействия участников научных мероприятий зависит как от научного содержания их выступлений, так и от степени владения ими евро-атлантическими форматами вербального и визуального представления и презентации результатов научных исследований на ИЯ. В статье выдвигается и обосновывается положение о необходимости при изучении аспирантами евро-атлантических форматов вербального и визуального представления исследовательских результатов в международном научном сообществе сфокусироваться на : а) раскрытии сути евро-атлантического формата как социокультурного явления в мире научной коммуникации; б) социокультурных характеристиках коммуникативно-когнитивной стратегии исследователя при представлении результатов научной деятельности в письменной форме ; в) дидактическом инструментарии для овладения аспирантами евро-атлантическими форматами социокультурного (включая социолингвистический и социально-стратификационный компоненты) структурирования научной информации и лингвокультурными поведенческими умениями выбирать коммуникативно приемлемую вербальную и визуальную форму представления своего научного продукта с учетом его жанровой принадлежности, социокультурной академической роли участника конкретного научного мероприятия и плюрикультурного состава участников конкретного научного мероприятия.

Translation competences have been already recognized as an integral characteristic of a modern scholar, who is expected to be capable of being involved in bilingual written interaction in international research settings. As the didactics of translation for ELS PhD students is still being developed, it is all the more important to identify the directions of its development with a special focus on the ESP PhD Students' research needs in translation and cross-lingual mediation. One of the directions in developing the translation didactics under consideration is the focus on linguocultural study and description of the Euro-Atlantic formats of scientific communication, which differ significantly from the formats of scientific

communication in Russian due to the rather strict requirements for the verbal and non-verbal behavior of researchers in academic educational and research environments. These formats have been established since the end of the 20th century in the European Union & English-speaking countries and have been under the influence of the English language as a global instrument of international scientific communication, English-speaking and some other Western-European academic cultures onto the European academic landscape. The paper will give an insight into the major socio-cultural characteristics of the Euro-Atlantic format as they are reflected in the linguocultural features of the verbal structuring of papers & articles and presentation texts.

The 2015-2020 linguocultural analysis of 75 foreign international conferences as communicative scholar events in the world of modern science has revealed that the efficiency & success of scholar interaction through English at research events depends both on the scientific content of the participants' presentations and on the degree of their proficiency in using Euro-Atlantic verbal formats while verbally & visually presenting their research results in English in international settings. The paper puts forward and argues that the introduction of teaching Euro-Atlantic formats of scholar communication to PhD students needs to be focused first of all on: a) disclosing the essence of the Euro-Atlantic format as a socio-cultural phenomenon in the world of scholar communication; b) revealing the most important socio-cultural characteristics of the researchers' communicative & cognitive strategy in presenting the research results in papers and presentations; c) suggesting some didactic tools for PhD Students' mastering the use of the Euro-Atlantic formats of socio-cultural structuring of scientific information and developing their linguocultural behavioral skills (to choose a communicatively appropriate verbal and visual form of presenting their scientific product with the view of its genre, the socio-cultural academic role of the participant in an academic/scholar event and the pluricultural landscape of a particular scholar event).

Ключевые слова: аспирантура, межкультурная научно-исследовательская коммуникация, евро-атлантический формат научного взаимодействия, профессиональный билингвизм, лингвокультурная адаптация, перевод в профессиональных целях, культурный медиатор.

Key words: PhD studies, intercultural research communication, Euro-Atlantic schemes of scientific interaction, professional translation, cultural mediator, professional bilingualism, linguo-cultural adaptation.

Переводческая образованность современных исследователей является неотъемлемой характеристикой современного вузовского преподавателя, способного к двуязычному взаимодействию как в научно-образовательной, так и научно-исследовательской сферах международной деятельности университетов. Между тем, теория и методика обучения переводу как двуязычной межкультурной коммуникации особенно на непереводческих факультетах университетов пока еще находится на стадии становления, так как не создана целостная, практико-ориентированная модель обучения частному переводу, в которой был бы найден дидактически целесообразный баланс между общетеоретическими основами подготовки переводчика в ситуациях профессиональной межкультурной коммуникации и практического овладения им опытом перевода с учетом не только коммуникативно-когнитивных факторов, влияющих на выбор переводческих стратегий и тактик, но и социокультурных особенностей деятельности переводчика как медиатора в современном глокализованном мире.

В этой связи представляется важным обратить особое внимание на суть и технологию последовательного и динамичного развития у аспирантов непереводческих специальностей той степени переводческой образованности, которая помогает им социокультурно приемлемо представлять на русском или иностранном языках свои

научные идеи, стратегию и исследовательские результаты в условиях международной научной коммуникации, в которой за последние 30 лет стал доминирующим евро-атлантический вариант дискурсивного поведения с достаточно строгой коммуникативно-когнитивной регламентацией вербального и невербального поведения исследователей в ситуациях письменной и даже устной международной научной коммуникации, что отчасти объясняется превалированием английского языка как лингва франка в международной науке и университетском образовании многих стран почти на всех континентах планеты.

В силу вышесказанного представляется важным поднять в этой статье вопросы лингвокультурного изучения и описания евро-атлантической модели профессионального взаимодействия исследователей, роли и места их билингвального и кросс-культурного развития в процессе научно-образовательной подготовки в высшей школе.

К настоящему времени достаточно строго определены и регламентированы многие форматы научно-исследовательского взаимодействия участников международных научных мероприятий. В частности, это касается, например, участника конференции, выступающего с научной презентацией на секционном заседании, руководителя или модератора секции, это также относится к проведению круглых столов экспертов (исходя из научного статуса и функций его участников даются рекомендации организаторов конференции в отношении поведенческого сценария ведущего круглого стола экспертов и экспертов, участвующих в нем). Попутно следует заметить, что в глокализованном мире коммуникативно-когнитивная поведенческая регламентация наблюдается не только в устной, но письменной научной коммуникации.

До начала XXI века в восточно-европейских странах, включая Россию, доминировали преимущественно национальные традиции построения и форматирования научного дискурса, однако изменения на геополитической карте мира привели к культивированию *евро-атлантического* формата дискурса в международном научном сообществе, особенно при общении на английском языке, который поддерживается в международном научном сообществе и на который ориентируют потенциальных авторов международные научные издательства, организаторы научных конференций и симпозиумов при выборе формата представления научно-исследовательских результатов на статусных международных конференциях, форумах, симпозиумах и конгрессах. Под евро-атлантическим форматом научной коммуникации понимается совокупность рамочных требований к устному или письменному вербальному поведению ее участников (зафиксированных в документах научного мероприятия и широко поддерживаемых на научно-образовательных сайтах Сети), исходя из научного ранга [Исследователь XXI

века, 2018; Wouters, Ràfols, Oancea, et.al., 2019], научного статуса, социальной роли конкретного участника научного взаимодействия как действующего лица в конкретном научно-интерактивном пространстве. Евро-атлантические форматы научно-исследовательского взаимодействия изначально развивались в англоязычной научной среде, а затем, будучи перенесенными в европейское поликультурное научное пространство под воздействием расширения зоны академического английского языка как глобального лингва франка науки, стали поддерживаться в международной научно-исследовательской среде Европейского Союза и за его пределами.

Наиболее простым иллюстративным примером может послужить лингвокультурное сопоставление аннотации (предполагаемой научной презентации на конференции или аннотации к статье, предлагаемой для публикации) на русском языке и на английском языках. При традиционном структурировании аннотации к научной статье на русском языке она, будучи предназначенной преимущественно для ознакомления российских читателей, имеет преимущественно описательный характер (с указанием актуальности темы или проблемы, предлагаемой для рассмотрения, освещаемых в ней вопросов и в некоторых случаях в неё может быть также включен краткий обобщающий вывод). При этом не существует жестких предписаний в отношении структурирования содержания аннотации за исключением регламентации ее текстового объема.

В англоязычной академической культуре, как известно, сосуществуют три разновидности аннотационного текста: аннотация описательного характера (a descriptive abstract), аннотация информационно-тезисной направленности (an informative abstract) и аннотация аналитического плана (a critical or evaluative annotation). Хотя *описательная аннотация* как научный поджанр в англоязычной академической культуре имеет некоторые сходные текстовые характеристики с аннотацией-описанием, функционирующей в российской академической среде, тем не менее наблюдается необходимость обязательного включения в ее текст упоминания о целях исследования, использованных исследовательских методов и объеме проделанной работы в процессе структурирования научно-исследовательской информации.

Наиболее жесткая степень структурированности научно-исследовательской информации просматривается в англоязычных требованиях к *информационно-тезисной аннотации*, автору которой рекомендуется в качестве обязательных элементов исследовательской информации (в объеме 200-250 слов) сообщать о целях исследования, методах/ методике исследования, объеме выполненной работы, полученных новых или верифицированных научных результатов, наиболее весомых выводах и\или рекомендациях, обеспечивая между частями аннотационного текста тесную взаимосвязь и

композиционную целостность (не забывая при этом о композиционном триединстве «введение-основная часть-заключение»).

Аналитическая аннотация представляет собой речевое произведение, в котором содержится научная информация, полученная в результате критического осмысления научной работы конкретного исследователя в сравнении с работами других авторов, сходными по научно-исследовательской тематике или проблематике, обращая внимание на научный вклад автора в конкретную область научного знания, степень достоверности, объективности или субъективности полученных научных результатов, проявления ограниченности и/или существенных упущений в интерпретации полученных научных результатов. У этой разновидности аннотации весьма суженная лингвокультурная сфера функционирования в научно-исследовательской деятельности, так как она востребована только при составлении аннотированного списка научной литературы.

До начала нового тысячелетия считалось, что описательные аннотации преимущественно используются в гуманитарных областях научного знания, в то время как информационно-тезисные – в областях естественно-научного знания. Однако в связи с интенсивным проникновением социологии в западноевропейские гуманитарные исследования, в новом тысячелетии, информационно-тезисная аннотация стала доминировать на международной арене и в мире гуманитарных наук. И именно ее формат стал евро-атлантическим форматом, на который ориентируют исследователей 2-го ранга (с научной степенью доктора философии или ее эквивалента) [Wouters, Ràfols, Oancea, et.al., 2019] зарубежные рецензируемые научные журналы и организаторы зарубежных международных конференций, при этом, к настоящему времени он стал доминирующим не только в англоязычном научно-исследовательском социуме, но и на международных научных мероприятиях, на которых английский язык не является средством научного взаимодействия.

Теоретико-экспериментальное исследование зоны функционирования евро-атлантического формата коммуникативно-когнитивного поведения участников в условиях межкультурной научно-исследовательской коммуникации (в том числе лингвокультурный анализ 75 зарубежных международных конференций в 2015-2020 гг. как коммуникативных событий в мире современной науки) показало, что она затрагивает речевые жанры не только письменного, но и устного научно-исследовательского межкультурного взаимодействия. К первым относятся прежде всего разновидности:

- аннотации (descriptive & informative abstracts), статьи для публикации (analytical research papers, argumentative research papers, definition papers, experimental research papers, survey research papers);

- PowerPoint презентация (full paper presentations, short paper presentations, poster presentations, discussion paper presentations);
- научных отчетов (analytical reports, case-study reports, popular reports, preprint reports, proposal reports, research & development reports, technical research reports);
- диссертации и ее составляющих (PhD thesis, research question, research framework, research outcomes, research discussion, research perspective);
- письменного самопредставления участника научно-исследовательского взаимодействия (academic biography, researchers' bio, researcher biography, researcher profile).

В группе устных речевых жанров межкультурной научно-исследовательской коммуникации евро-атлантический формат проявляется не только в структурировании вербального текста, но и в поведенческих ролевых сценариях (схемах [Council of Europe, 2001, pp.126-127]), в рамках которых участникам конкретного коммуникативного события в науке предлагается взаимодействовать в соответствии с предписываемой им конвенциональной ролью [Бороздин, 2018, с. 308; Фролов, 1994б с. 53] на научном мероприятии (например, участника конференции, пленарного докладчика, председателя или модератора секции, модератора или одного из участников круглого стола экспертов). Эта конвенциональная предписываемая социальная роль существенно влияет на вербальное и невербальное поведение того или иного участника научного мероприятия и соответственно на его выбор и употребление требуемого репертуара вербальных и невербальных средств научно-исследовательского и научно-образовательного взаимодействия. В частности, социально-ролевые коммуникативно-когнитивные предписания наиболее ярко проявляется в сценариях взаимодействия:

- автора научной презентации, модератора и аудитории;
- председателя круглого стола экспертов, экспертов и аудитории;
- организаторов научного мероприятия и его участников (активно задействованных в нем);
- участников и организаторов научного мероприятия в условиях неформального общения;
- выступающих с пленарными докладами и аудиторией (хотя в этом случае поведенческая регламентированность является менее жесткой).

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости овладения российскими вузовскими обучающимися евро-атлантическими формами научного взаимодействия на международном уровне. Вместе с тем речь не идет об отказе от национальных форматов научного общения как неотъемлемой части научной среды в России. А речь идет о другом

– о развитии у аспирантов-гуманитариев способности гибко видоизменять коммуникативную стратегию по структурированию своего научного дискурса и презентации научных вербальных текстов с учетом научного/академического этикета, социокультурных особенностей восприятия научного продукта членами научных сообществ в поликультурной среде в предлагаемых социокультурных обстоятельствах научного общения, сотрудничества и партнерства. А это требует, на мой взгляд, осуществления билингвального, лингвокультурного и социокультурного коммуникативного образования российских аспирантов-гуманитариев средствами всех изучаемых языков (включая и русский язык) при освоении как общих и специализированных теоретических курсов, так и практических курсов, относящихся к их билингвальной коммуникативной подготовке (с профессионально-профильной социокультурной составляющей) к международному научному общению и партнерству. Последняя, однако, включает не только обучение переводу в профессиональных целях, но и овладение аспирантами лингвокультурным структурированием своего вербального и отчасти невербального поведения, его своеобразной социокультурной адаптацией при ознакомлении международного научного сообщества с научной школой (к которой он или она принадлежат), полученными научными результатами и их обсуждением (которое коммуникативно и этически целесообразно в условиях международного научно-исследовательского взаимодействия), при установлении научно-исследовательских контактов с перспективой на осуществление совместных международных научно-исследовательских проектов или участия в них, а также научно-образовательных и образовательных академических проектах.

В связи с этим представляется целесообразным привлечь внимание вузов к таким архиважным характеристикам современного вузовского образования на уровне аспирантуры, как профессиональный (симметричный или асимметричный) билингвизм и лингвокультурная медиативная образованность (не только в плане оказания медиативной помощи другим в условиях возникновения коммуникативных сбоев, но и медиативного осмысления себя как «чужого» в тех или иных форматах научного взаимодействия, прогнозирования возможности возникновения коммуникативно-когнитивного диссонанса и определения своей стратегии по его нейтрализации). В современном научно-исследовательском труде вузовского работника задействованы различные виды переводческой деятельности (полный и выборочный письменный перевод, частично выборочный устный перевод, реферативный и аннотационные переводы научной литературы по профилю научной специальности), обучение которым в большинстве случаев осуществляется на профессионально-ориентированных практических курсах

иностранный язык, хотя помимо этого у студентов существует возможность осваивать основы перевода и переводческой деятельности в рамках ДОП «Переводчик в профессиональной коммуникации». Однако следует обратить внимание и на тот факт, что двуязычная деятельность университетского преподавателя-исследователя в условиях международной научной коммуникации включает не только перевод, традиционно понимаемый как процесс перекодирования исходного текста на язык перевода с учетом задач и видов перевода, типа текста и ресурсов языка перевода и под воздействием собственной индивидуальности, в результате которого создается текстовый продукт [Алексеева, 2004, с. 5], качество которого оценивается в терминах переводческой адекватности, поскольку в целом ряде случаев в условиях межкультурной профессиональной коммуникации, она подразумевает у действующих лиц научно-исследовательского общения наличие умений по лингвокультурной адаптации речевого научного произведения как в коммуникативно-содержательном плане, так и в отношении формата дискурса конкретного научного жанра, в процессе которого, хотя коммуникант в инокультурной среде и совершает некоторые необходимые переводческие действия, но ими эта его деятельность не исчерпывается. При дискурсном лингвокультурном форматировании вербального научного продукта обязательно имеет место медиативная лингвокультурная адаптация научного текста на ИЯ с ориентацией на международно-поддерживаемые форматы представления научных результатов на международной арене и, соответственно, особенности восприятия представителей научных сообществ, отдающих предпочтение евро-атлантическому формату описания и обсуждения научных проблем, научных достижений и научных перспектив развития в конкретной области научного знания.

Представляется целесообразным при научно-исследовательской, научно-просветительской, научно-консультационной и экспертной подготовке аспиранта-гуманитария как пользователя переводом в профессиональных целях как кросс-культурного/плюрикультурного медиатора [Council of Europe, 2001 p. 87, 2020, p.108; Safonova, 2018] и социокультурного адаптатора включать по крайней мере в практические курсы по ИЯ для аспирантов изучение и освоение евро-атлантических форматов вербального, визуального и при необходимости невербального представления исследовательских результатов в международном научном сообществе, сфокусировавшись на:

а) раскрытию сути евро-атлантического формата как социокультурного явления в мире научной коммуникации;

б) социокультурных характеристиках коммуникативно-когнитивной стратегии исследователя при представлении результатов научной деятельности в письменной или устной форме;

в) вовлечении аспирантов в лингвокультурный сопоставительный анализ научных жанров письменной речи и при необходимости научных жанров устной речи (учитывая и наличие у них необходимого уровня владения ИЯ), с одной стороны, а, с другой – культуроведческий анализ сценариев планирования и проведения научных мероприятий как коммуникативных макро-событий в мире науки, а также поведенческих сценариев участников пленарных сессий, секционных сессий, круглых столов, круглых столов экспертов, сценариев представления научных школ, их достижений и перспектив развития;

г) практическом овладении аспирантами евро-атлантическими форматами социокультурного (включая социолингвистический и социально-стратификационный компоненты) структурирования научной информации в условиях устной и письменной научной коммуникации или ее смешанных разновидностей, выбирая вербальную и визуальную форму представления своего научного продукта с учетом его жанровой принадлежности, социокультурной академической роли участника конкретного научного мероприятия и плюрикультурного состава участников конкретного научного мероприятия;

д) коммуникативно-когнитивном тренинге аспирантов в проигрывании разных типов социокультурных ролей участников научных мероприятий (автора научной презентации, председателя/модератора секции, эксперта круглого стола, председателя /модератора/ фасилитатора круглого стала экспертов, рецензента научной статьи для зарубежной публикации в журналах Scopus и Web of Science, научного блоггера-популяризатора для российской и зарубежной аудитории, участника научных дебатов и др.) с учетом функциональных факторов научно-исследовательского взаимодействия.

Поведенческие сценарии и коммуникативно-когнитивные схемы взаимодействия исследователей в международной научно-исследовательской среде варьируются в зависимости от степени доминирования евро-атлантического формата в предлагаемых обстоятельствах межкультурного научного взаимодействия, социальных, а точнее, социокультурных академических ролей партнеров по межкультурной коммуникации, включая:

- степень обязательности контактов всех участников научного общения в рамках конкретного коммуникативного события в мире науки;

- степень евро-атлантической регламентированности форматов представления, обсуждения и оценивания научных результатов;
- диапазон возможностей проявления авторитарного или либерального стилей взаимодействия участников межкультурного научного сообщества, исходя из ранга исследователей, их академического статуса, социокультурных ролевых предписаний в рамках конкретного научного мероприятия, включая формальные, конвенциональные и коммуникативно-когнитивные ситуативные поведенческие ограничения;
- степень взаимозависимости всех участников межкультурного научно-исследовательского взаимодействия для достижения новых исследовательских результатов;
- степень ответственности всех или только отдельных участников межкультурного научно-исследовательского взаимодействия за научную эффективность и результативность научного сотрудничества и партнерства.

При проектировании профессионально-профильной методики международно-ориентированного коммуникативно-когнитивного образования аспирантов средствами всех со-изучаемых языков важно базироваться, во-первых, на результатах лингводидактического сопоставительного анализа коммуникативно-когнитивных сценариев информационно-коммуникационных мероприятий в мире науки, включая выделение:

- форматов научной коммуникации участников научного мероприятия, которые задействованы в программе конференции, форума, симпозиума;
- социально-ролевого вербального и невербального репертуара участников научной коммуникации, активно вовлеченных в конкретном типе научного мероприятия;
- визуальных и вербально-визуальных средств взаимодействия исследователя (владение которыми предполагается каждым из коммуникантов в соответствии с его социокультурной академической ролью и основными поведенческими сценарными линиями (схемами) [Anderson, 1998], социокультурными характеристиками речевого научного жанра, представляемого им научного продукта;
- типов коммуникативно-поведенческих и коммуникативно-когнитивных барьеров и сбоек, ведущих к коммуникативно-когнитивному диссонансу коммуникантов (причем, как естественно возникающих, так и специально спровоцированных).

Однако реальное проектирование и реализация международно-ориентированного коммуникативного образования аспирантов средствами всех со-изучаемых языков и культур со всей необходимостью требует междисциплинарного сотрудничества специалистов-гуманитариев в области переводоведения, культурологии и

культуроведения, психологии межкультурного общения и когнитивной психологии, лингвистической коммуникативности и когнитивной лингвистики, лингвокультурной языковой педагогики.

Список литературы:

- Алексеева И. С.* Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
- Бороздина Г. В.* Психология и педагогика: учебник для бакалавров / Г. В. Бороздина. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 477 с.
- Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования. Коллективная монография / отв. ред. Е.В. Карavaева. М.: Издательство «Геоинфо», 2018. 240 с.
- Фролов С.С.* Социология. Учебник. Для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994- 256 с.
- Council of Europe. Common European Framework of Reference: Learning, teaching, assessment.— Cambridge, 2001. 260 pp.
- Council of Europe, Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment: Companion volume. Strasbourg: Department Council of Europe Language Policy, Programme Education Policy Division Education Department Council of Europe, 2020. 235 pp.
- Safonova V.* Educating the language learner as a cultural mediator in the English classroom // Proceedings of the 11th Innovation in Language Learning International Conference. - Bologna, Florence: Filodiritto Publisher, 2018. - Pp. 305-308.
- Towards a European Framework for Research Careers. – Brussel: European Commission, Directorate General for Research and Innovation, 2011. URL.https://cdn5.euraxess.org/sites/default/files/policy_library/towards_a_european_framework_for_research_careers_final.pdf
- Wouters P., Råfols I., Oancea A., Kamerlin Sh. C.L., Holbrook J.B., Jacob M.* Indicator Frameworks for Fostering Open Knowledge Practices in Science and Scholarship Report of the Expert Group on Indicators for Researchers' Engagement with Open Science. - Luxembourg: Publications Office of -the European Union, 2019. - 32 pp.

References:

- Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie dlya stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenii. — SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPBGU; M.: Izdatel'skii tsentr «AkademiYA», 2004. 352 s. (In Russian)
- Borozdina G. V. Psikhologiya i pedagogika: uchebnik dlya bakalavrov / G. V. Borozdina. — 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo Yurait, 2019. 477 s. (In Russian)
- Council of Europe. Common European Framework of Reference: Learning, teaching, assessment. Cambridge, 2001. 260 pp.
- Council of Europe, Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment: Companion volume. Strasbourg: Department Council of Europe Language Policy, Programme Education Policy Division Education Department Council of Europe, 2020. 235 pp.
- Frolov S.S. Sotsiologiya. Uchebnik. Dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. M.: Nauka, 1994- 256 s. (In Russian)
- Issledovatel' XXI veka: formirovanie kompetentsii v sisteme vysshego obrazovaniya. Kollektivnaya monografiya / отв. red. E.V. Karavaeva.— M.: Izdatel'stvo «GeoinfO», 2018. 240 s. (In Russian)
- Safonova V.* Educating the language learner as a cultural mediator in the English classroom // Proceedings of the 11th Innovation in Language Learning International Conference. - Bologna, Florence: Filodiritto Publisher, 2018. - Pp. 305-308.
- Towards a European Framework for Research Careers. – Brussel: European Commission, Directorate General for Research and Innovation, 2011.

URL.https://cdn5.euraxess.org/sites/default/files/policy_library/towards_a_european_framework_for_research_careers_final.pdf

Wouters P., Ràfols I., Oancea A., Kamerlin Sh. C.L., Holbrook J.B., Jacob M. Indicator Frameworks for Fostering Open Knowledge Practices in Science and Scholarship Report of the Expert Group on Indicators for Researchers' Engagement with Open Science. - Luxembourg: Publications Office of -the European Union, 2019. - 32 pp.

Серикова Анастасия Владимировна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Serikova Anastasia
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПЕРЕВОДЧИК: ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ОРГАНИЗАТОР

INTERPRETER: RESEARCHER AND ORGANIZER

В статье переводческая деятельность рассматривается в контексте цифровой трансформации и «цифрового перевода». Проводится анализ некоторых различий между человеком-переводчиком и машиной, а также существующих ограничений в работе последней. Особое внимание уделяется социальным ролям переводчика-исследователя и переводчика-организатора, наиболее тесно связанным с новыми технологиями и выходящими на первый план при изучении переводческой деятельности в эпоху «цифрового перевода». Отдельно рассматривается «поисковая компетенция» как один из ключевых навыков в работе профессионального переводчика.

The article analyzes translation practice in the context of digital transformation and digital translation. Certain differences between a human translator and a machine are under examination with the focus on some disadvantages of the latter. The article highlights the social roles of an interpreter-researcher and an interpreter-organizer that acquire utmost importance while studying the digital era of translation. Information retrieval competence is viewed as a crucial skill for a professional interpreter.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровой перевод, машинный перевод, большие данные, социальные роли, переводчик-исследователь, переводчик-организатор, поисковая компетенция.

Keywords: digital transformation, digital translation, machine translation, big data, social roles, interpreter-researcher, interpreter-organizer, information retrieval competence.

Скорость изменений в современном мире постоянно возрастает, помимо процессов глобализации и интеграции, обороты стремительно набирает еще одна тенденция – цифровизация или «цифровая трансформация». Такие технологические изменения радикальны по своей сути и охватывают все стороны нашей жизни.

2020 год стал во многом переломным, большинство из нас были лишены того, что ранее казалось абсолютно естественным, в том числе, и простого человеческого общения. Однако новые технологии дали возможность не останавливаться, сохранить более или менее привычный образ жизни даже в условиях изоляции, продолжать учиться, работать, посещать виртуальные мастер-классы, принимать участие в самых разных онлайн мероприятиях. Если до этого возможность работать из дома казалась привилегией представителей лишь некоторых профессий, с приходом пандемии она стала реальностью для большинства. В этой связи именно владение технологическими инструментами и стало одним из определяющих критериев для многих профессий, в том числе и профессии переводчика. Представляется целесообразным сконцентрировать внимание на социальных

ролях переводчика, наиболее тесно связанных с новыми технологиями, – роли «исследователь» и роли «организатор».

Первое и необходимое условие всякой переводческой деятельности составляет понимание [Гарбовский, 2007]. Каковы же основные предпосылки понимания? Должен ли переводчик обладать энциклопедическими знаниями, должна ли его голова буквально вмещать всю информацию или же переводческая деятельность представляет собой иной механизм. Всю «входящую информацию» при переводе условно можно разделить на две основные категории: то, что необходимо знать и то, что требует интерпретации. Если бы первостепенное значение имела информация, относящаяся к первой категории, будущее перевода выглядело бы весьма пессимистично. С появлением технологии Big Data («большие данные») машины научились вмещать в себя фактически сколь угодно большие объемы данных и оперировать ими.

Тем не менее, по ряду причин, переводчик-человек по-прежнему имеет преимущество перед искусственным интеллектом. Их, в частности, рассматривает в своей статье, опубликованной на официальном сайте Всемирного экономического форума, Джонатан Речтмэн¹⁷. Автор выделяет три основные проблемы, с которыми сталкивается искусственный интеллект: субъективность языка, отсутствующее у машины чувство юмора и, наконец, недостаточный уровень развития технологий автоматического распознавания речи (ASR). Так, в одном из выступлений на конференции в Пекине, Рэй Далио, вспоминая неверные прогнозы, которые он формировал на заре своей карьеры трейдера, произнес: "How arrogant! How could I be so arrogant?" (Как самонадеянно! Как я мог быть столь самонадеянным? – перевод мой, А.С.) В этот момент на экране появилась практически бессмысленная фраза, порожденная программой для создания субтитров в режиме реального времени: "How? Aragon, I looked at myself and i". (Буквально: Как? Эрагон, я посмотрел на себя и я. – перевод мой, А.С.) Безусловно, технологии не стоят на месте, однако некоторые проблемы ASR, скорее всего, так и не удастся решить, в частности, связанные с такими языковыми явлениями, как омонимия и омофония, особенностями произношения ораторов, например, связанными с дефектами речи, возрастными особенностями, выступлениями не на родном языке, уровнем шума в помещении и т.д.

Субъективная природа языка. Искусственный интеллект превосходно справляется с задачами, относящимися к категории объективной реальности. В любой

---

¹⁷ Сооснователь и ведущий устный переводчик компании Кэдэнс Транслейт (Cadence Translate) – крупной компании по предоставлению переводческих услуг в Китае, Европейском союзе, США.

области применения машины лучше всего работают в условиях четко определенных математических и физических правил и алгоритмов принятия решений.

Естественные языки, в свою очередь, представляют собой некие субъективные образования, изобретенные группами людей для общения друг с другом. Для них также характерны свои правила (например, система времен и спряжение глаголов), но эти правила на самом деле основаны исключительно на договоренностях, а не на объективной реальности. Более того, они постоянно развиваются.

Люди все еще определяют, а возможно и всегда будут определять, что является или не является «естественным» в естественном языке. Этот критерий лег в основу метрики оценки качества машинного перевода – BLEU (двуязычная оценка дублера), которая оценивает переводы на основе их сходства с работой профессионала-человека. «Чем ближе машинный перевод к профессиональному человеческому переводу, тем он лучше», – признают изобретатели инструмента. Человеческий перевод не просто устанавливает стандарт, он обязательно является стандартом.

Это идея коррелирует и с метафорой, которую использовал заслуженный профессор МГУ Николай Константинович Гарбовский на VI международной научной конференции «Наука о переводе сегодня: перевод и конкуренция интеллектов», сравнив машинный перевод с шампанизированным вином и упомянув о еще одной важнейшей миссии переводческой элиты – оценке качества переводческой продукции. В человеческом обществе сохраняется стремление иметь переводы высокого этического и эстетического уровня. Люди не готовы принимать «машинный стандарт», точно так же как мы отдаем предпочтение натуральному шампанскому, а не шипучему напитку, созданному путем гидролиза сухих вин.

Чувство юмора и Big Data. Более подробно рассмотрим отсутствие чувства юмора у программ машинного перевода. Автор статьи справедливо отмечает, что перевод шуток и анекдотов требует особого внимания к экстралингвистическим факторам, таким как внешний вид, жесты, мимика, поза оратора, естественность движений, тембр голоса, темп речи, гибкость и разнообразие интонации.

Более того, анекдоту или шутке крайне сложно существовать как замкнутому, самодостаточному тексту. Вне контекста они едва ли не полностью обесмысливаются. Анекдоты нужно сохранять и воссоздавать именно в ситуации коммуникации, диалога.
[Курганов]

Однако значительную трудность могут представлять и сами анекдоты или шутки. Разделяют два вида анекдотов: предметные и языковые. В предметном главная роль

отводится комизму самой ситуации, а комический эффект зависит лишь от комического приема.

В языковом анекдоте комический эффект реализуется посредством двух составляющих: языковой игры (каламбура), а также комического приема. Приведем пример языкового анекдота, который совершенно точно не был бы корректно переведен машиной.

C'est un gars qui en revenant de la chasse de la jungle dit à son ami:

- J'ai tué 10 éléphants, 11 serpents, 7 lions, 3 panthères et 9 rânou-rânou. Son ami lui demande c'est quoi ça, des rânou-rânou? - Je sais pas trop, il y avait dans le fond de la forêt des cries qui faisaient: "rânou-rânou!!!"

Молодой человек, вернувшись с охоты в джунглях, рассказывает своему приятелю:- Я убил 10 слонов, 11 змей, 7 львов, 3 пантеры и 9 невносов. Приятель интересуется, кто такие невносы.- Я и сам точно не знаю, но из зарослей кто-то кричал: «Не в нас, не в нас!!!» (Перевод мой, А.С.)

В данном случае *rânou-rânou* для машины представляет собой всего лишь набор звуков, который будет транслитерирован на язык перевода. В то же время, человек с легкостью угадывает форму «*ras nous*» и может ее верным образом интерпретировать. Это вновь возвращает нас к вопросу о том, что переводчик должен знать, а что должен интерпретировать.

Можно сделать вывод о том, что целый класс анекдотов, основанных на языковой игре, в частности, звукоподражании, не подлежит машинному переводу.

Приведем ещё один пример анекдота, который на этот раз основан на каламбуре:

Женщины подобны диссертациям: они нуждаются в защите.

Варианты автоматического перевода:

Women are like dissertations: they need protection. (Google)

Women are similar to theses: they need protection. (PROMT)

Women are like dissertations: they need protection. (Bing)

Women are like dissertations: they need protection. (Collins)

The women are similar to the dissertations: they need protection. (Reverso)

В этой короткой фразе можно выделить два потенциально узких места: это варианты перевода для слов «диссертация» и «защита». В первом случае, однозначно предпочтительным вариантом перевода «thesis», его выбрала лишь одна из используемых в эксперименте программ. Все остальные программы отдали предпочтение варианту «dissertation», который все же понятен получателю текста перевода. При этом, со второй и основной трудностью, каламбуром, на котором строится анекдот, не справилась ни одна

из программ. В английском языке существует устойчивое выражение «to defend a thesis», и производное от него «defense» – защита диссертации. А выбранный вариант перевода «protection» хоть и является формальным эквивалентом «защиты», не адекватен и контекстуально не верен в данном случае, поскольку не позволяет выстроить ассоциативный ряд: women – defense – thesis.

С переводом подобных анекдотов машина потенциально могла бы справиться, если бы была способна анализировать и просчитывать сочетаемость с учетом нескольких уровней перекрестных связей.

Наконец, рассмотрим крайне неприятную для любого переводчика ситуацию: рассказанный анекдот относится к категории того, что переводчики привыкли называть «непереводимая игра слов». В данном случае, переводчики пытаются обеспечить адекватный перевод анекдота, что подразумевает сохранение прагматического эффекта высказывания, его коммуникативного эффекта при возможно полном или частичном изменении семантики и синтаксической структуры сообщения. Иные переводчики и вовсе используют весьма спорную, но порой прагматически целесообразную стратегию: рассказывают другой анекдот на похожую тему. Если дальнейшее обсуждение не последует, переводчик может избежать негативных последствий, которые могут наступить, если получатель перевода поймет, что он был лишен возможности посмеяться над шуткой.

Поисковая компетенция. В условиях работы с «большими данными» для переводчика оказывается более важным не обладать энциклопедическими знаниями, а владеть технологиями быстрого (Velocity) поиска в больших потоках (Volume) изменчивых (Variability) данных ценной (Value), разнообразной (Variety), достоверной (Veracity) и актуальной (Viability) информации для принятия приемлемого для общественного восприятия переводческого решения. [Гарбовский, 2018] Таким образом, можно говорить о том, что на первый план выходит «поисковая компетенция».

Новые технологии, в частности цифровой перевод, активно развиваются. «Цифровой перевод» – это новый вид технологии перевода, представляющий собой систему сетевого взаимодействия переводчика и цифровых информационно-коммуникационных средств, способствующий возрастанию эффективности переводческой деятельности и качества переводческой продукции. [Гарбовский, 2019]

Задача переводчиков – превратить машину в своего друга и максимально использовать новые технологии в своей работе. Одной из составляющих процесса подготовки переводчика к мероприятию является расширение контекста. Ведь перевод всегда «ситуативен и контекстуально зависим не только от условий коммуникации, но и

от контекста знаний переводчика». [Болдырев, 2018] Чем шире контекст, тем выше будет качество перевода. И здесь на первый план выходит не знание, а умение узнавать, обучаемость, так называемая «поисковая компетенция».

Рассмотрим «поисковую компетенцию» в действии на примере плана подготовки переводчика к мероприятию в условиях работы с новым заказчиком и незнакомой или малознакомой темой. Безусловно, нельзя недооценивать роль специализации и специальных знаний в конкретной предметной области, однако зачастую переводчикам, в первую очередь, начинающим, приходится работать с новыми темами.

Очевидный, но крайне важный момент – постараться получить максимум информации у организаторов. Преимущественный вариант – иметь контакты организатора, запросить материалы напрямую, сделав акцент на том, что их наличие существенно повысит качество перевода. Если переводчика привлекает посредник (например, бюро или переводческая компания), представители которого не предоставляют контакты организатора, постараться получить материалы через них.

Какие материалы может предоставить заказчик? Краткую информацию о самом мероприятии: точное название, пресс-релиз, текст новости, объявление о мероприятии, глоссарий, список участников, презентации.

Если единственная информация, которую удалось получить от заказчика, – название мероприятия, переводчик может постараться ее использовать. Во-первых, если мероприятие носит регулярный характер, можно поискать на просторах Интернета информацию об уже прошедших мероприятиях. Это могут быть пресс-релизы, новости, объявления о мероприятии, имена участников. Во-вторых, даже если мероприятие проводится впервые или информацию о нем не удастся найти в открытых источниках, переводчик уже получает отправную точку для дальнейшего «исследования» в виде темы и предметной области.

Если переводчик получил доступ к описанию мероприятия (пресс-релиз, текст новости, объявление), ему следует максимально тщательно и подробно изучить его. Бывает, что подобные тексты сразу публикуются на двух языках, поэтому имеет смысл изучить не только русскоязычные, но и иностранные сайты на предмет наличия какой-либо релевантной информации. Двухязычные тексты могут заложить основу для мини-глоссария. Переводчик, работающий с английским языком, знает о существовании множества вариантов перевода для определенных терминов, а вариант, который использует заказчик, всегда является предпочтительным (при условии его соответствия нормам языка перевода).

Далеко не всегда организатор предоставляет глоссарий, но переводчик может подготовить его самостоятельно. В последнее время стремительное развитие получили и специальные инструменты для быстрого составления глоссария. Так, например, функция ведения глоссариев доступна практически в любой CAT-программе. Существуют и специальные сервисы, например, Interpreter's Help, которые позволяют использовать общедоступные глоссарии по тематикам, создавать и вести свои собственные глоссарии, а также загружать материалы для устных переводов, вести график мероприятий и многое другое.

Как было упомянуто выше, лучшим источником можно считать материалы, подготовленные или используемые самим организатором. Некоторые крупные компании в нефтегазовой отрасли, например, ПАО «Татнефть», ПАО «Газпром нефть», публикуют глоссарии на своих сайтах. Сайт организации, в любом случае, является источником ценной информации. Как правило, существует как минимум две версии сайта: и на русском, и на английском языке. Внимательно изучив обе версии, переводчик может не только получить представления о деятельности организации, расширив таким образом контекст, но и самостоятельно составить глоссарий из терминов. При подготовке также можно использовать различные глоссарии и специализированные словари, которые имеет смысл приобрести при определенной частоте работы с одной и той же предметной областью. В процессе подготовки глоссария также имеет смысл использовать название мероприятия. Отправной точкой в данном случае может стать статья в Википедии на соответствующую тему (обязательно на двух языках), далее можно использовать гиперссылки для перехода к другим статьям. Данный электронный ресурс отличается удобством и масштабом, однако следует помнить о коллективном авторстве и перепроверять информацию.

Перейдем к следующему пункту, списку участников мероприятия. В данном случае возможны два варианта: список лиц, которые непосредственно будут принимать в нем участие, или список организаций, представители которых будут присутствовать. Первый вариант, очевидно, предпочтителен, хотя бы потому, что личные данные позволяют изучить краткую биографию и проследить связи с различными организациями. В первую очередь, переводчику следует потренироваться в произношении имен собственных на обоих языках (если мероприятие предполагает двусторонний перевод), при наличии заимствований из третьих языков, следует помнить о традициях транскрипции и транслитерации, сложившихся для заданной языковой пары. Далее переводчику следует найти биографическую информацию об участниках, обратив особое внимание на факты, имеющие прямое или косвенное отношение к теме мероприятия. Также представляется

целесообразным заранее послушать ораторов, которых предстоит переводить. Это позволит подготовиться к возможным трудностям, таким как особенности произношения (у ораторов, не являющихся носителями языка), возможные дефекты речи, особенности акцентуации и паузации. Образцы выступлений многих людей можно найти на сайте Youtube. Некоторые крупные форумы и организации имеют даже собственные каналы, на которых можно посмотреть послушать архивные выступления. При благоприятном стечении обстоятельств, удастся даже найти выступление соответствующего оратора на соответствующую тему, которое переводчику следует перевести последовательно или синхронно, в зависимости от формата мероприятия. Перевод целесообразно в данном случае записать на диктофон, чтобы иметь возможность позже вернуться и проанализировать его.

Наконец, последний пункт – материалы имеющие непосредственное отношение к предстоящему мероприятию: презентации, тексты или тезисы выступлений, текст договора или соглашения, которое предстоит обсуждать, и так далее. Очевидно, что данные материалы представляют основную ценность и требуют тщательной проработки. С одной стороны, они также могут служить материалом для глоссария, с другой – они позволяют еще больше расширить контекст, способствуя лучшему пониманию со стороны переводчика. Безусловно, нередки случаи, когда ораторы отходят от текста своего выступления, но умение ориентироваться в нем, знание темы – всегда безусловное преимущество для переводчика. При работе с материалами данной категории представляется целесообразным перевести их с листа, определить потенциальные проблемные зоны, продумать стратегии и трансформации или даже письменно зафиксировать некоторые варианты перевода.

Подобная тщательная подготовка позволяет переводчику работать даже с абсолютно новыми темами. Время подготовки обратно пропорционально суммарному опыту работы и опыту работы с заданной темой.

Выводы. Новые технологии, в частности цифровой перевод, активно развиваются, предоставляя все новые и новые возможности и создавая новые вызовы. В то же время, естественным образом встает вопрос об автоматизации области и конкуренции. Здесь на первый план выходят роли «переводчика–исследователя» и «переводчика–организатора», ведь в рамках тщательной подготовки к мероприятию переводчик-человек овладевает тонкостями, контекстом, в рамках которого и будет осуществляться перевод. В то же время машина может противопоставить этому лишь Big data. Задача переводчиков – изучать новые технологии и превратить их в своего друга, грамотно используя их в своей работе, как на этапе подготовки – для организации максимально комфортных условий

работы, так и в процессе перевода – для повышения качества продукта переводческой деятельности. Более того, понимание сильных и слабых сторон машины и умелое их использование позволит профессиональному переводчику оставаться представителем интеллектуальной элиты и не бояться конкуренции со стороны искусственного интеллекта.

В дидактике перевода также представляется целесообразным уделять особое внимание развитию «поисковой компетенции», работе с новыми технологиями, в частности удаленному синхронному переводу (RSI), получившему особое развитие в 2020-2021 году. С другой стороны, особого внимания заслуживают области, лежащие за пределами компетенции искусственного интеллекта – прагматика перевода, коммуникативный эффект, контекст, представляющий собой весь богатый жизненный и когнитивный опыт профессионального переводчика, переводческое прогнозирование. Подобные подходы позволят представителям профессии с оптимизмом смотреть в будущее, внимательно следить за трансформациями, происходящими в обществе и в профессии, и использовать их во благо.

Список литературы:

- Болдырев Н.Н.* Перевод как проблема выбора когнитивных доминант. Когнитивные исследования языка/Вып. XXXIV: *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире: материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. / Отв. ред. вып. Л.А. Манерко. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова; Неолит, 2018 стр. 37-40
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. Учебник. 2-е изд. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. - 544 с.
- Гарбовский Н.К.* “Цифровой перевод”. Современные реалии и прогнозы, Русский язык и культура в зеркале перевода. Номер 1, 2019. – стр. 65-72
- Курганов Е.* Анекдот как жанр. Е. Курганов. – СПб. : Акад. Проект, 1997. – 122 с.
- Yingmin Guo.* Cognitive Analysis of Long-Term Memory in Interpreting. *International Journal of Language and Linguistics*. Vol. 4, No. 3, 2016, pp. 103-113
- McNulty E.* Understanding Big Data: The Seven V’s Dataconomy (22 May 2014)
- George A. Miller.* The Magical Number Seven, Plus or Minus Two. // *The Psychological Review*, 1956, vol. 63, pp. 81—97.
- Jonathan Rechtman* AI won't replace human translators yet. Here are 3 reasons why (www.weforum.org/agenda/2018/10/3-reasons-why-ai-wont-replace-human-translators-yet/)

Список интернет-ресурсов:

- <https://www.bing.com/Translator>
- 1000 et une blagues // www.clubsoleil.net/humour
- <https://www.collinsdictionary.com/translator>
- <https://www.gazprom-neft.ru/>
- <https://interpretershelp.com/glossaryfarm/search>
- <https://www.reverso.net/>
- <https://www.tatneft.ru/>
- <https://www.translate.ru> (PROMT)
- <https://translate.google.com/>
- <https://www.weforum.org>
- <https://en.wikipedia.org>

<https://www.youtube.com>

References:

Boldyrev N.N. Perevod kak problema vybora kognitivnyh dominant. Kognitivnye issledovaniya yazyka/Vyp. XXXIV: Cognito i Communicatio v sovremennom global'nom mire: materialy VIII Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike./ Otv. red. vyp. L.A. Manerko. – M.: MGU im. M.V.Lomonosova; Neolit, 2018 pp. 37-40 (in Russian).

Garbovskij N.K. Teoriya perevoda. Uchebnik. 2-e izd. - M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. - 544 p. (in Russian)

Garbovskij N.K. “Cifrovoy perevod”. Sovremennye realii i prognozy, Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. Nomer 1, 2019. – pp. 65-72 (in Russian).

George A. Miller. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two. // The Psychological Review, 1956, vol. 63, pp. 81—97.

Kurganov E. Anekdot kak zhanr. E. Kurganov. – SPb. : Akad. Proekt, 1997. – 122 p. (in Russian).

McNulty E. Understanding Big Data: The Seven V's Dataconomy (22 May 2014)

Jonathan Rechtman AI won't replace human translators yet. Here are 3 reasons why (www.weforum.org/agenda/2018/10/3-reasons-why-ai-wont-replace-human-translators-yet/)

Yingmin Guo. Cognitive Analysis of Long-Term Memory in Interpreting. International Journal of Language and Linguistics. Vol. 4, No. 3, 2016, pp. 103-113

Websites:

<https://www.bing.com/Translator>

1000 et une blagues // www.clubsoleil.net/humour

<https://www.collinsdictionary.com/translator>

<https://www.gazprom-neft.ru/>

<https://interpretershelp.com/glossaryfarm/search>

<https://www.reverso.net/>

<https://www.tatneft.ru/>

<https://www.translate.ru> (PROMT)

<https://translate.google.com/>

<https://www.weforum.org>

<https://en.wikipedia.org>

<https://www.youtube.com>

Серкова Станислава Евгеньевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва (Россия)

Serkova Stanislava
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ОБУЧЕНИЕ СИНХРОННОМУ ПЕРЕВОДУ С ПОМОЩЬЮ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

TEACHING SIMULTANEOUS INTERPRETING WITH THE HELP OF DIGITAL PLATFORMS

Стремительное развитие цифровых технологий и платформ стало особенно заметным в 2020 году, когда мир охватила малоизвестная на тот момент пандемия. Миллионам людей по всему миру пришлось оставаться в самоизоляции, вдали от привычных рабочих мест и необходимого для осуществления своей профессиональной деятельности оборудования. Сложившаяся в мире ситуация вынудила перевести встречи, переговоры, совещания, форумы и конференции в онлайн формат. Современные технические средства и программы позволили начать переводческое сопровождение данных мероприятий, перешли они также и в учебный процесс по подготовке устных последовательных и синхронных переводчиков.

В данной статье рассматривается пример удаленного онлайн занятия с использованием современных цифровых платформ, а также анализируются преимущества подобного вида подготовки студентов.

2020 saw a rapid development of digital technology and platforms due to the outbreak of a poorly understood pandemic. Millions of people all over the world had to stay in lockdown far from familiar working environment as well as necessary technological equipment. Most of the meetings, negotiations, and conferences have been shifted online. Cutting-edge software and technology have enabled the interpreting of these events. They have become widely used in the process of students training.

The article describes an online simultaneous interpreting class with the usage of digital platforms. It also examines possible benefits to such training process.

Ключевые слова: синхронный перевод, дидактика перевода, удаленный устный перевод, цифровые платформы.

Key words: simultaneous interpreting, interpreting didactics, distant interpreting, digital platforms.

Стремительное развитие цифровых технологий и платформ стало особенно заметным в 2020 году, когда мир охватила малоизвестная на тот момент пандемия. В связи с резким ростом заболеваемости миллионам людей по всему миру пришлось оставаться в самоизоляции, вдали от привычных рабочих мест и необходимого для осуществления своей профессиональной деятельности оборудования.

Сложившаяся в мире ситуация вынудила перевести встречи, переговоры, совещания, форумы и конференции в онлайн формат. Современные технические средства и программы позволили начать переводческое сопровождение данных мероприятий, перешли они также и в учебный процесс по подготовке устных последовательных и синхронных переводчиков.

Именно тогда казавшиеся маловероятными и чуть ли не легкомысленными в рамках очного высшего образования дистанционные модели обучения на базе цифровых платформ, стали не вопросами далекого будущего, а стремительно охватившей все стороны жизни реальностью. О дистанционном обучении говорили многие, но представить, что перенос занятий по устному переводу в виртуальную среду станет не только возможным, но и необходимым, было сложно.

В Высшей школе перевода МГУ имени М.В. Ломоносова обучение синхронному переводу осуществляется на пятом и шестом курсах. Первые четыре года обучения студенты получают знания в области теории, истории и методологии перевода, частной теории перевода, стилистики русского языка и культуры речи, развивают свою эрудицию и повышают уровень фоновых знаний на лекциях и семинарах по истории, экономике, литературе, юриспруденции, оттачивают уровень владения иностранными языками, постигают тонкости письменного и устного последовательного перевода.

Занятия по синхронному переводу значительно отличаются от большинства практических занятий и семинаров. В первую очередь, такие отличия обусловлены самой спецификой этого вида деятельности.

«Синхронный перевод можно определить как такой профессиональный вид устного перевода конференций, который осуществляется одновременно с восприятием сообщения на языке оригинала с помощью технических средств в специально оборудованной кабине и в процессе которого – в условиях дефицита времени – на единицу текста перерабатывается информация ограниченного объема» [Чернов, 2009, с.13]. Таким образом, процесс перевода начинается и заканчивается практически одновременно с речью оратора. Синхронный переводчик в своей работе может опираться лишь на прошлый опыт и навыки, приобретенные ранее, а также на знания, которые хранятся у него в памяти и которые он способен крайне быстро, в доли секунды, оттуда извлечь.

В ходе своей работы письменный переводчик может консультироваться с коллегами, пользоваться различными справочными материалами: словарями, энциклопедиями, учебными пособиями, а также современными информационными источниками. Он может несколько раз редактировать текст перевода, делать перерывы в поиске самого лучшего и точного решения для передачи смысла оригинального текста.

Устный же переводчик имеет дело не с письменными текстами (если только это не перевод с листа, во время осуществления которого устный переводчик все равно не располагает всеми привилегиями письменного), а с речью и разговором. Как правило, устный переводчик не имеет возможности совещаться с коллегами или пользоваться

справочным материалом, он должен незамедлительно реагировать на услышанное им сообщение. Конец речи оратора чаще всего бывает непредсказуем, в устном высказывании идеи быстро сменяют одна другую, и переводчик может опираться только на память и свои краткие записи. Устным переводчикам приходится правильно переводить с первого раза, времени на раздумья и подбор вариантов у них нет. Опытный письменный переводчик может перевести около 8 страниц в день, а синхронный переводчик может справиться с этим объемом за 30 минут.

В психологическом отношении условия работы синхронного переводчика также весьма нелегкие. «Поскольку любой оратор обращается, в конечном счете, не к переводчику, а к слушателям, синхронисту приходится выполнять двойную роль – быть получателем и отправителем информации и делать оба дела одновременно» [Швейцер, 1973, с. 63]. Синхронистам приходится принимать переводческие решения в условиях острого дефицита времени, отсутствия вспомогательных источников, а также в ситуации волнения.

Все вышеперечисленные факторы осуществления этого вида переводческой деятельности требуют особых условий для тренировки, а также тщательной и планомерной подготовки студентов. В Высшей школе перевода МГУ имени М.В. Ломоносова занятия по устному синхронному переводу проводятся в специально оборудованных аудиториях с отдельными кабинками, рассчитанными на каждого студента. Кабинки оснащены необходимой техникой для осуществления перевода, а компьютер преподавателя помимо комплекта микрофона и наушников оснащен необходимым программным обеспечением для осуществления контроля за каждым студентом, возможности подключаться к каждой кабинке или обращаться ко всем студентам, изолированным в своих переводческих будках.

Процесс перехода подобных занятий, требующих такого сложного технического оснащения в дистанционный онлайн формат, казался весьма затруднительным. Однако профессиональные переводчики, а также преподаватели Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова достаточно быстро приспособились к подобным условиям и нашли различные пути преодоления навязанных дистанционным обучением трудностей.

Занятия по синхронному переводу оказалось наиболее удобным вести на цифровой платформе Zoom, которая уже давно существует на мировом рынке и доказала свою стабильность и конкурентоспособность. В отличие от изначально более известной платформы Skype или популярного в Китае DingTalk, Zoom продемонстрировал свою эффективность с точки зрения более бесперебойной работы, удобного интерфейса и множества дополнительных опций, упрощающих процесс проведения занятий. Данная

платформа доступна для использования в нескольких вариантах: бесплатная версия, платная лицензионная версия, а также платная корпоративная версия. Бесплатная версия прерывает сессию каждые 40 минут, а также не располагает многочисленными полезными опциями, например, залами индивидуальной конференции. Поэтому спустя неделю ознакомления с новой платформой нами были выбраны платная лицензионная версия для осуществления еженедельных занятий, а также профессиональная корпоративная версия для обеспечения профессионального перевода и тренировки в абсолютно реальных условиях, так как корпоративная версия располагает встроенной функцией синхронного перевода. Однако в учебном процессе постоянного взаимодействия студентов с преподавателем, а также друг с другом данная функция не всегда является удобной.

Таким образом, большая часть занятий была построена на базе платной лицензионной версии Zoom. Длительность занятия составляет один час тридцать минут. Каждое занятие начинается с разминки, призванной развивать скорость реакции, отрабатывать навык автоматических переключений, тренировать минимальные переводческие трансформации, а также запоминать основные тематические клише. Для осуществления данной разминки студентам было необходимо выключить микрофоны, чтобы не мешать друг другу, однако включить диктофоны, чтобы впоследствии отправить запись разминки преподавателю для осуществления контроля, а также дополнительных советов и комментариев. Данная разминка начинается с прецизионной лексики (сперва цифры идут в последовательности единицы, десятки, сотни, тысячи, миллионы, миллиарды, даты, затем с постепенным увеличением скорости - вразнобой, далее идет упражнение, развивающее навык осуществления трансформаций: преподаватель называет число, студенты в уме прибавляют, например, плюс три и выдают результат на противоположном языке), далее следуют топонимы, также в сочетании с упражнением для тренировки трансформаций (например, преподаватель называет страну на иностранном языке, а студент должен озвучить столицу на родном языке). После этого скорость реакции, а также навык минимальных трансформаций отрабатываются на широко используемых словосочетаниях из разных областей. Данный этап разминки осуществлялся с использованием материалов, подготовленных переводчиками-синхронистами Андреем Фалалеевым и Алёной Малофеевой. Далее процесс разминки переходит на уровень клишированных сочетаний и предложений, продиктованных основной темой блока занятий. К примеру, первой темой, изучаемой студентами пятого курса в рамках синхронного перевода, является «Международные организации». В рамках данной темы студентам необходимо освоить огромное количество названий, аббревиатур, клишированных формул и сочетаний, которые обуславливает специфический язык

международных организаций, а также особенности регламента и протокола. Подобная разминка в виде быстрых переключений с одного языка на другой, отработка клише в разных предложениях и контекстах позволяет не только качественно овладеть тематикой, но и тренировать все те первостепенные навыки, которые необходимы для осуществления синхронного перевода.

Затем в зависимости от изучаемой темы студентам предлагается текст на перевод с листа. Данный текст можно отправить на общую почту студентов, скинуть в общий чат Whatsapp или же вывести на экран с помощью функции демонстрации экрана. Первый вариант работы с данным текстом – это незамедлительный перевод, максимально приближенный к условиям синхронного. Только по окончании абзаца студент может остановиться, а преподаватель и студенты делают необходимые комментарии и обсуждают другие возможные варианты перевода, исправляют недочеты и ошибки. Второй вариант работы с текстом, особенно если он насыщен терминами, заключается в следующем: студенты делятся на пары, преподаватель организует для каждой пары переводчиков отдельный сессионный зал. Студенты, работая в паре, поверхностно знакомятся с этим тестом, обсуждают друг с другом наиболее затруднительные места. Затем им предлагается использовать в своей подготовке современную цифровую платформу SketchEngine.

Умение пользоваться данной цифровой платформой оказывается особенно полезным в случае, когда переводчику удастся получить текст выступления или документа за некоторое время до начала конференции. В данной программе понадобится функция One-Click Terms, далее необходимо будет загрузить текстовый документ, выбрать язык, и программа на основании сложных статистических и лингвистических механизмов, автоматически извлечет все термины из этого документа. Далее нажав на конкретный термин, можно вернуться обратно к контексту и посмотреть, как именно он был использован. С помощью цифровой платформы SketchEngine можно в кратчайшие сроки создать глоссарии, которые помогут осуществить более качественный перевод насыщенных терминологией текстов.

После совместной подготовки, студенты по очереди записывают на диктофон перевод с листа или же переводят его синхронно, параллельно пользуясь каким-либо из мессенджеров, если необходимо быстро попросить коллегу о смене.

После проработки перевода текста с листа, студентам предлагается перевести его синхронно полностью, без работы с партнером. Для этого каждый из студентов отправляется в отдельный сессионный зал, а преподаватель подключается ко всем по очереди.

Зачастую переводчикам конференций приходится работать без предварительного текста выступления, а иногда и тематику выступления удается узнать совсем незадолго до начала сессии. В связи с этим навык быстрого составления глоссария и подготовки к выступлению в кратчайшие сроки становится первостепенной необходимостью. В качестве домашнего задания студентам иногда предлагается подготовить не только перевод с листа или синхронный перевод конкретного выступления, а подготовиться к переводу на определенную тематику. В реальной жизни переводчики редко располагают готовыми текстами и презентациями, а лишь готовятся к работе, используя название и тематику конференции. Для осуществления подобной тренировки в качестве домашнего задания студентам дается тема конференции, а они, используя цифровую платформу InterpretBank, которая совместима с разными операционными системами, составляют глоссарий. Данная программа позволяет сгенерировать глоссарий на основе одного исходного слова или фразы. Предложенные программой термины можно автоматически перевести на другой язык, создав таблицу с переводом, или же вручную выбрать перевод для конкретных терминов из предложенных вариантов. Данную программу можно опробовать бесплатно в течение 14 дней. Еще одна программа для составления глоссариев – Juremy. Она работает с терминологической базой данных IATE (Inter-Active Terminology for Europe), то есть терминологической базой Европейского Союза. Данная программа также позволяет осуществлять поиск наиболее быстро и эффективно.

С целью расширить лексическую базу, а также повысить навыки работы в команде студенты также могут использовать Google документ, который позволяет сделать общий глоссарий и обеспечить к нему доступ всем участникам группы, включая преподавателя. Он может следить за процессом подготовки, оставлять собственные комментарии и оценивать вклад каждого студента в учебный процесс.

Занятие завершается синхронным переводом без подготовки. Данное упражнение можно осуществлять в различных вариациях. Все студенты находятся в одном сессионном зале, отключают микрофоны, включают диктофоны, а преподаватель проигрывает запись с помощью демонстрации экрана. Затем записи отправляются преподавателю на почту. Также преподаватель может проигрывать запись через демонстрацию экрана, однако каждый студент переводит по очереди для всех, не выключая микрофон, что также позволяет тренировать стрессоустойчивость. Еще одним возможным вариантом является перевод каждого студента в отдельном сессионном зале, при этом каждый студент включает себе запись самостоятельно, а преподаватель по очереди подключается к каждому залу. Безусловно, учебный синхронный перевод можно тренировать и на корпоративной версии программы Zoom, оснащенной специальной функцией.

Проведение занятий по синхронному переводу в онлайн формате также позволяет легко и быстро производить демонстрацию экрана или доски сообщений, когда преподавателю необходимо изобразить схемы, поделиться полезной лексикой и справочными материалами. Доступность всех технических средств под рукой также помогает сформировать поисковую компетенцию, необходимую всем переводчикам.

Сложившаяся в мире ситуация активизировала усилия, направленные на создание цифровых платформ и технологий, позволяющих обеспечить процесс межкультурной коммуникации. Данные новейшие ресурсы и программы помогают студентам более качественно и профессионально осуществлять синхронный перевод, а также подготовку к нему в удаленном формате. Охватившая все сферы жизни реальность не только подтолкнула различные профессиональные сообщества к новым прорывам и переменам, но и открыла массу перспектив для дальнейших научных исследований.

Список литературы:

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода / Г.В. Чернов. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 208 с.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика / А.Д. Швейцер. М.: Врениздат, 1973. 280 с.

References:

Chernov G.V. Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda [The Theory and Practice of Simultaneous Interpreting] / G.V. Chernov. Izd. 3-e. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. 208 p. (In Russian).|

Shveitser A.D. Perevod i lingvistika [Theory and Linguistics] / A.D. Shveitser. M.: Voenizdat, 1973. 280 p. (In Russian).|

Соколова Елена Николаевна
Тюменский государственный университет
г. Тюмень (Россия)

Sokolova Elena
Tyumen State University
Tyumen (Russia)

**КОЛОРИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ
ТЕКСТАХ РОМАНА Р. БРЭДБЕРИ «451° ПО ФАРЕНГЕЙТУ»**

**COLOR NAMES IN THE ORIGINAL AND TRANSLATED TEXTS OF 'FAHRENHEIT
451' NOVEL BY R. BRADBURY**

Статья посвящена сопоставительному анализу колористической лексики в оригинале и русском переводе романа Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту». Выявление своеобразия цветовой картины мира романа как компонента идиостиля писателя осуществляется на основе анализа особенностей их функционирования в структуре художественного текста. Произведение имеет специфическую цветовую палитру, которая связана с ключевыми темами произведения и представлена наиболее частотными в оригинале и переводе основными цветами черно-красно-белого ряда и их оттенками. Помимо прилагательных, выразителями цвета в романе служат имена существительные, глаголы и причастия, а также различные по структуре словосочетания. Среди последних особенно выделяются образные средства «объектной» номинации цвета, содержащие скрытое сравнение: такие сложные в структурном плане номинации содержат лексическую единицу, имеющую в качестве денотата объект материального мира, выступающий в качестве «эталонного» носителя соответствующего цветового признака. В русскоязычной версии романа использовано большее количество колорем, чем в оригинальном тексте, кроме того, более активно используются сравнительные обороты с цветовым компонентом. В статье особое внимание уделяется способам перевода окказиональных авторских цветообозначений с использованием различных видов переводческих трансформаций.

This article is devoted to the comparative analysis of color vocabulary in the original and in the Russian translation of the novel by R. Bradbury, "Fahrenheit 451". The uniqueness of the color picture of the world in the novel is identified as a component of the writer's individual style on the basis of an analysis of the features functioning in the structure of the literary text. The work has a specific color palette, which is related to its key themes and is represented by the most frequent black-red-white primary colors and their shades in the original and in the translation. In addition to adjectives, nouns, verbs and participles, as well as phrases of different structure, are used to express colors in the novel. Among the latter, figurative means of an "object" nomination of colors containing a hidden comparison particularly stand out: such structurally complex nominations contain a lexical unit with an object of the material world as a denotation that is a "reference" carrier of the corresponding color attribute. The Russian version of the novel uses more colors than the original text. Moreover, comparative constructions with the color component are used more widely. The article focuses on the methods of translating occasional author's color terms using various types of translational transformations.

Ключевые слова: колористическая лексика, перевод, русско-английские языковые параллели, сопоставительный анализ, художественный текст, цветовая картина мира, эквивалентность, идиостиль.

Key words: color names, translation, Russian-English language conformities, comparative analysis, literary text, color picture of the world, equivalence, individual author's style.

Лингвистика цвета имеет тенденцию стать самостоятельной научной парадигмой в современном языкознании. Являясь важнейшим компонентом языковой картины мира, лексика цветообозначения отражает процесс закрепления в языковом сознании определенного этноса особенностей цветовосприятия. По словам В.Г. Кульпиной,

«актуальный смысл изучения терминов цвета заключается именно в их осознании как изначальных носителей и инструментов национальных культур и языков» [Кульпина, 2002, с. 28].

В рамках отечественного и зарубежного языкознания различные принципы описания цветовой картины мира (здесь и далее разрядка моя – Е.С.) на материале русского, английского и других индоевропейских языков представлены в целом ряде работ, посвященных исследованию семантической структуры цветowych лексем [Бахилина, 1975; Брагина, 1997; Фомина, 1994 и др.], их психолингвистическим характеристикам [Василевич, 2007; Фрумкина, 1984 и др.], сопоставительному анализу [Гак, 1977; Кульпина, 2002 и др.]. Лингвоцветовая картина мира становилась предметом исследования в аспекте поиска цветowych универсалий [Adams, Osgood, 1983; Berlin, Kay, 1969 и др.] и принципов концептуализации цвета [Вежбицкая, 1996 и др.].

К настоящему времени получены результаты сопоставительного анализа лингвоцветового пространства некоторых английских и русских художественных текстов XIX–XX вв., в том числе связанных с выявлением объектных цветоименований, лингвокультурных характеристик цветообозначения и цветовосприятия [Величко, 2010; Климовских, 2011; Лопатина, 2005; Светличная, 2003 и др.].

Традиции и новаторство в художественном мире Р. Брэдбери, трактовка романа «451° по Фаренгейту» как символической антиутопии и определение его статуса в современном литературном контексте неоднократно становились объектом исследования в отечественном и зарубежном литературоведении [Маркина, 2006; Watt, 1980].

Ввиду того, что текст романа «451° по Фаренгейту» содержит значительное число колорем (в том числе национально-маркированных), отражающих индивидуально-авторское мировосприятие, актуальным представляется лингвистическое описание системы цветowych обозначений романа Р. Брэдбери, как значимого компонента идиостиля писателя.

Введение в научный оборот нового фактического материала, анализируемого с учетом особенностей функционирования в структуре художественного текста, выявление эквивалентности колорем в процессе комплексного сопоставительного анализа оригинала и перевода, а также типологических признаков лексики цветообозначения, как составляющих цветовой картины мира, определяют научную новизну предлагаемой работы.

По своей внешней структуре колоремы – это символы, включающие в себя многообразные фразовые объединения, которые могут содержать оценку предмета с точки зрения его отношения к эстетическому идеалу, указывать на высокую степень

проявления определенного качества реальных или ирреальных объектов. Авторы художественных текстов используют цветовые лексемы с целью передачи ассоциативной информации, необходимой для понимания и восприятия частных контекстов. По мнению В.С. Фоминой, «на всех этапах истории языка цвет развивает психологические ассоциативные связи и оценочное приращение смысла» [Фомина, 1994, с. 231].

Сравнение названий цвета, а также и их соотнесенности с определенными образами в русском и английском языках позволяют выявить тождественные метафорические переносы, закономерности образования указанных наименований, их базовые структурные модели, а также специфику функционирования в художественном тексте. Единство текстовой структуры в русском и английском языках «может достигаться за счет тематической соотнесенности, т. е. использованием однотипной (контрастной) цветообозначающей лексики в разных фрагментах текста. Единство текстовой структуры в обоих языках может достигаться также путем реализации одной или нескольких доминантных сем, выраженных с помощью цветообозначающей лексики, дополненной нецветовыми словами, содержащими сему данного цвета» [Брагина, 1997, с. 81].

Как известно, в русской и английской языковых картинах мира есть сходства и различия, которые объясняются национально-культурной спецификой восприятия окружающего мира. «Тесно связана с языковой картиной мира и проблема предпочтений в цвете, которые диктуются культурно-историческими традициями» [Василевич, 2007, с. 25]. Национально-культурные особенности цветолексики проявляются как на абстрактном, так и на образно-ассоциативном уровнях, позволяя реконструировать фрагменты языковой картины мира.

Цветовое пространство оригинального текста романа Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» представлено 202 цветообозначениями. В русском переводе Т.Н. Шинкарь, который к настоящему времени считается классическим, зафиксировано 216 цветолексем.

Примечательно, что в оригинальном тексте употребляются все 11 основных лексем цвета, функционирующих в английском языке: *red, orange, yellow, green, blue, violet, white, grey, black, pink, brown* (здесь и далее курсив мой – Е. С.). В русском переводе из 12 основных терминов цвета присутствуют 11: *красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, белый, серый, черный, розовый, коричневый*.

В количественном отношении среди основных цветов и их оттенков наибольшей частотностью в оригинальном тексте романа «451° по Фаренгейту» обладает цветовая лексема *black* (24). Далее следуют *white* (22), *green* (12), *yellow* (10), *dark* (9), *red* (9), *orange* (9), *pink* (9), *grey* (7), *silver* (6), *blue* (5), *brown* (1), *charcoal* (1), *fiery* (1), *golden* (2), *milk* (1), *neon* (1), *pale* (1), *ruby* (1), *ruddy* (1), *violet* (1). В русском переводе наибольшее число

словоупотреблений отмечено у колоремы *черный* (25). Далее следуют *белый* (24), *темный* (16), *зеленый* (15), *серый* (10), *желтый* (9), *красный* (9), *огненный* (7), *оранжевый* (8), *розовый* (6), *серебряный* (4), *синий* (4), *алый* (2), *бледный* (2), *золотой* (2), *багровый* (1), *белоснежный* (1), *голубой* (1), *землистый* (1), *коричневый* (1), *кремовый* (1), *кровавый* (1), *лиловый* (1), *неоновый* (1), *рубиновый* (1), *светлый* (1), *седой* (1), *серебристый* (1).

Таким образом, характерной чертой цветовой картины мира в романе Р. Брэдбери и его переводе на русский язык является использование основных цветов *черно-красно-белого* ряда и их оттенков (*black* и его оттенки *dark, charcoal* (34) / *черный* и его оттенок *темный* (41); *red* и его оттенки *orange, pink, fiery, ruby, ruddy* (30) / *красный* и его оттенки *огненный, оранжевый, розовый, алый, багровый, кровавый, неоновый, рубиновый* (36); *white* и его оттенки *milk, pale* (24) / *белый* и его оттенки *серебряный, бледный, белоснежный, светлый, серебристый* (33).

Разнообразие неосновных цветов (оттенков) представлено в большей степени в русском переводе романа (17). В оригинальном же тексте фиксируется 10 неосновных цветообозначений, что связано как с отсутствием в ряде случаев цветковых лексем в оригинале романа и их наличием в переводе, так и с индивидуальной манерой работы переводчика, которая, однако, не противоречит передаче индивидуально-авторской цветовой картины мира.

В структурном отношении помимо значительного числа моноксемных прилагательных в оригинальном тексте романа Р. Брэдбери и его переводе на русский язык активно используются сложные цветообозначения, репрезентирующие фрагменты авторской цветовой картины мира и специфику цветовосприятия:

1. сложения со значением интенсивности цвета: *bright yellow* (1), *dark blue* (2), *dark grey* (1), *pale green* (2) / *бледно-голубой* (1), *грязно-серый* (1), *матово-белый* (1), *мутно-зеленый* (1), *темно-синий* (2), *ярко-желтый* (1);

2. сложения двух или трех цветов, реализующие сравнительно-конкретизирующее значение: *black-grey* (1), *green-white* (1), *green-blue* (1), *pink-grey* (1), *reddish-brown* (1) / *багрово-желто-черный* (1), *зелено-синий* (1), *иссиня-бледный* (1), *красновато-коричневый* (1), *огненно-желтый* (1), *огненно-красный* (2), *розовато-серый* (1), *черно-серый* (1);

3. сложения комбинированного характера, содержащие цветовой компонент и компонент, передающий эмоционально-эстетическую оценку: *grey-looking* (1) / *воспаленно-красный* (1);

4. сложения, включающие цветолексему и наименования предметов или конкретных реалий, имплицитно выражающих или не выражающих цветное значение. Такие лексические единицы исключительно широко представлены в английском языке,

наиболее полно отражают его национальную специфику и являются яркой отличительной чертой цветовой палитры оригинального текста Р. Брэдбери. Данный тип сложных цветообозначений включает следующие предметные компоненты: названия природных реалий – *bluish-ash-smeared (1)*, *jet-black (2)*, *mud-coloured (1)*, *sun-fired (1)*, *soot-coloured (1)*, *yellow-flame-coloured (1)*; названия минералов/металлов – *blue-steel (1)*, *char-coloured (2)*, *cream-tile (2)*, *cream-tiled (1)*, *green-metal (1)*; соматизмы – *blood-ruby (1)*, *blue-jowled (1)*, *zinc-oxide-faced (1)*; названия представителей фауны – *black-beetle-coloured (1)*; названия предметов быта/интерьера – *gold-mesh (1)*, *green-lidded (1)*; наименования продуктов питания – *lime-green (1)*, *milk-white (1)*. Подобного рода объектные наименования цвета, соотнесенные в плане цветового признака с «эталонным» предметом, играют существенную роль в создании зрительно воспринимаемых художественных образов. В русском переводе фиксируются лишь два аналогичных цветообозначения со следующими предметными компонентами: названия минералов / металлов – *угольно-черный (2)* и наименования продуктов питания – *конфетно-розовый (1)*.

Цветовое пространство оригинала и перевода романа Р. Брэдбери включает ряд различных по структуре словосочетаний, передающих цветовые ощущения: сущ. *colour / цвет* в Р. п. + имя сущ. в Р. п. + имя сущ. в Р. п. – *colour of cinders and ash (1) / цвета золы и копоты (1)*; имя прил. в Р. п. + имя сущ. в Р. п. – *стальной синевы (1)*, *матовой белизны (1)*; имя прил. в Им. п. + имя сущ. в Им. п. + имя сущ. в Р. п. – *soft colour of dawn (1) / нежный свет зари (1)*.

Следует отметить, что в русском переводе более активно используются сравнительные обороты с компонентами цветообозначения, что связано со стремлением переводчика наиболее точно выразить цветовые характеристики адекватными языковыми средствами с учетом культурно и исторически детерминированных коннотаций: *her face bright as snow* [Ф, р. 7], *flesh like white bacon* [Ф, р. 54] / *лицо ее сияло, как снег* [Ф, с. 17], *черные, как сажа, брови* [Ф, с. 53], *белая, как сало, кожа* [Ф, с. 75], *белые как сахар зубы* [Ф, с. 82], *черными, как уголь, шинами* [Ф, с. 97], *иссиня-бледными, как цинковые белила лицами* [Ф, с. 68], *лицо его побелело как полотно* [Ф, с. 127], *яркими, как рубин, губами* [Ф, с. 139], *серым, как вываренное мясо, лицам* [Ф, с. 172].

Помимо прилагательных, выразителями цвета в романе Р. Брэдбери служат также имена существительные, реализующие статический признак цвета, а также глаголы и причастия, отражающие определенную цветовую динамику. В оригинальном тексте обнаруживаются примеры использования существительных *darkness, dark, whiteness, fire, chalk, blueness, pinkness, flame, blackness*; глагола *blacken*, причастий *paled, yellowed, blazing, flushed, flaming* и др. В русском переводе фиксируются существительные

темнота, чернота, радуга, синева; глаголы *чернеть, алеть*; причастия *воспламенившийся, побледневший, пожелтевший, пылающий, раскрашенный, обогранный, побагровевший, порозовевший* и др.

По справедливому замечанию Н.В. Тимко, «несомненный интерес представляет исследование цветовой картины мира в аспекте перевода, поскольку цвет является одним из важнейших средств эмоционального воздействия на читателя, а цветообозначения выражают индивидуально-авторское мировоззрение» [Тимко, 2011, с. 34]. Таким образом, при сопоставительном описании лексики цвета на материале художественных текстов существенно значимым оказывается анализ эквивалентности перевода как при трансляции функционально-ситуативного содержания, так и при передаче семантики языковых единиц.

В русском варианте романа представлено 149 случаев эквивалентного перевода колористической лексики и 17 примеров перевода безэквивалентных лексических единиц. Кроме того, фиксируется 21 случай отсутствия колоремы в оригинальном тексте при ее наличии в переводе. Уровни эквивалентности, или смысловой близости оригинала и перевода, характеризуются комплексом особенностей (сохранением одинаковой цели коммуникации, воспроизведением большинства синтаксических структур и стилистических характеристик оригинала, стремлением к параллелизму лексического состава и т. д.).

Примерами полной эквивалентности могут служить следующие контексты, извлеченные из текста романа Р. Брэдбери, где представлен дословный перевод колористической лексики (нулевая трансформация): Her dress was *white* [F, p. 5] / На ней было *белое* платье [Ф, с. 13]; *violet amber* [F, p. 7] / *лилового* янтаря [Ф, с. 17]; in *reddish-brown* overalls [F, p.16] / в *красновато-коричневом* комбинезоне [Ф, с. 29]; with *green-blue* neon light eyebulbs [F, p. 28] / полными *зелено-синих* неоновых искр глазами [Ф, с. 43]; the *black* morning sky [F, p. 36] / *черное* предзвездное небо [Ф, с. 53]; a faint drift of *greenish...* smoke [F, p. 54] / *зеленоватую...* струйку дыма [Ф, с. 75]; in a *black* shirt with an *orange* snake stitched on his arm [F, p. 60] / в *черной* куртке с *оранжевой* змеей на рукаве [Ф, с. 81]; *pink* hand [F, p. 68] / *розовую* ладонь [Ф, с. 92]; a speck of *black* dust [F, p. 69] / щепотка *черной* пыли [Ф, с. 93]; rabbits from *silver* hats [F, p. 80] / кроликов из *серебряных* цилиндров [Ф, с. 103]; old man in the *black* suit [F, p. 84] / старик в *черном* костюме [Ф, с. 108]; *pale* brows [F, p. 111] / *бледные* лбы [Ф, с. 140]; cloud of *black-grey* smoke [F, p. 136] / облачко *черно-серого* дыма [Ф, с. 172]; *dark blue* suits [F, p. 167] / *темно-синие* рубашки [Ф, с. 206] и др.

Несомненный интерес представляют способы перевода безэквивалентных лексических единиц, с фотографической точностью передающих национально-культурные особенности цветового пространства. Безэквивалентная лексика – это «лексические единицы исходного языка, не имеющие регулярных (словарных) соответствий в переводящем языке» [Комиссаров, 2004, с. 416].

Различного рода окказиональные соответствия и замены при передаче значения безэквивалентных колорем в романе Р. Брэдбери с помощью каких-либо видов переводческих трансформаций требуют отдельных комментариев.

Black-beetle-coloured helmet [F, p. 4] / *черный* блестящий шлем [Ф, с. 12]. При переводе данного фрагмента используется прием генерализации. Сложное английское цветочное прилагательное *black-beetle-coloured* «цвета черного жука» (неузуальное для русского языка) с более узким значением передается единицей с более широким значением – *черный*. В сочетании с лексемой *блестящий* воспроизводит аналогичное оригиналу цветочное ощущение.

Her face... was... *milk crystal* [F, p. 7] / Ее лицо... казалось... *матово-белым кристаллом* [Ф, с. 17]. Речь идет о лице девушки, которое герой романа Монтэг сравнивает с молочного цвета кристаллом. *Milk crystal* – это белый (молочный) кварц. Отличительные внешние признаки данного минерала – матовость и белизна, что и обусловило появление в переводе выражения *матово-белым кристаллом*. Однако в русском языке есть известное словосочетание *фарфоровое лицо*, в точности отражающее указанные цветочные характеристики.

The two *zinc-oxide-faced* man [F, p. 49] / Те двое с *иссиня-бледными, как цинковые белила*, лицами [Ф, с. 68]. В оригинале автор употребляет сложное прилагательное *zinc-oxide-faced* в составе синтаксической конструкции, характерной исключительно для английского языка, поэтому переводчик вынужден трансформировать ее в сравнительный оборот с добавлением колоремы *иссиня-бледный* ‘бледный с синеватым оттенком’, тем самым усиливая эффект цветочного воздействия.

The candy *pinkness* of his gums and the tiny candy *whiteness* of his teeth [F, p. 42] / *конфетно-розовые* десны и мелкие, *белые как сахар* зубы [Ф, с. 82]. В данном случае имеет место пример сложной лексико-грамматической трансформации: замена именных словосочетаний со связью управления на именные со связью согласования. Вместо английских цветочных существительных *pinkness* (лексема «розовость» в русском языке отсутствует) и *whiteness* употреблены прилагательные, одно из которых является авторским новообразованием (*конфетно-розовые*). Добавление сравнительного оборота

белые как сахар способствует усилению художественной изобразительности. В русской культуре белый цвет часто ассоциируется с сахаром или снегом.

The hall in the *grey light* [F, p. 80] / *серый сумрак* передней [Ф, с. 106]. Данный эпизод романа связан с описанием темного холла в то время, когда за окном шел дождь, и в комнате практически не было света. В указанном контексте реализуется прием антонимического перевода (*grey light* – *серый сумрак*), благодаря чему цветовая атмосфера передается максимально реалистично.

Blue-jowled face [F, p. 93] / с *синевой* на бритых щеках, лицо [Ф, с. 120]. Словосочетание *синескулое лицо* не является узуальным для русского языка, поэтому в переводе Т. Н. Шинкарь наряду с заменой цветового прилагательного *blue-jowled* на существительное *синева* осуществляется прием модуляции или смыслового развития (с *синевой на бритых щеках*), чтобы читателю стало понятно, чем обусловлена эта синева.

The sky might fall upon the city and turn it to *chalk dust* [F, p. 106] / Небо словно собиралось обрушиться на город и превратить его в кучу *белой* пыли [Ф, с. 133]. В данном отрывке реализуется прием расширения значения. Переводчик вполне оправданно «упрощает» цветное прилагательное, не нарушая адекватность восприятия текстового фрагмента (*белой пыли* вместо дословного «меловой пыли»). Следует сказать, что достаточно часто перевод английской колористической лексики осуществляется без учета денотативного значения в силу нетождественности ряда культурных коннотаций (указывается непосредственно цвет, а не денотат *мел*).

The moon go up in *red fire* [F, p. 106] / В *кровавом зареве* вставала луна [Ф, с. 133]. Поскольку автором дается художественное описание цвета неба после пожара, закономерно появление в русском переводе вместо *in red fire* «в красном огне» лексической замены с экспрессивной коннотацией *в кровавом зареве*. Русское существительное *зареве*, имеющее значение ‘отсвет пожара, пламени, огней и т. п. на небе’, весьма точно передает цветовой образ.

Lime-green sea [F, p. 108] / *мутно-зеленые* воды моря [Ф, с. 138]. Ввиду неузуальности лексемы «*лаймово-зеленый*» в переводе романа появляется сложное прилагательное *мутно-зеленый*, соотносящееся в русском языковом сознании с описанием цвета морской воды.

Colourful men and women with the porcelain eyes and the *blood-ruby lips* [F, p. 110] / раскрашенные фигурки с фарфоровыми глазами и *яркими, как рубин*, губами [Ф, с. 139]. С художественно-изобразительной точки зрения английская колорема *blood-ruby* максимально точно воспроизводит цвет красной краски, которую используют для росписи, однако при дословном переводе на русский язык возникает негативная коннотация («кроваво-

рубиновые»), что не соответствует функционально-ситуативному содержанию оригинала. Поэтому переводчик прибегает к сравнению (с заменой компонента *blood-* на *яркий*), адекватно отражающему цветовосприятие как в смысловом, так и в стилистическом отношении.

Sun-fired hair [F, p. 111] / *яркие* волосы [Ф, с. 140]. Поскольку сложное английское цветочное прилагательное *sun-fired* не имеет эквивалента в русском языке («солнечно-огненные»), переводчик использует прием генерализации, употребляя монологическое прилагательное *яркие* (волосы). Возможно, более удачной при передаче цветовых ощущений оказалась бы здесь русская колорема *огненно-рыжие* (волосы).

Весьма значимыми в аспекте отражения индивидуального переводческого опыта представляются случаи отсутствия колоремы в оригинальном тексте и ее наличия в переводе. В подобного рода примерах как правило компенсируется утраченный смысл, а содержание оригинала воспроизводится с большей полнотой.

In a swarm of fireflies [F, p. 3] / В рое *огненно-красных* светляков [Ф, с. 11]. Переводческое решение о добавлении цветочного прилагательного связано с необходимостью донести до читателя информацию о том, что речь идет не об обычных светлячках, а о маленьких язычках пламени (метафора).

The train vanished in its hole [F, p. 90] / поезд исчез в *черной дыре* туннеля [Ф, с. 117]. В оригинале романа автор употребляет только лексему *hole* – ‘туннель’ (ж.-д. жаргон). В русском же переводе описание туннеля становится образным за счет использования фразеологической единицы с цветочным компонентом *в черной дыре* туннеля.

Volcano's mouth [F, p. 107] / *огненный* кратер [Ф, с. 135]. В данном примере переводчик заменяет авторскую метафору *Volcano's mouth* «пасть вулкана» на стилистически нейтральную конструкцию с добавлением цветолексемы *огненный*.

Her face floured with powder [F, p. 129] / лицо *белое* от пудры [Ф, с. 163]. Причастие *floured* – ‘присыпанный’ (мукой) – косвенно указывает на белый цвет, который закономерно появляется в переводе.

Mildred's face was suffused with excitement [F, p. 84] / Милдред с *порозовевшим*, веселым лицом [Ф, с. 111]. Причастие *порозовевший* в русском переводе призвано не только описать цвет лица героини в конкретной ситуации, но и напомнить о том, что до этого момента лицо Милдред было не розовое, а исключительно бледное.

Цветочная лексика как часть индивидуально-авторской картины мира является результатом интуитивного художественного отбора и выполняет определенные функциональные задачи, связанные с организацией всего текста. Цветочные обозначения

могут употребляться в прямой номинации, или же реализовывать определенные стилистические задачи, выступая в качестве средства художественной изобразительности, что свидетельствует об их очевидной текстообразующей функции. Кроме того, цветовые лексемы выполняют описательную (зримое восприятие) и эмоционально-воздействующую функции.

Идиостиль, как система формальных и содержательных лингвистических характеристик произведений того или иного автора характеризуется уникальностью способов языкового выражения. В контексте рассматриваемой проблемы характер творческой личности Р. Брэдбери определяется как собственно цветовыми предпочтениями, так и наличием цветолексем в составе ряда базовых элементов авторского стиля, среди которых следует отметить:

1. перечисления, формирующие ритмическую организацию текста (ряды синонимов / однородные члены предложения / повторы): *charcoal hair and soot-coloured brows and bluish-ash-smearred cheeks* [F, p. 37] / угольно-черные волосы, и черные, как сажа, брови, синеватые щеки... как будто испачканные золой [Ф, с. 53]; *black hair, black brows, a fiery face, and a blue-steel... look* [F, p. 37] / черных волос, черных бровей, воспаленно-красного лица... стальной синевы... щек [Ф, с. 53]; *green and yellow and orange fireworks* [F, p. 68] зеленые, желтые и оранжевые фейерверки [Ф, с. 92];

2. интертекстуальные включения: *Colored people don't like Little Black Sambo. Burn it. White people don't feel good about Uncle Tom's Cabin. Burn it.* [F, p. 68] (упоминаются известные книги шотландской писательницы Х. Баннерман «Маленькое черное самбо» и американской писательницы Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»);

3. символические смыслы, выступающие в художественном мире Р. Брэдбери в качестве постоянных образов. Единицами такого порядка являются в романе «огонь» и «книга», формирование которых базируется на образной символике цвета: *in a swarm of fireflies* [F, p. 3] / в рое огненно-красных светляков [Ф, с. 11], *bright yellow flower of burning* [F, p. 132] / ярко-желтый цветок пламени [Ф, с. 168]; *like a white pigeon* [F, p. 42] / как белый голубь [Ф, с. 60] (о книге), *titles glittered their golden eyes* [F, p. 43] / золотые глаза тисненых заглавий [Ф, с. 62].

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Роман Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» имеет специфическую цветовую палитру, которая связана с ключевыми темами произведения и представлена основными цветами черно-красно-белого ряда. Преобладающим цветом в английском и русском текстах является черный и его оттенки (*black / dark, charcoal* (34); *черный / темный* (41)). Негативная семантика черного цвета реализуется и в русской, и в английской языковой картине мира. В романе

черный – это цвет тьмы, смерти, несчастья, пепла и сожженных книг. Красный цвет и его оттенки ассоциируется с огнем, опасностью, борьбой, кровью и яростью и закономерно входит в гамму приоритетных цветов (*red / orange, pink, fiery, ruby, ruddy* (30); *красный / огненный, оранжевый, розовый, алый, багровый, кровавый, неоновый, рубиновый* (36)). Белый цвет традиционно символизирует чистоту и святость, но может иметь и негативные значения, такие как холод и одиночество. Данный ахроматический цвет и его оттенки наиболее часто используются в портретных характеристиках героев и занимает третье место по частотности употребления (*white / milk, pale* (24) / *белый / серебряный, бледный, белоснежный, светлый, серебристый* (33)).

2. Сложные цветочные прилагательные английского языка, включающие цветолексема и наименования предметов или конкретных реалий, составляют многочисленную группу по сравнению с единичными примерами в русском языке (*bluish-ash-smeared, mud-coloured, sun-fired, yellow-flame-coloured; cream-tiled, blue-jowled, black-beetle-coloured, green-lidded* и др.). Среди других структурных типов в обоих языках представлены сходные цветообозначения: монолексемные (*green / зеленый*); сложения со значением интенсивности цвета: (*bright yellow / ярко-желтый*); сложения двух цветов, реализующие сравнительно-конкретизирующее значение: (*green-blue / зелено-синий*). Помимо прилагательных, выразителями цвета служат также имена существительные, глаголы и причастия.

3. Цветовое пространство оригинала и перевода романа включает ряд различных по структуре словосочетаний, передающих цветовые ощущения (например, сущ. *colour / цвет* в Р. п. + имя сущ. в Р. п. + имя сущ. в Р. п. – *colour of cinders and ash / цвета золы и копоти*).

4. В русском переводе более активно используются сравнительные обороты, что связано со стремлением переводчика наиболее точно выразить цветовые характеристики адекватными языковыми средствами с учетом культурно и исторически детерминированных коннотаций (*черные, как сажа, брови; белые как сахар зубы* и др.).

5. Универсальные и национальные свойства английских колорем определяют специфику их перевода на русский язык, реализующуюся в различных типах лексико-грамматических трансформаций: *генерализация, модуляция, компенсация, лексическая замена* и др. В русском варианте в большинстве случаев представлен эквивалентный перевод колористической лексики.

6. Характер творческой личности Р. Брэдбери определяется как собственно цветовыми предпочтениями, так и наличием цветолексем в составе ряда базовых элементов авторского стиля (перечисления, интертекстуальные включения, символические смыслы).

В целом творческий метод Р. Брэдбери во многом близок многогранной импрессионистской живописи, где главную роль играет подвижность и изменчивость, эмоциональное впечатление, естественность и многообразие цветовых решений.

Список литературы:

- Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.
- Брагина А.А.* Цветовые определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1997. С. 73–105.
- Брэдбери Р.* 451° по Фаренгейту / Перевод Т. Шинкарь. М.: Иностранная литература, 1956. 232 с. – Ф
- Василевич А.П.* Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. М.: КомКнига, 2007.
- Вежбицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 231–291.
- Величко А.А.* Коммуникативно-прагматические особенности цветообозначений в текстовом пространстве романов Томаса Гарди: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010.
- Гак В.Г.* Краски // Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: Высшая школа, 1977. С. 192–201.
- Климовских Ю.А.* Цветовая картина мира О. Уайльда: когнитивно-лингвокультурологический подход: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2004.
- Кульпина В.Г.* Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2002.
- Лопатина Н.Р.* Структурно-семантический анализ объектных цветоименований: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.
- Маркина Н.В.* Художественный мир Рэя Брэдбери: традиции и новаторство: автореф. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
- Светличная С.Ю.* Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003.
- Тимко Н.В.* Лингвокультурологические аспекты перевода цветообозначений с английского языка на русский // Вестник Российского университета дружбы народов. 2011. №1. С. 24–32.
- Фомина В.С.* Семантика цветообозначений как объект исследования и изучения // IV международный симпозиум по лингвострановедению. М., 1994. С. 230–231.
- Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984.
- Adams F. M., Osgood Ch. E.* A cross-cultural study of the meanings of color // Journal of cross-cultural psychology. 1973. №4 (2). pp. 135–156.
- Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1969.
- Bradbury R.* Fahrenheit 451. New York: Ballantine Books, 1953. 190 p. – F
- Watt D.* Burning Bright: "Fahrenheit 451" as Symbolic Dystopia // Ray Bradbury / Ed. by M. H. Greenberg and J. D. Olander. NY: Taplinger publ. co, 1980. pp. 195–213.

References:

- Adams F.M., Osgood Ch. E.* A cross-cultural study of the meanings of color // Journal of cross-cultural psychology. 1973. №4 (2). pp. 135–156.
- Bakhilina N.B.* Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke. M.: Nauka, 1975. (In Russian).
- Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1969.
- Bradbury R.* Fahrenheit 451. New York: Ballantine Books, 1953. 190 p. – F
- Bragina A.A.* Tsvetovye opredeleniya i formirovanie novykh znachenii slov i slovosochetanii // Leksikologiya i leksikografiya. M.: Nauka, 1997. S. 73–105. (In Russian).
- Brehdberi R.* 451° po Farengaitu / Perevod T. Shinkar'. M.: Inostrannaya literatura, 1956. 232 s. – F. (In Russian).
- Fomina V.S.* Semantika tsvetooboznachenii kak ob"ekt issledovaniya i izucheniya // IV mezhdunarodnyi simpozium po lingvostranovedeniyu. M., 1994. S. 230–231. (In Russian).

- Frumkina R. M.* Tsvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psikholingvisticheskogo analiza. M.: Nauka, 1984. (In Russian).
- Gak V.G.* Kraski // Gak V. G. Sopostavitel'naya leksikologiya. M.: Vysshaya shkola, 1977. S. 192–201. (In Russian).
- Klimovskikh YU. A.* Tsvetovaya kartina mira O. Uail'da: kognitivno-lingvokul'turologicheskii podkhod: dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2011. (In Russian).
- Komissarov V.N.* Sovremennoe perevodovedenie. M.: EHTS, 2004. (In Russian).
- Kul'pina V.G.* Teoreticheskie aspekty lingvistiki tsveta kak nauchnogo napravleniya sopostavitel'nogo yazykoznaneya: avtoref. ... d-ra filol. nauk. M., 2002. (In Russian).
- Lopatina N.R.* Strukturno-semanticheskii analiz ob"ektnykh tsvetonaimenovaniy: na materiale angliiskogo i russkogo yazykov: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2005. (In Russian).
- Markina N.V.* Khudozhestvennyi mir Rehya Brehdberi: traditsii i novatorstvo: avtoref. ... kand. filol. nauk. Samara, 2006. (In Russian).
- Svetlichnaya S. YU.* Sravnitel'nye lingvokul'turnye kharakteristiki tsvetooboznacheniya i tsvetovospriyatiya v angliiskom i russkom yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Pyatigorsk, 2003. (In Russian).
- Timko N.V.* Lingvokul'turologicheskie aspekty perevoda tsvetooboznachenii s angliiskogo yazyka na russkii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. 2011. №1. S. 24–32. (In Russian).
- Vasilevich A.P.* Naimenovaniya tsveta v indoevropeskikh yazykakh: Sistemnyi i istoricheskii analiz / A. P. Vasilevich, S. N. Kuznetsova, S. S. Mishchenko. M.: KoMKniga, 2007. (In Russian).
- Velichko A.A.* Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti tsvetooboznachenii v tekstovom prostranstve romanov Tomasa Gardi: dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2010. (In Russian).
- Vezhbitskaya A.* Oboznacheniya tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya // Yazyk. Kul'tura. Poznanie. M.: Russkie slovari, 1996. S. 231–291. (In Russian).
- Watt D.* Burning Bright: "Fahrenheit 451" as Symbolic Dystopia // Ray Bradbury / Ed. by M. H. Greenberg and J. D. Olander. NY: Taplinger publ. co, 1980. pp. 195–213.

Трубина Ольга Борисовна
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва (Россия)

Trubina Olga
Russian State University for the Humanities
Moscow (Russia)

О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ НОРМЕ И ЖАРГОННОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

ON THE TRANSLATION NORM AND TRANSLATION JARGON RECEPTION

Статья посвящена переводческой норме, автор рассматривает особый вид языкового посредничества – жаргонный перевод и его гибридные разновидности: пересказ, реферирование и др. В работе определены авторские интенции, существующие при таком виде языкового посредничества, а также описываются характер и особенности языковой трансформации.

The article is devoted to the translation norm. The author examines a special type of linguistic mediation, i.e. jargon translation and its hybrid varieties: retelling, abstracting, etc. The work identifies the author's intentions that exist in this type of linguistic mediation, and also describes the nature and features of linguistic transformation.

Ключевые слова: переводческая норма, переводческая рецепция, жаргонный перевод, языковая трансформация.

Key words: translation norm, translation reception, jargon translation, linguistic transformation.

По выражению Э. Косериу, норма – это коллективная реализация системы. Норма является своего рода фильтром, который либо пропускает, либо задерживает то, что производит языковая система: пропускает то, что реально существует в языке и функционирует в речи, и отфильтровывает те продукты системы, которые реально в языке не существуют и в нормальной речи не употребляются [Coseriu, 1976]. Сложность и разнокодовость процесса перевода предопределяет тот факт, что не существует однозначных и общепризнанных критериев определения нормы перевода, но, безусловно, норма (или же отклонение от нее (не-норма) проявляется в использовании существующих/несуществующих в языковой системе элементов. При этом понятие переводческая норма не может сводиться к общепринятому определению языковой и речевой нормы, поскольку оно должно включать в себя реализацию навыков воспроизведения вторичного текста в другом коде (и/или в другом субкоде), а также построение социальных коммуникативных межкультурных связей. В основе этого должно быть понимание того, какую функцию в социуме реализует данный перевод и какие именно социально-коммуникативные связи организует автор перевода.

Понятие нормы перевода включает требование нормативного использования переводчиком языка перевода, а также необходимость соответствия результатов переводческого процесса общепринятым взглядам на цели и задачи переводческой

деятельности. Но в реальной переводческой деятельности мы наблюдаем и специальные цели и задачи, которые выражаются в особом отношении к нормативному использованию языка перевода.

Гидеон Тури в своей работе подчеркивает, что, во-первых, норма перевода – это баланс между адекватностью (степенью сохранения норм исходного языка) и приемлемостью (степенью соблюдения норм переводящего языка); во-вторых, норма – это соответствие перевода лингвистическим требованиям; а качество перевода – это соответствие дополнительным требованиям (сроки выполнения, соответствие задаче, контексту и пр.). Кроме того, различают языковую и узуальную норму [Toury, 1995].

Будем исходить из того, что, если норма – абсолютный критерий, то узус – критерий относительный, который понимается как ситуативные правила выбора средств языкового выражения. При этом переводчик вынужден учитывать языковые привычки носителей языка перевода. Таким образом, узус – это правила ситуативного использования языка. Соблюдение узуальной нормы предопределяет результат вербальной коммуникации и коммуникативный успех переводческой рецепции.

В своей работе Л.К. Латышев разграничивает два типа узуса [Латышев, 2000]:

- предметный узус, где речевая традиция определяется «предметом, о котором идет речь»: транспорт, погода, кулинария, футбол и т. п.

- социальный узус, который представляет собой отбор средств языкового выражения в зависимости от определенных социальных условий коммуникации. Как известно, он отражается в лингвистической шкале функциональных стилей и нормативно-стилистических окрасок.

Многие исследователи вводят также понятие жанрового узуса, отделяя его при этом от социального узуса в соответствии со шкалой формул речевого этикета и жанрового комбинирования слов в соответствии с функциональным типом текста. Прагматическую норму перевода можно определить как требование обеспечения прагматической ценности перевода, но при этом прагматическая интенция перевода может быть индивидуальной и не свойственной переводу как акту языкового посредничества.

Таким образом, обращаясь к понятию переводческой нормы, необходимо иметь в виду не только языковую норму, но и узуальную, и прагматическую, а также принимать во внимание тот факт, что переводчик является или не является частью социума, в рамках которого создан исходный текст, или социума, для которого создается текст перевода. В случае трансляции литературного текста на жаргоне важна именно ориентация на социальный узус.

Как известно, определение адекватной меры переводческой трансформации обычно производится в соответствии с тремя принципами: принципом мотивированности переводческих трансформаций (недопущением произвольных трансформаций), принципом минимальности переводческих трансформаций (недопущение мотивированных, но чрезмерных трансформаций), принципом общей ограниченности меры переводческих трансформаций (недопущения трансформаций, имеющих определенный мотив, но выходящих за пределы допустимого в переводе).

При переводе литературного текста, который *перформатирует* (курсив мой – О.Т.) его в жаргонный, разного рода трансформации текста мотивированы в первую очередь социально и интенционально; а их выход за пределы допустимого обусловлен авторской интенцией.

Предметом нашего наблюдения стал именно *жаргонный перевод* (курсив мой – О.Т.) с точки зрения переводческой нормы. Жаргонным переводом мы будем считать такой перевод, при котором исходный (оригинальный) текст может быть и литературным, и жаргонным, а текст перевода – только жаргонным, выполненным языковыми средствами общего жаргона и/или субжаргона. Жаргонный перевод – это результат текстопорождения со сменой не только национального языкового кода, но и субкода. Переводческая рецепция в этом случае реализуется в рамках жаргонного дискурса.

Вслед за В.С. Елистратовым можно понимать жаргон как «систему словотворчества, систему порождения слов, выражений и текстов, систему приемов поэтического искусства, короче говоря, поэтику, разновидность поэтики...риторическую систему, инвариантную систему порождения многочисленных вариантов.» [Елистратов, 2000, с. 59]

Если же исходный (оригинальный) текст – жаргонный, обычно переводчик вынужден переводить его, оставаясь в рамках литературного языка, действовать в соответствии с традиционными переводческими приемами, такими как: опущение, нейтрализация, генерализация и поиск словарного эквивалента. Особо грубые лексические единицы переводятся при помощи эвфемизации и дисфемизации. Это достаточно узнаваемая и традиционная ситуация. Переводчик может опираться в этом случае только на языковой вкус, знание жаргона обоих языков.

Если же исходный (оригинальный) текст – литературный, но он переводится таким образом, что переводческая рецепция имеет явный жаргонный характер, возникает множество вопросов. В этом случае речь не идет лишь о жаргонизмах, «инкрустированных» в текст, или о своеобразной стилизации, мы наблюдаем именно целостный, однородный жаргонный текст, включающий в себя значительное количество

жаргонных маркеров – языковых единиц, явным образом соотносимых с жаргоном, имеющих соответствующую стилистическую, социальную и функциональную маркированность.

Насколько же вообще возможна в рамках переводческой нормы трансляция исходного литературного (и особенно высокохудожественного и знакового с точки зрения национальной культуры) текста в виде текста жаргонного? Такие переводы существуют в реальном языковом пространстве, и этот факт приобретает характер современной тенденции, а значит, необходимо дать лингвистическую оценку данному явлению. Конечно, с точки зрения языкового вкуса, такой перевод часто является проявлением языковой пошлости. Как правило, текст жаргонного перевода анонимный и существует чаще всего в интернет-пространстве.

При этом интенция переводчика, на наш взгляд, может быть разной: ирония, стеб, пародия, эпатаж, стилистическое снижение исходного текста. *Переводчик* (курсив мой – О.Т) действует в рамках смеховой культуры (термин М. Бахтина), которая является системообразующей для жаргонного дискурса. При этом текст *переводится* (курсив мой – О.Т) из одного открытого лингво-культурного пространства (национальной культуры) в другое - закрытое (субкультурное).

Кроме того, важно учитывать при анализе такого перевода следующее: используется ли жаргон в речи литературного персонажа или в речи автора. В оригинальном тексте литературный герой может использовать жаргон «ситуативно» (прагматически объяснимо) или существовать в рамках жаргонного дискурса. И в том, и в другом случае обращение переводчика к жаргонному дискурсу языка перевода оправдано и объяснимо: в этом случае жаргон является частью речевой характеристики персонажа и отчасти художественным приемом. Но ситуация коренным образом меняется в том случае, когда переводчик обращается к жаргону в речи автора, стилистическая и художественная интерпретация которой не предполагает использования языковых средств жаргонного дискурса.

Кроме того, важно понимать, что возможны как *прямой перевод* (исходный текст создан на иностранном для переводчика языке), так и *опосредованный* (по сути – пересказ, который являет собой вольный пересказ канонического перевода оригинального текста).

На наш взгляд, особый языковой статус имеют тексты, которые являются трансформацией литературного текста, созданного на русском языке и отвечающего требованиям языковой нормы, в текст, существующий на русском языке в *жаргонном языковом пространстве* (курсив мой – О.Т.).

Например: «...кабы я была кингица, – говорит одна гирлица, – я б для фазера-кинга супермена б родила». Только выпичать успела, дор тихонько заскрипела, и в светлицу фазер кам, на ходу жуя чуингам (или и в светлицу входит царь, того стейта государь). Во весь тайм оф разговора он стоял бихайнд зе дора (или забора). Спич последний по всему крепко лавнулся ему. «Что же, клевая янгица, - говорит он. - Будь кингица!» (макаронистическое травестиrowание пушкинской «Сказки о царе Салтане») (автор текста неизвестен) [Елистратов, 2000, с. 591] Такой вид текстов, на наш взгляд, условно можно назвать *внутренним переводом* (курсив мой – О.Т.).

Приведем пример гибридного текста (перевод – пересказ), «История отпадения Нидерландов от Испании» :

«...Тогда работяга Вильгельм Оранский поднял в стране шухер. Его поддержали Гезы (урки, одетые в третий срок). Мадридская малина послала своим наместником герцога Альбу. Альба был тот герцог! Когда он прихлял в Нидерланды, голландцам пришла хана. Альба распатронил Лейден, главный голландский шалман. Остатки Гезов кантовались в море, а Вильгельм Оранский припух в своей зоне. Альба был правильный полководец. Солдаты его гужевались от пуза. В обозе шло тридцать тысяч шалавок. (На этапах он не тянул резины, наступал без показухи и туфты, а если приходилось канать, так все от лордов до попок вкалывали до опупения. На Альбу пахали епископы и князья, в ставке шестерили графья и генералы, а кто махлевал, тот загинался. Он самых высоких в кодле брал на оттяжку, принцев имел за штопорил, графинь держал за простячек. В подвалах, где враги на пытках давали дуба, всю дорогу давил ливер и щерился во все хавало. На лярв он не падал, с послами чернуху не раскидывал, пленных заваливал начистяк, чтоб был полный порядок). Но Альба вскоре даже своим переел плешь. Все знали, что герцог в законе и лапу не берет. Но кто-то стукнул в Мадрид, что он скурвился, и закосил казенную монету. Альбу замели в кортесы на общие работы, а вместо него нарисовались Александр Фарнезе и Маргарита Пармская – (два раззолоченных штымпа), рядовые придурки испанской короны» (автор – Л. Гумилев).

Как мы наблюдаем, на базе реферирования, пересказа и перевода практикуются разного рода гибридные разновидности языкового посредничества, в том числе такие, как реферативный перевод, сокращенный перевод, вольный перевод (с элементами пересказа). Но лишь *собственно перевод* (курсив мой – О.Т.) рассматривается как тот же самый текст только на другом языке, как копия исходного текста на другом языке.

Как известно, не существует такого понятия, как *самый правильный перевод* (курсив мой – О.Т.); на характер и художественную ценность перевода может влиять множество факторов (переменных в терминологии Г. Тури), а именно: уровень владения

обоими языками, знание терминологии предметной области (в обоих языках), знание фактов и понимание предметной области, знание идиом (в обоих языках), чувство стиля (в обоих языках), стилевые предпочтения, понимание принципов перевода и др.

При *жаргонном переводе* (курсив мой – О.Т.) эти факторы изменяют свою значимость, и важны, в первую очередь, чувство стиля, знание актуальных особенностей жаргонного дискурса и интенция автора перевода.

В идеале перевод должен по возможности точно транслировать одновременно несколько различных планов: содержание мысли (с сохранением причинно-следственных, временных, пространственных и других связей); оттенки модальности; стиль текста; эмоциональную окраску. Кроме того, важно следующее: отсутствие или неполное соответствие эквивалентных терминов: использование адекватных конструкций в переводящем языке, избегание повторов; обеспечение красивого звучания текста на переводящем языке; сохранение пофразовой тождественности.

Очевидно, что при переводческой трансформации исходного литературного текста в жаргонный коренным образом меняется в первую очередь *концептуальное наполнение текста* (курсив мой – О.Б.). Известно, что языковая картина мира, отображенная в жаргонном дискурсе, значимо отличается от национальной языковой картины мира, фиксируемой в литературном языке.

Приведем пример: литературный вариант перевода (В. Шекспир, 66 сонет)

<p>Tired with all these, for restful death I cry, -As to behold desert a beggar born, And needy nothing trimm'd in jollity, And purest faith unhappily forsworn, And gilded honour shamefully misplac'd, And maiden virtue rudely strumpeted, And right perfection wrongfully disgrac'd,</p>	<p>Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж Достоинство, что просит подаянья, над Простотой глумящуюся Ложь, Ничтожество в роскошном одеянье, и Совершенству ложный приговор, и Девственность, поруганную грубо... и неуместной почести</p>	<p>Измучась всем, я умереть хочу... Тоска смотреть, как мается бедняк,.. И как шутя живетя богачу. И доверять, и попадать впросак. И наблюдать, как наглость лезет в свет. И честь девичья катится ко дну. И знать, что ходу</p>
---	---	--

<p>And strength by limping sway disabled,</p> <p>And art made tongue-tied by authority,</p> <p>And folly (doctor-like) controlling skill,</p> <p>And simple truth miscall'd simplicity,</p> <p>And captive good attending captain ill: Tired with all these, from these would I be gone,</p> <p>Save that, to die, I leave my love alone..."</p>	<p>позор.</p> <p>и Мощь в плену у Немощи беззубой,</p> <p>и Прямоту, что Глупостью слывет... и Глупость в маске Мудреца, Пророка...</p> <p>и Вдохновения зажатый рот...</p> <p>и Праведность на службе у Порока.</p> <p>Все мерзостно, что вижу я вокруг...</p> <p>Но как тебя покинуть, милый друг?!..</p> <p>С. Маршак</p>	<p>совершенствам нет...</p> <p>И видеть мощь у немощи в плену...</p> <p>И вспоминать, что Мысли заткнут рот, и Разум сносит Глупости хулу.</p> <p>И Прямодушье простотой слывет...</p> <p>И Доброта прислуживает Злу...</p> <p>Измучась всем, не стал бы жить и дня!..</p> <p>Да другу трудно будет без меня..."</p> <p>Б. Пастернак</p>
--	--	--

Жаргонный вариант языкового посредничества :

Когда ж я сдохну?!.. До того достало, что "бабки" оседают у жлобов,

Что старики ночуют по вокзалам,

Что "православный" – значит – "бей жидов!"

Что побратались мент и бандюган...

Что колятся "шестерки" в "шестисотых" ...

Что в ЗАГС приходят по любви к деньгам...

Что слез народ с восторгом под сексов...

Что делают бестселлер из дерьма...

Что проходимец лепит монументы...

Что музыкант играет паханам...

А быдло учит жить интеллигента...

Другой бы сдох к пятнадцати годам.

Но я вам пережить себя не дам! (автор перевода неизвестен, знаки препинания и орфография – авторские)

На наш взгляд, анализируя данный жаргонный перевод, можно сделать следующие выводы:

1. Перед нами жаргонное переложение (вольный пересказ) русского литературного перевода оригинального английского текста. Исконный текст создан на русском языке, он является прямым переводом с английского языка, текст перевода транслируется в рамках жаргонного дискурса.

2. Значительно изменена концептуальная база оригинального английского текста и русского перевода. Появились новые концепты, характерные для современной жаргонной картины мира (бабки, сексоты, пахан, шестерки), вводятся современные концепты (бестселлер, шестисотый) и знаковые провокативные политические слоганы, используются современные аббревиатуры, отображающие современные русские реалии.

3. Все это осовременивает и концептуально упрощает исходные тесты (английский оригинальный и русский перевод). Смысловые трансформации кардинально упрощают и осовременивают смысл исходного текста. Эмоциональный пафос усилен, эмоциональные оценки подчеркнута негативны.

Таким образом, перевод призван обеспечить опосредованную двуязычную коммуникацию, которая максимально приближалась бы к обычной, одноязычной коммуникации, но жаргонный перевод преследует особые дополнительные переводческие цели и решает специфические задачи при различных формах языкового посредничества, как в рамках одноязычной коммуникации (внутренний перевод), так и в рамках двуязычной коммуникации.

Список литературы:

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. 2-е изд. М.: Изд-во Московского университета, 2007. 544 с.
Елистратов В.С. М.: Русские словари, 2000. 700 с.
Латышев Л.К. Технология перевода. М.: ТЕЗАУРУС, 2000. 280 с.
Coseriu E. Teorìa del lenguaje y lingüística general. Sistema, norma e habla / E. Coseriu. Madrid : Editorial Gredos, 1967. 323 с.
Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 1995. 312 с.

References:

- Coseriu E.* Teoría del lenguaje y lingüística general. Sistema, norma e habla / E. Coseriu. Madrid : Editorial Gredos, 1967.323 p
- Elistratov V.S.* Slovar' russkogo argo [Dictionary of Russian argo]. Moscow: Russkie slovari, 2000. 700 p. (In Russian).
- Garbovsky N.K.* Teorija perevoda [The Theory of Translation]. 2 izd. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2007. 544 p. (In Russian).
- Latyshev L.K.* Tekhnologiya perevoda. [Translation technology]. Moscow .: TEZAURUS, 2000. 280 p. (In Russian).
- Toury G.* Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 1995. 312 p.

Чович Бранимир
Панъевропейский университет «Апеирон»
г. Баня Лука (Босния и Герцеговина)

Chovich Branimir
Pan-European University «Apeiron»
Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

КАК МЫ ПЕРЕВОДИЛИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА (ОТ ПЕРЕВОДА К РЕЦЕПЦИИ И ЛИТЕРАТУРНЫМ СВЯЗЯМ)

HOW WE TRANSLATED SERGEI YESENIN (FROM TRANSLATION TO RECEPTION AND LITERARY RELATIONS)

В данном исследовании проведен стилистический анализ структуры образа в поэзии Сергея Есенина, в частности в раннем творчестве, а именно на материале одного из ранних его стихотворений («Выткался на озере алый свет зари»), и возможные сдвиги в нескольких сербско-хорватских переводах. Имея ввиду ряд сложных вопросов, которые затронуты в данном докладе применяется комбинированный методологический подход: во-первых, применяется имманентный структурно-семантический анализ оригинала, а, во-вторых - сравнительно-стилистический анализ оригинала с тремя (четырьмя) опубликованными переводами этого же стихотворения на сербскохорватский язык, которые в свою очередь рассматриваются по отношению друг к другу, а потом каждого из них в отдельности по отношению к оригиналу. В качестве иллюстрации мы в сравниваемый ряд переводов включили и два наших перевода, реализованных в 1995 и 2001 годах, но все еще не опубликованных.

This study provides a stylistic analysis of the structure of the image in the poetry of Sergei Yesenin, in particular in his early work, namely, on the material of one of his early poems ("The scarlet light of dawn was woven on the lake"), and possible shifts in several Serbian-Croatian translations. Taking into account a number of complex issues that are covered in this report, a combined methodological approach is applied: first, an immanent structural and semantic analysis of the original is applied, and, secondly, a comparative stylistic analysis of the original with three (four) published translations of the same poem into Serbian-Croatian, which in turn are considered in relation to each other, and then each of them separately in relation to the original. As an illustration, we have included in the compared series of translations two of our translations, implemented in 1995 and 2001, but still not published.

Ключевые слова: литературный перевод, рецепция, литературные связи, поэтический образ, структурно-семантический анализ перевода, стилистические сдвиги в переводе.

Key words: literary translation, reception, literary connections, poetic image, structural and semantic analysis of translation, stylistic shifts in translation.

Сергей Есенин входит в узкий круг самых популярных и переводимых поэтов в Сербии. Его жизнь и творчество – частая тема на страницах литературных периодических изданий в течение последних сто лет. Первые контакты сербского читателя с творчеством Есенина относятся к 1922 году, когда при жизни поэта, зенитист Любомир Мичич опубликовал в своем журнале «Зенит» переводы двух стихотворений Есенина: «Преображение» и «Волчья гибель» [Зенит, II, 14, 25-28]. В этом же году в журнале «Мысль» [«Мисао», №№ 65-67]. Евгений Анечков, профессор компаративистики Белградского университета, опубликовал три статьи под общим названием «Новейшие явления в русской поэзии» и впервые ознакомил сербского читателя с поэзией Сергея Есенина. О неуклонном росте интереса к Есенину, о влиянии поэзии Сергея Есенина на

сербских поэтов, которые не прекращаются в ближайшие 100 лет, свидетельствует тот факт, что в 1966 году впервые за пределами России появился в Югославии перевод Собрания сочинений, а уже в 1970 г. и Полное собрание сочинений в V томах. В редколлегию вошли три знатока поэзии Есенина: Миодраг Сибинович, Милорад Живанчевич и Никола Бертолино, которые своими переводами и критическими статьями о Есенине, внесли большой вклад в его популяризацию в бывшей Югославии.

Из тех переводчиков, которые пробовали свои переводческие силы, многие из них оставили прочный и глубокий след в истории переводной литературы. Первую группу в период между двумя войнами возглавлял зенитист Любиша Мичич (которого помнят как первого переводчика), Густав Крклец (один из самых успешных популяризаторов поэзии Есенина), Милорад М. Пешич (наверное, самый популярный переводчик среди читателей), Кирилл Тарановский (первый, кто сделал подбор стихов в собственном переводе). Вторую волну переводчиков после Второй мировой войны возглавили в будущем ведущие сербские русисты, такие как М. Бабович, Лев Захаров, Миля Стойнич. Драган Неделькович, Савва Пенчич. С середины 60-х, среди ведущих переводчиков будут три упомянутых исследователя поэтики Есенина: М. Сибинович, М. Живанчевич, Н. Бетролино, которые подготовили к печати сначала – Собрания сочинений (1966), а затем и Полное собрание сочинений (1970). Переводы Данило Киша, Слободана Марковича-Маркония, Радивоя Константиновича и Мирослава Топича также внесли значительный вклад в это уникальное издание.

Исследование Вукашина Костича под названием «Сергей Есенин в сербской литературе» (1993) посвящено контактам сербского читателя с творчеством Есенина, переводам, восприятию поэзии Есенина в сербской литературе, а также вопросом влияния творчества Есенина на сербских поэтов. После тщательного имманентного, сравнительно-стилистического и сравнительно-типологического анализа Костич приходит к выводу, что поэтика Сергея Есенина оказала большое влияние на многих наших поэтов, и в первую очередь на Радэ Драинаца (на уровне конфессионального тона), Слободана Марковича (очевидное сходство подтекстовых поэтических импульсов, а также в процессе построения поэтических образов), Мирослава Антича (помимо конфессионального тона, с типологическими совпадениями на тематическом и мотивационном уровне и в контрапунктах стилистических приемов), Стевана Райчковича (помимо общего конфессионального тона, и на уровне лексико-семантического совпадения [Костич, 1993, с. 232-234]).

Современная компаратистика в задачи первостепенной важности включает: перевод литературно-художественного произведения, посредствующего в обмене

литературными ценностями между различными национальными литературами, трансформации оригинала и проблемы толкования и оценки переводного текста; индивидуальне проекци. переводчика, интерпретирующего в собственном духе интенции оригинала; вопросы места переводной художественной литературы в рамках национальной литературной продукции; сравнительное изучение стиля оригинала и перевода при помощи принципов и приемов сравнительной стилистики и стилистической критики; креолизация элементов стиля оригинала и переводчика; проблемы литературного посредничества; вопросы рецепции одной литературы в другую и проблемы литературных связей – в первую очередь *контактных (генетических) и типологических*.

Исходя из того, что современная компаратистика немислима без перевода, мы в общие задачи первостепенной важности включили на первое место вопросы перевода литературно-художественного произведения как самого конкретного посредника между различными национальными литературами, что одновременно является основной формой так называемых контактных связей. Таким образом, открываются и две очередные области сопоставительных исследований: во-первых, вопросы места литературно-художественного перевода в межнациональной литературной коммуникации, и, во-вторых, проблемы трансформации текста оригинала, характер которых зависит от отношения переводчика к оригиналу, отношения обусловленного как объективными, так и субъективными факторами (в первую очередь, различиями между двумя языковыми системами, моделями культур и жанровыми особенностями, равно и профилем самого переводчика и его личными вкусами).

Такой комплекс взаимосвязанных вопросов требует соответствующего комплексного подхода с применением самых разнообразных методологических приемов и таких же комбинированных аналитических процедур: имманентных и сравнительно-стилистических с одной единственной целью – своеобразного толкования и оценки переводного текста. Это имеет особое значение, потому что любой перевод содержит в себе индивидуальную проекцию переводчика, в переводе которого в завуалированном виде содержится индивидуальная интерпретация интенций автора оригинала, так что можно без преувеличений сказать, что любой новый перевод в сущности это одна из возможных интерпретаций оригинала. А это можно реализовать в ряде новых филологических дисциплин, предметом которых является литературно-художественное произведение как целостное единство, как единая словесно-эстетическая структура: в стилистике, имманентной и сравнительной, как лингвистической, так и литературоведческой, в лингвистике и стилистике текста, в прагматике. И все это

реализуется с одной общей целью, чтобы в переводном тексте выявить следы скрещивания элементов стиля оригинала и стиля переводчика, жанрового синкретизма двух различных литератур, равно как и креолизации двух культурных моделей.

Особо подчеркивается значение очередного этапа исследования, который относится к месту и роли переводной литературы в национальной литературной продукции. Это подчеркивает большинство исследователей указанной проблемы, так как таким образом обеспечивается переход к следующему этапу компаратистики, которая настолько широко охватывает, так что прямо ведет к нарратологии и литературному посредничеству. А оттуда - к еще более сложным задачам: к вопросам рецепции и литературным связям – в первую очередь контактными и типологическими.

Мы проиллюстрируем некоторые из этих этапов сравнительно-стилистического анализа на примере одного из презентабельных стихотворений Есенина, из самого раннего периода «Выткался на озере алый свет зари», в трех или четырех переводах на сербский язык (включая и два наших пока еще не опубликованных)

В этом дебюте Есенина, повторим еще раз, в стихотворении, которое он опубликовал в пятнадцать лет, мы ожидали пробу пера начинающего поэта. Однако, оно во многом характерно для всего его творчества, оно антологическое, потому что все в нем выткано из той самой поэтической дерзости, которая свойственна только редким, избранным поэтам. Хотя это не единственное стихотворение из раннего периода с «кольцевой конструкцией», в которой начальный и конечный стихи опоясывают поэтическую сенсацию, но это нетипичная кольцевая композиция, потому что последний стих не повторяется буквально в конце, а перифразирует мотив с начала стихотворения. Кроме того, усилена структура колец: в первом стихе это имплицитная вертикаль, вызывающая трансцендентность («Выткался на озере алый свет зари"»).

В переводе на сербский язык в самом начале возможны два варианта: «Саткала / саткало / на језеру зора / вече / румен лик», потому что заря может быть утренней или вечерней («заря угренняя и вечерняя»). С учетом контекстуального окружения более вероятной является «вечерняя алость», так как тетерев (или глухарь) вечером «плачет» (приглашает) самок в сосновом лесу, равно как и поэтический субъект ожидает встречи с своей возлюбленной вечером. В заключительном стихе появляется оксюморон «веселая тоска», который передает катарсическое состояние поэтического субъекта и в то же время усиливается казусным синонимом «алости зари», вместо «алая заря» («Есть тоска веселая в алостях зари»). Конечная версия перевода заключительного стиха гласила бы: «Има сете веселе сред вечерње зоре», с заменой неуклюжей формы «у румен'ма зоре» предложно-падежной конструкцией «сред вечерње зоре», что дает приблизительно такой

же эффект, что и окказионализм Есенина «в аlostях зари», потому что таким образом посредственно указывается на длительный процесс гаснущего дня со всеми оттенками алости на закате, что вызывает постоянное состояние грустного, печального восторга у наблюдателя и поэтического субъекта.

Фактически речь идет о периферийном явлении в поэзии девятнадцатого века, которое с периферии выдвигается на место одного из важных поэтических приемов: речь идет о высокой частотности использования абстрактных существительных на -ость, которая сказывается в появлении множества индивидуальных неологизмов (в особенности в поэзии Бальмонта), а также о высокой частотности уже ранее известных слов. [Кожевникова, 1986, с. 10-11]. В первую очередь это относится к слову «алость», известному в прозе Карамзина и Тургенева, вынашивавших первые образцы «поэтической прозы», которая (алость) потом позднее, в начале XX века стала весьма популярной. Это слово «алость» (серб. румен) будет употребляться многими русскими поэтами-авангардистами начала прошлого века: А. Блок («ланит живая алость»), Брюсов, Бальмонт, Белый, Сологуб («алость казнящего меча»), Иванов, Волошин («алость роз»), Северянин, Маяковский («Франция, первая женщина мира, губ принесла алость») и, наконец, Есенин в упомянутом стихотворении. Таким образом, в начале прошлого века некоторые поэты последовательно переносили ударение с подлежащего на его атрибут, но таким образом, что эти атрибуты стали самостоятельными словами и использовались вместе с родительным падежом существительного. Однако здесь Есенин внес существенное новшество: выразил сложное чувство «веселой тоски» и передал все алые нюансы утренней или вечерней зари, а существительные «алость» (серб. «румен») употребил во множественном числе, а я, в отличие от других переводчиков, перевел его на предварительном этапе во множественном числе сербского существительного «румен» – «руменима», то есть «румен'ма». («Има сете веселе у румен'ма зоре»).

Существуют три перевода этого стихотворения на сербский язык: первый - Божо Булатовича из 1960 года, второй – фактически вольный перевод Владимира Герича (1962), а третий – Миодрага Сибиновича, опубликованный в Собрании сочинений в 1966 году. Приведем их в хронологическом порядке после оригинального русского текста.

Все это имел в виду автор данного исследования, когда готовился к анализу нескольких переводов на сербский язык стихотворения Сергея Есенина, включая и свой собственный в двух вариантах.

Выткнулся на озере алый цвет зари. Свитање по језеру свилен-концем везе,
На бору со звонами плачу глухари. Тетреби плачу измеђ бора и брезе.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло. И кос негде јеца, тужну пјесму лије,

Только мне не плачется - на душе светло. Мени се не плаче - душа радост крије.

Знаю, выйдешь вечером за кольцо дорог, Знаю, доћи ћеш крај окуке пута,
Сядем в копны свежие под соседний стог. Сјешћеш до стога јечма садјенута.

Зацелую допьяна, изомну как цвет, Љубићу те пјано, ко пољско цвијеће
Хмельному от радости пересуду нет. Мамурног ме нико осудити неће.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты, Шал ћеш ти да скинеш - бићеш гологлава,
Унесу я пьяную до утра в кусты. Носићу те пјану до зелен-дубрава.

И пускай со звонами плячут глухари, Нека плачу птице крај бора и брезе -
Есть тоска веселая в аlostях зари. Весела је туга која зору везе.

1910. 1950. (Божо Булатовић)

Зора везе језером ружичасте руже. Уткала у језеро зраке рујна зора.
Криком у борицима тетребови туже. Кроз звоњаву тетреби јецају са бора.

Негдје плаче жути кос, с туге, скривен, гине. Плаче негде жуња, у дупљи се крије.
Ал мени се не плаче - искрим од ведрине. Само ја сам весео - до плача ми није.

Знам, доћи ћеш пред вече стазом иза клена, Знаю, у сутон ћеш доћи где пут прави рог,
сјест ћемо под свјез навилјак мирисава сијена. У пласт ћемо сести уз суседов стог.

Љубит ћу те до пјанства, гњечити ко свијет; Ко цвет ћу те сколити пољупцима лудим,
тко је пјан од радости - не кара га свијет. Безумном од радости никад се не суди.

Раздрагана, ти ћеш сама свилен вео свући, Ти ћеш сама бацити блузу раздрагана,
однијет ћу те опијену до јутра у прућик. Однећу те пијану у жбуње до дана.

Нека у борицима тетребови туже - Нека плачу тетреби и нека роморе,
то пријатна нека туга зором везе руже. Грца чежња весела у румени зоре.
1962. (Владимир Герић) 1966. (Миодраг Сибиновић)

Готовясь к столетнему юбилею Есенина [Чович, 1996], я сделал первый перевод этого стихотворения из раннего периода творчества Есенина, чтобы использовать только части в анализе первоначальной структуры отдельных поэтических образов молодого поэта. Однако я не опубликовал перевод, но, как всегда бывает с поэзией, я оставил его, чтобы вернуться к нему при первом удобном случае, потому что было ощущение непоследовательности в решении некоторых ключевых мест, а также осознание того, что в нем была затронута. формальная сторона - благозвучная и эвритмическая, но также и неприятное ощущение, что переводной материал для некоторых образов слишком груб, а семантический уровень все еще скован смысловыми рамками оригинала, без более свободной игры мотивами. Все напоминало как добротнo реализованный полуфабрикат, созданный после оперативного проведения предварительных анализов.

*Саткала на води румен одсјај зора.
Звонко плаче тетреб врх обличњег бора.*

*Плаче негде и жуња, у дупљи се крије
У души ми светло сја – до плача ми није.*

*Знам, с вечери бићеш ван села и пута,
Сеићемо на снопље покрај стога жута.*

*Љубићу те страсно, стискати као цвет,
Пијаним од усхита суди л игде свет.*

*Сама ћеш од миља збацит вео доле,
Омамъену однећу у жбуње до зоре.*

*И нека тетреби у борику зборе,
Има сете веселе у румени зоре.
1995. [Б. Човић]*

В таком переводе, после дополнительных строгих и тщательных анализов, может остаться лишь несколько неизменных стихов, и в целом только ритм и, возможно, лишь часть сети рифм. Слишком мало, чтобы предстать перед читателем и отстоять каждый отрезок неизбежного при переводе стихов смыслового сдвига тематико-мотивационной структуры оригинала, его одновременное воспроизведение и переоформление, найти адекватной процедуры построения поэтических образов, а также наиболее близких к нашей поэтической и жанровой традиции стилистического орнамента для чрезвычайно богатого тропами и фигурами оригинала. За этим последовала попытка новой транспозиции с несколько большим изменением формы с еще большим семантическим сдвигом в тематико-мотивной структуре оригинала. Этот этап постепенного, но строго контролируемого отхода от текста оригинала никогда не бывает окончательным, но он является очень важным, потому что от него также зависит финальный этап шлифовки стиха.

*Изаткала дуж језера зора румен лик.
Глухан кроз плач дозивље коке у борик.*

*Плаче негде и жуња - у дупљи се крије,
Кад на души светло сја, суза се не лије.*

Знам, с вечери у пољу, видећу се с тобом,

Сеићемо на откос свеж под суседним стогом.

*Љубићу те трасно, стискати ко цвет,
Пијаном од радости, суди л' игде свет.*

*У заносу остаћеш без свилена вела,
Однећу те у жбуње све до данка бела.*

*И нек кроз плач глухани у борику зборе,
Има сете веселе сред румени зоре.*

2001. [Б. Човић]

Это должно было быть реализовано только после имманентного анализа оригинала, а также трех существующих переводов на сербском языке и рассмотрения каждого из них в отдельности, а также по отношению друг к другу, чтобы перейти к сравнительному анализу трех переводов по отношению к оригиналу.

Все три переводчика приложили значительные усилия для поддержания баланса между поверхностной фактуальной тематико-мотивационной информацией, которая более подвержена трансформации, поскольку ее можно передать «своими словами», равно и этими внутренними, глубинными концептуально-эстетическими – благозвучными и эвритмическими сторонами, а также же образные, которые передают эстетическую информацию в целом, а также гедонистическую, аксиологическую, суггестивную и катартическую, как специфически поэтических [Борев, 1981, с. 132 и сл.]. В этих попытках все переводчики более или менее удалялись от оригинала: они по-своему толковали некоторые загадочные места, интерпретируя их в своем собственном духе, поэтому иногда это были свободные переводы (например, Божо Булатовича) или переводы с небольшими отклонениями от оригинала, но которые логически вытекают из погружения в глубокие слои подтекста (например, переводы Владимира Герича и Миодрага Сибиновича). Правда, местами в поисках рифмы отклонения кажутся нелогичными, но это нисколько не мешает общему благоприятному впечатлению. Это особенно относится ко второму варианту перевода Сибиновича, который еще более впечатляет по сравнению с первым, и читается и воспринимается на одном дыхании, почти без каких-либо эвфонических и эвритмических неровностей.

После них было намного легче подойти к новому и, возможно, лучшему переводу, но не с намерением соревноваться с предшественниками, а прежде всего *in gloriam mundi* всего творчества Есенина, и даже раннего, в котором и на примере одного стихотворения можно угадать будущего великого русского поэта. Единственным несколько более серьезным замечанием для всех переводчиков было бы нарушение оксюморонической

фразы «веселая тоска», которое расшатало конструкцию кольца, опоясывающего поэтическую сенсацию в целом. А это, как нам кажется, не составило труда сохранить в переводе. По крайней мере, для нас это не представляло особой трудности.

Конечно, между двумя вариантами нашего перевода стихотворения Есенина, представленными здесь, было несколько промежуточных фазисов с множеством вариантных решений, которые, конечно, не нашли места в этой работе, потому что это сделало бы ее слишком громоздкой, а анализ претенциозным. В стилистическом сравнительном исследовании очень важно не переборщить и почувствовать момент, когда анализ следует прекратить, чтобы он не стал самоцелью. Однако мы пока не сможем с уверенностью сказать, что наш второй вариант окончательный – инвариантный. А существует ли он вообще и без малейшей дилеммы?

И, наконец, накануне 125-летия со дня рождения довольно долго продолжались нами поиски еще ряда переводных вариантов, на этот раз радикально отличающихся от двух предыдущих, реализованных с значительными семантико-стилистическими сдвигами по отношению к оригиналу. Казалось, на этом кончатся переводческие головоломные игры. Ан нет! Последовал ряд новых вариантов из одной и той же мастерской. Некоторые из них были ближе оригиналу, другие отличались попыткой обнаружить скрытые в подтексте смыслы. Это в первую очередь относится к параллелизму между любовным самозабвением поэтического субъекта и таким же самым, свойственным миру птиц (глухарей и иволг). Все варианты зарождались во время не одной из бессонных ночей, чтобы создался не один из переводных вариантов, а больше.

Разумеется, приводим лишь только начальные и заключительные двустишия этого блестящего первенца Есенина.

1. Изаткала зора по језеру румен лик,
Тетреб плачним кликом зове коке у борик.

Кликће плачно и жуна, у дупљи се крије,
Само у ме светло сја, до плача ми није.

/.../

И нек тетреб у гори жалостиво кликће,
Весела и сетна румен-зора свиће.

-----

2. И нек тетреб нариче сред црнога бора,
Весело и сетно свиће румен-зора.

-----

3. И нек тетреб нариче сред зелене горе,
Има сете веселе у румени зоре.

Каждый из этих переводных двустиший можно по-разному защищать и успешно защитить. Всем моим нынешним и будущим студентам предоставляю возможность самостоятельно выбрать вариант по собственному духу и слуху.

Список литературы:

Борев Ю. Эстетика. /Юрий Борев. Москва, 1981.

Кожевникова Н.А. Словообразование в русской поэзии XX века. / Н.А. Кожевникова. М., Наука, 1986.

Јесењин Сергеј. Целокупна дела. Пето издање. Књ. 1. /Сергеј Јесењин Београд: Рад, 1977.

Јесењин Сергеј. Сабрана дела. Књ. 1. / Сергеј Јесењин. Београд: Народна књига – Култура, 1966.

Костић Вукашин. Сергеј Јесењин у српској књижевности. /Вукашин Костић. Ниш, Просвета, 1993.

Човић Бранимир. Јесењинова “сложена једноставност”: Летопис Матице српске, књ. /Бранимир Човић. Нови Сад, 1995.

References:

Borev YU. Ehstetika. /Yurii Borev. Moskva, 1981.

Choviћ Branimir. Јесењинова “slozhena jednostavnosT”: Letopis Matitse srpske, књ. /Branimir Choviћ. Novi Sad, 1995.

Јесењин Сергеј. Целокупна дела. Пето издање. Књ. 1. /Сергеј Јесењин Београд: Рад, 1977.

Јесењин Сергеј. Сабрана дела. Књ. 1. / Сергеј Јесењин. Београд: Народна књига – Култура, 1966.

Kozhevnikova N.A. Slovoobraehovanie v russkoj poehzii XX veka. / N.A. Kozhevnikova. M., Nauka, 1986.

Чович Лариса Ивановна
Панъевропейский университет «Апеирон»
г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина)

Chovich Larisa
Pan-European University "Apeiron"
Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

ЭРГОНИМЫ С РУССКИМИ РЕАЛИЯМИ В СЕРБИИ И РЕСПУБЛИКЕ СЕРБСКОЙ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

ERGONYMS WITH THE RUSSIAN REALIA IN SERBIA AND THE REPUBLIC OF SRPSKA AND WAYS OF THEIR TRANSLATION INTO SERBIAN

В настоящей статье представлен анализ структурно-языковых, семантических и функциональных параметров знаковых эргонимов с русскими реалиями на территории Сербии и Республики Сербской и способы их перевода (передачи) на сербский язык. Выявлена специфика семантики и функций эргонимов с русскими реалиями в Сербии и Республики Сербской; рассмотрены функционирующие языки в эргонимической лексике Сербии и Республики Сербской. После проведенного исследования автор приходит к выводу, что важность такого типа исследования заключается непосредственно в использовании полученных знаний в будущей профессиональной деятельности в сфере туризма, при переводе текстов в сфере рекламы, культуры и медиа, также при знакомстве с местными культурными и историческими объектами, и в пополнении лексики новыми активными словами, терминами и выражениями.

This article provides an analysis of the structural, linguistic, semantic and functional parameters of iconic ergonomics with Russian realia on the territory of Serbia and the Republic of Srpska and the ways in which they are translated into Serbian. The specifics of semantics and functions of ergonomics with the Russian realia in Serbia and the Republic of Srpska have been revealed. The functioning languages in the ergonomic vocabulary of Serbia and the Republika Srpska were examined as well. On the basis of this research, the author concludes that the importance of this type of research lies directly in the application of the obtained knowledge in future professional activity in the field of tourism, in the translation of texts in the field of advertising, culture and media as well as while getting familiar with local cultural and historical objects, and in enriching the vocabulary with new active words, terms and expressions.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, эргоним, транслитерация, транскрипция, калькирование.

Key words: linguistic landscape, egonym, transliteration, transcription, calcification.

Русские реалии в сербском лингвистическом ландшафте были представлены на ноябрьской конференции 2020 года, цель которой – анализ структурно-языковых, семантических и функциональных параметров знаковых эргонимов с русскими реалиями Сербии и Республики Сербской и способы их перевода (передачи) на сербский язык.

Понятие «лингвистический ландшафт» появилось сравнительно недавно, и, может быть, поэтому существует много синонимов. Это: «языковой ландшафт», «городской текст», «лингвистическое градоведение», «лингвистический пейзаж», «лингвогеография», «лингвистический ареал» и так далее. В данном докладе используется именно термин

лингвистический ландшафт, рассматривающийся и как совокупность определенных текстов и наименований, представленность языков в общественном пространстве, так и непосредственно как область изучения и исследования соответствующих языковых единиц, выполняющих определенные функции и конкретные задачи и в городской, и в сельской средах. Объектом данного исследования являются эргонимы, обладающие рядом функций, отличающие их специфику. К ним относятся: номинативно-выделительная (назывная) функция, информативная, рекламная, эстетическая, мемориальная и функция охраны собственности [Емельянова, 2007].

Номинативно-выделительная функция является важнейшей для любого эргонима. Несомненно, любое заведение не может функционировать без своего собственного названия, с помощью которого люди могут его идентифицировать. Важно отметить, что название должно отличать объект от большого числа других подобных объединений, чтобы реципиенты смогли его дифференцировать. То есть эта функция эргонима может быть охарактеризована как идентификационно-дифференцирующая. С появлением множества новых организаций и компаний различного функционального характера возникает необходимость номинации появляющихся объектов. И, конечно, от правильно выбранного названия для объекта может напрямую зависеть успешная деятельность предприятия.

Информативная функция также важна для потенциального реципиента названия. Любое название наполнено определенной информацией, при первом же прочтении эргоним предоставляет все основные сведения о том или ином объекте, а именно дает представление о специфике и сфере деятельности организации, указывает месторасположение, обозначает предлагаемые товары или услуги, ориентирует на предполагаемого клиента [Емельянова, 2007].

Называя вновь появившиеся городские и сельские объекты, необходимо найти различные пути рекламирования и что-то новое, привлекающее внимание и воздействующие на потенциальных клиентов и покупателей, создать интересные и запоминающиеся эргонимы, то есть конкретные наименования деловых объединений людей, учреждений, корпораций, кружков, предприятий, обществ, памятников и заведений. Именно поэтому одна из основных задач эргонима заключается в привлечении внимания и влиянии на потенциального адресата, так выполняется рекламная функция эргонимов, ведь они по своей сути являются рекламными именами (за исключением, например, некоторых общественных организаций, городских учреждений, учебных заведений). А. М. Емельянова в своей работе приводит следующее определение: «рекламные эргонимы – это собственные имена рекламного характера, принадлежащие

внутригородским объектам, объединенным функцией реализации товаров и услуг» [Емельянова, 2007]. Безусловно, подобные названия создаются для того, чтобы заинтересовать клиентов или покупателей, для более успешной реализации товаров или услуг в рамках деятельности объекта номинации.

Немаловажно отметить тот факт, что выбор учреждения, обращение в ту или иную организацию может зависеть от того, как звучит название и как оно в целом может быть воспринято реципиентом. Эстетическая функция эргонима заключается в благозвучности названия и его способности вызывать положительные ассоциации у жителей города. Зачастую звучные названия получают предприятия или организации бытового обслуживания (кафе, рестораны, гостиницы, отели, салоны, сервисные центры и так далее).

Мемориальная функция эргонимов связана с внутренней формой названия, которая может быть заранее запрограммирована с определенной целью. То есть они могут отражать в названии имена учредителей, исторических личностей или использовать всеобщие известные названия каких-либо объектов, что может служить фактором успешности и доверия со стороны клиентов и покупателей [Емельянова, 2007].

Необходимость функции охраны собственности обусловлена современной обстановкой на рынке, появлением множества частных фирм и организаций и конкуренцией между ними, поэтому внутренняя форма становится обязательным элементом семантической структуры наименования. Зачастую даже с законодательной точки зрения возникает необходимость контролировать появление новых названий, как в городском, так и в сельском пространствах [Емельянова, 2007].

Описанные выше функции эргонимов занимают важное значение в ономастическом пространстве города и деревни. Несомненно, эффективность эргонима зависит от степени соответствия картине мира, ценностей, ожиданий потенциальных покупателей и клиентов. Также можно сказать, что полифункциональность эргонима определяет его успешность. Чем больше функций заложено в названии объекта, тем успешнее и привлекательнее оно может быть для посетителей, так название выполняет несколько задач в рамках различных функций.

Таким образом, наряду с экономическими и социальными изменениями и процессами глобализации в современных реалиях наблюдается развитие обширного пласта наименований, оказывающими влияние на эти процессы. Неотъемлемым компонентом лингвистического ландшафта является эргономия, представленная уже существующими и вновь появляющимися названиями различных заведений учреждений, организаций, названиями улиц. Эргонимы являются именами собственными, так как

обладают всеми отличительными признаками таких лексических единиц, но в тоже время характеризуются отдельными специфичными для них свойствами и функциями, которые являются необходимыми именно в городском и деревенском пространствах.

Сфера изучения лингвистического ландшафта довольно широка: рассматривается языковая ситуация с точки зрения социологии, социальной психологии, социолингвистики, психолингвистики и этнолингвистики. Один из наиболее важных аспектов в исследовании лингвистического ландшафта представляет собой воздействие всевозможных вывесок, рекламных объектов и названий на носителей различных языков в полиэтническом пространстве города и деревни [Пешкова, 2018].

Языковые и речевые особенности элементов (в данном случае эргонимов) языкового ландшафта прямым образом влияют на восприятие и понимание информации потенциальным реципиентом. Социально-ориентированный текст, созданный с определенной целью и направленный на определенную аудиторию для его восприятия, решает основные психологические задачи: привлечение внимания к тексту, оптимизация его восприятия, принятия его содержания [Пешкова, 2018, с. 109], поэтому Н. П. Пешкова выделяет следующие задачи текста в лингвистическом ландшафте:

- *привлечение и удержание внимания адресата;*
- *формирование установки на успешное восприятие;*
- *обеспечение ориентации адресата в ситуации поликультурной среды как внеязыковой, так и языковой* [Пешкова, 2018, с. 110].

Результаты работ таких лингвистов, как С. Тульп, Д. Монье, Б. Спольски и Р. Л. Купер стали основами метода описания лингвистического ландшафта и вызвали большой научный интерес у лингвистов для дальнейших разработок [Кирилина, 2013, с.159-160].

Так, в ноябре 2020 года в АНО ВО «Российском новом университете» (РосНОУ) совместно с Общероссийской общественной организацией «Союза переводчиков России», Национального общества прикладной лингвистики и Панъевропейским университетом «Апеирон» (Босния и Герцеговина) при информационной поддержке Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина была проведена Международная научно-практическая конференция «Осенние коммуникативные чтения – 2020: Лингвистический ландшафт как механизм государственной политики», которая была проведена в рамках реализации проекта «Лингвистический ландшафт как механизм государственной политики: социокультурные и коммуникативные аспекты» № 20-011-31742/20 при финансовой поддержке РФФИ, где были рассмотрены и обсуждены актуальные проблемы из этой области, унифицирована терминология из области Лингвистический ландшафт.

Данный доклад является продолжением исследования русских реалий в сербском лингвистическом ландшафте, представленного на ноябрьской конференции 2020 года, цель которого – анализ структурно-языковых, семантических и функциональных параметров знаковых эргонимов с русскими реалиями в Сербии и Республики Сербской и способы их перевода (передачи) на сербский язык

Для достижения поставленной цели решались следующие *задачи*:

- выявление специфики семантики и функций эргонимов с русскими реалиями в Сербии и Республики Сербской;
- рассмотрение функционирующих языков в эргонимической лексике Сербии и Республики Сербской.

Предметом исследования являются языковые, семантические и функциональные особенности эргонимов, обозначающих русские реалии, в Сербии и Республики Сербской.

Методы исследования данной работы: структурное описание исследуемых объектов, метод компонентного анализа, сопоставительный анализ и обобщение полученных результатов.

Как уже выше сказано, в настоящем докладе попытаемся описать несколько эргонимов, обозначающих русские реалии, которые представляют особую значимость для жителей Сербии и Республики Сербской.

Один из таких эргонимов Республики Сербской с рядом русских реалий – это уникальное место недалеко от города Биелина, единственный в своем роде этнографический комплекс «Станишичи», о котором даже местные сербы говорят: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Его хозяин, серб Станишич в своем интервью с российским журналистом, рассказал, что после вооруженного конфликта в БиГ (1992-1995 годы) он был вынужден покинуть свой родной край в окрестностях Сараево и переселиться в Биелину (боснийский город на границе с Сербией), где постарался воссоздать не только свое родовое село, особенности культуры и даже горной местности, но и представил понравившиеся и ставшие родными ему русские реалии, показывая тесные культурные и исторические связи русского и сербского народов. Результатом его этнографических изысканий стала деревня «Станишичи». Владелец этого этнографического комплекса видит определенное сходство жизненных устремлений у народов, населяющих Российскую Федерацию и Балканы. «На мой взгляд, россиян и балканские народы, в частности сербов, объединяют любовь к собственной земле, традиции ухода за которой тщательно хранились в селах и деревнях, прививались из поколения в поколение, – отметил он. – В 20 веке в силу различных причин по нашему укладу жизни был нанесен

серьезный удар. В этой связи в качестве важной задачи я вижу возрождение того образа жизни, который несла деревня: в плане нравственности, культуры, традиций, и самое главное - уважения к труду». Станишич также выразил мнение большинства сербского населения относительно международного сотрудничества. «Республика Сербская всегда тяготела к России. Нам не нужен Запад и тем более НАТО. Необходимо провести референдум по данному вопросу, результаты которого заранее известны и не понравятся ни в Вашингтоне, ни в Брюсселе. Мы, как и всегда, выберем Россию и будем полагаться на Москву», – резюмировал бизнесмен.

«Для нас – сербов Россия – это Мать! Поэтому на территории создаваемого мной и единомышленниками села имеются подтверждающие данную констатацию символы: отели Москва и Санкт-Петербург – нынешняя и бывшая российские столицы, а также зал Волга, названный в честь реки, отражающей кровеносную систему русского народа, несущей православие по всей территории Великой страны», – подчеркнул Станишич.

В русском стиле отстроен целый монастырский комплекс, в котором находятся кузница, зернохранилище, деревянные дома, в которых представлены экспозиции старинной мебели, будничной и праздничной одежды крестьян, предметы быта и разнообразная утварь, а также рабочие инструменты, которыми пользовались ремесленники, действующая водяная мельница. Это действующий монастырь Святого Николая с частицами мощей Святого Николая Чудотворца и императора Уроша Пятого. Имеется небольшая деревянная церковь-крестильня, построенная по образцу одной русской православной церкви на Аляске. Купель выполнена в форме креста.

Кроме того, в Станишичах есть поезд *Пушкин*, который посетителей возит по территории этого огромного туристического комплекса и знакомит с достопримечательностями. Русскоязычные жители бывшей Югославии и туристы обеих стран: и России, и Югославии - хорошо помнят пресловутый (знаменитый?) туристический поезд *Пушкин*, который за 48 часов доставлял их или в Москву, или в Белград.

О Станишичах знают не только жители Сербии и Республики Сербской, но и все приезжающие туристы в эти страны (но и все туристы, приезжающие в эти страны?), именно поэтому вывески – названия улиц, отелей, залов даны на сербском, с использованием сербской кириллицы, и на английском языках. Интересно отметить, что история жизни владельца дана и на сербском, и на русском, и на английском языках, то есть функционирует здесь три вышеперечисленных языка. Следует отметить, все необходимые функции эргонимов, имеющих русские реалии, в лингвистическом ландшафте этно села Станишича реализованы в той мере, как того требует заданная

ситуация. Это функции: идентификационно-дифференцирующая, информативная, рекламная, эстетическая, мемориальная и функция охраны собственности.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что и здесь, в этно-селе Станишичи лингвистический ландшафт представляет интерес с точки зрения представленности языков, из взаимодействия в городской и сельских средах. Не случайно в этом этнографическом селе Станишичи эргонимы лингвистического ландшафта обладают различными способами воздействия на реципиентов, и использованы методы привлечения и удержания внимания адресата, равно как и обеспечение ориентации адресата в ситуации поликультурной среды при создании туристического текста. Процессы глобализации, которые влекут за собой изменения в функционировании языков, оказывают определенное влияние на лингвистический ландшафт (повсюду надписи не только на сербском, но и на английском языке).

Таким образом, эргонимы с русскими реалиями в этом этнографическом селе Станишичи представлены: названиями отелей, залов для торжеств (Москва, Санкт-Петербург, Волга); церковей, монастыря и действующего туристического поезда, которые не требуют перевода на сербский язык, так как специфика их семантики прозрачна и поэтому несмотря на то, что типичными способами перевода эргонимов являются транскрипция (воспроизведение звуковой формы слова), транслитерация (воспроизведение графической формы, буквенного состава) и дословный перевод, в данном случае применяется только калькирование.

II. И еще хочется представить один знаковый памятник, находящийся в Косовской Митровице. Вообще-то в Сербии, как и в Республики Сербской имеется много памятников русским писателям Пушкину, Толстому, Достоевскому (в Белграде, Нови-Саде), царю Николаю Второму. Но в Косовской Митровице имеется особый памятник – памятник русскому консулу Григорию Степановичу Щербине. Это уже четвертая по счету установка памятника русскому консулу в Косовской Митровице, расположенной на севере Косово. Последний памятник стоял ранее в южной части города и был демонтирован албанцами в 1999 году после прихода войск НАТО. Сейчас памятник установлен в северной (сербской) части Косовской Митровицы неподалеку от моста через реку Ибар. Более ста лет назад, в марте 1903 года, от рук албанских фанатиков пал русский консул в Косовской Митровице Григорий Степанович Щербина¹⁸.

---

¹⁸ В 1928 году в Косовской Митровице от имени благодарных горожан и офицеров гарнизона был поставлен памятник Григорию Степановичу. В годы Второй мировой войны памятник пострадал, в ходе натовской агрессии против Сербии в 1999 году и изгнания сербов из Косово и Метохии он был уничтожен албанскими фанатиками — памятник находился в албанской части Митровицы. Теперь историческая справедливость восторжествовала.

Косовомитровские сербы назначают место встречи, ласково называя его «Рус»: «Код Руса», и памятник служит центром ориентации местных жителей во всем городе: «Право од Руса», «Хотел поред Руса» и так далее. Надпись на памятнике сделана на сербском языке кириллицей. Перевод отчества и фамилии дан методом транслитерации: *Степанович Шчербина*, а имя переведено по аналогии с сербским вариантом этого имени *Глигорије - Григорије*, то есть отчество и фамилия переводится - буквенным соответствием, а имя по аналогии.

В современных условиях глобализации лингвистический ландшафт города может быть представлен названиями улиц, магазинов, ресторанов, офисов, различных учреждений, организаций и так далее. Посредством этих компонентов происходит повседневное использование и функционирование языков в коммуникативном пространстве.

Важность такого типа исследования заключается непосредственно в использовании полученных знаний в будущей профессиональной деятельности в сфере туризма, при переводе текстов в сфере рекламы, культуры и медиа, также при знакомстве с местными культурными и историческими объектами, в пополнении лексики новыми активными словами, терминами и выражениями.

«С тех пор, как назначен русским консулом в Шкодре господин Щедрина, исключительно благодаря его мощной защите, мы, шкодрянские сербы, не имеем повода жаловаться на местное турецкое правосудие. (...) Со времени приезда к нам господина Щедрина, смело можем сказать, что мы – полновластные хозяева своего имущества. Русский консул защищает нас от тех злодеев-мироедов, которые раньше привыкли жить на чужой счет. Кроме того, русский консул помогает материально здешним беднякам без различия вероисповедания. Он внёс крупную сумму в городскую кассу для бедных. Он же энергично препятствует переходу православных в магометанство. По его требованию уволен от службы местный полицейский пристав, угнетавший христиан. Обязанные своим благосостоянием русскому консулу, мы приносим сердечное своё спасибо ему как великому благотворителю и славянскому патриоту». Занимая пост вице-консула в Скутари, Щербина исполнял одновременно обязанности министра-резидента в Цетинье — столице Черногории. Его деятельность в этой должности получила горячее одобрение и личную симпатию черногорского князя Николая Первого Негоша. 7 мая 1902 г. Россия открыла консульство в Косовской Митровице. Оно стало первым европейским диппредставительством в этом городе. Консулом был назначен Григорий Щербина. Щербина прибыл в Митровицу в январе 1903 г. На новом посту он пробыл всего 10 недель. Местные албанцы встретили Машкова и Щербину с резким раздражением. «До сих пор в Митровице не было консулов – не должно быть и в будущем!» И местный албанский «авторитет» Иса Болетини объявил митровицким сербам, что любой сербский дом, предоставленный под консульскую резиденцию, будет сожжён! «Я водворяюсь в Митровице с большими трудностями: отношение ко мне албанского населения продолжает быть открыто враждебным и меня предупредили из Посольства о готовящемся против меня заговоре.» - писал Щербина 12 февраля 1903 г. Григорий Щербина не смог арендовать дом под консульство, откуда османские власти не вызвали Болетини в Стамбул[5]. А 18 марта 1903 г., во время албанского бунта в Косовской-Митровице, Щербина был смертельно ранен отбашой (ефрейтором) 17-го турецкого пехотного полка Ибрагимом бенг-Халидом (этническим албанцем) и умер в ночь с 26 на 27 марта (10 апреля по новому стилю) 1903 года[6]. Останки высокообразованного патриота перевезли на родину. Щербина был похоронен у стен черниговского Свято-Троицкого собора. Часовня с телом Щербины находится недалеко от мошей преподобного Лаврентия (через стену Троицкого собора). На ней имеется металлическая табличка с краткой надписью: «Щербина Григорий Степанович погиб в Сербии в 1903 году.(https://otzovik.com/review_5678518.html).

Перспектива дальнейших исследований довольно широка, постоянный интерес лингвистов к изучению эргонимов обусловлен изобилием материала для исследования и анализа благодаря росту и развитию городов и сел, появлению новых учреждений, компаний, заведений, фирм, организаций и предприятий различного функционального характера.

Список литературы:

Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / А. М. Емельянова. Уфа, 2007. 170 с.

Кириллина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации / А. В. Кириллина // Вестник ТвГУ. Тверь, 2013. №24, с. 159 – 167.

Пешкова Н.П. Исследование городского лингвистического ландшафта как способа межкультурного взаимодействия в полиэтническом социуме / Н. П. Пешкова [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/issledovanie-gorodskogo-lingvisticheskogo-landshafta-kak-sposob-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-v-polietnicheskom-sotsiume>, дата обращения 03.11.2018.

Пешкова Н.П. Лингвистический ландшафт полиэтнического города: особенности вербального воздействия / Н. П. Пешкова [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/lingvisticheskii-landshaft-polietnicheskogo-goroda-osobennosti-verbalnogo-vozdeystviya>, дата обращения 04.11.2018.

References:

Emel'yanova A.M. Ehrgonimy v lingvisticheskom landshafte poliehtnicheskogo goroda (na primere nazvanii delovykh, kommercheskikh, kul'turnykh, sportivnykh ob"ektov g. Ufy): dis. ... kand. fil. nauk: 10.02.19 / A. M. Emel'yanova. Ufa, 2007. 170 p. (In Russian).

Kirilina A.V. Opisanie lingvisticheskogo landshafta kak novyi metod issledovaniya yazyka v ehpokhu globalizatsii / A.V. Kirillina // Vestnik TVGU. Tver', 2013. №24, p. 159–167. (In Russian).

Peshkova N.P. Issledovanie gorodskogo lingvisticheskogo landshafta kak sposoba mezhkul'turnogo vzaimodeistviya v poliehtnicheskom sotsiume / N.P. Peshkova [Electronic resource] // Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/issledovanie-gorodskogo-lingvisticheskogo-landshafta-kak-sposob-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-v-polietnicheskom-sotsiume>. (In Russian).

Peshkova N.P. Lingvisticheskii landshaft poliehtnicheskogo goroda: osobennosti verbal'nogo vozdeistviya / N. P. Peshkova [Electronic resource] // Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/lingvisticheskii-landshaft-polietnicheskogo-goroda-osobennosti-verbalnogo-vozdeystviya>. (In Russian).

Шебаршина Дарья Юрьевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Shebarshina Daria
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

КОМПЛЕКСНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ

COMPLEX TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION

В настоящее время мы наблюдаем, как искусственный интеллект все глубже и глубже проникает во все сферы нашей жизни, нашего знания, нашего опыта. Так самообучающиеся нейронные сети для осуществления, в частности, синхронного перевода, становятся революционной разработкой, потенциально вытесняющей человека из самого процесса перевода. Тем не менее, неоднократные, в значительной степени неуспешные эксперименты с цифровым интеллектом в синхронном переводе показали, что на настоящий момент искусственный интеллект не может заменить интеллект человека в этой сфере деятельности. Так, один из существенных факторов, позволяющих человеку противостоять «натиску» нейронных сетей в синхронном переводе, - это комплексные трансформации, которые на данный момент неподвластны цифровым технологиям.

Nowadays we can clearly see the effect of digitalization on all fields of our life, our knowledge and our experience. In such a way, self-learning neural networks capable of performing simultaneous interpreting become a revolutionary development potentially out-competing a human being in this process. Nevertheless, multiple mostly unsuccessful experiments with artificial intelligence (AI) in simultaneous interpreting have demonstrated that AI cannot replace human intelligence for the time being. One of the essential factors behind it are complex transformations that neural networks cannot translate as of now.

Ключевые слова: конкуренция интеллектов, интеллект человека, искусственный интеллект, трансформация, комплексная трансформация, контекст, расширенный контекст.

Key words: competition of intelligences, human intelligence, artificial intelligence, transformation, complex transformation, context, broader context.

В прошлом десятилетии в машинном переводе произошла революция - появились самообучающиеся нейронные сети. Так, в частности, в синхронном переводе с помощью искусственного интеллекта стало использоваться устройство автоматизированного распознавания речи с ее последующим преобразованием в цифровую информацию. Далее данная информация синтезируется в речь [Can Artificial Intelligence Translate Your Next Multilingual Meeting, Электронный ресурс, 2020]. Так для более точного выбора слов для перевода используется контекст всего исходного предложения, а также контекст всех предыдущих предсказанных слов. Именно в этом основное отличие нейронных систем от систем, основанных на отдельных фразах, в которых контекст ограничен предыдущими 4-7 словами [Матусов, Электронный ресурс, 2019]. Несмотря на видимые достижения в разработке самообучающихся нейронных сетей все же существует целый ряд факторов, в которых искусственный интеллект уступает интеллекту человека.

Один из таких факторов – комплексные трансформации. В целом, переводческая трансформация – это такой процесс перевода, в ходе которого система смыслов, заключенная в речевых формах исходного текста, воспринятая и понятая переводчиком в силу его компетентности, трансформируется естественным образом вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода [Гарбовский, 2007, с. 366]. Так как при переводе сопоставляются не отдельные слова и формы, а целостные смысловые сегменты, составляющие единое понятийное целое, то необходимо более подробно остановиться на таком типе переводческих трансформаций, как комплексные или смешанные трансформации. Комплексные трансформации – это целый ряд разноплановых трансформаций, при которых результирующее предложение текста перевода передает общую идею предложения текста оригинала, но трудно выделить единицы соответствия как конкретные эквиваленты компонентам исходного предложения [Яковлева, 2017]. Российский учёный В.Н. Комиссаров в своей работе «Теория перевода» называет комплексными лексико-грамматические трансформации, которые сопровождаются описательным переводом, антонимическим переводом и компенсацией [Комиссаров, 1990, с. 183-186]. Если В.Н. Комиссаров относит вышеупомянутые процессы перевода к лексико-грамматическим трансформациям, то И.Я. Рецкер в своей книге «Теория перевода и переводческая практика» антонимический перевод и компенсацию определяет как сугубо лексические трансформации [Рецкер, 1974, с. 48-52]. Исходя из этого примера, можно сделать вывод, что между разными видами трансформаций нет чёткого разграничения, одинаковые трансформации могут относиться к разным типам, считаться как лексическими, так и грамматическими, а в сочетании друг с другом принимать характер сложных комплексных переводческих трансформаций.

Прежде чем обозначить трудности, которые представляют данные трансформации для машинного перевода с помощью нейронных сетей, дадим примеры использования человеком подобных трансформаций при переводе.

1. Антонимический перевод – это лексико-синтаксическая трансформация, при которой осуществляется замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную. При этом, единица ИЯ заменяется в ПЯ единицей с противоположным значением. «В рамках антонимического перевода единица ИЯ может заменяться не только прямо противоположной единицей ПЯ, но и другими словами и сочетаниями, выражающими противоположную мысль» (Комиссаров, 2002:165). Пример:

1. No fue fácil [1.1]¹⁹. – Нам было очень сложно [1.2].

Пример антонимического перевода испанского предложения на русский, в котором отрицательная структура преобразована в утвердительную.

2. Authority and authoritarian powers seek to collapse the values, the systems, and alliances that prevented conflict and tilted the world toward freedom since World War II [2.1]. – Авторитарные власти стремятся низводить ценности и альянсы, которые не допускали конфликтов и вели мир в направлении свободы с Второй мировой войны [2.2].

Здесь же, наоборот, наблюдается преобразование утвердительной единицы ИЯ в отрицательную единицу ПЯ.

3. Al frente de estos esfuerzos está una sociedad decidida a salir adelante, más fuerte que nunca [3.1]. – Именно общество в этой ситуации проявило себя с лучшей стороны [3.2].

В данном примере отрицательная структура ИЯ «más fuerte que nunca» (буквальный перевод - «никогда ранее не было столь сильным») преобразована в утвердительную структуру в ПЯ «проявило себя с лучшей стороны».

4. To describe them all would take up more time than have at my disposal, and I shall therefore dwell on only three core programmes [4.1]. – Я не могу описать все эти программы – у меня нет для этого времени сейчас; я сосредоточусь на трех основных программах [4.2].

Пример антонимического перевода английского предложения на русский, в котором утвердительная структура преобразована в отрицательную. В добавление к этой трансформации, предложение на русском языке содержит еще одно преобразование: конверсную трансформацию, о которой речь пойдет далее. В самом деле, подлежащее «To describe» в ИЯ становится частью сказуемого «не могу описать» в ПЯ. Таким образом, происходит смена синтаксической функции слов.

2. Экспликация или описательный перевод служит для передачи значения единицы ИЯ при помощи более-менее распространенного объяснения. Сущность трансформации заключается в преобразовании внутренней формы слова или словосочетания, или полной ее замене для адекватной передачи содержания высказывании. Пример:

1. The Philippines, as ASEAN Chairman this year, looks forward to commencing negotiations on the long-overdue code of conduct in West Philippine Sea/South China Sea [5.1]. – Филиппины в качестве председателя АСЕАН в этом году надеются на

---

¹⁹ Здесь и далее см. материалы исследования. N.B.: особенности нумерации материалов, например, 1 – выступление на оригинальном языке, 1.1 – перевод выступления (2 и 2.2, 3 и 3.3 и т.д.).

успешные переговоры по кодексу поведения в Западно-Филиппинском/ Южно-Китайском море. Уже давно нужно было принять этот кодекс [5.2].

Во фразе на ИЯ у переводчика возникают сложности с переводом прилагательного «long-overdue», для которого не существует прямого эквивалента на ПЯ. Синхронист принимает решение ввести новое предложение, растолковывающее значение вышеупомянутого прилагательного. Таким образом, здесь мы наглядно видим использование приема экспликации.

2. If the UN is to remain relevant and effective, it must also become "fit-for-purpose" [6.1].

– если ООН хочет сохранить свою релевантность и эффективность, то она должна укреплять свой потенциал с тем, чтобы решать свои задачи [6.2].

При переводе прилагательного на ИЯ "fit-for-purpose" синхронист обращается к приему экспликации, поскольку не существует прямого эквивалента данному слову в ПЯ. Описательный перевод позволяет раскрыть смысл исходного слова на ПЯ: «укреплять свой потенциал с тем, чтобы решать свои задачи».

3. Конверсная трансформация – это «такое преобразование исходной фразы, в результате которого получается новая фраза, отображающая то же самое, что и исходная фраза – отношение между элементами ситуации действительности, но описывающая это отношение с другого конца» [Латышев, 1981, с.185-186]. При конверсной трансформации меняется структура предложения, лексическая составляющая, синтаксические функции слов и словосочетаний. Именно актуальное членение предложения обуславливает необходимость использования конверсной трансформации. По определению Матезиуса, актуальное членение предложения определяется как «членение предложения в контексте на исходную часть сообщения - тему (данное) и на то, что утверждается о ней - рему (новое)». «Основные элементы актуального членения — предложения- это исходная точка (или основа) высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания» [Матезиус, 1967]. Пример:

1. If complacency defines the next 13 years then we are in danger of losing control [7.1]. –Если предстоящие 13 лет пройдут без результата, то мы потеряем контроль над ситуацией [7.2].

Преобразование прямого дополнения «the next 13 years» в подлежащее «предстоящие 13 лет» включает в себе прием конверсной трансформации, характеризующейся изменением синтаксической функции слов предложения.

2. Ni siquiera para los ricos, habrá la prosperidad que se anuncia, sin detener el cambio climático [4.1]. – Даже богатые не смогут наслаждаться своим изобилием, если не остановить изменение климата [4.2].

В синхронном переводе замена косвенного дополнения «para los ricos» подлежащим «богатые» помогает переводчику снизить вероятность ошибиться в лексической и/или грамматической сочетаемости.

3. Never has it been more urgent to preserve humanity's future [8.1]. – Задача сохранения человечества никогда не была столь насущной [8.2].

Расхождения, ассоциируемые с актуальным членением предложения в представленной паре языков, обуславливают конверсную трансформацию. Данный переводческий прием предполагает замену структуры предложения на ПЯ: инверсия, типичная для синтаксического строя английского языка, преобразована в прямой порядок слов в русском языке.

4. Добавление – лексико-грамматическая трансформация, при которой в текст перевода вводятся дополнительные единицы. Подобная трансформация обусловлена рядом причин: различиями в структуре предложения, синтаксической перестройкой структуры предложения при переводе, отсутствием слова или соответствующего лексико-семантического варианта в языке перевода, необходимостью передачи в тексте перевода значений, выражаемых в подлиннике грамматическими средствами. Как отмечает Л.С.Бархударов, одной из причин, вызывающей необходимость лексических добавлений в тексте перевода, является формальная невыраженность семантических компонентов слова или сочетания ИЯ. [Бархударов, 2008 с.240]. Пример:

1. I would like to remind him that on 9 December 2015, when I was in Islamabad for the Heart of Asia conference, a decision was made by his leader Mian Nawaz Sharif, then still Prime Minister, that dialogue between us should be renewed and named it a "Comprehensive Bilateral Dialogue" [7.1]. – Я хочу напомнить ему, что 9 декабря 2015 года, когда я была в Исламабаде на конференции «Сердце Азии», было принято решение его лидером, Мианом Навазом Шарифом, который тогда был премьер-министром, о том, что диалог между нами необходимо возобновить. И он был назван двусторонний всеобъемлющим диалогом [7.2].

Из вышеизложенного примера видно различие в структурах английского и русского языков. Английское предложение синтаксически более сжато, нежели предложение на языке перевода, соответственно, в русском языке подобное предложение требует более развернутого выражения мысли. Так, единицы ИЯ «then still Prime

Minister», преобразуются в развернутое предложение «который тогда был премьер-министром».

2. Esto supone la realización de un proceso regular de consultas y coordinación interinstitucional del que participan el Gobierno, la academia, la sociedad civil, el sector privado y los organismos internacionales, de cara al cumplimiento de los Objetivos de Desarrollo Sostenible [9.1]. – Регулярная координация была налажена на межучрежденческом уровне: участвуют и правительство, и частный сектор, и научные учреждения, а также различные международные структуры. И все это делается в целях реализации Целей Устойчивого Развития [9.2].

В данном случае употребление приема добавления «И все это делается в целях реализации Целей Устойчивого Развития» необходимо, поскольку переводчик прибегает к синтаксической перестройке предложения. В самом деле, сложное предложение на языке оригинала можно составить и успешно донести до аудитории благодаря грамотной паузации и просодии. В русском языке сложные предложения должны быть согласованы, отказ от согласования повлечет за собой нарушение синтаксических норм предложения. Именно этим обусловлено использование приема добавления в вышеизложенном предложении.

5. Опускание – лексико-синтаксический прием, прямо противоположный добавлению. В ходе такого преобразования семантические компоненты исходного высказывания, имеющие лексическое выражение, оказываются семантически избыточными и опускаются. Опускания вызываются разными причинами: исключением избыточных слов из текста перевода, «сжатием» исходной единицы. Пример:

1. Del mismo modo, exhortamos a todos los países a evitar escaladas verbales que siempre anteceden, a lo largo de la Historia, a tragedias mayores [9.1]. – Мы также призываем все страны избегать риторической гонки, которая всегда приводила к трагедии [9.2].

Вводная фраза текста оригинала «a lo largo de la Historia» («на протяжении всей истории человечества») оказывается семантически избыточной, поскольку слово «siempre» («всегда») в полной мере передает смысл данного высказывания. Это позволяет синхронисту опустить данную вводную конструкцию при переводе на русский язык.

3. We have registered a voluntary commitment of 30% of all the waters under Maltese jurisdiction as Marine Protected Areas [8.1]. – Мы добровольно взяли на себя обязательства сделать 30% наших вод морским охраняемым районом [8.2].

Пример содержит прием опущения, которым синхронный переводчик воспользовался для сжатия исходной единицы благодаря расширенному контексту. Так, исходное развернутое словосочетание «30% of all the waters under Maltese jurisdiction»

(«30% всех вод под ведомством Мальты») компенсируется до словосочетания «30% наших вод». Так, переводчик максимально сокращает словосочетание, при этом не допуская семантических потерь.

Здесь мы видим два случая обращения к приему опущения. В первом случае, испанское слово «consultas» оказывается избыточным – значение этого слова передается через синонимичный термин «coordinación». Во втором случае, при перечислении однородных подлежащих переводчик опускает одно из них – «la sociedad civil» («гражданское общество»), в результате чего, в тексте перевода мы можем наблюдать семантическую потерю.

Таким образом, примеры употребления в переводе комплексных трансформаций позволяют нам сделать следующий вывод: использование таких трансформаций при переводе – это целое искусство. Переводчик предстает перед нами в качестве творца (при антонимичном переводе и конверсных преобразованиях), учителя (при экспликации), наконец, редактора (при добавлении и опущении). Так переводчик способен прибегать к разным стратегиям и брать на себя совершенно разные функции. Что же искусственный интеллект «в лице» нейронных сетей?

Как уже отмечалось выше, нейронные сети используют расширенный контекст при переводе. Но как они выбирают определённый контекст? Для осуществления этого процесса используются определенные алгоритмы. Благодаря вписанным в систему алгоритмам система просто пытается сначала закодировать исходное предложение в абстрактный набор чисел — а потом декодировать из чисел слова, но уже на другом языке. «Дочитав» предложение до конца, причем одновременно и слева направо, и справа налево, нейросеть начинает декодировать — и предсказывать слова перевода, причем каждое предсказанное слово используется для предсказания следующего. Тем самым именно просчитанные алгоритмы, имеющие определенные векторы «внимания» позволяют использовать контекст всего исходного предложения, а также контекст всех предыдущих предсказанных слов [Матусов, Электронный ресурс, 2019].

Однако, комплексные или лексико-синтаксические трансформации предполагают не только лексический выбор, который алгоритмы нейронных сетей способны осуществлять, но и нетипичную синтаксическую перестройку предложения, подчеркивающую индивидуальность оратора. Изменение синтаксиса предложения в ходе данных трансформаций представляет собой более сложную задачу, так как должны быть запрограммированы и «введены в эксплуатацию» иные алгоритмы. Специалисты в области систем перевода на базе искусственного интеллекта отмечают, что основная

проблема подобного перевода заключается в воспроизведении синтаксиса исходного языка в предложении на целевом языке.

Таким образом, комплексные трансформации, предполагающие избрание своеобразных переводческих стратегий, образность, творческий подход и оригинальность мышления можно назвать Ахиллесовой пятой искусственного интеллекта. Данные трансформации наряду с другими факторами позволяют синхронному переводу сохранять «человеческий лицо». Одновременно с тем, для разработчиков нейронных сетей – это вызов и перспектива развития на ближайшие десятилетия.

Список литературы:

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М., 2008. 240 с.
Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2007. 544 с.
Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. / В.Н. Комиссаров. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
Комиссаров В.Н. Теория перевода: (Лингвистические аспекты) – М.: Высш. шк., 1990. 250 с.
Латышев Л.К. Курс перевода: (эквивалентность перевода и способы ее достижения.) М.: Междунар. отношения, 1981. 246 с.
Матезиус Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. Издательство прогресс. Москва, 1967.
Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.

References:

- Barhudarov L.S.* Yazyk i perevod: Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda. M., 2008. 240 p. (In Russian).
Garbovskij N.K. Teoriya perevoda: Uchebnik. M.: Izd-vo Mosk. Un-ta, 2007. 544 p. (In Russian).
Komissarov V.N. Sovremennoe perevodovedenie. / V.N. Komissarov. M.: ETS, 2002. 424 p. (In Russian).
Komissarov V.N. Teoriya perevoda: (Lingvisticheskie aspekty) M.: Vyssh. shk., 1990. 250 p. (In Russian).
Latyshev L.K. Kurs perevoda: (ekvivalentnost' perevoda i sposoby ee dostizheniya). M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1981. 246 p. (In Russian).
Matezius Prazhskij lingvisticheskij kruzhek. Sbornik statej. Izdatel'stvo progress. Moskva, 1967. (In Russian).
Recker Ya.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. 216 p. (In Russian)

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET)

- Матусов Е. Нейронные сети в машинном переводе: статус-кво, 2019 [Электронный ресурс]: <https://sysblok.ru/nlp/nejronnye-seti-v-mashinnom-perevode-status-kvo/>
Яковлева Т.А., Сулова Л.В. Комплексные трансформации при переводе с английского языка на русский // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс]: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017033366>
Can Artificial Intelligence Translate Your Next Multilingual Meeting? 2020 [Electronic resource]: <https://kudoway.com/blog/can-artificial-intelligence-translate-your-next-multilingual-meeting/>
Matusov E. Nejronnye seti v mashinnom perevode: status-kvo, 2019 [Elektronnyj resurs]: <https://sysblok.ru/nlp/nejronnye-seti-v-mashinnom-perevode-status-kvo/> (In Russian)

Yakovleva T.A., Suslova L.V. Kompleksnye transformacii pri perevode s anglijskogo yazyka na russkij // Materialy IX Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum» [Elektronnyj resurs]: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017033366> (In Russian)
Can Artificial Intelligence Translate Your Next Multilingual Meeting? 2020 [Electronic resource]: <https://kudoway.com/blog/can-artificial-intelligence-translate-your-next-multilingual-meeting/>

Материал исследования:

1.1 Palabras del Presidente de la República de Colombia, Juan Manuel Santos, ante la Asamblea General de la Organización de las Naciones Unidas en el 72 periodo de sesiones. Nueva York. 19 de Septiembre de 2017.

1.2 Речь президента Колумбии, Хуана Мануэля Сантоса, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 19 сентября 2017 года.

2.1 Statement by His Excellency Donald Trump, president of the United States of America, at the 72 session of the UN General Assembly, New York, September 19, 2017.

2.2 Речь президента США, Дональда Трампа, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 19 сентября 2017 года.

3.1 Intervención de S.E. Luis Videgaray Caso, ministro de Relaciones Exteriores de México, ante el plenario de la 72 Asamblea General de las naciones Unidas. Nueva York. 21 de Septiembre de 2017.

3.2 Речь министра иностранных дел Мексики, Луиса Витегарая Касо, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 21 сентября 2017 года.

4.1 Intervención del Ministro de Relaciones Exteriores de la República de Cuba, Bruno Rogriguez Parrilla en el 72 período de sesiones de la Asamblea General de la ONU. Nueva York. 22 de Septiembre de 2017.

4.2 Выступление министра иностранных дел республики Кубы, Бруно Родригеса Парильи, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 22 сентября 2017 года.

5.1 Statement of Secretary Alan Peter S. Cayetano at the 72nd session of the General Debate of the United Nations General Assembly, New York. 23 September 2017.

5.2 Выступление министра иностранных дел Филиппин, Алана Питера Каetano, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 23 сентября 2017 года.

6.1 Statement by his Excellency Dr Vivian Balakrishnan, Minister for Foreign Affairs of the Republic of Singapore at the 72nd session of the General Debate of the United Nations General Assembly, New York. 23 September 2017.

6.2 Выступление министра иностранных дел Сингапура, доктора Вивиана Балакришнана на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 23 сентября 2017 года.

7.1 General Debate of the 72nd Session of the United Nations General Assembly Address by Minister of External Affairs of India Smt. Sushma Swaraj 23 September 2017.

7.2 Речь министра иностранных дел Индии, Сушмы Сварадж, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 23 сентября 2017 года.

8.1 Statement by His Excellency Joseph Muscat, prime minister of the Republic of Malta, at the 72 session of the UN General Assembly, New York, September 22, 2017.

8.2 Речь премьер-министра Мальты, Джозефа Муската, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 22 сентября 2017 года.

9.1 Palabras del ministro de Relaciones Exteriores de Uruguay, Rodolfo Nin Novoa, ante la Asamblea General de las Naciones Unidas. Nueva York. 25 de Septiembre de 2017.

9.2 Речь министра иностранных дел Уругвая, Родольфа Нин Новoa, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 25 сентября 2017 года.

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ

Басова Мария Владимировна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Basova Maria
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ДИСЦИПЛИНА «ДЕЛОВОЙ ЭТИКЕТ» В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

BUSINESS ETIQUETTE FOR FOREIGNERS STUDYING IN RUSSIAN

В статье рассматриваются особенности преподавания дисциплины «Деловой этикет» в иноязычной аудитории (уровень владения русским языком B1+). Автор объясняет важность существования данной дисциплины, приводит основные темы курса, отдельно отмечает недавно сложившийся деловой этикет дистанционного общения; рассуждает о сложностях преподавания лекционного курса для большого количества учащихся и о важности индивидуального подхода. Далее предлагает к рассмотрению несколько творческих заданий для рабочих групп, сформированных из потока студентов. Необходимость выполнения таких заданий в команде развивают определённые профессиональные и общие навыки у учащихся, мотивирует их к вовлечению в учебный процесс, пробуждает интерес к дисциплине.

The article deals with the peculiarities of teaching the discipline "Business etiquette" for foreigners studying in Russian (B1+ Russian language proficiency level). The author explains the importance of this discipline, gives the main topics of the course, highlights the recently developed business etiquette of online communication, discusses the difficulties of teaching a course to a large group of students and the importance of an individual approach. Several creative assignments for student workgroups are then offered for consideration. The need to perform such tasks as a team develops certain professional and general skills in students, motivates them to get involved in the learning process, and sparks their interest in the discipline.

Ключевые слова: деловой этикет, деловое общение, дистанционное образование, лингвокультура, межкультурная коммуникация, компетенция, профессиональное общение, русский язык как иностранный.

Key words: business etiquette, business communication, distance education, linguoculture, intercultural communication, competence, professional communication, Russian as a foreign language.

Между людьми постоянно происходит взаимодействие, налаживаются коммуникативные процессы, выстраиваются отношения. Конечно, это происходит абсолютно во всех сферах жизни, в том числе, и в деловой. Деловая среда обладает определёнными нормами и правилами, а также специфическими особенностями, которые необходимо знать и чувствовать для того, чтобы коммуникативные акты были успешными. Знание этих правил и норм, особенностей делового этикета помогает

наладить необходимые связи, установить контакты, гармонично встроиться в работу. Немаловажно и то, что деловое общение и деловой этикет имеют свои национальные и этнические лингвокультурные особенности.

Поэтому знание делового этикета совершенно необходимо студентам-иностранцам (и вообще иностранцам). Учащиеся должны освоить достаточно объемный материал, научиться ориентироваться в различных ситуациях делового общения, принимать и соблюдать нормы и правила, свойственные определённым особенностям культур разных этнических групп, расширить кругозор.

В рамках дисциплины «Особенности делового этикета» студенты получают теоретические знания об основных общепринятых положениях делового этикета и протокола, их историческом значении в жизни общества; формируют практические умения и навыки, позволяющие реализовать этикетные правила в различных деловых ситуациях, необходимых для эффективного осуществления международных контактов, для проведения официальных и деловых мероприятий; повышают свой уровень в знании общей протоколочно-этикетной культуры.

Данной проблематикой занимаются специалисты в области лингвистики и культурологии, психологии и социологии: Формановская Н.И., Акишина А.А, Клобукова Л.П, Хавронина С.А., Котане Л.В., и многие другие уважаемые авторы. По вопросам делового этикета написано огромное количество разнообразных трудов, рассмотрено множество аспектов, сформулированы задания разного рода.

Курс делового этикета изучается на разных факультетах и в современных организациях. Обычно его содержание достаточно стандартно, оно различается отдельными подтемами (часто в зависимости от специализации обучающихся). В курсе можно встретить такие темы, как:

- Деловой этикет в системе культуры (здесь рассматривается само понятие этикета, сущность, возникновение и история, вербальные и невербальные средства общения, основные принципы и культура делового этикета);
- Этикет деловых отношений (понятие этичности речи, обращение на «ты» и «Вы», разбираются коммуникативные фреймы: приветствие, представление, прощание, характеристика и принципы использования этикетных формул, тонкости соблюдения субординации, правила гендерного делового общения);
- Визиты и приёмы (гастрономический этикет, виды встреч вне офиса, обмен подарками, корпоративные мероприятия);

- Основы риторики (официально-деловой стиль в устной речи, средства выразительности, культура речи в деловом общении);
- Публичное выступление (подготовка, план, способы удержания внимания аудитории, управление аудиторией);
- Деловая беседа (виды и структура деловой беседы, переговоры, совещание);
- Особенности делового национального этикета (основные принципы, особенности делового этикета в странах Юго-Восточной Азии, Западной Европы, США и т.д., этикет «межкультурных» переговоров с представителями разных стран, особенности визитов официальных и частных делегаций России в зарубежные страны);
- Внешний вид человека (самопрезентация, понятие дресс-кода, стили допустимой одежды, аксессуаров);

Также в последние годы делается упор на особенности этикета делового дистанционного общения. Сюда часто включают способы коммуникации посредством телефонных разговоров, факса (не так часто используемого на Западе, но ещё сохранившегося в странах Азии, например, в Японии) и сети Интернет. Разъясняется этикет общения с использованием мобильного телефона, правила использования и применения мобильной связи. Уделяется внимание деловой переписке (по электронной почте), структуре и оформлению писем, оформлению поздравлений, рекомендаций, резюме и другой документации, изучаются нормы деловой письменной речи. В том числе рассматриваются особенности коммуникации в электронно-цифровой среде, этические требования к общению в социальных сетях и мессенджерах (Твиттер, Инстаграмм, Фейсбук, ВКонтакте, Телеграмм, What'sApp, Viber, WeChat и т.д.).

В связи с увеличивающимся процентом людей, переходящих на удалённую работу, в вышеозначенную тему постепенно включаются такие вопросы, как формирование правильного впечатления и репутации в онлайн-среде, сохранение личных границ, подготовка к видеоконференции, оформление рабочего места в зоне видимости, дресс-код, этикет общения во время видео- и аудиообщения.

Во многих случаях курс «Делового этикета» организован в виде лекций для большого потока студентов. По итогам обучения учащиеся сдают реферативные работы или эссе. Но для иностранных студентов такой подход кажется не совсем целесообразным, так как далеко не все из них успевают осмыслить особенности делового этикета, в частности, разобраться в нормах и правилах поведения, присущих разным лингвокультурам в, казалось бы, привычных ситуациях; распознать тонкости в обращениях, характерных для русской лингвокультуры («ты-Вы», фамилия / имя / имя и

отчество и т.д.), осознать универсальные культурные нормы. Многие студенты открывают для себя не просто новые слова на изучаемом языке, но и непосредственно новую информацию, которую нужно сопоставить со своим мироощущением и встроить в свою картину мира, а иногда и смириться с таким положением вещей.

Конечно, в аудитории с количеством студентов, превышающим 50, 100 и более человек сложно представить себе относительно индивидуальный подход к обучению. В сложившейся на сегодня ситуации часть учебного процесса (а в некоторых случаях и весь учебный процесс) адаптируется к дистанционному формату. В данном случае перед нами открываются разнообразные возможности цифровой среды, включение в обучение разных платформ. Безусловно, и раньше многие обращались к такого рода формам, но сейчас мы практически полностью заключены в онлайн-формат.

Для того чтобы сформировать интерес, мотивировать студентов, активно вовлекать их в образовательный процесс, мы предлагаем к каждой теме или подтеме (в зависимости от количества часов, отведённых на данную дисциплину) подобрать небольшое задание. Задание следует выполнять в рабочей группе. Для этого в самом начале курса преподавателю стоит разделить поток студентов на подгруппы (методы разделения можно предложить самые простые: по алфавитному перечню, по спискам академических групп, по гендерному признаку, хотя это может быть проблематично). Количество студентов в одной рабочей группе преподаватель должен определить заранее, соразмерно возможным задачам в одном творческом задании, чтобы у студентов была возможность в равной мере проявить свои способности и в равной степени быть ответственными за выполнение задания. Также должны быть чётко разъяснены критерии оценивания выполненного задания, потому что каждое задание оценивается определённым количеством баллов.

В рамках статьи мы бы хотели предложить несколько тем с творческими заданиями для рабочих групп.

Одна из тем, обычно встречающихся в курсе делового этикета, – это внешность человека и понятие «деловой самопрезентации». В данную тему входит изучение этикетных требований к внешнему виду и манерам делового человека, стилей деловой одежды, видов возможной повседневной одежды, униформы, национальных традиций делового костюма.

Студентам в рамках данной темы рассказывается, что в каждой компании существует определённый дресс-код и то, какая форма одежды к нему может относиться, что существуют особые случаи — различные мероприятия, для которых может быть установлен разный дресс-код. Если вас пригласили на вечеринку-барбекю у бассейна, одеваться нужно соответственно — строгий костюм в такой ситуации не подойдёт, но не

подойдѣт и открытая пляжная одежда. Элегантность и строгость — вот главное правило для таких не совсем формальных мероприятий. Помните, что любая вечеринка с коллегами или партнерами — все равно работа. Проявляйте умеренность в еде, выпивке, разговорах и веселье. Также существует так называемый пятничный дресс-код (что можно себе позволить надеть в данном случае), демонстрируются образцы деловой одежды, свойственные разным культурным кодам.

Описание проектного задания.

- **Цель** данного задания заключается в том, чтобы проверить, как студенты усвоили полученный материал, повторить с ними наименования предметов гардероба, аксессуаров, материалов, цветов (в том числе и цветовую символику).
- **Ожидаемый результат:** заранее сформированной рабочей группе (или несколькими группам в зависимости от количества студентов) на выбор предлагается несколько ситуаций, например: подобрать костюм для обычного рабочего дня в офисе; выбрать комплект одежды для пятничного дресс-кода в офисе; собраться на рабочее мероприятие (фуршет/деловой приём); определить наряд для корпоративной вечеринки и т.д.

В зависимости от выбранной ситуации (подготовить комплект одежды для определенного случая) студенты должны обсудить детали гардероба и аргументированно предложить свои варианты. В итоге все участники должны остановиться на одной капсуле, объяснив, почему именно такой комплект наиболее соответствует ситуации. Остальные слушатели задают вопросы про другие предметы одежды (почему они неуместны в данной ситуации). Вопросы из аудитории также можно оценивать в баллах.

- **Техническое решение:** сайт <https://jamboard.google.com/> , доска Miro, PowerPoint (и аналоги).
- **Организация работы:** студенты получают задание в конце занятия и уже на следующем занятии группы демонстрируют полученные капсулы в течение 3-5 минут. Критерии оценки: комплект соответствует правилам, представленным на предыдущем занятии; правильно названы все предметы и цвета; каждый член рабочей группы участвовал в презентации, выразил своё мнение.
- **Предполагаемые трудности:** так как данная форма задания предполагает работу в группе (и оценивается, в первую очередь, именно слаженность такой работы, равный вклад в выполнение), преподаватель может столкнуться с незаинтересованностью в командной работе некоторых членов группы. Также возможен выход за временные рамки в момент презентации задания (может

сыграть свою роль неустойчивое интернет-соединение, уровень знания языка, боязнь публичных выступлений и т.д.). Одной из проблем может стать слабое понимание темы или даже различие культурных взглядов на правила дресс-кода в типовых ситуациях.

Рис 1.

Пример рабочего листа с составлением гардероба для выбранной ситуации. Студенты могут воспользоваться доской и наполнением, предложенными преподавателем, а могут самостоятельно наполнить лист элементами и уже из них сформировать капсулы. Данный лист был создан на платформе <https://jamboard.google.com/>

Другой темой, не менее актуальной в рамках курса делового этикета, является тема «Приёмы и визиты как часть деловой культуры». В неё включён разбор гастрономического этикета, приглашение на мероприятие и вежливый отказ, разные виды мероприятий, такие как деловой завтрак, обед и ужин, подбор сувениров и уместных подарков, правила их вручения и т.п.

Студенты осваивают материал, включающий тему «Как подготовиться к мероприятию». В качестве примера можно привести организацию деловых переговоров: что такое деловые переговоры, за какой срок нужно приглашать деловых партнёров, сколько человек и в каких должностях должны участвовать в переговорах, какая сторона определяет место проведения переговоров. Далее следует рассказать, из каких частей состоит подготовка к переговорам, каковы детали этой подготовки, на что стоит обратить внимание. А чтобы не потеряться в многообразии тонкостей, в большом потоке информации и быть организованными, можно использовать чек-листы: чек-лист (check-list) - это контрольный список дел или задач, который нужно выполнить или проверить. Составив его, студенты смогут отметить то, что уже выполнено. И сразу увидеть, что ещё осталось сделать.

Описание проектного задания.

- **Цель** описываемого задания: научить студентов самоорганизации и разделению обязанностей в командной работе; действовать в соответствии с согласованным планом, заботиться о деталях, не упускать из виду важное.
- **Ожидаемый результат:** рабочей группе предлагается составить чек-лист для организации одного из мероприятий: составить чек-лист подготовки к деловым переговорам (приглашение партнёров, место встречи, организация коммуникации, завершение мероприятия), составить чек-лист организации делового приёма, составить чек-лист организации корпоративной вечеринки. Студенты должны разделить между собой деятельность по блокам и каждый подробно описывает последовательность и сроки выполнения своих действий. Например: один из участников должен составить список вопросов, предусмотреть все детали перед встречей (сколько приглашено гостей, будут ли дамы, есть ли курящие среди приглашённых и т.п.), другой участник готовит зал, где будет проходить встреча (сколько необходимо стульев, какова рассадка, именные таблички, вода, работает ли кондиционер, настроена ли техника, функционирует ли проектор, есть ли в зале жалюзи и др.). Таким образом, без информации первого участника второй не сможет выполнить свою часть задания. Каждый участник группы должен быть частью команды.
- **Техническое решение:** сайт <https://my.365done.ru/> , <https://www.canva.com>
- **Предполагаемые трудности:** освоение цифровых платформ (в т.ч. недоступность на территории некоторых стран, например, КНР); отсутствие командной работы (нет разделения обязанностей); выход за временные рамки, трудности передачи сути материала в сжатом виде.

<p> ПЛАНИРОВАНИЕ</p> <hr/> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Сформулировать цели мероприятия ☐ Понять масштаб ивента ☐ Выбрать формат события: оффлайн или онлайн ☐ Определить портрет аудитории / гости ☐ Придумать концепцию мероприятия ☐ Рассчитать бюджет ☐ Выбрать дату и время ☐ Составить тайминг ☐ Собрать и забрифовать команду ☐ Составить технический сценарий ☐ Найти экспертов или артистов ☐ Выбрать платформу для планирования события <p> ПОДГОТОВКА</p> <hr/> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Собрать контакты команды ☐ Составить сценарий мероприятия ☐ Найти площадку ☐ Заказать оформление площадки ☐ Заказать кейтеринг ☐ Арендовать оборудование ☐ Открыть регистрацию или продажу билетов ☐ Сделать креативы для анонсирования и рекламы ☐ Анонсировать событие в социальных сетях ☐ Подготовить рекламные кампании ☐ Выбрать клининг-службу ☐ Подготовить гардероб или рейлы для одежды ☐ Составить навигацию по площадке для гостей ☐ Оборудовать зону отдыха для команды ☐ Предусмотреть фотозоны или виртуальные фоны ☐ Подготовить договоры и счета на оплату <p> ПРОВЕРКА ОБОРУДОВАНИЯ</p> <hr/> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Звук установлен и работает ☐ Видео транслируется и записывается ☐ Свет настроен ☐ Компьютеры и смартфоны заряжены полностью ☐ Есть резервный источник энергоснабжения ☐ Есть обогреватели / кондиционеры ☐ Интернет-соединение работает без сбоев ☐ Есть альтернативные способы выйти в интернет ☐ Выбрана и оплачена онлайн-платформа для трансляции ☐ Регистрация и авторизация для онлайн гостей доступны ☐ Противопожарное оборудование под рукой 	<p> КОМАНДА</p> <hr/> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Технический директор ☐ Продюсер ☐ Менеджер по работе с экспертами ☐ Ведущий, эксперты и артисты ☐ Команда кейтеринга ☐ Команда для контроля на входе ☐ Фотограф ☐ Маркетолог / SMM-специалист ☐ Работники сцены ☐ Сотрудники службы безопасности ☐ Хэлперы и ассистенты на площадке <p> В ДЕНЬ МЕРОПРИЯТИЯ</p> <hr/> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Оборудование доставлено на площадку заранее ☐ Команда прибыла на площадку заранее ☐ Площадка оформлена ☐ Экспертам и артистам заказаны машины / такси ☐ Проведена финальная проверка звука и видео ☐ Онлайн-трансляция настроена и работает ☐ Хостес на месте ☐ Есть место / человек для работы с обратной связью и вопросами гостей ☐ Охрана проинструктирована и находится на месте ☐ Клининг прибыл вовремя ☐ Участники события понимают, где что находится ☐ Команда следит за соблюдением расписания <p> ПОСЛЕ СОБЫТИЯ</p> <hr/> <ul style="list-style-type: none"> ☐ На площадке чисто ☐ Оборудование сдано ☐ Фотоотчёт получен ☐ Запись трансляции сохранена ☐ Пост-отчёт опубликован ☐ Фото и видео отправлены участникам ☐ Гонорары выплачены команде ☐ Счета и закрывающие документы переданы в бухгалтерию <p> ДЛЯ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ</p> <hr/> <ul style="list-style-type: none"> ☐ Получить разрешение на проведение ☐ Пройти проверку на пожарную безопасность ☐ Договориться о дежурстве бригады скорой помощи
--	--

Рис 2.

Пример чек-листа «Как организовать мероприятие»

И ещё одно задание, которое мы хотим описать в данной статье, относится к теме цифрового этикета. Эта тема постоянно обновляется и дорабатывается, обрастает новыми особенностями и деталями, появляются новые платформы для коммуникации в сети. Первые правила были сформулированы в 90-х гг., вот один из списков, сформулированный Вирджинией Ши в её книге «Нетикет» (1994 г.):

- 1. Помните, что вы говорите с человеком, а не с компьютером, и можете его ранить.
- 2. Придерживайтесь тех же правил и стандартов поведения, которых вы придерживаетесь в реальной жизни.
- 3. Учитывайте, где вы находитесь в киберпространстве: нетикет меняется на разных площадках.
- 4. Уважайте время и трафик других людей: не заставляйте никого тратить их попусту.

- 5. Позаботьтесь о том, как вы «выглядите»: пишите грамотно о том, в чем разбираетесь, и будьте вежливы.
- 6. Делитесь вашим опытом и знаниями.
- 7. Держите под контролем конфликтные ситуации.
- 8. Уважайте чужую частную жизнь и не читайте чужую переписку.
- 9. Не злоупотребляйте вашей властью.
- 10. Прощайте людям ошибки: когда-то вы тоже были новичком.

Далее рассматриваются достоинства и недостатки удалённой работы, можно привести статистические данные и провести опрос среди студентов: что кажется им удобным или неудобным в дистанционном формате. Следует обсудить, из чего складывается удалённая работа, на что необходимо обращать внимание, как меняется (или не меняется) цифровой этикет в сравнении с этикетом в «живой» коммуникации. Попросить составить свои правила делового этикета в сети. Они могут включать в себя:

- **Рабочее время** (в дистанционном формате сохраняется официально назначенное рабочее время, если иное не установлено руководителем; в другом случае работник сам определяет своё рабочее время и при этом укладывается в установленные сроки исполнения задач);
- **Рабочее место.** Грамотная организация этого пространства помогает поддерживать порядок в мыслях. Это относится и к порядку в аккаунтах на различных платформах для коммуникации: Zoom, Skype, 8x8, Discord и т.п. Следует установить фото (портрет) в хорошем качестве, написать полное имя);
- **Пунктуальность** (подключение к видеоконференциям, выполнение заданий в заранее установленный срок, сдача отчётов, презентаций, планов);
- **Обращение «ты – Вы».** (При формальном общении соблюдается субординация и уважительное отношение, в том числе и посредством обращения на «Вы». Согласно культурным правилам, на «Вы» следует обращаться ко всем лицам, достигшим 14 лет. Но всегда перед общением стоит уточнить, как лучше обращаться к собеседнику, определить правила коммуникации);
- **Цифровой этикет.** Переписка по электронной почте, в мессенджерах, социальных сетях, корпоративных чатах требует вежливости и грамотности. Не стоит забывать о ритуальных фразах приветствия и прощания, соблюдать правила пунктуации и использовать прописные буквы. Если нужно прикрепить документ, назовите файл так, чтобы собеседник сразу понял, о чём идёт речь.
- **Стиль общения.** Работая из дома, следует помнить, что вы всё равно находитесь в рабочем процессе, поэтому необходимо сохранять официально-

деловой стиль общения с коллегами, руководством, партнёрами и клиентами. Разумеется, запрещено использовать ненормативную лексику;

- **Дресс-код.** Многим кажется, что удалённый формат работы предполагает более лояльные требования к одежде, возможно, это действительно так: сотрудникам допустимо использовать стиль casual в одежде вместо строгого дресс-кода. Совсем переходить на домашний стиль одежды неуместно, как минимум, потому что более строгая одежда сохраняет рабочий настрой).

После освоения данной темы можно предложить студентам выполнить следующее задание:

Описание проектного задания.

- **Цель** задания заключается в том, чтобы студенты создали интеллект-карту по теме «Цифровой этикет» для лучшего погружения в материал и его запоминания.
- **Ожидаемый результат:** заранее сформированная рабочая группа, ориентируясь на материалы занятия и на личный опыт, представляет свою интеллект-карту по теме «Цифровой этикет» с примерами в каждом ответвлении.
- **Техническое решение:** платформа <https://coggle.it/> <https://mind42.com/>
- **Организация работы:** метод создания интеллект-карт появился ещё в 60-х годах XX века. Интеллект-карта (ментальная карта, mind map) — метод организации идей, задач, концепций и любой другой информации. Ментальные карты помогают визуально структурировать, запоминать и объяснять сложные вещи. Например, записать тезисы выступления или составить учебный план, зафиксировать мозговой штурм идей проекта. С помощью интеллект-карты можно распланировать бюджет, уместить информацию, подготовить конспект доклада, презентации, принять решение, разрешить проблему. Человек гораздо лучше воспринимает информацию через иллюстрации и небольшие фрагменты текста. Первоначально, конечно, интеллект-карты строились на бумаге (например, на листе формата А3), теперь стали популярны разные платформы, позволяющие рисовать такие карты на компьютере (например, доска Miro, Mind42, MindMeister или Cooogle). Из каких шагов состоит процесс подготовки интеллект-карты?

В ядре (основе) лежит кратко сформулированная тема, проблема или вопрос. На карту наносится текст с характерной иллюстрацией. Далее следует определить, где будет располагаться центральная часть, а где периферия карты. От ядра расходятся «ветви» подтем – это второй уровень карты. Отметьте его определённым цветом и проиллюстрируйте каждую часть. Начните выстраивать третий уровень карты, выделяя его уже другим цветом и сопровождайте иллюстрациями (это могут быть не конкретно

картинки, но и эмодзи, символы, разные линии, фигуры – выбирайте то, что ассоциируется с данным фрагментом). Во время составления карты можно испытать разные эмоции (любопытство, страх, удивление, интерес) – это наши помощники, они подскажут, на что и как нужно обратить внимание. Отметьте это на интеллект-карте. Соблюдайте иерархию ветвей, добавляйте новые цвета и ассоциативные связи, старайтесь использовать короткие слова и фразы (отдавайте предпочтение словам, а не сочетаниям).

Особенно удачно, если преподаватель сам использует метод создания интеллект-карт в своей работе – преподносит часть материала в соответствии с наглядной схемой. Таким образом, студенты перманентно наблюдают разные виды ментальных карт, и им будет намного легче подготовить свою карту по теме «Цифровой этикет».

- Студенты получают задание в конце занятия и на следующем занятии группы демонстрируют и «прочитывают» свои карты в течение 5-7 минут. Критерии оценки: количество блоков (не менее 5); примеры; вовлечённость каждого члена группы (своя зона ответственности у каждого).
- **Предполагаемые трудности (как и в двух предыдущих заданиях):** освоение платформ (в т.ч. недоступность на территориях некоторых стран, но обычно везде имеются аналоги); отсутствие командной работы (нет разделения обязанностей); выход за временные рамки.

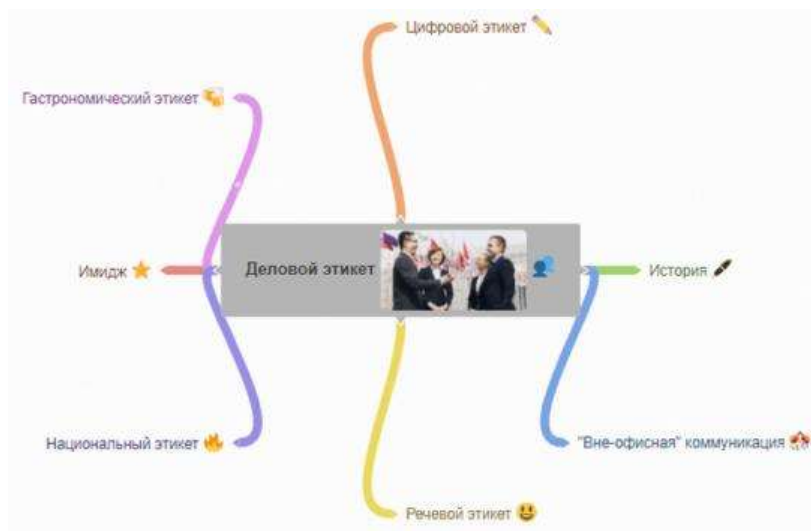

Рис 3.

Пример начала ментальной карты по теме «Деловой этикет»

Таким образом, возможно организовать более индивидуальный подход к обучению материалам курса по деловому этикету даже в большом потоке учащихся. Студенты почувствуют себя не просто слушателями, но участниками учебного процесса и даже, в некоторой мере, лекторами. В таких условиях учащиеся развивают не только свои основные профессиональные навыки, изучают русский язык в контексте определённой

дисциплины, но и практикуют так называемые «гибкие» навыки (soft skills), которые в современном мире ценятся работодателями порой даже выше, чем «жесткие» навыки (hard skills).

Список литературы:

- Азимов Э.Г., Шукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
- Акишина А.А.* Этикетные выражения в русском языке: Учебное пособие для иностранных учащихся / А.А. Акишина, Н.И. Формановская, Т.Е. Акишина. – М.: Русский язык. Курсы, 2016. – 248 с.
- Бер, Е.* Хорошие манеры и деловой этикет. Иллюстрированное руководство / Елена Бер. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 168 с.: ил.
- Верещагин Е.М.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров.– Москва: Русский язык, 1983. – 269 с.
- Вос Е.* Этикет на «удаленке». Как правильно общаться с коллегами, партнерами и начальством онлайн / Е. Вос — «Эксмо», 2020
- Капкан М.В.* Деловой этикет : учеб. пособие / М. В. Капкан, Л. С. Лихачева ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 168 с.
- Козлова Т.В.* Начало. Начальный курс русского языка для делового общения (с комментариями на английском языке), часть 1 / Т.В. Козлова, И.В. Курлова, М.В. Кульгавчук; под редакцией Т.В. Козловой. – М.: Русский язык. Курсы, 2007. – 192 с.
- Ли Ц.* Культурные основы обучения: Восток и Запад [Текст] / пер. с англ. А. Апполонова, Т. Котельниковой; под науч.ред. С. Филоновича; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2015. – 464 с.
- Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю.* Коммуникативная эффективность делового общения. Монография. Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. Ростов н/Д, 2015. – 168 с.
- Соловьёв Э.А.* Современный этикет. Деловой и международный протокол. М. 2010 г. – 320 с.
- Shea V.* “Netiquette”, San Francisco, 1997. – 159 p.

References:

- Azimov E.H. G., Shchukin A. N.* Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam). – M.: Izdatel'stvo IKAR, 2009. – 448 s. (In Russian)
- Akishina A.A.* Ehtiketnye vyrazheniya v russkom yazyke: Uchebnoe posobie dlya inostrannykh uchashchikhsya / A.A. Akishina, N.I. Formanovskaya, T.E. Akishina. – M.: Russkii yazyk. Kursy, 2016. – 248 s. (In Russian)
- Ber, E.* Khoroshie manery i delovoi ehtiket. Illyustrirovannoe rukovodstvo / Elena Ber. — M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2014. – 168 s.: il. (In Russian)
- Vereshchagin E.M.* Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo / E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov.– Moskva: Russkii yazyk, 1983. – 269 s. (In Russian)
- Vos E.* Ehtiket na «udalenskE». Kak pravil'no obshchat'sya s kollegami, partnerami i nachal'stvom onlain / E. Vos — «EhksmO», 2020 (In Russian)
- Kapkan M. V.* Delovoi ehtiket : ucheb. posobie / M. V. Kapkan, L. S. Likhacheva ; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Ural. feder. un-t. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2017. – 168 s. (In Russian)
- Kozlova T.V.* Nachalo. Nachal'nyi kurs russkogo yazyka dlya delovogo obshcheniya (s kommentariyami na angliiskom yazyke), chast' 1 / T.V. Kozlova, I.V. Kurlova, M.V. Kul'gavchuk; pod redaktsiei T.V. Kozlovoi. – M.: Russkii yazyk. Kursy, 2007. – 192 s. (In Russian)
- Li TS.* Kul'turnye osnovy obucheniya: Vostok i Zapad [Tekst] / per. s angl. A. Appolonova, T. Kotel'nikovoi; pod nauch.red. S. Filonovicha; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ehkonomiki». – M.: Izd.dom Vysshei shkoly ehkonomiki, 2015. – 464 s. (In Russian)
- Pavlova L.G., Kashaeva E.YU.* Kommunikativnaya ehffektivnost' delovogo obshcheniya. Monografiya. Izd-vo YURIU RANKhIGS. Rostov n/D, 2015. – 168 s. (In Russian)

Solov'ev E.H.A. Sovremenniy etiket. Delovoi i mezhdunarodnyi protokol. M. 2010 g. – 320 s. (In Russian)

Shea V. “Netiquette”, San Francisco, 1997. – 159 p.

*Есакова Мария Николаевна
Селезнева Александра Ильинична*
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

*Esakova Maria
Selezneva Alexandra*
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА ЛИЧНОСТНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА

MEMORY: THE CORE OF INTERPRETER'S 'PERSONAL' COMPETENCE

Настоящая статья посвящена дидактическим аспектам теории перевода и переводоведения, а именно некоторым вопросам дидактики перевода как особой области педагогической науки и раздела теории перевода. В данной статье мы рассматриваем одну из основных профессиональных компетенций переводчика: личностную компетенцию, а также уделяем особое внимание её формированию. В статье приводится структура памяти и основные механизмы её работы, а также предлагается набор упражнений, нацеленный на тренировку различных её видов, таких как рабочая память, краткосрочная и долгосрочная память. Следует заметить, что именно «натренированная», гибкая и объемная память являются одной из главных характеристик личностной компетенции специалиста, занимающегося устным переводом.

The current article is dedicated to the didactical aspects of translation and interpretation studies, namely, some questions of translation and interpretation didactics as a special area of pedagogical science and a part of translation theory. In this article we take a close look at one of the main professional competencies of an interpreter which is a 'personal' competence. We also pay special attention to its acquisition. The article describes the structure of memory and the main mechanisms of its work and proposes a set of exercises aimed at training its various types, such as working memory, short-term and long-term memory. It should be noted that flexible and prodigious memory is one of the main characteristics of an interpreter's 'personal' competence.

Ключевые слова: дидактика перевода, личностная компетенция, рабочая память, краткосрочная память, долгосрочная память.

Key words: didactics of translation, 'personal' competence, working memory, short-term memory, long-term memory.

Переводчик – одна из древнейших на земле профессий, одна из величайших человеческих миссий, которая до сих пор не получила однозначной оценки общества [Гарбовский, 2007].

Многие известные писатели, лингвисты и сами переводчики, рассуждая о том, что представляет из себя личность переводчика, отмечали важные качества, присущие людям этой профессии.

Русский поэт, переводчик и филолог XVIII века В.К. Тредияковский в романе «Езда в остров Любви» (перевод полупрозаического, полустихотворного романа французского писателя Поля Тальмана), отмечал, что «...переводчик от творца только

именем разнится. Еще донесу вам больше: ежели творец замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть» (Тредияковский «Езда в остров Любви» (1730 г.), К читателю. Соч., т. III, стр. 648-649)

Французский писатель Валери Ларбо, рассуждая о тех качествах, которые, на его взгляд, присущи настоящему переводчику, писал: «В истинном переводчике непременно сочетаются ценнейшие и редчайшие человеческие качества: самоотречение и терпение, даже милосердие, скрупулезная честность и ум, обширные знания, богатая и проворная память» (цит. по Гарбовскому)

Определение, данное В. Ларбо, очень точно характеризует личность переводчика. Действительно, переводчик – это человек, который должен иметь отличную реакцию и быстро находить подходящий вариант, быть склонным к кропотливой, аналитической и поисковой работе, иметь хороший слух, дикцию и память, быть физически выносливым.

На подобные качества переводчика указывала и Л. Виссон. Характеризуя личность переводчика, она обращает внимание на то, что «ему необходим особый набор аналитических, психологических и многих других особенностей и умений» [Виссон, 2017, с.33].

Н.А. Снопкова, говоря о том, что «перевод – это сложный вид умственной деятельности» подчеркивала, что переводчик должен иметь «особую психическую организацию, большую её пластичность и гибкость». Он должен уметь «быстро переключать внимание, переходить от одного языка на другой, от одной культуры к другой, от одной коммуникативной ситуации к другой». Помимо этого, очень важно уметь «сосредоточиться, мобилизовать ресурсы своей памяти, весь свой интеллектуальный и эмоциональный потенциал». Переводчик должен быть любознательным, должен постоянно обогащать свои знания, отыскивать и воспринимать новую информацию, продуктивно использовать различные справочники и другие источники сведений; быть собранным, работоспособным, физически выносливым, ответственным за качество своей работы, а также должен стремиться к постоянному самосовершенствованию и самообучению [Снопкова, 2010]. Все эти перечисленные качества, безусловно, должны вырабатываться в ходе подготовки профессионального переводчика.

Конечно, для достижения профессионального переводческого мастерства недостаточно только личных качеств, требуются определенные знания, умения и навыки, исходя из которых можно говорить о том, что представляет из себя профессиональная компетентность переводчика.

Основные переводческие компетенции достаточно подробно описаны в работах В.Н. Комиссарова. По мнению ученого, специфика межъязыковой коммуникации и многообразные формы переводческой деятельности требуют своеобразного набора следующих переводческих компетенций: языковой, текстообразующей, коммуникативной, технической. К тому же следует учитывать и некоторые личностные характеристики [Комиссаров, 1990]. Действительно, формирование личности переводчика предполагает решение самых различных задач и выходит за пределы обучения только иностранным языкам. Как писал Н.К. Гарбовский, «к наиболее общим задачам дидактики переводческой деятельности можно отнести такие, как формирование особых психических качеств личности переводчика, познавательной активности и поисковой самостоятельности, а также формирование интерпретативных компетенций, коммуникативных и специальных компетенций, необходимых в разных видах переводческой деятельности, осуществляющейся в самых различных социальных условиях» [Гарбовский, 2012, с. 47].

Таким образом, способность быстро переключать внимание, быстро реагировать на происходящее, уметь сосредотачиваться и импровизировать, быть стрессоустойчивым, эрудированным, начитанным, обладать хорошей памятью, а также уметь выражать свои мысли логично и четко – все это составляющие личностной компетенции переводчика.

Хороший слух, четкая дикция, гибкая и объемная память необходимы для того, чтобы выработать навыки, лежащие в основе личностной компетенции, без которых качественный перевод невозможен. Это навык немедленного реагирования на произнесенное оратором сообщение, навык переключения, навык восприятия на слух объемных речевых произведений, навык запоминания значительных по протяженности речевых произведений, навык одновременного выполнения двух коммуникативных операций (чтения и говорения, слушания и говорения).

В данной статье мы хотели бы остановиться на том, какие задания могут помочь будущему переводчику увеличить объем памяти, а также развить внимание и языковую догадку.

Память – это сложный психический процесс. Сегодня память в психологии определяется как способность кодировать, хранить и извлекать информацию (Squire, 2009). Согласно определению Р.С. Немова «Память - познавательный психологический процесс, включающий запоминание, сохранение, припоминание (воспоминание, воспроизведение), узнавание и забывание информации» [Немов, 2007]. Как отмечал доктор психологических наук А.Г. Маклаков: «В современной психологии существуют три основные классификации памяти. Первая из них связана с тремя стадиями памяти:

кодированием, хранением и воспроизведением. Во второй выделяются виды памяти для кратковременного или длительного хранения информации. Согласно третьей классификации, существуют различные виды памяти в зависимости от содержания хранимой информации (например, одна система памяти – для фактов, другая – для навыков)» [Маклаков, 2008, с. 256].

Что же представляет из себя «кратковременная» и «долговременная» память?

«Кратковременная память, как пишет А.Г. Маклаков, – это вид памяти, характеризующийся очень кратким сохранением воспринимаемой информации. <...> Проявлением кратковременной памяти является тот случай, когда испытуемого просят прочитать слова или предоставляют для их запоминания очень мало времени (около одной минуты), а потом просят сразу воспроизвести то, что он запомнил. Естественно, что люди различаются по количеству запоминаемых слов. Это происходит потому, что они обладают различным объемом кратковременной памяти» [Маклаков, 2008, с. 264]. Полученная информация хранится в кратковременной памяти всего несколько минут, далее информация либо переходит в долговременную память, либо она забывается. Также ученый отмечал, что долговременная память не может нормально функционировать без хорошо развитой кратковременной памяти «В долговременную память, – пишет исследователь, – может проникнуть и надолго отложиться лишь то, что когда-то было в кратковременной памяти, поэтому кратковременная память выступает в виде своеобразного буфера, который пропускает лишь нужную, уже отобранную информацию в долговременную память» [Маклаков, 2008, с. 265]. Согласно исследованиям, в кратковременную память может попасть около 7 (+/- 2) единиц информации. «Перевод из кратковременной памяти в долговременную осуществляется благодаря волевому усилию.<...> Это достигается путем построения материала, который надо запомнить» [Маклаков, 2008, с. 265].

Первым исследователем, который занимался изучением памяти и закономерностью запоминания, был немецкий психолог-экспериментатор Эббингауз Герман. В ходе экспериментов, описанных в работе «Основы психологии» (1912 г.), он выяснил, что для более эффективного запоминания требуется повторение заученного материала. Вследствие его экспериментов была получена «кривая забывания» или «кривая Эббингауза».

Психолог изучал «чистую» память, то есть сам процесс запоминания, на который не влияли процессы мышления. Он первым предложил использовать метод заучивания бессмысленных слогов, которые не вызывают никаких смысловых ассоциаций. Однако в ходе экспериментов выяснилось, что после первого повторения серии таких слогов без

ошибок, забывание идет очень быстро. За первый час забывается приблизительно 60 % слогов, через десять часов остается в памяти лишь 35 % информации. Далее скорость процесса забывания снижается, и через шесть дней человек помнит лишь 20 % от общего количества выученных слогов. Такое же количество остается в памяти и спустя месяц. Таким образом можно сказать, что без рационального повторения информация из памяти уходит. Так как объем памяти ограничен и зачастую бывает сложно усвоить текст сообщения целиком, нужно постоянно работать над увеличением объема памяти, прежде всего кратковременной, для этого нужно запоминать не абстрактный языковой материал, а тот, в который заложен определенный смысл и в котором присутствует четкая логика.

Переводчик с большим объемом кратковременной памяти способен осуществить наиболее точный, полный и качественный перевод, поэтому именно кратковременная память является наиболее важной для процесса перевода.

Тренировка кратковременной памяти требует длительной практики и серьезных усилий. Поэтому работу над увеличением объема как кратковременной, так и долговременной памяти следует начинать с самого начала подготовки будущего специалиста, причем подобную работу можно вести не только на занятиях по переводу, но и на занятиях по иностранному и родному языкам.

Существует определенный набор упражнений, направленных на развитие как кратковременной, так и долговременной памяти.

Традиционно, упражнения, нацеленные на тренировку памяти, основаны на материале переводящего и переводимого языков и включаются в формат занятий по устному последовательному переводу. Однако тренировать память можно и на занятиях по русскому языку. Стоит заметить, что в современной науке существует большое количество исследований, доказывающих возможность и результативность тренировки памяти.

В статье Мартина Бушкуеля, написанной в 2009 году, изучалось влияние тренировки рабочей памяти на производительность памяти у пожилых людей в возрасте от 65 до 75 лет. Основным заданием для участников в данном исследовании был тест на категоризацию рабочего диапазона памяти²⁰, в котором испытуемым было предложено повторять слова разной длины из прослушанного ими списка. Авторы статьи пришли к выводу о положительном влиянии тренировки данным заданием на производительность памяти: после 8-месячного перерыва группа испытуемых показала статистически лучшие результаты по сравнению с контрольной группой, не проходивших тренировку.

---

²⁰The Categorization Working Memory Span Task CWMS; Borella et al. 2008; De Beni, Borella, Carretti, Marigo, & Nava, 2008

В статье Елены Корбон, написанной в 2019 г., ставили целью проверить положительный эффект тренировки рабочей памяти также с помощью теста на категоризацию рабочего диапазона памяти²¹, на когнитивные способности у людей в возрасте 65-74 лет, перенёсших операцию на мозге. В данном исследовании были получены следующие результаты: после тренировки рабочей памяти у группы испытуемых улучшились не только показатели производительности памяти и краткосрочной памяти, но и показатели такой когнитивной функции, как когнитивное торможение – важнейшей функции для мыслительной деятельности человека.

Полученные в данных статьях результаты поддерживают нашу гипотезу о возможности тренировать производительность памяти, но закономерным шагом для нашего исследования будет изучить влияния данного типа заданий на память студентов-переводчиков в возрасте 18-24 лет.

Также важным результатом, полученным в статье Бушкуеля, является отсутствие разницы в выполнении заданий на производительность памяти у группы испытуемых по сравнению с контрольной через год после тренировочных сессий. Данная статья подводит нас к выводу о необходимости тренировки памяти на ежедневной основе и невозможности развить память один раз и на всю жизнь.

И еще один вопрос, который хотелось бы затронуть, в связи с рассматриваемыми статьями – это комплексная тренировка памяти. Обзор литературы показывает отсутствие положительного эффекта на производительность памяти, если испытуемым предлагались 2-3 тренировочных задания (Clark et al., 2017; Mičić et al., 2020).

В исследованиях, которые мы рассмотрели, учёные тренировали память участников с помощью заданий разных типов, включая задания на улучшение рабочей памяти, краткосрочной памяти, невербальной, вербальной памяти и других, связанных с памятью, когнитивных функций. Таким образом, можно сделать вывод, что необходимо создавать комплексные упражнения, нацеленные на тренировку всех видов памяти.

Следует отметить, что во время учебы будущему переводчику следует уделять серьезное внимание не только занятиям по иностранному языку, но и занятиям по русскому языку. Достаточно часто трудности в процессе перевода возникают именно из-за посредственных знаний своего родного языка. К большому сожалению, многие начинающие переводчики уверены, что свой, родной, язык они знают и тратить время на его изучение не стоит. Однако это заблуждение, которое ведет к серьезным недочетам в работе переводчика. Именно активизация навыков родного языка должна предшествовать

---

²¹ The Categorization Working Memory Spantask, CWMS; Borella et al. 2008; De Beni, Borella, Carretti, Marigo, & Nava, 2008

непосредственно самим занятиям по переводу. Для того чтобы стать профессиональным переводчиком, учащиеся должны не только скрупулезно изучать иностранный язык, но и очень внимательно относиться к изучению родного языка.

Итак, на наш взгляд, необходимо включать в курс «Русский язык и культура речи» задания, направленные на тренировку памяти. Задача преподавателя – сформировать у студентов навык запоминания больших объемов информации прежде всего на русском языке. Работа должна проводиться в несколько этапов: запоминание, узнавание, сохранение и воспроизведение. С помощью таких заданий мы также сможем расширить у обучающихся лексический запас родного языка. Выполнять задания, направленные на тренировку памяти, следует систематически, а не периодически.

Для тренировки памяти можно предложить следующие виды заданий. Например, задания, тренирующие память и внимание одновременно, задания, направленные на тренировку смысловой памяти, то есть те, которые развивают концентрацию внимания во время чтения или прослушивания смыслового отрезка, задание «снежный ком», тренирующие память и внимание, а также упражнения, в которых используются различные методы мнемотехники и др.

Материалом для заучивания могут служить слова, относящиеся к одному смысловому ряду, словосочетания, стихотворения русских и зарубежных поэтов, фрагменты из прозаических произведений разных жанров, выдержки из речей политиков и ораторов, фрагменты из научно-популярных статей на актуальные темы, а также студентам могут предлагаться для заучивания иностранные слова с определениями.

Помимо этого на занятиях можно использовать различные методы, облегчающие процесс запоминания, например: метод запоминания «по точкам», метод «обрезанных строк» и другие. Нужно отметить, что подобные задания не только способствуют развитию памяти, но и тренируют логику и догадку.

Самым простым методом тренировки памяти является запоминание стихотворений или текстов. Сначала студентам предлагаются для запоминания стихотворные тексты, а затем небольшие фрагменты прозаических текстов. Увеличивать количество слов в предлагаемом для запоминания тексте нужно постепенно. Начинать, на наш взгляд, следует с текста от 60-70 слов и постепенно доходить до текстов 120 – 150 слов.

Пример текста:

Самая большая ценность народа – язык, на котором он пишет, говорит и думает. Это значит, что вся сознательная жизнь людей проходит через родной для них язык. Все мысли человека формулируются языком, а эмоции, ощущения окрашивают то, о чём он думает.

Есть язык народа как показатель его культуры, а есть язык человека как показатель его личных качеств. Язык человека – это его мировоззрение и поведение. Как говорит, так, следовательно, и думает. Поэтому самый верный способ узнать человека – прислушаться к тому, что и как он говорит.

Мы обращаем внимание на манеру человека себя держать, на его походку и лицо, но судить о человеке только по этим признакам – значит ошибаться. А вот язык человека – гораздо более точный показатель его нравственных качеств, его культуры. Язык – самое выразительное, чем человек обладает, поэтому за своей речью – устной или письменной – надо следить постоянно. (По Д.С. Лихачёву) (134 слова)

Для запоминания этого текста можно использовать метод запоминания «по точкам».

Вначале в словах можно пропускать по две-три буквы (в зависимости от длины слова), постепенно увеличивая количество пропущенных букв. На следующем этапе – оставляем только первую и последнюю буквы в слове, остальные заменяя точками.

Выполнение подобных заданий позволяет не только тренировать память, увеличивая ее объем, но и развивать логику и догадку.

Для развития памяти, смысловой догадки и логики служат упражнения, в которых пропущены некоторые лексические единицы.

Студенты слушают текст (текст читается один раз), далее заполняют пропуски подходящими по смыслу словами. Следующий этап работы – учащиеся слушают вопросы по данному тексту и отвечают на них. Заключительным этапом работы может быть изложение содержания текста максимально близко к тексту оригинала.

Пример текста: *В основе современной русской графики лежит кириллица – азбука старославянского языка. Кириллица была изобретена греческим миссионером Кириллом (Константином) с целью облегчить проповедь христианства в южнославянских странах. В основу кириллицы была положена греческая графика, дополненная некоторыми буквами, взятыми из других языков и приспособленная к звукам древнеболгарского языка. Кириллица стала употребляться и в рукописях, написанных на русском языке, а затем и в печатных книгах.*

В начале 18 века по распоряжению Петра Первого была введена так называемая гражданская азбука. По сравнению с кириллицей она характеризуется более простым начертанием букв и отсутствием ряда букв, которые в кириллице имели дублиеты, например, не было юсов большого и малого, ижицы, однако остались дублетные буквы: е и ять, ф и фита, восьмеричное и, и десятеричное, обозначавшееся как і. Эти дублиеты были устранены в результате реформы 1917 года, которая была в значительной мере

реформой графики и т.д.

Текст с пропусками:

1. В основе современной русской графики лежит _____ – азбука _____ языка.

2. Кириллица была изобретена _____ с целью облегчить _____ в южнославянских странах.

3. В основу кириллицы была положена _____, дополненная некоторыми буквами, взятыми из других языков и приспособленная к звукам древнеболгарского языка.

4. Кириллица стала употребляться в _____, написанных на русском языке, а затем и в _____.

5. _____ по распоряжению _____ была введена так называемая _____.

6. По сравнению с кириллицей она характеризуется _____ и _____.

Следующее задание, которое можно использовать для развития памяти - «снежный ком». Его смысл заключается в последовательном повторении за преподавателем фразы за фразой. В конце студенты должны повторить текст целиком и затем записать его по памяти. В начале работы для этого упражнения желательно использовать специально составленные тексты, в которых, например, слова начинаются на одну и ту же букву, а впоследствии аутентичные тексты, рассказывающие о культуре, политике, экономике и других областях человеческой деятельности. Тем самым у учащихся будет не только развиваться память, но и повышаться языковая культура, расширяться кругозор. Желательно, чтобы тексты были насыщены топонимами, датами и цифрами.

Пример специально составленного текста для выполнения задания «снежный ком»:

Ах, абрикоса аромат!

Бесшумно бабочки болтают.

Ветвистый вьется виноград!

Грустит гвоздика голубая.

Дубравы древней дремлет дух.

Едят ежата ежевику.

Жужжит жеманно желтый жук.

Здесь загорает земляника.

Полезно для развития слуховой памяти выполнять и задания следующего вида: студентам предлагается прослушать слова, относящиеся к одному тематическому ряду. Все слова должны быть пронумерованы. Далее студенты воспроизводят слово и его номер в той последовательности, в которой они прозвучали. Слова с номерами читаются в среднем темпе – 1 слово за 2 секунды.

Для проверки данного вида работы можно предложить следующие критерии: если порядковый номер и слово совпадают, такой ответ оценивается на 10 баллов. Если слово вспомнилось, а порядковый номер перепутан – а баллов, студент не смог вспомнить слово – 0 баллов. Далее следует суммировать все баллы и получится примерный процент эффективности слуховой памяти. Если мы берем за основу 7 слов, то 70 баллов – отлично, 60 – хорошо, 50 – удовлетворительно, 40 и менее – неудовлетворительно.

Например: 1. воробей, 2. снегирь, 3. ворона, 4. голубь, 5. ласточка, 6. чайка, 7. попугай.

Начинать надо с 5-7 слов, постепенно увеличивая их количество до 10-12.

Следующий этап этого упражнения – воспроизведение слов, относящихся к разным тематическим рядам, а затем в данные ряды можно включать цифры и имена собственные. Впоследствии данные ряды следует строить на словосочетаниях, относящихся как к одному тематическому ряду, так и к разным тематическим рядам. Необходимо также включать в словосочетания цифровые обозначения и имена собственные.

Это лишь некоторые примеры заданий, которые можно использовать для развития кратковременной и долговременной памяти будущего переводчика. Главное, что занятия в данном направлении должны вестись систематически: на каждом занятии следует отводить не менее 20 минут на тренировку памяти. Только в таком случае возможно увеличить объем памяти, а также развить логику и догадку. Все эти составляющие необходимы для качественной работы переводчика.

Список литературы:

- Виссон Л.* Синхронный перевод с русского на английский / Линн Виссон. М.: Валент, - 2001.- 269 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. М.: Издательство Московского университета. - 2007. - 544 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. М.: Высшая школа. – 1990. – 253 с.
- Маклаков А.Г.* Общая психология: Учебник для вузов / А.Г. Маклаков. Спб.: Питер, - 2008.
- Немов Р.С.* Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. / Р.С. Немов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. - 2003. - Кн. 1: Общие основы психологии. - 688 с.
- Снопкова Н.А.* Профессиональная компетентность начинающего переводчика: учебное пособие для освоения теории и практики перевода программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации / Н.А. Снопкова. Иркутск: Изд-во ИрГТУ. - 2010. – 55 с.

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET):

Martin Buschkuehl. Impact of Working Memory Training on Memory Performance in Old Adults [Электронный ресурс] / Martin Buschkuehl - 2008. - Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/23784171_Impact_of_Working_Memory_Training_on_Memory_Performance_in_Old-Old_Adults

Elena Carbone. Working Memory Training for Older Adults After Major Surgery: Benefits to Cognitive and Emotional Functioning [Электронный ресурс] / Elena Carbone - 2019. - Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S106474811930394X?via%3Dihub>

References:

Visson L. Sinhronnyj perevod s russkogo na anglijskij / Linn Visson. M.: Valent, - 2001.- 269 s.

Garbovskij N.K. Teoriya perevoda / N.K. Garbovskij. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. - 2007. - 544 s.

Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) / V.N. Komissarov. M.: Vysshaya shkola. – 1990. – 253 s.

Maklakov A.G. Obshchaya psihologiya: Uchebnik dlya vuzov / A.G. Maklakov. Spb.: Piter, - 2008.

Nemov R.S. Psihologiya: Ucheb. dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij: V 3 kn. / R.S. Nemov. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS. - 2003. - Kn. 1: Obshchie osnovy psihologii. - 688 s.

Snopkova N.A. Professional'naya kompetentnost' nachinayushchego perevodchika: uchebnoe posobie dlya osvoeniya teorii i praktiki perevoda programmy «Perevodchik v sfere professional'noj kommunikacii / N.A. Snopkova. Irkutsk: Izd-vo IrGTU. - 2010. – 55 s.

Зеленова Анастасия Алексеевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Zelenova Anastasia
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПРОЯВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ / НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ И СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЯХ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

CATEGORY OF ANIMACY/INANIMACY AT THE LEXICAL AND SYNTACTIC LEVELS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Категория одушевленности-неодушевленности проявляется как в русском, так и в китайском языках на разных языковых уровнях. В данной статье рассматриваются лексический и синтаксический уровни языка, рассматриваются случаи совпадения и различия в способе реализации данной категории в двух языках. Данная категория вызывает ошибки в русской речи китайских студентов вследствие интерферирующего влияния родного языка на всех языковых уровнях. Понимание источника ошибок, связанных с категорией одушевленности-неодушевленности, может помочь при создании учебных материалов и методических разработок, нацеленных на аудиторию китайских студентов.

Animacy/inanimacy category appears both in Russian and in Chinese languages at different linguistic levels. This article examines the lexical and syntactic levels of the language, investigates coincidence and peculiarities in the way this category is expressed in two languages. This category causes errors in the Russian speech of Chinese students due to the interfering influence of the native language at language levels. Awareness about the source of problems that are associated with the animacy/inanimacy category can help in the development of educational material and methodological approach intended for the Chinese students.

Ключевые слова: категория одушевленности-неодушевленности, русский язык как иностранный, китайский язык, межъязыковая интерференция.

Key words: animacy/inanimacy category, Russian as a Foreign Language, Chinese language, cross-language interference.

В рамках образовательных программ для иностранных студентов, предоставляемых факультетом Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, практический курс русского языка, а также практикум по коммуникации занимают важное место. Данные дисциплины нацелены на то, чтобы научить студента практическому владению русским языком во всех сферах, то есть научить свободно выражать свои мысли на иностранном языке, используя разнообразные языковые средства и дискурсивные стратегии для реализации коммуникативных целей в процессе профессиональной деятельности, академического взаимодействия с учетом культурного контекста. Практический курс русского языка и практикум по коммуникации являются базисом для взаимодействия всех теоретических предметов.

В части I «Государственного стандарта по русскому языку как иностранному» в разделе 2 «Содержание языковой компетенции» приводятся разделы, описывающие минимальные обязательные требования к владению русским языком на определенном уровне. Рассматриваемая категория одушевленности-неодушевленности находится в разделе «Имя существительное». Данную категорию мы находим в требованиях на всех уровнях (элементарный уровень – третий сертификационный уровень) владения русским языком как иностранным. Таким образом, можно сказать, что иностранные студенты на протяжении всего процесса изучения русского языка сталкиваются с тонкостями употребления данной категории.

В настоящей работе мы будем рассматривать категорию одушевленности-неодушевленности в русском и китайском языках как лексико-грамматическую. Данная категория проявляется в двух языках как на грамматическом, так и на лексическом уровнях. Однако способы выражения этой категории не всегда совпадают в двух языках, на что следует обратить внимание преподавателям РКИ, работающим в аудитории с китайскими студентами.

Для носителей русского языка одушевленным является «все, что в действительности является им, а также всё то, что может при определенных условиях считаться "одушевленным"» [Боровик, 2010, с. 72]. Это названия людей и животных: человек, сын, студентка, кот. Неодушевленные существительные – это названия всех других предметов, событий, действий и др.: стол, происшествие, движение, поездка. При кажущейся простоте и очевидности данной категории в русском языке постоянно обнаруживается большое количество неоднозначных явлений. Здесь следует отметить, что деление существительных на одушевленные и неодушевленные в русском языке не всегда соответствует современным научным представлениям о живом и неживом в природе.

В русском языке наиболее отчетливо данная категория выражена в формах множественного числа. Парадигмы одушевленных и неодушевленных существительных во множественном числе последовательно различаются: у одушевленных существительных форма винительного падежа множественного числа совпадает с формой родительного падежа, а у неодушевленных – с формой именительного. В единственном числе у одушевленных существительных мужского рода совпадают формы родительного и винительного падежа, а у неодушевленных – формы именительного и винительного. А вот у слов женского рода и среднего рода, которые стоят в форме единственного числа, данная категория не проявляется, то есть у них отсутствует формальное разграничение одушевленности-неодушевленности [Шведова, 1980, с. 461]. Рассматриваемая категория в формах единственного числа парадигматически выражается только у слов мужского рода

I склонения. Важно отметить, что изменение окончания относится как к самому существительному, так и к согласующимся с ним формам прилагательных или причастий [Лекант, 2007, с. 253].

Что касается данной категории в китайском языке, как отмечает А.А. Драгунов, существительные разделяются на подклассы «лиц» и «не-лиц» (т.е. различаются, с одной стороны, человек, а с другой стороны – остальные живые существа и неживые предметы) [Драгунов, 1952, с. 7–9].

Так как китайский язык относится к изолирующим, в нем отсутствуют флексии, в словах «не выражено их отношение к другим словам, и, как следствие этого, не маркирована их синтаксическая функция в предложении» [Солнцев, 1979, с. 6–7], поэтому китайским студентам на начальном этапе изучения русского языка необходимо не только освоить падежные окончания, но и четко разграничивать падежные окончания в зависимости от того, является ли конкретное слово одушевленным или нет.

Таким образом, мы приходим к выводу, что для выделения категории одушевленности-неодушевленности в китайском языке используются другие основания, чем в русском языке, что приводит к тому, что на лексическом уровне мы находим некоторые несовпадения в отнесенности к категории одушевленности-неодушевленности. Также для китайских студентов может быть не всегда понятно, что в русском языке по форме отдельного слова можно судить о его отношении к другим словам в предложении, так как в китайском языке синтаксическая функция слова выражается с помощью порядка слов, то есть взаимного расположения слов в предложении, а также служебных слов [Солнцев, 1979, с. 6–7].

Как мы уже отмечали выше, в русском и китайском языках используются разные основания для выделения категории одушевленности-неодушевленности. Тем не менее, на лексическом уровне данная категория, как правило, совпадает в двух языках. Рассмотрим несколько примеров из «Лексического минимума по русскому языку как иностранному» I сертификационного уровня. В тематической группе «Человек как живое существо» находим следующие слова: человек, люди, ребенок, дети, мальчик, девочка, девушка, юноша, молодой человек, женщина, мужчина, старик. Данная группа слов как в русском, так и в китайском языке относится к одушевленным существительным. Что касается неодушевленных существительных, то также значительное количество слов совпадает.

Однако в двух языках мы находим и некоторые различия, которые могут вызвать ошибки у студентов из Китая. В русском языке в отдельных словах или группах слов наблюдаются сложности в определении категории, колебания или неопределенность в

отнесении к одушевленным или неодушевленным. На основе «Русской грамматики» под редакцией Н.Ю. Шведовой, «Морфологии современного русского языка» под редакцией С.И. Богданова, «Русского языка» В.В. Виноградова, учебных пособий П.А. Леканта, Н.С. Валгиной, Д.Э. Розенталя и на основе личного языкового опыта мы хотели бы рассмотреть некоторые из них. Важное замечание сделал С.И. Богданов, что в русском языке отсутствуют «существительные с грамматическим поведением неодушевленных, но предназначенных исключительно для названия живых существ» [Богданов, 2009, с. 95].

К примеру, существительные, которые ассоциативно отождествляются с живыми предметами (кукла, марионетка, матрешка, неваляшка, петрушка), могут употребляться как одушевленные: «И мы везли всякие сувениры, матрешек, икру, открытки, значки с Лениным» (Национальный корпус русского языка). Однако, согласно «Грамматическому словарю русского языка» А.А. Зализняка, при актуализации в контексте значения неживого предмета у существительных этой группы (за исключением слова «петрушка») форма винительного падежа может совпадать с формой именительного: шить матерчатые куклы [Зализняк, 1980, с. 190, 195]. Подобные случаи могут вызвать недоумение у китайских студентов, так как в их родном языке подобного явления не существует. Как «洋娃娃» yangwawa (кукла), так и «套娃» taowa (матрешка) являются неодушевленными существительными, однако в разговорной речи могут присоединять суффикс 们 men в конструкциях сравнения.

Кроме того, несовпадения проявляются в области обозначения нерасчлененной или собирательной совокупности живых существ (родня, молодежь): в русском языке они относятся к грамматически неодушевленным, тогда как в китайском они относятся к категории «лиц» и выступают как одушевленные существительные. Слово «年轻人» nianqingren или «青年» qingnian «молодежь» в русском – неодушевленное существительное, в китайском – одушевленное. Слово «профессура» в русском языке относится к неодушевленным существительным. В китайском языке для обозначения совокупности людей добавляется суффикс 们, который можно считать косвенным показателем одушевленности за некоторыми исключениями: «教授们» jiaoshoumen.

Здесь же стоит отметить и слова, которые часто ошибочно относят к собирательным существительным, а именно «народ», «группа», «взвод» и т.д. Эти слова обозначают раздельное множество, но не являются собирательными. Например, в русском языке слово «народ» с грамматической точки зрения является неодушевленным. Сравним два примера из Национального корпуса русского языка: «Она призывает народы Европы к

совместным решительным выступлениям в пользу мира» и «Все народы мира чтят эту дату». В первом примере «народы» стоит в винительном падеже, а во втором примере – в именительном. Здесь мы видим, что в форме множественного числа совпадают флексии винительного и именительного падежей. В китайском языке слово «人民» renmin будет классифицироваться как одушевленное, так как обозначает класс лиц.

Среди существительных-лиц в китайском языке нам хотелось бы отдельно выделить термины родства. В русском языке отсутствуют эквиваленты для многих слов, обозначающих родство. В китайском языке система терминов родства значительно шире, чем в русском. Большинство таких слов состоят из двух частей: элементарный термин (их насчитывается 10) и детерминатив. Детерминативы могут определять, к какому поколению относится обозначаемый родственник, его возраст относительно говорящего, к какой линии родства относится, степень родства по прямой линии и другие значения [Цюй Юян, 2016, электронный ресурс]. Возьмем, к примеру, слово «дядя», которое встречается в «Лексическом минимуме по русскому языку как иностранному» элементарного уровня. В русском языке отсутствует противопоставление кровного родства и родства по браку, в термине также не содержится информация относительно возраста, поэтому «дядя» в русском языке включает в себя «старший брат матери», «младший брат матери» и «старший брат отца», «младший брат отца». Тогда как в китайском языке существует значительная разница между родством по отцу или мужу и матери или жене. Например, 伯伯 / 伯父 – старший брат отца, 叔叔 – младший брат отца [Цюй Юян, 2016, электронный ресурс]. Перевод терминов родства с / на китайский язык может вызвать трудности не только у студентов, но и у переводчиков, так как эти слова «в художественном тексте придают высказываниям определенный национальный, региональный или местный колорит, составляющий неотъемлемую часть поэтики» [Гарбовский, 2004, с. 483].

Что касается личных местоимений, то в русском языке они указывают на лицо или предмет, могут заменять, как правило, ближайшее предшествующее существительное [Есакова, 2017, с. 345]. У них нет особых форм для различения одушевленности-неодушевленности замещаемых ими существительных, то есть все личные местоимения имеют тождественные флексии в формах родительного и винительного падежа. Сравним несколько предложений: «Без него (профессора) лекции не начинали» и «Без него (электрического света) лекцию не начинали». Как видим, местоимение «он» при словоизменении формально не выражает различия между указанием на лицо и не-лицо [Шведова, 1980, с. 531–532].

В китайском языке личные местоимения третьего лица 他 ta (он) и 她 ta (она) могут заменять в предложении существительные, которые называют людей в зависимости от их пола. Личное местоимение третьего лица 它 ta (оно) замещает существительные, которые обозначают неодушевленные предметы и животных [Щичко, 2016, с. 36]. Подобные расхождения на начальном этапе изучения русского языка могут привести к ошибкам в употреблении личных местоимений (особенно при замене неодушевленных существительных), поэтому преподавателю РКИ необходимо сделать акцент не только на роде заменяемого существительного, но и на его отнесенности к категории одушевленности-неодушевленности.

Далее рассмотрим имена прилагательные и глаголы. Новую классификацию прилагательных и глаголов, основанную на их семантических свойствах, предложила профессор Л.Д. Чеснокова, в дальнейшем эту концепцию расширил А.Г. Нарушевич. Ученые предложили разделить глаголы и прилагательные на одушевленно-/неодушевленно-маркированные и нейтральные.

Все глаголы и прилагательные русского языка по своим семантическим свойствам распределяются по следующим группам.

Одушевленно-маркированные глаголы обозначают действия, совершающиеся живыми существами («болеть», «дышать», «размышлять» и др.), а также действия, направленные на живых существ («кормить», «воспитывать», «обучать» и др.), прилагательные – признаки живых существ («флегматичный», «вспыльчивый», «добрый», «злой», «умный», «настойчивый» и др.).

Неодушевленно-маркированные глаголы обозначают действия, совершающиеся неживыми предметам («скрипеть», «испаряться» и др.), а также действия, направленные на неживые предметы («конструировать», «консервировать», «ломать» и др.), а прилагательные – признаки неживых предметов («жидкий», «редкий», «глубокий», «пряный», «кислый», «горький», «прочный» и др.).

Нейтральные глаголы обозначают действия, общие для живых и неживых предметов («падать», «лежать» и др.), а также действия, которые могут быть направлены как на живые, так и на неживые предметы («видеть», «любить», «рассматривать» и др.), прилагательные – признаки, общие для живых и неживых предметов («высокий», «маленький», «тяжелый», «белый», «красный» и др.) [Нарушевич, электрон. ресурс].

В китайском языке мы также наблюдаем распределение глаголов и прилагательных по данным группам, однако отнесение слова к той или иной группе не всегда совпадает в двух языках. Например, в русском языке глагол «лежать» относится к нейтрально маркированным, так как в русском языке как живое, так и неживое может совершать это

действие: «С тех пор эта книга лежит у него на полке» – «Я лежу на траве и вижу...» (Национальный корпус русского языка). В «Лексическом минимуме по русскому как иностранному» элементарного уровня встречается этот глагол и его перевод на китайский язык. В словаре дается следующий перевод: «躺, 卧». Однако данный перевод оказывается не совсем верным. В китайском языке мы обнаруживаем несколько глаголов, которые будут переводиться на русский язык глаголом «лежать»: 躺 tang – только для лиц и животных [Кондрашевский, 2009, с. 477], 放 fang – в основном используется для не-лиц или предметов. Следует признать, что уже на элементарном уровне у носителя китайского языка может сформироваться неверное понимание данного глагола в том случае, если преподаватель не акцентирует на этом внимание студента.

Зачастую языковая интерференция у китайских студентов проявляется при употреблении глагола «читать». В русском языке глагол «читать» может иметь две зависимые формы: винительный падеж без предлога, при этом объект, за некоторыми исключениями, которые мы рассмотрим ниже, будет выражен неодушевленным существительным, и дательный падеж без предлога со значением адресата.

В «Лексическом минимуме по русскому как иностранному» элементарного уровня дается следующий перевод на китайский: «看, 读». В «Новом китайско-русском словаре» даются такие значения глагола «看»: 1. смотреть, глядеть (на что-либо); 2. просматривать, читать (вслух); 3. рассматривать, разглядывать, любоваться; 4. ходить, обращаться (к кому-либо); навещать (кого-либо) [Левина, 2009, с. 196]. Из этого следует, что китайский глагол «看» включает в себя семантику нескольких русских глаголов. Кроме того, первое значение, которое дается как в лексическом минимуме, так и в словаре, это «смотреть». Первое слово, о котором подумает носитель китайского языка при виде «看书» kanshu, будет «смотреть книгу». Именно это является причиной интерференционного влияния и нарушения норм сочетаемости русского языка, поэтому преподавателям следует обращать внимание студентов на возможные зависимые слова при подобных глаголах.

Как было отмечено выше, глагол «читать» после себя принимает лишь определенные одушевленные существительные, а именно имена собственные и существительные, обозначающие лиц, связанных с наукой и литературой. Приведем пример для сравнения: «...она питает уважение к уму и знаниям дочки, которая читала Байрона по-английски» и «Иду в тихий кабинет свой, читаю добрых философов, утешителей» (Национальный корпус русского языка). В этих примерах существительные, зависимые от глагола «читать», стоят в винительном падеже.

Несовпадения в употреблении имен собственных в русском и китайском языках приводят к лексической избыточности в речи китайских студентов. Продолжая анализировать глагол «читать», рассмотрим пример: «我经常读托尔斯泰的书» – «Я часто читаю Толстого» (перевод мой – А.З.). Однако китайские студенты, перенося особенности употребления имен собственных в их родном языке, как правило, добавляют «книгу Толстого», что в данном случае является избыточным. В китайском языке «书» shu «книга» является так называемым «уместным словом» [Цит. по: Бархударов, 2019, с. 222], которое при переводе на русский язык должно быть опущено.

В.В. Боровик отмечает также, что влияние категории одушевленности обнаруживается и в тех случаях, когда существительное не стоит в форме винительного падежа. Это случаи с местоимениями «которые» или «которых», использующимися для присоединения определительного придаточного предложения к главному. Данные словоформы согласуются с существительными, стоящими в именительном падеже множественного числа, и выступают в форме винительного падежа, обусловленной глаголом придаточного предложения. Приведем пример для большей ясности: «Есть песни, которые я не могу слушать» – «Мы видим двух нападающих, которых меняет главный тренер» [Боровик, 2010, с. 76–77]. Здесь же следует упомянуть союзное слово «чей», когда оно синонимично «который». В подобных конструкциях союзное слово «чей» относится только к существительному со значением лица. Для сравнения: «Бабушка, чью фотографию Даша видела только в детстве, окончила Смольный институт в 1916 году» = «Бабушка, фотографию которой Даша видела только в детстве, окончила Смольный институт в 1916 году» [Иванова, 2015, с. 80].

Для студентов из Китая употребление местоимения «который» и союзного слова «чей» в целом оказывается затруднительным в силу того, что в их родном языке отсутствуют союзные слова и местоимения с аналогичными функциями.

Далее рассмотрим не менее важную часть речи, с которой связаны многочисленные ошибки китайских студентов, а именно числительные. Так как в китайском языке непосредственно сами числительные не отражают категорию одушевленности-неодушевленности следующего за ним существительного, у студентов, как правило, возникают сложности в построении словосочетаний с количественными числительными. Несмотря на то, что они не имеют номинативного значения одушевленности-неодушевленности, некоторые существительные реагируют на данную категорию. Более того, в русском языке числительные непоследовательно обозначают одушевленность или неодушевленность тех существительных, с которыми они

сочетаются. Из количественных числительных на одушевленность указывают только слова «два», «три» и «четыре»: видел две (три) картины, но двух товарищей, трех подруг; поднял четыре кубика, но поднял четырех котят [Шведова, 1980, с. 573]. Если эти числительные относятся к неодушевленным существительным, естественно, у них форма винительного и именительного падежа совпадает. Если они сочетаются с одушевленным, тогда форма винительного и родительного падежа оказывается одинаковой. Важно отметить, когда числительные «два», «три» и «четыре» входят в составное числительное, независимо от следующего за числительным существительным, у этих трех числительных форма винительного и именительного падежа будет совпадать: «Я встретил двадцать три женщины» [Есакова, 2017, с. 370–371].

Особую сложность у китайских студентов вызывают собирательные числительные, поскольку в их родном языке числительные разделяются только на количественные и порядковые [Горелов, 1989, с. 43]. Собирательные числительные «двое», «трое», «четверо» и т.д. сочетаются лишь с некоторыми неодушевленными существительными, а именно с названиями парных предметов и со словами *pluralia tantum*, то есть имеющими форму только множественного числа. Например: «Не продукты я жалел, а одежду – пропал полушубок, ватник, две гимнастерки, двое брюк, три смены белья» (Национальный корпус русского языка). В сочетании с неодушевленными существительными эти числительные используются, как правило, в форме именительно-винительного падежа: двое саней, трое ножниц, четверо суток [Есакова, 2017, с. 373].

Собирательные числительные сочетаются также не со всеми одушевленными существительными, более того, они достаточно избирательно относятся к роду. К примеру, не рекомендовано сочетание с одушевленными существительными (названиями лиц) женского рода [Шведова, 1980, с. 573]. Такое большое количество тонкостей и нюансов употребления числительных приводит к нарушению норм русского языка студентами из Китая.

Как в русском, так и в китайском языке категория одушевленности-неодушевленности определяет синтаксическую конструкцию при ответе на вопросы «где? куда? откуда?». Например, в русском языке при ответе на вопрос «где?» с одушевленными существительными употребляется предлог «у» и родительный падеж, с неодушевленными – «в/на» и предложный падеж. Сравним: «Где он был? – Он был у бабушки в деревне». При ответе на вопрос «куда? откуда?» мы также наблюдаем различие в выборе предлога и падежа в зависимости от того, какое далее следует существительное [Унченко, 2013, с. 26–30].

Однако в китайском языке при ответе на данные вопросы после объекта, выраженного одушевленным существительным или личным местоимением, необходимо использовать указательное местоимение (указательный послелог) 这 zhe (здесь, сюда) или 那 na (там, туда) и их вариации или существительные, которые используются в качестве послелогов, указывая местоположение [Кондрашевский, 2009, с. 240–241].

Подобная разница может привести к лексической избыточности. Рассмотрим пример: 我从朋友那来。 Я иду (пришел) от друга (перевод мой – А.З.). Китайские студенты зачастую дают следующий перевод: Я иду от друга оттуда. В данном случае это пример лексической избыточности, который связан с калькированным переводом [Гарбовский, 2007, с. 498].

Таким образом, категория одушевленности-неодушевленности в русском и китайском языках проявляется как на грамматическом, так и на синтаксическом уровнях. На лексическом уровне довольно обширный пласт лексики совпадает при определении данной категории, однако существует и значительное число исключений, которые встречаются уже на самых первых этапах изучения русского языка как иностранного. Именно поэтому ее важно учитывать при введении новой лексики на уроках.

На синтаксическом уровне совпадений в выражении категории одушевленности-неодушевленности практически нет. На данном языковом уровне данная категория проявляется по-разному, из-за чего возникают многочисленные проблемы, связанные с межъязыковой интерференцией.

В заключение хотелось бы процитировать выдающегося советского лингвиста Л.В. Щербу: «Мы должны признать раз навсегда, что родной язык учащихся участвует в наших уроках иностранного языка, как бы мы ни хотели его изгнать. А потому мы должны из врага превратить его в друга» [Щерба, 1974, с. 358].

Список литературы:

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2019. 240 с.
- Боровик В.В.* Категория одушевленности/неодушевленности и некоторые аспекты её усвоения иностранными студентами // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Иркутск, 2010. №4. с. 72-78.
- Величко А.В.* Книга о грамматике. Русский как иностранный / Под ред. А.В. Величко 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 648 с.
- Горелов В. И.* Грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989, 318 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2004. 544 с.
- Драгунов А.А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т.1. 231 с.
- Есакова М.Н.* Речевая культура переводчика. Русский язык: учеб. пособие. Книга для студента / М.Н. Есакова, Ю.Н. Кольцова, Г.М. Литвинова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 640 с.

Иванова И.С., Карамышева Л.М., Куприянова Т.Ф., Мирошникова М.Г. Синтаксис: практическое пособие по русскому языку как иностранному (электронное издание). 4-е изд. СПб.: Златоуст, 2015. 364 с.

Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. М.: Изд-во МГУ, 1999. - 240 с.

Кондарешевский А.Ф., Румянцева М.В. Практический курс китайского языка: Т. 2 / отв. ред. А.Ф. Кондарешевский. 10-е изд., перер. и доп. М.: Восточная книга, 2009. 736 с.

Лекант П.А. Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; под ред. П.А. Леканта. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2007. 557 с.

Нарушевич А.Г. Категория одушевленности-неодушевленности в свете теории поля [Электрон. ресурс]: автореф. дис.. канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Г. Нарушевич; Таганрогский государственный педагогический институт. Таганрог, 1996. 24 с. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/kategoriya-odushevlennosti-neodushevlennosti-v-svete-teorii-polya>

Солнцев В.М., Солнцева Н.В. Теоретическая грамматика современного китайского языка. Проблемы морфологии. Курс лекций - М.: Военный институт, 1979, 152 с.

Унченко В.В., Хозяйкина Н.В. Глаголы движения русского языка (сборник таблиц и упражнений слушателям подготовительного отделения для иностранных граждан): Д.: Национальный горный университет, 2013. 53 с.

Цюй Юян Лингвокультурологический анализ систем терминов родства в русском и китайском языках // Педагогическое образование в России, 2016, №12. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-analiz-sistem-terminov-rodstva-v-russkom-i-kitayskom-yazykah>.

Цюй Юян Лингвистический анализ китайских терминов родства по крови // Полилингвильность и транскультурные практики, 2016, №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-analiz-kitayskih-terminov-rodstva-po-krovi>.

Шведова Н.Ю. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. 789 с.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с.

Щичко В.Ф. Практическая грамматика современного китайского языка. - 2-е изд. М.: Издательство ВКН, 2016. 208 с.

Словари:

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина, Т.В. Козлова. 5-е изд. СПб.: Златоуст, 2015. 80 с.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина, Т.В. Козлова. 2-е изд., испр. М.—СПб: ЦМО МГУ — «Златоуст», 2004. 116 с.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина и др. 5-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 2011. 200 с.

Новейший русско-китайский словарь / Сост. Левина О.В. / Ред. Н. Цили. М.: ООО «Дом славянской книги», 2010. 960 с.

Источники:

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

References:

Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod (Voprosy obshcheĭ i chastnoĭ teorii perevoda).Izd. stereotip. М.: LENAND, 2019. 240 s. (In Russian)

Borovik V.V. Kategoriya odushevlennosti/neodushevlennosti i nekotorye aspekty eĖ usvoeniya inostrannymi studentami // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Irkutsk, 2010. No4. s. 72-78. (In Russian)

- Velichko A.V. Kniga o grammatike. Russkii kak inostrannyi / Pod red. A.V. Velichko 3-e izd., ispr. i dop. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. 648 s. (In Russian)
- Gorelov V. I. Grammatika kitaiskogo yazyka. M.: Prosveshchenie, 1989, 318 s. (In Russian)
- Garbovskii N.K. Teoriya perevoda: Uchebnik. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. 2004. 544 s. (In Russian)
- Dragunov A.A. Issledovaniya po grammatike sovremennogo kitaiskogo yazyka. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. T.1. 231 s. (In Russian)
- Esakova M.N. Rechevaya kul'tura perevodchika. Russkiĭ yazyk: ucheb. posobie. Kniga dlya studenta / M.N. Esakova, YU.N. Kol'tsova, G.M. Litvinova. M.: FLINTA: Nauka, 2017. 640 s. (In Russian)
- Ivanova I.S., Karamysheva L.M., Kupriyanova T.F., Mirosnikova M.G. Sintaksis: prakticheskoe posobie po russkomu yazyku kak inostrannomu (ehlektronnoe izdanie). 4-e izd. SPb.: Zlatoust, 2015. 364 s. (In Russian)
- Kamynina A.A. Sovremennyĭ russkiĭ yazyk. Morfologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov. M.: Izd-vo MGU, 1999. - 240 s. (In Russian)
- Kondareshvskii A.F., Rummyantseva M.V. Prakticheskii kurs kitaiskogo yazyka: T. 2 / otv. red. A.F. Kondareshvskii. 10-e izd., perer. i dop. M.: Vostochnaya kniga, 2009. 736 s. (In Russian)
- Lekant P.A. Sovremennyĭ russkiĭ yazyk: ucheb. dlya stud. vuzov, obuchayushchikhsya po spets. «FilologiYA» / P.A. Lekant, E.I. Dibrova, L.L. Kasatkin i dr.; pod red. P.A. Lekanta. 4-e izd., stereotip. M.: Drofa, 2007. 557 s. (In Russian)
- Narushevich A.G. Kategoriya odushevlennosti-neodushevlennosti v svete teorii polya [Ehlektron. resurs]; avtoref. dis. kand. filol. nauk: 10.02.01 / A.G. Narushevich; Taganrogskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. Taganrog, 1996. 24 s. (In Russian) Rezhim dostupa: <http://cheloveknauka.com/kategoriya-odushevlennosti-neodushevlennosti-v-svete-teorii-polya>
- Solntsev V.M., Solntseva N.V. Teoreticheskaya grammatika sovremennogo kitaiskogo yazyka. Problemy morfologii. Kurs lektsii - M.: Voennyi institut, 1979, 152 s. (In Russian)
- Unchenko V.V., Khozyaĭkina N.V. Glagoly dvizheniya russkogo yazyka (sbornik tablits i uprazhnenii slushatelyam podgotovitel'nogo otdeleniya dlya inostrannykh grazhdan): D.: Natsional'nyi gornyi universitet, 2013. 53 s. (In Russian)
- Tsyui Yuyan Lingvokul'turologicheskii analiz sistem terminov rodstva v russkom i kitaiskom yazykakh // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, 2016, №12. (In Russian) Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokul'turologicheskii-analiz-sistem-terminov-rodstva-v-russkom-i-kitayskom-yazykah>.
- Tsyui Yuyan Lingvisticheskii analiz kitaiskikh terminov rodstva po krovi // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki, 2016, №4. (In Russian) Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskii-analiz-kitayskikh-terminov-rodstva-po-krovi>.
- Shvedova N.YU. Russkaya grammatika. M.: Nauka, 1980. 789 s. (In Russian)
- Shcherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' / Red. L. R. Zinder, M. I. Matusevich; Akad. nauk SSSR, Otd-nie lit. i yaz., Komis. po istorii filol. nauk. L. : Nauka. Leningr. otd-nie, 1974. 427 s. (In Russian)
- Shchichko V.F. Prakticheskaya grammatika sovremennogo kitaiskogo yazyka. - 2-e izd. M.: Izdatel'stvo VKN, 2016. 208 s. (In Russian)

Dictionaries:

- Leksicheskii minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. Ehlementarnyi uroven'. Obshchee vladenie / N.P. Andryushina, T.V. Kozlova. 5-e izd. SPb: Zlatoust, 2015. 80 s.
- Leksicheskii minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. Bazovyi uroven'. Obshchee vladenie / N.P. Andryushina, T.V. Kozlova. 2-e izd., ispr. M.—SPb: TSMO MGU — «Zlatoust», 2004. 116 s.
- Leksicheskii minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. Pervyi sertifikatsionni uroven'. Obshchee vladenie / N.P. Andryushina i dr. 5-e izd., ispr. i dop. SPb: Zlatoust, 2011. 200 s.
- Noveishii russko-kitaiskii slovar' / Sost. Levina O.V. / Red. N. Tsili. M.: OOO «Dom slavyanskoi knigI», 2010. 960 s.

Sources:

- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Ehlektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru>

Калита Оксана Николаевна
Фракийский университет имени Демокрита
г. Комотины (Греция)

Kalita Oxana
Black Sea Countries Democritus University
Komotini (Greece)

МЕТОДИКА КАК НАУКА В УЧЕБНОМ ПОСОБИИ ПО КУРСУ «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ» ДЛЯ ГРЕЧЕСКИХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

METHODOLOGY AS A SCIENCE IN THE TEXTBOOK COVERED THE COURSE "RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE" FOR GREEK STUDENTS OF PHILOLOGY

В нашей работе описывается опыт создания учебного пособия по методике преподавания русского как иностранного для греческих студентов-филологов. Основной и главной задачей в процессе написания данного пособия перед нами стояла цель создания полноценного учебного пособия, включающего как теоретические основы РКИ, так и практические советы, и примеры преподавания русского языка как иностранного.

В статье описываются трудности, с которыми сталкивается преподаватель, ведущий курс «Методика преподавания русского языка как иностранного» в греческих вузах, и которые были учтены при написании данного пособия. Представляются главные задачи и цели пособия, структура его теоретической и практической части, в которых реализуются инновационные подходы к организации и представлению содержания обучения русского языка как иностранного.

Пособие имеет национально-ориентированную направленность. В нем приводятся сопоставления русского и греческого языков, описываются ожидаемые при изучении русского языка греками интерференции, а также трудности, с которыми встречаются греки, изучая русский язык. Одновременно пособие предусматривает и обучение русской письменной речи: даются задания к текстам по развитию умений находить главную мысль в тексте, составлять конспекты, план, тезисы.

This paper describes the experience of creating a textbook on the methodology of teaching Russian as a foreign language for Greek students of philology. The basic as well the main goal in the process of writing this manual was to create a full-fledged textbook, including both the theoretical foundations of the teaching Russian as a foreign language and practical guidelines, plus appropriate examples of teaching Russian as a foreign language.

Difficulties faced by the teacher who leads the course "Methodology of teaching Russian as a foreign language" in Greek Universities are presented, and considered during process of writing this manual. The main tasks and goals of the manual, the structure of its theoretical and practical parts, which implement innovative approaches to the organization and presentation of the content of teaching Russian as a foreign language, are presented.

The manual has a nationally-oriented content. It provides comparisons of Russian and Greek languages, the expected interferences in the study of the Russian language by the Greeks are described, as well as the difficulties encountered by the Greeks when learning Russian. In parallel, the manual also provides information's for teaching Russian written language: tasks are given to approach the text, to develop the ability to find the main idea in the text, to make notes, a plan, and theses.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, греческие студенты-филологии, учебные пособия по методике РКИ, педагогические термины, национально-ориентированные пособия.

Key words: methodology of teaching Russian as foreign language, Greek students of philology, textbooks of methodology Russian as foreign language, pedagogical terms, national-oriented textbooks.

За последние годы в Греции стал возрастать интерес к русскому языку. Расширение экономического и культурного сотрудничества между Россией и Грецией, привели к необходимости знания русского языка в профессиональных целях.

В высших учебных заведениях Греции помимо специалистов в области

лингвистики, литературоведения и перевода, готовят и преподавателей русского как иностранного (РКИ) – филологов-русистов (греческих специалистов), как «образованных носителей русского языка».

В настоящее время специализацию преподаватель РКИ получают студенты-филологи филологического факультета Национального Афинского университета имени И. Каподистрии и филологического направления кафедры языков литературы и культуры стран черноморского бассейна Фракийского университета им. Демокрита в городе Комотини. После получения диплома и разрешения на преподавание РКИ, они имеют право работать в Греции как в государственных высших учебных заведениях, так и в частных учебных заведениях, а также в воскресных школах.

На этих факультетах требования к греческим студентам-филологам, получающим профессиональное образование, заключаются в том, что кроме владения русским языком на высоком уровне, будущие специалисты, преподаватели РКИ должны владеть лингвистическими, методическими, педагогическими знаниями и уметь пользоваться научной литературой на русском языке.

Обязательным предметом специализации является курс «Методика преподавания РКИ», состоящий из практической и теоретической части. Теоретическая часть длится один семестр и содержит необходимый теоретический материал, который вводит студентов-филологов в основные понятия в области теории и методики преподавания РКИ, знакомит с основными принципами и приемами обучения РКИ в зависимости от целевого назначения и аудитории. Практическая часть данной учебной дисциплины имеет продолжительность два семестра. На практических занятиях формируются умения и навыки по организации учебной деятельности в сфере РКИ, подробно рассматриваются основы обучения РКИ, программы начального, среднего, продвинутого уровней обучения, государственные стандарты по различным аспектам преподавания РКИ. Главной частью практических занятий предусмотрены самостоятельные работы студентов по разработке уроков (подготовка планов, материалов и разработок уроков РКИ по разным видам языковой и речевой деятельности с целью их дальнейшего использования на занятиях по преподаванию РКИ). В практические занятия также входят показательные уроки в реальной аудитории на начальных курсах университета.

Как известно, лекции по предмету специальности «Методика преподавания РКИ» в высших учебных заведениях читаются на изучаемом, то есть на русском, языке. Обычно большинство греческих студентов-филологов сталкиваются с трудностями в понимании лекций вообще, а особенно, что касается лекций по специальности. Можно сказать, что одной из главных причин непонимания содержания лекций является ограниченный

словарь обучающегося. Для понимания лекций по разным предметам требуется словарь, содержащий как общеупотребительную, так и профессиональную лексику, во много раз превышающий указанный минимум. Второй трудностью понимания лекций является недостаточно высокий уровень развития навыка восприятия и понимания звучащей речи. Аудирование как способность одновременно воспринимать и понимать звучащую речь представляет собой сложный процесс. По мнению психологов и методистов, это самый трудный вид речевой деятельности вообще, а на неродном языке в особенности [Гуляева, 2017, с. 237]. Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что данные трудности усложняют процесс обучения со стороны обучающихся.

Решением данной проблемы может быть включение в основную программу дополнительных часов на отработку навыков и умений аудирования на начальных курсах обучения, а также, помимо общеупотребительной лексики по каждой теме, стоит вводить и профессиональную, упрощая, тем самым, понимание лекций по разным предметам, которые читаются на русском языке.

Помимо вышеуказанных трудностей студентов, преподаватель, ведущий курс «Методика преподавания РКИ» греческим студентам-филологам, также сталкивается с разного рода трудностями, главными из которых являются такие как:

- I. Сложность использования оригинальной методической литературы из-за низкого языкового уровня студентов. Это значит, что основная часть студентов-филологов не может воспользоваться учебными пособиями по предмету, так как не владеет нужными компетенциями и не имеет необходимого лексического запаса.
- II. Непонимание значения наиболее важных педагогических терминов, что ведёт к недопониманию всего обучающего материала. Большое количество педагогических и лингвистических терминов, использующихся в пособиях, их неоднозначное понимание в переводе их на греческий язык, приводит к возникновению трудностей в их употреблении.
- III. Отсутствие учебного пособия для студентов-филологов греческих вузов, соответствующего программе данной дисциплины филологического факультета в высших учебных заведениях Греции. Конечно, стоит заметить, что несмотря на это, в помощь преподавателю существует огромный выбор учебников и методических пособий по методике преподавания РКИ, а также методических пособий по практике преподавания РКИ, изданных нашими российскими коллегами.

Основной целью обучения иностранному языку, как известно, является достижение студентами уровня практического владения иностранным языком в пределах, позволяющих читать оригинальную литературу по специальности для извлечения из нее необходимой научной информации, переводить, аннотировать и реферировать ее, а также принимать участие в устном общении на изучаемом языке в рамках предусмотренных тем. Для того чтобы успешно осуществлять все эти виды профессиональной деятельности, студенту необходимо овладеть умениями понимать и анализировать научные тексты в рамках своей специальности [Акишина, 2008, с. 208]. И одной из таких учебных дисциплин является «Методика преподавания РКИ».

В связи с перечисленными трудностями, с которыми сталкивается преподаватель, ведущий курс «Методика преподавания РКИ» в греческом вузе, возникла необходимость создания учебного-методического пособия по методике преподавания РКИ в двух частях (теоретической и практической). Актуальность появления такого пособия обусловлена тем, что изданные до сих пор методики описывают, как правило, теоретические основы обучения русскому языку как иностранному, не касаясь её практической части, формирующейся на изучении теоретических основ.

Создание такого «двухстороннего» пособия, во-первых, поможет студентам-филологам лучше понять дисциплину «Методика преподавания РКИ», во-вторых, избежит неправильного перевода и трактовки педагогических терминов на греческий язык и, в-третьих, поможет развить практическую направленность обучения, то есть сформировать умения и навыки по организации учебной деятельности в сфере РКИ, по разработке уроков их дальнейшего использования на занятиях по преподаванию РКИ.

Несомненно, одной из главных задач, стоящей перед нами, было отобрать необходимый словарь методических терминов, используемых в методике преподавания РКИ:

1. Необходимо было выбрать наиболее часто и однозначно понимаемые термины в русской методике
2. Найти, где возможно, греческие эквиваленты.
3. Описать те термины, где нет соответствующих эквивалентов в греческом языке.

Таким образом нами был составлен словарь методических терминов пособия. На первом этапе все объяснения даются на русском языке, но в дальнейшем, в помощь студентам - филологам, есть вероятность написания двуязычного словаря методических терминов, с соответствующими объяснениями и примерами.

Следующей нашей задачей было упростить, насколько это возможно, изложение материала, и сделать его более понятным студенту, недостаточно владеющему русским научным стилем речи, а именно:

1. Было решено излагать материал, иллюстрируя его большим количеством примеров.
2. Изложение вести не в строго научном стиле, а в популярно-научном.
3. Обобщать материал в виде таблиц, схем, рисунков, помогающих схватывать большие объемы содержания зрительно.

В первой части пособия рассматриваются теоретические основы методики преподавания русского как иностранного, описываются основные приемы и методы, необходимые для успешного преподавания русского языка, а также методические термины, без которых нельзя обойтись (прилагается алфавитный словарь терминов). Дается современное понимание того, как преподаватель должен работать, используя коммуникативно-деятельностный метод и интерактивные формы обучения, стремясь к тому, чтобы студенты могли использовать иностранный язык с носителями этого языка.

Первая часть пособия состоит из двух разделов. В первом разделе: Основы науки «Методика преподавания русского языка как иностранного» даются основные теоретические понятия науки методики, как части педагогики, описываются цели, задачи и принципы обучения РКИ, предмет и содержание обучения, современное понимание сложного феномена – ЯЗЫК. Предлагается знакомство с разными методами преподавания иностранных языков в разные исторические периоды.

Во втором разделе: «Учебный процесс РКИ и его субъекты» студенты знакомятся со структурами уроков (занятий), контролем, видами и типами упражнений и заданий, с взаимодействием преподавателя и студентов, с современными интерактивными технологиями. После каждой темы для студентов предлагаются проверочные вопросы, а также прилагается алфавитный словарь методических терминов, облегчающий запоминание терминов и ориентацию в них.

Основной и главной задачей в процессе написания второй части данного пособия перед нами стояла цель создания полноценного учебного пособия, включающего как теоретические основы РКИ, так и практические советы, и примеры уроков русского языка как иностранного.

Данное пособие учитывает еще и то, что студенты не всегда хорошо знают основы русской фонетики и грамматики, поэтому в пособие включены разделы о структуре русского языка, а также введены параграфы справочной литературы, которую можно найти в Интернете и в публикуемой методической литературе.

Пособие имеет структуру национально-ориентированного: в нем аспектно приводятся сопоставления русского и греческого языков, описываются ожидаемые при изучении русского языка греками интерференции, а также трудности, с которыми встречаются греки, изучая русский язык.

Одновременно пособие предусматривает и обучение русской письменной речи: даются задания к текстам по развитию умений находить главную мысль в тексте, составлять конспекты, план, тезисы. И главное, в пособии мы постарались рассказать и указать студенту, будущему преподавателю какие ошибки часто встречается в преподавании РКИ, как их избежать. Здесь мы сочли важным показать примеры как удачных, так и неудачных занятий, которые помогут ему в будущей практической деятельности.

Следует заметить, что несмотря на все трудности, с которыми сталкивается как преподаватель, так и студенты, пособие выпущено на русском языке. В дальнейшем, если будет необходимость, мы думаем сделать пособие двуязычным.

Данное пособие основано на курсе лекций по предмету «Методика преподавание русского как иностранного», в помощь студентам - филологом греческих вузов. Авторы пособия опираются на личный опыт преподавания данной дисциплины как в России, странах Европы, так и в Греции. Пособием также могут воспользоваться магистры, аспиранты филологических специальностей, начинающие работать преподаватели РКИ, а также все, кто интересуется преподаванием иностранных языков и, в частности, преподаванием русского языка как иностранного.

Учебно-методические пособия, посвященные проблемам преподавания, актуальны до тех пор, пока существует само преподавание. Задачей данного пособия является помощь всем тем, кто входит в аудиторию как преподаватель, осознать свою педагогическую деятельность и совершенствовать её.

Список литературы:

- Акишина А.А.* Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного/ Акишина А. А., Каган О. Е// М.: Русский язык Курсы, 2008, с. 255.
- Аркадьева Э.* Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного/ Аркадьева Э.// М., 2005.
- Вагнер В. Н.* Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа / Вагнер В. Н.// М., 2001.
- Верещагин Е. М.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. // М., 1983.
- Вишнякова Т. А.* Основы методики преподавания русского языка студентам-нефилологам / Вишнякова Т. А. //М. 1982.
- Васильева Г. М.* Русский язык как иностранный: методика обучения русскому языку: учебное пособие для вузов под ред. И. П. Лысаковой / Васильева Г. М., Вишнякова С. А., Вольская Л. А. и др.// М.: ВЛАДОС, 2004, с. 69.
- Власова Н. С.* Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе/ Власова

Н. С., Алексеева Н. Н. и др. // М., 1990.

Гуляева И. В. «О подготовке студентов к восприятию лекций»/ Гуляева И. В // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность: сборник статей I Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов: в 2 ч.,– Москва : РУДН, 2017,с. 237.

Крючкова Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Учебное пособие для начинающего преподавателя /Крючкова Л.С. // М:2009, с. 480.

References:

Akishina A.A. Uchimsya učit': dlya prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo/ Akishina A. A., Kagan O. E// М.: Russkiĭ yazyk Kursy, 2008, s. 255.

Arkad'eva E.H. Zhivaya metodika dlya prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo/ Arkad'eva E.H.// М., 2005.

Gulyaeva I.V. «О подготовке студентов к восприятию лекций»/ Gulyaeva I. V // Dovuzovskii etap obucheniya v Rossii i mire: yazyk, adaptatsiya, sotsium, spetsial'nost': sbornik statei I Mezhdunarodnogo kongressa prepodavatelei i rukovoditelei podgotovitel'nykh fakul'tetov: v 2 ch.,– Moskva : RUDN, 2017, s. 237.

Kryuchkova L.S. Prakticheskaya metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu. Uchebnoe posobie dlya nachinayushchego prepodavatelya /Kryuchkova L.S. // М:2009, s. 480.

Vagner V.N. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka anglogovoryashchim i frankogovoryashchim na osnove mezh'yazykovogo sopostavitel'nogo analiza / Vagner V. N.// М., 2001.

Vasil'eva G.M. Russkiĭ yazyk kak inostrannyĭ: metodika obucheniya russkomu yazyku: uchebnoe posobie dlya vuzov pod red. I. P. Lysakovoĭ / Vasil'eva G. M., Vishnyakova S. A., Vol'skaya L. A. i dr.// М.: VLADOS, 2004, s. 69.

Vereshchagin E.M. Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo / Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. // М., 1983.

Vishnyakova T.A. Osnovy metodiki prepodavaniya russkogo yazyka studentam-nefilologam / Vishnyakova T. A. //М. 1982.

Vlasova N.S. Prakticheskaya metodika prepodavaniya russkogo yazyka na nachal'nom ehtape/ Vlasova N. S., Alekseeva N. N. i dr. // М., 1990.

*Кротова Татьяна Алексеевна
Новикова Виктория Викторовна*
Центр русского языка
г. Лондон (Великобритания)

*Krotova Tatiana
Novikova Victoria*
The Russian Language centre
London (UK)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛА СДО ПРИ КОМПЛЕКСНОЙ ПОДГОТОВКЕ К ТРКИ-1 (ИЗ ОПЫТА РАЗРАБОТКИ ОНЛАЙН-КУРСА)

USING LMS FOR THE PREPARATION FOR TORFL-1 (BASED ON THE DEVELOPMENT OF AN ONLINE COURSE)

Данная статья посвящена использованию возможностей функционала систем дистанционного образования при подготовке к сдаче экзамена по русскому языку ТРКИ-1. Многие преподаватели и исследователи отмечают сложность и трудоемкость процесса подготовки к сдаче сертификационного экзамена по русскому языку, особенно при изучении РКИ вне языковой среды. Авторами рассматриваются трудности комплексной подготовки в условиях самостоятельного и дистанционного обучения РЯ. Самостоятельная подготовка, как правило, заключается в выполнении доступных вариантов тестов, в этом случае внимание учащихся фокусируется на лексико-грамматических тестах и чтении. Аудирование, говорение и письмо при этом остаются практически без внимания и контроля. Между тем современные образовательные платформы дают и преподавателям, и учащимся инструменты организации эффективной самостоятельной работы в удаленном формате. Авторы статьи анализируют возможности использования этих инструментов при работе над всеми видами речевой деятельности на примере ведущих платформ СДО (Stepik, Antitreningi и др.), а также рассматривают возможные варианты взаимодействия учащегося и преподавателя в рамках СДО. Изложенные в статье теоретические положения и методические принципы авторы иллюстрируют на примере разрабатываемого практического онлайн-курса по подготовке к сдаче ТРКИ-1.

This article describes the use of LMS for the preparation for TORFL-1. Many language teachers and researchers agree that the students preparing for TORFL face many difficulties, especially if they study Russian in non-Russian speaking environment. The authors of this article look into these difficulties, especially those arising with self-studying and online learning. The self-studying and preparation for TORFL is often limited by going through the available exam past papers, and the students tend to focus on the vocab and grammar and reading tests. The listening, speaking and writing remain almost without proper attention and control. Meanwhile, the modern educational platforms provide both teachers and the students with the instruments, helping to organise the efficient self-studying online. The authors analyse the ways these instruments can be used whilst working on all aspects of language, using the leading LMS like Stepik and Antitreningi and others. They also research the possible ways of interaction between the students and the teachers with the help of LMS. All research is illustrated by the examples from the online course the authors have been developing for the students preparing for TORFL-1.

Ключевые слова: РКИ, русский язык как иностранный, лингводидактическое тестирование, СДО, система дистанционного обучения, ТРКИ.

Key words: Russian as a foreign language, language testing, LMS, learning management system, TORFL.

В последнее десятилетие обучение онлайн стало неотъемлемой частью учебного процесса для многих преподавателей и студентов, но то, что раньше было лишь тенденцией, в 2020 году вышло на совершенно новый уровень. Все без исключения учебные заведения, даже самые традиционные, столкнулись с необходимостью перехода

на процесс обучения онлайн и обеспечения как аудиторной, так и самостоятельной работы учащихся, причём с акцентом на последнюю. В связи с этим вопрос об использовании систем дистанционного обучения (СДО) актуален как никогда, в частности, в процессе обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному.

Использование СДО в РКИ не является чем-то новым, как и само дистанционное обучение, в частности в процессе подготовки к экзаменам ТРКИ. В данной статье мы сконцентрируемся на трудностях, с которыми сталкиваются учащиеся, готовящиеся к ТРКИ-1 вне языковой среды самостоятельно или с помощью преподавателя.

Самыми трудными субтестами (и, соответственно, видами речевой деятельности) студенты обычно называют аудирование, говорение и письмо, после них идут лексико-грамматический субтест и чтение. Как правило, подготовка к экзамену основывается на «прорешивании» доступных вариантов субтестов по чтению, аудированию, лексике и грамматике, и ознакомлении с форматом устного и письменного экзаменов. Тренировочных тестов в настоящее время существует довольно много, причём как в традиционном формате учебных пособий, так и электронных приложений (ср. выпущенное в 2018 году TORFL GO), однако они нацелены именно на тренировку навыков быстрых ответов на вопросы (multiple choice questions). Задания же по письму и говорению студент должен выполнять с помощью преподавателя, самостоятельно подготовиться к ним сложно.

Рассмотрим типичные проблемы при подготовке к отдельным субтестам на примере ТРКИ-1.

Главной проблемой при сдаче субтеста по аудированию на этом уровне является то, что все аудиотексты звучат однократно. При обучении вне языковой среды учащийся слышит русскую речь зачастую только на занятиях, от преподавателя или от одноклассников и во время прослушивания или просмотра предлагаемого преподавателем аудио- или видеоматериала. В этих ситуациях у него есть возможность переспросить, прослушать запись несколько раз, во время же экзамена всего несколько незнакомых слов в тексте могут вызвать у него стресс и помешать выполнить задания правильно.

В субтесты «Говорение» и «Письмо» ТРКИ входит задание на умение кратко передавать содержание текста и высказывать свое мнение об описанной там ситуации. Как показывает практика, большинство учащихся (особенно из европейских стран) испытывают трудности при выполнении этого задания, так как пересказ текстов уже давно не используется ни в школьной, ни в университетской системе образования в Европе (особенно при обучении иностранным языкам), и студентам непривычен этот вид работы. Кроме того, хорошее выполнение этого задания требует знания языковых средств,

используемых для придания тексту структуры (формулы введения типа «В тексте говорится о...» или заключения «В заключение...», «Можно сделать вывод ...» и др.), которые также зачастую оказываются «за бортом» учебного процесса (особенно в условиях языковых школ, где занятия происходят только раз в неделю, и умение писать тексты – тем более пересказы – не входит в приоритеты, в отличие от устной речи и чтения).

Сложным в выполнении является и субтест по лексике и грамматике, так как, несмотря на традиционный для РКИ фокус на коммуникативной грамматике, учащиеся (опять же – в особенности европейские) в силу специфики своих родных языков и методов преподавания и тестирования изучаемых ими других иностранных языков не привыкли к тому, что: а) ошибка буквально в одной букве или одном окончании может привести к искажению смысла; б) знание лексики и грамматики проверяется отдельно.

Все вышеперечисленные трудности не снимаются путём «прохождения» многочисленных «пробных» тестов и требуют достаточно большой дисциплины и осознанности от учащихся, особенно тех, кто готовится к экзамену самостоятельно.

Решению этой проблемы могут послужить системы дистанционного обучения (СДО), так как с их помощью можно организовать учебный процесс так, чтобы студент мог заниматься самостоятельно и обращаться за обратной связью к преподавателю только в случае серьезных затруднений. СДО также позволяют обеспечить комплексную подготовку по всем видам речевой деятельности, что особенно важно при обучении РКИ вне языковой среды. Также СДО отвечают потребностям современных студентов, особенно «поколения Z, с их запросами и привычками воспринимать информацию», а также их «когнитивным, визуальным, слуховым и поведенческим особенностям» [Дунаева, 2018, с. 7].

Сегодня образовательный процесс невозможно представить без использования возможностей электронного обучения (E-Learning) и, в частности, обучения на платформах дистанционного обучения. «Технология e-learning дает существенные преимущества современным вузам – возможность интеграции в мировое образовательное пространство, расширение рынка предоставления образовательных услуг, повышение их доступности и качества, обеспечение устойчивого развития образовательной организации в целом за счет укрепления ее конкурентоспособности» [Глушакова, 2017, с. 30]. Рынок систем дистанционного обучения достаточно разнообразен и широк, и если 10–15 лет назад лидировали зарубежные СДО, то за последние 10 лет серьезно прогрессируют и российские платформы дистанционного обучения. В настоящей статье мы не ставим своей целью дать анализ и обзор существующих или даже ведущих платформ обучения.

Наша задача – продемонстрировать, как практикующий преподаватель без специальных знаний и навыков в сфере ИТ может разрабатывать, размещать и использовать свой курс на платформах СДО. Для демонстрации функционала СДО мы выбрали платформы российских разработчиков Stepik²² и Antitreningi²³ Остановимся на причинах выбора именно этих ресурсов.

Преподаватели, работающие в высшей школе, несомненно, слышаны или имеют опыт создания курсов или работы в СДО Moodle²⁴. Moodle является одной из ведущих мировых СДО с развитым функционалом, «сама система Moodle – бесплатная платформа с открытым кодом, но вам придется устанавливать ее на сервер самостоятельно. Требования зависят от подключаемых модулей, контента на платформе и количества пользователей. Точнее можно сказать, что Moodle – не СДО (система дистанционного обучения), а инструмент для создания системы обучения» [Мещерякова, 2020, с. 193]. Однако наряду с достоинствами, Moodle имеет ряд недостатков для разработки курса индивидуальными преподавателями. Сложности использования системы Moodle связаны с тем, что программное обеспечение данной СДО, как правило, устанавливается на сервере организации/университета и требует сопровождения ИТ-специалистами. Для преподавателя-фрилансера или преподавателя, желающего создать массовый открытый курс, эта система неудобна и трудоёмка.

Когда мы говорим о массовых открытых или коммерческих курсах, абсолютным лидером является, несомненно, образовательная платформа Coursera²⁵ Однако, эта платформа размещает лишь курсы образовательных организаций. Если вы разрабатываете курс, не являясь сотрудником университета, заключившего договор о сотрудничестве с Coursera, вы не сможете разместить/продать свой курс в рамках данной СДО.

Что же является оптимальным выбором для преподавателя, решившего разработать собственный курс для массового ознакомления, или для помощи своим студентам офлайн, или для продажи?

На наш взгляд, необходимыми характеристиками СДО в данном случае являются следующие:

- Простота и легкость интерфейса СДО. Использование платформы не должно требовать от преподавателя-разработчика и куратора курса специальных знаний и навыков в области ИТ.

---

²² <https://stepik.org/course/5207/syllabus>

²³ https://antitreningi.ru/student/lessons?course_id=28315

²⁴ <https://moodle.org/>

²⁵ <https://www.coursera.org/>

- СДО должна располагаться в облачном пространстве, т.е. разработчику курса не нужны дополнительные производственные мощности для создания и использования курса. Все материалы будут располагаться в облачном хранилище разработчика платформы (бесплатно или платно), а обучение будет проходить в онлайн-режиме или с использованием мобильных приложений.

- Наличие у СДО встроенного конструктора курсов.

С точки зрения разработки курса и наполнения курса материалами, образовательные платформы можно глобально разделить на два типа: в первом случае вы создаете материалы курса при помощи сторонних инструментов (создаете презентации, записываете видео, компонуете курс в специализированных конструкторах, например, Ispring²⁶), а затем размещаете/заливаете свой курс на образовательную платформу. Так работают Coursera, Getcourse²⁷ и др. Во втором случае образовательная платформа имеет встроенный конструктор курсов, т. е. предоставляет разработчику курса определенный набор инструментов для наполнения курса материалами (например, конструктор тестов, создание лонгридов и т. п.). В этом случае, преподаватель сразу создает свой курс на базе образовательной платформы, ему практически не требуется привлечения дополнительных инструментов. Несомненно, функционал встроенных конструкторов ограничен и не всегда является достаточным, однако во многих случаях использование такого комплексного подхода значительно упрощает задачи преподавателя/разработчика и ускоряет процесс создания курса.

Начиная разработку курса, предназначенного для комплексной подготовки к ТРКИ-1, мы рассмотрели несколько платформ и для создания тестовых уроков выбрали две – Stepik и Antitreningi. Выбор данных платформ был обусловлен следующими факторами:

- Платформы обладают встроенными конструкторами, функционал которых достаточен для создания языкового обучающего курса.

- Платформа Stepik предоставляет возможность лендинга курса/курсов, т. е. у преподавателя или организации есть возможность разместить на сайте свою презентационную страницу с курсом/курсами, нет необходимости создавать собственный сайт или лендинг. На платформе Antitreningi возможно и подключение курсов к домену собственного сайта, и создание страницы, с которой учащийся может начать обучение.

- Размещение массовых открытых курсов на платформе Stepik бесплатно, а для частных и платных курсов предлагаются удобные и адекватные формы

---

²⁶ <https://www.ispring.ru/ispring-suite/features>

²⁷ <https://getcourse.ru/>

сотрудничества. Создание курсов на платформе Antitreningi требует подписки, однако преподаватель может выбрать оптимальный вариант.

Несколько слов о целях, задачах и структуре курса: его целевой аудиторией являются учащиеся, освоившие русский язык на уровне А2+, интересующиеся культурой и историей России и желающие подготовиться к сдаче ТРКИ-1.

Задачи курса: 1) научить учащихся технике выполнения заданий в формате экзамена ТРКИ; 2) способствовать формированию социокультурной компетенции учащихся; 3) послужить дополнением к основному курсу РКИ А2–В1.

Структура курса основана на следующих методических принципах: принцип устного опережения, принцип взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности, принцип «от простого к сложному» [Гончар, 2018, с. 46]. Курс состоит из отдельных модулей, каждый из которых посвящён одной известной личности. В каждом модуле 3 основных блока уроков (аудирование, чтение, лексико-грамматический практикум), которые можно изучать самостоятельно, без помощи преподавателя, и 2 дополнительных (письмо и говорение), при выполнении которых учащийся может получать разного рода обратную связь – проверку письменной работы, комментарий к записанному им аудио тексту, встречу с преподавателем и др.

Порядок модулей подобран таким образом, чтобы сложность как видео, так и текстового материала постепенно нарастала: так, в первых модулях отсутствуют причастия и деепричастия и более сложные синтаксические конструкции, но постепенно они появляются и отрабатываются.

Для готовящихся к ТРКИ-1 в каждом уроке модуля есть инструкции и рекомендации, помогающие правильно и эффективно работать с тестовыми заданиями, формат которых выдержан в стиле реальных экзаменационных материалов. Инструкции даются на родном языке учащихся. На наш взгляд, разъяснение целей, задач, формата тестирования, понимание учащимся ожиданий экзаменаторов – все это будет способствовать более осознанному освоению курса, а также успешному прохождению экзаменационных испытаний.

Каждый модуль начинается с работы по аудированию. Задача студента – посмотреть короткое (длиной в 1 минуту) видео, в котором представлены основные моменты биографии одного из героев курса и ответить на вопросы. Функционал образовательных платформ позволяет организовать работу традиционным образом: предпросмотровые задания, просмотр видео и работа с ним. Предпросмотровые задания направлены на подготовку учащегося к просмотру видео и снятие возможных лексических трудностей. Сюда входят и работа с синонимией и антонимией, и со

словообразовательными цепочками, при необходимости – семантизация реалий или сложных слов с помощью иллюстраций или перевода на английский язык. По форме это могут быть тестовые задания на соотнесение (слова и картинки, слова и перевода, синонимов или антонимов) или задания на упорядочивание вариантов-текстов (например, выстраивание словообразовательной цепочки) с автоматической проверкой. При этом платформа позволяет ограничить количество попыток прохождения задания (Stepik) или настроить 100% выполнение заданий урока как условие перехода к следующему уроку. В условиях самостоятельной работы эта функция способствует дополнительной мотивации учащегося и эффективному усвоению материала. Приступая к просмотру, учащийся на экране видит встроенное видео и под ним набор вопросов на общее понимание содержания. Вопросы могут быть составлены в формате multiple choice или в формате выбора «верно-неверно». Задания проверяются автоматически с возможностью анализа и пояснением ошибок учеников. В качестве контрольного задания по блоку аудирования может использоваться тест на заполнение пропусков в тексте видео. Данный вид работы даёт возможность учащимся вернуться к прослушиванию эпизода и актуализировать лексику, изученную в уроке.

Следующий блок заданий направлен на работу с текстом. Учащиеся начинают работу с чтения текста – биографии известного человека из просмотренного видео. Работа с текстом нацелена на формирование навыков просмотрового и изучающего чтения, соответственно, учащимся предлагаются два сета заданий. Первый сет содержит вопросы на общее понимание текста, а второй – на детальное. Эти задания также проверяются автоматически с возможностью анализа ошибок студента.

Третий блок каждого модуля содержит в себе лексико-грамматический практикум, где проверяется усвоение встречающихся в первых двух уроках лексических единиц и грамматических правил. Практикум сделан в тестовом формате (multiple choice) и включает в себя работу над синонимами и антонимами, многозначными словами и омонимами, сочетаемостью слов, управлением глаголов, глаголами движения, приставочными глаголами, причастиями, деепричастиями и др. После прохождения теста и проверки правильности своих ответов учащийся может получить справку-комментарий, объясняющий, какой ответ является верным в каждом случае. По необходимости в данный блок могут быть добавлены дополнительные материалы, например, таблицы с грамматическими моделями и грамматические комментарии на родном языке.

Первые три блока модуля проходятся студентом самостоятельно, без домашних заданий, с автоматической проверкой заданий. Обратная связь в данном случае

реализуется через общение с преподавателем и другими учащимися в комментариях к заданиям и общем чате курса.

Блок «Письмо» фокусируется на обучении пересказу текста. Этот вид деятельности, согласно нашей практике преподавания европейским учащимся, вызывает у них наибольшее затруднение при сдаче экзамена ТРКИ-1 и требует максимальной поддержки преподавателя. Данный блок заданий обязательно содержит вводный урок-инструкцию, в котором мы объясняем студенту, как искать информацию в тексте: главная мысль каждого параграфа, например, или вопросный план или просто план (можно варьировать по урокам, начиная с максимальной поддержки и уменьшая ее по мере приближения к концу), говорим, что нельзя копировать текст-источник полностью, говорим о времени на написание (на экзамене на написание пересказа отводится примерно 25–30 мин.). Все инструкции оформлены в виде скачиваемых pdf-файлов, так что студент может сохранить их для дальнейшей подготовки к экзамену. Конечная цель работы над блоком «Письмо» – получить от студента самостоятельно выполненное задание по компрессии текста с творческим элементом (согласно формату тестового задания ТРКИ). Возможности образовательных платформ позволяют выполнить это задание, отправить его преподавателю и получить обратную связь. Подготовительные задания (знакомство с речевыми формулами организации текста, составление плана, подготовка к пересказу) реализуются на платформе в виде заданий на сопоставление, ранжирование, заполнение таблиц. В данном блоке проверка части заданий выполняется автоматически, а части – преподавателем.

Работа над блоком «Говорение» по структуре схожа с работой над блоком «Письмо». Основной целью в данном случае является формирование у учащегося навыка устного пересказа и высказывания учащимся собственного мнения по проблеме, поднятой в представленном тексте. Важной функцией СДО является возможность записи аудиофайла и отсылки его преподавателю для получения обратной связи. Эта функция во многом решает проблему подготовки к сдаче по продуктивным видам речевой деятельности в отсутствие очных занятий.

Таким образом, овладение преподавателем РКИ возможностями современных общедоступных СДО открывает широкие возможности организации самостоятельной работы учащихся, взаимодействия преподавателя и студентов, а также контроля над усвоением изученного материала в удалённом формате.

Список литературы:

Глушакова О.В. Глобальные и национальные тренды развития E-Learning. // Непрерывное профессиональное образование и новая экономика. 2017. №1(1). С. 29-44

Гончар И.А., Попова Т.И. Структура электронного образовательного ресурса по РКИ: возможности моделирования коммуникации. // Международная научно-практическая конференция «Электронные ресурсы открытого образования по русскому языку: лучшие практики» (7-8 декабря 2017 года, Москва): сборник статей. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2018. 172 с.

Дунаева Л.А., Левина Г.А., Богомолов А.Н., Васильева Т.В. Цифровизация области преподавания РКИ: первые итоги и перспективы. // Русский язык за рубежом. №5, 2020. Стр. 4-9.

Мещерякова К. С. Возможности систем электронного обучения Moodle и Stepik в образовательном процессе в вузе. // Конкурс научно-исследовательских работ: технологические инновации и научные открытия: Сборник статей по материалам Международного научно-исследовательского конкурса. – Уфа, 2020. – С. 192-195

АнтиТренинги. Инструкция к применению. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://antitreningi.ru/student/lessons?course_id=28315

GetCourse: программа для продажи и проведения обучения. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://getcourse.ru/>

Возможности iSpring Suite. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.ispring.ru/ispring-suite/features>

Создание курса на Stepik. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://stepik.org/course/5207/syllabus>

References:

Glushakova O.V. Global'nye i natsional'nye trendy razvitiya E-Learning. // Nepreryvnoe professional'noe obrazovanie i novaya ehkonomika. 2017. №1(1). P. 29-44 (In Russian).

Gonchar I.A., Popova T.I. Struktura ehlektronnogo obrazovatel'nogo resursa po RKI: vozmozhnosti modelirovaniya kommunikatsii. // Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Ehlektronnye resursy otkrytogo obrazovaniya po russkomu yazyku: luchshie praktiky» (7-8 dekabrya 2017 goda, Moskva): sbornik statei. M.: Gos. IRYA im. A.S. Pushkina, 2018. 172p. (In Russian).

Dunaeva L.A., Levina G.A., Bogomolov A.N., Vasil'eva T.V. Tsifrovizatsiya oblasti prepodavaniya RKI: pervye itogi i perspektivy. // Russkii yazyk za rubezhom. №5, 2020. Pp. 4-9. (In Russian).

Meshcheryakova K. S. Vozmozhnosti sistem ehlektronnogo obucheniya Moodle i Stepik v obrazovatel'nom protsesse v vuze. // Konkurs nauchno-issledovatel'skikh rabot: tekhnologicheskie innovatsii i nauchnye otkrytiya: Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. – Ufa, 2020. – Pp. 192-195 (In Russian).

AntiTreningi. Instruksiya k primeneniyu. [Electronic resource] (In Russian) – Available at https://antitreningi.ru/student/lessons?course_id=28315

GetCourse: programma dlya prodazhi i provedeniya obucheniya. [Electronic resource] (In Russian) – Available at <https://getcourse.ru/>

Vozmozhnosti iSpring Suite. [Electronic resource] (In Russian) – Available at <https://www.ispring.ru/ispring-suite/features>

Sozdanie kursa na Stepik. [Electronic resource] (In Russian) – Available at <https://stepik.org/course/5207/syllabus>

Криворотова Эльвира Владимировна
Московский городской педагогический университет
г. Москва (Россия)

Krivorotova Elvira
Moscow City Pedagogical University
Moscow (Russia)

РАЗВИТИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОБУЧАЕМЫХ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

DEVELOPMENT OF LINGUISTIC THINKING OF STUDENTS AS A CONDITION FOR THE SUCCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Статья посвящена проблеме взаимосвязи и взаимодействия процессов, связанных с развитием лингвистического мышления и с подготовкой к осуществлению межкультурной коммуникации. В качестве эффективного средства реализации идеи взаимодействия данных взаимообусловленных понятий автор предлагает рассматривать систему концептов как специфических культурноносных понятий, формирующих языковую картину мира носителя языка. Понимание грамматических значений и наличие способности к вероятностному прогнозированию обеспечивают носителю языка возможность «встраиваться» в речевую ситуацию, возникающую даже в условиях межкультурного общения.

The article is devoted to the problem of interrelation and interaction of the processes associated with the development of linguistic thinking and with the preparation for the implementation of intercultural communication. As an effective means of implementing the idea of interaction of these mutually conditioned concepts, the author suggests considering the system of concepts as specific cultural concepts that form the linguistic picture of the world of a native speaker. The understanding of grammatical meanings and the ability to make probabilistic predictions provide the native speaker with the opportunity to "integrate" into the speech situation that occurs even in the conditions of cross-cultural communication.

Ключевые слова: лингвистическое мышление, грамматическое значение, межкультурная коммуникация, концепт, языковая картина мира, вероятностное прогнозирование, речевая ситуация.

Key words: linguistic thinking, grammatical meaning, cross-cultural communication, concept, language picture of the world, probabilistic forecasting, speech situation.

Сегодня под термином межкультурная коммуникация понимается культурное взаимодействие, коммуникация, связь и общение между представителями различных культур, реализующиеся в разных формах и предполагающие обмен знаниями, идеями, мыслями, концептами и эмоциями между людьми из разных культур.

Первое определение межкультурной коммуникации предложили в 1972 г. американские ученые Ларри Самовар и Ричард Портер в книге «Коммуникация между культурами» ("Communication between Cultures"). Согласно этому определению, межкультурная коммуникация – это такой вид коммуникации, в котором отправитель и получатель принадлежат к разным культурам.

По словам Д.С. Лихачева, культура – это «огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения – народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука,

образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства» (Культура как целостная среда)

И, поскольку сегодняшний мир открывает новые и поистине безграничные возможности для осуществления и продуктивной реализации данного феномена, совершенно необходимо готовить к этому обучающихся. Как нам представляется, одним из условий успешной межкультурной коммуникации является целенаправленное развитие лингвистического мышления, которое, в свою очередь способствует формированию положительной мотивации процесса овладения языком.

Психологи отмечают, что учебная деятельность школьников побуждается двумя видами мотивов. С одной стороны, это широкие, социальные мотивы учения, с другой – мотивы, порождаемые преимущественно самой учебной деятельностью.

Как нам представляется, наиболее значимой является мотивация учения, которая связана с далеко идущими планами подрастающей личности, с пониманием условий реализации потенциальных возможностей. Именно это понимание и целеустремленность становится мощным двигателем учения, овладения определенным кругом знаний, умений и навыков, связанных в нашем случае с языком.

Таким образом, в мотиве как побудительной силе личности выражено влияние объективного мира, который не только отражается в сознании человека, но и рождает определенное его отношение.

Именно динамика современных социокультурных процессов, подвижность культурной среды обуславливают новые требования к образованию, характеризующиеся прежде всего тем, что определяющим требованием становится развитие компетенций, причем компетенций, связанных с развитием способностей к самостоятельности в различных жизненных ситуациях..

Поскольку в Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации особое внимание уделяется вопросам организации поликультурного образовательного пространства, возникает необходимость поиска эффективных путей организации образовательной деятельности, направленной на успешное осуществление обучающимися межкультурной коммуникации. Одним из таких путей нам представляется целенаправленное развитие у обучающихся лингвистического мышления, которое мы предлагаем рассматривать как специфическое образование личности, возникающее в результате изучения языка и характеризующееся высоким уровнем сформированности мыслительных операций, способностью к вербальному вероятностному прогнозированию и творческим отношением к процессу овладения языковыми знаниями и умениями.

В контексте формирования важнейшего умения, характеризующего наличие лингвистического мышления, а именно умения соотносить явления лингвистического и экстралингвистического порядка, возможно обращение к языку, во-первых, как к универсальному объективатору действительности в сознании человека, носителя языка, и, во-вторых, как к средству, позволяющему сформировать совершенно субъективный образ действительности. Именно в этом случае возникает необходимость обращения к таким понятиям, как концепт, то есть значимых элемент системы представлений о мире, складывающейся у человека на протяжении всей жизни и постепенно обогащаясь новыми знаниями, которые формируются в общие понятия, и концептосфера, то есть область мыслительных образов, представляющих собой в той или иной степени структурированное знание людей о явлениях реальности.

Именно наличие достаточного уровня развития лингвистического мышления способствует адекватному формированию концептосферы носителя языка, что впоследствии должно обеспечить успешное осуществление обучающимися межкультурной коммуникации, которая рассматривается как культурное взаимодействие, как коммуникация, как связь и общение между представителями различных культур народов мира, что предполагает как непосредственные контакты между людьми и их общностями, так и опосредованные формы коммуникации.

Лингвистическое мышление – это мышление не только вербальное, то есть включающее в мыслительный процесс слова и понятия собственно языка, а также понятия метаязыка. Несомненно, что в структуру лингвистического мышления входит и элемент образного мышления. И, поскольку мыслить – это не только называть предметы, явления окружающего мира, усваивать отношения между ними, но и оперировать определенными образными единицами, то именно в процессе изучения языка наличествуют огромные возможности формирования не только логического мышления, но именно лингвистического мышления, предполагающего, во-первых, оперирование понятиями метаязыка, и, во-вторых, дающего возможность носителю языка осознать и усвоить множество и разнообразие имеющихся в языке логико-грамматических и лексико-грамматических значений, что возможно лишь при наличии развитой структуры образного мышления.

Именно в контексте формирования важнейшего умения, характеризующего наличие лингвистического мышления, а именно умения соотносить явления лингвистического и экстралингвистического порядка, возможно обращение к образному мышлению учащихся в процессе овладения знаниями и умениями по русскому языку.

Для того чтобы сформировать у школьников умение видеть слово как внутреннее, конструктивное единство лексического и грамматического значений, необходимо таким образом построить работу, чтобы учащиеся осознали и усвоили основную закономерность языка: отношение (зависимость) между языковой формой и ее содержанием (значением). При этом очень важно иметь в виду, что в русском языке это отношение многозначно и не сводится к простой связи между словом и представлением, каким бы обобщенным это представление ни было. Ярким примером тому является метафоричность русской речи.

Выткнулся на озере алый свет зари...

С.А. Есенин

Плачет метель, как цыганская скрипка...

С.А. Есенин

Снова метель закружила,

В сны мои тихо вошла...

Е. Кружнова

Специфика деятельности учителя и обучающихся в процессе организации работы по формированию у обучающихся лингвистического мышления как условия их интеллектуального развития, что, несомненно, обеспечивает и успешность межкультурной коммуникации в силу приобретения гибкости, мобильности и оперативности ума определяется несколькими факторами. Во-первых, это нацеленность на повышение уровня развития абстрактно-логического мышления обучающихся. Во-вторых, это направленность на совершенствование владения обучающимися фактуальными, обобщенными, оперативными знаниями, а также лингвистическими, т.е. специальными, и операционными умениями. Не менее важен здесь фактор владения учителем методикой организации деятельности учащихся (а также сам факт наличия такой методики), направленной на достижение понимания обучающимися грамматических значений. Специфику деятельностного процесса в данном случае определяет также мотивационный аспект.

Формирование положительной мотивации к процессу учения происходит зачастую в ходе преодоления множества препятствий. Одним из таких препятствий является так называемый когнитивный диссонанс.

Как известно, существующим в психологии понятием когнитивного диссонанса обозначается состояние человека, когда он не может в силу тех или иных обстоятельств действовать в соответствии со своими мотивами – потребностями и интересами. Иногда действия вынуждаются объективными условиями – общественными требованиями, требованиями деятельности. В этом случае может возникнуть противоречие между

выполняемым действием и мотивом. Выполняемые действия тягостны, скучны, неприятны. Такого рода противоречия психологи называют когнитивным диссонансом. Каковы же пути преодоления когнитивного диссонанса? Думается, что значительным потенциалом в деле преодоления когнитивного диссонанса обладает методика включения обучающихся в такие речевые ситуации, когда возникает необходимость объяснить собеседнику, не являющемуся носителем русского языка как родного, те или иные явления, и когда именно от точности тех или иных формулировок зависит, будет ли достигнуто взаимопонимание.

Некоторые психологи одним из таких путей считают перестройку систем знаний, другие – изменение первоначального мотива. И в том, и в другом случае существенным является наличие у обучаемого достаточного уровня сформированности лингвистического мышления.

В данной ситуации особую значимость приобретают особенности организации учебно-научного общения на уроке, которое не только должно быть пронизано тем или иным элементом содержания обучения, но также целями, связанными с теми перспективами, которые открывает прочное, осмысленное и осознанное усвоение учебного материала.

Процесс организации педагогического общения в условиях работы по формированию лингвистического мышления обучающихся должен ориентировать ученика на мотив успеха и на мотив достижения, при этом важнейшим из мотивов нам представляется мотив, связанный с достижением успеха в общении, в частности, и в межкультурном. Как отмечают психологи, люди, ориентированные на успех, предпочитают выбирать средние и трудные задачи, так как предпочитают расчетливо рисковать; а мотивированные на неудачу выбирают либо легкие задачи, поскольку они гарантируют успех, либо трудные, так как неудача не рассматривается как личностно обусловленная. При этом важно также иметь в виду процесс становления мотива достижения, то есть устойчивого стремления к достижению результата деятельности. Мотив достижения дифференцируется на стремление к успеху и стремление избежать неудач.

Говоря о языковом сознании, В.И. Кодухов отмечает: «Оно отчужденное, вторичное знание и сознание. Это те знания и оценки, которые сохранились в языке в результате многократных повторений говорящими и пишущими на данном языке. Оно отражает как опыт цивилизации, так и опыт отдельного народа, его представлений. Этот опыт выражается в словах и их значениях, в грамматических понятиях и категориях, в других единицах и формах, имеющих значение» [Кодухов, 1993, с.70].

Следовательно, переводя это высказывание в методический контекст, можно утверждать, что процесс овладения грамматическими значениями помогает обучающимся осознать, что «язык ... не мертвый продукт, но ... созидательный процесс; надо абстрагироваться от того, что он функционирует в качестве обозначения предметов и как средство общения, и, напротив того, с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью и к взаимному влиянию этих двух явлений» [Гумбольдт, 1966, с. 71]. Как отмечает А.Д. Дейкина, роль учителя-посредника заключается в том, чтобы помочь детям добиться успеха в родном языке и приобрести осознанный взгляд на предмет обучения. А к трудностям формирования взгляда на язык А.Д. Дейкина относит наивность сознания учащихся, когда школьники – наивные носители языка – не могут абстрагироваться в достаточной степени, чтобы освоить представления о языке как более широкие, то есть охватить язык в масштабности его системы и всех его проявлений [Дейкина, 1994, с. 9].

Мысль о неограниченных возможностях всестороннего языкового развития, способствующего успешности межкультурной коммуникации высказывается сегодня многими исследователями, которые подчас выражают озадаченность и недоумение, анализируя всеобъемлющий характер языка: «Что поражает более всего, во всех языках, по всей Земле, от каменного века до века Интернета есть общая структура – слова и правила грамматики...и в этом видна общность человеческой психики, основанная на общих структурах мозга» [Перловский, 2003, с. 212].

Несмотря на то что среди ученых нет единства во взглядах на соотношение языка и мышления, мы позволим себе согласиться с тем, что «мышление не основано на абсолютных законах логики, а смысл языка тоже не может быть определен правилами... учебники грамматики полезны тем, кто уже знает язык, но выучить язык по учебнику грамматики нельзя. Дело в том, что язык с его понятиями-концепциями имеет смысл лишь потому, что связан с эмоциями, инстинктами и бессознательным, нарушающими законы логики» [Перловский, 2003, с. 209]. Так, в наборе слов, не оформленных в синтаксическую структуру (возьмем, положим, один только факт) мы посредством опоры на лингвистический инстинкт можем уловить в этом наборе некую субъектно-объектную связь между словами возьмем факт, хотя анализ лексических значений слов возьмем – положим дает нам основание говорить об отсутствии конкретного и соответствующего осознаваемым реалиям значения действия, совершаемого и описываемого с помощью этих глаголов. И только выход на синтаксический уровень и вывод слова положим за рамки членов данного предложения, позволяет все поставить на свои места. Осуществление этого процесса связано, несомненно, как с определенным уровнем

сформированности лингвистического мышления, так и с уровнем интеллектуального развития, поскольку определение лексического значения слова и предвидение возможной его синтаксической функции связано с осуществлением аналитико-синтаксической деятельности. При этом овладение языковыми средствами (необходимым запасом слов и грамматических форм, механизмами словоизменения и словосочетания) создает предпосылки «для дальнейшего усложнения познавательной деятельности, для развития мышления и способности к осуществлению эффективной межкультурной коммуникации».

Является очевидным, что к существующим образам языка уже в самом конце XX в. прибавился еще один: язык как продукт культуры, как ее важная составная часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов. Следовательно, язык выступает и в роли универсального объективатора действительности в сознании человека, носителя языка, и всего общества, и в роли средства, позволяющего сформировать совершенно субъективный образ действительности, и в этом случае возникает необходимость обращения к таким понятиям, как концепт и концептосфера, то есть область мыслительных образов, представляющих собой в той или иной степени структурированное знание людей о явлениях реальности. Именно потому, что «человек не просто воспринимает и познает мир, он живет в нем, в результате в его языке находит выражение не только объективная реальность, но и сам человек как познающий жизнь субъект», современная лингвистика нацелена на исследование языка в тесной связи с человеком, его сознанием познанием окружающей действительности и его практической деятельностью».

Характеризуя сложившиеся в отечественной когнитивной лингвистике научные направления, можно отметить, что сегодня наблюдается два основных подхода: лингвокогнитивный и лингвокультурный. Как отмечают исследователи, лингвокультурный подход предполагает изучение специфики национальной концептосферы от культуры к сознанию (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, В. А. Маслова и др.). В рамках данного подхода концепт определяется как базовая единица культуры, обладающая образным, понятийным и ценностным компонентами. Исследователи, реализующие лингвокогнитивный подход (Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. Н. Телия), исходят из того, что в основе знаний о мире лежит такая единица ментальной информации, как концепт, которая и обеспечивает выход на концептосферу социума.

Впервые в отечественной науке термин *концепт* был употреблен С.А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 г. Ученый определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов,

действий, мыслительных функций одного и того же рода (концепты *растение, справедливость*, математические концепты).. При этом общепринятым в лингвистической литературе термин «концепт» стал с начала 1990-х годов благодаря научным трудам Д. С. Лихачева (Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М., 1997. С. 280–287).

Основной закон развития значений слов, употребляемых ребенком в общении, заключается в их обогащении жизненным индивидуальным смыслом. Функционируя и развиваясь в практическом мышлении и речи, слово как бы впитывает в себя все новые и новые смыслы. В результате такой операции смысл употребляемого слова обогащается разнообразными когнитивными, эмоциональными и другими ассоциациями. В этой связи надо отметить, что именно речевое развитие зависит от развития мышления, а не наоборот [Пиаже, Немов, Т. 1, с. 268].

Если мы обратимся, к примеру, к фрагменту статьи Д.С. Лихачева «Размышления о русской истории», где автор пишет следующее: «Революция и **пулеметные очереди у стен Петропавловской крепости со стороны Артиллерийского музея, а затем выстрелы из наганов на кладбище Соловков**, видения прячущихся в мороз в Ленинграде 32-го года **по парадным** крестьянок с детьми, **проработки** плачущих от стыда и бессилия ученых в стенах университета и Пушкинского дома, **ужасы блокады** – все это в моей зрительной и слуховой памяти», то, несомненно, для понимания и осознания представленных в тексте образов и концептов необходим достаточный уровень лингвистического мышления, благодаря которому возможно осуществление интерпретации текста и толкование смыслообразующих концептов в иноязычной аудитории.

Список литературы:

Дейкина А.Д. Формирование у школьников взгляда на родной язык как национальный феномен при обучении русскому языку в средней школе.- Дис. в виде научного доклада ... докт. пед. наук. - М.: МПГУ, 1994. – 76 с.

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода// Хрестоматия по истории языкознания XIX – XX веков. Сост. В.А. Звегинцев. М., 1966. 447 с.

Кодухов В.И. Психологическое направление в языкознании и преподавании русского языка: Учебное пособие. М: 1993. 323 с.

Перловский Л.И. Сознание, язык и математика // «Звезда», 2003. № 2. С. 204 – 228.

References:

Deikina A.D. Formirovanie u shkol'nikov vzglyada na rodnoi yazyk kak natsional'nyi fenomen pri obuchenii russkomu yazyku v srednei shkole.- Dis. v vide nauchnogo doklada ... dokt. ped. nauk. M.: MPGU, 1994. 76 p. (In Russian).

Gumbol'dt V. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyani na dukhovnoe razvitie chelovecheskogo roda// Khrestomatiya po istorii yazykoznaniiya XIX – XX vekov. Sost. V.A. Zvegintsev. M., 1966. 447 p. (In Russian).

Kodukhov V.I. Psikhologicheskoe napravlenie v yazykoznanii i prepodavanii russkogo yazyka: Uchebnoe posobie. M: 1993. 323 p. (In Russian).

Perlovskii L.I. Soznanie, yazyk i matematika // «ZvezdA», 2003. № 2. pp. 204 – 228. (In Russian).

Кульгавчук Марина Викторовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kulgavchuk Marina
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК» НА УРОКЕ РКИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

“STATESMAN” AT THE LESSON OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: LINGUOCULTURAL ASPECT

В данной статье рассматривается образ «государственного человека» – чиновника – и предлагаются разные виды работы над текстом, позволяющим не просто познакомить обучаемых с биографией П.А. Столыпина, но и показать, каким может быть путь преподавателя, использующего данный материал. Образ чиновника часто становится предметом анализа в литературоведении, на уроке русского языка как иностранного представляется интересным проанализировать образ чиновника и его связь с национальным характером. В процессе работы с аудиотекстом развиваются навыки аудирования и письма со слуха. Студенты знакомятся с биографией известного государственного деятеля, сыгравшего важную роль в русской истории. Различные высказывания о Столыпине, с которыми знакомятся студенты, развивают навыки изучающего чтения, знакомят с новой лексикой. При этом чтение текстов становится лишь одним из этапов работы над темой. Задача преподавателя вывести студентов на обсуждение личности «идеального чиновника». Итогом работы должно стать творческое задание: презентация каждым студентом собственного выступления, тематика которого выбирается самостоятельно.

The article deals with the concept of “statesman” – “official” and offers different ways of working with the text that allows students not only get acquainted with the biography of P. Stolypin, but show the path of the teacher, using this material. The figure of the statesman is often analyzed in the study of literature. During the lesson of Russian as a foreign language it is interesting to analyze this figure in relation to the national character. During the work with an audio text one can improve his audition and writing by ear skills. Students get acquainted with the biography of the famous statesman, who played an important role in Russian history. Different statements about P. Stolypin that students get to know, develop learning skills and help to learn new vocabulary. Teacher’s aim is to encourage students to talk about a personality of an ideal statesman and to organize a discussion that will contribute to development of dispute skills. At the same time reading is just one of the levels of the work on the topic. The work should result in a creative task: delivering of student’s own report on a selected topic.

Ключевые слова: Русская история на уроках РКИ, русский язык как иностранный, обучение аудированию, образ чиновника, государственный человек, ведение дискуссии.

Key words: Russian history at the lessons of Russian as a foreign language, Russian as a foreign language, statesman, training listening skills, discussion skills.

Образ государственного человека – чиновника – не случайно привлекал внимание русских писателей. Человек, от которого зависит сегодняшний и завтрашний день России, осознающий свой долг перед государством, в XIX веке реже появлялся на страницах русской литературы, чем герой, считающий государственную службу лишь способом получения не всегда законных доходов. Образ чиновника, описанного Гоголем в «Мёртвых душах», о котором трудно сказать, «он ли был создан для места или место для

него», обобщал черты, характерные для определенного человеческого типа. «Маленький человек» Пушкина, Гоголя и Достоевского стал ещё одним воплощением образа чиновника, который вряд ли ощущал себя в полной мере «государственным человеком», но страдал от государственной системы. Сочувственное отношение к «маленькому человеку» сменилось иным осмыслением, с которым мы встречаемся в произведениях Чехова. Писателей XX века интересовали различные проявления личности советского чиновника, её отношение к закону и невозможность сохранить себя в столкновении с государством. Образы чиновников, представленные в русской литературе XIX-XX веков, часто становились объектом литературоведческого анализа, но они могут рассматриваться и в рамках лингвокультурологии, и тогда на первый план выступает «культурная память текста», о которой писал [Лотман, 1997, с. 204]. Именно лингвокультурологический подход позволяет в процессе анализа художественного текста сделать определённые выводы о важных гранях национального характера, которые отражаются в языковой картине мира.

С образом «государственного человека» – человека, имеющего власть или состоящего при власти, служащего, чиновника, государственного деятеля, – иностранные студенты могут познакомиться, читая не только художественные, но и публицистические, научные тексты, при этом важную роль играет как содержание текстов, так и насыщенность их лексико-грамматическим материалом. Обсуждение этих проблем в процессе изучения студентами текстов русских писателей представляется полезным, в данной же работе мы предлагаем рассмотреть, каким может быть осмысление данной темы на ином материале, и показать, как текст, в основе которого история человека, жившего более ста лет назад, может быть использован в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Тематика занятий во многом определяется профессиональными интересами обучаемых, требованиями программы, а также уровнем владения русским языком. Образ государственного служащего предлагается в качестве темы на занятиях по русскому языку как иностранному именно потому, что дает возможность выйти на обсуждение актуальных вопросов современности, общественно-политических проблем, взаимоотношений личности и общества. Как правило, эта тема вызывает интерес у молодёжной аудитории: государственная служба относится к числу сфер, в которых многие выпускники в дальнейшем хотели бы проявить себя.

Первым этапом данной работы должно стать знакомство с текстом, представляющим собой биографию «государственного человека». Текст может быть предложен в качестве материала для обучения чтению или аудированию. Как известно, на

уроке русского языка как иностранного весьма важно последовательно развивать различные виды речевой деятельности: чтение и аудирование, письмо и говорение. Потенциал предлагаемой темы достаточно широк и действительно дает возможность отрабатывать навыки, важные в процессе овладения данными видами речевой деятельности. Нам представляется, что именно аудирование может быть удачным началом работы над данной темой. При этом не исключается и чтение дополнительных текстов, которые расширяют и углубляют информацию.

Студентам предлагается прослушать текст «Пётр Аркадьевич Столыпин», перед прослушиванием выполняются предтекстовые упражнения. Личность Столыпина, безусловно, оставила глубокий след в русской истории, при этом, как правило, имя этого государственного деятеля незнакомо иностранным студентам. Таким образом расширяются их представления о русской истории начала XX века, более понятными становятся и те противоречивые процессы, которые происходили тогда.

Преподаватель знакомит студентов со словами, которые затрудняют восприятие:

Петр Аркадьевич Столыпин

Дрезден

Швейцария

поэт Лермонтов

князь Горчаков

министр иностранных дел

город Орёл

физико-математический факультет

биология

ботаника

агрономия

химик Менделеев

высказывать мысли (о чём?)

полководец Суворов

поступить на государственную службу

делать карьеру

получить новое назначение

губернатор

министр внутренних дел

Председатель Совета министров

революционные выступления

реакционер

«Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия» – слова Столыпина
проводить аграрную реформу

выгодные кредиты

террористы

совершать покушение

охота на человека

Работа с лексикой не ограничивается переводом слов на родной язык, студенты должны дать объяснение словам и словосочетаниям, используя по возможности реалии современной действительности. Далее студентам предлагается прослушать текст (при необходимости дважды), записать информацию и ответить на вопросы.

Пётр Аркадьевич Столыпин

Когда сегодня мы говорим о будущем России, мы вспоминаем о людях, которые играли важную роль в её прошлом. Таких людей в русской истории было много. Один из них – известный государственный деятель начала XX века Пётр Аркадьевич Столыпин.

Пётр Аркадьевич Столыпин родился 15 апреля 1862 года в немецком городе Дрездене. Детство Столыпина прошло в России. Его отец был военным, генералом, поэтому семья часто переезжала с места на место. Как и многие аристократы, Столыпина часто ездили отдыхать за границу, в Швейцарию. Эти поездки оказали большое влияние на взгляды Петра Столыпина: он видел, как живут люди в Европе, и понимал, что российскую жизнь нужно изменить.

В детстве Столыпин хорошо учился, он занимался математикой, химией, иностранными языками. Он рано начал интересоваться историей своей семьи, которая стала известной ещё в XVI веке. Родители Столыпина происходили из известных аристократических семей: отец был родственником известного русского поэта Лермонтова и другом русского писателя Л.Н. Толстого, с которым он познакомился во время войны на Кавказе. Дед Столыпина, князь Горчаков, был министром иностранных дел России и другом А.С. Пушкина.

Когда Петру было 19 лет, он окончил гимназию в городе Орле и уехал в Петербург, чтобы продолжать образование. В 1881 году он стал студентом физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Пётр был способным студентом. Он изучал не только физику и математику, но и химию, биологию, ботанику, агрономию. Однажды на экзамене по химии он отвечал известному русскому химику Д.И. Менделееву. Ответ продолжался больше часа, Менделеев с интересом разговаривал со студентом, который смело высказывал свои мысли о науке.

Ещё не окончив университет, Пётр Столыпин женился. Его женой стала внучка известного русского полководца А.В. Суворова. Семейная жизнь Петра Аркадьевича была счастливой – у Столыпиных было шестеро детей, Пётр Аркадьевич был прекрасным мужем и отцом.

После окончания университета в 1884 году Пётр Столыпин поступил на государственную службу. Талантливый молодой человек быстро делал карьеру, но думал он не о славе, а о судьбе России. В 40 лет он стал самым молодым российским губернатором. Являясь губернатором, Пётр Столыпин много думал о том, как решить экономические и политические проблемы страны.

В 1906 году Столыпин получил новое назначение – он стал министром внутренних дел России. Столыпин не хотел этого назначения, но царь Николай II сказал ему: «Я Вам приказываю», – и Столыпин согласился, а потом стал и председателем Совета министров.

В это время в разных городах России происходили революционные выступления. Став министром внутренних дел, Столыпин боролся с революционным движением в России. Эта борьба была жестокой, поэтому многие историки и сейчас называют Столыпина реакционером. О революционерах он говорил так: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Несмотря на то что Столыпин боролся с революцией, он много делал для рабочих. Он предлагал организовать обязательное страхование и медицинскую помощь для рабочих, говорил о том, что народу нужно дать бесплатное начальное образование. Он хорошо знал экономику и право и понимал, что нужно изменить в жизни России.

Для того чтобы сделать Россию «великой», Столыпин работал день и ночь. Он спал не более четырёх часов, ездил в разные города России, встречался с разными людьми. Столыпин говорил, что в стране нужно проводить аграрную реформу и предложил свой вариант этой реформы. Столыпин предлагал давать богатым крестьянам выгодные кредиты, чтобы они могли переехать на новые территории в Сибирь. Он говорил, что при создании реформы думал об умных и сильных, а не о слабых и пьяных русских людях. Эта реформа могла сыграть большую роль в экономике России, но Столыпин не успел довести её до конца. Террористы много раз хотели убить Столыпина, они совершали покушения на него. Им не нравилась его решительная борьба с революцией. В результате одного из покушений погибли 30 человек, были тяжело ранены сын и дочь Столыпина, но Пётр Аркадьевич продолжал свою деятельность. Революционеры совершили 11 покушений на Столыпина, это была настоящая охота на человека. В сентябре 1911 года Столыпин был убит террористом в Киеве.

Пётр Аркадьевич Столыпин прожил яркую жизнь, которую он посвятил служению России. По масштабам своей личности он превосходил других политиков того времени. Он руководил страной только пять лет, но оказал большое влияние на развитие России. Иногда историки говорят о том, что если бы он не погиб, революции бы не было. В результате реформ, которые он начал проводить, Россия стала играть важную роль в мировой экономике. История жизни этого человека помогает понять русскую жизнь начала XX века. Его имя навсегда осталось в русской истории.

Вопросы к тексту:

1. О каких людях мы вспоминаем, когда говорим о будущем?
2. Где и когда родился Пётр Аркадьевич Столыпин?
3. Почему семья Столыпиных часто переезжала с места на место?
4. Как повлияли на Столыпина поездки в Европу?
5. Чем интересна история семьи Столыпиных?
6. Какое образование получил П.А. Столыпин? Какой интересный эпизод произошёл во время его учёбы в университете?
7. Что вы узнали о семейной жизни П.А. Столыпина?
8. Какими были его первые шаги на государственной службе?
9. Какую должность Столыпин занял по приказу царя Николая II?
10. Как проявил себя Столыпин, заняв должность министра внутренних дел?
11. Каким было его отношение к революции?
12. Почему некоторые историки считают Столыпина реакционером?
13. Как Столыпин старался изменить жизнь рабочих?
14. Какую аграрную реформу он хотел провести?
15. Почему террористы организовали «охоту» на Столыпина?
16. Как историки оценивают деятельность Столыпина?

Предлагаемые вопросы проверяют уровень понимания текста и готовят студентов к дальнейшей работе. Разумеется, количество вопросов может быть сокращено, но нам представляется, что эта часть работы наиболее важна, так как даёт возможность активизировать память студентов, сосредоточить их на уже записанных ими фактах. Данные вопросы предполагают полные, развёрнутые ответы студентов, в которых должна использоваться новая лексика. Студентам может быть предложено дать письменные ответы на вопросы, а затем написать связный текст – изложение.

Далее студентам предлагается познакомиться с высказываниями Столыпина и выполнить задание:

Прочитайте высказывания П.А.Столыпина. Какое из них вам кажется самым интересным? Объясните свою позицию. С каким высказыванием вы не можете согласиться?

1. Там, где деньги – там дьявол. Родина требует себе служения настолько жертвенно чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу.

2. В России любят затевать реформы только потому, что так легче скрыть неумение править.

3. Если, господа, существуют длинные периоды для обдумывания, то существуют исторические минуты для решения.

Следующим этапом работы должно стать обсуждение высказываний о П.А. Столыпине, в которых присутствуют различные оценки его личности и неоднозначные оценки деятельности этого человека. Студентам предлагается прочитать микротексты, в которых присутствует как негативная, так и позитивная оценка личности Столыпина и его деятельности.

1. А.И. Солженицын в книге «Август Четырнадцатого» писал, что если бы Столыпин не был убит в 1911 году, то предотвратил бы мировую войну и, соответственно, проигрыш в ней царской России, а значит, и захват власти большевиками, гражданскую войну и миллионы жертв этих трагических событий.

2. Философ И.А. Ильин и после смерти П.А. Столыпина считал, что «государственное дело Столыпина не умерло, оно живо, и ему предстоит возродиться в России и возродить Россию».

3. В.И. Ленин в статье «Столыпин и революция» (октябрь 1911) писал о нём как о вешателе, погромщике, который подготовил себя к министерской деятельности истязанием крестьян, устройством погромов. При этом он писал о нём как о главе контрреволюции».

Проделанные упражнения дают возможность перейти к следующему этапу работы над текстом – обсуждению личности «государственного человека» – чиновника, государственного деятеля, тех черт характера, которые должны быть ему свойственны.

Примерный круг вопросов для обсуждения.

1. Каким должен быть человек, состоящий на государственной службе? Что обязательно должно присутствовать в его характере? Что не должно быть свойственно этому человеку?

2. Можете ли вы описать идеального чиновника / государственного деятеля?

3. Много ли зависит от того, как чиновник, человек, состоящий на государственной службе, исполняет свои обязанности? Что может помешать ему честно исполнять свой долг?

4. Каким должно быть образование у человека, который занят на государственной службе?

5. Если у человека есть интересные идеи, программа, которая поможет ему изменить жизнь страны, сделать её лучше, многие ли люди будут готовы к переменам? Одобрит ли его большинство или он окажется в одиночестве?

6. Какие советы вы могли бы дать такому человеку?

7. Если бы вам нужно было взять интервью у такого человека, какие вопросы вы хотели бы ему задать?

8. Может ли молодой возраст помешать человеку реализовать себя в области государственных преобразований? Людям какого возраста доверяет население вашей страны?

9. Вызывает ли государственная служба интерес у молодого поколения жителей вашей страны? Что в большей степени привлекает современных молодых людей: бизнес, работа в крупной частной компании или государственная служба?

10. Был ли в истории вашей страны государственный деятель, чьи решения повлияли на экономику, политику, идеологию поколения или определили дальнейшее развитие вашей страны? Расскажите биографию этого человека, охарактеризуйте его личность. Однозначно ли его оценивали (оценивают)?

Задания 1 – 9 дают возможность проведения занятия в форме дискуссии. Студенты имеют возможность выразить различные точки зрения, отработать навыки ведения дискуссии, вспомнить этикетные выражения, которые используются в процессе дискуссии. Последнее задание (№10) даёт студентам возможность выступить с заранее подготовленным сообщением.

Предложенный в данной статье вариант работы над темой может быть изменен в зависимости от разных факторов. Русская история дает множество возможностей для того, чтобы отправной точкой стали исторические лица, жившие в разные эпохи. Во многом это может зависеть от того, каковы профессиональные устремления студентов, изучающих материал.

Список литературы:

Бок М. Воспоминания о моем отце / М. Бок. – М.: Эксмо, 2014. 320 с.

Ленин В.И. Столыпин и революция / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений, т. 20. С. 324-333.

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю.М. Лотман // Русская словесность. Антология. – М.: Academia, 1997. С. 202-205.
Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 томах / А.И. Солженицын. – Том 7. Красное Колесо. Узел I. Август Четырнадцатого. Книга 1. – М.: Время, 2007. 432 с.
Столыпин П.А. Избранное. Речи. Записки. Письма / П.А. Столыпин. – М.: РОССПЭН, 2010. 527 с.

References:

Bok M. Vospominaniya o moem ottse [Memories of my Father] / M. Bok. – М.: Ehksmo, 2014. 320 p. (In Russian).
Lenin V.I. Stolypin i revolyutsiya [Stolypin and the Revolution] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenii [Complete Collection of Works], vol. 2. P. 324-333. (In Russian).
Lotman Yu.M. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta [Semiotics of Culture and the Concept of Text] / Yu.M. Lotman // Russkaya slovesnost'. Antologiya [Russian literature. Anthology]. – М.: Academia, 1997. P. 202-205. (In Russian).
Solzhenitsyn A.I. Sobranie sochinenii v 30 tomakh [Collected Works in 30 Volumes] / A.I. Solzhenitsyn. – Том 7. Krasnoe Koleso. Uzel I. Avgust Chetyrnadtsatogo. Kniga 1 [Volume 7. Red Wheel. Node I. 14th of August. Book 1]. – М.: Vremya, 2007. 432 p. (In Russian).
Stolypin P.A. Izbrannoe. Rechi. Zapiski. Pis'ma [Selected Writings. Speeches. Notes. Letters] / P.A. Stolypin. – М: ROSSPEHN, 2010. 527 p. (In Russian).

Лесневская Димитрина Спасова
Университет национального и мирового хозяйства
г. София (Болгария)

Lesnevskaya Dimitrina
University of National and World Economy
Sofia (Bulgaria)

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСЛАВЯНСКОМУ

FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE IN TEACHING RUSSIAN AS OTHER SLAVIC LANGUAGE

Статья посвящена особенностям формирования экологической культуры в процессе обучения русскому языку как инославянскому. Современное глобальное образование предполагает экологизацию иноязычного образования. Рассмотрено понятие «экологическая культура». Дана характеристика различных компонентов структуры экологической культуры. Проанализирована роль культурологического и экологического подхода для формирования экологической культуры в обучении русскому языку как инославянскому в болгарской среде. Раскрыта специфика формирования экологической культуры в инославянской среде. Подчёркивается важность соизучения языков и культур в иноязычном образовании для сохранения культурного и природного разнообразия, устойчивого развития окружающей среды, историко-культурной памяти.

The article is devoted to the particularities of the formation of ecological culture in the process of teaching Russian as other Slavic language. Modern global education involves the greening of foreign language education. The concept of “ecological culture” is considered. The characteristic of various components of the structure of ecological culture is given. The role of cultural and ecological approaches for the formation of ecological culture in teaching Russian as other Slavic language in the Bulgarian environment is analyzed. The specifics of the formation of ecological culture in another Slavic environment are revealed. The importance of co-learning languages and cultures in foreign language education for the preservation of cultural and natural diversity, sustainable development of the environment, and historical and cultural memory is emphasized.

Ключевые слова: экологическая культура, глобальное образование, экологическое образование, устойчивое развитие, иноязычное образование, культурологический подход, экологический подход, русский язык как инославянский, экологическая компетентность, экологическое сознание, межкультурная коммуникация, диалог культур.

Key words: ecological culture, global education, ecological education, sustainable development, foreign language education, cultural approach, ecological approach, Russian as other Slavic language, ecological competence, ecological consciousness, cross-cultural communication, dialogue of cultures.

В настоящее время особое внимание обращается на формирование экологической культуры в школе и вузах в рамках глобального образования. Идёт процесс экологизации обучения иностранному языку студентов с целью становления экологической компетентности в контексте экологического образования в интересах устойчивого развития. Рассмотрим сущность и компонентный состав понятия «экологическая культура», проанализируем роль культуросообразных подходов для формирования экологической культуры в обучении русскому языку как инославянскому в болгарской среде.

Экология культуры включает в себя связь человека и природы, экологическую культуру личности, сохранение культурного наследия. Экология языка, природы и культуры как единое целое детально рассмотрена в теории целостности культуры Д.С. Лихачёва [Лихачов, 2018]. В своей книге «Русская культура» академик Лихачёв подтверждает, что русский язык и культура необыкновенно богатые, русская культуросфера представляет великую культуру, великую страну и великий народ [Лесневская, 2018, с. 114]. Современное понимание культуры предполагает соединение человека с природой, включая в методику преподавания современной экологии социальную экологию [Хусаинов, 2005]. Воспитательная работа университета как средство формирования экологической культуры будущих учителей детально разработана в России [Дорошко, 2014]. Процесс оформления экологической культуры личности учащихся (студентов) происходит на базе взаимодействия с педагогическим образовательным пространством [Залесская, 2008]. Разработаны принципы формирования экологической культуры в образовании [Duong Huong, 2018]. Культура как ключевой концепт лингводидактики рассматривается в трудах Е.Г. Таревой [Тарева, 2017].

Процесс экологического воспитания студенческой молодёжи связан с формированием экологической культуры, при котором важную роль играют принципы культуросообразности (воспитание на основе общечеловеческих ценностей культуры), природосообразности (воспитание и развитие в единстве с окружающей природой), а также краеведческий принцип (решение местных экологических проблем, участие в региональной природоохранной деятельности), причём уровень экологической культуры проявляется в эффективности экологической деятельности [Шлюндт, 2014, с. 164]. Детально разработана экосистемная модель в инклюзивной образовательной среде в Болгарии [Гърбачева, 2015].

Новая методика преподавания иностранных языков сформировалась на теоретической базе экопедагогики, экодидактики, эколингвистики в русле концепции глобального образования и экологического образования в новой экосоциальной межкультурной перспективе [Grigorov, 2012]. К обучению иностранным языкам разработана система культуросообразных подходов. Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования детально рассмотрено в трудах В.В. Сафоновой [Сафонова, 2014]. Формированию экологической культуры у студентов педагогических вузов средствами изучения иностранного языка посвящена диссертация Соколовой Н.Н. [Соколова, 2002]. Создан рекомендательный библиографический список работ (книг, словарей, учебников и др.), посвящённых

формированию экологической культуры на уроках иностранного языка [Черба и др., 2017].

Рассмотрим структуру понятия экологической культуры. Экологическая культура – часть общечеловеческой культуры, система социальных отношений и норм, взглядов и ценностей в рамках взаимоотношений человека и природы. Экологическая культура является разделом культурологии. Структура экологической культуры состоит из таких компонентов, как экологические знания и умения; экологическое сознание, мышление, мировоззрение; ценностные ориентации, отношение к окружающей среде; экологическое поведение, природоохранительная деятельность.

Диалог культур является ключевым элементом обучения иностранным языкам, причём новые стратегии предполагают паритетность культур родного и изучаемого языков. Посредством сопоставления фактов и событий студент оказывается на пересечении культур [Тарева, 2019, с. 82].

В процессе обучения иностранным языкам с экологической направленностью применяется интегративный подход к преподаванию экологического учебного содержания на основе междисциплинарного характера экологической проблематики [Арнаудова-Отузбирова, 2016]. В систему культуросообразных подходов к эко-обучению иностранным языкам входит культурологический подход, межкультурный подход, экологический подход и эколингвистический подход [Лесневская, 2019]. Культурологический подход представляет иноязычную культуру и родную культуру во всей полноте в сочетании с экологическим подходом и эколингвистическим подходом. Эко-обучение иностранным языкам основано на диалогическом общении. Предметом обучения являются компоненты культуры речи и нормированности речи в межкультурном аспекте соизучения иностранного языка и иностранной культуры при сопоставлении и сравнении с родным языком и родной культурой. Эколингвистический подход направлен на формирование экологической компетентности, включающей экологические знания, экологическое сознание и воспитание, утверждающее здоровый образ жизни. Целью обучения иностранным языкам является формирование иноязычной концептосферы, развитие экологической культуры студентов в процессе межкультурной коммуникации на иностранном языке [Wiertelwska, 2011]. При преподавании иностранных языков в русле глобального образования подчёркивается связь языка с историей, культурой, окружающей средой и природой с целью осуществления экологического воспитания и формирования жизненной потребности в саморазвитии и гармонии со средой и природой. При межкультурной коммуникации на уроках иностранного языка осуществляется переход границ от одного языка к другому (пересечение культур и языков, билингвизм).

В Болгарии разработаны современные подходы к обучению русскому языку как инославянскому [Лесневская, 2018]. На уроках русского языка в болгарской аудитории применяется контрастивный сравнительно-сопоставительный подход с выделением общей славянской лексики. Для формирования экологической культуры используется эколингвистический подход на базе материалов экологического содержания. Изучается русская литературно-нормированная речь как основа культуры русской речи, русский речевой этикет в форме диалогов с элементами языковой игры [Лесневская, Лесневска 2019].

При экологическом обучении русскому языку как инославянскому в болгарской среде учитывается общность славянской ментальности, культуры и истории. Общий кириллический алфавит способствует эффективности обучения.

На уроках русского языка рассматриваются материалы русского и болгарского фольклора экологической направленности с включением исторических и культурных комментариев, сравнительного и сопоставительного анализа на базе перевода и работы с русско-болгарскими и болгарско-русскими словарями. Для чтения и анализа выбираются актуальные экотексты на изучаемом русском языке на тему взаимосвязи человека и природы, защиты окружающей среды и ведения здорового образа жизни, используются различные иллюстративные материалы [Лесневская, 2019].

Для болгарской общественности большую ценность представляет собой книга академика Д.С. Лихачёва «Русская культура», которая была переведена на болгарский язык в 2018 г. болгарской переводчицей М. Петковой. Для болгарских преподавателей русского языка этот перевод с богатыми иллюстрациями очень ценен для осуществления уроков по переводоведению с болгарского на русский язык с целью формирования экологической культуры.

В болгарском иноязычном образовании осуществляется обучение второму иностранному языку – кроме обучения русскому языку, имеющему статус международного языка, изучаются ещё английский, французский, немецкий, испанский и другие языки. Так формируются полиязычие и поликультурность в русле глобального образования. Для формирования экологической культуры (экологические знания, экологическое сознание, экологическое отношение к природе и природоохранная деятельность) применяется глобализованный эколингвистический подход к обучению иностранным языкам. Болгарская языковая политика строится на основе экологии национального болгарского языка с учетом сохранения культурного и природного разнообразия, устойчивого развития окружающей среды, поддержания и развития историко-культурной памяти.

Формирование экологической культуры в обучении русскому языку как инославянскому – задача болгарской, сербской, словенской, польской и других славянских методик преподавания русского языка [Марич, 2015; Петрович, 2015]. Особенности педагогической практики для русистов на филологическом факультете Белградского университета посвящено исследование Л. Меденицы [Меденица, 2020]. Обучение русскому языку как иностранному (инославянскому) в сербской среде, по сравнению с другими изучаемыми в Сербии языками, имеет свои преимущества – обучение близкородственному языку значительно легче ввиду использования кириллического алфавита в обоих языках, наличия исторических, духовных, политических и других связей между странами [Меденица, 2020, с. 77].

На 59-ом Собрании славистов Сербии «Актуальные вопросы изучения и преподавания славянских языков, литератур и культур», Белград, 28–29 января 2021 г., ряд докладов был посвящён проблемам лингводидактики, в частности преподаванию русского языка как инославянского. Так, О. Трапезникова (Нишский университет, г. Ниш, Сербия) выступила с докладом об использовании подкастов в обучении русскому языку как инославянскому. Доклад Д. Радойчич (Белградский университет, г. Белград, Сербия) был посвящён формированию лингвистической и лингвокультурной компетенции на уроках профессионального русского (военного) подъязыка как инославянского в сербской среде.

Преподавание русского языка как инославянского в чешской и словацкой аудитории отражено в трудах Е.М. Марковой [Маркова, 2020]. В Чехии и Словакии русский язык изучается в качестве второго иностранного языка. Методологической основой исследования является опора на принципы обучения русскому языку в инославянской среде: принцип опоры на родной язык, принцип учёта первого иностранного (английского) языка [Маркова, 2020, с. 60].

Итак, формирование экологической культуры в процессе обучения русскому языку как инославянскому и международному, универсальному (лингва франка) – первостепенная задача славянских методик преподавания русского языка.

Список литературы:

- Арнаудова-Отузбирова А.Л.* Интегративен подход за изучаване на английски език чрез екологично учебно съдържание при студенти педагози. Автореферат на дис. Труд за присъждане на научна степен «доктор» по педагогика / А.Л. Арнаудова-Отузбирова. – Стара Загора, 2016. 45 с.
- Гърбачева А.* Екологичният подход в инклузивното образование / А. Гърбачева. – Велико Търново: АИО, 2015. 176 с.
- Дорошко О.М.* Воспитательная работа университета как средство развития экологической культуры будущих учителей / О.М. Дорошко // Известия ВГПУ. – 2014. С. 168-173.

- Залеская Ю.И.* Управление процессом формирования экологической культуры личности / Ю.И. Залеская // Кіраванне ў адукацыі. – 2008, № 4. С. 12-16.
- Лесневска Р.В.* Акад. Дмитрий Лихачов. Руската култура / Р.В. Лесневска [Преводач: М. Петкова]. – София: Изток-Запад, 2018. Рецензия // Русистика без граници, 2018, Т. II, № 1. С. 113-119.
- Лесневская Д.С.* Современные подходы к обучению русскому языку как инославянскому в болгарской аудитории / Д.С. Лесневская // Славистика XXII-2. – 2018. С. 140-147.
- Лесневская Д.С.* Эколингвистика и экологизация обучения иностранным языкам / Д.С. Лесневская // Славистика XXIII-1. – 2019. С. 183-188.
- Лесневская Д.С., Лесневска Р.В.* Эколингвистический подход к обучению РКИ в болгарской аудитории / Д.С. Лесневская, Р.В. Лесневска // Филология в XXI веке. Спецвыпуск. – Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2019. С. 174-179.
- Лихачов Д.С.* Руската култура / Д.С. Лихачов [Преводач: М. Петкова]. – София: Изток-Запад, 2018. 480 с.
- Марич Б.* Состояние и перспективы изучения русского языка в инославянской среде / Б. Марич // Этнодиалоги I. – М.: Этносфера, 2015. С. 26-34.
- Маркова Е.М.* Русский язык на постсоветском образовательном пространстве Чехии и Словакии / Е.М. Маркова // Русистика без граници. – 2020, Т. IV, № 2. С. 60-69.
- Меденица Л.* Актуальное состояние педагогической практики для русистов на филологическом факультете Белградского университета / Л. Меденица // Русистика без граници. – 2020, Т. IV, № 3. С. 77-84.
- Петрович С.* Педагогическая практика для студентов-русистов в сербской среде: актуальное состояние и перспективы / С. Петрович // Русский язык как инославянский VII. – Белград: Славистичко друштво Србије, 2015. С. 104-114.
- Сафонова В.В.* Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования / В.В. Сафонова // Язык и культура. – 2014, № 1 (25). С. 123-141.
- Соколова Н.И.* Формирование экологической культуры у студентов педагогических вузов средствами изучения иностранного языка: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Н.И. Соколова. – Рязань, 2002. 274 с.
- Тарева Е.Г.* Культура как ключевой концепт лингводидактики / Е.Г. Тарева // Русистика без граници. – 2017, Т. I, № 1. С. 58-63.
- Тарева Е.Г.* Обучение диалогу культур pro et contra / Е.Г. Тарева // Русистика без граници. – 2019, Т. III, № 3. С. 80-84.
- Хусаинов З.А.* Основы формирования экологической культуры учащихся / З.А. Хусаинов // Инновации в образовании. – 2005, №2. С. 66-72.
- Черба С.В., Кондратьева С.В., Черкашина М.М.* Формирование экологической культуры на уроках иностранного языка: Рекомендательный библиографический список / С.В. Черба, С.В. Кондратьева, М.М. Черкашина. – Курган: Курганская областная универсальная библиотека, 2017. 60 с.
- Шлюндт С.А.* Экологическое воспитание студенческой молодежи: культуроведческий аспект / С.А. Шлюндт // Педагогическое образование в России. – 2014, № 11. С. 161-165.
- Duong Thi Huong, Ngo Thi Tan Huong.* Ecological Culture and Educational Issue of Ecological Culture – Motivation for the Human Development / Duong Thi Huong, Ngo Thi Tan Huong // American Journal of Educational Research. – 2018, 6(6). P. 694-702.
- Grigorov S.* Ecopedagogy: educating for a new eco-social intercultural perspective / S. Grigorov // Visao Global. – 2012, v. 15, n. 1-2. P. 433-454.
- Wiertlewska J.* Ecolinguistic approach to foreign language teaching on example of English / J. Wiertlewska // Glottodidactica. – 2011, vol. XXXVII. P. 141-151.

References:

- Arnaudova-Otuzbirova A.L.* Integrativen podhod za izuchavane na angliyski ezik chrez ekologichno uchebno sadarzhanie pri studenti pedagozi. Avtoreferat na dis. Trud za prisazhdane na nauchna stepen «doktor» po pedagogika [Integrative Approach to the Study of the English Language Through Environmental Educational Content in Students-Teachers. Abstract of the dis. work on the award of the academic degree “Doctor” of pedagogy] / A.L. Arnaudova-Otuzbirova. – Stara Zagora, 2016. 45 p. (In Bulgarian).
- Cherba S.V., Kondrat'yeva S.V., Cherkashina M.M.* Formirovaniye ekologicheskoy kul'tury na urokakh inostrannogo yazyka: Rekomendatel'nyy bibliograficheskiy spisok [Formation of Ecological Culture at Foreign Language Lessons: A Reference Bibliographic List] / S.V. Cherba, S.V. Kondrat'yeva, M.M. Cherkashina. – Kurgan: Kurganskaya oblastnaya universal'naya biblioteka, 2017. 60 p. (In Russian).
- Doroshko O.M.* Vospitatel'naya rabota universiteta kak sredstvo razvitiya ekologicheskoy kul'tury budushchikh uchiteley [Educational Work of the University as a Means of Developing the Ecological Culture of Future Teachers] / O.M. Doroshko. – Izvestiya VGPU, 2014. P. 168-173 (In Russian).
- Duong Thi Huong, Ngo Thi Tan Huong.* Ecological Culture and Educational Issue of Ecological Culture – Motivation for the Human Development / Duong Thi Huong, Ngo Thi Tan Huong // American Journal of Educational Research. – 2018, 6(6). P. 694-702.
- Garbacheva A.* Ekologichniyat podhod v inkluzivnoto obrazovanie [Ecological Approach in Inclusive Education] / A. Garbacheva. – Veliko Tarnovo: AIO, 2015. 176 p. (In Bulgarian).
- Grigorov S.* Ecopedagogy: educating for a new eco-social intercultural perspective / S. Grigorov // Visao Global. – 2012, v. 15, n. 1-2. P. 433-454.
- Khusainov Z.A.* Osnovy formirovaniya ekologicheskoy kul'tury uchaschikhsya [Fundamentals of the Formation of Ecological Culture of Students] / Z.A. Khusainov // Innovatsii v obrazovanii [Innovations in Education]. – 2005, n. 2. P. 66-72 (In Russian).
- Lesnevskaya R.V.* Akad. Dmitriy Likhachov. Ruskata kultura [Acad. Dmitry Likhachev. Russian Culture] / R.V. Lesnevskaya // Translated by M. Petkova. – Iztok-Zapad, 2018. Retsenziya. Rusistika bez granitsi [Russian studies without borders]. – 2018, vol. II, n.1. P. 113-119 (In Bulgarian).
- Lesnevskaya D.S.* Ekolingvistika i ekologizatsiya obucheniya inostrannym yazykam [Ecolinguistics and the Greening of Teaching Foreign Languages] / D.S. Lesnevskaya // Slavic studies XXIII-1. – 2019. P. 183-188 (In Russian).
- Lesnevskaya D.S.* Sovremennyye podkhody k obucheniyu russkomu yazyku kak inoslavyanskomu v bolgarskoy auditorii [Modern Approaches to Teaching Russian as Other Slavic Language in the Bulgarian Audience] / D.S. Lesnevskaya // Slavic studies XXII-2. – 2018. P. 140-147 (In Russian).
- Lesnevskaya D.S., Lesnevskaya R.V.* Ekolingvisticheskiy podkhod k obucheniyu RKI v bolgarskoy auditoria [Ecolinguistics Approach to Learning Russian Language as Foreign in the Bulgarian Audience] / D.S. Lesnevskaya, R.V. Lesnevskaya // Philology in the twenty-first century. Special Issue. – Perm: Izd-vo PGNIU, 2019. P. 174-179 (In Russian).
- Likhachov D.S.* Ruskata kultura. [Russian Culture] / D.S. Likhachov // Translated by M. Petkova. – Sofia: Iztok-Zapad, 2018. 480 p. (In Bulgarian).
- Marich B.* Sostoyaniye i perspektivy izucheniya russkogo yazyka v inoslavyanskoy srede [State and Prospects of Studying the Russian Language in Another Slavic Environment] / B. Marich // Ehtnodialogi I [Etnodialogues I]. – M.: Ehtnosfera, 2015. P. 26-34 (In Russian).
- Markova Ye.M.* Russkiy yazyk na postsovetskom obrazovatel'nom prostranstve Chexii i Slovaki [Russian Language in the Post-Soviet Educational Space of the Czech Republic and Slovakia] / Ye.M. Markova // Rusistika bez granitsi [Russian studies without borders]. – 2020, Vol. IV, n. 2. P. 60-69 (In Russian).
- Medenitsa L.* Aktual'noye sostoyaniye pedagogicheskoy praktiki dlya rusistov na filologicheskom fakul'tete Belgradskogo universiteta [Actual State of Pedagogical Practice for Students of Russian Philology at the Faculty of Philology of the University of Belgrade] / L. Medenitsa // Rusistika bez granitsi [Russian studies without borders]. – 2020, Vol. IV, n. 3. P. 77-84 (In Russian).

- Petrovich S.* Pedagogicheskaya praktika dlya studentov-rusistov v serbskoy srede: aktual'noye sostoyaniye i perspektivy [Pedagogical Practice for Students of Russian Philology in the Serbian Environment: Current State and Prospects] / S. Petrovich // *Russkii yazyk kak inoslavyanskii VII* [Russian language as other Slavic language VII]. – Belgrade: Slavistichko drushtvo Srbije, 2015. P. 104-114 (In Russian).
- Safonova V.V.* Soizucheniye yazykov i kul'tur v zerkale mirovykh tendentsiy razvitiya sovremennogo yazykovogo obrazovaniya [Co-study of Languages and Cultures in the Mirror of World Trends in the Development of Modern Language Education] / V.V. Safonova // *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. – 2014, n. 1 (25). P. 123-141 (In Russian).
- Shlyundt S.A.* Ekologicheskoye vospitaniye studencheskoy molodezhi: kul'turovedcheskiy aspect [Ecological education of students: cultural aspect]. *Pedagogical education in Russia*, 2014, n. 11. pp. 161-165. (In Russian).
- Sokolova N.I.* Formirovaniye ekologicheskoy kul'tury u studentov pedagogicheskikh vuzov sredstvami izucheniya inostrannogo yazyka : Dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.01 [Formation of Ecological Culture Among Students of Pedagogical Universities by Means of Studying a Foreign Language: Dis. ... Ph.D. (Pedagogy): 13.00.01] / N.I. Sokolova. – Ryazan, 2002. 274 p. (In Russian).
- Tareva Ye.G.* Kul'tura kak klyuchevoy kontsept lingvodidaktiki [Culture as a Key Concept Linguodidactics] / Ye.G. Tareva // *Rusistika bez granitsi* [Russian studies without borders]. – 2017, vol. I, n. 1. P. 58-63 (In Russian).
- Tareva Ye.G.* Obucheniye dialogu kul'tur pro et contra [Training in the Dialogue of Cultures pro et contra] / Ye.G. Tareva // *Rusistika bez granitsi* [Russian studies without borders]. – 2019, Vol. III, n. 3. P. 80-84 (In Russian).
- Wiertlewska J.* Ecolinguistic approach to foreign language teaching on example of English / J. Wiertlewska // *Glottodidactica*. – 2011, vol. XXXVII. P. 141-151.
- Zallesskaya Yu.I.* Upravleniye protsessom formirovaniya ekologicheskoy kul'tury lichnosti [Managing the Process of Formation of Ecological Culture] / Yu.I. Zallesskaya // *Management in education*. – 2008, n. 4. P. 12-16 (In Russian).

Литвинова Галина Михайловна
Щеголькова Ирина Михайловна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Litvinova Galina
Shchegolkova Irina
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ОПЫТ СОЗДАНИЯ МОБИЛЬНОГО ТРЕНАЖЕРА ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ИЗУЧАТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

EXPERIENCE OF CREATING A MOBILE SIMULATOR FOR BEGINNER LEARNERS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

В статье поднимаются вопросы, связанные с назревшей необходимостью создания новых мобильных приложений для изучающих русский язык как иностранный. Эта необходимость продиктована стремительно развивающимися технологиями и потребностями и запросами поколения, которое получило название «цифровое поколение». Мобильные приложения для изучения русского языка как иностранного, одной из разновидностей которых становятся лингвотренажеры, способны обеспечить массовое и динамичное освоение современного русского языка людьми разного возраста и различного начального уровня языковой подготовки. Благодаря включению в методику мультимедийного лингвотренинга элементов игры и принципов психолингвистики, появляется возможность пополнить активный словарный запас за небольшой срок и преодолеть коммуникативные барьеры. Авторы статьи поделились своим опытом работы над мобильным приложением для изучающих русский язык как иностранный «Фиксики: учим русский язык».

The article considers issues related to the urgent need to create new mobile applications for learners of Russian as a foreign language. This need is driven by the rapidly evolving technologies and the needs and demands of the so-called “digital generation”. Mobile applications for learning Russian as a foreign language, one of the varieties of which are linguistic simulators, can ensure the massive and dynamic acquisition of contemporary Russian by people of different ages and different initial level of language. By including game elements and the principles of psycholinguistics in the multimedia linguistic training methodology, it becomes possible to expand active vocabulary in a short time and overcome communication barriers. The authors of the article shared their experience of working on a mobile application for learners of Russian as a foreign language "Fixies: Learn Russian".

Ключевые слова: цифровое поколение, мобильный лингвотренажер, новые подходы к методике преподавания русского языка как иностранного.

Key words: digital generation, mobile linguistic trainer, new approaches to teaching Russian as a foreign language.

Современный мир развивается невероятно быстро. Уже сложно представить свою жизнь без новейших технологий, гаджетов, смартфонов и прочих технических новинок. Важнейшим элементом новой реальности стал Интернет как всемирная система объединённых компьютерных сетей, который образовал глобальное информационное пространство и сформировал новую – альтернативную реальность, образовав многогранный культурный феномен и превратившись в поле для выгодного бизнеса.

Мы живем в новом цифровом пространстве, которое требует пересмотра отношения и

к обучению. Необходимо отметить, что мы не принадлежим к сторонникам полного перевода образования в дистанционный формат, не считаем, что можно отказаться от классической методики, построенной на системе «учитель – ученик». Как бы ни стремились определить сегодня учителя и его функции (коучинг, тьюторство, тренинг и пр.), заменить преподавателя в учебном процессе невозможно. Однако в последние годы сильно изменились роль и место учащегося в учебном процессе. Сейчас учащиеся активнее участвуют в процессе получения знаний, в углублении представлений об окружающем мире. Погружаясь в новый язык и новую языковую картину мира, они стремятся самостоятельно подбирать метод и способ обучения. Отвечая требованиям времени, современный подход к обучению все чаще строится на необходимости стимулировать интерес учащихся к творчеству и самореализации. Преподаватели стараются выработать у обучаемых желание и способность самостоятельно находить ответы на возникающие вопросы. В связи с этим возникает проблема формирования культуры самообразования, способности к самостоятельной образовательной деятельности у студентов и школьников. И в этом на помощь приходят новые информационно-коммуникационные технологии, которые все активнее используются в организации обучения, в процессе поиска информации, в ее обработке и представлении в различных формах.

Ещё в 2001 году Марк Пренски ввёл в обиход термин «цифровые аборигены», имея в виду людей, которые родились после цифровой революции. В русском языке чаще используется понятие «цифровое поколение» – это люди, которые привыкли получать информацию через цифровые каналы. Такие цифровые аборигены с раннего детства окружены компьютерами, видеоиграми, видеокамерами, смартфонами, гаджетами, они живут своей виртуальной жизнью в сети: «It is now clear that as a result of this ubiquitous environment and the sheer volume of their interaction with it, today's students think and process information fundamentally differently from their predecessors» – «Теперь ясно, что в результате такой вездесущей среды и постоянного взаимодействия с ней сегодняшние студенты думают и обрабатывают информацию принципиально иначе, чем их предшественники» (перевод наш – ГЛ., ИЩ.) [Prensky, 2001].

Новое поколение использует цифровую реальность как продолжение своей жизни. Это стало нормой. Поэтому методисты задумались над тем, как вместо исключительно развлекательного контента предложить молодёжи полезный образовательный продукт, пусть даже в ставшей уже привычной игровой форме. Специалисты устремились на поиски новых подходов к методикам преподавания иностранных языков, в частности русского как иностранного.

Недавний опыт, когда в связи с пандемией коронавируса все вынуждены были перейти

на дистанционное образование, с собой остротой продемонстрировал необходимость использования в процессе обучения самых разных средств коммуникации и разнообразных обучающих программ и мобильных приложений. Этой проблемой методисты заинтересовались уже несколько лет назад, и на сегодняшний день существует немалое количество таких программ.

Как известно, одним из основных требований современной лингводидактики является направленность на использование теоретических знаний на практике. Процесс обучения с самого начала направлен на речевую практику. Особенно важным становится первый год изучения языка, который закладывает основы жизни в языковой среде, прокладывает путь в естественную коммуникацию.

На начальном этапе обучения языку часто используются простые грамматические модели, которые действительно необходимы на этом уровне, но часто, с точки зрения коммуникативности, являются менее употребляемыми, чем более значимые, сложные эквиваленты. Такие модели, являясь определенным грамматическим конструктором, не всегда соответствуют реальной коммуникации. Поэтому часто возникает ситуация, когда учащийся легко понимает заученные в аудитории речевые модели, штампы и клише, но, оказавшись за пределами аудитории, обнаруживает, что не всегда понимает живую речь. Особенно это заметно у тех, кто изучает язык вне языковой среды.

Таким образом, одной из серьезных задач отечественной лингводидактики является разработка и внедрение учебных курсов совершенно новой концепции. Курсов, которые были бы ориентированы на использование естественного русского языка и отражали бы условия естественной коммуникации. Безусловно, на начальном уровне изучения русского языка как иностранного необходимо знакомить учащегося с нормативным языком, с классической системой русского языка. Но при этом используемые на занятиях учебные материалы для развития речевых навыков, а также восприятия современной речи должны отражать современное состояние русского языка, с которым иностранный учащийся ежедневно встречается в повседневной жизни.

Для этого очень полезным нам кажется уже давно вошедшее в практику преподавания РКИ использование учебных, художественных и мультипликационных фильмов, которые позволяют погрузиться в естественную, разговорную речь, научиться воспринимать её в естественном темпоритме и способствуют развитию речевых навыков учащихся в игровой форме. У студентов создается ощущение непосредственного включения в ситуацию речевого взаимодействия.

Именно направленность на подготовку к «реальной» коммуникации сегодня выделяется как одно из основных направлений современной методики преподавания РКИ.

Технические средства обучения прочно вошли в нашу жизнь. Идеи использовать цифровые технологии в обучении привели к появлению мобильной лингводидактики – раздела лингводидактики, в котором при преподавании и обучении используются мобильные и портативные ИТ-устройства (смартфоны, планшеты и т.п.). нужно отметить, что этот термин еще не устоялся в российской науке. В различных исследованиях встречаются такие определения этого феномена, как «мобильное обучение», «mobile learning», «m-learning». Наиболее часто используется «mobile learning». Среди преимуществ мобильной лингводидактики можно назвать возможность актуализировать необходимую лексику, отрабатывать различные конструкции. Использование мобильных приложений стимулирует творческие способности учащихся, мотивирует к дальнейшему изучению языка, поскольку сразу виден результат выполнения заданий. Кроме того, обучающиеся сами могут себя контролировать, радоваться своим успехам в условиях реального времени. Все вместе помогает оптимизировать учебный процесс.

Немаловажным фактором технических средств обучения является и то, что они, с одной стороны, базируются на лингвистических и культурологических традициях, с другой стороны, их контент может постоянно обновляться в соответствии со стремительно изменяющимся миром вокруг.

Не последнюю роль в учебном процессе играет принцип наглядности, который в полной мере может быть использован на современном этапе в мобильных приложениях. Новые ТСО не только значительно облегчают управление познавательной и практической деятельностью учащегося, но и доставляют обучаемому удовольствие и удовлетворение от учебной деятельности. Кроме того, они повышают мотивацию к изучению языка, мобилизуя психическую активность учащихся. При этом тренируется творческое воображение, снимается напряжение, характерное для учебного процесса; это, в свою очередь, помогает учащемуся расслабиться и с увлечением поиграть. Компьютерные технологии позволяют оживить грамматический материал. Кроме того, новые современные лингвотренажеры и мобильные приложения способствуют созданию комфортных условий для обучения, когда учащийся в любой момент может обратиться к программе и потренировать свои навыки и умения.

Мобильное приложение для изучения русского языка как иностранного является одной из разновидностей лингвотренажера – универсального мультимедийного технического средства обучения нового поколения, способного обеспечить массовое и динамичное освоение именно разговорного, аутентичного, современного русского языка людьми разного возраста и различного начального уровня языковой подготовки. Использование лингвотренажера доступно учащимся любого возраста. Благодаря включению в методику мультимедийного лингвотренинга элементов игры и принципов психолингвистики, появляется возможность

пополнить активный словарный запас на сотни слов за пару месяцев.

Лингвотренажер – не просто учебное пособие; фактически – это новая система, открывшая широкие возможности для международного общения, языковой практики и взаимопомощи людей, имеющих общие интересы. Лингвотренажер – специализированная мультимедийная дистанционная образовательная программа обучения русскому языку [Красильникова, 2012].

Современные мобильные приложения позволяют обучать на материале звучащей речи, при этом сохраняя способы и средства ее реализации - произношение, интонацию, темп и т.д., обучать слушанию и говорению с помощью сочетания речи и изображения. Привлекательность таким приложениям придает и удобство использования: мобильные приложения можно использовать на ходу, по пути на работу, в самолете, в метро, практически в любом месте, поскольку их можно закачать в мобильный телефон или планшет. В настоящее время можно найти приложение, которое будет соответствовать уровню знания обучающегося, поможет ему закрепить знания и умения и развить их. Можно выбрать приложение в зависимости от индивидуальных способностей и предпочтений (кто-то лучше воспринимает на слух, кому-то легче усвоить визуальный ряд, а кто-то выберет игровую форму).

Нужно отметить также, что дисплейно представленная программа обучения дает учащемуся ощущение собственного продвижения, характера усвоения знаний и формирования умений. Кроме того, каждый учащийся получает возможность работать в своем ритме, осуществлять самоконтроль, вести собственную статистику.

Мы хотели бы поделиться опытом работы над мобильным приложением, направленного на освоение элементарного уровня русского языка, на базе популярного в России мультсериала «Фиксики», поскольку входили в рабочую группу по его созданию в качестве консультантов проекта – «Фиксики: учим русский язык!». Этот проект был реализован среди мероприятий, направленных на полноценное функционирование и развитие русского языка в рамках ведомственной целевой программы «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации» подпрограммы «Совершенствование управление системой образования» государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» (№073-11 2019-014 от 14.10.2019). Проект осуществлялся по заказу Министерства просвещения Российской Федерации и был рекомендован специалистами популярной сегодня в мире системе образования STEAM (Science, Technology, Engineering, Art, Mathematics).

«Фиксики» были выбраны не случайно: научно-познавательный мультсериал стал популярным не только в России, но и за ее пределами, активно использовался для обучения

детей-билингвов и серьезно продвигался командой создателей – студией «Аэроплан». Из каждой серии этого мультфильма можно узнать что-то новое об окружающем мире, это увлекательные истории, в которых выдуманные герои – Фиксики – знакомят детей с разными лексико-семантическими и тематическими группами слов.

Перед разработчиками проекта была поставлена задача создать программу, которая в игровой форме помогла бы учащимся закрепить знания, полученные на занятиях или при самостоятельном изучении русского языка.

При разработке мобильного приложения «Фиксики: учим русский язык» рабочей группой были взяты за основу следующие принципиальные положения:

1. Обучение иностранному языку должно проходить в коммуникативно-ориентированном пространстве, в котором иностранец должен избрать правильную модель речевого поведения в заданной ситуации.

2. Учащийся является субъектом обучения, необходимо активизировать его деятельность, включив в процесс эмоциональный фактор, чтобы изучение языка приносило удовольствие.

При работе над приложением учитывались минимальные обязательные требования к элементарному уровню общего владения русским языком, однако разработчики иногда выходили за рамки стандарта элементарного уровня, если этого требовала логика занятия. Главной задачей было в игровой форме приблизить иностранца к условиям реальной коммуникации: «Представляется, что язык текстового материала учебника для иностранцев, начинающих изучать русский язык, нужно и можно максимально приблизить к реальной звучащей речи – это поможет решить проблему разрыва между учебным текстом и естественной разговорной речью» [Степаненко, Нахабина, Курлова, 2014, с. 24].

Как мы уже сказали, в приложении были использованы материалы из мультсериала «Фиксики»: действуют те же герои, которые попадают в сходные ситуации. Целевая аудитория приложения – люди разных возрастов, но преимущественно дети, подростки и молодежь, которые осваивают русский язык и готовятся к сдаче официальных тестов по нему.

Среди явных преимуществ этого лингвотренажера можно отметить легкую игровую интерактивную форму обучения. Кроме того, это приложение не требует подключения к Интернету.

Задания в приложении предназначены для развития следующих видов речевой деятельности: чтения, аудирования, письма.

На сегодняшний день в «Фиксиках» разработаны 10 тем:

1. Приветствие.
2. Семья.

3. Транспорт.
4. Мой дом.
5. Внешность.
6. Характер.
7. Здоровье.
8. Времена года. Погода.
9. Досуг.
10. Еда. Продукты.

Обучающий может выбрать любую из предложенных тем, в зависимости от своих предпочтений. Переход с одного уровня на другой в рамках единой темы осуществляется после выполнения очередного задания, которые даются в порядке усложнения. Материал представлен дозированно с учетом исследований, которые говорят о том, что у пользователя пропадает интерес, если выполнение задания одного уровня займет более 120 секунд.

Авторы включили в лингвотренинг различные задания. Это задания с визуальным рядом (нужно определить, что изображено на картинке и выбрать правильный ответ из предложенных. Например, в разделе «Транспорт» учащемуся предлагается определить, какой транспорт изображен на картинке); грамматические задания (например, пропуск окончания: «Он ид...» - учащемуся нужно выбрать верный вариант: 1) – у; 2) – ёт; 3) – ёшь; 4) – ём); встречаются задания на выбор предлогов («- Мы поехали в центр города. – Мы приехали ... центра города»), союзов и т.д.; лексико-грамматические задания (среди которых, например, правильный выбор слова. Так, в теме «Транспорт» в подобном задании нужно выбрать необходимый глагол движения: «Никита ... к Диме на велосипеде, а Анна идёт пешком» 1) плывёт; 2) идёт; 3) едет; 4) летит). В качестве закрепления навыка письма предлагается из слогов собрать слова, из приведенных слов составить предложения. Для формирования и развития навыка аудирования и чтения даются небольшие тексты, после которых учащийся должен выполнить небольшие задания, например, вставить недостающие слова в предложения или же ответить на вопросы. Для того, чтобы вывести в речь, разработчики предлагают иностранному учащемуся построить диалог на основании имеющихся фраз. Например, в следующем задании предложенные фразы нужно расположить в таком порядке, чтобы получился диалог:

- А где нужно выходить?
- Вам нужно поехать на автобусе 17.
- На конечной остановке.
- Скажите, пожалуйста, как проехать на вокзал?

Несомненным достоинством использования лингвотренажеров при изучении иностранных языков является синхронное звуковое, наглядное и графическое представление нового материала, а также возможность просматривать, прослушивать и повторять его столько раз, сколько необходимо для запоминания.

Одной из основных сложностей при работе над приложением стало отсутствие у тех, кто отвечал за лингвистическую наполняемость приложения, навыков программирования, и, наоборот, программисты, участвующие в проекте, не имели лингвистического образования. И это создавало определенные сложности при работе над проектом, так как не все пожелания консультантов были учтены. В связи с этим мы считаем, что одной из перспективных отраслей развития в современном мире становится компьютерная лингвистика, которая призвана выполнять задачи, связанные с автоматическим анализом языков. К таким задачам также относятся и машинный перевод, и голосовой ввод информации, и создание обучающих и справочных языковых ресурсов, и разработка мобильных приложений, опирающихся на языковые данные, и т.п.

Таким образом, цифровые технологии оказывают важное влияние на развитие методики преподавания иностранных языков в целом и русского языка как иностранного в частности. Мобильные приложения прочно вошли в образовательный процесс, способствуя его оптимизации. С помощью различных лингвотренажеров можно осуществлять повседневную коммуникацию и формировать и совершенствовать умения и навыки учащихся, развивая различные компетенции и одновременно создавая психологически комфортную среду для обучения.

Список литературы:

- Красильникова В.А.* Использование информационных и коммуникационных технологий в образовании: учебное пособие. Оренбург: ОГУ, 2012. 291 с.
- Степаненко В.А., Нахабина М.М., Курлова И.В.* Современные подходы к методике преподавания русского языка как иностранного анализа [Электронный ресурс] / Полилингвильность и транскультурные практики. - М., изд-во РУДН. - 2013, №3.- С.175-181. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-metodike-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo> (дата обращения: 01.06.2021).
- Степаненко В.А., Нахабина М.М., Курлова И.В.* Современный учебник русского языка для иностранцев [Электронный ресурс] / Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2014, №1. - С.22-26. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-uchebnik-russkogo-yazyka-dlya-inostrantsev>(дата обращения: 25.05.2021).
- Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants [Электронный ресурс] – 2001. - Режим доступа: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения: 01.06.2021).

References:

Krasil'nikova V.A. Ispol'zovanie informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologii v obrazovanii: uchebnoe posobie. Orenburg: OGU, 2012. 291 s.

Stepanenko V.A., Nakhabina M.M., Kurlova I.V. Sovremennye podkhody k metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo analiza [Elektronnyi resurs] / Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. - M., izd-vo RUDN. - 2013, №3.- S.175-181. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-metodike-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo> (data obrashcheniya: 01.06.2021).

Stepanenko V.A., Nakhabina M.M., Kurlova I.V. Sovremenniy uchebnik russkogo yazyka dlya inostrantsev [Elektronnyi resurs] / Vestnik RUDN, seriya Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya, 2014, №1. - S.22-26. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-uchebnik-russkogo-yazyka-dlya-inostrantsev>(data obrashcheniya: 25.05.2021).

Prensky Marc. Digital Natives, Digital Immigrants [Elektronnyi resurs] - Rezhim dostupa: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (data obrashcheniya: 01.06.2021).

Мелехова Людмила Михайловна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Melekhova Liudmila
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

НОВОЕ ОБУЧАЮЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО – ВИРТУАЛЬНАЯ ЭКСКУРСИЯ

NEW LEARNING SPACE – A VIRTUAL EXCURSION

Данная статья анализирует новые возможности повышения мотивации студентов в условиях дистанционного обучения. В ситуации, когда все музеи закрыты, у студентов есть возможность просмотра визуальных экскурсий, содержание которых требует предварительной подготовительной работы и методической организации работы преподавателя для лучшего понимания слушаемого текста. Предлагаемый набор методов работы с аутентичной экскурсией в Дом-музей Цветаевой М.И. имеет целью эмоционально заинтересовать студента, вовлечь его в совместную работу по пониманию текста. Автор приходит к выводу, что профессиональный перевод, сделанный по заказу музейного сообщества, делает процесс обучения неформальным, активным, интересным, позволяет ощутить непосредственную пользу от полученных знаний, избежать искусственно созданных коммуникативных ситуаций на уроках русского языка и выступает как один из способов повышения мотивации в дальнейшем овладении профессиональными навыками. Статья может быть интересна преподавателям РКИ, студентам, целью которых является изучение творчества М.И. Цветаевой.

The article analyzes new possibilities of enhancing students' motivation under distance education conditions. When all museums are closed, students have a chance to go on a virtual excursion. It requires new methodological approaches aimed at improving listening comprehension skills. The proposed methodology is illustrated by an example of preparation for a virtual excursion to the Tsvetaeva's Museum. The article may be useful to teachers of Russian as a foreign language.

Ключевые слова: перевод, культурное творчество, внеаудиторная работа, виртуальное пространство, культурологическая компетенция.

Key words: translation, creative work, out-of-class activities, virtual space, cultural competence

Во время дистанционного обучения, которое предполагает отсутствие языковой среды и непосредственного контакта преподавателя со студентами «глаза в глаза», значительно затруднился процесс преподавания РКИ в иностранной аудитории. В этой ситуации очень важно поддерживать в учащих эмоциональную заинтересованность в обучении, мотивировать и повышать вовлеченность студента в процесс приобретения знаний по русскому языку.

В условиях отсутствия языковой среды возникает острая необходимость в аутентичных материалах, чтобы сделать урок более интересным. Дистанционный формат обучения оказался благоприятным для работы с культурологическим материалом, который требует большого иллюстративного материала, направленного на формирование культурологической компетенции. Интернет-обучение стимулировало преподавателей создавать новое обучающее пространство, которое могло бы в той или иной мере

заменить отсутствующую языковую среду. Новое обучающее пространство создавалось на основе концепции речевой деятельности, разработанной известным советским психологом Л.С. Выготским и его учениками, формировалось по типу ментальных карт или карт-памяти с расширениями в различные соседние области искусства: живопись, музыку, что дало возможность преподавателю познакомить студентов с разными сферами искусства. Благодаря современным интернет-технологиям предъявляемый студентам контент характеризуется вариативностью, он подобен мозаике, части которой можно изменять, добавлять актуальные данные или убирать уже устаревшие.

Обучение языку через культуру (поэзию, музыку, живопись) является своеобразным шагом в сторону от прямых дидактических задач в процессе обучения к более эмоциональной и информативной форме, которая через ассоциации, образы, мотивы речевого контекста приводит студента к интуитивному пониманию звучащей речи и непроизвольному запоминанию. Такого типа внеаудиторная работа призвана оживлять и разнообразить учебный процесс, когда, по словам Леонтьева А.А., любой текст учебника воспринимается студентом отстранённо, как рассказ о каких-то посторонних ученику событиях и людях [Леонтьев, 2008, с. 153].

Текст является основной единицей обучения, проблема текста всегда была в фокусе внимания исследователей. Мы считаем текстом любое речевое произведение, в том числе и звучащее. Таким образом, звучащий текст, с которым мы работаем в новом цифровом обучающем пространстве, по определению, данному на сайте академик.ru, – это любой текст, прочитанный или произнесённый вслух, в противоположность незвучающему (печатному, написанному). Благодаря визуальной подаче информация запоминается быстрее и лучше, чем в письменном тексте.

Для формирования навыков адекватного восприятия и понимания аутентичных материалов необходимо разработать методическую модель подачи материала, ядро которой, по мнению А.Н. Богомолова, составляют три компонента: компонент по семантизации культурного фона, компонент по семантизации активной лексики, компонент по рецепции. Эти компоненты отвечают за формирование соответствующих компетенций (социокультурной, языковой и коммуникативной) [Богомолов, 2008, с. 241]. Компонент по семантизации культурного фона является наиболее значимым в структуре виртуальной экскурсии и содержит лингвокультурологический комментарий, к которому А.Н. Богомолов относит такие виды как: прагматичный (объяснение безэквивалентной и фоновой лексики, в том числе, имен собственных), проективный (объяснение фоновой информации, выводимой из контекста, подтекста или затекста, объяснение литературных и политических аллюзий), прецедентный комментарий (объяснение цитируемых в тексте

афоризмов, идиоматических и крылатых выражений, перефразированных цитат из литературных произведений, часто употребляемых просторечных выражений) [Богомолов, 2008, с. 242-243].

Имея в виду все типы лингвокультурологического комментария, был разработан методический сценарий внеаудиторной работы с аутентичным текстом виртуальной экскурсии. По мнению А.Н. Богомолова, виртуальная экскурсия – «организационная форма дистанционного обучения, отличающаяся от реальной экскурсии виртуальным отображением реально существующих объектов (музеев, парков, улиц городов и пр.) с целью создания условий для самостоятельного наблюдения, сбора необходимой информации» [Богомолов, 2008, с. 192-193]. Студентам предложили виртуально посетить один из московских музеев (Дом-музей М.И. Цветаевой в Борисоглебском переулке, д.6). Для презентации был специально подобран материал, который был бы понятным и привлекательным для студентов, интегрировался в учебный процесс и план занятий, отражал ту языковую и культурную среду, которая могла бы быть, если бы обучающиеся были в России.

Рассмотрим подробнее методический сценарий виртуальной экскурсии.

Подготовительная часть включает в себя краткую биографию поэта. В этой части на доступном для студентов языке подробно рассказывается о семейных традициях дома Цветаевых, о биографии и фактах жизни поэта, непосредственно связанных с пребыванием в этом доме. Жанр рассказа-биографии уже встречался студентам во время учебного процесса, был подробно проработан на основе дидактического материала учебника на примерах биографий русских и советских писателей. Интегрирование виртуальной экскурсии в учебный процесс – важная составляющая разработанного методического сценария.

Во время общения со студентами выяснилось, что творчество М.И. Цветаевой не так хорошо известно иностранной аудитории, как творчество других русских поэтов – Пушкина, Лермонтова, Тютчева и др., но тем не менее с каждым годом появляется всё больше и больше студентов, которые хотят подробнее познакомиться с поэзией Цветаевой, найти параллели между её поэтическим наследием и национальным творчеством женщин-поэтов. Таким образом, мы можем наблюдать устойчивый рост интереса, в том числе и китайской аудитории, которая сейчас является преобладающей в нашем вузе, к поэзии М.И. Цветаевой.

Сценарий виртуальной экскурсии позволяет включить литературный, поэтический и музыкальный материалы в процесс обучения русскому языку, познакомить иностранных

студентов с наследием поэта и с помощью наглядной визуализации передать основные образы, мотивы стихотворения, что облегчает восприятие поэзии на слух.

Нужно отметить, что в своем рассказе о жизни поэта преподаватель вводит некоторые слова и выражения, которые студенты потом могут услышать во время демонстрации аутентичной экскурсии. Традиционный метод последовательного предъявления материала и его повторения, составляющий компонент методической модели по рецепции материала, помогает студентам чувствовать себя более уверенными во время прослушивания виртуальной экскурсии. Особый акцент в презентации делается на предметах, которые собраны в музее, о которых впоследствии будет рассказывать экскурсовод. Для семантизации активной лексики (новых слов и выражений) был создан визуальный картинный словарь, который расположен рядом с текстом. Обучающиеся могут непроизвольно запоминать новые слова через визуализацию, а также наблюдать, как меняется лексика русского языка в современном мире, как появляются новые значения многозначных слов. Например, экскурсовод использует слов «типология» для объяснения ситуации, что мебель в музее не является подлинной собственностью семьи Цветаевых, иногда это копии или собрание мебели той эпохи и того времени, подаренной известными людьми или почитателями творчества поэта, а оригинальная мебель сгорела в печке-буржуйке во время гражданской войны. Лингвокультурологический комментарий преподавателя помогает лучше понять последующую живую речь экскурсовода и лучше почувствовать атмосферу эпохи, во время которой жила М.И. Цветаева. Аутентичный текст экскурсии сохраняет социокультурный фон, модальность, эмоциональность, синтаксические конструкции, лексические построения, которых, как правило, нет в адаптированных текстах.

Студенты знакомятся с кругом близких людей, окружавших М.И. Цветаеву в течение её жизни, которые оказали на неё огромное эмоциональное влияние, – это позволяет создать правильное восприятие исторического момента. Преподаватель зачитывает воспоминания из дневников М.И. и её близких, особенно отрывки из мемуаров сестры Цветаевой Анастасии Ивановны, дочери Али, из переписки Марины Цветаевой с мужем и близкими друзьями, показывает документы и фотографии, что помогает студентам правильно воспринимать текст на слух.

В 50-х годах болгарским исследователем, врачом-психотерапевтом, доктором медицинских наук Георгием Лозановым был описан суггестивный метод обучения иностранным языкам, посвященный разработке проблем внушения в педагогике, суггестивной взаимосвязи как универсальной формы психического отражения реальности [Лозанов, 1973, с. 9]. Сам Г. Лозанов не ставил перед собой задач разработки методики

преподавания иностранного языка. Практическое применение его идеи нашли в школе Г.А. Китайгородской МГУ. Суггестивный метод как один из методов интенсификации учебного процесса дает широкие возможности для активизации резервных возможностей личности: при необычной концентрации памяти происходит запоминание материала не только на осознанном, но и на подсознательном уровне [Китайгородская, 1986, с. 5-7]. Суггестивный метод характеризуется мобилизацией резервов памяти, повышением интеллектуальной и творческой активности обучаемого, положительными эмоциональными переживаниями и связанным с ними эффектом отсутствия утомления [Лозанов, 1973, с. 13].

По мнению Г. Лозанова, суггестопедия избегает поведенческой псевдоактивности, которая, с одной стороны, утомляет, а с другой, – не ускоряет усвоения нового материала. Она рассчитана на внутреннюю активность – на активность, которая проистекает от хорошо мотивированного положительного отношения к конкретному учебному процессу [Лозанов, 1973, с.16-17]. В современной ситуации суггестопедия опирается не только на яркую личность и роль преподавателя в процессе обучения [Китайгородская, 1980, с. 68], но и на широкое использование различных аудио, видеоматериалов, возможностей моментального перевода, которые стали доступными для включения в процесс обучения благодаря развитию технологий и искусственного интеллекта.

На какие методы суггестопедии мы опирались в презентации нового методического сценария внеклассной работы?

Во-первых, это музыкальное и ритмико-интонационное воздействие. Большой объем и прочность запоминания обеспечиваются правильной ритмико-интонационной подачей материала и его эмоционально-экспрессивной формой [Лозанов, 1973, с. 11]. Во время виртуальной экскурсии иностранные слушатели знакомятся с примерами чтения стихотворений преподавателем, фрагментами из песен, кинофильмов, музыкальных шоу, где звучит актёрская интерпретация поэзии. Таким образом, обучающиеся имеют перед собой наглядный пример того, как русские люди чувствуют поэзию, как читают стихи, какие акценты делают, а в дальнейшем услышанное чтение может служить примером для подражания. Как отмечал в своем выступлении академик Д.С. Лихачёв, мысль всегда связана с чувством, если это глубокая мысль.

Для усиления эмоционального впечатления в виртуальную экскурсию включались многочисленные музыкальные интерпретации на стихи Цветаевой. Феномен романса, то есть камерного музыкально-поэтического произведения для голоса и музыкального сопровождения, который сформировался в России на волне веяний романтизма в первой половине XIX века (по определению Википедии), знаком далеко не каждой национальной

культуре. Некоторые студенты не имеют представления, что стихи могут исполняться под музыку, что выдающиеся русские композиторы черпали вдохновение в том числе и в поэтическом творчестве гениальных русских поэтов. В частности, на китайских студентов особое впечатление оказало исполнение романса на стихи Цветаевой их соотечественницей Ян Гэ, участницей и финалисткой конкурса «Голос», актрисой театра «Гоголь-центр». Дальнейшая беседа о содержании стихотворения помогает формированию ассоциативных связей, усвоению поэзии, повышает интерес к изучению русского языка. Работу с поэтическим наследием поэта можно провести заранее, выбрав наиболее близкие преподавателю стихи, прочитать их перед презентацией, прокомментировать образы и смыслы, высказанные в произведениях.

Во-вторых, одним из основных средств достижения глубокого суггестивного воздействия также является учёт «второго плана» [Лозанов, 1973, с. 12], когда преподавателем используется огромный поток разнообразных неосознанных или вполне осознанных раздражителей или дополнительных смыслов вокруг основного содержания: картинный словарь вокруг стихотворения, документальные фотографии и картины профессиональных художников, включение архивных свидетельств и голосов людей, живших одновременно с поэтом и т.д.

Музыкальные интерпретации стихотворений и романсы на стихи Цветаевой часто созданы в виде клипа с историческим и социокультурным видеорядом или звучат в популярном и известном фильме, и таким образом, связаны с новым сюжетом. Например, романс Аллы Пугачёвой «Мне нравится» звучит в популярном фильме «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» (1975 г., режиссёр Э. Рязанов), а романс «Уж сколько их упало в эту бездну» исполняется на фоне кадров гражданской войны, массовой гибели солдат, которые в это время защищали Родину, – всё это оказывает ошеломляющее впечатление на слушателей и вносит дополнительные смыслы и эмоции в понимание содержания. Сюжетность такого рода музыкальных интерпретаций заставляет зрителей постепенно проживать содержание стихотворения и внимательно следовать за лексическим выражением. Подобные раздражители или дополнительные смыслы могут играть решающую роль для получения суггестивного результата (связи «осознаваемого – неосознаваемого» и суггестивной связи предметов реальности [Лозанов, 1973, с. 13]), так как становятся источником различных интуитивных, ассоциативных впечатлений, а также эмоционального отношения к людям и ситуациям.

Во время проведенной виртуальной экскурсии демонстрировались стихотворения, вокруг которых был создан визуальный картинный словарь незнакомых слов, важных для понимания поэтических образов. Этот словарь помогал усовершенствовать навыки

аудирования, улучшить ассоциативное и логическое мышление студентов, расширить словарный запас и создать иллюзию языковой среды. Как результат проведённой методической работы эмоциональное впечатление, полученное во время презентации, вдохновило студентов впоследствии еще не раз вернуться к произведениям М.И. Цветаевой, обменяться своими переживаниями и наблюдениями и обратиться к преподавателю за дополнительным комментарием.

В-третьих, наряду с традиционными видами речевой деятельности в методический сценарий обучающего пространства был включен перевод как особый вид проектной деятельности. Решение задачи адекватной передачи содержания на основе глубокого понимания текста позволяет объединить студентов одной группы для поиска адекватных решений перевода и избежать так называемой псевдоактивности во время обучения, искусственно созданных коммуникативных ситуаций во время изучения русского языка, непосредственно погружает студента в языковую среду и ставит перед ним профессиональные задачи. Роль перевода как междисциплинарного предмета в глобальном подходе к любой теме нельзя не переоценить. «Форма текста перевода и его содержания рождаются в ходе когнитивной деятельности переводчика как реакция не только на текст оригинала, но и на все иные факторы информационного, социального, психологического, исторического, экономического, этического, эстетического и другого характера, связанные между собой системными отношениями» [Гарбовский, 2015, с. 17].

Аутентичный научно-популярный фильм проекта «Музеемания» с реальной экскурсией по музею, проведённой сотрудником этого музея, явился тем вызовом, с которым должны были справиться студенты-переводчики. В сценарии виртуальной экскурсии мы продублировали и предварили эту достаточно сложную с точки зрения восприятия аутентичную часть показом перевода маршрутных карт музея, который был подготовлен бакалаврами факультета ВШП. Маршрутные карты – это листок с информацией об экспонатах из каждой комнаты музея, с которой турист может ознакомиться, если посещает музей без экскурсовода. Перевод маршрутных карт оказался тем волшебным золотым ключиком, который открыл дверь в поэтический мир Марины Цветаевой, привлёк внимание студентов к содержанию экскурсии, прояснил многие моменты и помог в усвоении информации. В дальнейшем маршрутные карты можно использовать на уроке в виде раздаточного материала с заданиями.

Таким образом, включение перевода в процесс обучения наряду с традиционными видами речевой деятельности (письмом, чтением, аудированием и говорением), как нам кажется, помогает поднять статус изучения русского языка, так как студент попадает уже в неадаптированное пространство, не ограниченное рамками учебного процесса, учится

решать коммуникативные задачи, предъявляемые самой жизнью, ставить пред собой и решать профессиональные задачи перевода для музейного пространства. Иностранному слушателю испытывает чувство удовлетворения сделанным после воплощения своего эмоционального впечатления в реальные профессиональные дела.

При предъявлении студентам звучащего текста виртуальной экскурсии мы опирались на методические методы работы с большими массивами информации, разработанные в школе Г.А. Китайгородской: неоднократное повторение текста в разных темпах, работа с отдельными наиболее трудными фрагментами текста, прослушивание под музыку, снятие психологических барьеров и т.д. [Китайгородская, 1986, с. 8-11].

После прослушивания экскурсии студентам может быть предложен небольшой вопросник-квест по информации, которую они услышали во время презентации. Возможны и другие интерактивные задания по материалам прослушанного текста: ролевые игры - разыгрывание интервью сотрудника музея с журналистом, который хочет написать статью для иностранной аудитории о творчестве Цветаевой и о доме-музее Цветаевой; проверка и корректировка сделанного перевода маршрутных карт, возможно, добавление новой информации к уже переведенному тексту.

В заключение хочется отметить, что виртуальная экскурсия по дому-музею позволяет собрать все полученные знания и впечатления воедино, получить глубокое эмоциональное впечатление от проникновенного рассказа о личности поэта, ощутить непосредственную пользу от профессионального обучения переводу, включенного в методический сценарий как одного из способов повышения мотивации в дальнейшем овладении профессиональными навыками.

Таким образом, создание нового цифрового обучающего пространства в формате виртуальной экскурсии, помогает расширить культурологические знания о России, о русских писателях и поэтах, избежать поверхностного выучивания текста наизусть, с помощью перевода улучшить и углубить усвоение текста, а также понимание идей русской культуры, которая всегда ориентировалась на духовность и красоту.

Список литературы:

- Богомолов А.Н.* Виртуальная языковая среда обучения русскому языку как иностранному (лингвокультурологический аспект) / А.Н. Богомолов. – М.: МАКС Пресс, 2008. 315 с.
- Гарбовский Н.К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний / Н.К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – Изд-во Моск. ун-та, 2015, № 1. С. 3-20.
- Китайгородская Г.А.* Методика интенсивного обучения / Г.А. Китайгородская. – М.: «Высшая школа», 1986.
- Китайгородская Г.А.* Интенсивное обучение иностранным языкам / Г.А. Китайгородская // Иностранные языки в школе. – 1980, № 2. С. 67-73.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969.
Лозанов Г. Суггестопедия при обучении иностранным языкам / Г. Лозанов // Методы интенсивного обучения иностранным языкам. – Вып. 1. М., 1973. С. 9-17.

References:

Bogomolov A.N. Virtual'naya yazykovaya sreda obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu (ligvokul'turologicheskii aspekt) [Virtual Language Environment of Teaching Russian as a Foreign Language (Linguistic and Culturological Aspect)] / A.N. Bogomolov. – М.: MAKS Press, 2008. 315 p. (In Russian).

Garbovskii N.K. Sistemologicheskaya model' nauki o perevode. Transdistsiplinarnost' i sistema nauchnykh znaniy [Sistemological Model of Translatology: Transdisciplinarity and the System of Scientific Knowledge] / N.K. Garbovskii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda [Bulletin of Moscow University. Series 22. Theory of Translation]. – Izd-vo Mosk. un-ta, 2015, № 1. P. 3-20. (In Russian).

Kitaigorodskaya G.A. Metodika intensivnogo obucheniya [Methodology of Intensive Training] / G.A. Kitaigorodskaya. – М.: «Vysshaya shkola», 1986. (In Russian).

Kitaigorodskaya G.A. Intensivnoe obuchenie inostrannym yazykam [Intensive Training in Foreign Languages] / G.A. Kitaigorodskaya // Inostrannye yazyki v shkole [Foreign Languages at School]. – 1980, № 2. P. 67-73. (In Russian).

Leont'ev A.A. Yazyk, rech', rechevaya deyatelnost' [Language, Speech, Speech Activity] / A.A. Leont'ev. – М.: Prosveshchenie, 1969. (In Russian).

Lozanov G. Suggestopediya pri obuchenii inostrannym yazykam [Suggestopedology in Teaching Foreign Languages] / G. Lozanov // Metody intensivnogo obucheniya inostrannym yazykam [Methods of Intensive Teaching of Foreign Languages]. – Issue 1, М., 1973. P. 9-17. (In Russian).

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET)

Проект «Музеумания». Дом-музей М.И. Цветаевой. Русский мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=MOavLN65cAw&t=9s>.

Сетевой ресурс академик.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>.

Proekt «Muzeumaniya». Dom-muzei M.I. Tsvetaevoi. Russkii mir [The Project “Museumania”. House-Museum of M.I. Tsvetaeva. Russian World] [Electronic resource]. – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=MOavLN65cAw&t=9s>. (In Russian).

Setevoi resurs akademik.ru [Network Resource akademik.ru]. [Electronic resource]. – Available at: <https://dic.academic.ru/>. (In Russian).

ВИДЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБУЧЕНИИ РКИ

TYPES OF SPEECH ACTIVITY IN TEACHING RFL

При организации учебной деятельности различные виды речевой деятельности реализуются в такой последовательности и такой взаимосвязи, чтобы в достаточной степени обеспечить коммуникативную направленность обучения. В статье анализируются четыре вида речевой деятельности: аудирование, говорение, чтение и письмо, их роль в формировании коммуникативных компетенций в обучении РКИ. Следует рассматривать эти виды речевой деятельности в единстве, так как они связаны друг с другом. Хотя аудирование и говорение являются разными видами речевой деятельности, их объединяет единый способ формирования и формулирования мысли. Чтение тесно связано с письмом, потому что и чтение, и письмо пользуются одной графической системой языка. Для реализации таких целей, как развитие устной и письменной речи, развитие навыков слушания и понимания, навыков чтения, обогащение словарного запаса нужно постоянно добиваться совершенствования учебного процесса, использовать эффективные средства для достижения поставленных целей.

When organizing educational activities, various types of speech activity are implemented in such a sequence and such an interconnection to ensure sufficiently the communicative orientation of training. The article analyzes four types of speech activity: listening, speaking, reading and writing, their role in the formation of communicative competencies in teaching RFL. These types of speech activity should be considered in unity, since they are related to each other. Although listening and speaking are different types of speech activity, they are united by a single way of forming and formulating thoughts. Reading is closely related to writing because both of them share the same graphic language system. It is necessary to constantly improve the educational process, use effective means to achieve the set goals to reach such goals as the development of oral and written speech, the development of listening and understanding skills, reading skills, enrichment of vocabulary.

Ключевые слова: речевая деятельность, коммуникативные компетенции, обучение, устная и письменная речь, методы.

Key words: speech activity, communicative competence, teaching, speaking and writing, methods.

Современная концепция преподавания русского языка как иностранного строится на методах коммуникативного обучения, приводящего к речевой и языковой компетенции обучающихся. Основной целью обучения РКИ является формирование языковой компетенции как способности усвоения основных грамматических правил русского языка и умения пользоваться ими в процессе речевого общения, речевой компетенции как осуществление речевой деятельности и коммуникативной компетенции как способность общения в различных жизненных ситуациях. Для достижения языковой компетенции необходимо представлять такие грамматические правила, которые помогают развитию у учащихся умений и навыков построения и использования различных речевых конструкций. Эти правила помогут и обучению нормативной речи на лексических и грамматических уровнях языка.

Коммуникативность предполагает организацию такого учебного материала, которая отражала бы специфику отобранного языкового материала в жизненных ситуациях, содержащих в себе реализацию того или иного вида речевой деятельности. При организации учебной деятельности различные виды речевой деятельности реализуются в такой последовательности и такой взаимосвязи, чтобы в достаточной степени обеспечить коммуникативную направленность обучения.

Принятые в 2006 году в Азербайджане предметные куррикулулы предполагают переход к новым образовательным стратегиям обучения.

Предметные куррикулулы – многоаспектный концептуальный документ, который даёт возможность обеспечить взаимосвязь и преемственность между этапами обучения, предоставляют возможности для постоянного совершенствования содержания обучения, в ходе которого предусматривается приобретение обучающимися необходимых навыков и умений. Эти компетенции должны быть сформированы для достижения целей обучения на каждом конкретном этапе учебного процесса. В этом документе определяются результаты обучения и стандарты содержания обучения.

Куррикулум по русскому языку – концептуальный документ, определяющий статус, специфику учебного предмета, содержательные линии, основные принципы организации учебного процесса, оценивания и мониторинга достижений конкретных учащихся по русскому языку [Образов. прогр. по рус. яз. 2013, с.15].

В разделе предметных куррикулумов по русскому языку как иностранный определяются образовательные стандарты, основные содержательные линии, образовательные стратегии, формы, методы и способы организации учебного процесса, пути и формы внутрипредметной и межпредметной интеграции, критерии оценивания достижений учащихся.

Работа по усвоению русского языка как основного иностранного реализуется по следующим содержательным линиям: аудирование, говорение, чтение, письмо.

Аудирование как вид речевой деятельности ставит целью восприятия и понимания речи на слух. В процессе слушания учащиеся должны научиться понимать звучащую речь, осмысливать, перерабатывать полученную информацию; уметь определять основную мысль звучащего текста, выделять главное в содержании текста, запоминать последовательность фактов, событий, делить текст на смысловые части и устанавливать логические связи между элементами текста.

Слушание является средством реализации говорения на его различных уровнях. Помимо коммуникативной функции, аудирование выполняет несколько дополнительных функций: стимулирует речевую деятельность, обеспечивает управление процессом

обучения, используется для ознакомления с новым материалом, формирует навыки и умения учащихся.

Основной целью говорения – научить учащихся выражать свои мысли в процессе устной речи. Несмотря на то, что аудирование и говорение являются разными видами речевой деятельности, их объединяет единый способ формирования и формулирования мысли. При обучении говорению важно то, чтобы представляемый материал был доступным для учащихся.

Аудирование и говорение развивает слух учащихся, формирует умение слушать и понимать информацию из различных источников. Они неразрывно связаны, поскольку слушание можно проверить только говорением. Поэтому учащиеся должны уметь анализировать и обобщать услышанное, задавать вопросы и отвечать на них по содержанию прочитанного текста, употреблять в речи пословицы, поговорки, фразеологизмы, выражать отношение к чужому мнению, обосновывать свою позицию, правильно определять главную мысль прослушанного текста.

Чтение как самостоятельный вид речевой деятельности обеспечивает письменную форму общения. По использованию, доступности и важности оно занимает одним из главных мест в общении. Чтение, как один из видов речевой деятельности, очень сильно развивает у обучающихся чутье к языку. Чтение литературы более тесно знакомит с культурой, обычаями, традициями страны изучаемого языка, расширяет образовательный и культурный кругозор.

Важным моментом в работе над чтением является правильный выбор текста. Учитель должен учитывать:

- соответствие интересам;
- соответствие уровню и языковой подготовке;
- содержание, языковые трудности;
- соблюдение основных стадий в работе над текстом;
- проведение подготовительной работы перед чтением (психологическая подготовка к восприятию текста, упражнения для развития умения преодолевать трудности при чтении).

Очень важной представляется задача отбора текстов. Представляется, что если в курсе углубленного изучения языка в основу отбора материала положить литературно-страноведческий подход, то он во многом будет эффективным как в плане обучения чтению и устной речи, так и в плане повышения культурно-образовательного уровня обучающихся.

При организации уроков чтения преследуется следующая главная цель: обучающиеся должны уметь извлечь из текста требуемую информацию, преодолев возможные барьеры в процессе чтения, при достаточно высокой мотивации данного вида речевой деятельности, с возможным последующим переходом к продуктивным видам речевой деятельности: говорению и письму.

Для достижения вышеизложенной цели на уроках чтения предполагаем необходимым решение следующих задач.

- Развивать и совершенствовать технику чтения обучающихся. Таким образом, как на начальном, так и на последующих этапах обучения, считаем нужным работать над техникой чтения и его механизмами (то есть языковая догадка, вероятное прогнозирование, увеличение скорости чтения и т.д.)
- Научить правильному подходу к работе с текстом. Очень важно, чтобы учащийся четко представлял не только, что нужно сделать, но и как, и в какой последовательности – это делать.
- Развивать лексико-грамматические и другие коммуникативные навыки (говорение, письмо) обучающихся в процессе обучения чтению.
- Развивать мышление, память, повышать уровень лингвострановедческих знаний обучающихся, развивать интерес к стране изучаемого языка, его культуре.

Чтение связано с аудированием, так как в основе чтения и аудирования лежит деятельность, связанная восприятием, анализом и синтезом. При аудировании слушающий воспринимает звучащую речь, а читающий – написанную речь.

Связь чтения с говорением представляет собой «контролируемое говорение», то есть представляет собой внутреннее слушание и внутреннее проговаривание одновременно. В результате учащиеся должны понимать читаемый текст, читать текст вслух и про себя, выражать отношение к содержанию прочитанного текста, отвечая на вопросы по тексту, извлекать основную информацию и комментировать значения слов в тексте, делить текст на части и озаглавливать части текста.

Чтение тесно связано с письмом, потому что и чтение, и письмо пользуются одной графической системой языка.

Письмо такой вид деятельности, при котором речь записывается для передачи другим. Текст или речевое произведение, предназначенный для прочтения, является продуктом этой деятельности. Письменная речь, являясь одним из способов формирования и формулирования мысли, не занимает главное место в речевом общении. Но это никак не умаляет значения письменной формы общения. Письменная форма общения выполняет важную коммуникативную функцию в современном обществе.

Письмо как цель обучения присутствует на всех этапах обучения. В письменной форме общения появляется желание что-то передать письменно, сообщить какую-либо информацию; возникает замысел высказывания. В формировании высказывания происходит отбор слов, нужных для составления текста, выделение главной части: письменная речь реализуется в форме письменного текста.

При обучении письменной речи встречаются трудности: расхождение между звуковым и графическим планами выражения мысли. Если в устной речи опущенное говорящим можно восполнить мимикой, жестом, интонацией, то в письменной речи все должно быть конкретным, полным, развёрнутым, чтобы выполнить свою коммуникативную функцию. Отсутствие возможных средств выражения своих мыслей требует тщательного отбора синтаксических средств и более строгого оформления письменной речи.

Содержательная линия «Письмо» требует от учащихся следующих умений: различать тексты разных типов и стилей речи, составлять деловые бумаги (письмо, заявление, объявление, автобиографию, заметки), письменно отвечать на вопросы по содержанию текста, составить план текста, писать изложение, эссе, логически связывать части текста на основании составленного плана.

Для успешной реализации содержательных стандартов по РКИ выбор правильных форм и методов обучения и организация урока имеет очень важное значение.

Предлагаемая в настоящем курсе концепция преподавания иностранных языков (в том числе и русский язык) строится на идеях и методах коммуникативного обучения, приводящего к речевой компетенции учащихся. Была разработана общая программа для всех иностранных языков, включая русский язык.

РКИ как основной иностранный язык изучается с I по XI класс.

На начальном этапе обучения (I - IV классы) учащиеся должны уметь правильно выражать свои мысли простыми предложениями, состоящих из 2-4-х слов; правильно, сознательно свободно читать, демонстрируя первоначальные навыки чтения; правильно писать буквы, слова и усвоенные словосочетания; понимать содержание небольшого текста (3-5 предложений).

На продвинутом этапе обучения (V-IX классы) учащиеся должны уметь понимать и передать содержание небольшого текста, составлять предложения, отвечать на вопросы, выражать свои мысли, используя различные речевые модели, правильно и выразительно читать.

Третий этап обучения (X-XI классы) можно назвать и творческий. Этот этап предполагает дальнейшее развитие речевых умений, перенос приобретенных знаний, навыков и умений в различные ситуации учебного и внеучебного процесса.

Если сравнить содержательные стандарты пятых и девярых классов, можно увидеть существенные различия.

К концу пятого класса учащиеся должны уметь:

- принимать участие в небольшом диалоге;
- пересказывать содержание небольшого текста;
- выбирать, группировать и правильно читать новые слова и выражения в текстах;
- составлять предложения, связывая слова по смыслу и грамматически.

К концу девятого класса учащиеся должны уметь:

- пересказывать содержание прослушанного и прочитанного текста;
- выражать своё отношение к прочитанному тексту в письменной и устной форме;
- участвовать в обсуждениях, излагать свои мысли;
- использовать речевые конструкции, выражать свои мысли в различных формах;
- употреблять различные конструкции предложений в устной и письменной форме;
- писать автобиографию и заявление.

Если в пятом классе учащиеся должны пересказывать содержание небольшого текста, то по окончании девятого класса они должны выражать свое отношение к прочитанному тексту и излагать свои мысли в различных формах. Продвинутый этап обучения предполагает приобретение таких умений и навыков, которые будут использованы на следующем, творческом этапе обучения. Для достижения ожидаемого результата важное значение имеет организация учебного процесса и применение интерактивных методов в этом процессе. К таким методам относятся: диаграмма Венна, Инсерт, ЗХУ (Знаю – Хочу знать – Узнал), ролевая игра, мозговой штурм, кластер, метод проектов и другие. Применение этих методов в учебном процессе развивает коммуникативные умения и навыки учащихся.

«...необходимость моделировать на уроке реальные ситуации общения, которые отражают возможный контекст деятельности учащихся, включают их мысль, готовят к эффективному владению иностранным языком. Индивидуализация, речевая

направленность и новизна на уроке – все эти положения взаимосвязаны» (Соловова Е.Н., 2005, с.53).

Для реализации таких целей, как развитие устной и письменной речи, развитие навыков слушания и понимания, навыков чтения, обогащение словарного запаса нужно постоянно добиваться совершенствования учебного процесса, использовать эффективные средства для достижения поставленных целей.

Список литературы:

Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. М., 2005
Образовательная программа (куррикулум) по русскому языку. Баку, 2013

References:

Solovova E.N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam. M., 2005
Obrazovatel'naya programma (kurrikulum) po russkomu yazyku. Baku, 2013

Скляренко Ксения Сергеевна
Карлов университет
г. Прага (Чехия)

Sklyarenko Xeniya
Charles University
Prague (Czech Republic)

МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ В УЧЕБНИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ 5 КЛАССА

METHODS FOR THE FORMATION OF FUNCTIONAL READING SKILLS IN A RUSSIAN LANGUAGE TEXTBOOK FOR 5TH GRADERS

Коммуникация не является единственной целью обучения языку, это процесс, с помощью которого проходит обучение. На уроках языка учащиеся должны осваивать навыки получения информации, которые могут применяться при изучении других предметов. Изучение языка в школе должно отвечать потребностям современного информационного общества, поэтому одной из главных задач является обучение функциональному чтению. Для наиболее успешного формирования коммуникативной компетенции учащихся необходимо, чтобы учебно-методический комплекс включал задания, позволяющие овладеть основными видами чтения: поисковым, аналитическим, изучающим, ознакомительным, просмотровым, сканирующим. Для этого используются тексты разной стилистической направленности, сплошные и несплошные, письменные и устные. Работа с текстами складывается из трех этапов: предтекстового, текстового и послетекстового, каждый из которых включает определенный набор заданий, направленных в числе прочего на формирование критического мышления.

В статье проводится анализ наиболее успешных методов, направленных на формирование навыков функционального чтения у школьников 5 классов на уроках русского языка. Данные методы были включены в учебники «Русский язык: учебник для общеобразовательных школ» (авт. Сабитова З. К., Скляренко К. С.), которые успешно используются в школах Казахстана. Каталог методических приемов, легший в их основу, может быть успешно использован при обучении разным языкам, так как содержит наиболее удачные приемы из мирового опыта, а также авторские разработки, ориентированные на особенности психологического и эмоционального развития школьников.

Communication is not the only purpose of language learning; it is the process by which learning takes place. It is in language lessons that students must master the skills of obtaining information that can be applied to the study of other subjects. Learning a language at school must meet the needs of a modern information society, therefore one of the main tasks is teaching functional reading. For the most successful formation of the communicative competence of students, it is necessary that the educational and methodological complex includes tasks that allow mastering the basic types of reading: search, analytical, studying, introductory, viewing, scanning. For this, texts of various stylistic orientations are used, solid and non-continuous, written and oral. Working with texts consists of three stages: pre-text, text and post-text, each of which includes a certain set of tasks aimed, among other things, at the formation of critical thinking.

The article analyzes the most successful methods aimed at developing functional reading skills among schoolchildren of grades 5 at the lessons of the Russian language. These methods were included in the textbooks "Russian language: a textbook for secondary schools" (authors Z. K. Sabitova, K. S. Sklyarenko), which are now successfully used in schools in Kazakhstan. The catalog of methodological techniques that formed their basis can be successfully used in teaching different languages, since it contains the most successful techniques from world experience, as well as authors' developments focused on the characteristics of the psychological and emotional development of schoolchildren.

Ключевые слова: функциональное чтение, текст, методический прием, русский язык в школе, критическое мышление.

Key words: functional reading, text, method, Russian at school, critical thinking.

Век цифровых технологий принес огромные изменения во все сферы жизни человека, конечно, не обойдя стороной и систему образования. Сегодня обучение на

любой стадии (от дошкольного до послевузовского) требует новых методов, так как ставит перед собой новые цели. Человек учится всю жизнь, и это стало особенно актуально с появлением Интернета: стерлись границы между странами, знания стали более доступными широкой массе людей, изменилась роль преподавателя. Сегодня ученикам требуются не готовые знания, а способы получения знаний. Целью обучения стало научить учиться, ориентироваться в потоке информации, оценивать данные, критически подходить к получаемым из различных источников сведениям.

Общеобразовательная школа – важнейшая ступень в жизни каждого, заложенные здесь знания формируют личность, приспособленную к современным реалиям. Поэтому школьные программы должны идти в ногу со временем, что приводит к возникновению так называемых интегрированных программ. Так, в Казахстане с 2017 года действуют учебные программы общего среднего образования обновленного содержания, на основании которых были составлены абсолютно новые учебно-методические комплексы по всем дисциплинам школьного цикла. Большие изменения претерпели учебники языков, ведь именно на уроках языка учащиеся должны осваивать навыки получения информации, которые могут применяться при изучении других предметов. Коммуникация не является единственной целью обучения языку, это процесс, с помощью которого проходит обучение («не учить общаться, а учить с помощью общения») [Swan, 1985, с. 4]. Поэтому изучение языка в школе должно отвечать потребностям современного информационного общества, первостепенной задачей становится обучение функциональному чтению, функциональной грамотности [Сабитова, 2019, с. 113].

Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (англ. Programme for International Student Assessment, PISA) ставит одной из главных своих задач проверку читательской грамотности, которая определяется как умение понимать прочитанное, извлекать из контекста необходимую информацию, использовать полученные знания, высказывать свое собственное мнение по заданной теме и аргументировать свой ответ. Формирование читательской грамотности, по сути, осуществляется на всех дисциплинах школьного цикла, так как вся система обучения связана с чтением. Читательская грамотность предполагает, что учащийся обдуманно относится к информации, критически подходит к анализу источников, учитывает разные точки зрения, умеет формулировать собственное мнение, ищет оригинальные подходы к решению поставленных задач. При составлении учебника «Русский язык» для общеобразовательных школ по учебной программе обновленного содержания [Сабитова, Складенко, 2018] авторы опирались именно на этот подход: сформировать у учеников читательскую грамотность, умение применять полученные знания и умения в жизни,

размышлять о прочитанных текстах, создавать собственные тексты, ориентированные на успешную коммуникацию.

«Быть грамотным в области чтения – значит уметь воспринимать информацию (т.е. владеть чтением-техникой, уметь декодировать написанные тексты и переводить их в устно-речевую форму) и чтением пониманием (владеть навыками смыслового чтения) и создавать тексты, вторичные и оригинальные» [Романчиева, Пранцова, 2019, с. 8]. Мы видим, что для формирования грамотности необходимо не только научить читать сплошные тексты «с листа» (традиционные для школьных учебников), но и воспринимать информацию на разных носителях (поэтому включаются информационно-коммуникационные средства), тексты разных типов (сплошные, несплошные, составные, гипертексты), по-разному графически оформленные. Грамотный читатель умеет выбирать стратегии чтения текста и менять их по мере необходимости, он владеет приемами функционального чтения – чтения с целью поиска информации для решения конкретной задачи или выполнения определенного задания [Рождественская, Логинова, 2012, с. 56]. Система текстов и заданий, подобранная в учебнике «Русский язык», позволяет учащимся овладеть навыками функционального чтения. Для каждого класса подобран учебно-методический комплекс, отвечающий запросам и интересам учащихся определенного возраста. Хотелось бы более подробно остановиться непосредственно на заданиях по работе с текстом, представленных в учебнике.

Работа с текстом складывается из трех этапов: предтекстовый, текстовый и послетекстовый, каждый из которых включает определенный набор заданий, направленных на формирование критического мышления, а также ключевых компетенций у учащихся. Нами был собран каталог методических приемов, используемых в современной методике преподавания языков для развития навыков функционального чтения, они были классифицированы в зависимости от этапа, на котором они применяются. При создании учебников эти приемы были адаптированы к обучению конкретно русскому языку как родному и к возрасту учащихся, также система была дополнена собственными приемами обучения, позволяющими более продуктивно использовать все виды чтения на уроках.

Существует несколько видов чтения, которыми должны овладеть учащиеся 5-7 классов для успешного формирования читательской грамотности. В первую очередь, это ознакомительное и просмотровое (или сканирующее) чтение. Данные навыки формируются еще в начальных классах, однако они требуют постоянного совершенствования, так как в век большого количества информации они используются людьми наиболее активно. Важным навыком является поисковое чтение, предполагающее

быстрое вычленение нужных фактов из текста при беглом его просмотре. Учащимся необходимо работать не только со сплошными текстами, но и с отрывками, заголовками, поисковыми запросами. Не менее важны изучающее и аналитическое чтение. Изучающее чтение предполагает, что учащиеся точно понимают содержание текста, вычленяют основную и второстепенную информацию, работают с контекстом. Наиболее сложным для данного возраста является аналитическое чтение, которое ориентировано на понимание содержания и структуры текста, требует от читателя определенных мыслительных операций, таких как анализ, сравнение, абстрагирование, обобщение, классификация, конкретизация. Данный вид чтения позволит в дальнейшем, в старших классах, освоить синтетическое чтение, что является основным показателем успешного овладения читательской грамотностью.

Методические приемы, направленные на овладение указанными видами чтения, широко представлены в учебнике «Русский язык». Для повышения интереса учащихся к обучению, более успешной работы на уроке были подобраны максимально разнообразные приемы, позволяющие привнести в уроки игровой элемент. Учебники, в соответствии с «Типовой учебной программой по учебному предмету «Русский язык» для 5–9 классов уровня основного среднего образования (с русским языком обучения) по обновленному содержанию» (Приложение 4 к приказу Министра образования и науки Республики Казахстан от 25 октября 2017 года) разбиты на главы по лексико-тематическому принципу, грамматический материал не выносится на первый план, он преподносится на примере текстов. Например, в учебнике для 5 класса есть такие темы, как «Культура: язык и общение» (на материале этой темы изучаются имена существительное и прилагательное, их число и падеж, особенности текстов-повествований), «Мир вокруг нас: транспорт и инфраструктура» (несклоняемые существительные, правописание *не* с существительными и прилагательными, чередующиеся гласные в корне слова, правописание суффикса -чик-/-щик-, непроизносимые согласные в корне слова), «Жизненные ценности» (антонимы, синонимы, многозначные слова, омонимы), «Мир профессий» (однородные члены предложения, эпитет, сравнение, гипербола, сравнительные обороты и знаки препинания при них), «Мир фантазий» (предложения с прямой речью), «Живые организмы: растения» (грамматическая основа предложения, тире между подлежащим и сказуемым), «Каникулы и отдых» (однородные члены предложения), «Астрономия: звезды и созвездия» (правописание окончаний существительных и прилагательных, *не* с отрицательными местоимениями и глаголами, правописание личных окончаний глаголов), «Чудеса света» (обобщающие слова при однородных членах предложения).

Задания направлены на все виды речевой деятельности: устную и письменную, продуктивные и рецептивные виды. В качестве примеров методических приемов на этапе предтекстовой работы можно привести «Прогнозирование содержания текста», «Дуб предсказаний», на этапе текстовой работы «Совместный поиск», «Двухчастный дневник», «Тонкие и толстые вопросы», «ИНСЕРТ», на этапе послетекстовой работы «Кубик Блума», «Колесо знаний».

«Дуб предсказаний» – прием, который был предложен американским педагогом Дж. Беллансом как «Дерево предсказаний». Название этого приема несколько изменено для конкретизации понятия. Дуб в русской культуре имеет особое значение, являясь символом мудрости, силы, вечности. Прием помогает ученикам строить предположения о разных ситуациях. В учебнике дается схематическое изображение дуба, на стволе которого предлагается написать тему, на ветвях – предположения и рассуждения по заданному вопросу, а на листьях – обоснование предположений, аргументы в пользу того или иного мнения. Например, при изучении темы «Современные виды транспорта» учащимся предлагается предположить, какие новые виды транспорта будут существовать в будущем, в качестве подсказки, примера даны изображения двух фантастических видов транспорта (использование работы с изображениями – также важный прием для развития навыков работы с несплошными текстами). В таком виде заданий учащимся предлагаются фразы-помощники (*возможно, вероятно, я думаю, я предполагаю* (курсив мой – К. С.)), что позволяет структурировать речь, расширяет словарный запас. Прием «Дуб предсказаний» развивает образное, логическое, критическое мышление, фантазию, умение мыслить перспективно, логично, соотносить аргументы и факты.

Прогнозирование содержания текста по отрывкам — один из эффективных приемов обучения пониманию текста. Вероятностное прогнозирование определяется как «процесс сопоставления поступающей информации о наличной ситуации с уже заложенной в памяти информацией о прошлом опыте, протекающий при участии механизма субъективной оценки вероятности появления слов и других элементов в речи [Умеренкова, 2006, с. 87]. Работа по прогнозированию содержания, основной мысли текста содержит в себе интригу, недосказанность, вызывающую интерес у учащихся, множество вопросов и вариантов ответов. Такой вид заданий заставляет учащихся думать, искать варианты развития описанной ситуации. Прогнозирование содержания текста основывается на: а) логической последовательности событий, описанных в тексте; б) композиционных особенностях текста; в) речевом опыте читателя; г) ситуации общения и контексте. Например, в теме «Культура речи» учащимся предлагается задание «Веришь ли ты, что...», где дается отрывок разговора известного режиссера и телеведущего, в

котором последний допускает речевую ошибку (ставит неправильное ударение в слове *звонит* (курсив мой – К.С.)). Режиссер говорит, что не верит, что это телеведущий, и на этом текст обрывается. Учащимся предлагается продолжить рассказ, предположить наиболее логичное завершение разговора. Завершением любой работы по прогнозированию содержания текста является проверка того, насколько предположения совпали с оригиналом. При этом важно подчеркивать учащимся, что оценивается не точность совпадения, а логичность их ответа и предположений.

Одним из приемов, хорошо зарекомендовавших себя на этапе предтекстовой работы, является «Совместный поиск» – прием, предполагающий коллективную работу над текстом, обмен мнений по его содержанию. Это умение предполагает извлечение из текста не только информации, но и проблемы, заключенного в нем эмоционального фона. Для успешной организации подобной работы учащимся задают вопросы: *На что вы обратили внимание в тексте? Какие мысли возникли у вас в связи с фрагментом текста, который больше всего запомнился? Какие чувства вы испытали при чтении текста?* (курсив мой – К.С.) Важно, чтобы в процессе чтения сформировался проблемный вопрос (для 5 класса навык формирования вопросов отрабатывается на небольших текстах или отрывках, имеющих одну четко выраженную главную мысль, что позволяет не отвлекаться на второстепенные линии). Когда вопрос совместно сформулирован и записан, каждый учащийся обдумывает в течение заданного времени свой ответ и записывает в тетрадь. После этого можно начать дискуссию, во время которой желательно записывать возникающие идеи на доску (при этом рекомендуется отмечать авторов, что повышает ответственность за сказанное, стимулирует активность). Важным правилом при проведении работы в данном случае является невмешательство учителя (он не дает ответов на вопросы, не оценивает правильность предположений школьников, не запрещает высказывать свою точку зрения).

Близким является прием «Двухчастный дневник», который учит исследовать текст, письменно выражая свое понимание прочитанного. В тетради учащиеся рисуют таблицу – страницу дневника, в левой части они записывают цитаты из текста, которые понравились (не понравились), вызвали воспоминания, ассоциации. Справа пишутся комментарии к записанному, обосновывается выбор фрагмента текста и понимание прочитанного. Этот прием позволяет развивать навык интерпретации текста, письменную речь. Например, при изучении темы «Труд» (раздел «Жизненные ценности») учащимся предлагается прослушать рассказ К. Д. Ушинского «Два плуга», после чего заполнить по нему «Двухчастный дневник». Для облегчения работы в учебнике приведены вопросы, ответы на которые позволят заполнить левую часть (например, *Что происходит? Кто участники*

событий? Когда происходят события? и др. (курсив мой – К. С.)). Ответив на вопросы, ученикам остается прокомментировать извлеченную из текста информацию, далее можно предложить прочитать отдельные комментарии либо дать учащимся проработать их в парах или малых группах, обсудить услышанное и отметить то, что понравилось в работах партнеров. Далее учащимся предлагается пересказать текст, опираясь на свои записи, однако вариантами окончания упражнения может быть также написание изложения или аргументированного эссе.

«Тонкие» и «толстые» вопросы – прием, направленный на развитие умения задавать вопросы, которое занимает одно из ведущих мест в перечне метапредметных результатов коммуникативных универсальных учебных действий (УУД). Американский исследователь А. Кинг пришла к выводу, что «умение задавать продуманные вопросы – это навык, которому следует обучать. Дело в том, что большинство людей обычно задают примитивные вопросы, при ответе на которые требуется лишь небольшое напряжение памяти. Только умеющие мыслить умеют задавать вопросы. Этому следует учиться». Умение задавать вопросы учит внимательно читать, выделять главное, искать проблемы, детали, учит обобщать материал, способствует эффективному пониманию текста. Также этот навык необходим для поиска информации в интернете – навыка, необходимого любому современному человеку. Прием «Тонкие» и «толстые» вопросы довольно активно используется нами в учебниках (либо на него дается прямое указание, либо рекомендации к его использованию в методическом руководстве для учителя). Данное задание представлено в виде двух колонок, левая – «тонкие» вопросы, предполагающие однозначные, краткие ответы, непосредственно по тексту (это могут быть вопросы *Кто? Что? Когда? Как звали ...? Согласны ли вы, что ...?* (курсив мой – К. С.)). Правая – «толстые» вопросы с развернутыми ответами (*Дайте объяснение, почему ... . Почему вы думаете, что ...? Каким образом ...? Что будет, если ...?* (курсив мой – К. С.)). Например, в теме «Умеем ли мы общаться?» учащимся предлагается послушать «Притчу о гвоздях» и сформулировать по ней «тонкие» и «толстые» вопросы. В качестве образца даны вопросы *Какой урок преподал отец сыну?* («тонкий») и *Почему важно не причинять зло другому человеку?* («толстый») (курсив мой – К. С.). Прием учит на практике применять новые знания, соотносить их с уже имеющимися, отрабатывает умение формулировать вопросы, воспитывает уважение к чужому мнению и умение взглянуть на проблему с разных сторон. Сформулированные вопросы позволяют оценить уровень развития учащегося, его степень понимания текста, способности анализировать информацию, соотносить ее с личным опытом, выслушивать оппонента и аргументировать свою точку зрения.

«ИНСЕРТ» – прием технологии развития критического мышления через чтение и письмо. Название приема представляет собой аббревиатуру: I – interactive (интерактивная), N – noting (познавательная), S – system (система), E – for effective (для эффективного), R – reading (чтения), T – thinking (размышления). Во время чтения текста учащиеся делают на полях пометки карандашом, ставя значки: «я это знаю» ( ), «это новая для меня информация» (+), «я думал по-другому, это противоречит тому, что я знал» (-), «это мне непонятно, нужны объяснения» (?). После прочтения текста заполняется таблица, которая обсуждается с одноклассниками по столбикам, потом текст читается еще раз и выясняется, осталась ли в тексте непонятная информация. Затем учащиеся должны проанализировать текст. Читая текст таким образом, учащиеся концентрируются на каждой строке, стимулируется их самостоятельная поисковая деятельность, навыки анализа текста, выделения главной и второстепенной информации, формируется культура письма, обобщения информации в процессе размышления, оценки фактов. Например, в теме «Современные виды транспорта» предлагается использовать этот прием при чтении текста о трицикле и воздушном поезде. Текст представляет собой всего восемь предложений (объем, достаточный для отработки навыков анализа текста), каждое из которых необходимо пометить соответствующим значком. Конечно, в дальнейшем, когда ученики в совершенстве овладеют приемами анализа текста, в более старших классах, прием позволяет анализировать тексты большого объема, в которых помечается уже не каждое предложение, а более крупные смысловые единицы текста.

Важным этапом работы с текстом является послетекстовая работа, рефлексия. Она может быть построена самыми разными способами: от непосредственно основанного на тексте обсуждения до ассоциативных рядов, обмена личным опытом по теме и т.д. Интересный прием, позволяющий подвести итоги работы над текстом, - «Кубик Блума». Этот прием был предложен американским психологом и педагогом Б. Блумом, автором теории таксономии, предполагающей разделение целей обучения на три блока: когнитивную («знаю»); психомоторную («творю»); аффективную («умею»). Б. Блум говорил: «Каковы бы ни были способности детей в раннем возрасте, без активной поддержки и специальных методов обучения они вряд ли достигли бы тех высот, покорив которые, стали знаменитыми». При помощи приема «Кубик Блума» можно формулировать вопросы в соответствии с поставленной задачей. Прием представляет собой своеобразную игру с бросанием кубика (игровые моменты на уроках позволяют разнообразить деятельность, повышают интерес, внимание школьников любого возраста). Для проведения игры учителю необходим кубик, на гранях которого написаны слова: Опишите, Сравните, Объясните, Расскажите о ..., Проанализируйте, Подведите итоги

(данные слова немного изменены нами по сравнению с оригиналом, так как в таком виде более точно отражают необходимые виды действий). Разберем прием на примере темы «Земля – наш общий дом», где с помощью кубика предлагается описать Красную книгу Казахстана (текст о ней был прочитан учениками ранее). Возможны два варианта использования приема: учащиеся, бросая кубик, отвечают на выпавший им вопрос (задание можно выполнять в малых группах); учащиеся заполняют таблицу, записывая свои ответы на каждый пункт. В учебнике всегда даются более развернутые инструкции для каждого конкретного задания. Например: 1. Опишите, что это – предполагает формулирование самых простых вопросов, воспроизведение знаний (Это – Красная книга Казахстана). 2. Сравните, на что похожа – уточнение того, что было описано, возможность показать предмет с другой стороны. 3. Объясните, кого и что записывают в нее, почему – определение причинно-следственных связей, описание происходящих процессов, в случае с Красной книгой ответом может быть: записывают виды, находящиеся под угрозой исчезновения, чтобы их охранять. 4. Расскажите, какие особенности характеризуют ее – уточнение, для того чтобы показать предмет с разных сторон, более полно, сфокусировать внимание на всех аспектах; здесь могут быть использованы и знания учащихся, полученные ранее на уроке при чтении текста, и фоновые, ранее полученные знания. 5. Проанализируйте ее, к чему призывает, почему так названа – анализ, выделение фактов и следствия, оценка значимости полученной информации, позволяет оценить, насколько учащимся понятен текст, какие выводы они из него сделали. 6. Подведите итоги: Красная книга – это сигнал тревоги (обобщение информации). Данный прием позволяет активировать мыслительную деятельность, предложить свои варианты развития событий, учиться продуцировать собственные тексты на основе полученной информации.

«Колесо знаний» – прием для систематизации, обобщения полученных знаний, также он помогает наметить перспективы их использования. Учащимся предлагается схема, в которую нужно включить слова и словосочетания по пройденной теме, которые помогут им в будущем. Колесо – это то, что двигает вперед, приводит в движение; так и подобранные слова должны отвечать принципу их важности для развития учащихся. Этот прием задействует подсознание, чувственную сферу восприятия, поэтому способствует осознанному усвоению знаний, оживляет познавательную деятельность и развивает мотивацию к обучению.

Учебник в целом организован в соответствии с принципами прагматической направленности, формирования критического мышления, он помогает ученикам развивать читательскую грамотность, погружает их в актуальные проблемы современности, позволяя взглянуть на них с точки зрения языка. Такой тип организации материала

позволяет подчеркивать важность изучения языков для реальной деятельности человека, мотивирует к обучению, показывает его практическую направленность, что немаловажно для современных учащихся любого возраста.

Список литературы:

- Рождественская Л., Логинова И.* Формирование навыков функционального чтения: Пособие для учителя. – Narva, 2012.
- Романчиева Е.С., Пранцова Г.В.* Функциональное чтение. Теория и практика. Учебное пособие. – М.: Неолит, 2019.
- Сабитова З.К.* Учебник по русскому языку: ответы и вызовы XXI века // XIV Конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире». Нур-Султан, 2019. – с. 113-120.
- Сабитова З. К., Склярченко К. С.* Русский язык. Учебник для 5 кл. общеобразоват. шк.: в 2 частях. – Алматы: Мектеп, 2018.
- Умеренкова А. В.* Вероятностное прогнозирование и эффект обманутого ожидания. – Курск, 2006.
- Swan M.* A critical look at the Communicative Approach, *ELT Journal* Volume 39/2, April 1985, p. 2-12.

References:

- Rozhdestvenskaya L., Loginova I.* Formirovanie navykov funktsional'nogo chteniya: Posobie dlya uchitelya. – Narva, 2012. (In Russian).
- Romanchieva E.S., Prantsova G.V.* Funktsional'noe chtenie. Teoriya i praktika. Uchebnoe posobie. – M.: Neolit, 2019. (In Russian).
- Sabitova Z.K.* Uchebnik po russkomu yazyku: otvety i vyzovy KHKH I veka // XIV Kongress MAPRYAL «Russkoe slovo v mnogoyazychnom mirE». Nur-Sultan, 2019. – s. 113-120. (In Russian).
- Sabitova Z. K., Sklyarenko K. S.* Russkii yazyk. Uchebnik dlya 5 kl. obshcheobrazovot. shk.: v 2 chastyakh. – Almaty: Mektep, 2018. (In Russian).
- Swan M.* A critical look at the Communicative Approach, *ELT Journal* Volume 39/2, April 1985, p. 2-12.
- Umerenkova A. V.* Veroyatnostnoe prognozirovanie i ehffekt obmanutogo ozhidaniya. – Kursk, 2006. (In Russian).

Шоканова Рашида
Московский педагогический государственный университет
г. Москва (Россия)

Shokanova Rashida
Moscow Pedagogical State University
Moscow (Russia)

**НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В
КАЗАХСТАНЕ: МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ, ПРОГРАММЫ И ПЛАНИРОВАНИЕ,
КОНТРОЛЬ И ТЕСТИРОВАНИЕ**

**NEW APPROACHES TO THE ORGANIZATION OF TEACHING THE RUSSIAN
LANGUAGE IN KAZAKHSTAN: METHODS AND TECHNOLOGIES, PROGRAMS
AND PLANNING, CONTROL AND TESTING**

В данной статье рассматривается вопрос об инновационной технологии, в которой изложены особенности проектирования учебного процесса по обучению русского языка (языков) для студентов национальной (казахской) аудитории гуманитарного профиля. Как известно, педагогическая система состоит из дидактической и методической составляющих, таким образом, чтобы добиться гарантированных результатов, они должны быть запланированы, такова суть инновационной модульной адаптивной интегрированной образовательной технологии. Теоретико-методологической основой является модульность, инженерия знаний, системный анализ, алгоритмизация, являющиеся основными звеньями технологи. МИАО технология опирается на концепцию билингвизма, адаптивности, мониторинга, интеграции и пр., рассматриваемые в целостности, в органическом единстве, опережающим изучением теоретического материала, согласованностью и завершенностью циклов познания. Инженерия знаний – фактор сжатия информации, модульное обучение – фактор модульности, системный анализ – фактор системности, алгоритмизация- фактор последовательности, что соответственно формирует мобильность знания, гибкость метода, критичность мышления, создание принципиально новых идей.

This article discusses the issue of innovative technology, which outlines the design features of the educational process for teaching the Russian language (languages) for students of the national (Kazakh) audience of the humanitarian profile. As you know, the pedagogical system consists of didactic and methodological components, so that in order to achieve guaranteed results, they must be planned, this is the essence of an innovative modular adaptive integrated educational technology. The theoretical and methodological basis is modularity, knowledge engineering, system analysis, algorithmization, which are the main links of technology. MIAO technology is based on the concept of bilingualism, adaptability, monitoring, integration, etc., considered in integrity, in organic unity, anticipatory study of theoretical material, consistency and completeness of the cycles of cognition. Knowledge engineering is a factor of information compression, modular learning is a factor of modularity, system analysis is a factor of consistency, algorithmization is a factor of consistency, which accordingly forms the mobility of knowledge, flexibility of the method, critical thinking, and the creation of fundamentally new ideas.

Ключевые слова: русский язык, МИАО технология, студенты-билингвы, диагностика, коррекция, тренинги для продвинутых, профессиональная компетенция, полное освоение знаний, гарантированное обучение, модульность, системный анализ, инженерия знаний, алгоритмизация, интегрированность, мониторинг.

Key words: Russian language, MIAO technology, bilingual students, diagnostics, correction, trainings for advanced people, professional competence, full mastering of knowledge, guaranteed learning, modularity, systems analysis, knowledge engineering, algorithmicization, integration, monitoring.

Во всем мире усиливается поиск в организации новых форм учебного процесса. Созрела необходимость преподавания русского языка в высшем профессиональном образовании Казахстане совершенно по-новому, то есть по научно обоснованным образовательным программам, в основе которых желательно иметь синергетический

эффект, который основывается на возрастании эффективности деятельности в результате интеграции, слияния отдельных образовательных частей в единую систему за счет системного эффекта (эмерджентности). Сегодняшняя ситуация диктует необходимость объективного, научного изучения языковых процессов и разработки системы мер по усвоению русского языка [Вдовина, 2008, с. 1]. Обучение любому языку имеет свои специфические особенности. Многие изменилось в отношении изучения и овладения языком, потому что в высшие учебные заведения поступают намного сознательнее и в языковом отношении лучше подготовленные первокурсники, но проблема овладения русским языком остается, т.к. овладение языком и речью – это довольно длительный, сложный и целенаправленный психолингвистический процесс. Управление образовательным процессом по овладению русским (любым) языком на профессиональной основе и владение языком для профессионального обучения является наиважнейшей целью данной научной работы. Результаты продуктивны, если они гарантированы и запланированы, для этой цели необходимо «технологизировать» учебный процесс, т.е. применять технологии обучения.

1. Разработана современная и актуальная педагогическая технология с учетом идей глобального синкретического подхода, науки с интеграционными процессами (в лингвистическом понимании как постоянного объединения в одной форме нескольких значений), разделенных между разными формами, основанными на фундаментальных теоретических (лингвистических, дидактических) знаниях и опыта в сфере образования.

2. Данная технология определена как *модульная интегрированная адаптивная образовательная технология* (курсив мой – Р. Ш.) [Шоканова, 2002, с. 17], преследующая цель управления качеством процесса обучения на основе современного системного анализа, инженерии знаний, модульности и алгоритмизации.

3. Интегрированные подходы, определяющие стратегию, тактику, выбор методов и приемов обучения с целью формирования профессиональной (любой) компетенции.

4. МИАО технологией использованы идеи синергетической парадигмы – науки о самоорганизации и закономерностях эволюции сложных систем в социуме, дающую единую основу для описания механизмов возникновения любых новаций, в целях изучения русского языка (языков) билингвами (монолингвами, полиглотами). интегрирующая в себе целевую компоненту, ведущие принципы, специальные способы

5. МИАО технология проектирует систему целей, задач и упражнений, конструирует дидактические (когда надо кибердидактические) процессы, рейтинговую систему контроля, оценки учебных достижений, дозирование домашнего задания, учет здоровьесберегающих факторов, мониторинговый контроль.

6. МИАО технология проектируется с учетом Базисных категорий методики РКИ, методики русского языка, сопоставительных грамматик, переводческой деятельности.

7.МИАО технология *программирует гарантированные результаты* (курсив мой – Р.Ш.), организующая учебный процесс с конечным результатом, выходящий на высокое качество знаний и профессиональную компетентность.

8. В технологии заложены навыки самоменеджмента и весь образовательный процесс построен на основе осознанного самообразования.

9.МИАО технология имеет развитую интеллектуальную, теоретическую, практическую и творческую ориентацию.

10. При организации МИАО технологии, активно проходящие интеграционные процессы синкретического характера, объединяют несколько значений или компонентов этих значений, где преподавателю необходимо продумать научное обоснование Содержание обучения, Парадигму образования, Подходы к обучению, и другие Базисные категории (всего 21 таблица) определить объем знаний, навыков и умений, продумать формирование компетенций (как количество, так и качество) в соответствии с ГОСО²⁸ [Шоканова, 2002, с. 35].

11. Разработаны соответствующие методы и приемы, формы, способы, профили, средства и другие технологические ресурсы для получения высококачественного профессионального образования в режиме очного обучения.

12. МИАО технологией разработаны диагностирующие и корректирующие задания с учетом разноуровневого обучения и задания для «продвинутых».

13. МИАО технологией разработана система контроля в виде:

- Диагностики, что значит диагностируется тот объем знаний, который пройден, и преподаватель должен проверить, как этот материал усвоен. Если диагностика показывает пробелы в знаниях, то коррекция обязана этот пробел ликвидировать. Диагностика – это оригинальный и необычный вид работы по определению «усвоен» или «не усвоен» новый учебный материал

- Коррекции – это не только работа над ошибками, но и ликвидация пробелов в знаниях как лексического, так и грамматического материала.

- Мониторинга – система отслеживания результатов, постоянное наблюдение за учебным процессом в образовании с целью выявления его соответствия желаемому результату. Системы тестов, которые являются проверкой языковой, речевой, профессиональной и других видов компетенций.

---

²⁸ ГОСО – Государственный Общеобязательный Стандарт Образования Республики Казахстан

Данная МИАО технология представляет собой индивидуальную интерпретацию преподавателя, в которой осуществляется связь между:

- ✓ подходом к обучению (определяет стратегию обучения);
- ✓ методами обучения (разработана тактика обучения);
- ✓ технологией обучения (определяет выбор методов и приемов по реализации концепции (концепций));

МИАО технология основана на когнитивном подходе (принципа сознательности, основанный на осознанном обучении).

14. Создать Содержание обучения научной дисциплины для обучения профессионалов с целью приобретения фундаментальных теоретических знаний, усвоения научных понятий и дефиниций, формирования словаря (багажа) профессиональной лексики и терминологии;

15. Разработать Содержание обучения, включающего в себя следующие компоненты:

- а) знания о системе изучаемого языка и входящих в его структуру единицах языка;
- б) знание о культуре носителей изучаемого языка;
- в) правила владения усвоенным учебным материалом в профессиональной деятельности;

16. Разработана последовательная система формирования профессиональной и других видов *компетенций* (лингвистическая, предметная, коммуникативная, инструментальная, речевая, общегуманитарная и др) и *компетенности* с целью реализации в профессиональной деятельности на основе приобретенных знаний навыков и умений для гуманитарного профиля;

17. МИАО технология использует ПТ, ИТ, ИКТехнологии как наиболее конструктивные модели по повышению качества знаний и формированию компетенции (компетенций)

18. МИАО технологией предусмотрен жесткий отбор (методом инженерии знаний) те компоненты Содержания обучения, которые определяют эффективность подготовки учащихся в рамках курса, соблюдают здоровьесберегающий фактор и содействуют комфортному пребыванию на занятиях.

Общедидактические принципы МИАО технологии можно рассматривать в виде взаимосвязанных между собой методов, имеющие две цели:

1) метод обучения (преподавания), используется преподавателем для изложения нового материала, организацией его усвоения и контроля за усвоением.

2) метод обучения («обучаемости»), используется учащимся для овладения новым материалом и владением этим материалом в профессиональной деятельности.

Новизна данной работы заключается во внедрении современных Подходов к обучению, определяющие стратегию и тактику, а также выбор методов и приемов в обучении языку (языкам), создание современной лингводидактической теории в обучения русскому языку (языкам) по воздействию на процесс обучения с целью оптимизации, выбора инструментальных механизмов, в обосновании современных глобальных синкретических тенденций различных интеграционных процессов для достижения наибольшей эффективности и продуктивности образовательного процесса по МИАО технологии. Реализация индивидуального подхода в модульном обучении возможна в нескольких направлениях, когда студенты должны: *трансформировать, систематизировать, интегрировать, координировать, развивать, закреплять* (курсив мой – Р.Ш.) информацию. Таким образом, преподаватель, выступая в роли менеджера (организатора, мотиватора), используя системно-функциональный подход, который состоит из *конструктивных, ситуативных, диагностических, коррекционных и контролируемых* (курсив мой – Р.Ш.) методов обучения, должен добиться результатов с помощью самих же студентов. Опираясь на идеи синергетической парадигмы, МИАО технология вплетает в свою информационную ткань современные теории системного анализа, модульности, инженерии знаний и алгоритмизацию для реализующих целей, задач и содержания обучения русского языка для национальных (казахских) учащихся.

Модульность (от лат. *Modulus* мера) – это свойство системы на внутренне связанные между собой модули; принцип, согласно которому логически связанные между собой звенья (блоки) группируются в отдельные файлы (модули). [Юцавичене, 1989, с.48] Средство модульного обучения – это инструкция по достижению цели учебно-познавательной деятельности, индивидуальная программа, содержащая целевой план действий, банк информации, указания по осуществлению самоконтроля, самооценки, самоанализа. Технология модульного обучения, как личностно-ориентированная, позволяет одновременно оптимизировать²⁹ учебный процесс, обеспечить его целостность в развитии познавательной и личностной сферы учащихся. Цель модульного обучения – содействие развитию самостоятельности студентов, их умению работать с учетом индивидуальных способов проработки учебного материала. Из положительных аспектов данной технологии выделены следующие:

---

²⁹ Оптимизировать- (от лат. *optimus* –налучший) Нааучно обоснованный выбор и осуществление наилучшего для данных условий варианта *обучения* с точки зрения решения его задаач и рациональности затрат времени обучающихся и преподавателя.

1. адаптация к индивидуальным особенностям обучаемых за счет исходной диагностики знаний и темпа усвоения;

2. обязательный самоконтроль;

3. гибкое управление процессом обучения;

учебная деятельность на адекватном уровне сложности переводит полученные знания и умения в навыки, на основе которых формируется компетенция.

Алгоритмизации (от лат. Algorithmi – формы имени среднеазиатского математика аль-Хорезми). Следующий принцип, который лег в основу технологии – концепция алгоритмизации, которая является основой многих технологий и методов обучения. Обучающий алгоритм, представляет собой совокупность точно сформулированных правил (операций), определяющих строгую логическую последовательность форму и методы передачи учебной информации от преподавателя или обучающей программы учащемуся. В лингводидактике алгоритмизация является основой многих технологий и методов обучения. [Азимов, 2018, с.15] Алгоритмизация в обучении необходима с целью, при которой студент, выполняя задание, учится осуществлять заданный порядок учебных действий: распознавая- анализировать, синтезируя – выяснять. Цель алгоритмизации заключается в том, что задается определенный алгоритм, т. е. правила и система заданных манипуляций, при которых студент осуществляет данный механизм по образцу.

Инженерия (от лат. knowledge engineering – инженерия знаний) **знаний**. Специальная отрасль информационной технологии – инженерия знаний направлена на исследование проблем представления и использования знаний. Цель инженерии знаний отбор материала, его компоновки, оперативного использования и подачи в «сжатом», компактном, удобном, с методической точки зрения, виде используется концепция инженерии знаний, рассматриваемая в русле всевозможных типов моделей представления знаний. Реализация индивидуального подхода в модульном обучении возможна в нескольких направлениях, когда студенты должны **трансформировать, систематизировать, интегрировать, координировать, развивать, закреплять** информацию. Таким образом, преподаватель, выступая в роли менеджера (организатора, мотиватора), используя системно-функциональный подход, который состоит из **конструктивных, ситуативных, диагностических, коррекционных и контролируемых** методов обучения, должен добиться результатов с помощью **самих же студентов**.

Системный (от греч. sistema – целое, составленное из частей; соединение) **анализ**, который основывается на нескольких принципах, один из которых принцип системного анализа. Благодаря современному системному анализу, определена последовательность

действий по установлению различных структурных связей построения Модели. Цель системного анализа легли в основу анализа и синтеза концепции системного анализа, которые представляют собой обобщение практики работы со сложными системами.

Научно-теоретической базой МИАО технологии являются следующие концепции:

Концепция билингвального образования, потому что модель организует обучение, при котором становится возможным использование более чем одного языка. Второй язык, таким образом, является не только объектом изучения, но и одновременно средством общения и языком преподавания. Билингвальное образование предусматривает овладение определенным предметным знанием за счет взаимосвязанного использования двух языков (родного и неродного) и овладение русским языком, не только как средством общения, но и для образовательной профессиональной деятельности.

Концепция интегрирования, потому что разные учебные дисциплины, близкие по профилю образования, объединены в одно целое. Данная МИАО технология, являясь интегрированной моделью, объединяет такие дисциплины как: лингвистику, педагогику, дидактику, лингвopsихологию, теорию киберсоциализации и др.

Концепция полного усвоения знаний, заложенная в технологии, построена на процессе такого психического отражения как Познание, обеспечивающее приобретение и максимально полное усвоение знаний. Концепция полного усвоения знаний (от лат. *Conception*- система взглядов) построенная на процессе такого психического отражения как познание, обеспечивающее приобретение и максимально полное усвоение знаний³⁰. Для полного усвоения материала необходимо разработать критерии, которые включают в себя планируемые результаты, где учащийся должен продемонстрировать усвоение темы [Кларин, 1989, с.16]. Весь учебный материал разбивается на отдельные учебные единицы (модули), которые имеют содержательную целостность и невелики по объему.

Концепция гарантированного результата предусматривает гарантированный результат, который в свою очередь формирует компетентность. Гарантированный результат заложен в самом механизме модели (технологии).

Концепция адаптивности, потому что модель приспособлена к уровню обученности учащегося, использует ИКТ в целях адаптации к интересам, потребностям, индивидуальным особенностям с учетом разноуровневого обучения, а также использовать совокупность форм и методов, позволяющих индивидуализировать обучение с помощью

---

³⁰ Авторами технологии полного усвоения являются американские психологи Дж. Кэрролл, Б. Блум и их последователи. В России теоретическое обоснование этой технологии изложена в работах М.В. Кларина

упражнений и заданий. Упражнения и задания усложняются или упрощаются в соответствии с уровнем языковой компетенции учащихся.

Концепция мониторинга - система постоянного наблюдения за учебным процессом, результаты которого служат для обоснования результатов качества образования. [Сариева, 2003, с. 176] В рамках системы наблюдения над учебным процессом происходит оценка, контроль, управление состоянием качества знания в зависимости от воздействия определённых факторов. В конце модуля студентов задается мониторинговый вопрос: «Я понял тему и могу ее рассказать. А ты?»

Концепция здоровьесберегающего фактора. Здоровьесберегающая педагогика – это совокупность форм и методов организации обучения без ущерба для их здоровья. Понятие «здоровьесберегающая» технология является основой любой педагогической технологии и решает самую важную задачу – сохранение здоровья всех субъектов образовательной деятельности. Здоровьесберегающие технологии нужно рассматривать как безопасность для здоровья, которые, кстати, не должным образом выполняются традиционными педагогическими технологиями. Цель здоровьесбережения в модуле предусмотрено системой заданий, способом проверки, разноуровневым обучением, системой мониторинга и справедливым балльным оцениванием

Концепция теории киберсоциализации (cyberus – «виртуальная компьютерная социализация» термин предложен В.А. Плешаковым) – фактор киберкомпетенции. К числу мегафакторов киберсоциализации целесообразно отнести киберпространство, как пространство функционирования информационного общества. Интернет как наиболее активно развивающийся современный сектор киберпространства, фактически ставший самостоятельным полноценным пространством киберсоциализации. Процесс обучения по МИАО технологии происходит в тесном контакте с компьютером, медиа-технологиями, мобильной связью, меняет мировоззрение, повышает самосознание, самообразование и мотивирует на дальнейшее образование по технологии. содержание обучения русскому языку и определяющее пути и способы достижения результата. С появлением и развитием компьютерных технологий, особенно благодаря динамичной киберэволюции всемирной глобальной сети Интернет, по мнению Плешакова В.А., современный человек, как Homo Sapiens постепенно, с динамичным развитием информационно-коммуникативных технологий и интернета превращается в уникальный новый тип Homo Cyberus (человек киберсоциализующийся), а психолого-педагогическая наука обогатилась появлением инновационного социально-педагогического феномена – процесса киберсоциализации человека. [Плешаков, 2011, с. 12] потому что данная технология интегрирует киберпространство, компьютерные технологии, информационно-коммуникативные

технологии, интернет-среду, социальные сети, выявляет основные законы дидактики, влияет на социализацию и киберсоциализацию студента и формирует как профессиональную, так и киберпрофессиональную компетентность. Приобщение студентов через образовательный портал к киберпространству и формирования у них киберсоциализации. МИАО технология является особым видом современной дидактики, при котором реализуются социально обусловленные задачи киберобразования. Киберобразование – это уникальный вид образования в киберпространстве для более успешного достижения целей обучения.

Проектирование учебного процесса по МИАО технологии.

Этапы технологизации (образец)

Модульной интегрированной адаптивной образовательной технология обучения русскому языку (языков.)

Модуль №1

I. Подготовительный блок

- Входной тест (вводно-проверочный этап);
- Цель (цели) (целееустанавливающе- разъяснительный этап)

II. Содержательный блок

• Содержание образования (обучающе-развивающий этап направлен на формирование ЗУН)

- Тренинг. Упражнения (развивающе-тренинговый этап)
- Самостоятельная работа (закрепляющий этап);
- Самостоятельная работа (обучающий этап для продвинутых)

дополнительные тесты. Самостоятельная работа направлена для подготовки на более высокий уровень знаний.

• Мониторинг. Диагностические процедуры (проверочно-диагностируемый этап). Инструментарий и показатель измерения результатов содержания образования. Диагностика понимается и реализуется как констатация степени достижения или не достижения студентом цели (целей). Задания равноуровневые, состоят из трех уровней. Задание первого уровня состоит из двух заданий. Единые правила проведения Диагностики.

• Коррекция (корректирующе-оценивающий этап).Коррекционные задания трехуровневые (относительно диагностики);

- Обучающий этап для продвинутых;

III. Результативный блок

- Компетенция. Формирование компетенции. Итоговая контрольно-оценивающая часть и экспертный контроль, результат формирования профессиональной компетенции (аналитико-умозаключительный этап) При формировании профессиональной компетенции необходимо учитывать степень усвояемости студентом знаний, исходя из этого технология предусматривает следующие уровни:

- При формировании компетенции необходимо учитывать степень усвояемости студентом знаний, навыков, исходя из этого технология предусматривает следующие уровни:

- Уровень1. А- соответствует минимальному уровню усвоения учебного содержания, рассчитан на студента с низкой обучаемостью, низким уровнем учебных умений, имеющего пробелы в знании пройденного материала;

- Уровень2. В- для студентов, которые при относительно невысокой обучаемости достигают хороших результатов в обучении, компенсируя недостаточное развитие способностей к отдельным мыслительным операциям, прилежанию; организованности с использованием рациональных приёмов в учении.

- Уровень3. С- представляет собой углублённый вариант содержания материала, который рассчитан на студента с высокой обучаемостью, положительным отношением к учению, высоким уровнем знаний, критическому, творческому мышлению и способности делать умозаключение. Компетентность.Сформированная компетентность (практико-реализующий этап). Реализация компетентности.

И разработчики, и пользователи за уникальность педагогических (образовательных) технологий относят их к *smart* (курсив мой – Р. Ш.) проектам: просто-доступно-креативно- результативно-комфортно-профессионально [Шоканова, 2002, с. 12].

Список литературы:

- Азимов Э. Г., Современный словарь методических терминов и понятий. (теория и практика обучения языкам)./Э.Г.Азимов, А.Н.Щукин - Москва: Русский язык, Курсы, 2018.- 496 с.
- Кларин М. В. Педагогическая технология в учебном процессе: анализ зарубежного опыта. -- М.: Знание, 1989 г.
- Плешков В.А., Теория киберсоциализации человека. Монография / Под общ. Ред. Чл.-корр. РАО, Д.п.н., профессора А. В. Мудрика. – М.: МПГУ; «Ното Cyberus», 2011. – 400 с.
- Вдовина Н. В. Русский язык в Казахстане //Перспективы. Фонд исторической перспективы. //Информационно-аналитический портал «Евразийский дом», 2008// Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36203> (дата обращения: 20.04.2021)
- Сариева К. Н. Мониторинг качества учебников и УМК // методическое пособие. - Алматы, 2003
- Шоканова Р. Д. Творческая педагогика № 2, информационно-методический журнал, 2002
- Шоканова Р. Д. Творческая педагогика № 3, информационно-методический журнал, 2002
- Шоканова Р. Д.Творческая педагогика № 4, информационно-методический журнал, 2002

Юцавичене П.А. Теория и практика модульного обучения, Каунас, Швиеса,1989. - 272с. - Режим доступа: <https://hum.edu-lib.com/pedagogika-psihologiya/yutsyavichene-p-teoriya-i-praktika-modulnogo-obucheniya-onlayn> (дата обращения: 29.04.2021)

References:

Azimov E.H. G., *Sovremenniy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii. (teoriya i praktika obucheniya yazykam).*/E.H.G.Azimov, A.N.Schukin - Moskva: Russkii yazyk, Kursy, 2018.- 496 s. (In Russian)

Klarin M. V. Pedagogicheskaya tekhnologiya v uchebnom protsesse: analiz zarubezhnogo opyta. -- M.: Znaniye, 1989 g. (In Russian)

Pleshkov V.A., *Teoriya kibersotsializatsii cheloveka. Monografiya / Pod obshch. Red. Chl.-korr. RAO, D.p.n., professora A. V. Mudrika. – M.: MPGU; «Homo Cyberus», 2011. – 400 s. (In Russian)*

Vdovina N. V. Russkii yazyk v Kazakhstane //Perspektivy. Fond istoricheskoi perspektivy. //Informatsionno-analiticheskii portal «Evraziiskii doM», 2008// Rezhim dostupa: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36203> (data obrashcheniya: 20.04.2021) (In Russian)

Sarieva K. N. Monitoring kachestva uchebnikov i UMK // metodicheskoe posobie. - Almaty, 2003(In Russian)

Shokanova R. D. Tvorcheskaya pedagogika № 2, informatsionno-metodicheskii zhurnal, 2002(In Russian)

Shokanova R. D. Tvorcheskaya pedagogika № 3, informatsionno-metodicheskii zhurnal, 2002 (In Russian)

*Shokanova R. D.*Tvorcheskaya pedagogika № 4, informatsionno-metodicheskii zhurnal, 2002 (In Russian)

Yutsavichene P.A. Teoriya i praktika modul'nogo obucheniya, Kaunas, Shviesa,1989. - 272с. - Rezhim dostupa: <https://hum.edu-lib.com/pedagogika-psihologiya/yutsyavichene-p-teoriya-i-praktika-modulnogo-obucheniya-onlayn> (data obrashcheniya: 29.04.2021) (In Russian)

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Амириди Стефания Георгиевна
Фракийский Университет имени Демокрита
г. Комотины (Греция)

Amiridou Stefania
Democritus University of Thrace
Komotini (Greece)

ЭПОХА КОРОНАВИРУСА В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА: УПОТРЕБЛЕНИЕ НОВОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ И ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ, СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ)

THE ERA OF CORONAVIRUS IN THE MIRROR OF LANGUAGE: THE USE OF NEW VOCABULARY IN RUSSIAN AND GREEK (BASED ON THE MATERIAL OF MASS COMMUNICATION, SOCIAL NETWORKS AND COLLOQUIAL SPEECH)

Статья посвящена изучению вопроса лексических изменений, которые явились результатом реакции русского и греческого языков на новые реалии начала 2020 года. Такое событие мирового масштаба, как распространение по всему миру коронавирусной инфекции COVID-19 оказало существенное влияние на все основные сферы жизнедеятельности человека. Язык, как важнейший инструмент человеческой деятельности, одновременно выполняющий коммуникативную, познавательную, номинативную и аккумулятивную функцию в создавшихся условиях явился классификатором абсолютно новой объективной реальности. Изменения в лексике, во фразеологическом составе, актуализация старой лексики, неологизация, а также и детерминологизация – являются сегодня процессами, характеризующими русский, греческий, а также многие европейские и другие языки. В статье даются примеры, показывающие функционирование и пути быстрой адаптации «короналексики», определяется состав источников пополнения словаря, выделяются новые тематические группы. Основу исследования составила коллекция слов, выражений, мемов и «ковидного юмора», которая была собрана автором методом включенного наблюдения на материале российских и греческих СМК, а также и разговорной речи.

Ключевые слова: русский язык, греческий язык, коронавирус, неологизм, фразеология, интернет-мем, пандемия.

This article examines linguistic changes as a result of adaptations of the Russian and Greek languages to the new reality of the beginnings of year 2020. An event such as the global spread of COVID-19 infections had a significant impact in all aspects of human life. Language, as the most important means of human activity, simultaneously acting through its communicational, cognitive, nominal and accumulative functions under the current conditions, was a classifier of a brand new objective reality. Changes in vocabulary, phraseological composition, actualization of the old vocabulary, emergence of neologisms, and determinologization are currently processes that characterize the Russian, Greek as well as many European and other languages. In this article we give examples that demonstrate the functions and means of rapid adaptation of the “coronavocabulary”, we determine the sources of vocabulary enrichment and define new thematic groups. This research was based on a collection of words, expressions, memes and “covid humour”, that was collected by the author using the method of participational observation based on material from Russian and Greek mass media, as well as colloquial speech.

Key words: Russian language, Greek language, coronavirus, neologism, phraseology, internet memes, pandemic.

Название нашей статьи, а также интерес к бурному процессу появления новой лексики был вызван всплеском пандемии коронавируса, явившейся самым знаменательным событием 2020 года для всей планеты. Согласно создавшейся ситуации 2021 год, также, как и предыдущий, останется в истории как год пандемии и локдаунов. Мгновенное распространение по всему миру **коронавирусной инфекции, в форме эпидемии, а далее охарактеризованной ВОЗ как пандемия, достигло гигантских размеров, полностью переменяя привычный уклад жизни всего человечества. Одновременно, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 стала «спусковым крючком» различных процессов глобального масштаба. Прежде всего, это экономический кризис, в результате которого был нанесен непоправимый ущерб всем без исключения экономикам мира. Повальное закрытие предприятий и офисов привело к массовой цифровой трансформации всех бизнес-процессов и привычного уклада жизни. Пандемия не обошла также и мировые системы образования, которые отреагировали массовым переходом к обучению школьников и студентов через интернет.**

Любой язык, как зеркало окружающего мира и действительности, выполняет одну из своих самых значимых функций – служит коммуникации и является самым эксплицитным по сравнению с другими видами коммуникативного поведения. Язык как культурная система и единичный акт – главный инструмент коммуникативного поведения. «Каждая культурная система и каждый единичный акт общественного поведения явно или скрыто подразумевает коммуникацию» [Сепир, 1993, с. 211].

Благодаря языку, как средству общения, создается уникальная для каждого народа, для каждой этнической группы в отдельности своя, специфическая картина мира. В картине мира через слова отражаются явления реального мира не как сам предмет реальности, а как его видение самим носителем языка благодаря имеющимся в его сознании представлением и понятием о данной реалии или предмете. Сами понятия абстрактны, ибо состоят из обобщенных основных признаков, образующих это понятие. Таким образом мышление, язык и культура составляют одно целое, где все компонентны настолько взаимосвязаны, что не могут существовать и функционировать без друг друга. «Язык не существует вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Сепир, 1993, с. 185]. Язык, мышление и культура находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии с реальным миром: они зависят от него, противостоят ему, отражают и формируют его.

Такое явление сегодня как беспрецедентное развитие самых разнообразных средств массовой коммуникации, обязано своим появлением и быстрым

распространением в 20 веке электронных средств связи, изменивших коренным образом характер СМИ и жизнь в целом. В заголовке нами было принято обозначение СМК (Средства Массовой Коммуникации), а не распространенное СМИ (Средства Массовой Информации). Под термином СМК и Массмедиа мы понимаем совокупность всех тех средств (технологий и институтов), главное назначение которых – распространение информации централизованно на определенной территории, гетерогенным и географически рассеянным аудиториям в различных форматах – от текстового до визуального. СМК являются одной из существенных форм распространения и бытия массовой культуры [Масс-медиа, эл. ресурс]. СМК начинают действовать в сознании как первопричина, наделяющая действительность своими свойствами, где происходит некое конструирование реальности и общественного мнения [Ноэль-Нойман, 1996]. В вопросе распространения лексики коронавируса СМК сыграли не только информативную роль, но участвовали и в противоположном процессе обратной связи, когда пользователи начали их использовать, транслируя свое отношение к миру, не только для выражения собственного мнения, но также и развлечения, создавая новые видео материалы и мемы на тему ковида, либо видоизменяя и снабжая доселе хорошо известный старый материал новым содержанием. Именно эпоха коронавируса вывела СМК на новый уровень, которые явились индикаторами, отразившими общественное мнение и каналами обратной связи между гражданами и государством. Информация стала социальным ресурсом, воспроизводимым всеми СМИ одновременно, а мир обрел очертания того, что М. Маклюэн назвал «глобальной деревней» [Маклюэн, 2009].

В начале 2020 года, после официального объявления ВОЗ о пандемии коронавируса, лексема «COVID-19», а также ее дериваты и синонимы присутствуют ежедневно в дискурсивном контексте греческих и российских средств массовой коммуникации. Влияние инфекционного заболевания находит свое отражение в абсолютно всех социальных институтах, в организации медицинских учреждений и системы здравоохранения во всем мире, а также и в лексическом составе многих языков. Лексика инфекционного заболевания «COVID-19», используемая в английском массмедиальном дискурсе сформировала определенную информационную картину мира, которая, в свою очередь, нашла отражение как в греческих, так в и российских СМИ. Языковые изменения в период пандемии ускорили, в целом, процессы языкового развития в русском и греческом языках, влияя на общественное сознание и отражая национально-культурные особенности мировосприятия и систему ценностей каждого языка в отдельности.

Государственный институт русского языка им. Пушкина назвал словами 2020 года «самоизоляцию» и «обнуление»³¹ (авторитетный словарь Collins – «локдаун»³², словарь Уэбстера – «пандемия»³³). Слово «коронавирус» чаще всего появлялось в запросах не только Google, но и других системах поиска. Первыми на громкое появление неологизмов, имеющих отношение к лексике пандемии, отреагировали электронные словари. Так как локдаун изменил образ жизни людей во всем мире, словарь Collins к прежнему объяснению (введение жестких ограничений на передвижение, социальные контакты и доступ к общественным местам)³⁴ добавил новое: «ограничительная мера, вводимая правительствами с целью ограничить распространение COVID-19» [The year of lockdown, эл. ресурс, 2020]. «Наши лексикографы избрали “локдаун” словом года, потому что оно вообрало в себя опыт, объединивший миллиарды людей во всем мире», – говорится на его официальном сайте» [Главное слово 2020 года объявлено, эл. ресурс, 2020].

Новая реальность и введение режима массового карантина, всеобщей изоляции и масочного режима незамедлительно сказались в языке в форме активных динамических процессов. В 2020 г. COVID-19 «стал тематической доминантой, объединившей медицинский, политический, экономический, рекламный, медийный, сетевой и обиходно-разговорный дискурсы» [Северская, 2020].

В процессе сравнения русскоязычного материала с иноязычным (английским и греческим) были выявлены интернациональные неологизмы и отделены от национально-специфических. Коронавирусная лексика в этих языках не является однородной и обусловлена не только неоднородностью актуального дискурса о пандемии в двух странах, а также и рядом экстралингвистических факторов со специфическим национально-культурным компонентом. Восприятие и переосмысление новой лексики и новых понятий каждой культурой в отдельности является также результатом влияния разных экстралингвистических факторов: социальная норма данного исторического периода, эпохи; характеристика речевого акта, такие как тема, ситуация, его участники; энциклопедические сведения о предмете коммуникации и т.д. На самом деле, «понимание культурной реалии основано на знании реального факта действительности, стоящего за словами, знании исходной социокультурной системы» [Антонова, 2017].

2020 год можно смело охарактеризовать периодом активной неологизации как в русском, так и в греческом языке. Источниками пополнения словаря явились три основные сферы: 1) медицина 2) государственное управление 3) повседневная жизнь

³¹ См.: <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=27341>

³² См.: <https://www.bbc.com/news/uk-54878910>

³³ См.: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/pandemic>

³⁴ См.: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/lockdown>

человека. Наиболее значимой сферой, предоставившей первый объемный пласт лексики, явилась медицина. Со вспышкой пандемии и моментально последовавшим освещением в СМК вопросов здоровья людей, борьбы общества с новым респираторным заболеванием, медицинский дискурс выходит на повестку дня всех абсолютно репортажей. Таким образом, новые лексические единицы, характеризующие ковид-словарь данной эпохи, могут быть объединены в три основные тематические группы:

1) новое заболевание: особенности, симптомы, методы выявления, лечения и предупреждения

2) административные меры, принимаемые государствами в целях ограничения распространения инфекции

3) восприятие обществом создавшейся ситуации и выражение отношения к ней.

Тематическая группа 1

Новое заболевание: особенности, симптомы, методы выявления, лечения и предупреждения

Первая группа является обширной и представлена большим количеством лексических единиц, являющихся профессионализмами и медицинскими терминами, которые в свою очередь могут быть распределены по следующим подгруппам:

1.1 Название нового заболевания, его возбудителя, симптоматика, показатели, исход: *Ковид-19 (КОВИД-девятнадцать, Covid-19, COVID-19), SARS-CoV-2, ковид, ковид-вирус, ковидовирус, ковида-вирус, коронавирус, псевдокоронавирус, ковидовирусная инфекция, новая коронавирусная инфекция, ковид-ассоциированная пневмония (спец.), ковид-вспышка, короновирусная пневмония (спец.), пандемия, ковид-смерть, ковид-смертность, ковид-эпидемия, ковид-пандемия, ковид-пневмония, ковид-заболевание, ковид-заражение, ковид-индуцированная гипергликемия (спец.), ковид-инфекция, ковидик (разг.), ковид-зараза (разг.), ковидные пальцы ('кожные высыпания в результате заболевания коронавирусной инфекцией') (спец.), Чума 21 века (публ.), Разговорный язык: корона (разг.), коронка (разг.), коронарка (разг.), ковидла (ковидло), ковидь (разг. сниж.), COVID-ка и т. д.;*

1.2 Названия заболевших и контактировавших с ними: *коронавирусные больные, ковид-негативные пациенты, ковид-носитель, ковидоноситель, ковид-пациент, ковид-пациентка, ковидопереносчик, ковид-плюс инфицированный, ковидный больной, ковид-позитивные пациенты, ковид-рецидивисты, бессимптомный, контактный, контактер, ковидник (разг.), короноики (разг.), суперспредеры ('зараженные люди без*

симптомов'); субстантивы: *ковид-больной, ковид-заболевший, КОВИД-зараженный, ковиднутый, ковид-подозрительный, нековидный, самоизолированный*;

1.3 Названия медицинских учреждений и их подразделений, специализирующихся на лечении больных коронавирусом: *обсерватор, ковидный госпиталь, ковид-больница, ковид-госпиталь, ковид-клиника, ковид-корпус, ковид-лечебница, ковид-моногоспиталь, ковид-отделение, ковидное отделение, ковид-стационар, ковид-центр, мобильный госпиталь, ковидарий (больница или отделение для лечения пациентов с коронавирусной инфекцией), шлюз, бокс, ковид-бригада, красная зона, красная зона больницы ('отделение больницы, в котором лечат самых тяжелых больных'), зеленая зона, распределительный пост, карантинка ('карантинное отделение', разг.) и т.д.*

1.4 Методы выявления заболевания, способ лечения, защиты от инфекции, контроля и санитарии, диагностирования, лекарственный препарат: *антиковидный пластырь, дезинфектант, сатурация, компьютерная томография (КТ), инфузионная терапия, переливание плазмы, ефнешка ('медицинский респиратор многократного использования серии FFP2 и FFP3', разг.), ИВЛ ('1. Индивидуальная вентиляция легких; 2. Аппарат для осуществления этой процедуры'), ковид-вакцина, ковидная вакцина, ковид-диагноз, тест-система, тест на COVID-19, КОВИД-диагностические тест-системы, курация, телемедицина, ковидка (разг.-шут), намордник и уточка (медицинская маска, разг.), санитайзер, тепловизор (прибор для измерения температуры тела на расстоянии) и т.д.*

1.5 Названия зон, этапов и характера распространения заболевания: *эпидемия, пандемия, очаг заражения, пик, плато, «пила», вторая волна.*

1.6 Названия актуальных профессий и специальностей: *врач-инфекционист, вирусолог, эпидемиолог, иммунолог, санитарный врач.*

1.7 Меры противоэпидемиологического характера: *разобщение, разобщенность, обсервация, противоэпидемический контроль, профилактическая вакцина, иммунизация.*

Как видно из примеров в языке идет активный процесс детерминологизации-превращения научных терминов в общеупотребительные слова. Процесс не является новым и отражает тенденции и социальные реалии в языке последнего года. В результате постоянного взаимодействия специальной и общеупотребительной лексики расширяется сфера употребления медицинских терминов с соответствующим переосмыслением, не утрачивая, однако, связь с терминологическим значением слова. Использование

терминологической лексики дает возможность выражения оценочной характеристики политическим, социальным и нравственным составляющим сегодняшнего общества, обогащая тем самым словарный и фразеологический состав языка. На базе медицинских терминов возникли такие метафоры как *вирус недоверия, коронавирус недоверия, вирусная культура, патология прогнозов, инъекция страха, инъекция жизни, систематическая инъекция лжи, искусственная инъекция оптимизма, патологическое благоразумие* и др.

В эпоху пандемии всеми странами были приняты административные меры, в целях ограничения распространения коронавирусной инфекции. В российском массмедиальном дискурсе лексика «*карантинные меры*», а также и слова, в словосочетаниях которых использовалось слово *режим*, явились одними из самых частотных. В греческих СМК фигурировали исключительно англицизмы «локдаун», несмотря на существующий греческий эквивалент γενικό κλείσιμο, а также и англицизмы *click away* -πάρε έξω, *παραλαβή εκτός* (покупка товаров вне магазина по предварительной записи) и *click in shop, click inside*- παραλαβή εντός (покупка товаров в магазине по предварительной записи).

Тематическая группа 2

Административные меры, принимаемые государствами в целях ограничения распространения инфекции

2.1 Административные меры по борьбе с распространением инфекции: *самоизоляция (режим самоизоляции), социальное дистанцирование, система электронных пропусков, масочный режим, масочно-перчаточный режим, режим повышенной готовности, удаленный режим, дистанционный режим. Меры, обусловленные пандемией: вывозные рейсы* (авиационная транспортировка граждан на родину из-за рубежа в связи с коронавирусной ситуацией).

2.2 Рекомендации к использованию индивидуальных средств защиты и дезинфекции: *маска (одноразовая, многоразовая), респиратор, защитный костюм, антисептик, санитайзер.*

2.3 Приборы для осуществления контроля: *бесконтактный термометр, пирометр, тепловизор.*

2.4 Карантинные меры и формы контроля: *дистанционка* (дистанционное обучение во время карантина), *удаленка* ('работа дома на время карантина'), *ковид-ограничения, ковид-пропуск, ковид-паспорт* и т. д.;

2.5 Социальные меры помощи населению: *ковид-выплаты, ковид-субсидии* и т. д.;

2.6 Отрицательная реакция части населения и как результат неприятие мер: *ковидобесие, ковид-протест, ковид-психоз, ковидоскептицизм, ковидо-конспирология* и т. д.;

2.7 Правовые нарушения: *ковид-аферы, ковид-мошенничество, ковид-пиратство* и т.д.

Появление нового вируса, его название, а также правильное его написание и произношение в греческом языке взорвало форумы лингвистов и социальные сети [Κορωνοϊός ή κοροναϊός, 2020]. В связи с ежедневными сводками, транслирующимися всеми СМК, где греческие ученые-инфекционисты констатировали количество новых зараженных, находящихся в реанимации и вылечившихся, вопрос о правильном использовании термина в первые дни пандемии встал особо остро³⁵. В греческих печатных СМИ возникает путаница с греческим эквивалентом названия «коронавирус» и его правильной орфографией. В одних и тех же источниках слово встречается с тремя разными вариантами написания³⁶.

Термин «коронавирус» в греческий язык попал из английского «corona-virus», где первая составная часть «corona» является латинизмом для других языков, для греческого же – обратным заимствованием. Согласно Толковому словарю Г. Бабиниотиса [Μπαμπινιώτης, 1998, с. 940] «corona» является на самом деле грецизмом и прямым заимствованием латинского из др.-гр. языка *κορώνη* (корони), «*κορούνα*» (коруна) и восходящему к индоевр. основе *kor-ōn*, расширенный тип индоевр.**ker-*, звукоподражательный корень, напоминающий крик некоторых птиц: лат. *cornix*, *cornus* «ворона», средневек. ирл., *sgū*, англ. *sgow*, швед. *kraka* и т.д. Слово *κορώνη*, по сути являющееся грецизмом, в самом новогреческом языке в рамках дискурса пандемии появилось в качестве интернационального неологизма, несущего одинаковую смысловую нагрузку, как, например, в английском языке. Как результат обратного заимствования, появление нового смысла: «корона» = короновирусная инфекция, ковид и т.д., например: «*Δεν ρισκάρω να κολλήσω κορώνα*» (Я не рискую *подцепить корону*), «*Ο Πρόεδρος της Αμερικής κόλλησε κορώνα*» (Президент Америки *заболел короной*), «*Κατέληξε με κορώνα στο νοσοκομείο*» (Он попал с короной в больницу). Интересно, что в новогреческом языке используется многозначный глагол «*κολλάω*»- в четвертом переносном значении [Μπαμπινιώτης, 1998, с. 921] «заражать кого-л. болезнью, плохой привычкой». В прямом

³⁵ Государственная греческая организация здоровья ΕΟΔΥ использует три разных варианта написания. Дата обращения 29/02/2020. Согласно последнему обращению 23/06/2021 преобладает «*κορωνοϊός*» <https://eody.gov.gr/>

³⁶ В газете «*Καθημερινή*» 509 раз слово встречается как «*κορωνοϊός*», 220 как «*κοροναϊός*» и 630 как «*κορωνοϊός*» <https://www.kathimerini.gr/>

значении глагол означает «клеить, содинять». Вторая часть латинского «vīrus» в греческом языке имеет свой эквивалент- «iός». Таким образом, в начале коронавируса называли и писали «κορωναϊός» от англ. «corona-virus», далее «κορονοϊός», пока официально не выступил на своей странице в Fb известный лингвист Г. Бабиниотис, опубликовавший пост под названием «Κινέζικός iός με πρόβλημα και γλωσσικό. ΚορωνΑϊός ή ΚορωνΟϊός ή κορωνiός; Και: κορώνα ή κορόνα;» (*Китайский вирус с языковой проблемой. КоронАйос или КоронОйос или короньός?*)³⁷, который растолковал почему правильнее произносить и писать «κορωνοϊός» (обязательное употребление буквы «ω» (омега) вместо «ο» (омикрон) во втором слогe, так как происходит от слова κορώνα³⁸ и соединительной «ο»). Таким образом, предпочтительнее написание κορώνα, напоминающее этимологический принцип вместо обычного написания κορονά.³⁹ «Китайский вирус правильнее называть κορων-iός (короньос), потому что вторая составная часть начинается с гласной. Однако, если последует такое написание, слово может произноситься подобно окончанию слов на -iός, как, например, Ρωμιός⁴⁰. Таким образом, в случае Κορωνiός восходит к топониму Κορωνи⁴¹ (живущий там или имеющий происхождение⁴²), поэтому из соображений “предосторожности” предпочтительно образовывать соединительную гласную –ο-, которая имеется в большинстве сложных слов, в случаях, когда вторая основа начинается с согласного»⁴³. Очевидно, такая трактовка была предложена не случайно, во избежание прямой связи с топонимом Κορώνη (Корони) и отрицательной его коннотацией. Дело в том, что данный топоним присутствует в менталитете носителя языка еще со времен Средневековья, задействован в устойчивых выражениях греческого языка, определяющих власть. Топоним Κορώνη (Корони) очень распространен в Греции из-за фразеологизма «Έχω μάρμπα στην Κορώνη» [Μπαμπινιώτης, 1998, с. 940], дословно «У меня дядя в Корони». Фразеологизм объясняется важностью города во время турецкого владычества и власти его правителя. Эквивалент в русском языке «у меня есть спина, шишка» и т.д. В лексике ковидного юмора появилась возможность отреагировать на трепещущий для греческой действительности вопрос связей и знакомств. Возникло продолжение фразы: «Δεν μας

³⁷ См.: Κορονοϊός ή κορωναϊός; Ο Γ. Μπαμπινιώτης εξηγεί πως είναι η σωστή λέξη. “Iefimerida” <https://www.iefimerida.gr/ellada/koronoios-i-koronaivos-o-g-mpampiniotis-exigei-pos-grafetai-sosta-i-lexi>

³⁸ Κορώνα³⁸ (< «κορούνα» - корона, выпуклый или изогнутый предмет (еще встречается у Гомера).

³⁹ См.: Γ.Μπαμπινιώτης «Σύγχρονη Σχολική Γραμματική για όλους», εκδ. «Κέντρο Λεξικολογίας», σ. 290.

⁴⁰ Примеч. А.С. - Ρωμιός- (ромиос или ромьос)- от ср. греч. Ρωμαῖος- гражданин восточной Римской империи, Византии.

⁴¹ Примеч. А.С. – Κορώνη (Κορόни)- город области Мессиния, Пелопонесс.

⁴² Примеч. А.С. –постоянный житель или временно проживающий в г. Корони, тот у кого корни из г. Корони

⁴³ См.: Κορονοϊός ή κορωναϊός; Ο Γ. Μπαμπινιώτης εξηγεί πως είναι η σωστή λέξη. “Iefimerida” <https://www.iefimerida.gr/ellada/koronoios-i-koronaivos-o-g-mpampiniotis-exigei-pos-grafetai-sosta-i-lexi>

έφτανε ο μπάμπας από την Κορώνη, τώρα έχουμε και γιό» (Не хватало нам дяди из Корони, сейчас у нас его сын). На самом деле для носителя греческого языка в его ментальности возникает сильная политическая подоплека.

Слово, обозначающее коронавирусную инфекцию в греческом языке, быстро приобрело национально-специфичекый компонент (κορώνα-ιός), согласно существующим словообразовательным моделям стало средством языковой игры: κορωναιός-κορωνοκόρη (ιός- вирус по совпадающему произношению со словом γιός- сын), т.е. короносын-коронодочь (κόρη), βασιλόφρων ιός (βασιλο+φρων⁴⁴, βασιλεύς (царь)+ φρωνώ (думаю, имею мнение)⁴⁵, т.е. вирус, думающий по-царски, поддерживающий царя и служащий монархии. Далее по тем же словообразовательным моделям появился в электронных СМИ такой окказионализм как короϊδοιός⁴⁶ (от греч. κοροϊδο, человек, которого можно легко обмануть, лох, восходящее по этимологии к выражению κουρόγιδο <<κουρεμένο γίδι>-стриженный козел) [Μπαμπινιώτης, 1998, с. 938–939]. Фактически, слово приобрело отрицательную коннотацию «вируса обмана», выражающую ноту недоверия говорящего (по отношению к сложившейся картине в стране, к политикам, к принимаемым государством мерам, к инфекционистам и т.д.). В лексике «ковидного юмора» и мемов появился также неологизм *κορωνακτόνος* от *κορώνα+κτόνος* (вторая часть многих древнегреческих и новогреческих сложных слов, обозначающих убийцу). В мемах, блуждающих на просторах греческого интернета, Президент страны Киракос Мицотакис изображается в виде рыцаря с мечом, воюющего против «невидимого врага».

Греческая Организация Терминологии ЕΛΕΤΟ⁴⁷ в официальном документе от 9/03/2021 опубликовала англо-греческий и греко-английский словарь пандемии COVID-19, включающий в себя 1052 слова и выражения. Как видно по выборке, преобладают слова с греческими и латинскими корнями, а также с греческими приставками (экстра-, эндо-, экто-, а-(ан-), пан-) и суффиксами (-ит, -оз и т.д.). Приведем для наглядности несколько примеров и их перевод на греческий и русский: alcohol antiseptic- αλκοολούχο αντισηπτικό (антисептик на алкогольной основе), allergy- αλλεργία (аллергия), anatomic pathologist- παθολογοανατόμος (патологоанатом), anosmia- ανοσμία, antibody test -δοκιμή αντισωμάτων, δοκιμασία αντισωμάτων, τεστ αντισωμάτων (тест на антитела), antigen – αντιγόνο (антиген), antipyretic- αντιπυρετικό (жаропонижающее), antiseptic- αντισηπτικό (антисептик), asymptomatic- ασυμπτωματικός (асимптоматический), social distancing- κοινωνική αποστασιοποίηση (социальное дистанцирование), coronaphobia- короноφοβία

⁴⁴ См.: Δημητράκος, Δημήτριος Β. (1964). Μέγα λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης. Αθήνα: Ἑλληνική Παιδεία.

⁴⁵ См.: Λεξικό της Κοινῆς Νεοελληνικῆς. Ἴδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 1998.

⁴⁶ См.: <https://apodomisetora.gr/2021/04/08/αποδεικνύεται-η-μη-ύπαρξη-του-ιού-από-α/>

⁴⁷ ΕΛΕΤΟ (Ελληνική Εταιρεία Ορολογίας). См.: <http://www.eleto.gr/>

(коронафобия), на слово коронавирус даются три разные трактовки, о которых мы упомянули выше с пометкой, что все варианты пока используются coronavirus- короνοϊός, короναϊός, κορωνοϊός, coronavirus party, corona party- короноπαρτί (короновечеринка), COVID-19.

Как видно из примеров, произошла также актуализация давно не употреблявшейся в греческих, английских и российских СМК лексики пандемия и эпидемия.

В этом словаре также зафиксировано слово covidiot, которое вошло также и в словарь пандемии российской действительности. Несмотря на то, что Организация по терминологии ЕЛЕТО дает греческий эквивалент слову covidiot как короνογλίθιος, короноβλακας (дословно коронаглупец, коронадурак), оно, однако, совсем не прижилось в греческих СМК и разговорной речи. Очевидно, это стало бы возможным, если бы вторая составная часть – идиот (происх. от греч. ἰδιώτης) имела бы одинаковую с русским или английским языком коннотацию. Но в новогреческом языке слово ἰδιώτης [Μπαμπινιώτης, 1998, с. 776] не имеет уничижительного смысла, как в других языках, а означает 1. частное лицо, 2. тот, кто представляет частные интересы, 3. мед.термин душевнобольной от ἰδιωτεία- душевная болезнь. Первые два значения преобладают в новогреческом языке, третье малоизвестно и употребляемо сугубо в специальной лексике. Как медицинский термин является обратным заимствованием из французского языка «idiot». Само слово ἰδιώτης в новогреческом происходит от др.-гр. в значении «простой гражданин», т.е. тот, который не принимает участие в общественной жизни, что являлось само по себе предметом осуждения. В средние века слово приобрело добавочный негативный оттенок «обыкновенный человек без особых способностей и знаний, несведущий человек». М.Фасмер указывает на косвенное заимствование через нем. Idiot или франц. idiot из лат. idiōta от греч. ἰδιώτης «частное лицо, мирянин» [Фасмер, 1964–1973]. Этимологический словарь Успенского дает более расширенное понятие *«В языке византийского христианского духовенства оно имело значение “мирянин”, “нецерковник”. Тогдашние “клирики” – священники – презирали мирян, считали их невеждами; слово “идиότэс” постепенно приобрело смысл: “тупица”, “неотесанный глупец”. Однако в нашем языке живет и первоначальное значение этого корня. Языковеды именуют “идиόмами” (в конце прошлого века говорили и “идиотίζмы”) непереводаемые выражения, которые нельзя передать словами другого языка; например, русское “после дождика в четверг” или “кровь с молоком”»* [Успенский, эл. ресурс].

В отношении греческого языка, в объявлениях на рекламных щитах, по телевидению, в супермаркетах и т.д., которые адресуются гражданам, интересен факт использования определенного наклонения и времени глагола. Вместо ожидаемого

повелительного наклонения глагола (φοράτε (носите) / αλοφεύετε (избегайте)/ πληρώνετε (платите)), используется изъявительное наклонение и настоящее время (также как в английском и немецком «we wear masks» / «wir tragen Masken»): «φοράμε μάσκα (носим маску), αλοφεύουμε συγχρωτισμό (избегаем массового сосредоточения), πληρώνουμε με κάρτα (платим картой)». Для сравнения в русском языке «Побудь дома. Карантин – это важно». В вышеуказанной фразе на электронных щитах, расположенных на греческих скоростных трассах, «мы носим маску/пристегиваем ремень безопасности» содержится посыл не с просьбой к гражданам заботиться о своем здоровье и безопасности, конкретное действие представляется уже как данность, событие, носящее массовый характер. Это очень точно описал известный преподаватель уголовного права, К. Ватиотис⁴⁸, назвав использованную форму настоящего времени «авторитарным настоящим временем», новой категорией, используемой тоталитарными режимами. Фраза, «мы носим маску», звучащая на греческом языке, несмотря на грамматически используемое настоящее время глагола, в семантическом плане функционирует как аорист, категория времени, отсылающая нас к древнегреческому языку, где аорист от ἀ-όριστος – «не имеющий (точных) границ, неопределенный» и ἀ- (ᾶ) – приставка со значением отсутствия, соответствует в русском «не-» или «без-» + глагол ὀρίζω – устанавливать границу) – временная форма глагола, обозначающая законченное (однократное, мгновенное, воспринимаемое как неделимое) действие, совершенное в прошлом. Аорист, а также две других категории времени в древнегреческом и новогреческом языке характеризуются как «историческая категория времен» в прямом смысле от греч. глагола «ιστορώ – рассказываю о событиях» [Μλαμλινιώτης, 1998, с. 796]. В примерах на электронных щитах используется уникальная категория «исторического настоящего времени»⁴⁹ греческого языка, когда произошедшие события представляются в свете настоящего, незаконченного действия. Это придает особый смысл и яркость повествования. Интересным является факт, отражающий греческую ментальность еще со времен Древней Греции, – непринятие в общении с властью и другими государственными структурами категории повелительного наклонения. Для греков любая власть всегда оспорима, а любые попытки или просьбы в повелительной форме воспринимаются как антидемократичные и имеющие отголоски тирании. Таким образом, использование исторического настоящего времени в объявлениях на самом деле в более мягкой и скрытой форме выражает по сути одно и то же: приказ носить маски. Согласно К. Ватиотису, «авторитарное настоящее время» может быть использовано как в 1-ом лице множественного числа настоящего времени, так и в 1-

⁴⁸ См.: Κ.Βαθιώτης Το Λεξικό της Νέας (Υγειονομικής) Δικτατορίας, Fb

⁴⁹ См.: https://www.greek-language.gr/greekLang/ancient_greek/tools/composition/page_032.html

ом лице единственного числа настоящего времени: «αποφεύγω μετρητά, πληρώνω με κάρτα» (избегаю наличные, плачу картой). «Если на это смотреть через призму коммуникативной чрезмерной интерпретации, можно утверждать, что использование множественного числа связано с жестким авторитаризмом, поскольку оно подразумевает не подлежащую обсуждению констатацию массового явления, в то время как использование единственного числа связано с авторитаризмом в более мягкой форме в том смысле, что фиксируется совершенное индивидуальное действие, имеющее тенденцию закрепления в будущем как части коллективного сознания»⁵⁰.

Тематическая группа 3

Восприятие обществом создавшейся ситуации и выражение отношения к ней

3.1. Категория, называющая группы людей и их поведение в период пандемии: актуализированное *диссидент* (от лат. *dissidens* – ‘инакомыслящий; человек, не согласный с господствующей идеологией’) в сочетании неологизме *ковид-диссидент* (тот, кто не верит в существование коронавируса и информацию из СМИ считает преувеличенной) и *ковидиот* (человек не соблюдающий карантин), *ковидофреники* (по аналогии с шизофреники), *короник*, *коронаскептик*, *коронавт* (человек в полном облачении, в защитной маске, очках и перчатках, по греческим словообразовательным моделям [Μπαλιγιώτης, 1998, с. 274; с. 942; с. 1176] *ναύτης*, *Αργοναύτης* (*Аргонавт*), *κοσμοναύτης* (*космонавт*), *ковидник* (болеющий ковидом и переносящий коронавирусную инфекцию), граждане «ковидяне» от *ковидянин* (иронич. обращение), *короноик* (по аналогии с параноик) *коронапофигист*, *масочник* (соблюдающий все меры предосторожности и носящий маску), *маскофилия* (любовь, приверженность к ношению маски) *сидидомцы* (соблюдающие карантин, сидящие дома), *погуляницы* (не соблюдающие карантин), *суперспредер* (человек, отказывающийся соблюдать режим самоизоляции и заражающий всех вокруг), *ковидавер* (ковид + кадавер – «труп, мертвое тело», человек, умерший от коронавируса); *ковидаст* (человек, использующий пандемию в целях личного обогащения) и др. В греческом *μασκολάτρης* (яро выступающий за ношение масок), *μασκομάχος* (ярый противник масок).

3.2. Категория, определяющая общественное настроение: *коронафобия*, *ковидофрения*, *коронапаника*, *коронапсихоз*, *коронакризис*, *коронабесие*, *коронапокалипсис*, *коронагеддон*, *цифровой концлагерь*, *коронабесие* и *маскобесие* (проявление нездорового ажиотажа вокруг пандемии по аналогии с *мракобесие*), *маскопаника* (паника, возникающая в связи с тем, что в аптеках нет медицинских масок),

⁵⁰ См.: Κ.Βαθιώτης Το Λεξικό της Νέας (Υγειονομικής) Δικτατορίας, Fb

карантин-шейминг (англ. quarantine shaming, гнев окружающих людей по отношению к человеку, неправильно соблюдающему условия карантина), *инфодемия* в значении информационная эпидемия, информационный вирус (ввиду обилия противоречивой и непроверенной информации о COVID-19 в СМК, а также и в значении оружия массового воздействия), *ковид-инквизиция* (контроль государства над гражданами). В греческих русскоязычных соцсетях *челобитная* (распечатанный документ или смска в телефоне, посланная пользователем, подтверждающая о том, что для перемещения человек указал нужную категорию от 1 до 6, которая была одобрена ответной смс с номера 1330. Например: «Греки находятся взаперти, не имея возможности подышать свежим воздухом, не отправив сначала текстовую челобитную правительству с просьбой об одобрении») и др.

3.3. Категория, называющая состояния, процессы и действия, возникшие в результате карантина: *коронавирусить* в значении болеть коронавирусной инфекцией и находиться на самоизоляции, *ковидеть-заковидеть* (болеть ковидом), *отковидеть* (переболеть ковидом, пример из Fb: Жаль, что хрень подзатынулась, мы уж и *отковидеть* успели. Да и про беспаспортный безвиз-это от того, что в отпуске не был, а четыре недели в кючке провалялся, антибиотики глотал, да уколы с жеой на брудершафт делали), *карантинить* (находиться на добровольном или вынужденном карантине), *самоизоляция* и *самоизолироваться* (приобретение новой семантики - временно и добровольно прекратить все контакты и общение), такое понятие как *социальная дистанция* (термин немецкого социолога и философа Г. Зиммеля, получивший добавочное значение безопасного расстояния, препятствующего распространению вируса) *зумиться, чатиться* (работать или общаться с помощью программы Zoom), *конференция по новой ковидо-нормальности, расхламинго* (расхламление жилого помещения, генеральная уборка во время карантина), *дистанционка, дистант, удаленка* (форма работы или учебы), *карантиновыходные, запрещенка* (запрет выходить из дома), *карантикулы* (карантин+каникулы), *путикулы* (длинные каникулы, объявленные Путиным)

3.4. Названия вируса: *барановирус* (в разговорном эмоционально-экспрессивном, негативном значении), *Уханька* (от зоны распространения китайского г. Ухань, а также примечательно топоним в Люблинском воеводстве, Польша, сельский населенный пункт на Украине, Волынская обл.), заговор против ковида: «Уходи, уханька, уходи!», *модная болезнь* (название применявшееся раньше к сифилису, переосмысленный эвфемизм), *ковидь, ковидла* (игровое), *ковиденок* (мутировавший ковид) и т.д.

3.5. Категория, называющая социальные практики: *балконный концерт, карантинки* (по аналогии с валентинки, шуточные послания в период карантина),

картинтини (по аналогии с мартини, алкогольный напиток, который пьют на онлайн вечеринках)

3.6. Категория, называющая предметы, одежду и аксессуары, связанные с коронавирусной инфекцией, а также и места заболевания: *намордники* (в ярком оценочном смысле о маске), *фомит* (предмет, который может быть источником заражения), *ковидор* (коридор в медучреждении, заполненный больными коронавирусом из-за нехватки палат), *Уханька* (больница Филатова), *одуванчики и иквизиторы* (одежда врачей Филатовской больницы) и т.д.

3.7. Категория новых паремий (пословиц и поговорок), образовавшихся на базе существующих фразеологических моделей или переосмысления некоторых фразеологических единиц, которые можно разделить на категории (о масках, о карантине, о вирусе и т.д.): *Вирус в бороду – пневмония в ребро; Не пеняй на вирус, коли ДНК крива; Корона что дышло – куда чихнешь, туда и вышла; Не так страшен ковид, как его малюют; Кто не курит и не пьет, от короны не помрет; Хорошо чихает тот, кто чихает последним; Вирус не воробей, вылетит – не поймаешь; Вируса бояться – на пробежку не ходить; Волков бояться, в Ухань не ездить. Ковид гриппа не слаще; Где родился, там и сиди на карантине; Коней на карантине не меняют; С инфицированными жить – на карантине выть; На карантин надейся, а сам не плошай. О вакцине (Обещанной вакцины три года ждут; Вакцина дура, карантин – молодец; Не хвались вакциной в пустой избе), маска (У семи докторов пациент без маски; Любишь кататься – люби и масочки носить, по маске встречают, по температуре провожают), а также инфицированный (Незванный гость хуже инфицированного); самоизоляция (Самоизоляцию пережить – не поле перейти); социальная дистанция (Друг познается на социальной дистанции), эпидемия (Дорога туалетная бумага к эпидемии; Паршивая овца все противэпидемиологические меры портит); Всемирная организация здравоохранения – ВОЗ (А ВОЗ и ныне там...); Все дороги ведут в Ухань; Не было заботы – купила баба летучую мышь (на уханьском рынке); Бойся китайцев, дары приносящих! (по аналогии с греч. Бойся данайцев, дары приносящих) и др. Подобная языковая игра получила мгновенное распространение благодаря интернету. Вышеуказанные антипословицы-неологизмы были созданы на основе известных частотных паремий с заменой одного или более ключевых компонентов.*

3.7. Категория «частушек-ковидушек», песен, анекдотов, мемов, гифов и т.д.: Категория достаточно объемная в обоих языках, к сожалению, рамки данного доклада не позволяют представить ее полностью. Приведем, для наглядности несколько примеров:

Я приду домой на закате дня, заражу жену, заражу коня;

<p><i>Я была Аленушкой А стала удаленушкой Проживаю в сети Ни за что в ответе Стала индивидкой По вине ковидка.</i></p>	<p><i>Надоели нам дистанты И онлайны тоже. Эй, Уханька, подходи Получи по рожге.</i></p>
<p>Ой ковид ковид⁵¹ не ковидь меня не ковидь меня моего коня</p>	<p>У меня жена раскрасавица в масках мужики ей не нравятся</p>

Возникшая пандемия и начавшаяся коронавирусная эпоха, которая длится и по сей день, нашли свое отражение в языке посредством настоящего неологического бума. Неологизация коснулась почти всех частей речи, особенно существительных, прилагательных и глаголов. Актуальная лексика, пополнившая лексикон русского языка стала основой для образования богатого ряда новых сложных слов: ковид-врач, ковид-диагноз, ковид-выплаты, зум-урок, зум-вечеринка, зум-беседа, зум-сессия, зум-усталость, а также и их дериватов: ковидно-карантинный, ковидно-зараженный, а также новых фразеологических единиц и т.д. Продолжающийся неологический бум этого времени можно сравнить с эпохой перестройки и постперестройки. Греческий же язык, согласно нашей выборке, оказался более консервативным, актуализируя полностью или отчасти свою лексику: пандемия, эпидемия, или же успешно сохраняя свои корни, префиксы и суффиксы, которые присутствуют так или иначе в медицинских терминах, касающихся пандемии. В греческом языке появился ряд новых сложных слов с τηλε- (т.е. теле-) (по аналогии с τηλε-φωνο- телефон): τηλε-εργασία (удаленная работа), τηλε-διάσκεψη (совещание на различных платформах), τηλε-εκπαίδευση (образование на расстоянии), τηλε-καφέ (по аналогии зум вечеринок), τηλε-τάβλι (игра в нарды по компьютеру), τηλε-ζωή (жизнь на расстоянии). Однако официальная лексика, используемая государственными структурами и являющаяся сегодня частью активного словаря греческого языка, состоит в большей степени из англицизмов. Это является результатом изначального предпочтения со стороны государственной власти номинации новых явлений, без поиска соответствующих и безусловно имеющих греческих эквивалентов. На данный момент относительно новой лексики сложно давать какие-либо прогнозы. Безусловно актуализированная, а также и новая лексика, возникшая в период пандемии, является информационно насыщенными номинативными единицами, которые отражают

⁵¹ См.: <https://stihi.ru/2020/05/17/4653>

социальные реалии в языке. Какие неологизмы останутся в языке, а какие уйдут в пассивную лексику покажет время. Факт сохранения в памяти языка такого беспрецедентного явления как коронавирусная инфекция является неоспоримым.

Список литературы:

Антонова Т.В. Влияние экстралингвистических факторов на перевод лексики с национально-культурным компонентом [Электронный ресурс] // Litera. 2017. № 4. С.46–52. Режим обращения: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21735.

Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М., Жуковский; «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2009. 464 с. (Приложение к серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).

Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.

Северская О.И. Ковидиоты на карантинках: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 887–906.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.

Успенский Л.В. Этимологический словарь школьника [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/и/идиот>.

Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964–1973.

Βαθιώτης Κ. Το Λεξικό της Νέας (Υγειονομικής) Δικτατορίας, Fb

Δημητράκος Δ.Β. Μέγα λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης. Αθήνα: Ἑλληνική Παιδεία. 1964.

ΕΛΕΤΟ (Ἑλληνική Ἐταιρεία Ορολογίας) [Электронный ресурс] / Αγγλοελληνικό και ελληνοαγγλικό γλωσσάριο ὄρων της πανδημίας COVID-19. Έκδοση 6.2 (1052 λήμματα). Режим доступа: <http://www.eleto.gr/>.

Κορονοϊός ή κοροναϊός; Ο Γ. Μπαμπινιώτης εξηγεί πως είναι η σωστή λέξη. [Электронный ресурс] “Iefimerida”. Режим доступа: <https://www.iefimerida.gr/ellada/koronoios-i-koronaiois-o-g-mpampiniotis-exigei-pos-grafetai-sosta-i-lexi>.

Κορονοϊός ή κοροναϊός; Οι λέξεις έχουν τη δική τους ιστορία. Το ιστολόγιο του Νίκου Σαραντάκου για τη γλώσσα, τη λογοτεχνία και...όλα τα άλλα [Электронный ресурс]. 24 Ιανουαρίου 2020. Режим доступа: <https://sarantakos.wordpress.com/2020/12/31/woty2020-3/>.

Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 1998.

Μπαμπινιώτης Γ. «Σύγχρονη Σχολική Γραμματική για όλους», εκδ. «Κέντρο Λεξικολογίας»

Μπαμπινιώτης Γ.- Λεξικό της Νέας ελληνικής γλώσσας με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. Ερμηνευτικό, Ορθογραφικό, Ετυμολογικό, Συνωνύμων-Αντιθέτων, Κυρίων Ονομάτων, Επιστημονικών ὄρων, Ακρονυμίων. Κέντρο Λεξικολογίας Ε.Π.Ε., Αθήνα, 1998.

Το γλωσσάρι του κορόνοϊου [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://thepressproject.gr/to-glossari-tou-koronoiou/>.

Интернет-источники:

Врунгельберг Ф. Ой ковид, ковид [Электронный ресурс] // Стихи.ру. Режим доступа: <https://stihi.ru/2020/05/17/4653>.

Главное слово 2020 года объявлено. И это не «коронавирус» [Электронный ресурс] // BBC NEWS РУССКАЯ СЛУЖБА. 2020. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-54887920>.

Масс-медиа [Электронный ресурс] / Энциклопедия культурологии. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1048/%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%81.

«Слово года» [Электронный ресурс]. 2020. Режим доступа: <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=27341>.

Coronavirus Glossary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pem.gr/>.

Lockdown [Электронный ресурс] // Collins Dictionary. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/lockdown>.

Pandemic [Электронный ресурс] // Thesaurus. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/pandemic>.

The year of lockdown [Электронный ресурс] // Language Lovers. 2020. Режим доступа: <https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers/the-year-of-lockdown/>.

Ανακοινώσεις από Γεωργιάδη, Γεραπετρίτη για την ψυχαγωγία [Электронный ресурс] // Η ΚΑΘΗΜΕΡΙΝΗ, 2021. Режим доступа: <https://www.kathimerini.gr/>.

Αποδεικνύεται η μη ύπαρξη του ιού από αντιφατικά αποτελέσματα rapid test που έγιναν στην Κύπρο [Электронный ресурс]. 2021. Режим доступа: <https://apodomisetora.gr/2021/04/08/αποδεικνύεται-η-μη-ύπαρξη-του-ιού-από-α/>.

Κορονοϊός ή κοροναϊός [Электронный ресурс]. 2020. Режим доступа: <https://sarantakos.wordpress.com/2020/01/24/coronavirus/>.

ΟΙ ΧΡΟΝΟΙ ΚΑΙ ΟΙ ΟΨΕΙΣ ΤΟΥ ΡΗΜΑΤΟΣ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.greek-language.gr/greekLang/ancient_greek/tools/composition/page_032.html.

References:

Antonova T.V. Vliyanie ehkstralingvisticheskikh faktorov na perevod leksiki s nacional'no-kul'turnym komponentom [Electronic resource] // Litera. 2017. № 4. P.46–52. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21735. (In Russian).

Maklyuehn G.M. Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka / Per. s angl. V. Nikolaeva; Zakl. st. M. Vavilova. M., Zhukovskij; «Kanon-press-C», «Kuchkovo pole», 2009. 464 p. (Prilozhenie k serii «Publikacii Centra Fundamental'noj Sociologii»). (In Russian).

Noehl'-Nojman E.H. Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya / Per. s nem. / Obshch. red. i predisl. Mansurova N.S. M.: Progress-Akademiya, Ves' Mir, 1996. (In Russian).

Severskaya O.I. Kovidioty na karantikulakh: koronavirusnyj slovar' kak diagnosticheskoe pole aktual'nykh diskursivnykh praktik // Kommunikativnye issledovaniya. 2020. T. 7. № 4. P. 887–906. (In Russian).

Sepir E.H. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii / Per. s angl. / Obshch. red. i vstup. st. A.E. Kibrika. M.: Izdatel'skaya gruppa «ProgresS», «UniverS», 1993. 656 p. (In Russian).

Uspenskij L.V. Ehtimologicheskij slovar' shkol'nika [Electronic resource]. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/i/idiot>. (In Russian).

Fasmer M. R. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. M.: Progress, 1964–1973. (In Russian).

Βαθιώτης Κ. Το Λεξικό της Νέας (Υγειονομικής) Δικτατορίας, Fb. (In Greek).

Δημητράκος Δ.Β. Μέγα λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης. Αθήνα: Ἑλληνική Παιδεία. 1964. (In Greek).

ΕΛΕΤΟ (Ἑλληνική Ἐταιρεία Ὁρολογίας) [Electronic resource] / Αγγλοελληνικό και ελληνοαγγλικό γλωσσάριο ὀρων της πανδημίας COVID-19. Έκδοση 6.2 (1052 λήμματα). URL: <http://www.eleto.gr/>. (In Greek).

Κορονοϊός ή κοροναϊός; Ο Γ. Μπαμπινιώτης εξηγεί πως είναι η σωστή λέξη. [Electronic resource] “Iefimerida”. URL: <https://www.iefimerida.gr/ellada/koronoios-i-koronaiois-o-g-mpampiniotis-exigei-pos-grafetai-sosta-i-lexi>. (In Greek).

Κορονοϊός ή κοροναϊός; Οι λέξεις έχουν τη δική τους ιστορία. Το ιστολόγιο του Νίκου Σαραντάκου για τη γλώσσα, τη λογοτεχνία και...όλα τα άλλα [Electronic resource]. 24 Ιανουαρίου 2020. URL: <https://sarantakos.wordpress.com/2020/12/31/woty2020-3/>. (In Greek).

Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 1998. (In Greek).

Μπαμπινιώτης Γ. «Σύγχρονη Σχολική Γραμματική για όλους», εκδ. «Κέντρο Λεξικολογίας». (In Greek).

Μπαμπινιώτης Γ.- Λεξικό της Νέας ελληνικής γλώσσας με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. Ερμηνευτικό, Ορθογραφικό, Ετυμολογικό, Συνωνύμων-Αντιθέτων, Κυρίων Ονομάτων, Επιστημονικών ὀρων, Ακρονυμίων. Κέντρο Λεξικολογίας Ε.Π.Ε., Αθήνα, 1998. (In Greek).

Το γλωσσάρι του κορόνοϊου [Electronic resource]. URL: <https://thepressproject.gr/to-glossari-tou-koronoiou/>. (In Greek).

Го Чуньянь
Цзилиньский педагогический университет
г. Сыпин (Китай)

Guo Chunyan
Jilin Normal University
Siping (China)

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА НА ФОНЕ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

TEACHING RUSSIAN TRANSLATION IN THE CONTEXT OF CULTURAL DIFFERENCES BETWEEN CHINA AND RUSSIA

По мере постоянного углубления и развития китайско-российского сотрудничества в торговле, военных обменах, науке, технике, и бизнесе отношения между Китаем и Россией становятся все более прочными. В рамках российско-китайского сотрудничества изучение русского языка будет основным направлением изучения иностранных языков, а изучение методов преподавания и навыков обучения русскому языку является важной темой в российском педагогическом сообществе. Весь процесс перевода – это взаимодействие между разными языками, разным мышлением и разными традициями и также процесс взаимодействия между разными культурами. Таким образом, понимание русской культуры имеет большое значение для русского перевода. В статье рассматриваются проблемы русского перевода на фоне культурных различий и предлагаются решения этих проблем.

With the continuous deepening and development of Chinese-Russian cooperation, trade, military exchanges, scientific and technological cooperation and business ties between China and Russia are becoming stronger and stronger. In the context of Chinese-Russian cooperation, learning Russian has become the focus of future foreign language learning, and the study of Russian teaching methods and learning skills has become an important topic in the Russian teaching community. The entire process of translation is an interaction between different languages, different mindsets, and different traditions. It can also be said that it is a process of interaction between different cultures. Therefore, understanding Russian culture is of great significance in view of accurate translation from and into Russian. The article sorts out the problems in Russian translation in the context of cultural differences and proposes solutions.

Ключевые слова: китайско-русские культурные различия, русский перевод, преподавание.

Key words: Chinese-Russian cultural differences, Russian translation, teaching.

Введение

Являясь официальным языком многих стран Европы и Азии, русский язык широко используется в общении между Европой и Азией. С постоянным углублением и развитием китайско-российского сотрудничества в торговле, военных обменах, науке, технике и бизнесе отношения между Китаем и Россией становятся все более частыми. Китай уделяет особое внимание изучению русского языка. В сотрудничестве с Россией, изучение русского языка будет ключевым направлением изучения иностранных языков, а изучение методов преподавания и навыков русского языка становится важной темой в области преподавания русского языка. «Теория перевода помогает будущим специалистам в области профессионально ориентированного перевода разобраться в сложной гетерогенной природе современного перевода» [Латышев, Семенов, 2003, с. 12]. В

процессе обучения студенты расширяют свои представления о связи языка, истории и культуры народа, о национально-культурной специфике стран изучаемого языка и своей страны. Совершенствуется практическое владение иностранным и родным языками, а также принципами их функционирования в различных сферах речевой коммуникации.

1. Обучение русскому переводу в Китае.

Как самостоятельное преподавание русского перевода началось в моей стране в начале 1950-х годов. После более чем полувекового практического накопления оно сформировало свою систему перевода, основные теории и методы. Наиболее распространенное представление состоит в том, что обучение переводу делится на четыре этапа: процветание 1950-х годов, упадок 1960-х и 1970-х годов, возрождение 1980-х годов и большое развитие с 1990-х годов по настоящее время. Раннее преподавание русского языка в Китае восходит к периоду Канси династии Цин. В 1708 году при Академии наук был открыт Музей русской литературы, просуществовавший 154 года. Накануне 1949 года всего в 13 школах нашей страны открылось отделение русского языка. В начале основания «Нового Китая» русские переводчики пользовались огромным спросом. Воспользовавшись этой возможностью, преподавание русского перевода быстро превратилось в систематический курс, а учебные материалы были собраны в конспекты для лекций. В 1951 году в 36 университетах по всей стране были открыты отделения русского языка. С 1966 по 1976 год, под влиянием «культурной революции», преподавание иностранных языков в моей стране на время было приостановлено. В 1980-х и в начале 1990-х годов с углубленным развитием многопрофильных обменов и сотрудничества между Китаем и Россией, преподавание перевода и исследование русского языка также вошли в беспрецедентно активную стадию. В конце 1990-х годов 65 колледжей и университетов по всей стране стали профессионально изучать русский язык. В XXI веке в контексте непрерывного развития международных обменов и сотрудничества между Китаем и Россией переводчики стали играть связующую роль в различных обменах внутри страны и за рубежом. Хорошие возможности способствуют обучению переводчиков для удовлетворения постоянно растущего рыночного спроса.

2. Проблемы русского перевода в контексте культурных различий.

Язык – зеркало национальной культуры. В языке нации отражается национальная культура и ее психология во всех аспектах общественной жизни. Как правило, ученые, уделяющие внимание исследованию культуры, «могут быть разделены на две группы: те, кто применяет в работе коммуникативную точку зрения, сосредоточив свое внимание на дополнительных текстовых аспектах; и тех, кто подходит к процессу перевода с социально-культурной точки зрения» [Шкирта, 2017, с. 90]. Очевидно, перевод – это не

просто передача смысла исходного текста. Порой переводчикам приходится учитывать характер восприятия языка их родных читателей. Переводчик должен не только точно понимать значение исходного текста и проявлять осторожность, но и использовать соответствующий язык для выражения непонятных ему обычаев или намерений автора, основанных на национальных условиях и культуре.

2.1 Недостаточное изучение страноведения и культур, отсутствие межкультурной языковой осведомленности.

Языки, принадлежащие к разным культурным корням, формируют свой собственный уникальный характер, то есть их родную языковую культуру. В целом техническая деятельность по переводу на русский язык требует понимания факторов каждой ссылки, чтобы добиться лучшего перевода. Это необходимо для того, чтобы сначала выучить родной язык, приобрести твердые базовые навыки китайского и русского и постепенно укрепить знания языка. При переводе на русский язык следует уделять внимание усилению изучения теории языковой осведомленности и использовать ее для перевода, укрепления фонетической осведомленности русского языка, словарного запаса, понимания грамматики, риторики, а также страноведения и культурного образования. Высокий уровень грамотности не происходит в одночасье. Необходимо усилить сравнение между грамматикой русского и китайского языков, а также усилить понимание сходств и различий грамматической структуры. Два языка имеют разные культурные корни, и необходимо глубокое изучение страноведения и культуры, культивировать понимание культурных базовых знаний и знать способ мышления разных языков и национальных языков, чтобы повысить уровень переводчиков.

2.2 Культурные различия между Китаем и Россией приводят к асимметрии в переводе.

Различия в культурных традициях приводят к отклонениям в понимании людей при общении, включая большие различия в традиционных концепциях, которые проявляются в языковом общении людей и другом социальном поведении. Наличие важных культурных различий между русским и китайским языками неизбежно сказывается на переводе. Это влияние в основном отражается в асимметрии перевода, вызванной различными природными средами, социальными обычаями, религиозными верованиями и т. д. И зависит от вариативности иностранных культур, информации и многих других факторов. Перевод отвечает за миссию межкультурного обмена для поддержания культурного разнообразия, языкового разнообразия и содействия благоприятному взаимодействию различных этнических культур.

2.2.1 Культурные различия вызывают семантические различия.

Из-за различий в культурных традициях и историческом происхождении значения одного и того же слова или фразы не совпадают частично или полностью. Например: «дракон» считается могущественным монстром, который может дышать огнем и напоминает динозавра в России и некоторых странах. В Китае «дракон» считается положительным существом, обладающим силой бога. «Дракон» – тотем и символ китайской нации. Культура драконов существует уже восемь тысяч лет, имеет долгую историю и является ярким символом китайской культуры. В официальной истории китайских династий, вероятно, зарегистрировано более 300 инцидентов с драконами, а других типов документов о драконах еще больше. Образ о «драконе» проник во все уголки общества, а влияние дракона распространилось на все уровни культуры, такие как украшение о драконах, резьба о драконах, поцелуй о драконах в архитектуре, танец драконов на Фестивале фонарей (танцующий фонарь в форме драконов, игра с драконами в фонаре), поднимающие головы драконы второго февраля по лунному календарю, кухня о лапше из бороды драконов, гонки лодок-драконов в фольклорном празднике Дуанью, изображения о драконах, каллиграфия о драконах, стихи о драконах и песни о драконах т.д., называемые популярной и народной культурой с давних времен. Благодаря этому «дракон» становится культурной сплоченностью и накоплением в Китае.

2.2.2 Культурные различия порождают разные метафоры.

Из-за разницы в среде обитания и гуманистических привычках у разных национальностей свой опыт и свои взгляды на одни и те же явления. Тогда у людей, затронутых разными культурами, будут разные ассоциации со словами одного и того же понятия. Например: «Как грибы после дождя» (русский перевод: Грибы после дождя. Китайский перевод: Весенние побеги бамбука после дождя); «Одним выстрелом убить двух зайцев» (русский перевод: Один выстрел и два зайца. Китайский перевод: два орла одной стрелой).

2.2.3 Культурные различия создают препятствия для межъязыкового обращения.

У разных языков есть свои уникальные культурные особенности, что является более сложным препятствием для перевода. Например, идиомы, пословицы, разговорные выражения, каламбуры и т. д. Выражение этого типа языка либо тесно связано с социальным и культурным происхождением и национальными привычками, либо полностью отражает уникальные формальные характеристики языка. Поэтому при переводе он часто приобретает «форму», но теряет «бога». Особенно для каламбуров, омофонов, многозначных слов и юмора, шуток и аллегорических слов, образованных характеристиками самого языка, практически невозможно подобрать соответствующие слова и предложения, то есть невозможно дать идеальную интерпретацию. Сам перевод

является своего рода «условным» преобразованием. С учетом его ограничений, это «нежелательное» различие также является крайней мерой, при условии, что оно не препятствует правильной интерпретации исходного текста.

3. Решения проблем при обучении навыкам русского перевода.

3.1 Необходимо читать больше оригинальных материалов и развивать «чувство языка», чтобы повысить интерес к изучению русского языка.

При межкультурной коммуникации переводчики сознательно интегрируют применение теории осознания языка, тщательно изучают грамматическую структуру, правила применения, привычки выражения и риторические характеристики, а также четко определяют различия, чтобы добиться точного перевода, достичь четкой концепции перевода, точной логики и добиться грамотности в языке и лаконичности текста.

3.2 Овладение базовыми навыками перевода.

Русский перевод – это художественная и творческая тяжелая лингвистическая умственная работа. Он требует творческого использования знания китайского и русского языков. Он требует достаточной практики и постоянных исследований. Требуется упорная работа для того, чтобы сделать перевод высококачественным.

3.3 Обращение внимания на прагматическое соответствие и культурную трансформацию в русском переводе.

В процессе языкового перевода, на который влияют различные факторы, такие как способы выражения и языковые привычки, в прагматических отношениях между исходным текстом и целевым текстом часто появляются частичные совпадения или одинаковые значения. Даже если прагматическое значение исходного текста сохраняется, оно может быть изменено до и после переведенного содержания. Прагматическая связь эквивалентна. Иерархические изменения прагматического соответствия не связаны напрямую с переводческой деятельностью, но после того, как эквивалентная цель не может быть достигнута, переводчик выбирает соответствующее языковое выражение и прагматические характеристики в соответствии с характеристиками перевода.

Для русского прагматичного перевода, максимально воспроизводящего исходное содержание или передающего содержащийся в нем прагматический потенциал становится лучшим эффектом китайско-русского перевода в среде межкультурного общения. С точки зрения обеспечения эквивалентного понимания переведенного содержания, переводчики должны обращать внимание на среду культурного обмена и дополнять содержание. Например, «черный чай» переводится с китайского на русский язык как «черный чай». Видно, что перевод тесно связан с культурой. Если переводчик не понимает его культуры, он не сможет точно передать смысл самого предложения. Таким образом, «каждый раз

следовало вникать глубже как в её содержание, так и в форму изложения, сопровождая более подробными объяснениями» [Ветчинова, 2018, с. 107].

3.4 Развитие межкультурного образования учащихся.

При обучении русскому переводу межкультурное образование студентов может развиваться на разных уровнях. Но это долгий и систематический процесс. Как преподаватели перевода, в процессе передачи теоретических знаний и навыков перевода мы также должны обращать внимание на привнесение культуры в обучение и тонко развивать межкультурное образование учащихся. В условиях сегодняшней культурной глобализации межкультурное общение стало нормальным состоянием культурного общения. С этой точки зрения исследования пространство для языкового мышления и культурного общения продолжает расширяться. Это влияет на местную культуру и углубляется степень интеграции иностранных культур. Это явление заставляет нас в процессе культурных обменов рационально исследовать и признавать феномен обмена и всеобъемлющую интеграцию, существующую между различными культурными системами. С точки зрения межкультурного общения, если вы хотите достичь разумного и интегрированного общения между различными языковыми системами, переводчикам необходимо преобразовать свое языковое мышление на основе референции и комбинирования методов языкового перевода, интегрировать их в подходящую языковую среду и применять культурные традиции. Постарайтесь по-настоящему осознать идеальный эффект культурного обмена и распространения.

3.5 Оптимизация настроек курса русского перевода.

Курс подготовки к русскому переводу является общим факультативным курсом и из-за языковых ограничений предлагается только студентам, изучающим русский язык на факультете иностранных языков. Большинство преподавателей, которые преподают экономический и торговый русский язык или обучают экономическому и торговому русскому переводу в колледжах и университетах, являются профессиональными преподавателями русского языка, и нет профессионалов, которые действительно занимались бы обучением профессиональным навыкам перевода на русский язык в сфере экономики и торговли, а студенты не могут полностью понимать стилевые особенности экономического и торгового русского. Таким образом, колледжи и университеты могут соответствующим образом увеличить количество часов в учебной программе экономического и торгового перевода на русский язык, подготовить специализированных учителей или нанять дополнительных репетиторов, которые много лет занимались экономическим и торговым переводом на русский язык, чтобы преподавать, чтобы достичь конечной цели обучения данного курса. По свидетельству учителей-практиков

«эти недостатки искупались несомненными достоинствами, состоявшими именно в том, что этот метод давал весьма значительные практические результаты, а ученики действительно быстро изучали иностранные языки» [Смирновский, 1883, с. 2].

3.6 Использование сети дистанционного обучения для общения с русскими учителями и учениками.

В настоящее время многие отечественные университеты, предлагающие российские специальности, тесно сотрудничают с российскими университетами. Быстрое развитие интернета придало новый импульс развитию образования. Колледжи и университеты могут в полной мере использовать преимущества сотрудничества в управлении школами, активно общаться с российскими университетами и позволять студентам сближаться друг с другом путем форм: MOOK и микроклассы. Реализуется дистанционное общение с преподавателями и студентами российских вузов. Такое преподавание и обучение могут не только повысить энтузиазм и инициативу студентов в обучении, но также помочь повысить эффективность обучения и заложить прочную основу для будущих практических применений студентами.

3.7 Добавление обучения моделированию сценария.

В процессе обучения навыкам перевода на русский язык, в зависимости от особенностей различных международных экономических и торговых выставок, можно выбрать различные экономические и торговые темы, чтобы восстановить сцену торгово-экономической ярмарки и провести имитационное обучение. При обучении по моделированию сценария, чтобы добиться эффекта, который в основном соответствует обстановке экономической и торговой ярмарки, если в колледже есть российские студенты, их можно пригласить на роль бизнесменов, государственных чиновников, репортеров и другие роли. Руководство преподавателями совершается по производительности и оценкам. Обучение моделированию сценариев не только позволяет теории по-настоящему руководить практикой, но также повышает способность студентов адаптироваться к основным международным экономическим и торговым переговорам.

3.8 Оптимизация курсов русского перевода.

С постоянным углублением реформы преподавания обучение иностранным языкам получило дальнейшее развитие. Обучение переводу является важной частью структуры учебной программы русского языка в университете. Традиционная модель обучения в классе не смогла адаптироваться к развитию у студентов способностей к переводу. Интеграция явных и невидимых методов обучения в качестве эффективной. Модель обучения может быть применена в обучении переводу на русский язык, что может эффективно закрепить у студентов базовые знания русского языка и улучшить их навыки

перевода.

3.9 Интеграция явных и неявных моделей обучения в классе и предоставление перевернутый дизайн обучения в классе.

Перевернутый класс – один из основных методов скрытых курсов, который играет уникальную и незаменимую роль в создании хорошей учебной среды и улучшении языковых навыков учащихся. Обучение в перевернутом классе снимает ограничения по времени и месту традиционного обучения в классе, позволяя учителям предоставлять учащимся больше знаний, а эффективность обучения студентов значительно повышается. С быстрым развитием общества информационные технологии также широко используются в различных областях. Эта технология также используется в обучении. Платформа предназначена для общения учителей и учеников после уроков, чтобы учителя могли своевременно решать проблемы, с которыми ученики сталкиваются в процессе обучения, через Интернет и повышать учебную самостоятельность учеников. подводить итоги.

Заключение

Перевод – это не только лингвистика, но и искусство. «Языковые знаки выполняют функцию языка культуры, что выражается в способности языка отображать культурно-национальную ментальность её носителей» [Тимашева, 2014, с. 57]. При переводе в контексте культурных различий между Китаем и Россией нужно обращать внимание на навыки контекстного выражения, интегрировать языковую и литературную среду, проявлять литературное очарование перевода и культурный фон и повысить способность к литературному выражению после перевода с русского языка на китайский. В связи с постоянным развитием китайско-русской торговли к русским переводчикам в области экономики и торговли предъявляются более высокие стандарты и требования. Качество перевода во многом определяет, насколько беспрепятственно общение, обмен и сотрудничество между Китаем и Россией. С помощью различных международных торговых ярмарок и других возможностей студенты используют полученные теоретические знания для непрерывной практики. Повышая свой уровень и способности к самостоятельному переводу, они также могут улучшить свои собственные навыки межкультурного общения, тем самым становясь высококвалифицированным переводчиком русского языка.

Список литературы:

- Ветчинова М.Н.* Перевод как метод обучения иностранному языку / М.Н. Ветчинова // Лингводидактика и дидактика перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 3.
- Латышев Л.К., Семенов А.Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов // Учебное пособие для студентов переводческих факультетов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
- Смирновский И.* О курсе чтения / И. Смирновский. СПб., 1883. 59 с.
- Тимашева О.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. Учебное пособие / О.В. Тимашева. 2-ое издание, стереотипное. Москва: Изд-во. «ФЛИНТА» 2014. 192 с.
- Шкирта Л.Ф.* Краткая характеристика коммуникативного и социокультурного подходов к определению теории перевода / Л.Ф. Шкирта // Международный научный журнал «Инновационная наука», № 03-2/2017.

References:

- Latyshev L.K., Semenov A.L.* Pervod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya / L.K. Latyshev, A.L. Semenov // Uchebnoe posobie dlya studentov perevodcheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedenij. M.: Izdatel'skij centr «AkademiYA», 2003. 192 p. (In Russian).
- Shkirta L.F.* Kratkaya kharakteristika kommunikativnogo i sociokul'turnogo podkhodov k opredeleniyu teorii perevoda / L.F. Shkirta // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Innovacionnaya nauka», №03-2/2017. (In Russian).
- Smirnovskij I.* O kurse chteniya / I. Smirnovskij. SPb., 1883. 59 p. (In Russian).
- Timasheva O.V.* Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoj kommunikacii. Uchebnoe posobie / O.V. Timasheva. 2-oe izdanie, stereotipnoe. Moskva: Izd-vo. «FLINTA» 2014. 192 p. (In Russian).
- Vetchinova M.N.* Pervod kak metod obucheniya inostrannomu yazyku / M.N. Vetchinova // Lingvodidaktika i didaktika perevoda // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2018. № 3. (In Russian).

Есакова Мария Николаевна
Кольцова Юлия Николаевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Esakova Maria
Koltsova Julia
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

«КЛИКБЕЙТ» КАК НОВАЯ ФОРМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ ЧИТАТЕЛЯ

“CLICKBAIT” AS A NEW TOOL OF ATTRACTING THE READER’S ATTENTION

В статье речь идет о достаточно новом языковом явлении, распространившемся в названиях статей современных СМИ, так называемом «кликбейте». В современной лингвистике нет однозначного ответа на вопросы: как относиться к данному явлению, правомерно ли использование кликбейтных заголовков, ведь они создают не просто интригу, а содержат заведомо ложную информацию. Однако данные виды заголовков распространяются все активнее, поэтому изучение их структуры необходимо. Авторами статьи исследуются тематические группы кликбейтных заголовков, а также языковые средства, использующиеся при создании подобного рода заголовков.

The article deals with a new linguistic phenomenon that has gained popularity in the titles of articles in modern media, the so-called "clickbait".

In modern linguistics, several questions remain unanswered: how to deal with this phenomenon; whether the use of clickbait titles is legitimate, as they create not only intrigue but contain false information.

However, these types of titles are spreading more and more actively, therefore the study of their structure is necessary.

The authors of the article investigate thematic groups of clickbait titles, as well as the language tools used to create them.

Ключевые слова: заголовок, кликбейт, языковые средства выразительности.

Key words: title, clickbait, language tools.

Основное предназначение заглавия – это попытка заинтересовать читателя. Поэтому для достижения своей первостепенной цели заголовок должен быть как можно более броским и запоминающимся. Основными функциям заголовков традиционно считаются следующие: экспрессивная, цель которой - непосредственная способность заинтересовать читателя с помощью средств языковой выразительности, графически-разделительная - она отвечает за выделение заглавия на фоне текста. Это достигается неязыковыми средствами: шрифт, цвет, рисунки, верстка. Ее суть заключается в том, чтобы отграничить текст от окружающего контекста, и номинативно-информативная, цель которой - лаконично донести до читателя содержание будущей статьи. Именно эту функцию считают наиболее значимой, так как заголовок знакомит читателя с содержанием статьи, отражает её смысл и посыл автора (см.: Вомперский В.А., Суворов С.П., Мужев В.С. и др.).

Помимо этого, заголовки, как правило, подразделяют согласно их сложности. Так, Г.С. Мельник и А.Н. Тепляшина выделяют три основных структурных типа заголовков: «простой» - состоящий из одного предложения, включающего в себя законченную мысль, цитату, призыв. По характеру он может быть не только утвердительным, но и вопросительным или даже восклицательным. «Усложненный» - заголовки данного типа сформированы из нескольких частей, логически представляющих законченную мысль, важную для понимания сути текста, а также «заголовочный комплекс», представляющий собой комбинацию заголовка и подзаголовка. Благодаря такой структуре, появляется возможность не перегружать заголовок и перенести информативную составляющую в подзаголовок. При этом важно, чтобы в заголовке и подзаголовке не повторялись слова. Заголовочный комплекс встречается в СМИ регулярно. Попытки удачно совместить экспрессивность и информативность привели к тому, что заголовки статей, стараясь одновременно привлечь внимание и в то же время кратко изложить её содержание, очень часто бывают многоступенчатыми.

Еще в конце XX в., говоря о структуре заголовков российской прессы, М. Шостак в статье «Сочиняем заголовок» отмечал: «Сегодня заголовки, как правило, строятся по нетрадиционным для российской прессы моделям. Долгое время господствовавшие принципы, согласно которым заголовки должны быть сжаты и кратки, сменились на противоположные. И вообще наступило время «авторской свободы» - в заголовки пошли цифры, аббревиатуры, имена собственные, разговорные слова и сленг, фрагменты на английском» [Шостак, 1998, с. 9-14]

Однако именно это разнообразие заголовков, возникшее в прессе после распада СССР, вызвало интерес лингвистов, а также понимание необходимости дополнить существующие классификации. Ученый выделил следующие типы заголовков: повествовательный заголовок, заголовок-констатация, заголовок с использованием имен собственных, заголовок-цитата, игровой заголовок, заголовок-интрига (см.: Шостак).

Повествовательный заголовок констатирует факт, излагает суть новости.

Путин возложил цветы к памятнику Минину и Пожарскому на Красной площади [<https://tass.ru/obschestvo/5755098>].

Немецкие эксперты рассказали об убытках из-за антироссийских санкций [<https://tass.ru/ekonomika/5754983>].

Заголовок-констатация выступает в качестве самостоятельного сообщения и, как правило, состоит из 2-3 предложений. Подобные заголовки наиболее частотны в мировой прессе последних лет.

«Свободная касса: как можно заработать на новом НДС»
[https://www.rbc.ru/business/02/11/2018/5bdaf3869a79475cf22db900?from=center_10]

«В Индии убит тигр-людоед. Его ловили с помощью коз и духов Obsession»
[<https://www.bbc.com/russian/news-46085177>]

«США ограничат экспорт золота из Венесуэлы. Это приведет к росту цен»
[https://quote.rbc.ru/news/forecast_idea/5bdae2bb9a7947572edcb6ff]

Заголовок с использованием имён собственных. Для привлечения внимание читателей в заголовки включают какое-либо значимое или авторитетное лицо. Обычно в качестве подобных деятелей выступают политики, знаменитости, известные учёные и политические лидеры. Также частотны упоминания известных компаний.

«Илон Маск и Марк Цукерберг потеряли за день \$3,5 млрд»
[<https://www.rbc.ru/business/28/09/2018/5bae7e839a79476c000380b4>].

«Трампу могут связать руки» [<https://www.vesti.ru/doc.html?id=3079512>].

Заголовок-цитата часто используется в статьях-интервью. В заглавие выносятся ключевая цитата, сенсационное заявление. Статья с таким заголовком сразу выглядит достовернее и убедительнее.

«Приходько: действия США могут обнулить меры ОПЕК+ и дестабилизировать рынок нефти» [<https://tass.ru/ekonomika/5755906>].

«Путин: Европа поставит себя под угрозу ответного удара, разместив ракеты США» [<https://www.bbc.com/russian/news-45970866>]

В **игровом заголовке** для привлечения внимания читателей используются каламбуры, игра слов, метафоры, оксюморон и другие средства языковой выразительности.

«Готовь саммит летом» [<https://www.kommersant.ru/doc/3661262>].

«Миллионер без трущоб»
[<https://www.rbc.ru/newspaper/2018/06/28/5b2cdb7a9a7947826def0c2f>]

«Лес рубят – денги летят» [<https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/07/03/42256-les-rubyat-dengi-letyat>].

«Канул в лето»
[<https://www.rbc.ru/newspaper/2018/07/04/5b3ba6c69a794761fa46c738>]

«Против взлома – нет приёма» [<https://newtimes.ru/articles/detail/116257>]

Заголовок-интрига раскрывает лишь часть сообщения, побуждая читателя познакомиться с содержанием статьи.

«Илон Маск раскрыл имя первого лунного туриста. Кто он?»
[<https://www.bbc.com/russian/news-45560954>].

[<https://svpressa.ru/politic/article/215147/>].

Помимо этого, современная пресса в составлении заголовков с интригой нередко прибегает к такому способу привлечения внимания, как *кликбейт*.

Термин «кликбейт» происходит от английского слова «clickbait» от «click» - «щелчок» + «bait» - «наживка». На данный момент в научной литературе не существует единого определения данного термина, но большинство исследователей «кликбейтом» называют «новостные заголовки, апеллирующие к любопытству читателя; контент, цель которого — заманить читателя на необходимую страницу; контент, благодаря которому повышается трафик посещения какой-либо страницы; средство продвижения контента в соцсетях» [Гаврикова, 2019, с.26].

Как правило, «кликбейт» использует сенсационные заголовки или привлекательные картинки для увеличения числа переходов по ссылке и поощрения распространения материала через Интернет, в частности, социальные сети.

Поскольку его цель не донести смысл наилучшим образом, а убедить максимальное количество пользователей перейти на страницу с материалом, кликбейт-заголовки обычно недоговаривают суть информационного повода и допускают ложь, что было недопустимым в традиционных газетных номинациях. По мнению Лазаревой Э.А., «грубой ошибкой является искажение смысла заголовка, потери при переводе или разрушение смыслового взаимодействия между заголовком и текстом» [Лазарева, 1989].

Однако, как справедливо полагает А.В. Николаева, «кликбейт — это заголовок, который провоцирует читателей нажать на него. В данном определении нет указания на то, что мы имеем дело с явлением, которое порицается обществом и считается недопустимым в информационном пространстве» [Николаева, 2018, с. 43-47].

В современной лингвистике нет однозначного ответа на вопрос: как относиться к данному явлению, правомерно ли использование кликбейтных заголовков, так как они создают не просто интригу, а содержат заведомо ложную информацию.

Заголовки-кликбейты можно разделить на тематические группы. Так, достаточно часты заголовки, содержащие секрет: «*Вы такого еще не видели*», «*5 шокирующих мест на планете*», «*Актер не удержался и рассказал такое...*», «*Ты этого никогда не видел...*», затрагивающие остросоциальные проблемы, вызывающие у читателя злость, ненависть, сопереживание: «*Родила ребенка и бросила*», «*Дыра в крыше дома, люди на живут в нечеловеческих условиях ...*», «*Бабушка живет на улице вот уже 2 года*»; апеллирующие к возможности получения выгоды и жажде легкой наживы: «*Не уппусти шанс получить выгоду миллион рублей*», «*Успей купить, всего за...*», «*100% способ получить...*»,

«Стоимость никогда не было такой низкой...», «5 причин почему Вам нужно это купить».

Среди прочего можно выделить заголовки, вызывающие у читателя желание быть первым: *«Ты узнаешь первым...новинки»*, интерес к новым научным знаниям: *«Новая техника, методика...», «Человечество ранее этого не видело...», «Событие века, ученые создали новый революционный метод...»*, содержащие шокирующую информацию: *«Посмотри, ужас, что он сделал...», «Шок, я такого еще не видел...».*

И конечно же, наиболее частотными в заголовках становятся темы смерти и скандальных историй, связанных с миром известных личностей: *«Ее уже не вернуть»*, *«Конец близок»* и т.д.

Частое использование кликбейтных заголовков в современных СМИ исследователи объясняют тем, что с психологической точки зрения у читателей подсознательно происходит формирование определённых, обычно завышенных, ожиданий, которые должны реализоваться после клика. Поэтому чаще всего люди выбирают заголовки не только с яркой и вызывающей картинкой, но и те, которые связаны с их личными проблемами. Примеров множество: начиная от решения проблем со здоровьем при помощи народных средств, заканчивая сплетнями о публичных людях (*«Не хочу»: Авербух откровенно об интимных моментах Арзамасовой»* (ДНИ. РУ от 12.03.2021) *«Волочкова без нижнего белья засветила самое ценное на тренировке»* (radiokp.ru от 12.03.2021).

А.Ю. Коняев (преподаватель физико-математического факультета МГУ) провел исследование, в результате которого выяснилось, что в интернете позитивные заголовки расходятся хуже, чем негативные. Это объясняется, прежде всего, психологическими факторами. Пользователям интернета нравится читать новости о неудачной жизни звезд шоу-бизнеса, тем самым они пытаются доказать себе, что их жизнь не хуже, чем у знаменитых людей, однако в большинстве случаев читатели стремятся узнать о звездах что-то личное, чтобы быть ближе к тем, кто в реальном мире для них недостижим.

Одной из самых популярных тем для кликбейтных заголовков является тема смерти. Механизм привлечения внимания следующий: человек видит знакомую фамилию или фотографию и начинает цепляться за слова поблизости; видит слово «смерть», «умер» или «смертельно болен»; сомневается и переходит на сайт; после прочтения наступает либо негодование, либо безразличие, но цель автора этого заголовка – привлечь читателя – уже достигнута.

Каким же образом работает автор кликбейта? Какие языковые средства используются для создания данного типа заголовков?

Прежде всего, в подобных заголовках используются слова, конструирующие в сознании читателя определенную ассоциативную модель. Это, как правило, ложные упоминания о смерти, несчастьях, скандальных ситуациях, якобы произошедших с известной личностью: *«Прощание с Пугачевой состоится на Кузьминском кладбище»* (lenta.ru 10.03 2021). У читателя слово «прощание» ассоциируется с трагическим событием, которое только что произошло, и слово реализует план настоящего, однако речь идет о том, что в будущем Примадонна хочет быть похороненной рядом со своим умершим братом и родителями. Слово «прощание», с одной стороны, соотносится с реальным событием, однако временные рамки намеренно нарушены.

Подобный прием использован и в следующем названии *«Стану мамой: молодящаяся Успенская рассказала о скором прибавлении»* (Дни .ру. от 02.04.2021). Слово «скором», безусловно, имеет здесь не переносное значение, тем самым наталкивая читателя на мысль о том, что данное событие в семье певицы произойдет в ближайшей перспективе. Кстати, речь может идти и о ее дочери, недавно восстановившей отношения со звездой. Однако речь в статье идет лишь о размышлениях певицы о рождении детей в достаточно солидном возрасте.

Приведем еще один пример: *«Леонид Агутин высказался о разводе с Анжеликой Варум»* (lenta.ru 25.03 2021). В самой статье говорится лишь о частых слухах, которые распространяются вокруг звездной пары в СМИ. Артист отметил, что «он и Варум состоят в браке больше 20 лет и не собираются разводиться. При этом Агутин подчеркнул, что слухи об их разводе периодически возникают в течение последних 15 лет» (lenta.ru 25.03 2021). Данный заголовок можно назвать «скрытым кликбейтом», так как сама фраза «высказался о разводе» воспринимается как информация о недавно произошедшем событии.

Для привлечения внимания читателя в кликбейтные заголовки часто включают прецедентные имена, например, имя хорошо известной телеведущей-врача часто используется в заголовках, связанных с медициной. *«Я знаю, как правильно жить: Елена Малышева научила россиян пить алкоголь»*. («Комсомольская правда», 16.10.2019). Чаще всего такие заголовки используются в рекламных целях, заставляя читателя перейти на определенный сайт, при этом к конкретному медийному лицу эта информация не имеет никакого отношения.

Распространенным примером построения кликбейтного заголовка может служить такой стилистический прием, как намеренное разрушение фразеологизмов, например, *«Пьющий мужчина – горе в семье?»* или *«Ушел тихо и навсегда»* (О Борисе Моисееве) Глагол «уйти» вызывает ассоциацию с темой смерти (ср. фразеологизм *уйти из жизни*),

подкрепляется данная ассоциация наречием «навсегда». Однако речь идет вовсе не об этом, а о том, что артист покинул сцену.

Еще один типичный прием – использование гиперболы. В таких заголовках происходит намеренное преувеличение значимости описанного, например, «13 ужасающих фактов о викингах» или «Худеем, как Пугачева. Диетолог рассказала, как легко сбросить 50 кг»

Нередко в основе кликбейтных заголовков лежит скрытая антитеза, в основе которой содержится противоречие, стремящееся вызвать недоумение или эмоциональный отклик читателя, например, «Этот учёный защитил докторскую диссертацию, ты не поверишь, чем он занимается сейчас...»

Использование эмоционально-окрашенных слов, например, таких, как уродство, милашка, ужас и т.д. также достаточно частое явление в кликбейтном заголовке. «*Это же уродство*»: *Васильев показал джинсы, которые сильно дешевят образ*».

По мнению ученых-языковедов, «приемов лингвистической манипуляции существует немало. Один из самых частых – импликатура. Так называют предполагаемый, но не выраженный напрямую смысл. Импликатура может отменяться или подтверждаться в продолжении текста. Например, фраза «сегодня она отлично выглядит» может содержать импликатуру «обычно она выглядит плохо», которую можно отменить уточнением: «как, впрочем, и всегда». [https://news.rambler.ru/other/42575686/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink].

При создании кликбейтов используются и определенные грамматические средства. Так наиболее частотными являются указательные местоимения «этот», «эта», «эти». Они используются для создания ощущения диалога с читателем («*Эти крохи покорили Сеть!*»), а также предлогов со значением времени: например, «после» читатель может трактовать как «из-за» или «в результате» [https://news.rambler.ru/other/42575686/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink], частотны глаголы в форме повелительного наклонения («*Успей вовремя принять решение...*»)

На уровне синтаксиса и пунктуации тоже можно выделить некоторые стереотипные черты. Это неполные предложения, обычно передающие удивление или восторг («*Нервным женщинам необходимо каждый день пить шампанское*») немотивированное использование многоточий, вопросительных и восклицательных знаков («*Шок!!! Как мы вообще выжили???*»), обращение к читателю на «ты» («*Вот, что*

происходит, когда ты ешь сало!»), а также использование синтаксических конструкций, бросающих вызов читателю («*Ты не поверишь!*», «*Ты ни за что не угадаешь...*» и т. д.)

В кликбейтах есть и графический уровень, наиболее частотным из которых является шрифтовыведение («*Ты ни за что не поверишь, на ЧТО они способны!*»).

Иногда мы можем встретить синтез вышеуказанных средств.

К внеязыковым средствам привлечения внимания: относятся, например, использование привлекательных или шокирующих фотографий в превью.

Итак, следует отметить, что на сегодняшний день сформировалось две противоположные точки зрения на жизнь кликбейта в СМИ. Первый из них строится на негативном отношении к этому явлению, многие исследователи считают, что кликбейтные заголовки забивают информационный поток социальных сетей контентом низкого качества и тем самым нарушают журналистскую этику. Тем не менее кликбейт широко используется, и поэтому необходимо развивать технологии, способные автоматически его вычислять и бороться с ним.

Но есть и другая точка зрения. Например, А.В. Николаева считает, что «кликбейт нельзя классифицировать просто по формальным языковым признакам. Заглавие вполне может быть образным, но удачным, уместным, относящимся именно к теме текста. С другой стороны, название может быть выстроено как информативное и при этом являться настоящим кликбейтом. Кликбейт можно встретить и в прессе, и на ТВ, и в онлайн-СМИ, и в рекламе. По сути, он везде, но не всегда под кричащим заголовком кроется пустышка. Яркий, творческий заголовок без дурновкусия и обмана всегда может стать хорошим способом привлечения читателей» [Николаева, 2018, с. 43-47]

Таким образом, можно сделать следующий вывод.

Во-первых, если принять все же ту точку зрения, что кликбейт не имеет права на существование, то в условиях современных технологий вполне возможно создание цифровых программ, которые автоматически будут блокировать кликбейтные заголовки. Однако нельзя не согласиться и с А.В. Николаевой в том, что иногда под понятие кликбейта попадают и заголовки, включающие в себя различные приемы языковой игры (каламбуры, гротескные образы, гиперболизация и т.д.). И задачей современной лингвистики становится внимательное изучение этого явления для того, чтобы понять, что можно абсолютно точно считать кликбейтом, а что нет. Ведь программу для любой машины будет писать человек, и от него зависит успешность ее функционирования.

Второй вывод, скорее, направлен на педагогику. В курсах «Функциональная стилистика», «Культура речи» это явление можно и нужно обсуждать со студентами, ведь

оно является новой реальностью публицистического стиля, а значит, должно быть всесторонне изучено.

Список литературы:

- Вомперский В.А.* К изучению синтаксической структуры газетного заголовка / В.А.Вомперский, – М.: Искусство публикации, 1966. – 15 с.
- Лазарева Э.А.* Заголовок в газете / Э.А. Лазарева. - Свердловск, 1989. - с. 96
- Мельник Г.С.* Основы творческой деятельности журналиста. Учебное пособие / Г.С. Мельник, А. Н. Тепляшина, - СПб.: Изд. Михайлова В.А., 2004. - 137-138 с., 142-164 с.
- Мужев В.С.* О функциях заголовков / В.С. Мужев. // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. – 1970. - №55. – С.1-8.
- Николаева А.В.* Кликбейт в СМИ / А.В. Николаева // Русская речь - 2018. - № 3. – С. 43-47.
- Суворов С.П.* Особенности стиля английских газетных заголовков (по материалам Daily Worker) / С.П. Суворов // Язык и стиль. Отв. ред. В.Т. Панаев. – М.: Просвещение, 1965. – С. 2-13.
- Шостак М.А.* Сочиняем заголовки / М.А. Шостак // Журналист. 1998. = № 3. - С. 1-5.

References:

- Vomperskij V.A.* K izucheniyu sintaksicheskikh struktur` gazetnogo zagolovka / V.A.Vomperskij, – М.: Iskustvo publikacii, 1966. – 15 s.
- Lazareva E.A.* Zagolovok v gazete / E`A.Lazareva. - Sverdlovsk, 1989. - s. 96
- Me`nik G.S.* Osnovy` tvorcheskoj deyatel`nosti zhurnalista. Uchebnoe posobie / G.S. Me`nik, A. N. Teplyashina, - SPb.: Izd. Mikhajlova V.A., 2004. - 137-138 s., 142-164 s.
- Muzhev V.S.* O funkcziyakh zagolokov / V.S. Muzhev. // Ucheny`e zapiski MGPIIYa im. M. Toreza. – 1970. - #55. – S.1-8.
- Nikolaeva A.V.* Klikbejt v SMI / A.V. Nikolaeva // Russkaya rech` - 2018. - # 3. – S. 43-47.
- Suvorov S.P.* Osobennosti stilya anglijskikh gazetny`kh zagolokov (po materialam Daily Worker) / S.P. Suvorov // Yazy`k i stil`. Otv. red. V.T. Panaev. – М.: Prosveshhenie, 1965. – S. 2-13.
- Shostak M.A.* Sochinyaem zagolovok / M.A. Shostak // Zhurnalist. 1998. = # 3. - S. 1-5.

Электронные ресурсы:

- https://news.rambler.ru/other/42575686/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink Нескромное обаяние импликатур: кликбейт глазами лингвиста Индикатор29 июля 2019
- <https://tass.ru/obschestvo/5755098>
- <https://tass.ru/ekonomika/5754983>
- https://www.rbc.ru/business/02/11/2018/5bdaf3869a79475cf22db900?from=center_10
- <https://www.bbc.com/russian/news-46085177>
- https://quote.rbc.ru/news/forecast_idea/5bdae2bb9a7947572edcb6ff
- <https://www.rbc.ru/business/28/09/2018/5bae7e839a79476c000380b4>
- <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3079512>
- <https://tass.ru/ekonomika/5755906>
- <https://www.bbc.com/russian/news-45970866>
- <https://www.kommersant.ru/doc/3661262>
- <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/06/28/5b2cdb7a9a7947826def0c2f>
- <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/07/03/42256-les-rubyat-dengi-letyat>
- <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/07/04/5b3ba6c69a794761fa46c738>
- <https://newtimes.ru/articles/detail/116257>
- <https://www.bbc.com/russian/news-45560954>
- <https://svpressa.ru/politic/article/215147/>
- https://news.rambler.ru/other/42575686/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
- https://news.rambler.ru/other/42575686/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Ковалева Кристина Николаевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kovaleva Kristina
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СОВРЕМЕННЫЙ БИЗНЕС-СЛЕНГ: БАГ ИЛИ ФИЧА?

MODERN BUSINESS SLANG: A BUG OR A FEATURE?

Тенденции развития мультикультурного общества, глобализация и совершенствование процессов технологического бизнеса в России диктуют свои правила и изменения в языке, которые выходят за рамки профессиональной коммуникации и вызывают своего рода проблемы в их понимании и употреблении. Влияние бизнес-сленга на состояние современного русского языка играет большую роль в его развитии. Язык постоянно пополняется новыми терминами. Чаще всего они представляют собой заимствованную из других языков (по большей части из английского языка) лексику, которая появляется в языке стремительно и не всегда успевает в него интегрироваться с оригинальной коннотацией. Так как изменения происходят стремительно, контролировать такие изменения не удастся в полной мере, потому что бизнес-сленг стал выходить за рамки профессионального употребления.

В статье рассматриваются примеры наиболее используемой бизнес-лексики вне профессиональной коммуникации, проблемы, возникающие при её появлении в разговорной речи, а также общественное мнение о необходимости существования и употребления бизнес-сленга.

Trends in the development of a multicultural society, globalization and the improvement of technological business processes in Russia dictate their own rules and changes in the language that go beyond professional communication and cause problems in their understanding and use. The influence of business slang on the state of the modern Russian language plays an important role in its development. The language is constantly updated with new terms. Most commonly they represent a vocabulary borrowed from other languages (mostly from English) that appears in the language rapidly and does not always have time to integrate into it with the original connotation. Since changes are occurring rapidly, it is not possible to fully control them. Therefore, business slang is no longer limited to merely professional use.

The article examines the examples of the most widely used business vocabulary outside of professional communication, the problems that arise when it appears in colloquial speech, as well as public opinion about the relevance and use of business slang.

Ключевые слова: бизнес-сленг, заимствованная лексика, профессиональная коммуникация.

Keywords: business slang, loanwords, professional interaction.

За последние 10 лет лексический состав русского языка претерпел значительные обновления, связанные с активным развитием современных технологий. С появлением мировой сети интернет, доступностью приобретения и повсеместного использования компьютеров и мобильных устройств увеличилась скорость обмена информацией и изменилось качество ее восприятия. Возникла глобальная возможность для языкового обмена не только между носителями разных языков, но и между представителями различных профессиональных, социальных и возрастных групп. Разработка новых социальных сетей, форумов, чатов и блогов позволила не только создать поле для

общения, но и основу для развития современных интернет-медиа и технологического бизнеса. В последнее время социокультурные процессы вызывают значительную динамику изменений в русском языке. Наряду с влиянием филологов и лингвистов на состояние языка, большую роль в его развитии играют отдельные социальные группы людей из разных областей, в частности представители бизнеса, в особенности бизнеса в сфере информационных технологий. Исследование бизнес-сленга является важным направлением на сегодняшний день по причине его активного использования не только в узком профессиональном кругу, но уже и повсеместном использовании разными социальными и профессиональными группами людей.

Появление в русском языке технологической бизнес-лексики вызвано в первую очередь появлением на российском рынке большого количества так называемых «стартапов» («стартап» – молодая компания, которая находится в стадии динамичного развития, использует инновационные технологии и бизнес-идеи) и активной разработки продвижения бизнеса, частично заимствованной у западных компаний и инвестиционных фондов. Именно поэтому по большей части такая лексика представляет собой профессиональный сленг, заимствованный из английского языка. Зачастую эта лексика заимствуется самым быстрым образом: с помощью транскрипции и транслитерации.

Процесс заимствования лексики и грамматики из других языков является обычной ситуацией в развитии и обогащении языка. Языки не существуют изолированно друг от друга. В настоящее время, когда международные коммуникации стали ещё более доступными, а люди более мобильными, скорость межкультурного и межъязыкового обмена увеличилась во много раз. К основным источникам заимствования бизнес-сленга можно отнести:

- личные/ корпоративные контакты с зарубежными коллегами/партнерами;
- профессиональная периодическая литература;
- блоги/СМИ.

Согласно словарю лингвистических терминов «сленг» — это «разговорный вариант профессиональной речи», «элементы разговорного варианта той или другой профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально- экспрессивную окраску» [Ахманова, 1966, с. 512].

Для чего профессиональным группам нужен сленг? В психологических исследованиях Е. Кимпелайнен утверждает, что «свой язык позволяет сотрудникам

идентифицировать себя с компанией, эффективнее работать для достижения ее целей».

Рассматривая функции сленга в бизнес-сфере, можно выделить следующее:

1. Сленг используется для того, чтобы сделать речь короче и более эмоционально выразительной;
2. Использование сленга происходит для того, чтобы скрыть секреты своего бизнеса;
3. Сленг показывает принадлежность к определенной социальной среде.

Чаще всего представители данной профессиональной группы выделяют первый пункт, как основную причину использования сленга в работе.

Бизнес-сленг быстро и верно покидает рамки профессиональной сферы. Большой пласт лексики уже просочился из нее в повседневную речь россиян. Чтобы определить, являются ли такие изменения полезными для развития русского языка и культуры речи, рассмотрим ряд примеров заимствованной лексики в бизнес-сленг русского языка. Примеры были выявлены во время общения с представителями данного направления, а также с помощью анализа частоты использования представленной лексики в сети интернет, которая уже выходит за рамки бизнес-коммуникации.

Первая группа – существительные, заимствованные из сленга технологического бизнеса и программирования. Все представленные существительные представляют собой переводческую транскрипцию и транслитерацию. Для анализа были выбраны самые используемые лексические единицы на момент исследования.

Одно из самых часто используемых (запрашиваемых в интернете) имён существительных, согласно статистике wordstat.yandex.ru (сервис подбора слов, позволяющий оценить пользовательский интерес к определенной тематике), является слово «кейс» (более 1,5 млн запросов за месяц). Слово происходит от английского «*case-пример, ситуация, причина*». В бизнес терминологии слово используется в значении бизнес-проблемы, взятой из реальной жизни, которая нуждается в оригинальном подходе в её решении. Также термин используется в значении исследовательского проекта, в котором в качестве предмета исследования выбирается единичный случай или несколько избранных примеров социальной сущности и определяется совокупность методов их изучения [Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко, 2003 г.]. В последнее время использование термина все чаще выходит за рамки деловой терминологии и используется в повседневной речи вне профессиональных групп в значении «пример, случай» (при использовании данного слова контекст перестал учитываться), тем самым создавая кальку.

Следующее по количеству запросов является слово ивент/эвент (с англ. event «событие») (более 113 тысяч запросов за месяц). В бизнес-сленге термин используется в значении специального мероприятия (как инструмента маркетинга), направленного на управление мнением приглашенной аудитории, на увеличение клиентской базы и активности в интернете. На сегодняшний день влияние социальных сетей и личных видео блогов расширило понятие «ивент» до обозначения этим термином любого события или мероприятия.

Третье по популярности в рейтинге исследуемых терминов слово «коучинг» (более 77 тысяч запросов за месяц). Изначально термин появился в русском языке в значении «процесса максимальной активации потенциала человека; увеличения эффективности его личностных качеств в умении ставить цели и достигать их». Сейчас термин имеет множество определений в том числе:

- сотрудничество тренера и клиента, которое приводит к достижению целей;
- процесс раскрывающий потенциал человека;
- метод повышения эффективности/ мотивации личной и профессиональной;
- наставничество любого рода (вне профессионального сленга данное определение используется чаще всего).

Таблица, представленная ниже показывает рейтинг запросов других заимствованных существительных бизнес- сленга, которые вышли за рамки бизнес-коммуникации.

Существительные		
Термин	Определение	Кол-во запросов
Тайм-менеджмент	метод, позволяющий оптимизировать затраты времени с целью его максимального использования.	72 401
Дедлайн (deadline)	1.крайний срок выполнения поставленной задачи; 2. искусственное или реальное создание дефицита для ажиотажа и стимулирования клиентов к срочной покупке.	70 980
Воркшоп	1.рабочая встреча, где каждый может реализовать свои способности под руководством опытного наставника	38 165

	(исследование определенной проблемы); 2. Встреча небольшой группы профессионалов в отдельной области для обмена опытом, знаниями	
Фича	1.(от англ. feature- черта, характеристика, способность делать что-то) дополнение, без которого основная задача была бы решена, но именно фича делает продукт отличным от других; 2. полезная (а иногда забавная) функция / особенность программы.	15 321
Питч	краткая структурированная презентация проекта	10 556
Факап	(от англ. fuck up – провал) позорный провал, жестокая неудача.	8 126
Митап	встреча специалистов для обмена опытом и обсуждения тех или иных проблем в неформальной обстановке.	6 028
Софтскиллс и хардскиллс	Hard skills (с англ. «жесткие навыки») — профессиональные, технические компетенции, которые можно продемонстрировать, оценить и проверить. Знание иностранных языков, навыки работы за компьютером, умение управлять транспортным средством. Soft skills (с англ. «мягкие навыки») — универсальные социально-психологические качества, которые не зависят от профессии, но влияют на успешность человека. Коммуникативные навыки, организованность, способность решать конфликты, работать в команде, адаптивность.	3 155

Следующая группа слов – это заимствованные из бизнес-сленга английского языка глаголы. Все самые популярные примеры данной группы представляют собой исключительно гибридные заимствования со всеми морфологическими признаками

русского глагола. Самый популярный по запросам в интернете является глагол «пушить» (более 10 тысяч запросов за месяц по данным сервиса wordstat.yandex.ru) с двумя основными значениями: 1) Напоминать ответственному исполнителю о сроках выполнения задачи; 2) Продвигать информацию с помощью маркетинговых инструментов (например, социальных сетей, рекламы). Анализ примеров заимствованных глаголов бизнес-сленга из английского языка показал, что их использование вне профессиональной коммуникации на сегодняшний день в большинстве своём не искажает их первоначальное значение. Количество запросов других часто используемых заимствованных глаголов не превышает тысячи запросов в поисковых системах. Вероятнее всего такие данные вытекают из того, что английский аналог известен русскоговорящему, и значение слова в русском языке ему соответствует. В таблице ниже приведен ряд заимствованных из бизнес - сленга глаголов наиболее популярных в использовании вне бизнес-сферы.

Глаголы	
Термин	Определение
Закоммитить	1. подписаться на выполнение сделки на определенных условиях, в определенный срок; 2. подтвердить свое участие в мероприятии (относится к деловым переговорам, вечеринкам и т.п)
Забрифовать	1. выяснить во время общения с клиентом его цели, задачи и предпочтения; 2. изложить краткую информацию о проекте
Забукать	забронировать
Апдейтнуть	обновить программу или систему до самой новой, последней версии
Форвардить/ форварднуть	переслать электронное письмо, распоряжение, поручение
Зафакапить, профакапить	(от англ. fuck up) – испортить что-либо, не справиться с, плохо выполнить что-либо, чаще всего проект, встречу или контракт

В сфере технологического бизнеса существует крылатое выражение (шутка): «Это не баг – это фича» (более тысячи запросов в русскоязычном поиске за месяц). «Фича», как было описано выше, – это полезная функция/ дополнение. «Баг» – ошибка или неожиданный результат. Смысл выражения в том, что ошибку или недоработку программы можно выдать за полезную особенность/ новую функцию. Таким образом выражение стало использоваться в оправдание ошибки через присвоение этой ошибке конструктивной особенности. Так можно ли утверждать, что сленг бизнеса, в частности

технологического, является особенностью в системе русского языка, а не случайностью или ошибкой? Так как язык необходимый инструмент коммуникации в обществе, необходимо понять отношение общества к данным изменениям. Чтобы узнать отношение носителей русского языка к такого рода заимствованиям, необходимо проанализировать мнения широкого круга респондентов. Для этого обратимся к опросу общественного мнения одной из самых читаемых в России интернет-платформ для предпринимателей и высококвалифицированных специалистов малых, средних и крупных компаний «VC.ru». Из более чем 200 комментариев примерно 59% человек высказываются негативно об использовании бизнес-англицизмов в русском языке. Преимущественно респонденты высказываются против их использования в разговорной речи вне профессиональных групп, а также в деловой переписке и соцсетях. Около 17% высказались «за» бизнес-англицизмы. Такое мнение респонденты аргументируют удобством работы с международными коллегами, а также тем, что на сегодняшний день представленная лексика популярна, поэтому они не готовы вносить в свою речь изменения в пользу отказа от англицизмов. 24% высказали нейтральное отношение, подчеркивая то, что им не мешает использование профессиональной лексики в бытовом общении, или то, что представленная тема не входит в круг их интересов.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что за последние 10 лет заимствованный бизнес-сленг не смог ассимилироваться в русском языке в полной мере. Одна из важнейших проблем заимствований заключается в необходимости быстро обмениваться информацией и нежелании компаний тратить ресурсы на разработку русифицированной терминологии. Существует неспособность профессиональных групп разграничивать использование заимствованных лексико-грамматических систем в разговорной речи. Носители языка, относящиеся к другим социальным и профессиональным группам, не могут избежать влияния бизнес-сленга на свою речь, но могут осознанно подходить к выбору компонентов коммуникации.

Список литературы:

- Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 512 с
- Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
- Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М: Международные отношения, 1980. 343 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. 2-е изд. М.: Изд-во Московского университета, 2007. 544 с.
- Гениева Е.Ю.* Послесловие // Иностранная литература, 1979, No 3. С. 185–189.
- Грицанов А. А., Абушенко В. Л., Евелькин Г. М., Соколова Г. Н., Терещенко О. В.* / Социология: Энциклопедия, 2003 г.
- Кимпелайнен Е. И.* Социально-психологическая эффективность переговоров. Санкт-Петербург, 1996.157с.

Хауген, Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. –1972. – No 6. – С. 344–382.
Ответственность таланта: Слово писателям мира. Джон Фаулз // Иностранная литература, 1982,
No 4. С. 165–168.
<https://vc.ru>

References:

Akhmanova, O. S. Dictionary of linguistic terms. M., 1966. 512 p.
Vinogradov V. S. Introduction to translation studies (general and lexical issue). Moscow: Publishing House of the Institute of General Secondary Education, RAO, 2001. 224 p.
Vlakhov S. I., Florin S. P. Untranslatable in translation. Moscow: International Relations, 1980. 343 p.
Garbovsky N. K. Theory of translation. 2nd ed., Moscow: Moscow University Publishing House, 2007, 544 p.
Genieva E. Y. Afterword // Foreign literature, 1979, No. 3. pp. 185-189.
Gritsanov A. A., Abushenko V. L., Evelkin G. M., Sokolova G. N., Tereshchenko O. V. / Sotsiologiya: Enciklopediya, 2003.
Kimpelainen E. I. Socio-psychological effectiveness of negotiations. St. Petersburg, 1996, 157p.
Haugen, E. The process of borrowing // New in linguistics. -1972. - No. 6. - pp. 344-382.
The responsibility of talent: A word to the writers of the world. John Fowles // Foreign literature, 1982, no. 4. pp. 165-168.
<https://vc.ru>

Потапова Анастасия Максимовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Potapova Anastasia
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА: ПЕРЕВОД И РЕЦЕПЦИЯ ЖАНРА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

HELLENISTIC EPIGRAM: TRANSLATION AND RECEPTION OF THE GENRE IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

В статье рассмотрена эволюция интерференции жанра эллинистической эпиграммы в русском литературном сообществе первой трети XIX века. В ходе сравнительного анализа на материале автоэпитафии А.С. Пушкина и эпиграмм поэтов Александрийской школы выявлены основные приёмы художественной адаптации жанра: внимание к античным формулам на лексическом уровне, мотивы рода, праздности и наслаждения на тематическом уровне, обман горизонта читательских ожиданий.

Также рассмотрены источники и степень влияния античного жанра на развитие литературного процесса в России начала XIX века на основании свидетельств современников поэта. В статье затронуты вопросы, насколько читатель Пушкинской эпохи был знаком непосредственно с текстом эпиграмм Палатинской Антологии при чем не только в переводе, но и в оригинале, и какова была роль греческой эпиграммы эллинистической эпохи в просвещении и литературной полемике о пути развития русской словесности.

The article examines the evolving interference of the genre of the Hellenistic epigram in the Russian literary community in the first third of the XIX century. In the course of a comparative analysis based on the autoepitaph of A. Pushkin and the epigrams of the poets of the Alexandrian school, the main means of artistic adaptation of the genre are revealed: attention to ancient formulas at the lexical level, motives of kin, idleness and pleasure at the thematic level, deceiving the horizon of readers' expectations.

The sources and degree of influence of the ancient genre on the development of the literary process in Russia at the beginning of the century are also considered on the basis of the testimonies of the poet's contemporaries. The article raises questions about the degree at which the reader of the Pushkin era was conversant with the text of the epigrams of the Palatine Anthology, not only in translation, but also in the original, and the role that the Greek Hellenistic epigram played in enlightenment and literary polemics.

Ключевые слова: эллинистическая эпиграмма, Каллимах, А.С. Пушкин, Греческая Антология.

Key words: Hellenistic epigram, Callimachus, Pushkin, Greek Anthology.

Начало XIX века в литературной жизни России было ознаменовано дискуссией и противостоянием различных кружков и обществ за право выбора пути развития русской словесности. И жанр эпиграммы оказался неким компромиссом, к которому проявили интерес и как «архаисты», так и «карамзинисты»⁵². При этом важно учесть отличия в восприятии термина «эпиграмма» современными читателем и читателем пушкинской эпохи. Если мы обратимся к словарю литературных терминов, то эпиграмма – это

---

⁵² Термин Ю.Н. Тынянова «Архаисты и Пушкин» стр. 23 – 122// Ю.Н. Тынянов «Пушкин и его современники»

«небольшое по объему стихотворение, выдержанное в сатирическом, саркастическом или юмористическом модусах художественности, характеризующееся использованием приёмов субъективного остроумия и, как правило, неожиданной финальной остротой (pointe)» [Тамарченко, 2008, с. 305]. Однако, как справедливо отмечено в цитируемой статье, стоит различать эпиграмму новоевропейского и античного образца. В древнегреческой эпиграмме ни классического периода, ни эллинистического сатирический модус и наличие финальной остроты не являются необходимыми условиями жанра. Сам жанр эпиграммы не раз претерпевал изменения ещё во времена Древней Греции. Появившись как посвятельная надпись на физическом предмете греческая эпиграмма, в зависимости от содержания и предмета изображения, распределяется на несколько жанров: посвятельные, эпиникии (эпиграммы на победу), симпотические (застольные) и т.д. Жанр эпитафии (надгробной надписи) тоже мог иметь свои разновидности, как, например, кенотаф – надпись на пустой могиле, когда покойный, например, погибал в море, автоэпитафия⁵³. В эллинистическую эпоху эпиграмма становится книжной, рассчитанной на прочтение и восприятие не случайным прохожим, а утонченным читателем, и Каллимах (310–240 гг. до н.э.)⁵⁴, поэт раннеэллинистической эпохи, глава александрийской школы, исповедовавший принцип изысканного содержания при краткости формы, не мог оставить эпиграмму без внимания. Эпиграммы Каллимаха будут служить литературными образцами и для более поздних поэтов. Основным источником эпиграмм Каллимаха, по нынешний день, остается собрание эпиграмм различных поэтов на греческом языке, известное под названием Палатинская или Греческая Антология, составленная византийским ученым Константином Кефалой в X веке и открытой в библиотеке Гейдельберга французским ученым Клавдием Салмазием в XVII (Клод де Сомез) (1606/7 г.) [Петровский, 1960, с. 18].

Сатирический же модус появился достаточно поздно и уже в римской литературе: в I в. н.э., в творчестве Марциала (40–104 гг. н.э.), когда эпиграмма становится по-настоящему злой, и именно она послужит прародительницей эпиграммы новоевропейского образца. В то время как подзабытая в европейской литературе эпиграмма греческого образца становится предметом тщательного изучения, подражания, адаптации и перевода в русском литературном сообществе XIX века. Над возрождением жанра работают А.С. Пушкин, К.Н. Батюшков, А. А. Дельвиг. Основные принципы

---

⁵³ Более подробно о греческой эпиграмме см. Н.А. Чистякова стр. 325–365.

⁵⁴ Более подробно о биографии и принципах литературной программы Каллимаха см. В.П. Завьялова «Каллимах и его гимны». М.: ГЛК, 2009.

адаптации жанра можно проследить при сопоставлении автоэпитафии А. С. Пушкина и Каллимаха.

Эпиграмма «Моя эпитафия» – одно из ранних, лицейских произведений Пушкина, опубликованное в 1815 г. в сборнике «Российский музеум». Что же могло послужить образцом для создания стихотворения в подобном жанре, помимо эпиграммы Нового времени?

МОЯ ЭПИТАФИЯ

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век,
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек⁵⁵.

И здесь, изучая генезис эпитафии молодого поэта, мы не можем вспомнить такой жанр эпитафии как автоэпитафия. В Палатинской Антологии имитацию надгробной надписи на собственной могиле мы встречаем среди эпиграмм Каллимаха (AP 7, 415).

Βαττιάδεω παρὰ σῆμα φέρεις πόδας,
εὖ μὲν ἀοιδὴν εἰδότος, εὖ δ' οἴνω καίρια συγγελάσαι⁵⁶.

Баттова сына могилу проходишь ты, путник. Умел он
Песни слагать, а подчас и за вином не скучать.

(Пер. Л.В. Блуменау)⁵⁷

Данную автоэпитафию следует рассматривать вместе с другой эпитафией Каллимаха к собственному отцу. Отец Каллимаха, упомянутый им в другой своей эпитафии (AP 7, 525), великий полководец. Каллимах следует канону эпитафии и упоминает родителя и род умершего. И здесь упоминание предка, прославившегося в ратных подвигах, идет в противопоставление с подвигами сына на поэтическом поприще. Сын выбрал себе другой путь и прославил свой род не военными, а творческими заслугами.

Каллимах использует неологизм «συγγελάω», буквальное значение которого «рассмеяться вместе», «разделить смех». Основная функция симпотической эпиграммы данного периода – вызвать смех сотрапезников. Появление автоэпитафии на пиру также не противоречит античной традиции, так как застольная песнь изначально была связана с культом поминовения усопших, а в застольной книжной эпиграмме IV–III вв. до н.э.

⁵⁵ Цитировано по А.С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. Под общей редакцией Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 1. Стихотворения 1814–1822.

⁵⁶ Цитировано по [Paton].

⁵⁷ Цитировано по [Петровский Ф.А.].

обстановка пира становится всего лишь формальной художественной реальностью. Более поздние современники также обращаются к жанру автоэпитафии. Автоэпитафии писали упомянутый выше Леонид Тарентский (320 – 260 гг. до н. э.) (АР 7, 715) и поэтесса Носсида (320–300 гг. до н.э.) (АР 7, 718). Позже, в I в. н.э. автоэпитафии писал греческий поэт Мелеагр (130 до н.э.–ок. 70/60 до н. э) (АР 7, 417–19 & 421). В римское время жанр автоэпитафии восприняли Энний (Cic. Tusc. 1, 34 = *Varia* 15-18 Vahlen), Невий, Плавт (Gell. NA 1, 24, 3) и одна автоэпитафия приписывается авторству Вергилию (Suet. Vita Virgili 36) [Kanellou]. В жанре эпитафии прослеживается определенная композиция: обращение к прохожему, наименование усопшего, рода усопшего и перечисление доблестей (ἀρετή). Подобный жанр автоэпитафии, содержащий в себе обращение последующим поколениям, позволяет поэту донести до читателя свои основные принципы своей поэтики и литературной программы и подсказывает в каком ключе, следует трактовать его творчество.

В эпиграмме Пушкина мы также находим мотивы рода, он называет себя по фамилии: «Здесь Пушкин погребен» [Афанасьева, 2009, с. 7–11]. Затем следует изложение принципов поэтики собственного творчества. Его Муза посвящена вину и любви, радостям жизни: «он с музой молодою, / С любовью, ленью провел веселый век». Пушкин относит себя к наследникам Анакреотической поэзии. Выбор творческого пути отнюдь не праздный вопрос. Примечательно, что греческая эпиграмма становится предметом литературного диспута. К.Н. Батюшков навещает молодого лицеиста и пытается сместить фокус внимания поэта с анакреотической тематики на тематику военную⁵⁸. В стихотворении Пушкина 1815 г. «Батюшкову», перед молодым поэтом возникает дилемма, избрать ли ему Музу, облаченную в военные доспехи, либо продолжить воспевать мирную жизнь:

Ты хочешь, чтобы, славы
Стезю полетев,
Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

Антитеза война – мирная жизнь лежит, как в основе эпиграммы Каллимаха, так и в лирике 1815 г. А. С. Пушкина. И поэт в автоэпитафии уверенно делает выбор в пользу Музы лени и вина. Это сближает поэзию Пушкина с лирикой Анакреонта, при этом

---

⁵⁸ Цит. по Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 1. Стихотворения, 1813–1820. – С. 100.). Примечание: Томашевский Б.В., стр. 451.

Анакреонт и анакреотические лейтмотивы вина и любви пользовались невероятной популярностью именно в эллинистическое время. Подтверждением этого служит возникновение множества подражаний поэзии Анакреонта, «анакреотика» относится именно к эллинистическому времени. Леонид Тарентский (AP XVI 307), например, пишет эпитафию Анакреонту, где Анакреонт изображен хмельным от вина. Поэты александрийцы тоже отказываются воспевать «войны кровавый пир» и выбирают более мирную тематику. Каллимах определяет как одну из главной заслуг своей поэзии – умение вызвать смех за вином «εὖ δ' οἴνω καίρια συγγελάσαι». Подобная формула «εὖ μὲν ἀοιδὴν εἰδότος, / εὖ δ' οἴνω καίρια συγγελάσαι» (букв. «умелый как в песне, так и в час вина в потехе») повторяется и в творчестве более поздних современников Каллимаха Дамагета (AP VII 355) и Леонида Тарентского (AP VII 440).

Если первые строки эпитафии Пушкина следуют жанровым канонам антологической, греческой эпиграммы, то финальные строки могут быть рассмотрены как дань жанру эпиграммы нового образца, финал которой должен содержать сатирическую остроту:

Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек.

Подобное описание жизни короткой, бесславной, но при этом лишенной всякого зла встречается и в эпитафии Каллимаха. Так, некий Микил не совершил ничего путного, «доброго» «οὔτε τι δεινὸν ῥέζων», но при этом и «преступного» «οὔτ' ἀδικῶν οὐδένα» тоже не совершал.

εἶχον ἀπὸ σμικρῶν ὀλίγον βίον οὔτε τι δεινὸν
ῥέζων οὔτ' ἀδικῶν οὐδένα. γαῖα φίλη,
Μικύλος εἶ τι πονηρὸν ἐπῆνεσα, μήτε σὺ κούφη
γίνεο μήτ' ἄλλοι δαίμονες οἱ μ' ἔχετε.

A.P. VII. 460.

47. ЭПИТАФИЯ МИКИЛУ

Скромно и скудно я прожил, однако постыдным поступком
Не обижал никого. Просьба тебе, о Земля!
Ты и все божества, которым подвластен я, в тягость
Станьте моим костям, зло коль одобрил Микил.

А формула «добрый человек» на лексическом уровне отсылает нас к античной формуле прославления умершего. Так, Каллимах призывает не называть добродетельных, добрых людей умершими:

θνήσκειν μὴ λέγε τοὺς ἀγαθοὺς.

τῆδε Σάων ὁ Δίκωνος Ἀκάνθιος ἱερὸν ὕπνον
κοιμᾶται. θνήσκειν μὴ λέγε τοὺς ἀγαθοὺς.

А.Р. VII 451.

41. ЭПИТАФИЯ САОНУ

Здесь почивает Саон, сын Дикона, аканфянин родом.

Сон добродетельных свят, — мертвыми их не зови.

Бесспорно, последними двумя строками Пушкин придает эпитафии иронический модус, который с одной стороны, не противоречит канонам греческой эпиграммы, а с другой стороны, сближает её со вкусами читателя, знакомого с эпиграммой новоевропейской. Иронический модус также достигается не только благодаря просторечью «ей-богу» [Мурьянов, 1995, с. 51–56], но и с помощью обмана горизонта читательских ожиданий [Jauss, Benzinger, 1970, с. 7–23]. Но каков был этот горизонт ожидания у читателя? Конечно, читатель XIX века уже был знаком с западно-европейской эпиграммой Нового времени и ожидает остроты, но в автоэпитафии подобное правило не всегда исполнялось. Если автоэпитафия Ронсара носит шуточный характер, то Державин в своей автоэпитафии 1804 года не столь ироничен.

НА ГРОБ N. N. [1]

Сребра и злата не дал в лихву

И с неповинных не брал мзды,

Коварством не вводил в ловитву

И не ковал ничьей беды;

Но верой, правдой вержа злобу,

В долгу оставил трех царей.

Приди вздохнуть, прохожий, к гробу,

Покоищу его костей.

И второй не менее важный вопрос: был ли читатель Пушкина и сам Пушкин непосредственно знаком с греческой эпитафией и автоэпитафией Каллимаха? В оригинале или в переводе? Ведь автоэпитафия написана до публикации переводов Дашкова и К. Н. Батюшкова, выполненных по инициативе С.С. Уварова. Поскольку читатель, знакомый с канонами греческой эпитафией будет иметь один горизонт ожиданий, отличный от читателя с греческой античной эпиграммой незнакомого.

Полное издание Палатинской Антологии с французскими переводами появилось в Европе достаточно поздно, в 1846 г., но переводы на отдельные эпиграммы из Греческой Антологии появлялись как в немецкой, французской, так и в конце XVIII века и в русской литературе. Так, источником для Г.Р. Державина перевода эпиграммы Мариана «Горючий

ключ» стали немецкие переводы избранных эпиграмм Палатинской Антологии Гердера [Алексеев, 1975, с. 233]. Таким образом, уже в конце XVIII в. греческая эпиграмма, пусть даже в переводе, была доступная русскому читателю. Примечательно, что в издании Гердера перевод автоэпитафии Каллимаха на немецкий язык также приведен [Herder, 1785–1787 (vol.1), с. 82].

В ходе занятий по словесности в Царскосельском лицее Пушкин также мог ознакомиться, пусть даже поверхностно, с греческой эпитафией. Преподаватель А.С. Пушкина, профессор Н.Ф. Кошанский, издал в 1811 г. ряд переводов Мосха и Биона. И хотя авторы принадлежат уже к эпохе позднего эллинизма, Н.Ф. Кошанский упоминает эпоху Птолемея и александрийских поэтов в предисловии [Кошанский, 1911, с. 5–6]. Также в предисловии Н.Ф. Кошанский упоминает издания, которые послужили источниками его переводов [Кошанский, 1911, прим. XXVII]. Одно из таких изданий – это издание Brunck, *Analecta Veterum Poetarum Graecorum* избранных произведений греческой античной литературы на языке оригинала и эпиграммы Каллимаха также включены [Brunck, 1772 (vol. I), с. 423–475].

Таким образом, автор адресует эпитафию читателю, знакомому с эпиграммой Греческой Антологии. Однако вместо привычного заключительного описания «доблести» «добродетельного», «доброего», что соответствует греческому ἀγαθός, умершего мы встречаем ироничное «ей Богу, добрый человек».

Пушкин следует определенным каноном греческой автоэпитафии на уровне мотивов: в автоэпитафии представлен и мотив рода, и мотивы анакреонтической поэзии как краткое изложение литературной программы. Однако в последних строках Пушкин отходит от канона греческой эпитафии и добавляет финальную остроту вместо традиционного описания доблести умершего, использует антитезу от античной формулы «добрый человек». Стоит также отметить несоответствие стихотворного размера. Автоэпитафия Пушкина написана разностопным ямбом (таким же размером Жуковский пытался переложить эпиграммы на русский язык) [Литинская, 2017, с. 224].

Эпиграмма Пушкина «Моя эпитафия» 1815 г. является попыткой адаптации именно греческой, антологической эпиграммы на русской почве. Интерес же к греческой эпиграмме существовал в российском литературном сообществе и до появления эпиграммы Пушкина, как было упомянуто выше, и после. Эпоха неоклассицизма в России ознаменована интересом именно к греческой поэзии. Д.В. Дашков, С.С. Уваров – литературные деятели, которые, помимо государственной службы, изучали углубленно древнегреческий язык [Виттекер, 1999, с. 36–40]. По инициативе Уварова издается собрание переводов эпиграмм из Палатинской Антологии. Уваров, еще со времен

Оленинского кружка, считал греческую словесность – наиболее подходящей основой для литературной адаптации новых жанров в России, поскольку с одной стороны, она связана с западноевропейской, римской литературой, с другой, отлична от латинского мира, близка нам своим византийством, также он заимствовал эту идею у геттенгенских профессоров [Виттекер, 1999, с. 36]. К.Н. Батюшков, работавший с подстрочным переводом С.С. Уварова, и Д.В. Дашков также поддержали данную инициативу в 1820 г. Переводы Палатинской Антологии были благосклонно восприняты публикой и достаточно известны. Общий интерес к греческой эпиграмматической поэзии К.Н. Батюшкова и А.С. Пушкина была отмечена и современником поэтов В.К. Кюхельбекером. После выхода переводов из Греческой Антологии В.К. Кюхельбекер даже задается вопросом, кто является автором переводов: «молодой ли певец Руслана» или же Батюшков» [Королева, Рак, 1979, с. 451]. А в 30-х годах были опубликованы переводы, выполненные В.С. Печериным [Петровский, 1960, с. 29].

Сам же А.С. Пушкин затем снова обращается к жанру именно греческой эпиграммы в сборнике «Анфологические эпиграммы». И если «Моя эпитафия» – это попытка адаптировать жанр в русской поэзии на уровне тем и мотивов, то в «Анфологических эпиграммах» поэт адаптирует греческие эпиграммы как по содержанию, так и по форме. «Анфологические эпиграммы», подобно древнегреческой эпиграмме, написаны уже элегическим дистихом [Мальчукова, 1986, с. 63–82].

Список литературы:

- Алексеев М.П.* Державин и сонеты Шекспира / М.П. Алексеев // XVIII век. Сборник 10. Русская литература XVIII века и её международные связи. Памяти чл.-кор. АН СССР Павла Наумовича Беркова. Ред. колл.: М.П. Алексеев, Д.С. Лихачев, Г.П. Макогоненко, И.З. Серман. Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отд-ние, 1975. С. 226–235.
- Афанасьева Э.М.* Мифологема родового имени в лицейской лирике Пушкина / Э.М. Афанасьева // Вестник Томского Государственного университета. № 329, 2009. С. 7–11.
- Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Ц.Х. Виттекер // Перевод с англ. Н.Л. Лужецкой. Спб.: «Академический проект», 1999. 350 с.
- Завьялова В.П.* Каллимах и его гимны / В.П. Завьялова. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2009. 552 с.
- Королева Н.В., Рак В.Д.* В.К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи / Н.В. Королева, В.Д. Рак. Л.: Наука, 1979. 792 с.
- Кошанский Н.Ф.* Цветы греческой поэзии / Н.Ф. Кошанский. М.: В университетской типографии, 1811. 363 с.
- Литинская Е.Г.* Жанр эпиграммы в творчестве В.А. Жуковского / Е.Г. Литинская // Вестник Нижегородского университета Н.И. Лобачевского. 2017. С. 222–226.
- Мальчукова Т.Г.* О жанровых традициях в «Анфологических эпиграммах» А.С. Пушкина / Т.Г. Мальчукова // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1986. С. 63–82.
- Мурьянов М.Ф.* Пушкинские эпитафии / М.Ф. Мурьянов. М.: Наследие, 1995. 112 с.
- Петровский Ф.А.* Греческая эпиграмма / Ф.А. Петровский // Под ред. и с вступ. ст. Ф. Петровского. Сост. Ф. Петровского и Ю. Шульца. М.: Гослитиздат, 1960. 487 с.

- Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. / А.С. Пушкин. Л.: Наука, 1977. Т. 1. Стихотворения, 1813–1820.
- Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10 томах / А.С. Пушкин // Под общей редакцией: Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 1. Стихотворения 1814–1822.
- Тамарченко Н.Д.* Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Н.Д. Тамарченко // Гл. научн. ред. Н. Д. Тамарченко. М. издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
- Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники / Ю.Н. Тынянов. М.: Наука, 1969. 424 с.
- Чистякова Н.А.* Греческая эпиграмма / Н.А. Чистякова. Спб.: Литературные памятники, 1993. 449 с.
- Brunck R.F.P.* *Analecta Veterum Poetarum Graecorum Bibliopolium Academicum* [Электронный ресурс] – 1772. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=ErU-AAAAcAAJ&hl=ru&source=gbs_similarbooks.
- Herder J.H.* *Zerstreute Blätter von J. G. Herder.* Gotha: Carl Wilhelm Ettinger [Электронный ресурс] – 1785–1787. Vol. 1–3. Режим доступа: <https://lib.ugent.be/catalog/rug01:001752414>.
- Jauss H.R., Benzinger E.* *Literary History as a Challenge to Literary Theory.* *New Literary History.* Vol. 2, No. 1, A Symposium on Literary History, 1970. P. 7–37.
- Kanellou M.* *Metapoetics in Epitaphs on Poets and Self-Epitaphs* [Электронный ресурс] // *Dictionnaire des images méapoétiques anciennes*, eds. Jean-Philippe Guez, Florence Klein, Jocelyne Peigney and Évelyne Prioux, *Classiques Garnier* (forthcoming). Режим доступа: https://www.academia.edu/34694216/Metapoetics_in_Epitaphs_on_Poets_and_Self_Epitaphs_pdf.
- Paton W.R.* (translated) *The Greek Anthology, With an English Translation.* Loeb Classical Library edition, in Greek and English; London: W. Heinemann; New York, G.P. Putnam's Sons, 1916–1918.

References:

- Afanas'eva Eh.M.* *Mifologema rodovogo imeni v licejskoj lirike Pushkina* / Eh.M. Afanas'eva // *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta.* № 329, 2009. P. 7–11. (In Russian).
- Alekseev M.P.* *Derzhavin i sonety Shekspira* / M.P. Alekseev // XVIII vek. Sbornik 10. Russkaya literatura XVIII veka i eyo mezhdunarodnye svyazi. Pamyati chl.-kor. AN SSSR Pavla Naumovicha Berkova. Red. koll.: M.P. Alekseev, D.S. Likhachev, G.P. Makogonenko, I.Z. Serman. L.: Izd-vo «Nauka». Leningradskoe otd-nie, 1975. P. 226–235. (In Russian).
- Brunck R.F.P.* *Analecta Veterum Poetarum Graecorum Bibliopolium Academicum* [Electronic resource] – 1772. – Available at: https://books.google.ru/books?id=ErU-AAAAcAAJ&hl=ru&source=gbs_similarbooks.
- Chistyakova N.A.* *Grecheskaya ehpigramma* / N.A. Chistyakova. Spb.: Literaturnye pamyatniki, 1993. 449 p. (In Russian).
- Herder J.H.* *Zerstreute Blätter von J. G. Herder.* Gotha: Carl Wilhelm Ettinger [Electronic resource] – 1785–1787. Vol. 1–3. Available at: <https://lib.ugent.be/catalog/rug01:001752414>.
- Jauss H.R., Benzinger E.* *Literary History as a Challenge to Literary Theory.* *New Literary History.* Vol. 2, No. 1, A Symposium on Literary History, 1970. P. 7–37.
- Kanellou M.* *Metapoetics in Epitaphs on Poets and Self-Epitaphs* [Electronic resource] // *Dictionnaire des images méapoétiques anciennes*, eds. Jean-Philippe Guez, Florence Klein, Jocelyne Peigney and Évelyne Prioux, *Classiques Garnier* (forthcoming). Available at: https://www.academia.edu/34694216/Metapoetics_in_Epitaphs_on_Poets_and_Self_Epitaphs_pdf.
- Koroleva N.V., Rak V.D.* V.K. Kyukhelbeker. *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* / N.V. Koroleva, V.D. Rak. L.: Nauka, 1979. 792 p. (In Russian).
- Koshanskij N.F.* *Cvety grecheskoj poehzii* / N.F. Koshanskij. M.: V universitetskoj tipografii, 1811. 363 s.
- Litinskaya E.G.* *Zhanr ehpigrammy v tvorchestve V.A. Zhukovskogo* / E.G. Litinskaya // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta N.I. Lobachevskogo.* 2017. P. 222–226. (In Russian).
- Mal'chukova T.G.* *O zhanrovyykh traditsiyakh v «Anfologicheskikh ehpigrammakh» A.S. Pushkina* / T.G. Mal'chukova // *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya.* Petrozavodsk, 1986. P. 63–82. (In Russian).
- Mur'yanov M.F.* *Pushkinskie ehpitafii* / M.F. Mur'yanov. M.: Nasledie, 1995. 112 p. (In Russian).
- Paton W.R.* (translated) *The Greek Anthology, With an English Translation.* Loeb Classical Library edition, in Greek and English; London: W. Heinemann; New York, G.P. Putnam's Sons, 1916–1918.

- Petrovskij F.A.* Grecheskaya ehpiogramma / F.A. Petrovskij // Pod red. i s vstup. st. F. Petrovskogo. Sost. F. Petrovskogo i YU. Shul'ca. M.: Goslitizdat, 1960. 487 p. (In Russian).
- Pushkin A.S.* Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. / A.S. Pushkin. L.: Nauka, 1977. T. 1. Stikhotvoreniya, 1813–1820. (In Russian).
- Pushkin A.S.* Sobranie sochinenij v 10 tomakh / A.S. Pushkin // Pod obshej redakciej: D.D. Blagogo, S.M. Bondi, V.V. Vinogradova, YU.G. Oksmana. M.: GIKHL, 1959–1962. Tom 1. Stikhotvoreniya 1814–1822. (In Russian).
- Tamarchenko N.D.* Poehtika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij / N.D. Tamarchenko // Gl. nauchn. red. N. D. Tamarchenko. M. izdatel'stvo Kulaginoj; Intrada, 2008. 358 p. (In Russian).
- Tynyanov Yu.N.* Pushkin i ego sovremenniki / Yu.N. Tynyanov. M.: Nauka, 1969. 424 p. (In Russian).
- Vitteker C.Kh.* Graf Sergej Semenovich Uvarov i ego vremena / C.Kh. Vitteker // Perevod s angl. N.L. Luzheckoj. Spb.: «Akademicheskij proekt», 1999. 350 p. (In Russian).
- Zav'yalova V.P.* Kallimakh i ego gimny / V.P. Zav'yalova. M.: Greko-latinskij kabinet YU.A. Shichalina, 2009. 552 p. (In Russian).

Пхитиков Хаути Мухарбиевич
КБГУ имени Х.М. Бербекова
г. Нальчик (Россия)

Pkhitikov Khauti
KBSU named after H. M. Berbekov
Nalchik (Russia)

АРТЕФАКТЫ ДРЕВНЕЙ КАБАРДЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

THE ARTIFACTS OF ANCIENT KABARDA THROUGH THE PRISM OF TIME

Данная статья посвящена исследованию древнего артефакта, найденного в Баксанском ущелье Кабардино-Балкарской Республики, и древнего письма на артефакте. Артефакт, в виде цилиндра, на котором изображены древнеиндийские письмена Брахми с вкраплением в письмо египетских, хаттских, эламских, хараппских, финикийских, этрусских, готских и местных тамгических знаков. Для дешифровки древних письменностей на артефакте были использованы вышеперечисленные письмена с привлечением кабардино-черкесского языка (абхазо-адыгская языковая группа) к чтению и осмыслению исторических событий древних жителей Баксанского ущелья. Исследование древнего языка на артефакте носит сопоставительный характер, базирующийся на анализе языковых единиц. К анализу текстов также привлечены приёмы системного анализа, моделирования, описательного и количественного методов для выявления сходств, древнеиндийского письма с кабардино-черкесским языком. Исследование выявляет типологическое и семантическое сходство древнеегипетского языка с языками абхазо-адыгской языковой группы, в частности с кабардино-черкесским языком. Привлечение кабардино-черкесского языка даст объективную картину событий, происходивших в далёком прошлом XVIII-XVII веке до н. э.

This article is dedicated to the study of the ancient artifact found in the Baksan gorge of the Kabardino-Balkar Republic and the ancient inscription on the artifact. The artifact is in the form of a cylinder, which depicts ancient Indian Brahmi scripts interspersed with Egyptian, Hattian, Elamite, Harappan, Phoenician, Etruscan, Gothic and local Tamgic signs.

To decipher the ancient scripts on the artifact, the above-listed scripts were used with the involvement of the Kabardino-Circassian language (the Abkhazian-Adyghe language group) in reading and understanding the historical events of the ancient inhabitants of the Baksan gorge. The study of the ancient language on the artifact is of a comparative nature, based on the analysis of language units. The analysis of texts also involves the techniques of system analysis, modeling, descriptive and quantitative methods to identify similarities between the ancient Indian script and the Kabardino-Circassian language. The study reveals the typological and semantic similarity of the ancient Egyptian language with the languages of the Abkhazian-Adyghe language group, in particular with the Kabardino-Circassian language. The involvement of the Kabardino-Circassian language will give an objective picture of the events that took place in the distant past of the XVIII-XVII century BC.

Ключевые слова: Цилиндр, письмо Брахми, кабардино-черкесский язык, генетическое родство, семантическое сходство, сопоставительный характер.

Key words: Cylinder, Brahmi script, Kabardino-Circassian language, genetic relatedness, semantic similarity, comparative character.

Данный артефакт, цилиндрической формы, был найден в Кабардино-Балкарии. Фотографии артефакта были переданы владельцем для анализа в организацию Космопоиска, которые были обработаны и упорядочены с пометками, сделана развёртка А. Сплошным основным таблицы символов.

Цилиндр представляет собой полупрозрачный стержень из неизвестного материала. Длина 19 см, объем в окружности 2 см, вес 27 граммов. По внешнему виду напоминает обработанный кристалл (искусственный алмаз), на котором в виде таблицы начертаны множество символов (размер таблицы 9x15 ячеек). Символы представляют собой смешанный стиль египетского, хаттского, эламского, харалпского, финикийского, Брахми, этрусского, готского и местного тамгического письма. Материал цилиндра представляет собой потемневший полупрозрачный кристалл с коричневым оттенком говорящий о том, что артефакт древний.

Цилиндр имеет плотную неоднородную структуру и напоминает оптоволоконное стекло со строго продольными мелкими трещинами. Структура трещин неравномерная. Цилиндр обладает высокой прочностью и твердостью, и с лёгкостью царапает стекло и хрусталь. Обладает сверхвысокой проводимостью света.

Артефакт был найден много лет назад в горах Баксанского ущелья, изначально имел серебряный футляр снизу, сверху из более драгоценного металла, предположительно золото, которое наверху раздваивалось, и образовывало форму в виде головы с двумя рогами. К сожалению, футляр со временем был утрачен. Футляр был несъемный и крепился к цилиндру кольцами сверху и снизу, при этом, цилиндр внутри футляра поворачивался.

Большая таблица состоит из 126 символов древнего языка и 9 числовых обозначений, которые расположены в верхнем ряду и обозначают набор цифр от 1 до 9, расположенных слева направо по возрастанию. Числа обозначены точками, как в древних клинописных текстах Месопотамии раннего периода, разбитых между собой в табличках.

Очень интересным и интригующим фактом является изображения лиц мужчины и женщины и лик пришельца, полигональная ростовая фигура в виде балахона может означать Мессию.

Мужское и женское лицо напоминает короля и королеву, что является само собой волнующим фактом, так как никаких письменных источников имён кроме как фольклорных и топонимических не осталось.

На нижней части цилиндра есть две схемы из точек с насечками. Первая насечка состоит из точек разного диаметра, выстроенных в линию. Она напоминает строение нашей Солнечной системы состоящих из 9 нам известных планет. Насечками обозначены орбиты планет. В этой схеме есть две маленькие точки, обозначающие две планеты, о наличии которых неизвестно современной науке. На цилиндре обозначены 2 пояса астероидов.

Вторая схема имеет выстроенные в линию точки, пропорционально возрастающие с одной стороны схемы к другой. По имеющимся данным можем предположить, что они являются схемой какой-то другой солнечной системы.

Рядом располагается изображение двух крестов, пересекающихся в середине. Концы одного креста имеют 4 закругления на концах. В центре пересечения крестов – большая окружность. Скорее всего, это может быть звёздная карта, либо так обозначена восьмиконечная звезда, что в христианстве означает Вифлеемскую звезду или символ Рождения Иисуса Христа.

По Священному Писанию она зажглась на небе, когда появился на свет Мессия. Ее восемь лучей были ярче других звезд. Увидев их, древние мудрецы (волхвы) вспомнили пророчества и поняли, что долгожданный Спаситель родился. Они поспешили на восток поклониться Сыну Божьему. Вифлеемская звезда указывала старцам путь, двигаясь впереди, пока не остановилась над тем местом, где появился на свет Иисус. В пещере Рождества Христова есть Вифлеемская звезда. Сколько лучей на ней, известно доподлинно. Место появления Иисуса на свет указывает серебряная звезда с четырнадцатью лучами. Это число неслучайно. Оно символизирует остановки на Крестном пути Иисуса в Иерусалиме⁵⁹. Именно 14 строк с символами имеется на цилиндре.

Для дешифровки данного письма были использованы алфавиты египетского, хаттского, эламского, хараппского, финикийского, Брахми, этрусского⁶⁰, готского⁶¹ и местного тамгического [Чуяко, 2012, с. 224]. Так как основная часть письма написана Брахми, хотелось бы напомнить о ней.

Письменность Брахми одна из древнеиндийских разновидностей словесно-слогового письма, которая использовалась вплоть до III века н.э. и, как правило, читалась и писалась слева направо. В конце XVIII века была дешифрована английским учёным Джеймсом Принсепом. Среди учёных лингвистов существует двоякое мнение, что время возникновения Брахми точно неизвестно, но наиболее вероятной датой можно считать — VIII или VII в. до н.э. [Diringer, 1968, с.452]. Однако некоторые учёные считают письменность Брахми протоиндийской письменностью, возникшей в III—II тыс. до н.э.

---

⁵⁹ <https://fb.ru/article/176877/vosmikonechnaya-zvezda-znachenie-vosmikonechnaya-zvezda-v-pravoslavii>

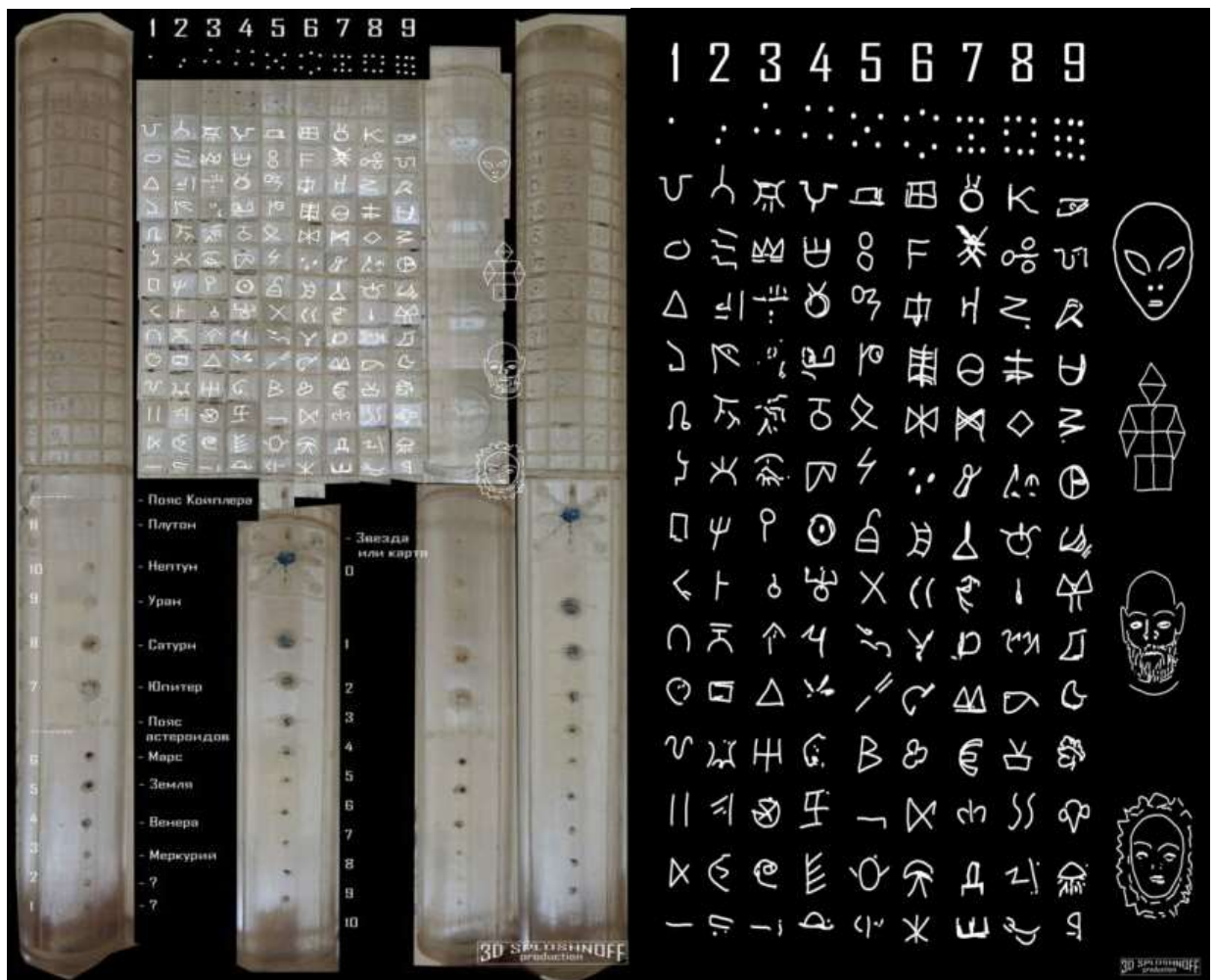
⁶⁰ <http://www.garshin.ru/linguistics/scripts/index.html>

⁶¹ https://spravochnick.ru/yazykoznanie_i_filologiya/gotskaya_pismennost_i_ee_osobennosti/

[Дерингер, 1963.]

Представляю фотографию самого цилиндра в развернутой форме с символами, транслитерацию, чтение на кабардино-черкесском языке и перевод на русский язык.

Транслитерация текста (X.П.):

1. Та maz Nart-ti han qa-gu kha-ĥ

2. I-šu p-schi Ra-ti qai Hâat-ua-ti
3. E-qi man Ghut schiñ-si Mu
4. Pa Ur-ti Sa-ra hi-qabz kha-fa nahu-schihu kho-fa scha-la-ghua-lar
5. Sa schi-ha-kua Thâ-zî-ua dim Nod nahu-si
6. Da-da i-nau Rai schi-lha u-na
7. Bagh I Thâ pa-ma U-ma
8. U-na Ua-kha Thâ ghu-sa hâ-ra-ua lid
9. In Ta schigh a Ur khu-ra-ti
10. Thâ ba eb-zht schit ha-ku diu
11. Ta a ghi sa-bii bin-t Maya
12. Tu a ghi qau Mu kha-šu lu
13. Mut Ra kua-ma kua Nod šu
14. Na-nau Ku li-zh Me-si Ra

Читаем по кабардино-черкесски:

1. Та мэз Нартти хэн джэгу къахь
2. Ишу пщы Рати джэи Хьэтуэти
3. Еджи мэн Гьут щихьси Му
4. Пэ Урти Сарэ хьыджэбз къафэ
нэхушыху къофэ щалэгьуалэр
5. Сэ щыхьэкIуэ Тхьэзыуэ дим Нэд нэхуси
6. Дадэ инэу Раи щIыльэ унэ
7. Багь и Тхьэ пэмэ Умэ...
8. Унэ Уакьэ Тхьэ гьусэ хьэрауэ лыд
9. Ин Та щыгь а Ур къурэти
10. Тхьэ бэ ебжьт щыт хэку диу
11. Та а гьы сабий бынт Мая
12. ТIу а гьы джэу Му къашу лIы
13. Мут Ра кIуэмэ кIуа Нэд шу
14. Нанэу Ку лIьжь Меси Ра

Перевод на русский язык:

1. Величественный лес Нартов праздник пришел
2. Свита сопровождает царя Ра молятся Хатты
3. Молится жрец Гот святым Муйцам

4. Из первого Ура Сара девичий танец танцует молодёжь
5. Я мессия един Бог корабль из Нода ясного
6. Царь любимец Ра в земном доме
7. Баг Бога первенец Умы
8. В доме Уа с Богом человек светлый
9. Всемогущий Та плачет в Уре царь
10. Бог народа красавец прибыл в страну на Корабле (лодка)
11. Великие плачут дети Майя
12. Двое плачут молятся в Му прибыли они войны
13. В Му прибыл Ра из Нода на челноке
14. Царица Куйская старый воин Меец Ра

Итак, мы с вами видим дешифрованный текст цилиндра он представляет собой сложный смысл отображающий сущность феномена происходящий в реальном времени, передающий процессы некогда имевший места встречи людей с Богом единым. Надо отметить, что строки имеют ритмически упорядоченный фрагмент поэтической речи с регулярно чередующимися ударными и безударными слогами. Предложения в тексте отображают единицу языка, которая представляет собой грамматически организованное соединение слов, а также имеет логически правильно поставленное понятие и суждение состоящих из подлежащего и сказуемого.

Таблица №1 исследования лексикографического материала словесно-слоговых и корневых систем слова на цилиндре и кабардино-черкесского (адыгского) языков:

№	Древний язык (Брахми)	Кабардино-черкесский
1	Къахъ - пришел	Къахъ - приносят
2	Ишу - сопровождения	Ишу – перевозить, везти
3	Еджи - молиться	Еджи - читающий
4	ШыхъэкӀуэ - вестник	ШыхъэкӀуэ - вестник
5	Тхъэ - Бог	Тхъэ - Бог
6	Дадэ - царь	Дадэ - дедушка
7	Нанэ - царица	Нанэ - бабушка
8	Унэ - дом	Унэ - дом
9	Ин - всемогущий	Ин – огромный, большой
10	Сабий - дети	Сабий - дети

Описательный метод из десяти слов древнего письма и кабардино-черкесского языка подтвердили соотношение единиц языка его структурное и социальное целое, чётко определил единицы значения, которые объединяются в группы (категориальный анализ) подтверждающий нашу теорию общности языка.

Древние слова на цилиндре из десяти слов образуют 43 звука, кабардино-черкесский язык 36 звуков: $(43 (з) \times 100 = \text{время использование слов})$; десять слов образуют 79 звуков в Брахми и кабардино-черкесском языках: $(10(с) \times 100 \text{ делим на общее число звуков} = \text{время. Время} \times 100 = \text{получим время изменения семантического значения слова})$.

Квантитативный метод исследования Брахми и кабардино-черкесского (адыгского) языка определил время использования слов Брахми и это время - 4300 лет назад. Время изменения семантического понятия (значения) слова в кабардино-черкесском языке составило 1265 лет. Время использования 4300 минус время распада 1265 получим время событий описанном на древнем артефакте 3035 отнимаем из этой суммы 2021 и это время X век до н.э.

Индийское письмо Брахми могло прийти на Кавказ с синдо-меотским населением [Пхитиков, 2018, с 384]. Именно центром паломничества на Северном Кавказе с давних времен являлась гора Чищыдз (Кызбурун) Баксанское ущелье. В 2020 году проводились археологические раскопки по наклонностям этой горы и прилегающей трассе М 24, где были раскопаны многочисленные могильники и чешуйчатый курган, в котором нашли древнее захоронение нарта. В самом урочище Баксанского ущелья имеется каньон Сараджуко при переводе с кабардино-черкесского языка означающая «ущелье, где молилась Сара». Это имя упоминается и на цилиндре. Имя царя Баг и ныне присутствует ономастически в среде кабардинцев. Имя единного Бога Уа и по сегодняшний день используется при культовых обрядах и произношении тостов. У кабардинцев имя единного Бога Уа начинается с первых слов молитвы «Уа ди Тхьэу, Тхьэшхуэ» при переводе которого означает «Уа наш Бог, верховный Бог». Надо отметить, что надписи на цилиндре говорят о посещении единым Богом Земли из планеты Нод в X веке до н. э. и о палеоконтакте.

Список литературы:

- Пхитиков Х. М.* Древний мир Кавказа и Египта. Мифы и легенды. Тайна «золотого» мальчика. – Нальчик: Издательская типография “Принт Центр”, 2018. – 384 с.
- Чуяко А.Б.* Адыгские фамилии и тамги. - Майкоп. Адыгейская республика кн. Изд-во Адыг, 2012-224с.
- Дерингер Д.* Алфавит. М. 1963.

Diringer, David. The alphabet: a key to the history of mankind. — 3rd Ed... — London: Hutchinson, 1968. — 452 pages s.

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET)

Восьмиконечная звезда значение. Восьмиконечная звезда в православии. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fb.ru/article/176877/vosmikonechnaya-zvezda-znachenie-vozmikonechnaya-zvezda-v-pravoslavii>.

Эволюция письменности на сайте Игоря Гаршина. Дешифровка древних надписей. [Электронный ресурс] / Ред.И.Гаршина. М.,2005–Режим доступа: <http://www.garshin.ru/linguistics/scripts/index.html>

Готская письменность и ее особенности. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://spravochnick.ru/yazykoznanie_i_filologiya/gotskaya_pismennost_i_ee_osobennosti/

Referenses:

Pkhitikov Kh. M. Drevnii mir Kavkaza i Egipta. Mify i legendy. Taina «zolotogo» mal'chika. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya “Print Tsentr”, 2018. – 384 s.

Chuyako A.B. Adygskie familii i tamgi. - Maikop. Adygeiskaya respublika kn. Izd-vo Adyg, 2012-224s.

Deringer D. Alfavit. М. 1963.

Diringer, David. The alphabet: a key to the history of mankind. — 3rd Ed... — London: Hutchinson, 1968. — 452 pages s.

Resursy udalennogo dostupa (INTERNET)

Vos'mikonechnaya zvezda znachenie. Vos'mikonechnaya zvezda v pravoslavii. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://fb.ru/article/176877/vosmikonechnaya-zvezda-znachenie-vozmikonechnaya-zvezda-v-pravoslavii>.

Evolyutsiya pis'mennosti na saite Igorya Garshina. Deshifrovka drevnikh nadpisei. [Elektronnyi resurs] / Red.I.Garshina. М.,2005–Rezhim dostupa: <http://www.garshin.ru/linguistics/scripts/index.html>

Gotskaya pis'mennost' i ee osobennosti. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: https://spravochnick.ru/yazykoznanie_i_filologiya/gotskaya_pismennost_i_ee_osobennosti/

Тарасенко Татьяна Васильевна
Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
г. Красноярск (Россия)

Разумовская Вероника Адольфовна
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск (Россия)

Tarasenko Tatiana
Reshetnev Siberian State University of Science & Technology
Krasnoyarsk (Russia)
Razumovskaya Veronica
Siberian Federal University
Krasnoyarsk (Russia)

ЮМОР И ЕГО КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКИХ АНЕКДОТОВ)

HUMOR AND ITS CULTURAL SPECIFICITY (A CASE STUDY OF CHINESE JOKES)

Юмор в качестве объекта исследования предполагает выявление и описание языковых явлений, несущих в себе отражение национальной культуры. В данной работе исследуется национально-культурный аспект юмора, материалом послужили китайские анекдоты.

Обращение к юмору вызвано следующими причинами: 1) юмор охватывает многие стороны жизни человека и является одним из условий нормальной жизнедеятельности человеческого общества. Юмор, с одной стороны, явление общечеловеческое, с другой – национальное. Юмор в любом обществе является одним из средств идентификации, способом выражения эмоций, одним из способов коммуникации. Исследование юмора как элемента культуры способствует пониманию как собственной, так и чужой культуры; 2) юмор содержит коннотации и ассоциации, носящие имплицитный характер, т.к. смеховую реакцию вызывает чаще не вербальное высказывание, а заключенное в нем имплицитное знание, присущее членам языковой общности; 3) интерпретация, истолкование и объяснение юмора, типичного для определенной языковой и этнокультурной системы, приобретает особую важность в условиях культурного разрыва (например, при общении с представителями иной культуры).

Китайский анекдот рассматривается в социокультурном и переводческом аспектах.

Humor as an object of research involves the identification and description of linguistic phenomena reflecting the national culture. The national and cultural aspect of humor is investigated in the paper with Chinese jokes as its material.

The humor study is caused by the following reasons: 1) humor covers many aspects of human life and is one of the conditions for the normal functioning of the human society. Humor, on the one hand, is a universal phenomenon, on the other – a national one. Humor in any society is one of the means of identification, a way of expressing emotions, one of the possible ways of communication. The study of humor as an element of culture contributes to the understanding of both one's own and someone else's culture; 2) humor contains connotations and associations that are implicit, because the laughing reaction is more often caused not by a verbal statement, but by the implicit knowledge inherent with the members of the language community; 3) the interpretation, commentary and explanation of humor typical for a particular linguistic and ethno-cultural system is of special importance in the context of a cultural gap (for example, when communicating with representatives of other culture).

A Chinese joke is considered in both sociocultural and translational aspects.

Ключевые слова: юмор, переводческая деятельность, межъязыковой перевод, китайский анекдот.

Key words: humor, translation activities, interlingual translation, Chinese anecdote.

Проблема взаимодействия языков и культур не раз становилась предметом споров и дискуссий отечественных и зарубежных исследователей. По мнению Э. Сепира, «язык не существует вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Сепир, 1993, с. 185].

В качестве направления лингвистических исследований можно выделить лингвокультурологический подход к языку, в рамках которого изучается взаимоотношение языка и культуры [Анашкина, 1994; Маслова, 2001], формы отражения культуры в языке [Карасик, 2007; Шаховский, 1996], язык как показатель культуры [Савицкий, 1993, с. 135-138], речевое отражение этнического поведения [Сорокин, 1994].

Лингвокультурологический подход к языковым явлениям позволяет выбирать юмор в качестве объекта исследования и предполагает выявление и описание языковых явлений, несущих в себе отражение национальной культуры.

За последние десятилетия число работ, посвященных юмору, резко возросло [Панина, 1996; Щурина, 1999; Месропова, 1999; Кулинич, 1999; Архипова, 2001; Шмелева, 2002; Атанасова, 2007; Абильдинова, 2011;].

Обращение к юмору вызвано следующими причинами: 1) юмор охватывает многие стороны жизни человека и является одним из условий нормальной жизнедеятельности человеческого общества. Он, с одной стороны, явление общечеловеческое, с другой - национальное. Поэтому юмор в любом обществе является одним из средств идентификации, способом выражения эмоций, одним из способов коммуникации. Исследование смешного как элемента культуры способствует пониманию как собственной, так и чужой культуры; 2) юмор содержит коннотации и ассоциации, носящие имплицитный характер, т.к. смеховую реакцию вызывает чаще не вербальное высказывание, а заключенное в нем имплицитное знание, присущее членам языковой общности; 3) интерпретация, истолкование и объяснение юмора, типичного для определенной языковой и этнокультурной системы, приобретает особую важность в условиях культурного разрыва (например, при общении с представителями иной культуры).

Интерес к анекдоту как факту культуры и языка вызван тем, что «анекдот всегда пуповиной связан с реальным фактом. Даже если основные события его сюжета вымышлены, они проверяются действительностью: так могло бы быть» [Седов, 1998, с. 3]. Анекдот в особой языковой форме отражает типичные ситуации жизни человека (обывателя и гражданина): семья, школа, больница, магазин, работа, армия, политика, и т.п., поэтому можно считать, что в анекдоте по-своему отражается действительность [Тарасенко, 2005]. «И в этом смысле современный народный анекдот предстает в виде

ярких осколков, в которых сверкает и переливается карнавальное мироощущение. Сложенные вместе осколки эти дают особое отражение мира, модель мира. Мир, созданный в современном народном анекдоте, выглядит как смеховой антимир, перевертыш, в котором все иначе, чем в мире официальных догм» [Седов, 1998, с. 11].

По мнению М.А. Кулинич, «юмор – явление общечеловеческое, и в то же время глубоко национальное. В том, как и над чем шутят в разных уголках земного шара, проявляются общие законы юмористической картины мира, но это общее реализуется в конкретных формах, определяемых особенностями национального характера, культурных традиций, социального устройства. Юмор – это особый способ осмысления отдельных фрагментов действительности, уникальный показатель зрелости людей. Юмор и смех – сущностью черты человека» [Кулинич, 1999, с. 8].

Стоит заметить, что само понимание анекдота в культурах может быть разное. Для исследователей русского анекдота, это «короткий связный текст, произносимый говорящим намеренно, со специальной целью рассмешить слушающего, понятный слушающему, произносимый в определенной ситуации, в которой уместно рассказывание анекдота, и связанный интертекстуальными связями с другими анекдотами и стереотипами в анекдотическом пространстве» [Шмелева, 2002, с. 26].

По мнению А.С. Архиповой, «с анекдотом в современном русском понимании этого слова также соотносится с некоторыми оговорками – английское joke, или немецкое Witz» [Архипова, 2001, с. 30].

«Так, в китайском языке лексическая единица 笑话 (xiao hua), обычно переводимая как «анекдот», обозначает «смешной рассказ». Данный текст не тождественен тексту анекдота в европейском понимании. 笑话 (xiao hua) буквально означает «смешные слова», имеющие определенную коннотацию. Китайские «смешные слова» представляют собой забавные истории, которые могут показаться представителям других культур и не очень смешными. Такие истории в определенной степени напоминают сказки» [Разумовская, 2009, с. 87]. Об этом же пишет и Валерий Лебедев в своих заметках о китайском юморе: «Я взял сборник "Веселые и поучительные истории", в который специально отобраны только китайские шутки. При чтении хотелось зевать, спать, плакать. Только не смеяться» [Лебедев, 1997].

Все анекдоты и шутки можно классифицировать на основании различных критериев. Наиболее частными признаками соответствующих текстов выступают их тематика и источник (см. об этом работы: [Raskin, 1985; Карасик, 2004; Шмелева, 2002; Тарасенко, 2004; 2009]). На наш взгляд, анекдоты можно классифицировать и по степени

их переводимости, т.е. «принципиальной возможности достижения эквивалентности относительно всего текста или какой-либо его части» [Алексеева, 2004, с. 78]:

1) «бродячие» анекдоты, в которых отсутствуют компоненты «непереводимости» (культурные и языковые лакуны), нет конфликта формы и содержания, например:

<p>剑术</p> <p>世界剑术表演大会上，排名第三的剑手首先出场。工作人员放出一只苍蝇，剑手快速一挥，就把苍蝇劈为两半，全场掌声雷动。接着排名第二的剑手把苍蝇劈为四份。这时全场鸦雀无声人们静候全世界最伟大的剑手表演。只见他运剑成风，剑锋直向苍蝇劈下，但是那只苍蝇如故。最伟大的剑手竟然完全没有劈中目标，全场观众大惊失色，可是剑手依然满脸笑。</p> <p>有人喊道：“你有什么可以得意的？你失手了！”</p> <p>剑手回答：“你们看仔细一些，苍蝇还活着，可是他永远不能做父亲了。”</p>	<p>Фехтование</p> <p><i>Мировой чемпионат по фехтованию. Выходит первый спортсмен. Ассистент выпускает муху, и фехтовальщик одним махом разрубает муху пополам. Выходит второй спортсмен и разрубает муху на четыре части. Выходит третий - самый лучший, взмахивает шпагой, но муха остается невредимой. Зрители, глядя на его довольное выражение лица, в недоумении спрашивают: «Ты чему радуешься?», и слышат в ответ: «Посмотрите внимательнее, муха жива, но она больше никогда не даст потомство (дословно – она никогда не станет отцом)».</i></p>
--	---

2) Анекдоты, в которых есть компоненты непереводимости, и при переводе в результате их описательной передачи происходит увеличение объема текста и доли когнитивной информации или замена культурного контекста, но при этом удаётся сохранить его коммуникативную функцию, например:

<p>懂事的儿子</p> <p>儿子放学回家，发现妈妈躺在床上。</p> <p>“妈妈，你病了吗？”儿子关切地问道。</p> <p>妈妈点了点头。“做饭的事不用愁”儿子安慰妈妈，</p> <p>“我会把你背到炉子那儿。”</p>	<p>Понимающий сын</p> <p><i>Возвращается Вовочка после школы домой, видит мама лежит на кровати.</i></p> <p><i>- Мама, ты заболела? - заботливо спросил сын.</i></p> <p><i>Мама кивает головой.</i></p> <p><i>- О приготовлении обеда не беспокойся, - успокаивает ее Вовочка, - я смогу отнести тебя на кухню к плите.</i></p>
---	--

3) И, наконец, в третью группу входят анекдоты, перевод которых отмечен неполнотой передачи компонентов содержания и, как следствие, коммуникативной

неудачей. В этом случае даже при полноценном комментировании не удаётся осуществить эквивалентный перевод.

С точки зрения юмора анекдоты, базирующиеся на глубинных ценностях соответствующей культуры, исторических событиях, требующих знаний культурного фонда, а также языковых особенностей персонажей (невозможно передать на письме – диалект, акцент и др., а в случае китайского языка нельзя понять из-за особенностей и идеографического письма), оказываются лакунизированными.

Перевод анекдотов данной группы нельзя считать адекватным, поскольку представляется невозможным достижение аналогичного воздействия на читателя переводного текста и его функциональной равноценности, так как эти анекдоты построены на знаниях артефактов и глубинных ценностях китайской жизни, чуждых и непонятных русской культуре.

Таким образом, невозможно перевести анекдоты, в которых имитируются речевые особенности определенного этноса:

<p>有一次，说话带有广东口音的方教授应某大学之邀请，在大礼堂演讲。</p> <p>方教授说道：“我有四个屁放”时，大学生们莫不掩口而笑。仔细听下去，原来“我有四个屁放”的意思是“我有四个比方”。同学们的笑声反到弄得方博士莫名其妙。</p>	<p><i>Однажды профессора Фана пригласили почитать лекции студентам одного крупного университета. Профессор разговаривал на гуандунском диалекте. В том момент, когда профессор сказал: «У меня для вас четыре <u>пука</u>», студенты начали тихонько хихикать. Но, прислушавшись, стало ясно, что профессор сказал: «У меня для вас четыре <u>примера</u>». Однако профессор так и не понял, над чем засмеялись студенты.</i></p>
--	---

В анекдоте обыграны произносительные особенности носителей северного и южного диалектов Китая. На южном диалекте 比方 bifang (пример) произносится так же, как и 屁放 pifang (портить воздух) по нормам диалекта путунхуа, поэтому фраза профессора так рассмешила студентов.

Зачастую в анекдотах встречаются каламбуры:

<p>女的：你有多爱我？</p> <p>男的：一毛钱。</p> <p>女的：只这么一点儿？</p> <p>男的：一毛不就是十分吗？！</p>	<p>- Как сильно ты меня любишь?</p> <p>- На 1 мао</p> <p>- Так мало?</p> <p>- Разве 1 мао это не 10 фэнь?!</p>
--	--

十分 в этом случае имеет значение «очень», «сильно», в прямом значении - это 10 фэнь (денежная единица), что составляет 1 мао. В русском языке эквивалентов этому слову нет, поэтому понять смысл анекдота носителю другой культуры невозможно.

Или:

<p>一家房地产商为推销房子，打出“买房子，送家俱”的广告。某人买了一套新房，装修后去领家俱。 房产商：“你的家俱在哪里？我们帮你送！”</p>	<p><i>Чтобы быстрее продать квартиру, строительная кампания дала рекламное объявление: «При покупке квартиры мебель в подарок». Тут же появились покупатели. После сделки и отделки (ремонта) квартиры приходят они к домовладельцу за обещанной мебелью, а он им говорит: - Ну что, где ваша мебель? Мы сейчас поможем вам с доставкой.</i></p>
--	--

Здесь сложность при переводе, как и для понимания, вызывает многозначное слово 送. В первом случае оно переводится как «дарить, преподнести в подарок», а во втором – «доставить, отправить», на этом строится комическая ситуация.

Невозможно представителю другой культуры понять анекдоты, в которых обыграны ошибки носителя языка в китайской иероглифике, например:

<p>哥哥：今天还要我帮你做作业吗？ 弟弟：不要了。 哥哥：为什么？ 弟弟：昨天你把“一顿饭”写成了“一吨饭”， 同学们都笑我是“大饭桶”。</p>	<p><i>Старший брат: - Хочешь, я и сегодня тебе помогу с домашним заданием? Младший брат: - Нет, не надо. Старший брат: - Почему? Младший брат: - Ты вчера вместо «одна тарелка» написал «одна кастрюля», поэтому в классе меня прозвали обжорой (дословно – одна порция и одна тонна).</i></p>
--	--

В данном примере вместо 顿 dùn (счетное слово для еды) старший брат написал 吨 dūn (тонна), что и создало комическую ситуацию.

Трудности в понимании анекдота возникают, когда в нем обыгрываются фоновые знания, идиомы:

小勇：我们中国人吃饭为什么只用两根筷子，而不用三根或者四根呢？

小华：俗语说双管齐下，谁听说过“三管”或者“四管”齐下吗？

Разговор идет о том, почему китайцы едят двумя палочками, а не тремя (и более). Второй собеседник приводит в пример поговорку 双管齐下 (принять меры одновременно в двух направлениях) и говорит, что не существует других вариантов этой поговорки, таких как 三管齐下 (принять меры одновременно в трех направлениях) или 四管齐下

(принять меры одновременно в четырех направлениях), именно поэтому китайцы и едят двумя палочками.

Таким образом, говоря о невозможности адекватно перевести эти анекдоты, можно говорить о непроницаемости культур в некоторых аспектах, таких как юмор. Непроницаемость культур тем больше, чем дальше удалены культуры друг от друга. Такие культуры характеризуются, в частности, различиями в мировоззрении, что проявляется в обособленности каждой из этих культур. Здесь важно понятие эквивалентной реакции на сообщение.

Глубинные ценности различных культур, например китайской и русской, не совпадают, и как следствие этого, у носителей языка, отличные друг от друга знания о текстах, их жанровой принадлежности и языковой реализации, в том числе и в сфере юмора. Поэтому перевод некоторых сообщений с языка одной из этих культур на язык другой практически невозможен, как в нашем случае с анекдотами.

Список литературы:

- Абильдинова Ж.Б.* Языковые средства экспликации этнических стереотипов русских, казахов и немцев: на материале русскоязычных анекдотов. Тобольск, 2011. 183 с.
- Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика. СПб.: Из-во «СОЮЗ» 2004. 288 с.
- Анашкина И.А.* Язык и культура. Культурно-аксиологический подход. М.: Из-во Московского пед. гос. университета им. В.И. Ленина, 1994. 120 с.
- Архипова А.С.* Анекдот в зарубежных исследованиях XX века // Живая старина. 2001. №1. С.30-32.
- Атанасова С.* Национальный характер в мультиэтнических анекдотах // Проблемы когнитивного и функционально-коммуникативного описания русского и болгарского языков. Шумен: Университетско издателство “Епископ Константин Преславски”, 2007. С.204-225.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М: Гнозис, 2004.389 с.
- Карасик В.И.* Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 144-153.
- Кулинич М.А.* Лингвокультурология юмора (На материале английского языка). Самара: Изд-во Самарск. пед. ун-та, 1999. 180 с.
- Лебедев В.* Китайский юмор [Электронный ресурс] // Вестник. 1997. №19 (173). Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/97/0902/koi/lebedev.htm>.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.:Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
- Месропова О.М.* Структурные, прагматические и содержательные аспекты текстотипов «анекдот» и «шутка». СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 18 с.
- Панина М.А.* Комическое и языковые средства его выражения. М.:МГЛУ, 1996. 20 с.
- Разумовская В.А.* Юмористический дискурс как переводческая проблема (на материале переводов романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»). Вестник ИГЛУ. 2009. №4. С. 87 – 93.
- Савицкий В.М.* Английская фразеология: проблемы моделирования. Самара: Самарский ун-т, 1993.171 с.
- Седов К.Ф.* Основы психолингвистики в анекдотах. М.: Лабиринт-МП, 1998. 64 с.
- Сетир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 654 с.
- Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология. Самара: Русский лицей, 1994. 94 с.
- Тарасенко Т.В.* Ситуация винопития и ее отражение в анекдоте // Международный симпозиум «Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков».Београд: Чигоја штампа, 2004. С.179 – 184.
- Тарасенко Т.В.* Анекдот как феномен языка и культуры // *Studia Rossica Posnaniensia*», vol.XXXII. Poznan: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickewicza, 2005. P. 161 – 172.

Тарасенко Т.В. Анекдот и перевод (на примере языковой игры) // Вестник ИГЛУ. 2009. №4. С. 126 – 130.

Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 80-96.

Шмелева Е.Я. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 143 с.

Щурина Ю.В. Речевые жанры комического // Жанры речи – 2. Саратов: Колледж, 1999. С. 146–156.

Chiaro D. The language of jokes: Analysing verbal play. London: Routledge, 1992. 129 p.

Raskin V. Semantic Mechanisms of Humour. Dordrecht: Reidel, 1985. 284 p.

References:

Abil'dinova ZH.B. Yazykovye sredstva ehksplikatsii etnicheskikh stereotipov russkikh, kazakhov i nemtsev: na materiale russkoyazychnykh anekdotov [Language means of explication of ethnic stereotypes of Russians, Kazakhs and Germans: on the material of Russian-language jokes] Language means of explication of ethnic stereotypes of Russians, Kazakhs and Germans: on the material of Russian-language jokes. Tobol'sk, 2011. 183 s. (In Russian).

Alekseeva I.S. Professional'nyi trening perevodchika [Professional training of a translator]. SPb.: Izdatel'stvo «SOYUZ» 2004. 288 s. (In Russian).

Anashkina I.A. Yazyk i kul'tura. Kul'turno-aksiologicheskii podkhod [Language and culture. Cultural-axiological approach]. M.: Iz-vo Moskovskogo ped. gos. universiteta im. V.I. Lenina, 1994. 120 s. (In Russian).

Arkhipova A.S. Anekdot v zarubezhnykh issledovaniyakh XX veka [Anecdote in foreign studies of the XX century]. In: Zhivaya starina, 2001. №1. S.30-32. (In Russian).

Atanasova S. Natsional'nyi kharakter v mul'tiehtnicheskikh anekdotakh [National character in multi-ethnic anecdotes] In: Problemy kognitivnogo i funktsional'no-kommunikativnogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov. Shumen: Universitetsko izdatelstvo "Episkop Konstantin Preslavski", 2007. S.204-225. (In Russian).

Chiaro D. The language of jokes: Analysing verbal play. London: Routledge, 1992. 129 p.

Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. M: Gnozis, 2004. 389 s. (In Russian).

Karasik V.I. Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya [Anecdote as a subject of linguistic study] In: Zhanry rechi. Saratov: Kolledzh, 1997. S. 144-153. (In Russian).

Kulinich M.A. Lingvokul'turologiya yumora (Na materiale angliiskogo yazyka) [Linguoculturology of humor (Based on the material of the English language)]. Samara: Izd-vo Samarsk. ped. un-ta, 1999. 180 s. (In Russian).

Lebedev V. Kitaiskii yumor [Electronic resource]. In: Vestnik. 1997. №19 (173). (In Russian).

Available at: <http://www.vestnik.com/issues/97/0902/koi/lebedev.htm>.

Maslova V.A. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. M.:Izdatel'skii tsentr «AkademiYA», 2001. 208 s. (In Russian).

Mesropova O.M. Strukturnye, pragmaticheskie i sodержatel'nye aspekty tekstotipov «anekdot» i «shutka» [Structural, pragmatic and substantive aspects of the text types "anecdote" and "joke". SPb: RGPU im. A.I. Gertsena, 1999. 18 s. (In Russian).

Panina M.A. Komicheskoe i yazykovye sredstva ego vyrazheniya [Comic and linguistic means of its expression]. M.:MGLU, 1996. 20 s. (In Russian).

Raskin V. Semantic Mechanisms of Humour. Dordrecht: Reidel, 1985. 284 p.

Razumovskaya V.A. Yumoristicheskii diskurs kak perevodcheskaya problema (na materiale perevodov romana I.Ilf'a i E.Petrova «Dvenadtsat' stul'ev») [Humorous discourse as a translation problem (based on translations of the novel "The Twelve Chairs" by I. Ilf and E. Petrov)]. Vestnik IGLU. 2009. № 4. S. 87 – 93. (In Russian).

Savitskii V.M. Angliiskaya frazeologiya: problemy modelirovaniya [English phraseology: modeling problems]. Samara: Samarskii un-t, 1993. 171 s. (In Russian).

Sedov K.F. Osnovy psikholingvistiki v anekdotakh [Fundamentals of psycholinguistics in jokes]. M.: Labirint-MP, 1998. 64 s. (In Russian).

Tarasenko T.V. Situatsiya vinopitiya i ee otrazhenie v anekdote [The situation of wine drinking and its reflection in the anecdote] In: Mezhdunarodnyi simpozium «Proekty po sopostavitel'nomu izucheniyu russkogo i drugikh yazykov». Beograd: Chigoja shtampa, 2004. P.179 - 184. (In Russian).

- Tarasenko T.V.* Anekdot kak fenomen yazyka i kul'tury [Anecdote as a phenomenon of language and culture] In: *Studia Rossica Posnaniensia*», vol.XXXII. Poznan: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickewicza, 2005. P. 161 – 172. (In Russian).
- Tarasenko T.V.* Anekdot i perevod (na primere yazykovoï igry) [Anecdote and translation (on the example of a language game)]. In: *Vestnik IGLU*. 2009. № 4. P. 126 – 130. (In Russian).
- Shakhovskii V.I.* Ehmotsional'nye kul'turnye kontsepty: paralleli i kontrasty [Emotional Cultural Concepts: Parallels and Contrasts] In: *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty*. Volgograd-Arkhangel'sk: Peremena, 1996. S. 80-96. (In Russian).
- Shchurina YU.V.* Rechevye zhanry komicheskogo [Comic speech genres]. In: *Zhanry rechi - 2*. Saratov: Kolledzh, 1999. S. 146-156. (In Russian).
- Shmeleva E.YA.* Russkii anekdot: Tekst i rechevoi zhanr [Russian joke: Text and speech genre]. M.: Yaz. slavyan. kul'tury, 2002. 143 s. (In Russian).

Tihov Todor
Викредо ЕООД
Вълчева-Тихова Кремена
Медицинский Университет г. Софии
г. София (Болгария)

Tihov Todor
Vikredo EOOD
Valcheva-Tihova Kremena
Medical University of Sofia
Sofia (Bulgaria)

СВЯТОЙ ИОАНН РЫЛЬСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ, ПОКРОВИТЕЛЬ БОЛГАРИИ

SAINT JOHN OF RILA, THE MIRACLE MAKER, PROTECTOR OF BULGARIA

Святой чудотворец Иоанн Рыльский – самый великий святой на болгарской земле. Он является современником четырех болгарских царей: Князя Бориса (852-889 гг.) и его сына Владимира, Царя Симеона Великого (893-927 гг.) и сына Симеона, царя Петра (927-969 гг.).

Одним из самых достоверных источников о жизни и духовных подвигах легендарного болгарского отшельника является Пространное житие, написанное Святым Патриархом Евтимием. Его произведение представляет собой как описание скромной жизни и духовных подвигов Святого Иоанна Рыльского Чудотворца, так и в сокровенной форме Похвалу Святому.

В безымянном житии святого, написанном неизвестным рыльским монахом, который пожелал сохранить анонимность, поражают искренностью слова монаха, который глубоко верил в чудотворную мощь преподобного отца. «И вдруг спустился с неба ангел Божий и сказал: Будь мужественным и крепким Иоанн, возлюбленный мой! Я постоянно с тобой. Не бойся, но радуйся, сонаследник моего пророка, Предтечи и Крестителя, потому что и он был сохранен в пустыне и он возлюбил пустыню...»

The miracle maker John of Rila is the greatest saint of the Bulgarian land. He is a contemporary of four Bulgarian kings: Prince Boris (852-889) and his son Vladimir, Tsar Simeon the Great and the son of Simeon, Tsar Peter (927-969).

One of the most reliable sources about the life and spiritual heroisms of the legendary Bulgarian hermit is the Extensive Life, written by the Holy Patriarch Euthymius.

And in the nameless vita of the saint, written by an unknown monk from Rila, who wished to remain anonymous, was struck by the sincerity of the words of the monk, who deeply believed in the miraculous power of the reverend father. "And suddenly an angel of God descended from heaven and said: Be courageous and strong John, my beloved! I'm with you all the time. Fear not, but rejoice, co-heir of my prophet, Baptist, because he too was saved in the wilderness and therefore loved it..."

Ключевые слова: святой чудотворец Иоанн Рыльский, Пространное житие, Святой Патриарх Евтимий.

Key words: the miracle maker John of Rila, the Extensive Life, the Holy Patriarch Euthymius.

Святой чудотворец Иоанн Рыльский – самый великий святой на болгарской земле. Он является современником четырех болгарских царей: Князя Бориса (852-889 гг.) и его сына Владимира, Царя Симеона Великого (893-927 гг.) и сына Симеона, царя Петра (927-969 гг.).

Одним из самых достоверных источников о жизни и духовных подвигах легендарного болгарского отшельника является Пространное житие, написанное Святым Патриархом Евтимием. Его произведение представляет собой описание скромной жизни и

духовных подвигов Святого Иоанна Рыльского Чудотворца, а также Похвалу Святому в сокровенной форме.

В безымянном житии святого, написанном неизвестным рыльским монахом, который пожелал сохранить анонимность, поражают искренностью слова монаха, который глубоко верил в чудотворную мощь преподобного отца: «И вдруг спустился с неба ангел Божий и сказал: Будь мужественным и крепким Иоанн, возлюбленный мой! Я постоянно с тобой. Не бойся, но радуйся, сонаследник моего пророка, Предтечи и Крестителя, потому что и он был сохранен в пустыне и он возлюбил пустыню... Радуйся, зеница пресветлая в этих пустынных горах! Радуйся солнце Мое пресветлое в Рыльской пустыне! Радуйтесь и вы горы, принявшие светильник пустыни! Веселитесь, все земные люди, преклоняясь перед мощами пустынножителя Иоанна! Радуйся и ты пустыня, которая приняла свой светильник, Моего собеседника, равного по плоти ангелам, земного ангела и небесного человека!»

На Правом берегу реки Струмы, в одном часе пути от деревни Бобошево, в складках горного склона возвышенности Руен – в одном из последних склонов Осогово – расположена маленькая деревня Скрио, родной дом святого Иоанна Рыльского. Название деревни чисто славянское, так же как и названия большинства деревень в этом районе. Предполагаемый год рождения святого – 876-880 г., т.е. он родился примерно спустя 10 лет после крещения болгар. В старых источниках вспоминается с радостью и гордостью, что прославленный святой страдалец из Рилы – болгарин, родом из маленькой и бедной горной деревни. Авторы житий сообщают, что у родителей святого было два сына, из которых: св. Иоанн был младшим.

Будущий духовный пастырь и покровитель Болгарии проводит детство и молодость будучи пастухом около своей деревни. Источники рассказывают, что до пострижения в монахи он носил имя, под которым стал известен позже как инок –Иоанн.

С самой ранней молодости юноша проявлял склонность к набожной и смиренной жизни: «Верю в моего Бога, Которому служу и усердно подчиняюсь с малых лет», – признается в конце жизни сам Святой.

Вот как Св. Патриарх Евтимий своими благими, чистыми и мудрыми словами описывает ранние годы святого: «...Если бы этот пребожественный муж хотя бы немного вникал своим умом в низкие, тленные вещи или бы беспокоился о чем-то земном, мы бы быстро потеряли память о нем и эти воспоминания погрузились бы в глубину забвения. Но так как он, оставив все вышеупомянутое, стремился в Небесное отечество, свободное, беспечальное и твердое, и всяческими способами стремился постичь всеобщего Отца и Создателя, потому и нам следу рассказать хотя бы немного о нем» [Св. Патриарх

Евтимий. Пространное житие. с. 1].

Родители блаженного были благочестивыми во всем болгары родом из деревни Скрино в Средецкой области, милостивого нрава и благочестивой жизни, «а этот Средец в европейских пределах один из славных и замечательных городов [Св. Патриарх Евтимий. Пространное житие. с. 4].

Хорошо воспитанный своими родителями, этот дивный Иван жил, подчиняясь им во всем и отдавая им должное почитание.

«Когда его родители умирают, он продолжает жить в посте и молитве и любви словно один из серафимов, и дает плод воистину стократный словно дерево посаженное у водного источника» [Св. Патриарх Евтимий. Пространное житие. с. 7]. Свое наследство и имущество будущий духовный пастырь болгар распределил и раздал бедным, чтобы, не отлагая, дать божие Богу.

Кроткий и Смиренный Иван уходит в монастырь ради обучения, которое ему предстоит. Он оставляет свет, все светское, не беря ничего кроме одной одежды. Во время сна является благому Ивану видение, он просыпается и берет три камня: веру, надежду и любовь! И так, облачается Иван добренький в броню правды, одевает и шлем спасения - Божественный покров, подстригает волосы и уходит в монахи.

После сновидения, идет добрый Иван в указанные ему горы, сделав небольшую хижину из веток, остается жить там в постоянном посте и бдении. «Кто еще сможет рассказать о его подвигах?...Ибо только пустынную траву ел он мало и скудно после захода солнца; так же и воду – только чтобы прохлодить свои внутренности. И еще – кто достойно опишет его поток слез, а также всенощные бдения и коленапреклонения!?! Многократно приходили бесы ...чтобы его напугать и прогнать, но доблестный Иоанн оставался непоколебим перед их ложью так, как алмаз не бывает поврежден никаким железом!»

Спустя некоторое время благородный Иоанн переходит на другое место – в пещеру, и там к его подвигам прибавляются новые подвиги. Он как трудолюбивая пчела наполняет медовые соты и прячет их в сокровищнице сердца. Преподобный Иоанн проводит в священной пещере 12 лет. Рыльский пустынный с алмазной душой на муки и страдания отвечает песней; на вопросы заблудившихся пастухов «Кто и откуда ты и где дом твой?» благой Иоанн отвечает: «Мой дом на небесах, откуда я жду Спасителя!...А вас, раз вы оказались тут, хорошо будет, если накормлю я пищей пустыни». И дает им Добрый Иоанн растущего там в изобилии сланутка. А они берут и едят досыта.

Многие христиане идут к Святому Иоанну получить от него благословение. Один человек, которого годами мучил нечистый дух, идет за ними, желая избавиться от

болезни. Его привязывают, потому что у него нет сил идти дальше, и помогают ему, таща его вперед к Святому. Скромный Иоанн, который никак не надеется на себя, а только на Бога, обращает свою горестную молитву ко Всевышнему, чтобы Он помог страждущему: «Боже, которому мы поклоняемся в Святой Троице, сотворивший все видимое и невидимое, помилуй свое творение!...На Твою благодать надеюсь, Тебя на помощь призываю!...Услышь нас со Святого Своего неба, ибо благословен еси во веки, аминь!»

После молитвы благого Рыльского пустынника, бес выходит из человека и он, полностью здоровый, радуется и восхваляет природу! А те, кто своими глазами видели Чудо, укрепляются в вере и хотят остаться жить со Святым. Но он их угощает сладким сланутком и отправляет домой. Слава о Благородном и Святом Иоанне разносится по всей стране. В соседних Сербии и Греции и в братской Руси передаются из уст в уста вести о чудесах, совершенных Рыльским пустынником.

Много раз кроткого отшельника кидают со скалы, нечистые силы жестоко набрасываются на святого, но Недремлющее око дает ему невидимую силу и твердость в испытаниях! И о страдальце – Добром и Доблестном Иоанне – исполняется написанное: «Хлеб ангельский ест человек!»

Благочестивый царь Петр, узнав о чудесах преподобного Иоанна, посылает девять мужей, чтобы те нашли его в Рыльских горах. Пять дней они голодают, находят маленькую тропинку и идут к Тихому Иоанну получить его благословение. А он, душевным оком прозрев, что они голодали, предлагает им трапезу. Потому что Тот, Кто накормил пятью хлебами пять тысяч, и здесь кормит девять мужей одним хлебом!

И вот: Чудо! И здесь остается нетронутой половина хлеба. Вернувшись, мужи все сообщают царю, а он устремляется к Иоанну в горы, спешит со своими приближенными. Достигнув реки Рила, они не находят брода. Царь отправляет со слугами письмо и дары Всечестному пустыннику Иоанну с пожеланием встречи.

Блаженный Иоанн ему отвечает, что примет только постную пищу, а золото и другие дары возвращает: с пожеланием передать их бедным, нуждающимся и бездомным. Их встреча немыслима, он советует царю уйти, дабы не пострадать, ибо место это нехорошее, он также советует ему быть кротким и тихим, благодоступным и смиренным со всеми. Получив это письмо, хоть и опечалившись, царь исполняет наказ Святого с искренней любовью и просветлением!

Преподобный Иоанн не перестает изучать священные книги и, как трудолюбивая пчела, собирает в сердце своем слово Божие, которое слаще медовых сот.

После смерти своего племянника, юноши Луки, будущий Святой, Благой Иоанн, живет три года и шесть месяцев не выходя из кельи. Питается он шиповником, сланутком

и травами, отдалившись от света и земных забот, уединившись в молитве.

Означает ли уединение отцов среди горного безмолвия слабость или бегство от жизни?! Едва ли подобная оценка является истинной. О людях того времени можно судить только по меркам их времени к жизни тогда: В писаниях средневековых писателей часто выражается восхищение подвигом отшельников-Святых. В садах мысленных добродетелей чистые воды еще слаще, и слова преблагого Иоанна привлекают тех, кто привык к добрым пастбищам. Его ученик Григорий говорил: «Нет ничего столь же сладкого, столь же достойного для ревнителей добрых дел, как описать страдания и борьбу святых. Потому что, когда видны их дела, заслуживающие похвалу, они выглядят достойными, желанными, возлюбленными и подталкивают людей к их приобретению...»

Рыльский пустынный не остается долго один в горах. Рассказчик Георгий Скилица описывает картину: «Но как город, который находится на вершины горы, не может укрыться от тех, кто проходит мимо: ни свеча, зажженная в светильнике, не может скрыть свой свет от тех, кто входит в дом, так и тот великий Иоанн не был оставлен Богом в укрытии. К пастухам, обнаружившим благого доброго Иоанна в Рыльской пустыне, приступает он кротко, кормит их сланутком. Его спрашивают: «Сколько лет ты провел в таком тяжком страдании и какова причина» он кротко им отвечает: «То, о чем вы меня спрашиваете, еще не пришло время раскрыть».

Авторы житий рассказывают, как святой преблагой Иоанн встречает своих посетителей. Он принимает их кротко, кормит своей простой едой, читает молитву и после отпускает их с благословением. Вернувшись в свои скромные дома, они с благоговением рассказывали о чудесном отшельнике. И вот к нему устремляются новые и новые – страждущие, недужные, измученные, жаждущие чуда, исцеления и просветления. Этот поток рос и рос. Так вера христианская утверждалась больше всего. Его слова находили отклик в простых душах, а его дела прославлялись как настоящие чудеса. «...Если у нас есть надежда на Бога без сомнений, – говорит святой Иоанн, – Он не оставит нас лишенными [чего бы то ни было]. И еще: «Ищите прежде Царствия Божия и Его Правды и все это приложится вам».

Имя отшельника — Святого все более и более становилось известным. Около него начинают собираться люди, которые хотели связать свою жизнь с благим Иоанном и следовать за ним. Житиеписец Скилица говорит: «...А некоторые из людей пришли, чтобы быть вместе с пре -подобным, и сделали себе жилище...» Так боголюбивые люди создали молитвенный дом у подножия гор – монастырь. Святой отшельник становится главой иноческого общежития.

В 941 г. в возрасте более 60 лет Святой решает полностью уйти в уединение. Тогда

он оставляет своим ученикам из Святой Рылской обители свой Святой Завет. Он дал его им 25 марта 941 г. от Рождества Христова.

«...Знаю я, возлюбленные чадца Божии, хорошо знаю, что вы, как новоначальные, еще не утвердились в иноческой жизни. Но не бойтесь, потому что сила Божия - в немощи совершается».

И напоследок: «Еще многое имею вам сказать, возлюбленные в Господе дети мои, но невозможно все написать. Предаю вас Тому, Кто является источником всякой премудрости и разума, и истинному. Утешителю - Святому и животворящему Духу, пусть Он сам даст вам мудрость вас вразумит, вас просветит, вас научит и наставит на всякое Доброе дело. Аминь!»

Список литературы:

- Дылевский Николай.* Рылский монастырь и Россия в XVI и XVII веках. 1946 г.
Дылевский Николай. Избранные сочинения. София, 2003.
Дуйчев И. Рилският светец и неговата обител. Библиотека Златни зърна, София, 1990.
Молебное пение на Святый Иван Рилски Чудотворец с кратко сказание за неговото житие и за пренесението на светите му мощи. Издава Рилския манастир. София, 1879.
Заветът на Свети Иван Рилски. Издателство Житно зърно. София, 1994.
Свети Патриарх Евтимий. Пространно житие на Свети Йоан Рилски Чудотворец. Електронен ресурс.
Труды отдела древнерусской литературы XXIII. Литературные связи древних славян. Л., 1968.
Жития Иоанна Рылского русских древлехранилищ и их болгарские источники.

References:

- Dylevskii Nikolai.* Ryl'skii monastyr' i Rossiya v XVI i XVII vekakh. 1946 g.
Dylevskii Nikolai. Izbrannye sochineniya. Sofiya, 2003.
Duichev I. Rilskiyat svetets i negovata obitel. Biblioteka Zlatni z'rna, Sofiya, 1990.
Molebno penie na Svyatii Ivan Rilski Chudotvorets s kratko skazanie za negovoto zhitie i za prenesenieto na svetite mu moshchi. Izdava Rillskiya m'nastir'. Sofiya, 1879.
Zavet"t na Sveti Ivan Rilski. Izdatelstvo Zhitno z"rno. Sofiya, 1994.
Sveti Patriarkh Evtimii. Prostranno zhitie na Sveti Ioan Rilski Chudotvorets. Elektronen resurs.
Trudy otdela drevnerusskoi literatury XXIII. Literaturnye svyazi drevnikh slavyan. L., 1968.
Zhitiya Ioanna Ryl'skogo russkikh drevlekhranilishch i ikh bolgarskie istochniki.

Усачева Ольга Юрьевна
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (Липецкий филиал)
г. Липецк (Россия)

Usacheva Olga
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Lipetsk branch)
Lipetsk (Russia)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

ON SOME ISSUES OF SPEECH CULTURE IN THE MODERN LANGUAGE SITUATION

Статья посвящена рассмотрению основных направлений динамики языковых процессов, актуальных для современной языковой ситуации и значимых с точки зрения требований к речевой культуре носителей языка. Отмечены некоторые наиболее заметные тенденции, оказывающие влияние на соотношение системы, нормы и узуса. Подчеркивается вариативный характер современной литературной нормы, выступающий условием ее обновления и эволюции. В соответствии с этим устанавливается критерий речевой культуры современного носителя языка – его способность к умелому, функционально оправданному и коммуникативно целесообразному использованию вариантов языковой единицы с учетом условий и целей коммуникации. В конечном счете воспитание речевой культуры сводится к формированию языковой личности полнофункционального или неполнофункционального типа, согласно классификации О.Б. Сиротининой.

The article considers the main directions of the dynamics of language processes, relevant to the modern language situation and significant in terms of the requirements to the speech culture of native speakers. Some of the most notable trends affecting the correlation between the system, norm and usus are noted. The variable nature of modern literary norm, acting as a condition for its renewal and evolution, is emphasized. In accordance with this the criterion of the speech culture of the modern native speaker is established - their ability in a skillful, functionally justified and communicatively expedient use of variants of linguistic units, with regard to the conditions and goals of communication. Eventually speech culture education comes down to the formation of a linguistic personality of a fully functional or non-functional type, according to the classification of O.B. Sirotinina.

Ключевые слова: речевая культура, языковая ситуация, русский язык, кодифицированная норма, узуальная норма, вариативность нормы.

Key words: speech culture, state of language, Russian language, codified norm, usual norm, norm variation.

Под речевой культурой обычно понимают целый комплекс умений, характеризующий носителя языка как члена определенной лингвокультуры. Этот комплекс включает в себя владение нормами устного и письменного литературного языка (грамотность речи), умение использовать ресурсы языковой системы для достижения тех или иных коммуникативных целей, знание правил, стандартов, традиций коммуникативного поведения в разнообразных ситуациях общения, в том числе и этикетного характера [ср.: Скворцов, 1990].

На рубеже XX-XXI вв. под влиянием мощных экстралингвистических факторов русский язык вошел в стадию значительных трансформаций прежде всего в сфере своего

функционирования. К числу наиболее заметных тенденций выдающийся русский советский лингвист М.В. Панов относил следующие: «диалогичность; усиление личностного начала; стилистический динамизм; явления «переименования» (в широком смысле); сочетание резко контрастных стилистических элементов не только в пределах текста, но и в пределах словосочетания»⁶². Все эти процессы обратили на себя внимание многих известных отечественных лингвистов, которые приняли участие в дискуссии, инициированной Ю.Н. Карауловым в его докладе «О состоянии русского языка современности» [Караулов, 1991]. Главный итог размышлений ученых заключался в том, что современный язык переживает сверхактивные процессы, которые важно понять и изучить, а не рассматривать их как свидетельство его «упадка» или «порчи». Вместе с тем участники дискуссии подчеркивали, что в новых условиях функционирования языка обостряется необходимость целенаправленного влияния на речевую культуру общества, с тем чтобы развивать и совершенствовать коммуникативную компетенцию современников [Русский язык конца XX столетия, 2000, с. 18].

С наступлением XXI века динамика функциональных преобразований русского языка не только не замедлилась, но и приобрела новые импульсы, исходящие как от экономических, социальных, политических, духовных факторов, так и от факторов технологических: русский язык вступил в цифровую эру. Не последнюю роль в нарастании языковых изменений играет глобализация как масштабное явление межкультурной интеграции. Современные исследователи говорят о тенденциях неологизации, экспрессивизации, демократизации языка. Таким образом, процессы трансформации языка и коммуникации еще больше усложнились и интенсифицировались.

Как эти процессы отражаются на речевой культуре современных носителей языка?

В стабильной языковой ситуации требования к речевой культуре носят достаточно определенный и долговременный характер: образованный человек, усвоивший литературную норму в процессе обучения, постепенно совершенствует навыки коммуникации применительно к актуальной для себя сфере речевой практики, поэтому вопросы речевой культуры носят преимущественно индивидуальный характер.

Иное дело – такая ситуация, при которой языковая система и все виды национального дискурса находятся в состоянии повышенной динамики, переживая трансформации, исход которых еще не вполне ясен. В этих условиях даже образованный носитель языка подчас теряется: литературная норма становится подвижной, скорее

---

⁶² Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. М.: «Русский язык», 1988. С.23. Цитируется по: Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. 2-е изд., М.: «Языки русской культуры», 2000. С.11-12.

дескриптивной, нежели императивной, дискурс организуется как все более творческий, а речевой узус принимает на себя роль главного ориентира в выборе языковых средств. Можно сказать, что в настоящее время наше общество достигло пика языковой свободы.

Однако параллельно с этим набирает силу и запрос со стороны общества на некие общие и определенные, желательно единые, рекомендации от специалистов, выступающих составителями словарей, грамматик и справочников. Этот запрос поддерживается и со стороны законодателей, стремящихся упорядочить использование русского языка в качестве государственного. Унификация требований к речевой культуре выпускников общеобразовательной школы также обеспечивается практикой подготовки и сдачи ОГЭ и ЕГЭ по русскому языку, введением в образовательные программы учебных заведений курсов по культуре речи, речевому этикету, деловому общению и т.д.

Предметом данной статьи является рассмотрение основных направлений динамики языковых процессов, актуальных для современной языковой ситуации и значимых с точки зрения требований к речевой культуре носителей языка.

Под влиянием натиска языковых инноваций (неологизмов, иноязычных заимствований и др.) наблюдается экспансия узуальной нормы, понимаемой как «типичные и не отвергаемые обществом факты функционирования языка» [Сиротинина, 2006, с. 490], и сопутствующая ей дестабилизация кодифицированной литературной нормы. Главный вопрос, инициируемый данным процессом, это вопрос о том, необходимо ли узаконение тех или иных узуальных норм, придание им статуса кодифицированных или все-таки такой необходимости нет. Не ставя целью охватить все актуальные языковые процессы, остановимся на некоторых из наиболее заметных тенденций последнего времени.

1. Экспансия узуальной нормы профессиональных социолектов, особенно в среде активно развивающихся профессий: менеджеров, программистов, экономистов, юристов, блогеров, дизайнеров и т.д.

Как справедливо отмечает О.Б. Сиротинина в упомянутой статье, эта экспансия обеспечивается давлением на норму за счет высокой авторитетности и специализации соответствующего социального или профессионального слоя, с учетом того, что из него активно рекрутируются госслужащие и менеджеры высокого ранга (руководители крупных компаний и государственных корпораций, законодатели), медийные персоны. Благодаря этому происходит узуальная «легитимизация» вариантов в профессионально ограниченном употреблении типа *договор аренды* или *задействовать сотрудников*. Однако кодификация подобных узуальных явлений не носит регулярного характера. Так, согласно «Орфоэпическому словарю русского языка» И.Л. Резниченко отклоняющимися

от литературной нормы признаны акцентные профессиональные варианты *прИговор*, *[дело] возбУждено*, тогда как вариант *обеспечЕние* указан на правах равноправного с вариантом *обеспЕчение* [Резниченко, 2003].

2. Явления речевой моды.

И.Т. Вепрева отмечает, что инновационность в языке получает закономерное выражение через модные слова и обороты [Вепрева, 2006, с.116]. Мода на языковое употребление стимулирует разрыв с прошлым, что особенно оправдано в условиях целенаправленного реформирования общества. Вместе с тем модное словоупотребление зачастую несет в себе опасность затемнения смысла, сомнительной лексической сочетаемости, простой замены формы при сохранении значения.

Основным источником обновления лексики по-прежнему являются иноязычные заимствования, прежде всего англицизмы. Список модных с начала 2000-х годов лексических единиц, образующих синонимические пары, в последующие годы вплоть до настоящего момента пополняют такие примеры, как *контроль – контроллинг, процесс – процессинг, специалист по кадрам – эйчайр, оценка – ассесмент, сотрудничество, совместный проект, совместная деятельность – коллаборация* и др. В моду входят не только отдельные слова, но и словосочетания и целые предложения, например: *пилотный проект, дорожная карта, бережливые технологии, вывести / выйти из зоны комфорта, дать обратную связь, я вас услышал*. Метаязыковая рефлексия носителей языка на целый ряд подобных случаев показывает, что далеко не все приведенные единицы осознаются как функционально и содержательно полезные для современного общения. В частности, в известном шоу Comedy Club «Важное совещание» иронично отражена необоснованность употребления целого ряда модных заимствований типа *саплайменеджер* и оборотов вроде *вы были услышаны*. Для решения вопроса о кодификации популярных языковых средств важно принимать во внимание их соответствие системным тенденциям, степень распространенности в языковом коллективе, функциональную оправданность.

3. Актуализация потенциала языковой системы.

Особого внимания заслуживают те языковые явления, которые несут в себе реализацию системных процессов, отражают имманентные закономерности языка. Именно выявление таких процессов среди многообразия инноваций должно интересовать лингвиста с точки зрения их поддержания через механизмы кодификации.

3.1. Одним из явлений подобного рода выступает образование форм множественного числа существительных, традиционно рассматриваемых как *singularia tantum*, а именно – абстрактных, вещественных и собирательных существительных. В последние полвека отношение исследователей к появлению у этих слов формы

множественного числа эволюционировало от категоричного неприятия до признания их системности. Н.С. Валгина указывает: «В группе... имен существительных, обозначающих качество, действие или состояние, которые, по данным грамматик середины XX в., не имеют форм множественного числа, начинается процесс опредмечивания и конкретизации, результатом которого оказалось появление форм множественного числа... Особенно активны в этом процессе имена на *-ость*, *-есть* и др.: *договоренности, реальности, вредности, данности, звучности, недосказанности, отвлеченности, проницаемости, неуклюжести*» [Валгина, 2006, с.169-170]. Добавим к этому перечню более поздние примеры: *активности, озабоченности*, а также *бизнесы, партнерства, коллаборации, локации* и т.д. Происхождение многих из этих форм связано с профессиональной средой и отражает определенный семантический сдвиг в их значении, а иногда и стилистическую специфику.

3.2. Еще одно явление, связанное с системными изменениями в языке, наблюдается в сфере словоизменения и словообразования: речь идет об изменении зон аналитизма в русском языке. Данный процесс, как известно, протекает достаточно давно, однако в современной языковой ситуации он осуществляется на новых участках системы. В частности, несклоняемость существительных заметно локализуется в рекламном (шире – маркетинговом) дискурсе, который склонен избегать словоизменения в названиях брендов, магазинов и других маркетинговых объектов (в первую очередь иноязычных, но не только), ср.: *Весна в Mediamarkt! Сказки от «Нурофен»*; *С Кетонал крем успеваю помочь всем!*

Одновременно можно заметить и обратную тенденцию: некоторое ослабление аналитизма в лексико-тематических зонах, которые совсем недавно были примером его усиления. Так, в группе наименований лиц по должности, профессии, роду деятельности применительно к лицам женского пола стали активно употребляться существительные не мужского, а женского рода (феминитивы): *блогерша* и *блогерка, мэриша, адвокатка, депутатка, кандидатка, юристка, ученая* и др. Разумеется, данные существительные не относятся к кодифицированной норме, однако их продуктивность в разговорной подсистеме литературного языка теперь поддержана с коммуникативной стороны: активизацией общения в новейших цифровых коммуникативных средах (социальных сетях и мессенджерах). Использование феминитивов отражает стремление к смысловой точности слова, подчеркивает гендерность номинации, т.е. служит конкретизации, детализации свойств означаемого.

3.3. В сфере именного словообразования обращает на себя внимание возросшая продуктивность такого способа, как усечение производящей основы, например: *губер*

(губернатор), инста (инстаграмм), магаз (магазин), чел (человек) и др. Данное явление уже на протяжении полувека служит маркером разговорного [Земская, 2004, с. 115] и профессионально-жаргонного [Голуб, 2018, с. 229] словообразования и распространяется чаще всего на заимствованные и сложносокращенные слова: кило (килограмм), бутер (бутерброд), пед (пединститут), гос (госэкзамен), нелегал, неликвид, огнеупор, ультрафиолет. Теперь же данная модель поддержана еще и за пределами устного общения – в устно-письменной речи, где она изначально была дополнительно мотивирована таким фактором, как экономия усилий при наборе текста, а затем стала стилистическим маркером неофициального интернет-дискурса. Компрессивная словообразовательная модель широко представлена в интернет-среде, ср.: реал (реальность, реальный мир), виртуал (виртуальный мир), винд (виндоус), локаль (локальная сеть), конфиг (конфигурационный файл), админ (администратор), комп (компьютер), аттач (аттачмент) и мн. др.

Приведенных примеров достаточно, чтобы судить о том, что речевая узуальная практика оказывает в настоящее время существенное давление на литературную норму, встречая подчас решительное сопротивление последней.

Однако, как полагают исследователи, взаимодействие между кодификацией и узусом далеко не всегда является конфликтным, разрешаемым исключительно в пользу только одной из сторон: возможно и даже в некотором смысле желательно совместное функционирование разных вариантов одной языковой единицы. [Крысин, 2006, с.303]. Иными словами, современная литературная норма вариативна, и такое понимание означает, что она реализуется не столько через запрет, сколько через выбор. Варианты могут различаться семантически и стилистически, отражать территориально-региональные, профессиональные, социальные характеристики говорящих. Многообразие вариантов свидетельствует о богатстве функциональных возможностей языка, позволяет ему более гибко и разносторонне передавать тонкости в характеристике означаемого, демонстрировать различные речевые портреты носителей языка, своего рода «речевое многоголосие», помогает формировать полнофункциональный тип языковой личности. «Вариативность нормы – явление естественное, обусловленное как эволюционными процессами в литературном языке, так и неоднородностью состава его носителей», - заключает Л.П. Крысин [Крысин, 2011, с.7]. Литературная вариативность использует ресурсы жаргонной и просторечной подсистем, постепенно осваивая их отдельные единицы, включая их в свою орбиту, тем самым повышая их стилистический статус. Существует и обратный процесс – понижение стилистического статуса лексических единиц.

В связи с этим представляют интерес результаты осуществленного в начале 2010-х годов сопоставительного исследования 4-х изданий «Словаря русского языка» С.И. Ожегова. Оно выявило, что на протяжении 30 лет выхода изданий почти 62% слов понизило свой стилистический статус, перейдя либо из нейтрального пласта в разговорный, либо из разговорного – в просторечный, либо даже из нейтрального – в просторечный. В 38% случаев слово, наоборот, повысило свой статус: просторечные лексемы стали помечаться как разговорные, разговорные – как нейтральные, в единичных случаях слова из просторечных «шагнули» сразу в нейтральные [Богданова, 2012].

Таким образом, вариативность обеспечивает снятие антиномии нормы и узуса, эволюцию нормы вслед за эволюцией системы, реализующейся через узус, проявление разнородных внутренних структурных возможностей и в конечном счете укрепляет жизнеспособность данного языка.

Данное принципиальное теоретическое положение служит важным обоснованием критерия современной речевой культуры, которое сводится к требованию расширять и развивать способность личности к вариативному употреблению языковых единиц. Владение нормами литературной речи сегодня подразумевает воспитание языковой личности полнофункционального либо неполнофункционального типа, согласно классификации О.Б. Сиротининой [Сиротинина, 2003]. Кроме того, в задачу совершенствования речевой культуры входит формирование языковой личности как человека с высоким уровнем коммуникативной, дискурсивной, этической и лингвокультурной компетентности, однако это может стать темой отдельной статьи.

Список литературы:

- Богданова Н.В.* Планка требований к слову – падает или поднимается? (К вопросу о культуре русской речи) // Вопросы культуры речи: Сб. статей Т.ХІ / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2012. С.9-17.
- Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2001. 304 с.
- Вепрева И.Т.* О кодифицированной норме в современной культурно-речевой ситуации: норма и мода // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. С.111-119.
- Голуб И.Б.* Стилистика русского языка: учебник для академического бакалавриата. 6-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2018. 445 с.
- Земская Е.А.* Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2004. 240 с.
- Караулов Ю.Н.* О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М.: Б. и., 1991. 65 с.
- Крысин Л.П.* Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.70. №4. 2011. С.3-8.
- Крысин Л.П.* Языковая норма в проекции на современную речевую практику // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. С.294-311.

Резниченко И.Л. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение: Ок. 25 000 единиц / И.Л. Резниченко. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 1182 с.

Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. 2-е изд., М.: «Языки русской культуры», 2000. 480 с.

Сиротинина О.Б. Узуальная норма и ее роль в развитии языка // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. С.490-499.

Сиротинина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. / Под ред. М.А. Кормилициной. Саратов, 2003. С. 3-19.

Скворцов Л.И. Культура речи // Лингвистический энциклопедический словарь; главный ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С.247-248.

References:

Bogdanova N.V. Planka trebovanij k slovu – padaet ili podnimaetsya? (K voprosu o kul'ture russkoj rechi) // Voprosy kul'tury rechi: Sb. statej T.XI / In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. M., 2012. S.9-17 (In Russian).

Valgina N.S. Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. M.: Logos, 2001. 304 s. (In Russian).

Vepreva I.T. O kodificirovannoj norme v sovremennoj kul'turno-rechevoj situacii: norma i moda // Russkij yazyk segodnya. Vyp. 4. Problemy yazykovoj normy. Sb. statej / In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. M., 2006. S.111-119 (In Russian).

Golub I.B. Stilistika russkogo yazyka: uchebnyk dlya akademicheskogo bakalavriata. 6-e izd., ispr. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2018. 445 s. (In Russian).

Zemskaya E.A. Russkij yazyk kak inostrannyj. Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskij analiz i problemy obucheniya: uchebnoe posobie. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2004. 240 s. (In Russian).

Karaulov YU.N. O sostoyanii russkogo yazyka sovremennosti. Doklad na konferencii «Russkij yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistik». M.: B. i., 1991. 65 s. (In Russian).

Krysin L.P. Variativnost' normy kak estestvennoe svojstvo literaturnogo yazyka // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. T.70. №4. 2011. S.3-8 (In Russian).

Krysin L.P. Yazykovaya norma v proekcii na sovremennuyu rechevuyu praktiku // Russkij yazyk segodnya. Vyp. 4. Problemy yazykovoj normy. Sb. statej / In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. M., 2006. S.294-311 (In Russian).

Reznichenko I.L. Orfoehpicheskij slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie. Udarenie: Ok. 25 000 edinic / I.L. Reznichenko. – M.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. 1182 s. (In Russian).

Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985-1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. 2-е изд., М.: «Языки русской культуры», 2000. 480 с. (In Russian).

Sirotnina O.B. Uzual'naya norma i ee rol' v razvitii yazyka // Russkij yazyk segodnya. Vyp. 4. Problemy yazykovoj normy. Sb. statej / In-t russkogo yazyka im.V.V. Vinogradova RAN. M., 2006. S.490-499 (In Russian).

Sirotnina O.B. Kharakteristika tipov rechevoj kul'tury v sfere dejstviya literaturnogo yazyka // Problemy rechevoj kommunikacii: Mezhvuz. sb. науч. tr. Vyp. 2. / Pod red. M.A. Kormilicinoj. Saratov, 2003. S. 3-19 (In Russian).

Skvorcov L.I. Kul'tura rechi // Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'; glavnyj red. V.N. Yarceva. M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1990. S.247-248 (In Russian).

Шапич Юлия Леонидовна
РЦНК «Русский дом»
г. Белград (Сербия)

Shapich Yulia
PCNK «Russkiy dom»
Belgrade (Serbia)

НЕТИПИЧНЫЕ СИТУАЦИИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПО ВЕРТИКАЛИ В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО

ATYPICAL SITUATIONS OF VERTICAL LOCALIZATION IN THE SERBIAN LANGUAGE AS COMPARED TO THE RUSSIAN LANGUAGE

В статье в рамках категории пространства рассматриваются разноуровневые языковые единицы семантической оппозиции «верх – низ» в функции невертикальной (нетипичной вертикальной) локализации в сербском языке в сопоставлении с русским. Нетипичность заключается в употреблении лексем с семой вертикальности в таких высказываниях, как: *Пекара је доле код пијаце* 'Булочная внизу у рынка' (на улице без видимого наклона); *Скрени лево горе на ћошку* 'Поверни налево наверху на углу' (на улице без видимого наклона); *Лифт је доле низ ходник* 'Лифт – в конце коридора (букв. 'внизу/вниз по')'; *Отац шета по соби горе-доле* 'Отец ходит по комнате туда-сюда ('вверх-вниз')'; *Идем у Немачку, горе ми је брат* 'Еду в Германию, у меня там брат' ('наверху'); *Био сам доле код својих* 'Я съездил домой, букв. вниз' и др. Анализ материала позволяет выделить ситуации локализации: по условной вертикали; по сторонам света, в том числе с учетом на север-юг ориентированной карты; по «статусной» вертикали, при которой говорящий, наделяя объект локализации важностью в сообщении, видит его расположенным наверху, а также их синкретические варианты. С нейтрализацией семы вертикальности у единиц развиваются дейктические значения 'там/туда'. Нечеткость значения вертикальности, основополагающей во всех языках и культурах, становится причиной коммуникативных затруднений в русско-сербских контактах, указывая на несоответствия на более глубоком уровне.

This paper discusses multilevel language units under the semantic opposition 'up – down' within the category of space as a function of non-vertical (atypical) localization in Serbian in comparison with Russian. The atypical usage of lexemes conveying verticality can be stated in these examples: *Пекара је доле код пијаце* 'Булочная внизу у рынка' (in a street without visible inclination angle); *Скрени лево горе на ћошку* 'Поверни налево наверху на углу' (in a street without visible inclination angle); *Лифт је доле низ ходник* 'Лифт в конце/внизу коридора'; *Шета по соби горе-доле* 'Ходит по комнате туда-сюда / вверх-вниз'; *Идем у Немачку, горе ми је брат* 'Еду туда/наверх в Германию к брату'; *Био сам доле код својих* 'Я ездил домой / вниз', etc. Analysis makes it possible to highlight these situations of localization: on a conventional vertical; on the cardinal points, including the north-south oriented map; on the "status" vertical, in which the speaker, having in mind the importance of the object of localization, sees it located at the top; as well as their syncretic variants. With the neutralization of the sense of verticality, the lexemes develop the deictic meaning 'there'. The vagueness of the meaning of verticality, which is fundamental in all languages and cultures, causes communication difficulties in Russian-Serbian contacts, indicating a deeper mismatch.

Ключевые слова: пространство, вертикальный, локализация, нетипичный, семантическая оппозиция «верх – низ», разговорная речь, *горе, доле*.

Key words: space, vertical, localization, atypical, semantic opposition 'up – down', colloquial language, *gore, dole*.

Категория пространства и ее разноплановое преломление в языках продолжает привлекать внимание исследователей⁶³. На разных языках лингвисты сходятся во

⁶³О категории пространства в рус. языке см.: М. В. Всеволодова [1982], В. Г. Гак [1996]; группа «Логический анализ языка» под ред. Н. Д. Арутюновой и И. Б. Левонтиной [2000] и др.; о пространстве в серб. языке, в т. ч. в сопоставлении с русским: П. Пипер [1978–1979, 1983, 2001, 2014], в диссертациях с

мнениях, что изучение данной категории требует комплексного подхода, заключающегося в анализе не только собственно языкового, но и когнитивного, лингво- и этнокультурного материала, а также «выхода», по В. Гумбольдту, в другой язык. Так, сопоставление лингвокультур и коммуникативного поведения указывает на различную концептуализацию проксимальности и дистальности, параметров вертикальности и горизонтальности в русском и других славянских языках, объясняемого влиянием ландшафта на формирование народной культуры; географическим детерминизмом объясняются и различия в формировании когнитивно-оценочных доминант: «хороший» как «широкий» в русском и как «высокий» в словацком [Алефиренко и Корина, 2011, с. 116-146; Корина, 2017, с. 236–237; о просторе и широте русской души см. также Шмелев, 2000; Левонтина и Шмелев, 2000]. Различия в параметризации пространства, языковой и внеязыковой ориентации приводят к коммуникативным затруднениям и ошибкам в межкультурной коммуникации даже в генетически близких языках.

Предметом настоящей работы является семантическая оппозиция «верх – низ» и разноуровневые языковые единицы, восходящие к ней, но не используемые в сербском языке для очевидной локализации объекта выше/ниже уровня локализатора⁶⁴. Различные аспекты пространственной локализации рассматривалась нами в функционально-семантическом аспекте в рамках изучения и описания подсистемы пространственных фрагментизаторов (ПФ) – существительных, означающих неотделимую часть пространственного целого [Шапић, 2018; 2019; Шапич, 2019а; 2019б]. Для рассмотрения некоторых специфических ситуаций, не описанных ранее, фокус в данной работе сконцентрирован на саму семантическую оппозицию «верх – низ», подразумевающую всю совокупность изофункциональных средств ее языкового выражения, а интердисциплинарность темы подразумевает подключение элементов когнитивистики, этнолингвистики, лингвокультурологии.

В настоящей работе ставится цель указать на специфику единиц в их нетипичной функции невертикальной ориентации, проявляющуюся под влиянием референции в спонтанной речи естественного общения на сербском языке в межкультурном аспекте. Нетипичными по сравнению с русским считаем примеры⁶⁵: *Пекара је доле код пијаце* 'Булочная ?внизу у рынка' (на улице без видимого наклона); *Скрени лево горе на ћошку* 'Поверни налево ?наверху на углу' (на улице без видимого наклона); *Лифт је доле низ*

опорой на теорию семантических локализаций Л. Меденица [2014], М. Адамовић [2017], Ј. Шапић [2018] и др.

⁶⁴ В статье используется категориальная ситуация и понятийно-терминологический аппарат теории семантических локализаций П.Пипера: *локализација, локализатор, објект локализацији, ориентир* и др.

⁶⁵ Примеры взяты из живых речевых ситуаций.

ходник ‘Лифт – в конце коридора (букв. ‘внизу/вниз по’); *Отац шета по соби горе-доле* ‘Отец ходит по комнате туда-сюда (букв. ‘вверх-вниз’); *Банка је пар станица одоздо* ‘Банк – пару остановок оттуда (букв. ‘снизу’, на улице без видимого наклона); *Носи то у горњу собу!* ‘Отнеси это в верхнюю комнату’ (о комнате на одном этаже); *Идем у Немачку, горе ми је брат* ‘Еду в Германию, у меня там брат’ (букв. ‘наверху’); *Био сам доле код својих за Божић* ‘Я ездил домой (букв. ‘вниз’) на Рождество’; *Сиђи доле до реке* ‘Спустись вниз к реке’; *Идем да се спустим низ булевар* ‘Пойду пройдусь по бульвару’ (букв. ‘спущусь вниз’); *Пословни блок се гради уз улицу* ‘Офисные здания строятся вдоль улицы’ (букв. ‘вверх по’) и т. п.

Интерпретация локализации такого рода вызывает затруднения у носителей русской лингвокультуры, которое особенно заметно при общении на сербском языке. Видимое (в том числе мысленно) пространство, соотносимое русофонами с горизонтальным измерением – этаж с помещениями, город с улицами, страна с городами, континент со странами, – в сербском языковом сознании оказывается наделенным признаком вертикальности. Сообщению противоречит и язык жестов – на вопрос, где остановка автобуса, могут ответить: *Ено је горе!* букв. «Вон, наверху», указывая рукой в сторону. Такие сообщения кажутся аномальными, нарушающими прагматическую презумпцию, как характеризует ее Е.В. Падучева [Падучева, 2010, с. 57–58].

Данное явление в сербском языке обращало на себя внимание русскоязычных лингвистов⁶⁶, но не рассматривалась системно. Так, Е.А. Правда выделяет у сербских наречий «вверху» и «внизу» семантику сторон света, другие же нетипичные для русского языка случаи трактует так: «Верхом могут назвать более широкий конец улицы или конец, выходящий на площадь или в центр города, пространство у входа в помещение и т. п.» [Правда, 2004, с. 75]. Однако этим интерпретация их функций ограничивается.

Сербско-русские исследования языковых систем пространственной локализации опираются, в основном, на типичные случаи. Так сербское прилагательное *горњи* рассматривается в сопоставлении с прямым русским эквивалентом *верхний* – *горњи спратови* «верхние этажи» [Адамовић, 2017, с. 112–116]. Переход в ряде примеров указанного автора вертикальности в латеральность, обусловленный структурой денотатов, характерен для обоих языков и не вызывает вопросов – *горњи листови купуса* как *верхние листья капусты* (хотя имеются в виду «листья, расположенные снаружи»), *горња сукња* как *верхняя юбка* и др. Местоимение *горе* рассматривается в его очевидном соответствии

⁶⁶ На примере словацкого языка данное явление описано в Алефиренко и Корина 2011; в английском отмечено у Э. Сепира: “*I’m going down to Tuscon*. This use of *down* illustrates a whole series of curious adverbial usages in English involving *out*, *up*, *down*, *over*, and possibly others in other than their literal meanings...” [Sapir, 2008, с. 400].

значению «наверху», как показывает Л. Меденица на примере *Где живе Петровићи? Они живе горе*, раскрывая референцию: диалог ведется на первом этаже восьмизэтажного дома, семья живет на третьем [2014, с. 62]. Контекст высказывания *Петровићи живе горе* действительно «достраивается» и в русскоязычном сознании как «в доме» (прагматическая презумпция: «этажи в зданиях расположены вертикально»), однако этого не происходит в примере *Петровићи живе горе*, имея в виду «на севере», встречающимся в сербском (ср. также эллипсис *живе преко* «живут через», т. е. «за границей»). Еще более неоднозначно высказывание *Пекара је горе* «Булочная наверху», если оно актуализировано на улице без видимого наклона, где единственный контекст – общее горизонтальное поле зрения коммуникантов.

Исследования сербского языка в данной области опирались на его письменный регистр, художественную литературу и ее переводы. Мало внимания уделялось анализу речевых ситуаций естественного разговорного языка как корпусу «ненадежному», с диалектными вкраплениями, просторечием, речевыми ошибками⁶⁷. Однако и устная речь относится к факту объективной грамматики [Пешковский, 1959, с. 50–62]. Из опыта преподавания иностранных языков известно, что языка одной лишь художественной литературы недостаточно для полноты общения, он «в отношении количественного инструментария намного беднее совокупности всех остальных функциональных стилей» [Всеволодова, 2016, с. 22]. Явление, рассматриваемое в настоящей работе, присуще живым языковым контактам и проявляется особенно при наложении вербально-семантических сетей в условиях активного русско-сербского билингвизма. При этом отголоски о коммуникативных сбоях поступают с русской стороны, представители же сербской культуры пожимают плечами, считая такую локализацию понятной и естественной.

Призрачный характер явления усугубляется вмешательством объективных экстралингвистических факторов, например, неравными фоновыми знаниями коммуникантов. Приведем типичную ситуацию: житель Белграда, находясь на бульваре Краля Александра, сообщает: *Идем низ Булевар* «Пойду (спущусь) вниз по бульвару». Ответ на вопрос, в какую это сторону, если улица, по оценке адресата высказывания, ровная или представляется ровной, и почему не говорят *уз булевар* «вверх по бульвару», звучит, например, так: *Сви знају да се Булевар (Краља Александра) спушта ка центру* «Все знают, что бульвар (...) спускается к центру». Все части суждения расцениваются

---

⁶⁷ На иное отношение к норме в устной речи указывал еще Л.В. Щерба [1974, с. 34], правда, считая, что анализу следует подвергать лишь нормированный язык, например, язык художественной литературы [1974, с. 35].

русофоном как неверные: «знают не все», «наклон не очевиден». Однако оправданно ли сведение данного примера к различиям в экстралингвистических знаниях коммуникантов, если подобные фразы не вызывают недоумений у сербов из других регионов? Моделирование всех неязыковых условий речевой ситуации, т.е. учет множества прагматических и экстралингвистических факторов (местонахождение центра и/или другой точки референции, топология местности, пресуппозиции коммуникантов и т. п.), чтобы провести анкетирование, представляется сверхтрудной задачей.

Среди объяснений носителей, в каких случаях *горе* и *доле* и их изофункциональные варианты не указывают на вертикальную локализацию объекта и чем в этом случае мотивирован выбор полюса оппозиции «верх – низ», выделим следующие⁶⁸:

(а) Высотное местоположение может быть очевидно в меньшей степени. В название места включена информация о высоте денотата в виде ассоциативного значения, даже когда в состав топонима не входят слова со значением «холм», «гора» и т. д. На равнинном рельефе этого явления нет (см. примеры ниже).

(б) *Доле* употребляют по отношению к рекам: *сиђи до реке* «пойди/сойди к реке». Местность во все стороны от реки простирается *горе*, независимо от пологости берега.

(в) *Доле* и *горе* относится к направлению течения рек.

(г) *Горе* и *доле* соответствуют картографическому расположению: *горе у Суботици*; *доле на Косову*.

(д) *Горе* и *доле* связаны с позицией центра, т. е. хронологией застройки.

(е) *Горе* означает «вперед», а *доле* – «назад». Выбор зависит от того, куда повернут лицом говорящий.

(ж) *Горе* и *доле* – синонимы «там, туда».

(з) Такого явления в сербском языке не существует.

Отметим, что смыслы нечетко разграничены даже в толковых словарях. Так, подзначение *горе* и его толкование (5.а) «у вишем горњем делу» [РСЈ, 2011, с. 201], т. е. «в высшей верхней части», дающее ясное представление о локализации по вертикали, иллюстрируется примером за столом: *горе домаћин*, *доле званице* «наверху хозяин, внизу гости». Очевидно, *горе* указывает на особое место хозяина, которое, вероятно, не отличается от мест гостей по признаку высоты.

Употребление наречия *горе* в функции ориентира в сочетании с топонимами, содержащими в названии «высотный» маркер, скажем, *брдо* «холм» логично, но не типично для русского языка: *Живим горе* (о районе Баново-брдо) «Я живу наверху»;

---

⁶⁸Объяснения даны носителями серб. языка – студентами рус. языка в РЦНК, филол. факультета Белградского университета, коллегами-билингвами.

объяснимо оно и при отсутствии маркера высоты в названии района на холме, в том числе при опущении локализатора: *Горе се отворила нова школа* «Наверху открылась новая школа» (из контекста – о белградском районе Медакович, название не говорит о высоте, но район расположен на холме); *Горе је никло ново насеље* «Наверху вырос новый район» (тот же контекст); *Идите горе, па на семафору десно* «Проедете наверх и на светофоре направо» (о районе Трошарина на холме). Для русского языка аналогичные ситуации локализации нетипичны даже при наличии маркеров высоты в названии топонимов, а подчеркнутые слова в примерах следовало бы перевести на русский как, например, *там, там, туда*. Так, в Москве на вопрос, как попасть в МГУ, последует ответ: *Вам нужно проехать на Воробьевы горы*, или его дейктический вариант *туда/в ту сторону* (ср. нетипичное для русского **Вам нужно проехать наверх/подняться/взобраться/залезть на Воробьевы горы*).

На масштабе улицы локализация с помощью единиц с семантикой вертикальности выражается в русском языке при крутом наклоне денотата: *От площади улица поднимается в гору; Вверх по ул. Горького построено два дома*⁶⁹. Другие факторы, потенциально релевантные для вертикальных ориентиров, – направленность от центра, хронология застройки и т. п. – не находят очевидного отражения в русском языке. Хотя синтагма *стекаться в центр* может указывать на положение центра *внизу* по отношению к периферии, этот вторичный признак мог возникнуть под влиянием значения центростремительности глагола *стекаться* «прибывать в одну точку/место со всех сторон» (ср. также с наименованием других мест: *Люди стекались в столицу, на площадь, на стадион* и т. д.).

Ориентация по водоемам зафиксирована в различных культурах – как вдоль реки, где *верх* – исток, а *низ* – устье, так и перпендикулярно линии воды [Подосинов, 1999, с. 601; Содномпилова, 2009, с. 217; Березович, 2009 др.]. Сербский язык не исключение: *горе* (3.б) «у изворишном делу (реке)»; *горњи* «који ближе извору (реке)»; *доле* (2.в) «који је ближи ушћу» [РСЈ, 2011, с. 201, 202, 287]. И в русском имеются лексемы *вверх / вниз по реке, низовье и верховье*. По данным ономастики, атрибуты *верхний* и *нижний* в топонимах связаны с направлением течения, хотя иногда преобладает фактор высоты [Кондрашина, 1980, с. 30, 34]. Что касается низменного положения воды относительно остального рельефа и влияния этого на выбор вертикального параметра при семантической локализации, в русском и сербском языках заметны различия. Перевод *сићи на реку* на русский соответствует скорее *пойди к реке*, чем *сойди/спустись*, т. к.

---

⁶⁹ Пример с сайта: <http://www.kuluar.ru/Moscow/Mosc/Mosc11.htm>

последний подразумевает лишь крутой берег; так, слова песни М. Делчица *Сићу до реке, ...ја сам доле* следовало бы перевести я *там/здесь*, а не *я *внизу*. Что касается водоема как точки референции при локализации в городе, вдали от воды, оставим открытым вопрос, можно ли отдавать себе постоянный отчет о положении линии воды или направлении течения без реки в поле зрения и ориентироваться от реки=вверх или к реке=вниз.

Нетипичность употребления единиц оппозиции «верх – низ» проявляется в так называемой картографичности сербского языка: *Идем у Немачку. Горе ми је брат* «У меня *там* брат» (букв. «*наверху*»). Города и страны на севере расположены «наверху», а на юге – «внизу». И в РСЈ зафиксированы значения *горе* «на севере», *горњи* «северный» – *Горње Полимље, доле* и *доњи* «на юге» [РСЈ, 2011, с. 201, 202, 287]. *Идем горе према Суботици*; или *Отворена је фабрика у Лесковцу. Људима доле то много значи* (из радиопередачи). В русском языке такая локализация нетипична: *Я еду *наверх, в Псков; Открыта фабрика в Самаре. Людям *внизу это важно*.

Наречие *доле* в сербском языке, видимо, развивает значения «далеко» или «в конце», когда денотат слова в функции локализатора имеет вытянутую форму. Носители языка могут указать на расположение лифта *доле, на крају ходника* «внизу, на краю коридора» или указать на игрока на краю футбольного поля: *Ено га доле!* «Вон он, *внизу*». Возможно, сербское *доле* здесь коррелирует с русским *вдоль*, с тем что *вдоль* указывает на расположение объекта на/по прямой линии (ср. толкование *вдоль* в словаре В. И. Даля: «в длину, в долину» [Даль, 1978]), а *доле* указывает на крайнюю точку этой прямой линии. Таким образом, по семантике *доле* приближается к деиктику *тамо* «там».

К средствам выражения ориентации по вертикали относятся и сербские предлоги *уз(а)* и *низ(а)* со значением перлативности и компонентом ориентации относительно верхней и нижней части локализатора [Piper, 2001, с. 72; Пипер, 2012, с. 143–146], не имеющие формальных эквивалентов в русском языке. Предлог *уз* коррелирует с родственным русским префиксом *вз(вс)-* и его оттенком значения «вверх» (*вскочить, взбежать* и др.). В указанных работах они анализировались в сочетании со словами-локализаторами, денотаты которых обладают свойством вертикальности (стена, лестница и др.) – *уза/низа зид*. Но не менее частотной является их невертикальная функция, например, по отношению к улице в горизонтальной плоскости, и тогда движение *уз улицу* означает *по/вдоль* улицы: *Нове зграде се граде уз улицу* «*Вдоль* улицы строятся новые дома». Предлог *низ*, кроме значения «вниз» – *низ брдо*, также имеет значение «вдоль» – *низ ходник* «*вдоль* коридора/*по* коридору». Фокус в русском смещается с направления на трассу пути: *Идем низ булевар* «*по* бульвару». Очевидно этимологическое родство рассмотренного выше русского предлога/наречия *вдоль* и сербского *доле* (в современном

русском языке сохранились *дол*, *долина* «низкое место»), а также связь со словом *длина*: *вдоль* – «в продольном направлении, по длине» [Ожегов, 1999; Даль, 1978].

Нетипичность употребления единиц, структурирующих оппозицию «верх – низ», проявляется и на уровне фразеологии. Сербская когнитивная лингвистика, следуя западной традиции, рассматривает явления развитости вертикального измерения в образных языковых средствах в свете понятийных метафор [Кликовац, 2018; Rasulić, 2004]. Однако открытым остается вопрос о причине развитости именно этого измерения в сербском языке, учитывая, что в русском языке в понятийных метафорах развитым является параметр ширины [Шмелев, 2000; Левонтина и Шмелев, 2000]. Так, *шетати се горе-доле по соби* «туда-сюда по комнате» (букв. «вверх-вниз») означает движение по горизонтали. В языковом сознании русофона возможно хождение *туда-сюда*, но отнюдь не **вверх-вниз*⁷⁰. Сюда же относится фразема *с гора и с дола* и ее русский «горизонтальный» эквивалент *со всех сторон*.

Особого подхода требует доживающее в сельской среде словосочетание *горња соба*. Видимо, здесь речь идет об этимологической традиции – когда-то и в русском языке ныне маркированная лексема *горница* означала «(лучшую) комнату для гостей» [Фасмер, 1986, с. 442] (ср. также однокоренное с ним слово *горничная*).

Говоря о синтаксической структуре высказываний, в рассматриваемых случаях часто имеет место семантическое дублирование (напр., наречие + именная группа): *Живим горе на брду*; *Лифт је доле низ ходник* и т. п. Повтор изофункциональных средств пространственной локализации играет конкретизирующую роль. Такой повтор в русском возможен с деиктиками *там*, *туда*: *Лифт там, в конце коридора*.

Итак, в сербском языке выделяется группа средств семантической оппозиции «верх-низ» в функции невертикальной/неочевидно вертикальной локализации, нетипичной для русского языка. На представленном языковом материале выделяются следующие ситуации: локализация по условной вертикали; локализация по сторонам света, в том числе с учетом на север-юг ориентированной карты; локализация по «статусной» вертикали, при которой говорящий, наделяя объект локализации важностью в сообщении, видит его расположенным наверху; а также их синкретичные варианты. Создаются условия для нейтрализации семы вертикальности данных единиц с развитием у них в ряде случаев дейктических функций – например, наречия *горе* и *доле* приближаются к «там/туда», но при этом границы дополнительных оттенков значений первых остаются размытыми. Различия между русской и сербской лингвокультурами становятся заметны

---

⁷⁰ Автор отдает себе отчет о не-буквальности перевода фразеологических единиц, выделяя вертикаль лишь как основание для метафоризации смысла.

благодаря живому общению и референции. Нечеткость значения вертикальности, основополагающей во всех языках и культурах, становится причиной коммуникативных затруднений в русско-сербских контактах, указывая на несоответствие на более глубоком уровне – уровне языкового сознания, что указывает на важность вопросов, круг которых очерчен в работе.

Список литературы:

- Адамовић М.* Придеви са просторним значењем у савременом руском језику у поређењу са српским: докторска дисертација. Београд: Филолошки факултет, 2017.
- Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б.* Проблемы когнитивной лингвистики. Нитра: Университет им. Константина Философа, 2011.
- Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, Opera selecta, сборник научных статей 35, 1997. С. 272–298.
- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр. и доп. Т. I. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
- Арутюнова Н.Д., Левонтина И.Б.* (ред.) Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Бондарко А.В.* и др. (ред.) Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Санкт-Петербург: Наука, 1996.
- Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982.
- Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2016.
- Гак В.Г.* Функционально-семантическое поле предикатов локализации / А.В. Бондарко (ред.) Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Санкт-Петербург: Наука, 1996. С. 6–26.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. И. А. Бодуэн де Куртенэ (ред.) I–IV т. М.: Русский язык, 1978. – Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=246>.
- Кликовац Д.* Српски језик у светлу когнитивне лингвистике. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2018.
- Кондрашина В. В.* Соотносительный ряд «верхний» — «нижний» в русской топонимии // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка 14, 1980. С. 29–35.
- Корина Н.* Восприятие пространства и языковая категоризация действительности // Jazykovedný časopis 67.3 (2016). С. 233–245.
- Левонтина И.В., Шмелев А.Д.* Родные просторы / Логический анализ языка. Языки пространств. Ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: 2000. С. 338–347.
- Меденица Л.* Незаменички прилози са просторним значењем у савременом руском и српском језику: докторска дисертација. Београд: Филолошки факултет, 2014.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.
- Оташевић Ђ.* Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад: Прометеј, 2012.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: ЛКИ, 2010.
- Падучева Е.В.* Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Труды международной конференции 2006. С. 403–413.
- Пешковский А.М.* Избранные труды. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во министерства просвещения РСФСР, 1959.
- Пипер П.* Заменички прилози у српскохрватском, руском и польском језику (семантичка студија). Београд: Институт за српскохрватски језик; Библиотека јужнословенског филолога, 1988.
- Пипер П.* О предлозима са спацијалним значењем (*Обележавање просторних односа предлошко-падежним конструкцијама у савременом руском и савременом српскохрватском књижевном језику) / П. Пипер. Лингвистичка русистика: Студије и чланци. Београд: Филолошки факултет, 2012. С. 109–194.

- Пипер П.* О простору у српској језичкој слици света // *Slavistična revija* 62, 2014. С. 275–294.
- Подосинов А.В.* *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Правда Е.А.* Некоторые особенности коммуникативного поведения представителей сербскоязычной культуры / *Коммуникативное поведение славянских народов: русские, сербы, чехи, словаки, поляки*. Вып. 19. Воронеж, 2004. С. 70–90.
- РСЈ: Речник српскога језика.* Нови Сад: Матица српска, 2011. 1561 с.
- Содномпилова М.М.* Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009.
- Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка* в 4 т. 2-е изд. Перев. О.Н. Трубачов. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.
- Шапић Ј.* О просторним фрагментизаторима (на материјалу руског језика) // *Славистика XXI/1–2*, 2017. С. 124–130.
- Шапић Ј.* О просторним фрагментизаторима са значењем ‘горњи део’ – ‘доњи део’ у руском језику у поређењу са српским // *Славистика XXIII/1*, 2019. С. 134–141.
- Шапић Ј.* Просторни фрагментизатори у руском језику у поређењу са српским: докторска дисертација. Београд: Филолошки факултет, 2018.
- Шапић Ј.Л.* Пространственне фрагментизатори в функционално-коммуникативном аспекте // *Слово. Грамматика. Речь: Материалы VII Международной научной конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного»*: М., филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28–30 ноября 2019. Вып. XX, 2019. С. 458–460.
- Шапић Ј.Л.* Пространственне фрагментизатори со значењем ‘крај’ и ‘конец’ в непространственной функции (на материале русского и сербского языков) // *Русское слово в многоязычном мире: материалы XIV конгресса МАПРЯЛ 29 апреля – 3 мая 2019 года*, Нур-Султан, 2019б. С. 1507–1512.
- Шмелев А.Д.* "Широта" русской души / *Логический анализ языка. Языки пространств*. Ред. И.Б. Левонтина, Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 357– 367.
- Щерба Л.В.* *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука, 1974.
- Rasulić K.* *Jezik i prostorno iskustvo. Konceptualizacija vertikalne dimenzije u engleskom i srpskohrvatskom jeziku*. Beograd: Filološki fakultet, 2004.
- Piper P.* *Jezik i prostor*. Beograd: Biblioteka XX vek, 2001.
- Sapir E.* *The Collected Works of Edward Sapir*. Ed. Pierre Swiggers. Vol. 1 *General Linguistics*. Berlin - New York: Mouton de Gruyter, 2008. – Available at: <https://books.google.rs>.

References:

- Adamović M.* *Pridevi sa prostornim značenjem u savremenom ruskom jeziku u poređenju sa srpskim: doktorska disertacija*. Beograd: Filološki fakultet, 2017.
- Alefirenko N.F., Korina N.B.* *Problemy kognitivnoi lingvistiki*. Nitra: Universitet im. Konstantina Filosofa, 2011. (In Russian).
- Apresyan Y.D.* *Deiksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira*. In: *Semiotika i informatika, Opera selecta, sbornik nauchnikh statei* 35, 1997. P. 272–298. (In Russian).
- Apresyan Y.D.* *Izbrannye trudy. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)*. 2 izd., ispr. i dop. T. I. M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995. (In Russian).
- Arutyunova N.D., Levontina I.B.* (red.) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv*. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. (In Russian).
- Bondarko A.V. i dr.* (red.) *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'. Bytiinost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'*. Sankt-Peterburg: Nauka, 1996. (In Russian).
- Vsevolodova M.V., Vladimirskii E.YU.* *Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnoshenii v sovremennom ruskom yazyke*. M.: Russkii yazyk, 1982. (In Russian).
- Vsevolodova M.V.* *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: fragment fundamental'noi prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli yazyka*. M.: URSS, 2016. (In Russian).
- Gak V.G.* *Funktsional'no-semanticheskoe pole predikatov lokalizatsii*. In: *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'. Bytiinost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'*. A.V. Bondarko (red.) Sankt-Peterburg: Nauka, 1996. P. 6–26. (In Russian).

- Dal' V.I.* Tolkovy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. I.A. Boduehn de Kurteneh (red.). M.: Russkii yazyk, 1978. – Available at: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=246>. (In Russian).
- Klikovac D.* Srpski jezik u svetlu kognitivne lingvistike. Beograd: Društvo za srpski jezik i književnost Srbije, 2018.
- Kondrashina V.V.* Sootnositel'nyi ryad «verkhonii» — «nizhnii» v russkoi toponimii. In: Voprosy onomastiki: Sobstvennye imena v sisteme yazyka 14, 1980. P. 29–35. (In Russian).
- Korina N.* Vospriyatie prostranstva i yazykovaya kategorizatsiya deistvitel'nosti. In: Jazykovedny časopis 67.3, 2016. P. 233–245. (In Russian).
- Levontina I.V., Shmelev A.D.* Rodnye prostory. In: Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv. Red. N.D. Arutyunova, I.B. Levontina. M., 2000. P. 338–347. (In Russian).
- Medenica L.* Nezamenički prilozhi sa prostornim značenjem u savremenom ruskom i srpskom jeziku: doktorska disertacija. Beograd: Filološki fakultet, 2014.
- Ozhegov S.I., Shvedova N. YU.* Tolkovy slovar' russkogo yazyka. M.: Azbukovnik, 1999. (In Russian).
- Otašević, Đ.* Frazeološki rečnik srpskog jezika. Novi Sad: Prometej, 2012.
- Paducheva E.V.* Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii. M.: LKI, 2010. (In Russian).
- Paducheva E.V.* Nablyudatel': tipologiya i vozmozhnye traktovki. In: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii 2006. P. 403–413. (In Russian).
- Peshkovskii A.M.* Izbrannye trudy. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1959. (In Russian).
- Piper P.* Zamenički prilozhi u srpskohrvatskom, ruskom i poljskom jeziku (semanticka studija). Beograd: Institut za srpskohrvatski jezik; Biblioteka juznoslovenskog filologa, 1988.
- Piper P.* Jezik i prostor. Beograd: Biblioteka XX vek, 2001.
- Piper P.* O predlozima sa spacijalnim znacenjem (*Obelezavanje prostornih odnosa predlosko-padeznim konstrukcijama u savremenom ruskom i savremenom srpskohrvatskom knjizevnom jeziku). In: Lingvisticka rusistika: Studije i chlanci. Beograd: Filoloski fakultet, 2012. P. 109–194.
- Piper P.* O prostoru u srpskoj jezickoj slici sveta. In: Slavisticna revija 62, 2014. P. 275–294.
- Podosinov A.V.* Ex oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. (In Russian).
- Pravda E.A.* Nekotorye osobennosti komunikativnogo povedeniya predstavitelei serbskoyazychnoi kul'tury. In: Kommunikativnoe povedenie slavyanskikh narodov: russkie, serby, chekhi, slovaki, polyaki. Vyp. 19. Voronezh, 2004. P. 70–90. (In Russian).
- Rasulić K.* Jezik i prostorno iskustvo. Konceptualizacija vertikalne dimenzije u engleskom i srpskohrvatskom jeziku. Beograd: Filološki fakultet, 2004.
- RSJ:* Rečnik srpskoga jezika. Novi Sad: Matica srpska, 2011. 1561 c.
- Sodnompilova M.M.* Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoi deyatel'nosti mongol'skikh narodov. Ulan-Udeh: BNTS SO RAN, 2009. (In Russian).
- Fasmer M.* Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka v 4 t. Perv. O. N. Trubachov. 2 izd. T. 1. M.: Progress, 1986.
- Šapić J.* O prostornim fragmentizatorima (na materijalu ruskog jezika). In: Slavistika XXI/1–2, 2017. P. 124–130.
- Šapić J.* O prostornim fragmentizatorima sa značenjem 'gornji deo' – 'donji deo' u ruskom jeziku u poređenju sa srpskim. In: Slavistika XXIII/1, 2019. P. 134–141.
- Šapić J.* Prostorni fragmentizatori u ruskom jeziku u poređenju sa srpskim: doktorska disertacija. Beograd: Filološki fakultet, 2018.
- Sapir E.* The Collected Works of Edward Sapir. Ed. Pierre Swiggers. Vol. 1 General Linguistics. Berlin - New York: Mouton de Gruyter, 2008. – Available at: <https://books.google.rs>.
- Shapich Y.L.* Prostranstvennye fragmentizatory v funkcional'no-komunikativnom aspekte. In: Slovo. Grammatika. Rech': Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Tekst: problemy i perspektivy. Aspekty izucheniya v tselyakh prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo»: M., filologicheskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 28–30 noyabrya 2019. Vyp. XKH, 2019. P. 458–460. (In Russian).
- Shapich Y.L.* Prostranstvennye fragmentizatory so znacheniem 'krai' i 'konets' v neprostranstvennoi funktsii (na materiale russkogo i serbskogo yazykov). In: Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: materialy XIV kongressa MAPRYAL 29 aprelya – 3 maya 2019 goda, Nur-Sultan, 2019b. P. 1507–1512. (In Russian).

Shmelev A.D. "Shirota" russkoi dushi. In: Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv. Red. N.D. Arutyunova, I.B. Levontina. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. P. 357–367. (In Russian).

Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. Leningrad: Nauka, 1974. (In Russian).

РУССКИЕ СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ТРЕВОГИ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

THE RUSSIAN WORDS FOR ‘ANXIETY’ IN THE LIGHT OF TRANSLATION

В статье рассматриваются русские переводные эквиваленты английских слов *anxiety* и *anxious*, в частности *беспокойство*, *тревога*, *боязнь*, *страх*; *беспокоить(ся)*, *тревожить(ся)*, *волновать(ся)*. Анализ базируется на гипотезе, согласно которой переводные эквиваленты и парафразы языковой единицы, извлеченные из реальных текстов, могут рассматриваться как источник сведений о ее семантике. Примеры использования лингвоспецифичных слов в переводных текстах могут быть даже еще более полезны для исследования их семантики. В результате удастся обосновать, подтвердить или опровергнуть семантический анализ исследуемых русских слов, произведенный без использования электронных корпусов.

Анализ использует так называемый челночный метод, разработанный в предшествующих публикациях автора. Он принимает во внимание не только русские переводы слов *anxiety* и *anxious*, выступающих в качестве стимулов, но также разнообразные русские стимулы для появления указанных слов в переводах с русского языка. Особое внимание уделяется прозе Достоевского, Булгакова и Солженицына.

Предложенный подход обнаруживает определенные закономерности касательно концептуализации тревоги в русском языке и снабжает нас данными, использование которых позволяет уточнить словарные описания русских слов со значением ‘тревоги’.

This paper deals with the Russian equivalents of *anxiety* and *anxious* (in particular, *беспокойство*, *тревога*; *беспокоить(ся)*, *тревожить(ся)*, *волновать(ся)*). The analysis is based on the hypothesis that one may regard translation equivalents and paraphrases of a linguistic unit extracted from real translated texts as a source of information about its semantics. The appearance of language-specific words in translated texts may be even more useful for studying their semantics. I seek to validate, disprove, or improve the semantic analysis of these Russian words made without recourse to electronic corpora.

The analysis makes use of the “shuttle method” developed in the earlier publications by the author. It takes into consideration not only the Russian translations of the stimuli *anxiety* and *anxious*, but also a variety of the Russian stimuli for these English words in translations from Russian. It makes special reference to Dostoevsky’s, Bulgakov’s and Solzhenitsyn’s work.

This approach reveals some regularities relating to the Russian linguistic conceptualization of anxiety and provides data for refining lexicographic descriptions of the Russian words for ‘anxiety’.

Ключевые слова: семантика, перевод, параллельные корпуса, челночный метод.

Key words: semantics, translation, parallel corpora, shuttle method.

Статья посвящена русским переводным эквивалентам английских слов *anxiety* и *anxious*, в частности таким словам, как *беспокойство*, *тревога*, *боязнь*, *страх*; *беспокоить(ся)*, *тревожить(ся)*, *волновать(ся)*. Исследование базировалось на гипотезе, согласно которой переводные эквиваленты и парафразы языковой единицы, извлеченные из реальных текстов, могут рассматриваться как источник сведений о ее семантике, а анализ использования лингвоспецифичных слов в переводных текстах даже еще более полезно для исследования их семантики.

Был использован так называемый челночный метод, разработанный в предшествующих публикациях автора. Анализировались не только русские переводы слов *anxiety* и *anxious*, выступающих в качестве стимулов, но также разнообразные русские стимулы для появления указанных слов в переводах с русского языка. Особое внимание было уделено прозе Достоевского.

Отправной точкой для анализа были английские слова *anxiety* и *anxious*. Предполагалось выяснить, насколько переводные соответствия слов *anxiety* и *anxious* соответствуют смысловым компонентам, которые приписываются чувству ‘anxiety’ психологами и включаются в толкование слова *anxiety* Анной Вежбицкой [Wierzbicka 1999, p. 83–84]. По Вежбицкой, это “*free-floating*” *feeling* – в том смысле, что субъект часто не может идентифицировать плохие события, которые ему угрожают (‘I don’t know what will happen’). Эти «плохие события» воспринимаются более субъективно, чем идентифицируемая опасность. В результате субъект чувствует себя беспомощным (‘I can’t do anything now’). Но это не пассивная установка, она включает активный компонент (‘I want to do something if I can’), который в сочетании с компонентом ‘I can’t do anything now’ приводит к состоянию беспомощного возбуждения. Это чувство родственно, но не тождественно таким чувствам, как *worry* и *dread*, а также *fear*. Отметим некоторые важные различия между эмоциями *fear* и *anxiety*. Во-первых, *fear* может быть безличным (ср. такое выражение, как *missing*, *feared dead*, используемое, когда некоторый человек пропал, его разыскивают и опасаются, что его уже нет в живых), тогда как *anxiety* всегда предполагает конкретного субъекта, испытывающего это чувство. Во-вторых, *fear* не столь беспомощное чувство, как *anxiety*: так, *fear* может побудить субъекта к бегству, тогда как *anxiety* часто ассоциируется с пассивным ожиданием того, как разрешится ситуация.

Различие между *fear* и *anxiety* ясно видно из следующего примера: после распятия Христа в доме, в котором собрались апостолы, двери были заперты *for fear of Jews* (страха ради иудейска; в русском синодальном переводе – из опасения от Иудеев). Слово *fear* указывает здесь на вполне рациональную установку, побуждающую к определенным действиям: апостолы знали, чего опасались, и это побудило их к тому, чтобы запереть двери. Слово *anxiety*, указывающее на безотчетную и иррациональную тревогу, приводящую к беспомощному возбуждению, было бы здесь совершенно неуместно.

Для состояния, которое обозначается как *anxiety*, существенно психологическое измерение. Психологи обычно определяют *anxiety* так: *tense emotional state characterized by generalized or exaggerated apprehension and usually rooted to unconscious causes*. Такое эмоциональное состояние часто бывает вызвано стрессом и неизвестностью: так, осенью

2020 в США много говорили об *anxiety* из-за пандемии или президентских выборов с неясным исходом и обсуждалось, как человек может избавиться от состояния *anxiety*⁷¹.

Исходная гипотеза исследования заключалась в том, что стандартными переводными соответствиями для слова *anxious* окажутся слова *беспокоить(ся)*, *тревожить(ся)*, *встревожить(ся)*, *волновать(ся)*, *беспокойный*, *тревожный*, а для слова *anxiety* – слова *тревога* и *беспокойство*. Предполагалось на основе текстов, включенных в англо-русский и русско-английский параллельные подкорпусы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) проверить семантический анализ, выполненный без использования параллельных корпусов, согласно которому в глаголе *беспокоиться* больше доля интеллектуальной оценки ситуации, а *тревожиться* указывает на более интенсивное и менее однородное переживание, для которого более характерны такие внешние признаки, как неконтролируемая мимика и мелкая моторика (см. [Апресян, 1997, с. 7]).

Вообще переводы на русский язык обычно более показательны для проникновения в семантику русских слов, чем переводы с русского языка; но, поскольку здесь в качестве исходной точки были выбраны английские слова *anxiety* и *anxious*, в качестве начального этапа была произведена инвентаризация русских стимулов в тех случаях, когда эти слова появляются в переводах с русского языка. Ожидалось, что для слова *anxiety* в переводах частыми стимулами окажутся слова *тревога* и *беспокойство*, для слова *anxious* – слова *тревожный*, *встревоженный*, *беспокойный*, *неспокойный*, *беспокоиться*.

При автоматическом поиске оказалось, что для *anxious* весьма частый стимул – это слова со значением ‘желание, стремление’ (*хотеть(ся)*, *желание*, *стремиться*, а также *нетерпение*, *стараться*) – переводчики передают их посредством оборота *anxious <to do smth>*. Особенно часто этот перевод встречается, когда речь идет о чрезвычайно сильном желании. Напр.:

- — А сознайтесь, милый юноша, что вам *ужасно хочется* знать, про что я читал? [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] — “But confess now, my dear fellow, you're *awfully anxious* to know what I am reading about?” [Fedor Dostoevsky. Crime and Punishment (Constance Garnett, 1914)] [здесь и далее курсив в примерах из НКРЯ мой – А. Ш.]

---

⁷¹Характерна статья в газете «Нью-Йорк таймс» за 2 ноября 2020, в которой предлагается 10 способов снижения *anxiety*. Статья называлась *Peak Anxiety? Here Are 10 Ways to Calm Down*. В ней говорилось: *If the one-two punch of pandemic stress and election stress feels like more than you can handle, try these tips to help you cope.*

- Мисси *очень хотела* выйти замуж, и Нехлюдов был хорошая партия. [Л. Н. Толстой. Воскресение (ч. 1) (1899)] — Missy was *very anxious* to be married, and Nekhludoff was a desirable party. [Leo Tolstoy. The Awakening (part 1) (William E. Smith, 1900)]
- Конечно, они делали это не для того, чтобы увидеть Тюбика или Гуслию, а просто от *нетерпения*: всем *хотелось* поскорее услышать музыку. [Н. Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1953-1954)] – This, of course, was not because they had any desire to see Blobs and Trills, but because they were *anxious* to hear the music. [Nikolay Nosov. The Adventures of Dunno and his Friends (Margaret Wettlin, 1980)]

Соответственно, эти же слова используются и для перевода слова *anxious* в сочетании с инфинитивом (нередко с усилением, напр. в обороте *гореть желанием*), напр.:

- Miss Carteret was very *anxious* to have a general idea of what was next to be sung. [Jane Austen. Persuasion (1816)] – Мисс Картерет *горит желанием* узнать смысл того, о чем сейчас будут петь. [Джейн Остин. Доводы рассудка (Е. Суриц, 1988)]
- ...Locksley, *anxious* to escape further observation, mixed with the crowd, and was seen no more. [Walter Scott. Ivanhoe (1819)] – ...Локсли, *желая* поскорее избегнуть общего внимания, смешался с толпой и больше не показывался. [Вальтер Скотт. Айвенго (Е. Бекетова, 1890–1902)]
- He was always *anxious* to increase his stock of experience. [Charles Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club (1836-1837)] – Он всегда *стремился* расширить свой кругозор. [Чарльз Диккенс. Посмертные записки Пиквикского клуба (А. В. Кривцова, Е. Л. Ланн, 1933)]
- Would you mind telling me why you were so *anxious* to get your contract back yesterday, Dianne?» [Erle Stanley Gardner. The Case of the Blonde Bonanza (1962)] — А теперь объясните мне, Дайанн, почему вы *горели* таким *желанием* получить ваш контракт назад? [Эрл Стэнли Гарднер. Белокурая удача (М. Жуков, 1990)]

Ясно, что мы имеем дело с особым лексическим значением слова *anxious*, которое, вообще говоря, не подлежит рассмотрению в рамках поставленных задач (оно может быть истолковано как ‘eagerly desiring’ и связано с интересующим нас значением по компоненту ‘I want to do something if I can’). При этом не удастся автоматически отсеять эти употребления как «мусор», поскольку *anxious* в сочетании с инфинитивом может указывать и на состояние встревоженности – в частности, в контексте слова *too* (напр., *I’m too anxious to dream* ‘Я слишком нервничаю, чтобы спать’). В то же время при наличии

отрицания *anxious* обычно указывает на желание даже в сочетании со словом *too* (*not too anxious to see them*).

Аналогичное значение есть и у слова *anxiety* – тоже в сочетании с инфинитивом; его можно истолковать как ‘strained or solicitous desire’, и, соответственно, оно переводится как *стремление, страстное желание, нетерпение*, а оборот *have anxiety <to do smth>* – как *стремиться, страстно желать, сгорать от нетерпения*, напр.:

- ...Captain Wentworth's *anxiety* to see him had determined him to go immediately to Lyme. [Jane Austen. Persuasion (1816)] – ...капитан Уэнтуорт, в *нетерпении* с ним свидеться, сам немедля отправился в Лайм. [Джейн Остин. Доводы рассудка (Е. Суриц, 1988)]
- 'We are all ready, I believe,' said Mr. Pickwick, who was stationed with the old lady at the top of the dance, and had already made four false starts, in his *excessive anxiety* to commence. [Charles Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club (1836-1837)] – Кажется, мы все готовы, – сказал мистер Пиквик, который стоял в первой паре со старой леди и уже четыре раза срывался с места невпопад в *страстном желании* поскорее начать. [Чарльз Диккенс. Посмертные записки Пиквикского клуба (А. В. Кривцова, Е. Л. Ланн, 1933)]
- She offered him Jim's own men in her *anxiety* to have these intruders driven out at once. [Joseph Conrad. Lord Jim (1900)] – Она предлагала ему людей Джима, – так *сильно хотелось* ей немедленно прогнать пришельцев. [Джозеф Конрад. Лорд Джим (А. В. Кривцова, 1926)]

В то же время некоторые примеры вкупе с их переводами на русский язык демонстрируют, что *anxiety* (в отличие от *eagerness*) может предполагать нервную активность и указывать на мучительное чувство: субъект страстно желает чего-то, но боится, что не может этого сделать.

Кроме того, для слова *anxiety* частым стимулом оказалось слово *забота*, напр.:

- ...я знал, что *заботы* матушки о моих занятиях ограничатся этими немногими словами [И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)] – ...I was well aware that my mother's *anxiety* about my studies was confined to these few words [Ivan Turgenev. First Love (Constance Black Garnett, 1897)]
- ...полицейские, уж конечно, *немало заботились*, как уладить это последнее обстоятельство. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] – ...the police, of course, were *in no little anxiety* to avoid upsetting his arrangements. [Fedor Dostoevsky. Crime and Punishment (Constance Garnett, 1914)]

- ...теперь несколько раз ее мелочные хлопоты и *заботы* оскорбляли его. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (ч. 5–8) (1878)] – ...now her trivial cares and *anxieties* jarred upon him several times. [Leo Tolstoy. Anna Karenina (parts 5-8) (Constance Garnett, 1911)]
- *Заботы* много, работаем – конца-краю не видать. [А. П. Чехов. Новая дача (1898)] – ...a great deal of *anxiety* – you see no end to it. [Anton Chekhov. The New Villa (Constance Garnett, 1900-1930)]

При этом можно заметить, что слово *anxiety* в качестве перевода слова *забота* используется в основном в переводах, выполненных в XIX и начале XX в., а включение в рассмотрение переводов с английского языка показало, что в значении, которое русские переводчики передают как *забота*, оно употреблялось в XIX и начале XX в., но практически не использовалось в более поздних текстах. В любом случае это особое лексическое значение слова *anxiety*, не подлежащее рассмотрению (в нем нет компонента ‘I can’t do anything now’).

Анализ остальных переводов с русского языка на английский частично подтвердил наличие в семантике слова *anxiety* компонента, связанного с невозможностью идентифицировать причину эмоционального состояния (так, стимулом иногда служат такие сочетания, как *смутное опасение*, *смутная тревога*, *смутное чувство*; правда, это наблюдается в одном тексте, и можно считать это индивидуальным решением переводчика). При этом следует заметить, что переводы *anxiety* и *anxious* не единственные и даже не самые частые способы передать смысл слов *тревога*, *беспокойство*, *тревожить(ся)*, *беспокоить(ся)*. Так, *тревога* часто передается словами *alarm*, *alarmed*; используются такие слова, как *worry*, *apprehension*, *uneasiness*, *restlessness* и др.

Рассмотрение переводов с английского языка на русский показало, что глаголы *беспокоить(ся)* и *тревожить(ся)* представляют собою близкие синонимы, и выбор между ними во многом зависит от индивидуальных предпочтений переводчика. Можно заметить, что при описании внутреннего состояния глагол *беспокоиться* используется в переводах существенно чаще, чем *тревожиться*, а при описании причины внутреннего состояния *тревожить* почти столь же часто, как *беспокоить*. В целом подтверждаются приведенные выше наблюдения из [Апресян, 1997, с. 7], согласно которым в глаголе *беспокоиться* больше доля интеллектуальной оценки ситуации, а *тревожиться* указывает на более интенсивное и менее однородное переживание⁷². Особенно наглядной

⁷² В то же время данных параллельного подкорпуса НКРЯ недостаточно для того, чтобы проверить, действительно ли для глагола *тревожиться* характерны такие внешние признаки, как неконтролируемая мимика и мелкая моторика.

разница между *беспокоить(ся)* и *тревожить(ся)* становится в контексте отрицания: *не беспокоиться* может указывать на равнодушие субъекта, а *не тревожиться* – на отсутствие чувства тревоги. Не случайно такие обороты как *Don't worry, Never mind* и т. п. часто передаются в русских переводах как *не беспокойся* или *не беспокойтесь*, вследствие чего *не беспокойся* и *не беспокойтесь* встречается в англо-русском подкорпусе существенно чаще, чем *не тревожься* и *не тревожьтесь* (183 вхождения *не беспокойся* и *не беспокойтесь*, 34 вхождения *не тревожься* и *не тревожьтесь*).

Впрочем, здесь следует иметь в виду, что глагол (*но*)*беспокоиться*, в отличие от глагола *тревожиться*, имеет еще дополнительное значение, производное от основного и предполагающее деятельность субъекта, направленную на улаживание ситуации: *надо побеспокоиться о дровах на зиму; побеспокойтесь лучше о своем здоровье; об этом можно не беспокоиться* (в нижеследующем описании из [Апресян, 2014] этому значению соответствует толкование *беспокоиться*²):

- **1.1.** *A1 беспокоится из-за A2* ‘Человек A1 испытывает неприятное чувство, какое бывает, когда ему неизвестно что-то важное о ситуации A2, которая его касается, и когда он опасается, что ситуация изменилась или может измениться к худшему’
- **1.2.** *A1 беспокоится* ‘Животное A1, будучи в беспокойном состоянии из-за фактора A2, нервно двигается или дергается’
- **2.** *A1 беспокоится об A2* ‘Человек A1 думает о ситуации A2 или о положении человека A2 и старается сделать так, чтобы они соответствовали норме’

Различие между *беспокоиться 1.1* и *беспокоиться 2* обыгрывается в известной сцене из фильма «Мечта». Пани Ванда, «вечная невеста», читает составляемое ей объявление в брачную газету: ««Девушка, понимающая в хозяйстве, желает вступить в солидный обеспеченный брак. Многодетных вдовцов и евреев просьба не беспокоиться». На это хозяйка пансиона, где живет Ванда, Роза Скороход (в роли Розы Скороход — Фаина Раневская), меланхолически замечает: «Евреи не беспокоятся». В реплике Ванды глагол *беспокоиться* употреблен в значении *беспокоиться 2*, а Роза Скороход в ответной реплике переосмысляет его как *беспокоиться 1.1*.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о выборе переводного эквивалента в зависимости от общей стратегии переводчика, причем это касается как переводов с английского на русский (выбора соответствия для слов *anxious* и *anxiety*), так и переводов с русского на английский (выбора соответствия для слов *тревога*, *тревожиться*, *беспокоиться* и т. п.). Речь идет о выборе между стратегией конкорданса, когда для ключевых слов произведения по возможности выбирается одно и то же переводное соответствие во всех контекстах, и контекстно-смысловой стратегией, когда в каждом

отдельном случае выбирается соответствие, наиболее подходящее по смыслу именно в данном контексте.

Примечательно, что в параллельный подкорпус НКРЯ включен роман *The Erzatz Elevator* [Lemony Snicket. *The Erzatz Elevator* (2001); Лемони Сникет. Липовый лифт (А. Ставиская, 2005)]. В нем много внимания уделено метаязыковым размышлениям по поводу слова *anxious* и его семантическим отличиям от *nervous*. В самом начале романа говорится:

- The book you are holding in your two hands right now – assuming that you are, in fact, holding this book, and that you have only two hands – is one of two books in the world that will show you the difference between the word “*nervous*” and the word “*anxious*”. – Книга, которую вы держите в руках – если вы и вправду ее держите и руки у вас две, – одна из тех двух книг на всем земном шаре, которая разъяснит вам, чем слово «нервозный» отличается от слова «тревожный».

«Одна из тех двух книг» – под «другой книгой» имеется в виду словарь. В следующем рассуждении из романа эксплицируется различия между *anxious* и *nervous* (хотя выбор слова *непрерменно*, дважды использованного в переводе, не совсем удачен: более точно передавало бы смысл выражение *не исключено* или нечто подобное):

- Like this book, the dictionary shows you that the word “*nervous*” means “worried about something” – you might feel *nervous*, for instance, if you were served prune ice cream for dessert, because you would be worried that it would taste awful – whereas the word “*anxious*” means “troubled by disturbing suspense,” which you might feel if you were served a live alligator for dessert, because you would be troubled by the disturbing suspense about whether you would eat your dessert or it would eat you. – Как и эта книга, словарь растолкует вам, что слово «нервозный» означает «чем-то сильно обеспокоенный». Если, например, на десерт вам предложат сливовое мороженое, вами непременно овладеет беспокойство, как бы мороженое не оказалось отвратительным на вкус. Тогда как слово «тревожный» означает «терзаемый гнетущей неизвестностью», и это мучительное чувство у вас непременно появится, если на десерт подадут живого аллигатора и вы не будете знать – успеете вы съесть свой десерт или же десерт съест вас.

И после этого обнаруженное различие между *anxious* и *nervous* неоднократно эксплуатируется:

- So if you were to read the dictionary, rather than this book, you could skip the parts about “*nervous*” and “*anxious*” and read about things that wouldn't keep you up all night long, weeping and tearing out your hair. – Итак, если вместо этой книги вы выберете словарь,

то сможете спокойно пропустить объяснение слов «нервозный» или «тревожный» и читать только то, что не заставит вас всю ночь напролет рыдать и рвать на себе волосы.

- But this book is not the dictionary, and if you were to skip the parts about “*nervous*” and “*anxious*” in this book, you would be skipping the most pleasant sections in the entire story. –

Однако эта книга не словарь, и если вы опустите, читая ее, все, что связано со словами «нервозный» и «тревожный», считайте, что вы опустили самую приятную ее часть.

- In short, reading a dictionary might make you feel *nervous*, because you would worry about finding it very boring, but reading this book will make you feel *anxious*, because you will be troubled by the disturbing suspense... – Иначе говоря, чтение словаря может вызвать нервозность от страха, что вдруг он окажется невыносимо скучным. При чтении же этой книги вас непременно охватит тревога перед гнетущей неизвестностью...

Правда, не все персонажи романа осознают различия между *anxious* и *nervous*. Ср. реплику собеседника Вайолет (мистера По) в следующем диалоге:

- “We’re not *nervous*,” Violet said. “We’re too *anxious* to be *nervous*.” ““*Anxious*’ and ‘*nervous*’ mean the same thing,” Mr. Poe said. – «Мы нисколько не *нервничаем*, – ответила ему Вайолет. – Нам не до *нервов*. Мы слишком *встревожены*». – «*Нервничать* или *тревожиться* – это одно и то же».

Разумеется, важность слова *anxious* для текста романа побуждает переводчицу следовать «стратегии конкорданса» и постоянно выбирать для перевода *anxious* (часто противопоставляемое состоянию *nervous*) одно и то же слово — *тревога* или его производные:

- And what do you have to be *anxious* about, anyway? – А что, собственно, вас так *тревожит*?
- She was a superb inventor, and I am certain that if she had not been so *anxious*, she would have tied her hair up in a ribbon to keep it out of her eyes while she thought of an invention that could brighten up her surroundings. – К тому же Вайолет была выдающимся изобретателем и у меня нет ни малейшего сомнения: не будь Вайолет в такой *тревоге*, она подвязала бы лентой волосы, чтобы они не лезли ей в глаза, пока она думает, и изобрела что-нибудь, отчего вокруг стало бы сразу светлее и веселее.
- The children had understood the joke, but they were too *anxious* to laugh. – Дети поняли шутку, но даже не рассмеялись – настолько *тревожно* было у них на душе.

По-видимому, именно слово *тревога* или его производные воспринимаются переводчицей (и, вероятно, многими другими носителями русского языка) как наиболее близкие соответствия английскому *anxious*. Но при этом важно, что отказ от стратегии

конкорданса в пользу контекстно-смысловой стратегии здесь невозможен, поскольку он полностью подорвал бы базу для метаязыковых рассуждений, играющих важную роль в романе.

Для анализа переводческих стратегий в переводах с русского языка на английский в рамках настоящего исследования рассматривались четыре перевода трех произведений, в которых мотив беспокойства/тревоги играет важную роль: романов «Преступление и наказание» Достоевского и «Мастер и Маргарита» Булгакова и повести «Раковый корпус» Солженицына, причем для «Преступления и наказания» сопоставлялись два перевода: Констанс Гарнетт и Певеара/Волохонской. В параллельный подкорпус НКРЯ включены романы «Преступление и наказание» (с переводом Констанс Гарнетт) и «Мастер и Маргарита»; для двух других переводов использовались печатные версии переводов и поиск соответствий велся вручную. К сожалению, детально изложить результаты анализа не позволяет объем статьи.

Для «Ракового корпуса» мотив *тревоги* играет особенно важную роль. Это слово используется даже в названиях глав: четвертая глава называется «Тревоги больных» (в переводе Бетелла и Бурга *The Patients' Worries*), а пятая глава – «Тревоги врачей» (в переводе Бетелла и Бурга *The Doctors' Worries*).

В самом тексте «Ракового корпуса» слова *тревога*, *тревожиться*, *тревожно* встречаются довольно часто, передавая общее ощущение тревоги, а в переводе Бетелла и Бурга обнаруживается значительный разброс переводов: *anxious*, *anxiety*, *alarm*, *alarming*, *worried*, *concern*. Разброс переводов обнаруживаем и для слов *беспокойство* и *беспокоиться* (в орфографии Солженицына – *безпокойство* и *безпокоиться*). Очевидно, что переводчики следуют контекстно-смысловой стратегии.

Хотя обычно Певеар и Волохонская при передаче ключевых слов переводимого произведения обычно следуют стратегии конкорданса (напр., слово *тоска* в «Преступлении и наказании» и в «Мастере и Маргарите» они регулярно передают как *anguish*, несмотря на часто возникающий при этом смысловой сдвиг – см. [Шмелев 2020, с. 663–664]), в переводе слов *тревога* и *беспокойство* в «Мастере и Маргарите» они иногда прибегали к контекстно-смысловой стратегии. Так, слово *тревога*, встретившееся в романе 14 раз (причем речь идет именно о внутреннем состоянии, а не о том, что кто-то *бьет тревогу*), они передавали то как *alarm* (чаще), то как *anxiety*. Ср. также выбранные Певеаром и Волохонской переводы слова *беспокойство* (7 вхождений) и чрезвычайно характерного для «Мастера и Маргариты» оборота *впасть в беспокойство*:

- Иван *впал в беспокойство*, растолкал окружающих, начал размахивать свечой, заливая себя воском, и заглядывать под столы. – Ivan *became anxious*, pushed away the

people around him, started waving the candle, pouring wax on himself, and looking under the tables.

- Гость взгляделся в Ивана и ответил вопросом: – А вы не *впадете в беспокойство*? – The guest peered at Ivan and answered with a question: ‘You're not going to get upset?’
- Иван *не впал в беспокойство*, как и обещал, но был все-таки сильнейшим образом ошарашен. – Ivan *did not get upset*, as he had promised, but even so he was greatly astounded.
- Но тот неизвестно отчего *впал в тоску и беспокойство*, поднялся со стула, заломил руки и, обращаясь к далекой луне, вздрагивая, начал бормотать: – И ночью при луне мне нет покоя, зачем *потревожили* меня? – But he, for some unknown reason, *lapsed into anxiety and uneasiness*, got up from the chair, wrung his hands, and, quivering as he addressed the distant moon, began to murmur: ‘And at night, by moonlight, I have no peace... Why am I being *troubled*?’
- Балконная решетка закрылась. Иванушка *впал в беспокойство*. Он сел на постели, оглянулся тревожно, даже простонал, заговорил сам с собой, поднялся. — The balcony grille was closed. Ivanushka *fell into anxiety*. He sat up in bed, looked around uneasily, even moaned, began talking to himself, got up.

Переходя к «Преступлению и наказанию», заметим, что Констанс Гарнетт в своем переводе этого романа последовательно придерживается контекстно-смысловой стратегии перевода, и это вполне ожидаемо: это вообще соответствует ее переводческой стратегии (ср. [Шмелев 2020, с. 659–663]). Слово *тревога* встречается в тексте «Преступления и наказания» 21 раз, часто в составе предложно-падежной группы *в тревоге*, иногда в сочиненных конструкциях (напр., *в тоске и тревоге, рассеянно и в тревоге*). Перевод Констанс Гарнетт демонстрирует большой разброс соответствий: *anxiety, alarm, strain, uneasiness*, а для сочетания *в тревоге* – *worried and anxious, alarmed, in agitation, distressed, troubled, uneasy, in a state of anxiety, excited*.

Перевод Певеара и Волохонской в большей степени соответствует стратегии конкорданса. Слово *тревога* обычно передается как *anxiety*, реже – *alarm* (в отличие от их же перевода «Мастера и Маргариты», в котором *alarm* в качестве соответствия *тревоги* выбирался чаще), а оборот *в тревоге* – чаще всего как *alarmed*, совсем редко – как *anxious, in alarm, in anxiety*. Мы видим, что полностью следовать стратегии конкорданса не удастся даже при установке на нее. Очевидно, что это связано с тем, что значение слова *тревога* (и его производных) не вполне точно соответствует значению слов *anxiety* и *anxious*. И даже когда слово *тревога* и его производные оказываются ключевыми для русского

текста, некоторое варьирование соответствий имеет место и при следовании переводчиками стратегии конкорданса.

Список литературы:

- Апресян Ю. Д. Беспокоиться 1* / Ю. Д. Апресян // Новый объяснительный словарь русского языка. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — С. 7–9.
- Апресян Ю. Д. Беспокоиться 1* / Ю. Д. Апресян // Активный словарь русского языка. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — С. 226–227.
- Шмелев А. Д.* Лингвоспецифичные слова в зеркале перевода: *toska* / А. Д. Шмелев // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 17–20 июня 2020 г.). Вып. 19 (26), основной том. М.: РГГУ, 2020. С. 658–669.
- Wierzbicka A.* Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals / A. Wierzbicka. — Paris: Cambridge University Press; Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1999. — xii; 354 p.

References:

- Apresyan Yu. D. Bepokoit'sya 1* / Yu. D. Apresyan // Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka — M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1997. — S. 7–9. (In Russian.)
- Apresyan Yu. D. Bepokoit'sya 1* / Yu. D. Apresyan // Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. — M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. — S. 226–227. (In Russian.)
- Shmelev A. D.* Lingvospetsifichnye slova v zerkale perevoda: *toska* / A. D. Shmelev // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Moskva, 17–20 iyunya 2020 g.). Vyp. 19 (26), osnovnoi tom. M.: RGGU, 2020. S. 658–669. (In Russian.)
- Wierzbicka A.* Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals / A. Wierzbicka. — Paris: Cambridge University Press; Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1999. — xii; 354 p.

ПРОЗА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В МИРОВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)

*Алексидзе Марина Джондоевна
Гурули Лаура Михайловна*

Тбилисский государственный университет имени И. Джавахишвили
г. Тбилиси (Грузия)

*Aleksidze Marina
Guruli Laura*

I. Javakhishvili Tbilisi State University
Tbilisi (Georgia)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ПОВТОРОВ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» НА ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК)

THE TRANSMISSION OF REPETITIONS AS A MEANS OF EXPRESSIVITY: A STUDY OF THE TRANSLATION OF DOSTOEVSKY'S "IDIOT" INTO GEORGIAN

В настоящее время экспрессивность является одной из наиболее активно исследуемых лингвистических категорий. Интерес к проблеме экспрессивности объясняется вниманием к языковой личности, к описанию языка как средства обнаружения и вместе с тем воздействия на языковую личность, ее поведение и внутреннюю духовную деятельность. Каждый язык имеет свой собственный, характерный именно для него набор экспрессивно-стилистических средств, который складывается под влиянием мировидения в тесной связи с особенностями языковой системы. Сами приемы могут повторяться в разных языках, однако степень их экспрессивности, частота встречаемости не совпадают. Передача экспрессивности художественного текста представляет немалую трудность при переводе. Общей чертой художественных произведений можно считать наличие выразительных средств, которые насыщают текст произведения дополнительными образами. Одним из широко распространенных эмотивных средств является повтор. В художественных текстах **повторы** любого вида играют важную роль, выделяя наиболее значимые в смысловом плане высказывания, выражая эмоциональное состояние автора, создавая особую ритмическую организацию текста. Повторы несут значимую прагматическую, социолингвистическую и психолингвистическую информацию о состоянии персонажей, характеризуют взаимоотношения собеседников и другие составляющие коммуникативной ситуации, поэтому их передача при переводе требует серьезного внимания к ним и выбора оптимальных переводческих решений, способствующих достижению адекватности в тексте перевода. В данной статье рассматриваются особенности передачи повторов как одного из средств достижения эффекта выразительности при переводе с русского языка на грузинский на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Повтор как стилистическая категория является неотъемлемой чертой стилистической системы Достоевского, художественно оправданной в его произведениях разных жанров и на разных этапах его творчества. Наряду с другими экспрессивными средствами повторы в творчестве Достоевского являются «содержательными элементами художественной формы». Цель статьи – выявить особенности передачи повторов при переводе с русского языка на грузинский.

Expressivity is one of the most studied linguistic categories. The interest towards the problem of expressivity is explained by the attention towards the linguistic personhood, towards the description of the language as a means of discovery and, simultaneously, of affecting linguistic personhood, its behavior and internal activity. Every language has its own and characteristic set of expressive-stylistic means, which are formed under the influence of the worldview together with the characteristics of the linguistic system. The techniques can be repetitive in various languages, but the degree of their expressiveness, the frequency of their occurrence do not coincide. The transmission of expressivity in fiction is particularly difficult in translation. The general trait of fiction writing is the existence of the means of expression that enrich the text with further images. One of the most widely spread emotive means is repetition. In narrative fiction, repetitions of all kinds play an important role and highlight the most important expressions, they express

the emotional condition of the author and thus create a particular rhythmic organization of a text. Repetitions carry meaningful pragmatic, sociolinguistic and psycholinguistic information about the condition of the characters. They characterize the interactions of the conversers and other communicative situations, therefore their transmission in translation requires particular attention and a choice of optimal translating means. All this contributes to the achievement of an adequate translation. This paper discusses the characteristics of the transmission of repetitions as one of the means of achieving this effect in translations of Fyodor Dostoevsky's *Idiot* from Russian into Georgian. Repetition, as a stylistic category, is an inalienable part of Dostoevsky's stylistic system, artistically justified in his writing of various genres and on various stages of his career. Together with other expressive means, repetitions in Dostoevsky's corpus are 'constituent elements of artistic forms'. The aim of the article is to reveal the peculiarities of transmission of repetitions in translations from Russian into Georgian.

Ключевые слова: экспрессивность, художественный текст, перевод, повторы, адекватность, стилистическая категория.

Key words: expressivity, artistic text, translation, repetitions, adequacy, stylistic category.

В настоящее время экспрессивность является одной из наиболее активно исследуемых лингвистических категорий. Интерес к проблеме экспрессивности объясняется вниманием к языковой личности, к описанию языка как средства обнаружения и вместе с тем воздействия на языковую личность, ее поведение и внутреннюю духовную деятельность. Экспрессивность языковых и речевых средств – сложный вопрос, охватывающий большое количество различных аспектов. После включения его в круг исследования лингвистов в середине 20 века с выходом известной статьи Е.М. Галкиной-Федорук [Галкина-Федорук, 1958] данная проблема непрерывно затрагивалась в трудах разных ученых. Однако актуальность подобных исследований сохраняется, особенно в аспекте перевода.

Разнообразие видов и функций языковых повторов привлекают в последнее время внимание многих ведущих исследователей (И.В. Арнольд, М.Я. Блох, О.А. Добижа, Е.А. Иванчиковой, Р.А. Вафеева, Т.А. Хазахерова и др.). Повтор как реалия функционирующей языковой системы рассматривается учёными с разных позиций: как грамматическое средство языка (Е.И. Иванчикова, Л.В. Лисоченко и др.), как экспрессивно-стилистическое средство (А.Н. Кожин, Т.Г. Хазагеро и др.), как нарушение языковой нормы (И.В. Формановская, Т.А. Дегтярёва). В центре внимания ученых оказался повтор как средство усиления, актуализации, гармонизации структуры текста (Г.Ф. Гаврилова, Е.И. Диброва, Л.В. Лисоченко, Н.А. Николина, К.Э. Штайн и др.). В целом можно констатировать, что такое направление исследований в области языка, сравнительно-сопоставительного анализа повторов в разнородных языковых системах объясняется не только собственно научной значимостью для лингвистики текста рассматриваемого явления, но и возможностью проанализировать художественное творчество и его основных составляющих, в данном случае повторов. Идиостиль отдельного писателя является отражением языкового сознания народа, обладающего

собственной уникальной культурой. Приёмом концептуализации и актуализации смысла текста является экспрессия, выраженная через повторы, как текстосвязующие средства.

Каждый язык имеет свой собственный, характерный именно для него набор экспрессивно-стилистических средств. Он складывается под влиянием мировидения в тесной связи с особенностями языковой системы. Сами приемы могут повторяться в разных языках, однако степень их экспрессивности, частота встречаемости не совпадают. Одним из эффективных средств достижения эффекта выразительности в художественном тексте является повтор. Данный стилистический прием трудно отнести к одному языковому уровню: повтор встречается на фонетическом, лексическом, грамматическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. В художественных текстах повторы любого вида играют важную роль, выделяя наиболее значимые в смысловом плане высказывания, выражая эмоциональное состояние автора, создавая особую ритмическую организацию текста. Повторы несут значимую прагматическую, социолингвистическую и психолингвистическую информацию о состоянии персонажей, характеризуют взаимоотношения собеседников и другие составляющие коммуникативной ситуации, поэтому и их передача при переводе требует серьезного внимания к ним и выбора оптимальных переводческих решений, способствующих достижению адекватности в тексте перевода. Особую значимость повтор приобретает в художественном произведении, занимая важное место среди прочих экспрессивных средств. Для художественного текста непосредственная передача фактов, предметно-логической информации имеет лишь второстепенное значение. Его основная цель – эмоционально точное, выразительное и живое описание этих фактов, глубокое погружение во внутренний мир героя, четкое и последовательное развертывание авторской идеи, которое зачастую реализуется не только эксплицитно. Экспрессивность текста – это «его способность оказывать определённое влияние на читателя, на формирование языкового сознания, культуры восприятия, на поведение и эмоциональную оценку» [Казаева, 2006, с. 52].

Сущность повтора заключается в повторении одной и той же языковой единицы (звука, слова, морфемы, синтаксической конструкции) два или несколько раз подряд. Особенностью повтора, позволяющей авторам широко применять данный прием, является его стилистическая многофункциональность и возможность широкой сочетаемости с другими стилистическими средствами. Стилистическая фигура повтор передает значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации, а также служит важным средством связи между членами предложения, отдельными предложениями, абзацами или главами произведения, а иногда становится

одной из характерных черт индивидуально-художественного стиля того или иного автора, переходя из одного его произведения в другое. Экспрессивность на синтаксическом уровне выступает как функция – способность синтаксических конструкций усиливать как прагматическую, так и собственно грамматическую информацию, заложенную в высказывании или в каком-либо его компоненте. Если синтаксис является главным критерием в организации речевого произведения, то экспрессивный синтаксис наряду с созданием текста выполняет функцию придания выразительности высказыванию.

Повтор как стилистическая категория является неотъемлемой чертой стилевой системы Ф.М. Достоевского, художественно оправданной в его произведениях разных жанров и на разных этапах его творчества. Они непосредственно связаны со «стилеобразующим ядром» индивидуального почерка Достоевского и вытекают из природы творческой индивидуальности писателя. В характере повторов, в их количественном использовании, структурном и стилистическом своеобразии с особой яркостью проявляется взволнованность, напряженность повествования. Истоки повторения, по мнению Ж. Вандриеса, «в волнении, сопровождающем выражение чувства, доведенного до высшего напряжения» [Вандриес, 2004, с. 147]. Повторы у Достоевского многофункциональны. Они легко вступают во взаимодействие с другими средствами художественной изобразительности, в которых находит свое воплощение сложная эстетическая система Достоевского. Наряду с другими экспрессивными средствами повторы в творчестве Достоевского являются «содержательными элементами художественной формы» [Шмелев, 1976, с. 95].

Цель предлагаемой статьи – сопоставительный анализ романа Ф.М. Достоевского «Идиот»⁷³ с переводом его на грузинский язык⁷⁴ для выявления основных способов передачи повторов как одного из эмоционально-экспрессивных средств прозаического художественного текста. Анализировались повторы в авторской речи, в речи персонажей и способы их передачи на грузинский язык. Фактическим материалом для исследования послужили лексико-синтаксические повторы, полученные методом сплошной выборки из романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Актуальность настоящей работы заключается в том, что Ф. М. Достоевский продолжает оставаться одним из популярных авторов, обладающих индивидуальным стилем, который важно правильно передать при переводе, чтобы в полной мере донести своеобразие текста до читателя.

---

⁷³ Цит. по изданию: Ф.М. Достоевский. Собрание соч. в 12 томах. Т.6-7. М.: изд-во Правда, 1982. Ссылки на данное издание отмечены в тексте римской цифрой VI, VII и номером страницы.

⁷⁴ Цит. по ფორდორ დოსტოვესკი. იდიოტი. რუსუდან ქებურის თარგმანი www.facebook.com/groups/ellib Ссылки на электронную версию отмечены в тексте номером страницы.

Для нашего исследования приемлема предложенная Д. Таннен концепция о том, что, в зависимости от размещения своих компонентов, повтор может быть контактным, который заключается в смежном размещении членов повтора, когда они следуют друг за другом или размещены в непосредственной близости друг от одного. Он также может быть дистантным, когда его члены сосредоточены и отделены значительными сегментами текста. И, наконец, говорится о сквозном повторе, при котором члены повтора фиксируются в контексте всего произведения, образуя сквозную линию тематической связи. Если контактный семантический повтор обеспечивает минимум, необходимый для связности единства текста в малом текстовом блоке, то дистантный повтор способен подчеркнуть линию связи для некоторой локальной темы произведения. Со своей стороны, сквозной повтор выстраивает тематический стержень смысла, то есть выделяет главную тему, что особенно удачно можно проследить в малом художественном тексте [Tannen, 1989]

В романе «Идиот» повторы наблюдаются на разных лингвистических уровнях, но наиболее продуктивны лексическо-синтаксические повторы, при которых повторение слова обязательно осуществляется в пределах синтаксической структуры: одной фразы или нескольких фраз, абзацев и других построениях. Следовательно, такие стилистические фигуры, как анафора, эпифора, параллелизм, которые обычно обособляют в особый вид, надо считать разновидностями лексико-синтаксического повтора, занимающими промежуточное положение между лексическими и синтаксическими средствами выразительности.

Характерным для индивидуального стиля Достоевского является простой контактный повтор (двучленный, реже – трехчленный), а также контактный повтор с паузой, отражающей запинки, заминки, обозначаемые на письме многоточием. Повторы такого типа чаще встречаются в текстах, организованных точкой зрения рассказчика-участника событий. В контактных повторах у Достоевского представлены разные части речи с многообразными стилистическими функциями.

- То есть, потому что я вам завидую⁷⁵, завидую? Вы всегда это думали и думаете теперь, но ...но зачем я говорю вам об этом? Я хочу выпить еще шампанского; налейте мне, Келлер, [И., VII, 67]

И сколько, сколько, сколько, – вот уже пять лет, – было у них женихов? Чего же они ждут, чего нейдут? Только чтобы матери досадить, – больше нет никакой причины! Никакой! Никакой! [И., VII, 9].

Дистантные повторы по месту расположения компонентов могут быть:

---

⁷⁵ Здесь и далее повторы выделяются нами полужирным шрифтом.

- препозитивными;
- постпозитивными (такое расположение принято называть «рамкой», например: *Скоро и все стали любить её, а вместе с тем и меня вдруг стали любить [И., VI, 77];*
- препозитивно-инпозитивными: *Они стали часто приходить ко мне и все просили, чтоб я им рассказывал; мне кажется что я хорошо рассказывал, потому что они очень любили меня слушать [И., VI, 77];*
- инпозитивными, например: *Генеральша была из княжеского рода Мышкиных, рода хотя и не блестящего, но весьма древнего [И., VI, 18].*

В романе встречаем различные модификации дистантного повтора, как, например, расширенный повтор, под которым понимается повторение речевой единицы с последующими дополнительными компонентами, которые уточняют или расширяют ее смысл. Расширенный повтор обычно создается на основе повторения разных членов предложения, выраженных чаще всего глаголами и существительными, реже – прилагательными и другими частями речи. Подобный повтор обычно сопровождается дополнительной информацией поясняюще-уточняющего характера. Например:

*... он тотчас же опять узнавал свою мрачную **мысль, мысль**, от которой ему так хотелось отвязаться [И., VI, 241]*

*... во взгляде их (глаз) было **что-то** тихое, но тяжелое, **что-то**, полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь [И., VI, 6].*

Особой разновидностью расширенного повтора надо считать повтор, который условно можно назвать акцентным. Специфику его составляет особый смысловой и интонационный акцент, особая ударность. В качестве средств акцентирования при этом часто выступают частицы (*да, да и, даже, именно, точно* и др.), модальные слова и междометия (*Главное, право, ей-богу* и др.), некоторые наречия (*решительно, непременно* и др.). При многократном повторении эти средства выступают в сочетании:

*Я там **много** оставил, **слишком много**. Все исчезло [И., VII, 81].*

Отмечается частое употребление перемежающегося повтора, под которым понимается такой повтор, который сочетается с однородными, реже – неоднородными определяемыми членами предложения. Он часто бывает многократным.

*Но генерал **никогда не** роптал впоследствии на свой ранний брак, **никогда не** третировал его как увлечение нерасчетливой юности [И., VI, 18]*

Широко используемые автором в романе «Идиот» разные виды перемежающегося повтора, часто сопровождающиеся градацией усиления, служат средством нагнетания каких-либо признаков, качеств или подчеркивания разных деталей.

В пределах двух и более фраз в контексте романа «Идиот» выделяются следующие лексико-композиционные приемы, формы, повтора: анафора (единоначатие), эпифора (концовка), стык (или подхват). В романе чаще всего встречается анафора, реже – эпифора, очень редко – стык. Анафорический повтор, особенно многократный, создает неповторимый стилистический рисунок отдельных контекстов авторской речи, придавая им ярко выраженную ритмичность:

*Через них, уверяю вас, она умерла почти счастливая. **Через них** она забыла свою черную беду, как бы прощение от них приняла, потому что до самого конца считала себя великою преступницею [И., VI, 78].*

В эпифорической позиции у Достоевского наблюдаются разные части речи:

*Но чужая душа потемки, и русская душа **потемки**; для многих **потемки** [И., VI, 243].*

*Девушки стояли в стороне, почти **испуганные**, генерал был положительно **испуган**; все вообще были в удивлении [И., VI, 304]*

Эпифорические повторы, как и анафорические, акцентируют внимание обычно на основной мысли высказывания. В повествовании нередко эпифора переплетается с анафорой. Повествование в этом случае приобретает более напряженный характер, возрастает ритмичность.

Стык (или подхват) как стилистический прием используется в романе «Идиот» довольно редко. Стык замедляет повествование, что не характерно для Достоевского. В стыке в основном употребляются глаголы, реже - существительные и другие части речи:

*Иван Петрович стал на него, наконец, заглядывать **гораздо пристальнее**; **пристально** очень рассматривал его и «сановник» [И., VII, 234].*

В целом, употребляемые Достоевским традиционные виды повторов характеризуются качественным своеобразием. Повторению подвергается в основном такая лексика, которая характеризуется эмоционально-экспрессивным или интенсифицирующим значением. В объективно-авторское повествование повторы вносят субъективно-личное начало, отражающее эмоции автора, его психическое состояние.

В процессе анализа были выявлены основные способы перевода повторов в романе «Идиот» на грузинский язык.

1. Дословный перевод.

— *Ах, боже мой!* — вскричал князь, <...> — **я... я** опять сказал глупость, но... так и должно было быть, потому что **я... я... я**, впрочем, опять не к тому! Да и что теперь во мне, скажите, пожалуйста, **при таких интересах... при таких огромных интересах!**

И в сравнении с таким **великодушнейшим** человеком, — потому что ведь, ей-богу, он был **великодушнейший** человек, **не правда ли? Не правда ли?** [И., VII, 234].

— ოჰ, ღმერთო ჩემო, - შეცბა თავადი, <...> — ისევ სისულელე არ წამომცდა, მაგრამ ასეც უნდა მომხდარიყო! მე.. მე ხომ.. თუმცა ისევ რას მივედ-მოვედები! ან რა სახსენებელი ვარ, ახლა, როცა ასეთ ამბებზეა, ასეთ დიდ ამბებზეა ლაპარაკი! თანაც ისეთ დიდსულოვანზე დიდსულოვანი კაცის გვერდით, იმიტომ რომ, ღმერთმანი, დიდსულოვანზე დიდსულოვანი კაცი იყო, ხომ მართალია? ხომ მართალია? [490]

В данном случае повтор передает не только содержательно-фактуальную, но и содержательно-подтекстовую информацию и сопровождается приращением смысла: глаза, вызывающие душевное смятение. Дословный перевод позволяет полностью передать заложенный автором смысл. В следующем примере мы видим воспроизведение анафоры.

Откройте жаждущим <...> спутникам берег Нового Света, **откройте русскому** человеку **русский** Свет, дайте отыскать ему **это** золото, **это** сокровище, сокрытое от него в земле! Покажите ему в будущем обновление всего человечества <...> одною только **русскою** мыслью, **русским** богом и Христом, и увидите, какой исполин <...> вырастет пред **изумленным** миром, **изумленным** и испуганным, потому что они ждут от нас одного лишь **меча, меча** и насилия [И., VII, 239].

დაანახეთ <...> თანამგზავრებს „ახალი ქვეყნის“ ნაპირი, **დაანახეთ** რუს კაცს **რუსული** „ქვეყანა“, მიეციტ საშუალება, აღმოაჩინოს **ეს** ოქრო, **ეს** განძი, მისგან მიწაში ჩაფლული! აჩვენეთ მას მომავალში მთელი კაცობრიობის განახლება <...> ვინძლო მხოლოდ ერთი **რუსული** აზრის, **რუსული** ღმერთისა და ქრისტეს მეოხებით და ნახავთ, რა გოლიათი ბუმბერაზი <...> აღიმართება **განცვიფრებული** მსოფლიოს წინაშე, **განცვიფრებულისა** და შეშინებულის, ვინაიდან ჩვენგან ისინი მხოლოდ **მახვილს, მახვილსა** და ძალმომრეობას გამოეღიან [495].

2. **Грамматическая замена**, распространенным явлением которой является замена части речи.

... во взгляде их (глаз) было **что-то** тихое, но тяжелое, **что-то**, полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте надучую болезнь [И., VI, 6].

მისი დიდრონი, ცისფერი თვალები მოსაუბრეს ჩაცვებით უმზერდნენ. გამოხედვა რაღაც მშვიდი, მაგრამ დანიხლოლი ჰქონდა, რაღაც უცნაური მეტყველებით სავსე. სწორედ ამ გამოხედვით სცნობენ ზოგიერთები ერთი შეხედვით

ბნელით ავადმყოფებს [3].

В оригинале налицо дистантный расширенный повтор местоимения-существительного *что-то*. В переводе использовано местоимение-прилагательное – *какой-то спокойный (взгляд), какое-то странное выражение*. Кроме того, изменены структурные параметры авторских повторов: на месте одного сложноподчиненного предложения в оригинале мы видим три простых предложения в переводе. Однако это не меняет, на наш взгляд, смысловой роли формально-структурного повтора.

Почему с ним опять эта дрожь, этот пот холодный, этот мрак и холод душевный? Потому ли, что опять он увидел сейчас эти глаза? [Идиот, VI, 246]

მაშ, რად აიტანა ისევ კანკალმა, რად დაასხა ცივმა ოფლმა, რად შემოაწვა გულზე წყვდიადი და სიცოვე? იმიტომ ხომ არა, რომ კვლავ ის თვალები დაინახა? [211]

В исходном тексте повторяется указательное местоимение *эта, этот, этот*. Переводчик заменяет безглагольную конструкцию русского языка глагольной в грузинском с повтором вопросительного местоимения *почему* - *რად*.

Каждое утро восходит такое же светлое солнце; каждое утро на водопаде радуга; каждый вечер снеговая, самая высокая гора там, вдали, на краю неба, горит пурпуровым пламенем [И., VII, 111].

ყოველ ცისმარე დღე ამოდის ეს ბრწყინვალე მზე, ყოველ ცისმარე დღე ჩანჩქერზე ლივლივებს ცისარტყელა, ყოველ საღამოს ყველაზე მაღალი თოვლიანი მთა იქ, შორს, ცისკიდურზე მოჩისფრად იწვის [383].

На месте существительного *утро* в переводе представлена синонимическая замена образным поэтическим словосочетанием *ყოველი ცისმარე დღე* (*каждый божий день*).

3. **Опущение** – это изъятие тех или иных элементов исходного текста в силу их избыточности с точки зрения языка перевода. Как правило, трехкомпонентные контактные повторы в грузинском переводе представлены двухкомпонентными.

Князь был решительно вне себя.

— *И что ж? Я увидел людей* изящных, простодушных, умных; *я увидел старца, который ласкает и выслушивает мальчика, как я; вижу людей, способных понимать и прощать, людей русских и добрых...* [И., VII, 244]

თავადს უკვე აღარავისი ეყურებოდა.

- *ჰოდა, რა ვნახე მერე? ვნახე მხოლოანი, გულმართალი, ჭკვიანი ადამიანები; ბერიკაცი, რომელმაც ჩემისთანა ღლაპს დაუყვავა და მოუსმინა; გამგები,*

სულგრძელი ადამიანები, გულით რუსნი და კეთილნი ... [500]

В переводе отсутствует второй анафорический повтор глагола *увидел*, а также третий повтор существительного *людей*.

В следующем примере особой выразительности достигают многократные анафорические повторы в риторических вопросах. В них воплощены навязчивые идеи, одолевающие князя Мышкина и наконец нашедшие выход с его беспорядочной речи. В переводе сохранены только три анафорических повтора вопросительной частицы *разве* (грузинское *განა*) вместо шести, что, на наш взгляд, значительно снижает эмоциональный накал ситуации.

Я слышал, как давеча рассказывал князь N.: разве это не простодушный, не вдохновенный юмор, разве это не истинное добродушие? Разве такие слова могут выходить из уст человека... мертвого, с иссохшим сердцем и талантом? Разве мертвецы могли бы обойтись со мной, как вы обошлись? Разве это не материал... для будущего, для надежд? Разве такие люди могут не понять и отстать? [И., VII, 245]

წელან მოვისმინე თავად N-ის ნაამბობი: განა ეს გულუბრყვილო, ზემთაგონებული ჰუმორი არაა, განა ჭეშმარიტ სიკეთეს არ მოწმობს? შეიძლება კი ასეთი სიტყვები იმისთანა კაცს ამოუვიდეს პირიდან, ვისაც... გული და ნიჭი დაშრეტია? განა მკვდარი ადამიანები მომეცეოდნენ თქვენსავით? მაშ რაა ეს, თუ არ... თუ არ მომავლისა და იმედების საწინდარი? ვინ თქვა, ასეთი ადამიანები ვერაფერს ჩახვდებიან და ცხოვრებას ჩამორჩებიანო? [500]

Аналогично переведен следующий отрывок, в котором анафорический повтор образуется глаголами повелительного наклонения. В переводе число повторов уменьшено.

Посмотрите на ребенка, посмотрите на божью зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят ... [И., VII, 247]

შეხეთ ბავშვს, შეხეთ დალოცვილ განთიადს, ბალახს, როგორ იზრდება იგი, თვალებს, რომ გიცქერიან და უყვარხართ [500].

Следует отметить, что во всех приведенных примерах, иллюстрирующих прием опущения, переводчик сохраняет смысл исходной фразы, однако опущение повторяемого элемента оригинала лишает переводной текст выразительности, а также ритма, заданного автором.

4. Наличие повтора в грузинском переводе, несмотря на его отсутствие в

тексте оригинала. Например, в русском предложении: *А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот что вот знаешь наверно, что вот через час <...> человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно [И., VI, 24]* – отсутствует какой-либо повтор, а в грузинском переводе появляется повтор словосочетания *может быть* (იქნებ) и местоимения *самый* (в составе превосходной степени прилагательного).

- მაგრამ ყველაზე დიდი, ყველაზე გაუსაძლისი ტკივილი იქნებ ჭრილობა არც იყოს, იქნებ ის არის, რომ <...> ადამიანი აღარ იქნები და ეს უეჭველია [28]

5. Полное отсутствие повтора в грузинском переводе

- (...) *а я просто уверен, что вы совершеннейший ребенок, во всем, во всем, во всем хорошем и во всем дурном, несмотря на то, что вы в таких летах [И., VI, 83].*

- (...) *არათუ მეჩვენება, დარწმუნებული ვარ, რომ მიუხედავად თქვენი წლოვანებისა, წმინდა წყლის ბალღი ბრძანდებით, ყველაფერში, ცუდი იქნება ეს თუ კარგი [68].*

В данных примерах полностью опущен четырехкратный повтор определительного местоимения *все* в форме предложного падежа.

... он тотчас же опять узнавал свою мрачную мысль, мысль, от которой ему так хотелось отвязаться [И., VIII, 189].

მაგრამ ირგვლივ მიმოიხედავდა თუ არა, კვლავ ის ბნელი ფიქრი აეკვიატებოდა, რომლის მოცილებას ასე ცდილობდა [208].

В последнем примере не передан простой контактный повтор. Сохраняя смысл текста, переводчик, тем не менее, не использует авторскую технологию усиления экспрессивности звучания речи героев.

Стремление усилить эмоциональный эффект при переводе повтора в некоторых случаях привело к использованию дисфемизации. Например,

Вот тут-то, когда начиналась эта слабость, священник поскорей, скорым таким жестом и молча, ему крест к самым губам вдруг подставлял, маленький такой крест, серебряный, четырехконечный, — часто подставлял, поминутно [И., VI, 71].

სწორედ ამ დროს, როცა ეს სიძაბუნე დაეტყობოდა, მღვდელი კვლავ საჩქაროდ, უსიტყვოდ მიაჩერებდა ხოლმე ვერცხლის პატარა ოთხბოლოიან ჯვარს, მალ-მალე ყოველ წუთს აჩრიდა [59].

Помимо того, что не сохранена избыточность в виде повтора одной и той же лексемы (повтор глагола *подставлять*), налицо синонимическая замена, усиленная

эмоционально, поскольку грузинские глаголы «მეგრებდა» и «ჩაჩრა», выбранные для перевода русского глагола «поставлять», передают отрицательную оценку и обладают этико-стилистической сниженностью, что не соответствует нейтральной коннотации русского глагола. Прагматика высказывания в целом сохранена, однако избыточность в виде повтора утрачена. Возможно, буквальный повтор одной и той же структуры с одной и той же эмоциональной единицей позволяет передать более высокую степень эмоций, которые переживает говорящий. В том случае, когда используются синонимы, говорящий переключает внимание на форму выражения эмоций, что снижает их накал.

Таким образом, анализ приемов передачи лексико-синтаксических повторов при переводе романа Ф. Достоевского «Идиот» на грузинский язык подтверждает правильность рекомендаций по переводу повторов и утверждения о том, что полностью передать повторы всех видов на другой язык достаточно сложно. Повторы несут значимую прагматическую, социолингвистическую и психолингвистическую информацию о состоянии персонажей, характеризуют взаимоотношения собеседников и другие составляющие коммуникативной ситуации, поэтому и их передача при переводе требует серьезного внимания к ним и выбора оптимальных переводческих решений, способствующих достижению адекватности в тексте перевода. Для того чтобы сделать более надежные выводы о том, какие способы перевода повторов более всего помогают достижению прагматической адекватности при переводе, необходимо продолжить исследование на более обширном материале.

Список литературы:

- Вандриес Ж.* Язык (лингвистическое введение в историю). Перевод с французского. Серия «Лингвистическое наследие XX века. Изд. 3. URSS. 2004. 408 с.
- Галкина-Федорук Е.М.* Об экспрессивности и эмоциональности в современном русском языке / Сборник статей по языкознанию. М.: Наука, 1958. С. 103-124.
- Казаева Л.И.* Виды и функции повторов в текстах поэтического и художественного жанра / Вестник Югорского государственного университета, 2006. Выпуск 5. С. 50-53
- Шмелев Д.Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976
- Tannen D.* Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse (Studies in Interactional Sociolinguistics), 2nd Edition, Cambridge England; New York: Cambridge University Press. 1989

References:

- Galkina-Fedoruk E.M.* Ob ehkspressivnosti i ehmocional'nosti v sovremennom russkom yazyke / Sbornik statej po yazykoznaniyu. M.: Nauka, 1958. S. 103-124. (In Russian).
- Kazaeva L.I.* Vidy i funkcii povtorov v tekstakh poehticheskogo i khudozhestvennogo zhanra / Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. Vypusk 5. S. 50-53
- Shmelev D.N.* Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke. M.: Nauka, 1976. (In Russian).
- Tannen D.* Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse (Studies in Interactional Sociolinguistics), 2nd Edition, Cambridge England; New York: Cambridge University Press. 1989
- Vandries ZH.* Yazyk (lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu). Perevod s francuzskogo. Seriya «Lingvisticheskoe nasledie XX veka. Izd. 3. URSS. 2004. 408 c. (In Russian).

Анастасьева Ирина Леонидовна
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Anastasyeva Irina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

МОТИВ КОЗЛА ОТПУЩЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

THE SCAPEGOAT MOTIVE IN THE WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY

Тема «коллективного жертвоприношения» и «заместительной жертвы» глубоко волновала Ф.М. Достоевского. Именно поэтому писатель наделял своих героев качествами «высшей жертвы», Иисуса Христа: князь Мышкин, Сонечка Мармеладова и многие другие – герои, страдающие за всё человечество. Должно ли оно соглашаться на подобные жертвы, более того – поощрять их? На этот вопрос писатель искал ответ всю свою жизнь.

В центре общественного дискурса, с одной стороны, утвердилась идея оправдания/принятия/признания жертвоприношения, его мифологизация частью общества, а, с другой стороны, идея сакрализации страдающей жертвы. Эти идеи совпадают с центральной темой книги французского философа, культуролога Рене Жирара «Насилие и священное». Обе книги – Достоевского и Жирара – обращены к понятиям, ассимилировавшим библейский миф о «козле отпущения», жертвы «удобноприносимой» и жертвы сакральной. Французский философ формулирует представление о «заместительной жертве», принимающей на себя ярость, вызванную другим существом. Определение «заместительной жертвы», ничем не заслужившей ударов насильника, кроме как своей уязвимостью и досягаемостью, становится дериватом понятия «козёл отпущения». Писатели доказывают тождественность дефидентов «жертва» и «убийство», подчеркивая, что между ними не существует морального различия.

The concept of collective sacrifice and “substitutionary” sacrifice alarmed F.M. Dostoevsky a lot. That is why the writer endowed his characters with the qualities of “the highest sacrifice”, Jesus Christ: Prince Myshkin, Sonechka Marmeladova and many others – characters suffering for all of humanity. Should people agree to such sacrifices, moreover, should they encourage them? The writer was looking for an answer to this question all his life.

This concept of the scapegoat is correlated with both voluntary and forcible self-sacrifice, the giving up of what F.M. Dostoevsky’s characters, in particular, in the novel “Crime and Punishment” wanted so that other people could have what they needed. In the center of the discourse, on the one hand, is the idea of acquittal/acceptance/ recognition of sacrifice, its mythologization by a part of the society, and, on the other hand, the idea of sacralization of the suffering victim, correlated with the central theme of the book “Violence and the Sacred” by the French philosopher, culturologist René Girard. The two books – by Dostoevsky and Girard – appeal to the concept of the victim both “digestible” and sacred, based on the biblical myth of the “scapegoat” paradigmatically leading to the image of a “whipping boy”. Both writers prove the identity of the concepts of “victim” and “murder” emphasizing that there is no moral difference between them.

Ключевые слова: Ф. Достоевский, Р. Жирар, козёл отпущения, замещение ритуального жертвоприношения, сакральная жертва.

Key words: F. Dostoevsky, R. Girard, a scapegoat, substitution of ritual sacrifice, victim.

Разговору о жертвах и «жертвочках» (слово Порфирия Петровича, героя романа «Преступление и наказание») в творчестве Ф.М. Достоевского следует предпослать

несколько цитат из книг французского философа и культуролога Рене Жирара «Насилие и священное» и «Козел отпущения». Обращение к этим книгам, как мне кажется, должно помочь в общении с современными студентами, не всегда понимающими символическое значение ряда эпизодов в художественных произведениях Достоевского. «Почему Соня пошла по желтому билету?» – «Хотела помочь детям Катерины Ивановны». «Почему Раскольников рассказывает ей о своем преступлении?» – «Ему тяжело нести бремя своего греха, хочется с кем-то поделиться». Вот примерный диалог, который происходит в современных университетских аудиториях.

В такую минуту и вспоминаются книги Жирара. Философа в первую очередь интересуют темы коллективного жертвоприношения и заместительной жертвы. «Во множестве ритуалов, – пишет он, – жертвоприношение предстает в двух противоположных аспектах: то как “весьма святое дело”, уклониться от которого было бы серьезным прегрешением, то, наоборот, как своего рода “преступление”, совершить которое – значит подвергнуться столь же серьезной угрозе. Чтобы объяснить эти два облика ритуального жертвоприношения – законный и незаконный, публичный и чуть ли не потаенный, – Юбер и Мосс в “Очерке о природе и функции жертвоприношения” ссылаются на священный характер жертвы. Убивать жертву преступно, поскольку она священна... но жертва не будет священной, если её не убить. Перед нами круг, которому несколько позже присвоят и сохранят до наших дней звонкое имя – *амбивалентность*» [Жирар, Электронный ресурс].

В данном дискурсе нас более интересует образ самой жертвы, т.е. того персонажа по отношению к которому применяется насилие. Антиномия, заложенная в основу названия двух произведений – «Преступление и наказание» и «Насилие и священное», – предполагает исследование темы жертвы добровольной и жертвы страдающей, жертвы мифологизированной и идеи жертвоприношения, самопожертвования и угнетённой невинности. Родион Романович Раскольников, как известно, допускает «пролитие крови по совести» в обстоятельствах, которые обусловят «всеобщее преуспеяние». «<...> Единичное злодейство позволительно, если главная цель хороша. Единственное зло и сто добрых дел!» – прояснит суть его идеи Свидригайлов [Достоевский, 1973, с. 378]. Бедный петербургский студент полагает, что построение счастья всего человечества не плохо бы начать с маленькой жертвочки, да и жертвой-то её по сути назвать невозможно, коли в качестве таковой избирается «вошь», сосущая кровь других страдальцев, а потому обязанная расплатиться за это собственной кровью. «Преступление? Какое преступление? – вскричал он <Раскольников – И.А.> вдруг, в каком-то внезапном бешенстве, – то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую

убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? Не думаю я о нём и смывать его не думаю» [Достоевский, 1973, с. 400].

Ситуация, как видим, необычная, ибо убийство Алены Ивановны вполне соответствует понятию жертвоприношения, в то время как сам Раскольников к страдающим причисляет себя. Он точно вписывается в ряд героев-идеологов, заселяющих страницы романов Достоевского, к числу которых относятся и Иван Карамазов и его детище – Великий Инквизитор. Противоречивая натура среднего карамазовского сына уже не приемлет пролития невинной крови, уже движется дальше в своих построениях. «Представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, – скажет он Алёше, – дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка (тут без всякого вуалирования возникает образ “мальчика для битья” – И.А.), бившего себя кулачком в грудь, и на неотмщенных слезках его основать это здание, согласился бы ты быть архитектором на этих условиях <...> И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остаться навеки счастливыми?» [Достоевский, 1976, с. 224]. Алёша, как помним, возразит Ивану: есть Один, кто может всех простить, Тот (доскажем за него – мальчик для битья – И.А.), который отдал неповинную кровь свою за всех и всё, т.е. Иисус Христос. Таким образом, Сын Божий выступает в роли «мальчика для битья» – и тут мы не сделаем никаких открытий. «Сосредотачиваясь на Христе как на первой жертве, понявшей и раскрывшей культурный механизм жертвоприношения, Жирар создает новый аппарат для анализа всех тех свидетельств группового насилия, которые его не понимают», – пишет Александр Эткинд в Предисловии к книге Р. Жирара «Козел отпущения».

Идея, обозначенная как «мальчик для битья», восходит к образу козла отпущения: «<...> у некоторых народов во время похоронного обряда черный козел приносился в жертву, чтобы служить умершему пищей, которая поможет ему возродиться (следы этих представлений прослеживаются в библейском сюжете “козла для отпущения грехов”）」 [Топоров, 1997, с. 663]. Образ этот характерен для ветхозаветной традиции, «Бог повелел израильтянам раз в год проводить очищение народа от всех грехов, чтобы быть чистыми перед Господом <...> В новозаветном Послании к евреям Иисус символически изображается пострадавшим “вне врат”, дабы взять на себя наши грехи (Евр.13:12). Но, принеся себя в жертву за грехи, Иисус тем самым положил конец жертвоприношениям и навсегда воссел одесную Бога (Евр.10:12)» [Словарь библейских образов, 2005, с. 536]. Здесь очень хочется возразить, вспомнив о том, что трагическая роль жертвы была

отведена Христу, которого в мир послал Отец сыграть эту роль. Вопрос об отсутствии выбора, о том, что Христос попросту был лишен альтернативы, сильно тревожил Д.С. Мережковского. В знаменитой книге «Иисус Неизвестный» писатель предлагает своё видение этой проблемы: Христос, обратившись к отцу во время молитвы в Гефсиманском саду с просьбой «эту чашу мимо пронеси», закаляет свой дух и укрепляет волю. Он сам предлагает себя на роль «мальчика для битья», но добровольная жертва остается жертвой.

Что включают в себя понятия жертвоприношения и убийства в творчестве Достоевского и Жирара? Если античное искусство набрасывало на жертвенное убийство покров романтизации и сакрализации, то, с точки зрения сегодняшнего дня, этот акт – лишь замаскированная жестокость. Иначе говоря, убийство и жертвоприношение – понятия, взаимно замещавшие друг друга; и наступила наконец минута, когда необходимо поставить вопрос о связи жертвоприношения и убийства. Поиск жертвы, пусть и сакральной (исключительно в представлении того человека, который совершает насилие), – в действительности всего лишь патологическая жажда этого насилия, уверен философ. «Жажда насилия, стоит ей проснуться, приводит к определенным физиологическим изменениям, готовящим человека к схватке. <...> Неутоленное насилие ищет и в итоге всегда находит заместительную жертву. Вызвавшее ярость существо вдруг заменяется на другое, ничем не заслужившее ударов насильника, кроме как своей уязвимостью и досягаемостью. Эта способность добывать заместительные объекты, как указывает множество фактов, не ограничена человеческим насилием. Лоренц в “Агрессии” говорит о виде рыб, которые, если их лишить обычного противника, то есть самцов того же вида, с которыми они конкурируют за контроль над определенной территорией, непременно обращают свои агрессивные тенденции против собственной семьи и в итоге ее уничтожают» [Жирар, 1972].

Подобные психологические метаморфозы с лёгкостью обнаруживаются в характеристиках персонажей Достоевского. Предваряя размышления Жирара, писатель показывает, как в человеческом сознании постепенно кровавая жертва подменяется сакральной, а сама жертва освящается уже при жизни, как Сонечка, которую отец уподобит ангелу, взирающему из поднебесья. Катерина Ивановна, затравленная жизнью, больная чахоткой, бьющая детей, ибо не может слышать их голодного плача, вымещает зло на Сонечке – выталкивает её на улицу, превращая в блудницу, приносит её в жертву ради плачущих голодных детей. Вернувшись домой, Соня Мармеладова кладёт перед ней тридцать целковых, тридцать сребреников, за которые продала душу свою и во имя которых её духом пожертвовала Катерина Ивановна. И эта пытка, своего рода Голгофа, повторяется ежедневно: «Ай да Соня! Какой колодезь, однако ж, сумели выкопать! и

пользуются! Вот ведь пользуются же! И привыкли. Поплакали, и привыкли. Ко всему-то подлец-человек привыкает!» [Достоевский, 1973, с. 25].

Пульхерия Александровна, мать Раскольникова, готова совершить подобное же преступление, но её «заместительным объектом», жертвой, приносимым вместо сына, должна была стать родная дочь. И стала бы, если бы не воспрепятствовал Родион Романович. Это своего рода «ритуальное жертвоприношение», основанное на «замещении», если пользоваться определением Жирара, когда необходимо отвратить «насилие от одних существ, которых нужно защитить, <перенеся его – И.А.> на других, смерть которых имеет меньшее значение или вообще никакого». Кроткие, невинные жертвы, Соня и Дуня могут быть причислены к тем самым «мальчикам/девочкам для битья», образы которых так волновали Достоевского. Интересно, что обе матери умирают в состоянии, близком к помешательству, и их во многом трагическая смерть вплетена в историю пушкинских героев «петербургских повестей», Германна («Пиковая дама») и Евгения («Медный всадник»). Оба теряют рассудок, сознательно вступив в спор с inferнальными силами и безуспешно пытаясь разобраться в том, кто оказался виновником обрушившейся на них трагедии. Безумие, в представлении поэта, – Божья кара («не дай мне, Бог, сойти с ума»).

В контексте сказанного становится прояснённым глубинный, потаённый смысл совершенного Раскольниковым убийства старухи процентщицы, помимо известного истолкования сделанной им «пробы». Её смерть трактуется как своеобразное замещение тех ритуальных жертв, которые приносить не хотелось бы в силу их невинности и чистоты (уж не в этих ли строчках М. Булгаков позаимствовал идею, с помощью которой профанируется один из наиболее значительных христианских обрядов – литургия – во время бала сатаны, когда чистая кровь Христа подменяется кровью новоявленного Иуды – барона Майгеля, как кровь старухи процентщицы должна пролиться вместо крови чистых младенцев, Дуни и Сони). Исследуя психологическую мотивацию язычников, совершавших обряд жертвоприношения, Рене Жирар делает вывод: «Коллектив пытается обратить на жертву сравнительно безразличную, на жертву “удобоприносимую” то насилие, которое грозит поразить его собственных членов, тех, кого оно хочет любой ценой защитить. Все свойства, делающие насилие ужасным, – его слепая жестокость, абсурдность его порывов – имеют и обратную сторону: они совпадают с его странной склонностью обрушиваться на заместительную жертву, они помогают хитрить с этим врагом и в удобный момент подбросить ему ничтожную добычу, которая его утолит. Волшебные сказки, где волк, людоед или дракон хотят съесть ребенка, а проглатывают

вместо него камень, были, вполне возможно, связаны с жертвоприношением» [Жирар, 1972].

Раскольников пытается как бы «перехитрить» насилие, создавая собственный «миф жертвенной системы», манипулируя «жертвенным насилием». Манипуляция эта проистекает, во-первых, из понимания бесполезности *святой* жертвы, ненужности и бессмысленности её (здесь Жирар фактически вторит Достоевскому: «жертвоприношение ничему в реальности не соответствует. Нужно без колебаний квалифицировать феномен жертвоприношения как «ложный»). В этом контексте слова о том, что Христос смертью погряз, должны быть прочитаны как попытка подчеркнуть антигуманный, античеловеческий смысл самого обряда жертвоприношения. Родион Раскольников обвиняет Соню в том, что она убила *себя*, что принесла себя в жертву *никому не нужную*: «<...> а пуще всего, тем ты грешница, что *понапрасну* (курсив Достоевского – И.А.) умертвила и предала себя...<...> никому ты этим не помогаешь и никого ни от чего не спасаешь!» [Достоевский, 1973, с. 247] Уж коли необходимо принести жертву, пусть ею станет старуха процентщица, которая должна сыграть роль заместителя жертвы.

Раскольникову абсолютно ясно, что окружающие Соню люди, среди которых и Катерина Ивановна, и её отец, не вполне осознают тонкости механизма запущенной ими жертвенной системы. Ежедневное восхождение несчастной страдальницы на Голгофу – не только следствие их короткой памяти и короткого сострадания («поплакали и привыкли»), но и следствие определенного недопонимания происходящего. Обратимся вновь к книге Жирара: «Верующие не осознают и не должны осознавать роль насилия. Ясно, что это непонимание обеспечивается в первую очередь теологией жертвоприношения. Считается, что это бог требует жертв; это только он, в сущности, наслаждается дымом всежжения; это ему нужны груды мяса на его алтарях. Жертвоприношения умножают, чтобы успокоить его гнев» [Жирар, 1972]. Недопонимание Мармеладовым той роли, которую он сам сыграл в уничтожении дочери, ужасающее своей очевидностью, обнаруживается в эпизоде знакомства его с Раскольниковым. Он объясняет молодому человеку, что купил полуштоф на деньги дочери, на те тридцать копеек, которые она ему вынесла (вновь семантика чисел должна подсказать читателю иудин характер преступления отца). «А ведь и ей они теперь нужны, а? <...> Ведь она теперь чистоту наблюдать должна. Денег стоит сия чистота, особая-то, понимаете?» [Достоевский, 1973, с. 20] Происходит полная подмена понятий в сознании героя, их зеркальное искривление: блудница, сброшенная в грязь реальной петербургской жизни мачехой при полном попустительстве отца, не воспринимается им как жертва, хотя бы в той степени, в какой должна восприниматься.

Жертвой он видит прежде всего себя: «Жаль вам теперь меня, сударь, аль нет? Говорите, сударь, жаль али нет?»

И тут, наконец, обнаруживается обратная сторона жертвенного мифа Раскольникова, ибо и он мнит себя страдающим. В одном из диалогов Порфирий Петрович спросит его, верит ли тот в Новый Иерусалим, и молодой студент ответит «да». Если попытаться вникнуть в аллегорический смысл слов следователя, то получится, что он выпытывает у Раскольникова, в какой степени тот осознает свою вину, верит ли в то, что ему предстоит гореть в аду за содеянное. Подобно Великому Инквизитору, Родион Романович отлично понимает, кому он служит – Богу или сатане, но сакрализует свою жертву попыткой спасти малых сих, оправдывая тем самым и принесение в жертву некоторых из них. Истоки его мук проистекают из осознания того факта, что он несправедливо манипулирует понятиями «актуальной» и «потенциальной» жертвы, хотя это понимание и доводит бедного героя до полнейшего иступления. Стремясь подменить жертву Сони жертвой процентщицы, он абсолютно забывает о том, что убил Лизавету, он даже как-то совсем потерялся, когда Соня, сложив руки на груди таким образом, каким это делала Лизавета, вдруг напомнила ему о ней.

Эта сцена и подводит черту под размышлениями Раскольникова, «имеет ли он право» переносить на себя жертвенный подвиг Христа, хотя герой и не сразу сдаётся, и даже на каторге будет продолжать вести спор с самим собой. Не существует морального различия между «удобоприносимой» жертвой и священной – эту мысль и пытаются подчеркнуть в своих произведениях Ф.М. Достоевский и Р. Жирар.

Список литературы:

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский // ПСС в 30 тт.: Т. VI. – Л.: Наука, 1973.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский // ПСС в 30 тт.: Т. XV. – Л.: Наука, 1976.

Жирар Р. Козёл отпущения [Электронный ресурс] / Р. Жирар. – Режим доступа: <https://predanie.ru/book/199594-kozel-otpuscheniya/>.

Жирар Р. Насилие и священное [Электронный ресурс] / Р. Жирар. – 1972. – Режим доступа: <e-libra.ru/books/336042-nasilie-i-svyashennoe.html>.

Иштван Р.-В. История человеческой глупости [Электронный ресурс] / Р.-В. Иштван. – Нью-Йорк, 1932. – Режим доступа: http://storyo.ru/ist_chel_gluposti/18.htm.

Словарь библейских образов. Под общей редакцией Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана III. – СПб., 2005. – С. 536.

Топоров В.Н. Козёл / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: НИ Большая Российская энциклопедия, 1997. – Т.1.

References:

Dostoevsky F.M. Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment] / F.M. Dostoevsky // FCW in 30 volumes: Vol. VI. – Leningrad: Nauka. (In Russian).

Dostoevsky F.M. Bratia Karamazovy [The Karamazov Brothers] / F.M. Dostoevsky // FCW in 30 volumes: Vol. XV. – Leningrad: Nauka. (In Russian).

Girard R. Nasilie i sviashennoe [Violence and the Sacred] [Electronic resource] / R. Girard. – 1972 (In Russian). – Available at: e-libra.ru/books/336042-nasilie-i-svyashennoe.html.

Girard R. Kozel otpuscheniya [The Scapegoat] [Electronic resource] / R. Girard ≈ – Available at: <https://predanie.ru/book/199594-kozel-otpuscheniya/>.

István Ráth-Végh Istoria chelovecheskoy gluposti [A Short Introduction to the History of Human Stupidity] [Electronic resource] / Ráth-Végh István. – New-York, 1932. – Available at: http://storyo.ru/ist_chel_gluposti/18.htm.

Slovar' bibleiskikh obrazov [Dictionary of Biblical Images] // Edited by L. Raiken, J. Wilhoit, T. Longman III. – SPb., 2005. – P. 536. (In Russian).

Toporov V.N. Kozel [Goat] / V.N. Toporov // Mify narodov mira. Ehntsiklopediya v 2-kh tt [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia in 2 volumes] // Edited by S.A. Tokarev. – M.: NI Bol'shaya Rossiiskaya ehntsiklopediya, 1997. Volume I. (In Russian).

Артемяева Юлия Вячеславовна
Академия гражданской защиты МЧС России
г. Химки (Россия)

Явари Юлия Владимировна
Тверской государственный технический университет
г. Тверь (Россия)

Artemyeva Julia
Civil Defence Academy EMERCOM of Russia
Khimki (Russia)

Yavary Julia
Tver State Technical University
Tver (Russia)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКИХ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

THE INTERPRETATION OF RUSSIAN REALIA IN TRANSLATION OF WORKS BY FYODOR DOSTOEVSKY

В статье проводится анализ интерпретаций реалий, встречающихся в произведениях Ф.М. Достоевского, при передаче их с русского языка на английский и немецкий языки. Авторы рассматривают художественный перевод как базу для пополнения литературного языка переводящего (ПЯ) новыми словами. Однако понятие адекватности и эквивалентности перевода в данном явлении в полной мере применяться не может, поскольку возможны лишь интерпретации, поиски вариантов передачи референта на ПЯ. Таким образом, каждый случай перевода реалии должен быть рассмотрен отдельно. Авторы статьи считают, что в любом случае, переводчику необходимо учитывать интенцию автора, поэтому наличие реалий в дискурсе намного усложняет решение переводческой задачи – адекватно и полноценно перевести произведение. Поиск методов и приёмов сопряжён с методом проб и ошибок. Используя опыт перевода и опираясь на знание экстралингвистических факторов, можно достичь адекватного перевода.

The article analyses the interpretations of realia in the works by Fyodor Dostoevsky, translating them from Russian into English and into German. The authors consider fiction translation as a base for adding new words to a standard language. However, the notions of adequacy and equivalence of translation in this case aren't applied to the full, because only interpretations and alternative ways of rendering referents can be used. Thus, every case of realia translation must be regarded individually. The authors believe that in any case the translator is to take into account the intention of the original text; therefore, the presence of realia in the discourse significantly complicates the solution of the task which is to translate a work adequately and fully. The search for translation methods is connected with the trial-and-error method. Using the experience of translation and knowledge of extralinguistic factors makes it possible to achieve adequacy in translation.

Ключевые слова: переводчик, языковая личность, языковая культура, интенция автора, дискурс, метод проб и ошибок, экстралингвистический фактор, реалия, адекватность в переводе, полноценность, эквивалентность.

Key words: a translator; language personality; language culture; author's intention; a discourse; the trial-and-error method; an extralinguistic factor; a realia; the adequacy in translation; completeness; equivalence.

Художественный вид перевода представляет собой очень сложный тип языковой деятельности человека, зависящий от субъективного фактора в большей мере, чем от других, оказывающих влияние на переводящего человека. Оригинальный текст может быть прозой, поэзией, представлять собой драматическое произведение сложной структуры, поэтому переводчик не может просто передавать замысел автора, который

необходимо ещё понять, а должен обладать навыками передачи образов средствами художественной выразительности текста, включая рифму, различные виды тропов и стилистических фигур и др.

Для более точного и красочного изображения жизни того или иного народа авторы художественных произведений используют большое количество реалий, обозначающих предметы быта, явления и понятия культурной, социальной и духовной жизни описываемого народа. В произведениях русской литературы XIX века можно встретить немало реалий, обозначающих не только предметы быта различных слоев населения (одежда, утварь, транспорт, блюда национальной кухни): *боливар*, *брегет* [Пушкин, 1986, с. 191], телогрейка [Пушкин, 1986, с. 231], тулуп, кушак [ЕО, с. 260], почтовые [ЕО, С. 187], блины [Пушкин, 1986, с. 221], квас, варенье, кибитка, дрожки, но и названия различных национальных религиозных праздников и обрядов: Масленица, День Троицын [Пушкин, 1986, с. 221], Святки [Пушкин, 1986, с. 221], и национальных традиций – хоровод [Пушкин, 1986, с. 221], подблюдны песни [Пушкин, 1986, с. 221], говеть [ЕО, с. 221], гадать [Пушкин, 1986, с. 262]. Немалое количество реалий приходится также на названия различных социальных сословий общества: барин [Тургенев, 1974, с. 14], барыня [Тургенев, 1974, с. 31], попович [Тургенев, 1974, с. 5], мужик [Тургенев, 1974, с. 5], девка [Тургенев, 1974, с. 28], казачок [Тургенев, 1974, с. 6], сыромолотная дворянка [Тургенев, 1974, с. 31], степной барин [Тургенев, 1974, с. 25], души (крепостные крестьяне) [Тургенев, 1974, с. 25]. Также названия должностей и чинов: губернский прокурор [Тургенев, 1974, с. 3], статский советник [Тургенев, 1974, с. 5], ремонтер [Тургенев, 1974, с. 8], чиновник по особым поручениям [Тургенев, 1974, с. 9], губернатор [Тургенев, 1974, с. 9], штабс-ротмистр [Тургенев, 1974, с. 9], Ремонтер [Тургенев, 1974, с. 8], чин действительного студента [Тургенев, 1974, с. 10] и другие. Довольно часто встречаются обозначения различных единиц измерения: длины – верста [Тургенев, 1974, с. 4], сажень, пядь, аршин; веса – пуд, фунт. Многие, если не все из этих реалий при переводе на другие языки требуют пояснений для иноязычных читателей, поскольку им абсолютно незнакомы не только из-за отсутствия в языке перевода ПЯ лексических единиц, обозначающих данные предметы, но и из-за отсутствия в жизни народа, носителя ПЯ, самих референтов. Сегодня в пояснениях могут нуждаться не только иноязычные читатели, но и русскоговорящие вследствие того, что многие из предметов вышли из употребления, и их названия незнакомы современным носителям русского языка.

При переводе на другие языки переводчики должны передать все эти реалии так, чтобы читатель, не отвлекаясь на комментарии внизу страницы или в конце книги и не спотыкаясь о громоздкие транскрипции иностранных слов в тексте, получил наиболее

полное и правильное представление о предметах, явлениях и понятиях, характерных для различных областей жизни описываемого народа и передающих национальный, местный или исторический колорит.

Главным героем романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» является мелкий чиновник, поэтому при описании его жизни автор использует немало реалий, относящихся к сфере деятельности служащих низших рангов, названия должностей и чинов – чиновник [Достоевский, 1987, с. 7], титулярный советник [Достоевский, 1987, с. 60], канцелярист [Достоевский, 1987, с. 62], чиновник по особым поручениям [Достоевский, 1987, с. 99], его превосходительство [Достоевский, 1987, с. 69], форменной одежды чиновников – шинель [Достоевский, 1987, с. 11], вицмундир [Достоевский, 1987, с. 18], фуражка [Достоевский, 1987, с. 45], в романе также встречаются некоторые названия блюд и сладостей – каша [Достоевский, 1987, с. 69], пряник [Достоевский, 1987, с. 88], пряничный петушок [Достоевский, 1987, с. 29], леденец [Достоевский, 1987, с. 52], названия различных мер: веса – фунт [Достоевский, 1987, с. 7], длины – сажень [Достоевский, 1987, с. 88], а также названия различных социальных сословий: помещик [Достоевский, 1987, с. 27], мужик [Достоевский, 1987, с. 88], баба [Достоевский, 1987, с. 79], девка [Достоевский, 1987, с. 90], артельщик [Достоевский, 1987, с. 88], извозчик [Достоевский, 1987, с. 88], мастеровой [Достоевский, 1987, с. 92], Управитель (имения) Управитель имения [Достоевский, 1987, с. 19], Ф.М. Достоевский упоминает в своем романе произведения других писателей – «Повести Белкина» А.С. Пушкина [Достоевский, 1987, с. 53] и повесть Н.В. Гоголя «Шинель» [Достоевский, 1987, с. 62] и газету «Пчелка» (Северная пчела) [Достоевский, 1987, с. 99], причем в романе речь идет не столько о самих произведениях русской литературы, сколько о их раритетных изданиях, что, как и название «Пчелка», которую читал главный герой, современные издатели поясняют в комментариях в конце книги [Достоевский, 1987, с. 468].

Для передачи всех этих реалий при переводе романа на английский и немецкий языки переводчики Ольга Шарце (Olga Shartse) и Германн Рёль (Hermann Röhl) прибегают к помощи практически всех способов из арсенала средств передачи реалий в переводе, выделяемых болгарскими лингвистами, теоретиками и практиками перевода, С.И. Влаховым и С.П. Флориным [Влахов, Флорин, 2009, с. 89], и В.С. Виноградовым [Виноградов, 2009, с. 118–120], однако наиболее часто встречается передача реалий при помощи эквивалентов из лексического состава ПЯ. С одной стороны, данные лексические единицы зарегистрированы в словарях ПЯ и являются частью его лексического состава, но, с другой стороны, данные лексические единицы могут рассматриваться как результат заимствования из другого языка при помощи одного из способов передачи реалий в

переводе, например, транскрипции: самовар [Достоевский, 1987, с. 15] – *англ.* Samovar [Dostoevsky, 1990, с. 19; AbbyLingvo; 9, с. 1220] и *немецк.* Samowar [Dostojewski, 1982, с. 23; 11], дрожки – *немецк.* Droshke [11] или описательного перевода: тулуп – *англ.* sheepskin coat [AbbyLingvo] и *немецк.* Schafpelz [Dostojewski, 1982, с. 93; 11].

Для передачи реалий, связанных с деятельностью мелких служащих, названий должностей и чинов оба переводчика используют одинаковые приемы: «чиновник» [Достоевский, 1987, с. 7] и на английский, и на немецкий язык также передается посредством эквивалентов clerk (клерк, офисный служащий [AbbyLingvo5 Professional 20]) [Dostoevsky, 1990, с. 10] Beamte (государственный служащий, должностное лицо, чиновник, служащий [AbbyLingvo]) [Dostojewski, 1982, с. 11], которые можно считать функциональными аналогами, поскольку, хотя английская и немецкая лексические единицы одним из своих значений имеют «служащий», не полностью соответствуют русскому «чиновник», особенно в значении XIX века. Для передачи названия низшего чина «титулярный советник» [Достоевский, 1987, с. 69] переводчик используют калькирование – *англ.* titular counsellor с пояснением внизу страницы (*one of the lowest ranks in the 14-grade system of bureaucratic hierarchy.–Ed.*) [Dostoevsky, 1990, с. 75] и *немецк.* Titularrat [Dostojewski, 1982, с. 111], однако переводчик на английский приводит пояснения внизу страницы: *one of the lowest ranks in the 14-grade system of bureaucratic hierarchy.– Ed.* [Dostoevsky, 1990, с. 75], в то время, как переводчик на немецкий оставляет своих читателей без каких-либо пояснений, которые были бы вполне уместны в данном случае, поскольку составляющие части кальки counsellor и -rat имеют в ПЯ значение «советник», что в культурах обоих ПЯ соответствует довольно высоким должностям, и читатели могут пребывать в недоумении по поводу бедственного финансового положения чиновника данного уровня. С этой точки зрения перевод Ольги Шарце, переводчицы на английский следует признать более удачным, поскольку она не только передает название должности, но и поясняет в комментарии ранг данной должности.

При передаче названий форменной одежды чиновников XIX века оба переводчика прибегают к такому приему, как гиперонимический перевод, т. е. передают реалию при помощи более общего понятия: «фуражка» [Достоевский, 1987, с. 50] – *англ.* cap (шапка, головной убор) [PP, с. 50] и *немецк.* Mütze (шапка) [Dostojewski, 1982, с. 72], «шинель» [Достоевский, 1987, с. 11] переводчик на английский передает при помощи описательного перевода – service coat (форменное пальто) [Dostoevsky, 1990, с. 15], используя при этом и гипероним (более общее понятие) coat, переводчик на немецкий так же прибегает к гиперониму Mantel (пальто) [Dostojewski, 1982, с. 17], Для передачи на английский язык названия другой форменной одежды, а именно, «вицмундир» [Dostoevsky, 1990, с. 18]

переводчик выбирает гиперонимический перевод – *англ.* uniform [Dostoevsky, 1990, с. 23], а на немецкий данная лексическая единица передается описательно – *немецк.* Dienstanzug (служебная форма, форменная одежда) [Dostojewski, 1982, с. 28], однако данная лексическая единица представлена в словаре AbbyLingvo с русским эквивалентом «служебная форма, форменная одежда» [AbbyLingvox5 Professional 20], что, опять же может навести на мысль об использовании эквивалента из состава немецкого языка, а не описательного перевода.

Одно из центральных мест среди реалий в романе «Бедные люди» Ф.М. Достоевского занимают названия российских денежных единиц того времени. С одной стороны, передача в переводе названий денежных единиц обычно не вызывает особых затруднений, т. к. довольно часто в результате различных, как торгово-экономических, так и социально-культурных контактов страны знакомятся с денежными единицами других стран, а названия данных единиц входят в лексический состав стран-партнеров в виде заимствований. Таким образом, денежные единицы одной страны получают свои названия в языке других стран, а лексические единицы, их обозначающие – эквиваленты, заимствованные в результате транскрипции, и отраженные в лексических словарях принимающих языков: *англ.* Ruble (Rouble) – chief monetary unit in Russia and some other former republics of the USSR 9, с. 1199] и kopeck –(Copeck) monetary unit in Russia and some other former countries of the USSR equal to one-hundredth of a rouble [Oxf, p. 295], *немецк.* Rubel – Währungseinheit in der Sowjetunion / ein R. hat 100 Kopeken [Klappenbach, R., 1968, с. 3079] и Kopeke – kleinste Währungseinheit in der Sowjetunion / die K. ist der hundertste Teil des Rubels [Klappenbach, S. 2190]. Данные эквиваленты, представленные в лексическом запасе ПЯ, помогают переводчику выполнять требования С.И. Влахова и С. П. Флорина при работе с денежными единицами оставлять в переводе денежные единицы оригинала, поскольку они тесно связаны с определенной страной, и замена их на денежные единицы другой страны может перенести действие произведения из оригинальной страны в страну, название денег которой присутствует в переводе [Влахов, Флорин, 2009, с. 146].

В романе преобладают такие денежные единицы, как рубли ассигнациями [Достоевский, 1987, с. 35; с. 53] и рубли серебром [Достоевский, 1987, с. 18; с. 87], соотношение которых не вполне понятно даже русскоязычному современному читателю. В комментариях в конце книги сообщается, что «ассигнации – бумажные деньги, введенные в России в 1769 г. В 1830-е годы один рубль ассигнациями равнялся по официальному курсу 27 копейкам серебром» [Достоевский, 1987, с. 467], однако, даже зная о соотношении данных денежных единиц, читателю приходится постоянно держать

его в уме, чтобы соизмерять имеющиеся у героев деньги и стоимость некоторых упоминаемых товаров, иначе в некоторых эпизодах читателю нелегко разобраться в происходящем в романе, так, например, почему героиня, имея 30 рублей, не смогла купить книги, за которые запросили цену в 10 рублей [Достоевский, 1987, с. 35-36]. В данном случае следует учитывать, что капитал героини составлял 30 рублей ассигнациями, что равнялось примерно 8 рублям серебром, в которых и была установлена запрашиваемая цена в 10 рублей. Переводчица на английский язык Ольга Шарце (Olga Shartse) при передаче данных единиц использует прием калькирования – *ruble in bank-notes* [Dostoevsky, 1990, с. 81] и *silver ruble* [Dostoevsky, 1990, с. 41], комментарий издателя внизу страницы поясняет: *One silver ruble equalled 3 rubles 50 kopecks in bank-notes* (один рубль серебром равнялся 3 рублям 50 копейкам ассигнациями) [Dostoevsky, 1990, с. 40]. Таким образом, переводчица на английский максимально приближает свой перевод к оригиналу, сохраняя и оригинальные денежные единицы, и их количественное значение, а читателям английского перевода, как и читателям оригинала, для понимания ситуации, описываемой в романе, приходится совершать некоторые математические вычисления для определения соотношения имеющихся денег и цены, но они, в отличие от читателей оригинала, находятся в более выгодном положении, поскольку комментарий помещен не в конце книги, как в оригинальном издании, а внизу страницы, так что знакомство с данным комментарием меньше отвлекает читателей от чтения, как если бы он находился в конце книги. Переводчик на немецкий язык Германн Рёль (Hermann Röhl) так же, как и автор английского перевода выбирает для передачи данных денежных единиц калькирование: *in Papier* и *Rubel Silber* [Dostojewski, 1982, S. 28] соответственно. При переводе сцены покупки книг, для понимания которой читателям и оригинала, и английского перевода приходится прибегать к комментариям о соотношении денежных единиц и некоторым вычислениям, переводчик на немецкий выбирает другой путь, отдаляющий перевод от оригинала, но облегчающий чтение читателю, избавляя его от обращения к комментариям и перерасчета одних денежных единиц на другие. Переводчик изменяет количественное значение денег в данной ситуации, самостоятельно производя перерасчет: у героини есть 30 рублей (как и в оригинале), за книги просят 35 рублей (что и составляет 10 рублей серебром) [Dostojewski, 1982, с. 55]. Таким образом, сравнивая способы, к которым обратились переводчики на английский и немецкий языки, следует отметить, что выбор пути, по которому пойдет переводчик в своей работе индивидуален, и каждый самостоятельно выбирает, что приоритетнее, близость к оригиналу, или простота и удобство читателей.

В романе упоминаются несколько православных церковных служб: всенощная [Достоевский, 1987, с. 13], панихида [Достоевский, 1987, с. 17], отпевание [Достоевский, 1987, с. 17]. Хотя народы, носители и ИЯ, и обоих ПЯ, принадлежат к различным церковным конфессиям, основные церковные таинства и службы имеют место и в католической, и в православной церквях, и, следовательно, в лексических запасах всех данных языков должны присутствовать лексические единицы, обозначающие эти церковные службы, что значительно облегчает задачу переводчиков при передаче на ПЯ названий всех данных служб православной церкви, позволяя им использовать имеющиеся в ПЯ эквиваленты: *vespers* (всенощная) [Dostoevsky, 1990, с. 17], однако, возможно, из-за отсутствия в немецком языке эквивалента для данной русской лексической единицы переводчик использует функциональный аналог *Abendmesse* [Dostojewski, 1982, с. 19] (вечерняя месса, католическое богослужение) [AbbyLingvox5 Professional 20], который может выглядеть как описательный перевод. Название «панихида» на английский язык передается описательно – *memorial service* [Dostoevsky, 1990, с. 22] (памятная, мемориальная; устраиваемая в память к-л. служба), а на немецкий язык – при помощи эквивалента *Seelenmesse* [Dostojewski, 1982, с. 27], который можно рассматривать как описательный перевод «служба о душе».

При передаче названия атрибута похоронного ритуала православной церкви «венчик» [Достоевский, 1987, с. 41] (православии бумажная или тканевая лента, полагаемая на лоб умершего при погребении после омовения тела) переводчики выбирают различные пути: переводчица на английский транскрибирует данную реалию, т. е., прибегает к «переводческой», или «первичной» транскрипции [Явари, 2017, с. 222] – *venchik* в сочетании с пояснением «*a satin or paper ribbon with the images of Jesus Christ, the Virgin and Apostle John placed on the forehead of the deceased in accordance with the custom of the Greek Orthodox Church – Tr.* [Dostoevsky, 1990, с. 46], а переводчик на немецкий передает данную реалию описательно – *Stirnband* (повязка на лоб) [Dostojewski, 1982, с. 64].

Безусловно, приведённые примеры перевода на ПЯ1 и ПЯ2 свидетельствуют о малоизученном пласте языковой культуры, включающем в себя великое разнообразие форм и содержаний не только касающихся определённой эпохи, но и социума в конкретном выражении при его разнообразии. Само искусство художественного перевода позволяет насыщать языки новыми словами, оборотами, обогащая речь как письменную, так и устную. Сама деятельность переводчика приумножает культурно-языковое богатство человечества.

Список литературы:

- Виноградов В.С.* Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. 5-е изд. М.: КДУУ, 2009. 238 с.
- Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. Изд. 4-е, М.: Р. Валент, 2009. 360 с.
- Достоевский Ф.М.* Бедные люди. Белые ночи. Униженные и оскорбленные/ Прим. Н. Будановой, Е. Семенова, Г. Фридендера. М.: Правда, 1987. 480 с.
- Пушкин А.С.* Сочинения. В 3-х т. Т.2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1986. 527 с.
- Тургенев И.С.* Дворянское гнездо. Роман. М., "Дет. лит." 1974. 176 с.
- Явари Ю.В.* Транскрипция как один из способов передачи реалий в переводе. Вестник Тверского государственного университета Серия «Филология». 2017. № 2. с. 219-224.
- Fyodor Dostoevsky.* Poor people// Федор Достоевский. Повести и рассказы. На английском языке. Raduga publishers Moscow, 1990. 354 p.
- Fjodor M. Dostojewski* Arme Leute. Roman. Leipzig Insel-Verlag, 1982. – 237 S.
- Concise Oxford Dictionary*, the 4-th ed. Oxford University Press, 1995. 1674 с.
- Klappenbach R.* Wörterbuch der deutschen Gegenwartsprache / Ruth Klappenbach, Wolfgang Steinitz. – Berlin: Akademie Verlag, 1968. 4580 с.
- Электронный словарь* AbbyLingvox5 Professional 20.

References:

- Concise Oxford Dictionary*, the 4-th ed. Oxford University Press, 1995. 1674 с.
- Dostoevskii F.M.* Bednye lyudi. Belye nochi. Unizhennye i oskorblennye/ prim. N. Budanovoi, e. Semenova, g. Fridlendera. M.: pravda, 1987. 480 s.
- Fjodor M. Dostojewski* Arme Leute. Roman. Leipzig Insel-Verlag, 1982. – 237 S.
- Fyodor Dostoyevsky.* Poor people// Fedor Dostoevskii. Povesti i rassказы. Na angliiskom yazyke. Raduga publishers moscow, 1990. 354 p.
- Klappenbach R.* Wörterbuch der deutschen Gegenwartsprache / Ruth Klappenbach, Wolfgang Steinitz. – Berlin: Akademie Verlag, 1968. 4580 с.
- Pushkin A.S.* Sochineniya. V 3-kh t. T.2. Poehmy; evgenii onegin; dramaticheskie proizvedeniya. M.: khudozh. Lit., 1986. 527 s.
- Turgenev I.S.* Dvoryanskoe gnezdo. Roman. M., "det. Lit." 1974. 176
- Vinogradov V.S.* Perevod. Romanskije yazyki: obshchie i leksicheskie voprosy. 5-e izd. M.: kduu, 2009. 238 s.
- Vlakhov S.I., Florin S.P.* Neperevodimoe v perevode. Izd. 4-e,m.: r. Valent, 2009. 360 s.
- s.
- Yavari Yu.V.* Transkriptsiya kak odin iz sposobov peredachi realii v perevode. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta seriya «Filologiya». 2017. № 2. S. 219-224.

Борис Людмила Алексеевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Boris Liudmila
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

НЕОЖИДАННЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ: РАЗВИТИЕ ОБРАЗА И ИДЕЙ ПИСАТЕЛЯ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

AN UNEXPECTED DOSTOEVSKY: THE DEVELOPMENT OF THE WRITER'S IMAGE AND IDEAS AT THE TURN OF THE MILLENNIUM

Образ великого русского писателя, как и образы его героев стали культовыми фигурами в российской и мировой культуре на рубеже XX и XIX веков. Создано множество фильмов о жизни Федора Михайловича, а также экранизаций его произведений. Написаны глубокие литературоведческие исследования, и в то же время появляются публицистические статьи полемического содержания: «Можно я не буду любить Достоевского?». В словарях зафиксирован многозначный термин «достоевщина». Рок-музыканты продолжают свой диалог с писателем через века. Например, Юрий Шевчук в песне «В ресторане» (группа ДДТ) или Борис Гребенщиков – «Достоевский. Омские архивы» (группа «Аквариум»). Уровень интереса можно проследить в совсем «молодых» видах искусства: в 2014 году появляется манга «Великий из Бродячих псов» («Бродячие псы литературы», на данный момент состоит из 19 томов) и один из её героев – Фёдор Достоевский, глава гильдии «Крысы Мёртвого дома», очень гордый и высокоинтеллектуальный человек с суперспособностью «Преступление и наказание». На её основе были созданы аниме-адаптации (сериал и полнометражный фильм), в которых фигурирует несколько русских писателей, но главный, по-прежнему, Фёдор Достоевский. На русской почве можно отметить «Достоевский Комикс» (2000), в котором главный герой Раскол в костюме Бэтмена проходит путь литературного героя и говорит цитатами из романа. Герои XIX века вписались в систему образов Вселенной молодежи XXI.

The image of the great Russian writer, as well as the images of his heroes, became cult figures in Russian and world culture at the turn of the 20th and 21st centuries. Many films have been made about the life of Fyodor Mikhailovich, as well as film adaptations of his works. Deep literary studies have been written, and at the same time, journalistic articles of polemical content appear: "Can I not love Dostoevsky?" The dictionaries contain the ambiguous term "dostoevshchina". Rock musicians continue their dialogue with the writer through the centuries. For example, Yuri Shevchuk in the song "In a Restaurant" (DDT group) or Boris Grebenshchikov - "Dostoevsky. Omsk Archives" (Aquarium group). The level of interest can be traced in very "young" forms of art: in 2014 the manga "Bungou Stray Dogs" ("Stray Dogs of Literature", currently consists of 19 volumes) appears and one of its heroes - Fyodor Dostoevsky, the head of the guild "Rats of the House of the Dead", a very proud and highly intelligent person with the superpower of "Crime and Punishment". On its basis, anime adaptations (a series and a full-length film) were created, in which several Russian writers appear, but the main one is still Fyodor Dostoevsky. In Russia one can note "Dostoevsky Comics" (2000), in which the main character Raskol (Split) in a Batman costume goes the path of a literary hero and speaks with quotes from the novel. The heroes of the XIX century fit into the system of images of the Universe of the youth of the XXI.

Ключевые слова: образ Достоевского, национальный архетип, рок-музыка, видеоигры, аниме.

Key words: image of Dostoevsky, national archetype, rock music, video games, anime.

Личность Ф.М. Достоевского всегда вызывала интерес не только у биографов, но и читателей: сложная биография, загадочная болезнь, идейные метания, надрывный эмоциональный фон – всё это присуще как героям его произведений, так и самому автору.

Прочувствованное проникновение в душевный и духовный мир писателя получило в XX веке даже своё собственное название: «*Достоевщина*: 1. Психологический анализ в манере Достоевского (с оттенком осуждения). 2. Душевная неуравновешенность, острые и противоречивые душевные переживания, свойственные героям романов Достоевского» [Ушаков, 1935, т.1]. Затем, к концу XX века, второе значение стало доминировать: «*Достоевщина*: Противоречивость чувств, душевная неуравновешенность, страдание и обреченность как совокупность черт героев Ф.М. Достоевского» [Ефремова, 2000]. Слово даже приобрело оценочную коннотацию и дополнительный суффикс разговорного стиля: «*Достаевщина* (достоевщина): Разговор по душам до потери пульса. Навязывание собственных рефлексий > контаминация: *доставать* и Достоевский» [Синдаловский, 2003]. В качестве примера такого невротического разговора можно привести современную прозу Антона Чижова – «За что я не люблю Достоевского», в которой приведено общение в баре между случайно встретившимися людьми – братками, студентами, пьяницами: «И ещё его волновала судьба Родиона Раскольникова.: – Я в натуре никак не всосу – где он запалился? Тот гастролёр его вломить не мог, сам вскрылся...ну, в лоб шмальнул, а прокурор прессовать начал – так это же фуфло галимое! Иди в отказ: я не я, и хата не моя, хрен тут расколешь... Не, вот объясните мне, на хера было на себя мокруху брать, да ещё двойную! Ну косил бы на шизу, а там, глядишь, братва подсуетилась, и соскочил с больнички – чистый и пушистый, будто в тайде с гранулами... – Нет! – я вздрогнул, возвращаясь в реальный мир, – Никогда он уже не поднимется! *В том и дело, что он не из-за бабла старушонку крошил, а из принципа!* А вот принцип оказался полной шнягой, понял? Ехало-болело ему и все понятия, и небо в алмазах! Просто некуда было идти, финиш, тупик.» [Чижов, 2006]. Обсуждение мотивов поведения Раскольникова закончилась дракой из-за накала страстей и различия мнений.

Не только персонажи Достоевского, но и сам образ писателя стал самостоятельным героем, неоднозначно изображаемым и интерпретированным, а также получившим своё развитие в многообразных жанрах различных видов искусства и фольклоре.

Словно продолжая диалог с писателем и его героями, поют о Достоевском рок-музыканты. Петербургская группа «ДДТ» в 2003 году записала альбом «Единочество-2» и в песне «В ресторане» солист группы Юрий Шевчук надрывно пропел:

*С душой Достоевского, с комплексами Блока
Я в ресторане сидел, меня тошнило от сока.*

Судьбу разъел, как бронхит, синдром Льва Толстого:

Непротивление – слева, справа – грубое слово...⁷⁶

Здесь нужно отметить, что не только петербуржцам свойственно уподобление собственной души душе любимого писателя, но и в целом в дискурсах по России наблюдается пристрастное отношение в классике. Политолог Татьяна Шульман в шутку сказала в стриме (трансляция беседы), что наравне с вопросами о предпочтениях – чай/кофе? собаки/кошки? стихи/проза? – обязательно задается «Толстой или Достоевский?». А писатель Борис Акунин всерьез заявил, что все русские писатели относятся либо к партии Достоевского, либо к партии Толстого, и он во второй. Виктор Пелевин, по-видимому, в той же партии, в постмодернистском романе «Т», (герой которого мастер боевых искусств граф Т., то есть Толстой), он буквально сталкивает писателей в компьютерной игре. Любопытно, что граф Т. приходит к Достоевскому с Запада, тогда как функция героя-Достоевского в новом проекте игры-стрелялки, затеянном группой писателей, – бороться с этим самым вредоносным Западом; Достоевский – главный герой 3D-шутера «Петербург Достоевского», цель его жизни – высасывать ману из мертвяков, а встреча с Графом Т в этой игре – босс-файт второго уровня, то есть битва с протагонистом. Граф Т. противопоставляет себя Достоевскому, утверждая, что он «действительно существо иной природы», что он, в отличие от Достоевского, действует из вечности. Самое яркое противопоставление образов Толстого и Достоевского в романе заключается в том, что граф Т. – жив, а Достоевский – мертв, что проверено специальными очками. К такому же выводу после размышлений приходит и сам Достоевский: «реальность в том, что у меня мертвая душа, а у вас живая» [Пелевин, 2009, с. 214]. И это опять отсылка, на сей раз к роману «яростного почитателя» Достоевского Набокова «Отчаянье», своего рода пародии на Достоевского, котором автор постоянно играет паронимическими и акронимическими аллюзиями – *Dusty and dusky; a vortex of dust in the sky* и др. – на фамилию Достоевский, а страдающий герой говорит о себе: *my dusty, dusky soul* (букв.: «моя пыльная, тусклая душа») [Долинин, 2001].

Поэт и певец Борис Гребенщиков (группа «Аквариум») в интервью 2007 года доверительно сказал: «У меня теперь другие интересы. Вот я приведу пример. Летом я уехал в лес и сидел там, читал Достоевского и Толстого. Десять лет назад у меня не было на это времени – а теперь есть. Конечно, я читал *обоих в школе*, но тогда было бессмысленно это читать. И вот теперь я захотел сравнить: каким они видят мир, какой

---

⁷⁶ www.megalyrics.ru › lyric › ddt › v-riestoranie

видят Россию, – и как это вижу я».⁷⁷ За год до интервью, в 2006 году, группа записала альбом «Беспечный русский бродяга», в который вошла *песня «Достоевский»*. Песня выполнена в стиле городского романса, под гармошку и гитару, на неё немедленно был создан ролик на канале YouTube.ru в виде слайд-шоу из винтажных и архивных фотографий с подзаголовком: «Из Омских архивов»⁷⁸.

Приведем здесь полностью текст, который позже вошел в сборник «Грамонтана»:

Когда Достоевский был раненый
И убитый ножом на посту,
Матросы его отнесли в лазарет,
Чтоб спасти там его красоту.

Там хирург самогон пил из горлышка
И все резал пилой и ножом
При свете коптилки семнадцать часов,
А потом лишь упал поражен.

А на следующий день под заутреню
Из центра приходит приказ:
Вы немедля присвойте Героя звезду
Тому гаду, что гения спас.

Так пускай все враги надрываются,
Ведь на завтра мы снова в строю.
А вы те, кто не верует в силу культуры –
Послушайте песню мою [Гребенщиков, 2013, с. 100].

Песня, несмотря на быстро развивающийся драматический сюжет, получилась лёгкой, без ожидаемого надрыва, *без «достоевщины»*, с ненавязчивым назиданием для тех, кто «не верует в силу культуры». Ведь как бы не надрывались враги, писатели и поэты «назавтра снова в строю». Строчка «*Чтоб спасти там его красоту*» явно отсылает слушателей и читателей к широко цитируемой фразе «Красота спасет мир», которая употребляется и в прямом смысле, и в переносном, толкуется с позиций христианского мировоззрения писателя. Впрочем, в шестой главе романа Достоевского «Идиот» она также относится к разным трактовкам: «Слушайте, раз навсегда, – не вытерпела наконец Аглая, – если вы заговорите о чем-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что «*мир спасет красота*», то... я, конечно, порадуюсь и посмеюсь очень, но... предупреждаю вас заранее: не кажитесь мне потом на глаза!» И та же Аглая говорит о портрете Настасьи Филипповны: «*Такая красота — сила... с этакою красотой можно мир перевернуть!*» Ей вторит Митя Карамзov: «*Красота – это*

⁷⁷ Текст интервью полностью здесь: <https://rg.ru/2007/02/15/bg.html>

⁷⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=e12uz5xvyq8>

страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, и определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Иной высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы... Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота?.. *Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь.* Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» («Братья Карамазовы», Кн. 3, гл. III). Ну и в результате в народе распространился афоризм: «*Красота – страшная сила*», он используется в заглавия журнальных статей, рекламных буклетах косметических фирм, названиях телепередач и анекдотах.

Что касается анекдотов, то количество анекдотов о Достоевском и его персонажах сравнительно невелико, Пушкин опередил его в этом жанре на порядок. Самый известный анекдот: «Встречаются Достоевский с Раскольниковым.

– Как же это ты так, Родион? Убил старушку за 20 копеек.

– Не скажи, Федор Михалыч, пять старушек – уже рубль.»

Самый короткий: «Достоевский Ф.М. – это не радио»⁷⁹.

Есть грустная шутка о том, что его романы читают только дети в школе, следовательно, Достоевского смело можно назвать великим детским писателем. И действительно, многолетние опросы студентов и школьников подтверждают, что самое читаемое произведение школьной программы – это роман «Преступление и наказание». И даже не читающие школьники знают из него цитату: «*Тварь я дрожащая или право имею?*» – с нею особенно много *мемов*, не только со зверушками.

Читающие же школьники занимаются в том числе популяризацией и творческой интерпретацией этого и других романов писателя. Создаются пересказы, краткие содержания, объявляются форумы, ведутся жаркие дебаты. По роману «Преступление и наказание» создан комикс⁸⁰, который начинается словами: «В очень жаркую ночь на тесном чердаке сидел бедный студент, известный как *Раскол*. Он обдумывал своё жалкое положение и был полон решимости изменить свою судьбу...». Далее по ходу развития сюжета персонажи обмениваются репликами, достаточно близкими к оригинальному тексту, но на героя комикса надет костюм Бэтмена, а Соня время от времени появляется в маске и развевающимся плаще. Яркими атрибутами этой истории являются огромный

⁷⁹ <https://dostoevskiyfm.ru/%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%B4%D0%BE%D1%82%D1%8B/>

⁸⁰ <http://unicomics.ru/comics/online/dostoyevsky-comics/1>

окровавленный топор и выдающихся размеров Евангелие. В целом, иллюстрация получилась вполне наглядной и запоминающейся.

Еще один почитатель творчества Достоевского, Дмитрий Юрьевич Пучков (известный под псевдонимом Goblin) получил широкую известность после основания им студии «Божья искра», в рамках которой были выпущены пародийные переводы трёх частей киноэпопеи «Властелин колец» («Братва и кольцо», «Две сорванные башни» и «Возвращение бомжа») и нескольких других фильмов («Шматрица» и «Звёздные войны: Буря в стакане»), в которых высмеивались и доводились до абсурда недостатки творчества некоторых переводчиков текстов зарубежных фильмов – искажение смысла фильма неверным переводом, добавление собственных шуток. Герой «Властелина колец», у которого была самая ответственная миссия – уничтожить кольцо всевластия – из Фродо превратился в *Фёдора Михайловича*. Сам автор креативного перевода объяснял это так: «В моём понимании, если там героя зовут Бильбо Беггинс, то его так и зовут: Бильбо Беггинс, а внизу дай сноску, что Бильбо – имя от какого-то там древнескандинавского, а Беггинс – от «мешка», «сумки»... Это нельзя переводить. А там какое-то «Заскочье», «брендипрыги», «трендискоки», в общем, с третьей страницы уже ощущение такое, что дело происходит под Рязанью. Зачем вы так переводите вообще?.. Это чужая культура. Тут я гражданам и говорю, что Фродо Беггинс – это Фёдор Сумкин, а орки – это, наверное, тогда «урки», и это будет страшно смешно? А мне говорят: «Да, смешно»⁸¹. Вот так Беггинсы стали Сумкинами, но Бильбо – просто Бульба, а Фродо – Фёдор Михайлович, из уважения к его важной миссии, огромному страданию и пониманию собственной ничтожности «маленького человека», вернее хоббита. По мотивам «смешных переводов» трилогии «Властелин колец» вышли в печати три одноимённые книги. Также по первой книге, написанной на основе смешного перевода фильма, вышла компьютерная игра «Братва и кольцо», том же году вышла специальная версия игры для социальной сети ВКонтакте, игра по второй книге вышла в 2009 году, с названием «Две сорванные башни», Фёдор ушел в виртуальный мир.

Достоевский фигурирует и в других компьютерных играх, действие которых разворачивается в Петербурге. Например, в игре «Ядерный титбит» (2003) персонаж с измененным сознанием проходит квест по изнанке Петербурга. Второстепенные персонажи вполне в пелевинском духе – бомж в ушанке с символом инь-ян и мудрёными

---

⁸¹ Интервью переводчика, писателя и блогера Д. Пучкова:

<http://www.kursivom.ru/%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BD-%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%86-%D0%B3%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BD-%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%88%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0-1/>

философствованиями, Достоевский, засевший в ободранной комнате с кровавой пентаграммой – отсылают к роману «t», где Фёдор Михайлович выписан в качестве главного героя уже упомянутого 3D-шутера «Петербург Достоевского». В игре «Невский титбит» (2005) по сюжету жители Петербурга обратились в кровожадных мутантов, которым предлагается задать хорошую трёпку. Некоторым слоям населения, правда, удалось избежать трансформации, но они и раньше вели себя небезупречно, поэтому сражаются *на стороне зла*: это сотрудники милиции и агрессивные пенсионерки, которые лупят вас клюшками с криком «понаехали-понаехали!». Одну такую старушечку на первом уровне игры игроку предстоит зарубить топором – отсылка к роману «Преступление и наказание». Петербург помнит своих героев, очень много реальных экскурсий по городу водят именно по местам передвижения самого Достоевского и героев его романов, а рассказы экскурсоводов обрастают фантастическими подробностями.

Психотип личности Достоевского стал популярным в одном из эмпирических ответвлений психологии – соционике, причем именно в русской интерпретации соционики. В зарубежной соционической классификации типам людей присваиваются аббревиатуры, например, СЛЭ – сенсорно-логический экстраверт, ЭСИ – этико-сенсорный интроверт. Русская традиция дает им имена выдающихся людей: Жуков, Драйзер и др. *Этико-интуитивному интроверту (ЭИИ)* было дано имя *Достоевский*. По описанию, для него «на первом месте в иерархии приоритетов стоят *вопросы человеческой этики и морали* (этика отношений – базовая функция). Все его творчество заполнено поиском новых, более совершенных форм человеческих взаимоотношений. ЭИИ старается быть внимательным к каждой личности, поскольку она представляется ему целым миром, сосудом, в котором наравне с прекрасным заключены грубость, злоба и ненависть. Тип ЭИИ – это *духовный и нравственный пастырь*, наставник независимо от возраста. К нему устремляются «поплакать в жилетку» когда случилось горе или на душе скребут кошки. Совершая *путь от понимания к прощению*, представитель ЭИИ осуществляет свое предназначение. К недостаткам типа ЭИИ относится недостаточная проявленность волевой сенсорики, выражающаяся в *непримиримости к насилию над личностью*. При этом их любимые выражения – все эпитеты «долженствования». В результате возникает излишняя суэта там, где ее не должно быть. Проводя в философских размышлениях, порой не имеющих конкретного, земного применения дни напролет, ЭИИ *не способен организовать собственный быт*. Внешнее силовое давление губительно для ранимого, не способного противостоять натиску, ЭИИ. Представители данного типа отстаивают *высокие, духовные идеалы*, при этом отбрасывают и критикуют «мещанские» проявления: стремление хорошо одеться, вкусно поесть. Жертвенность ЭИИ порой может быть

направлена на тех, кто в этом не так уж и нуждается»⁸². Вчитываясь в это определение, невольно вспоминаешь биографию Достоевского, а с другой стороны, понимаешь, что происходит шаблонизация и тиражирование индивидуальности великой личности. Выделенные мной курсивом сочетания – явные шаблоны, удобные для типизации «под Достоевского».

К негативным тенденциям развития образа Достоевского относятся, по мнению многих горожан, также зрительные образы. Так, совсем не украсил фасад РГБ им. Ленина памятник писателю, поставленный в 1997 году к 850-летию Москвы. Тем не менее к нему, а не к библиотеке, водят туристов, объясняя пикантные подробности: «Скульптура изображает писателя в довольно неловкой позе: Достоевский восседает на покрытой тканью скамье, тело откинута назад и сгорблено, на его лице выражение глубокой задумчивости, безысходности и грусти; одна рука уложена на колено, другой он неловко опирается о скамью. Удивительно выразительны глаза писателя: на первый взгляд кажется, что он их прячет, но при этом бронзовый Достоевский словно провожает взглядом каждого, кто на него смотрит. Любопытно, что неловкая поза Достоевского, которую демонстрирует скульптура, стала объектом для насмешек – вероятно, наиболее жестоких среди прочих “неоднозначных” монументов. Дело в том, что в народе скульптура прославилась как “памятник русскому геморрою”: Достоевский, полуприсевший и сгорбленный, опирающийся о скамью, словно вот-вот упадёт назад из-за своей неудобной позы, со сведёнными ногами и скорбным лицом выглядит так, словно пришёл на приём к проктологу. Тем не менее, скульптора Рукавишникова такие народные ассоциации не смутили. По его мнению, это лишь иллюстрирует культуру жителей»⁸³.

Память о писателе вписана в несколько станций метрополитена. Первая станция «Достоевская» появилась в Санкт-Петербургском метро в 1991 году. Стилизованные под старину фонари, декоративные панно из естественного камня призваны создать облик эпохи, однако неоднозначное впечатление производит красный цвет отделки пола, потолка и стен – как будто вся станция залита кровью. В том же 1991 году станция метро «Отрадная» Московского метрополитена была украшена панно из натурального камня, на которых были изображены герои 1812 года, декабристы (улицы с их именами находятся над этим метро), жёны декабристов и деятели русской культуры XIX века: Глинка, Чайковский, Тургенев, Толстой, *Достоевский*. По замыслу, эти лица, выполненные И. Николаевым и Л. Андреевой в стиле примитивизма, должны были отсылать москвичей и туристов к описанию поместья «Отрадное» в романе Толстого «Война и мир», а также к

---

⁸² <http://www.socionics.ru/types/2009-01-09-00-35-45>

⁸³ http://mosprogulka.ru/places/pamjatnik_dostoevskomu_rgb#:~:text

другим шедеврам русской культуры. Но искаженные, мрачные образы на фоне железобетона, темного гранита и черного мрамора не производят отрадного впечатления. Наконец, оформление станции «Достоевская» Московского метро вызвала неоднозначную реакцию общественности еще на стадии отделки (2010 г.): на стенах станции изображены сцены, иллюстрирующие четыре романа Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»), в том числе сцены насилия (убийство старухи и Лизаветы, самоубийство Свидригайлова из «Преступления и наказания», убийство Настасьи Филипповны из «Идиота», убийство Шатова и самоубийство Ставрогина из «Бесов»). Были опасения, что столь мрачные сюжеты могут вызывать суицидальные настроения у посетителей. Автор мозаик, художник Иван Николаев, комментируя противоречивые реакции на оформление станции, заявил: «Если братья за тему Достоевского, то нужно соответствовать глубине и трагичности его творчества»⁸⁴. В результате, после месяца дебатов станцию открыли без изменений, и пассажиры могут без дополнительных затрат лицезреть иллюстрации к романам мрачного русского гения.

В современной русской культуре образ Достоевского мифологизируется и иконизируется, его идеи становятся чуть ли не национальной идеей, особенно с 90-х годов, когда церковь получила право голоса и стала активно поддерживать христианского писателя, в котором видят пророка и страстотерпца. В преддверии юбилея (19.11.2020) состоялся круглый стол «Постигая мир Достоевского: 200 лет жизни и творчества». На нем Президент Фонда Достоевского, профессор факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова и Литературного института им. А.М. Горького Игорь Волгин заявил, что всю жизнь разгадывал тайну писателя, и что «Достоевский – наш национальный архетип, важная составляющая нашей национальной идеи», но в какой мысли, ситуации или фигуре формулируется идея, пока не определились⁸⁵. Реже раздаются протестующие голоса: «...не ошибался ли Достоевский, считая разбор клинических случаев полезным для понимания нормального человека? Ведь в его романах описываются душевные ненормальности и болезни, описывается душа в состоянии неестественного страдания, противоречий, раздвоения, в состоянии патологическом. И в этом описании мы пытаемся найти ключ к пониманию здорового человека?... не всякому ведь читателю должно быть

---

⁸⁴ «Демонтаж Достоевского». Журнал «Огонек», №19 от 17.05.2010. Доступно по ссылке: <https://www.kommersant.ru/doc/1363888>

⁸⁵ Гений или сумасшедший: кто разгадает загадку Достоевского // Российская газета. 09.11.2020: <https://rg.ru/2020/11/19/genij-ili-sumasshedshij-kto-razgadaet-zagadku-dostoevskogo.html>

уютно там, где все в надрыве, надломе и нервах... Можно я не буду любить Достоевского?⁸⁶».

По произведениям Ф.М. Достоевского постоянно снимают множество фильмов и сериалов в России и за рубежом, сериал о самом писателе (2010) охватывает довольно большой период жизни Федора Михайловича – с момента разгрома кружка петрашевцев (декабрь 1849 г.) до написания «Братьев Карамазовых» (1879 г.). Страсти по Достоевскому кипят и в мире видеопроизводства: рядом с образовательными роликами, документальными фильмами, например, «Достоевский между адом и раем» (2020 г., 1 канал), «Пророчество Достоевского» Н.С. Михалкова, ютуб-блогеры вывешивают свои ролики: «Как Достоевский убил студента», «Игрок и идиот как образ жизни», «Переоцененная классика» и список их постоянно растет.

Хочется остановиться на молодом нетривиальном жанре: в 2014 году появляется японская манга «Великий из Бродячих псов» («Бродячие псы литературы», на данный момент состоит из 19 томов) и один из её героев – Фёдор Достоевский, глава гильдии «Крысы Мёртвого дома» (отсылка к «Запискам из Мёртвого дома»), очень гордый и высокоинтеллектуальный человек с суперспособностью «Преступление и наказание» (для сравнения, у Пушкина суперспособность «пир во время чумы»). На её основе были созданы аниме-адаптации (сериал и полнометражный фильм), в которых фигурирует несколько русских писателей, но главный, по-прежнему, Фёдор Достоевский и он отнюдь не положительный герой, скорее страдающий суперзлодей. На премьеру фильма в 2018 году собралось множество фанатов, а значит, герои XIX века вписались систему образов Виртуальных Вселенных молодежи XXI. Год назад в интернете появилась новость о том, что нейросеть оживила портрет Достоевского⁸⁷ и по-видимому, образ писателя выходит на новый этап развития.

Список литературы:

- Гребенщиков Б.Б. Трамонтана / Б.Б. Гребенщиков. – М.: Эксмо, 2013. 192 с. – (Поэзия XXI).
Долинин А.А. Набоков, Достоевский и достоевщина / А.А. Долинин // Журнал «Старое литературное обозрение». – 2001, №1.
Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах / Ф.М. Достоевский. – М.: ГИХЛ, 1957.
Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.
Пелевин В. 2009, 195; Т / В. Пелевин. – М.: Эксмо, 2009. – 380 с.
Синдаловский Н.А. Словарь петербуржца / Н.А. Синдаловский. – Санкт-Петербург: Норинт, 2003. 320 с.

⁸⁶ Кукушкин А. «Можно, я не буду любить Достоевского?» // «Нескучный сад» 05.12.07: <http://www.nsad.ru/articles/mozhno-ya-ne-budu-lyubit-dostoevskogo>

⁸⁷ <https://nplus1.ru/news/2019/05/22/talking-heads>

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.).

Чижов А. За что я не люблю Достоевского [Электронный ресурс] / А. Чижов // Всякие замуты. – Проза.ру. 2006. – Режим доступа: <https://proza.ru/2006/10/25-157>.

References:

Chizhov A. Za chto ya ne lyublyu Dostoevskogo [Why I Don't Like Dostoevsky] (In Russian). [Electronic resource] / A. Chizhov // Vsyakie zamuty. – Proza.ru. 2006. – Available at: <https://proza.ru/2006/10/25-157>.

Dolinin A.A. Nabokov, Dostoevskii i dostoevshchina [Nabokov, Dostoevsky, and Dostoevshchina] / A.A. Dolinin // Zhurnal «Staroe literaturnoe obozrenie». – 2001, №1. (In Russian).

Dostoevskii F.M. Sbranie sochinenii v 10 tomakh Dostoevskii [Collected Works in 10 Volumes]. – М.: GIKHL, 1957. (In Russian).

Efremova T.F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-formation] / T.F. Efremova. – М.: Russkii yazyk, 2000. (In Russian).

Grebenshchikov B.B. Tramontana [Tramontana] / B.B. Grebenshchikov. – М.: Ehksmo, 2013. 192 p. – (Poehziya XXI). (In Russian).

Pelevin V. 2009, 195; T [T] / V. Pelevin. – М.: Ehksmo, 2009. – 380 p. (In Russian).

Sindalovskii N.A. Slovar' peterburzhtsa [Dictionary of the Petersburg] / N.A. Sindalovskii. – Sankt-Peterburg: Norint, 2003. – 320 p. (In Russian).

Ushakov D.N. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] / D.N. Ushakov. – М.: Gos. in-t «Sov. ehntsikl.»; OGIЗ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1935-1940. (4 t.). (In Russian).

Клюшина Алена Михайловна
Самарский государственный социально-педагогический университет
г. Самара (Россия)

Klyushina Alena
Samara State University of Social Sciences and Education
Samara (Russia)

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КРАЙНОСТИ В ОБРАЗЕ ДМИТРИЯ КАРАМАЗОВА

VERBAL REPRESENTATION OF THE FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORY OF THE EXTREME IN THE IMAGE OF DMITRY KARAMAZOV

Настоящая работа посвящена характеристике функционально-семантической категории крайности и её вербальной репрезентации в образе Дмитрия Карамазова, которого считают художественным героем, отражающим национальный менталитет русского народа. Отмечено, что семантика крайности является значимой для русской лингвокультуры и находит отражение в национальном характере русского человека. Приведены цитаты учёных, критиков и литературоведов о творческом методе анализируемого писателя и характере, действиях героев романа «Братья Карамазовы», а также об образе Дмитрия Карамазова, которые косвенным образом указывают на актуальность нашего исследования и подтверждают его новизну. Приведенные высказывания содержат лексему *крайность* и свидетельствуют о том, что национальному менталитету русского народа свойственна крайность, художественное произведение Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» насыщено примерами проявления семантики крайности, а Дмитрий Карамазов проявляет в своём характере, поведении и поступках ориентированность на крайность. Анализ языкового материала приводит автора к выводу, что функционально-семантическая категория крайности вербально репрезентируется в образе Дмитрия Карамазова в различных аспектах: в описании художественного героя и его речи, в описании отношения других героев произведения к Дмитрию и в словах других героев анализируемого романа. Семантика крайности на лексическом уровне выражена лексемой *крайний* и её производными; фразеологическими единицами со схожей семантикой; комплексными конститuentами, содержащими разнообразные частицы.

This paper is devoted to the description of the functional-semantic category of the extreme and its verbal representation in the image of Dmitry Karamazov, who is considered as a character reflecting the national mentality of Russian people. The semantics of the extreme is considered as significant for Russian linguoculture and is reflected in the national character of Russian people. There are quotes of scientists, critics and literary critics about the creative method of the writer and the characters' actions in "The Brothers Karamazov" novel, as well as about the image of Dmitry Karamazov. These statements indirectly indicate the relevance of our research and confirm its novelty. They contain the lexeme *крайность* and indicate that the national mentality of Russian people is characterized as extreme, "The Brothers Karamazov" novel of F.M. Dostoevsky is full of examples of extreme semantics, and Dmitry Karamazov shows an extreme orientation in his character, behavior and actions. The analysis of the linguistic material leads the author to the conclusion that the functional-semantic category of extreme is verbally represented in the image of Dmitry Karamazov in various aspects: in the description of the character and his speech, in the description of the relationship of other characters to Dmitry and in the speech of other characters in the novel. The semantics of the extreme at the lexical level is expressed by the lexeme *крайний* and its derivatives, phraseological units with similar semantics and complex constituents containing various particles.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория крайности; национальный менталитет русского народа; Дмитрий Карамазов, «Братья Карамазовы»; Ф.М. Достоевский; семантика крайности.

Key words: functional-semantic category of the extreme; national mentality of Russian people; Dmitry Karamazov, "The Brothers Karamazov", F.M. Dostoevsky; semantics of extremes.

Полевой подход к языковым феноменам возник в конце XIX века и активно развивался со второй четверти XX века. В настоящее время представлены различные

аспекты изучения языковых единиц в полевом подходе [Клюшина, 2020а]. В лингвистике выявлены и описаны многие функционально-семантические категории: градуальности [Колесникова, 1998], неизвестности [Акимова, 1999], сомнения [Никольская, 2009], представления [Голайденко, 2012], пассивности [Клюшина, 2013], умолчания [Иванян, 2015], неуловимого [Калинина, 2015], невыразимого [Михайлова, 2017], ожидания [Чебышев, 2017], типичности [Трушков, 2018] и др.

К числу функционально-семантических категорий следует отнести семантику крайности. Впервые об этой категории говорится в монографии Т.М. Николаевой в рамках изучения феномена акцентного выделения в высказывании [Николаева, 1982]. Т.М. Николаева показала, что особая выделительная интонация в высказывании сообщает дополнительную информацию, «высказывание-тень». Сходно ведут себя и «акцентирующие частицы». Исследуемая нами функционально-семантическая категория крайности располагает значениями минимальности и максимальности. См. пример значения минимальности выбора: – *Дай бумаги! **Ключок** какой-нибудь дай!* [Николаева, 1982, с. 63]. Минимальность (крайность) выбора объекта (ключка) актуализируется акцентным выделением в устной речи и неопределенным местоимением *какой-нибудь* в письменной.

Функционально-семантическая категория крайности ещё не изучена в русском языке. О ней попутно говорится в монографии Е.П. Иванян [Иванян, 2015, с. 222] и в работах Л.А. Горшковой [Горшкова, 2005, с. 90] и И.В. Бровкиной [Бровкина, 2009, с. 19-20], выполненных в связи с исследованием неопределённых местоимений. Опубликованы первые работы по выражению функционально-семантической категории крайности в художественном тексте [Клюшина, 2020b; Клюшина, 2020c]. Мы убеждены в необходимости проведения дальнейшего изучения семантики крайности с учетом национального менталитета русского народа и русской лингвокультуры.

Полагаем, что функционально-семантическая категория крайности организована иерархически, конститuentы семантики крайности представлены на разных уровнях языка: фонетическом (акцентное выделение), лексическом (лексемы, фразеологизмы, содержащие компонент *крайность* или схожую семантику), словообразовательном (неопределённые местоимения в одном из лексико-семантических вариантов с формантом *-нибудь*) и проч.

Функционально-семантическая категория крайности является значимой для русской лингвокультуры и находит отражение в национальном характере русского человека. Как иностранцы, так и носители русского языка приписывают русской ментальности черту стремления к крайности в поведении, силе чувств, иногда экспрессии

выражения. Так, немецкий историк и филолог В. Шубарт пишет: «*В чисто русской манере, доводит любое начинание до крайности*⁸⁸» [Шубарт, 2000, с. 40]. Английский лингвист и военный журналист М. Бэринг характеризовал Россию как страну «*крайностей <...> и экстравагантного потворства самому себе*» [Baring, 1914]. Русский философ и богослов С.Н. Булгаков статью «The Russian Public and Religion» начинает словами: «*Россия – страна крайностей и противоречий*» [Bulgakov, 1912, p. 11]. Русский философ И.А. Ильин считал, что природная суровость и многообразие повлияли на становление русского характера: «*Россия поставила нас лицом к лицу с природой, суровой и захватывающей, с глубокой зимой и раскалённым летом, с безнадёжною осенью и бурною, страстною весною. <...> Нам открылся весь размах страстей и все крайности верха и низа...*» [Ильин, 1934]. Российский филолог и культуролог XX века Д.С. Лихачев писал: «*Совершенно правы те, кто говорит о склонности русских к крайностям во всем*» [Лихачев, 2015]. Как видим из приведённых примеров, национальному менталитету русского народа приписывается свойство ориентироваться на крайность.

Приведённые цитаты можно продолжить, они свидетельствуют о распространённости такого взгляда и косвенным образом указывают на актуальность нашего исследования.

Цель нашей работы заключается в выявлении и описании вербальной репрезентации функционально-семантической категории крайности у Дмитрия Карамазова, героя произведения Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Исследование творчества Ф.М. Достоевского приводит нас к мнению, что этот мастер слова достаточно часто обращался к применению средств выражения семантики крайности. Можно отметить, что средства передачи семантики крайности так актуализированы в художественном пространстве его произведений, что являют собой своего рода стилеобразующую черту автора. Косвенными доказательствами сказанному могут служить, высказывания критиков, литературоведов, учёных о творчестве Ф.М. Достоевского и его творческом методе. Так, например, А.Б. Криницын указывает на то, что «*Структура героя напрямую зависит от концепции человека у писателя. Достоевский исходит в своем понимании человеческой природы из принципов парадокса и «схождения крайностей»*» [Криницын, 2016, с. 129], а также: «*максимально усложняя характер своих героев, Достоевский совмещает в нем несовместимые противоположные черты, меняя местами крайность и норму*» [Криницын, 2016, с. 128]. Б.А. Грифцов

---

⁸⁸ Здесь и по всему тексту работы языковые примеры даются курсивом, анализируемое средство выделяется полужирным – А.М.

отмечает: «Многопланность и радикализм сознания, требующего **крайностей**, полных осуществлений, мечущегося от **крайностей** и никогда не удовлетворяющегося “полулюбовью”, никогда не способного найти синтез, найти единую, всеопределяющую точку» [Грифцов, 2005, с. 206].

Художественное произведение Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» насыщено примерами проявления семантики крайности. В качестве косвенного доказательства приведем лишь некоторые цитаты учёных, литературоведов, критиков. Г. Фридлиндер пишет: «Поэтому размышления, излияния чувств, внутренние монологи героев воспринимаются читателем как сцены захватывающей драмы. При этом действие постоянно ставит героев в «**крайние**» ситуации, вынуждая их, подобно героям трагедии, самим решать свою судьбу, принимая при этом на себя всю тяжесть ответственности за принятое решение» [Фридлиндер, 1988, с. 29]. Н.М. Чирков писал: «**Крайняя** степень морального разложения в «семейке» Карамазовых находит самое наглядное выражение в публичной ссоре и взаимных оскорблениях старика Карамазова и Мити в келье старца Зосимы, в избиении Митей старика и ряде других фактов» [Чирков, 1967, с. 238].

Наш выбор героя для анализа неслучаен: образ анализируемого героя можно рассматривать как отражение национального менталитета всего русского народа. О соответствии образа Дмитрия Карамазова русскому национальному менталитету пишут учёные, приведем некоторые высказывания по этому вопросу.

С. Григорьева, В. Сузи пишут: «**Митя Карамазов воплощает грань русского характера**» [Григорьева, Сузи, 2017]. Е.Н. Холондович отмечает не только отражение русского национального характера в образе Дмитрия, но и свойственное ему кидание из одной крайности в другую: «**Широкая палитра русских характеров** представлена в романе «Братья Карамазовы». <...> Это и Дмитрий Карамазов – широкой души человек, способный на пьянство, разврат, мелкую подлость, но не на преступление. <...> Жажда деятельности, повышенная вербальная активность, фонтанирование идей чередуются у него с подавленностью, замедленностью реакций и мышления. Эмоциональные реакции сменяют одна другую с такой быстротой, что окружающие люди с недоумением следят за их проявлениями» [Холондович, 2015].

Критики, учёные и литературоведы сходятся во мнении, что Дмитрий Карамазов частотно проявляет в своем характере, поведении и поступках семантику крайности. Приведем некоторые их высказывания в качестве косвенных доказательств. Н.М. Чирков писал: «Наконец, роман «Братья Карамазовы» в связи с темой положительного человека выдвигает и тему возрождения, возрождения морального, вообще возрождения жизни в

широком смысле слова в индивиду, тему духовного исцеления личности. Эта тема проходит прежде всего в судьбе Дмитрия Карамазова – любимого брата Алеши. Человек буйных страстей, низвергнутый ими в низины жизни, дошедший до **крайностей** морального падения, он более других способен к моральному возрождению» [Чирков, 1967, с. 294].

Д.А. Аменицкий отмечал: «Соппротивление было потом сломлено, Дмитрий Фёдорович открыл свою тайну, но, как раз в такой момент, когда для лиц, тенденциозно настроенных шаблонным психологическим подходом, могло казаться, что обвиняемый хватается за эту “легенду о ладонке” лишь в минуту **крайности**, лишь после того, как убедился, что мысль о Смердякове, как убийце, не может его спасти, так как против него выдвинута тяжёлая улика – показание Григория об открытой двери» [Аменицкий, 1935].

Г. Фриндлендер написал: «Осознав свою вину, каждый из братьев не может остаться прежним человеком. Гордый и непокорный Иван сходит с ума, а благородный и непосредственный, хотя в силу страстности своей натуры во всем доходящий до **крайности**, не знающий меры в добре и зле Митя смиряется, признавая не только свою моральную ответственность за прошлое нравственное безобразие, но и свою вину за общее горе и страдания всех тех, о ком он раньше не думал» [Фриндлендер, 1988, с. 24.].

С. Григорьева, В. Сузи пишут: «Образ Мити очень сложен, в том числе из-за страстности Мити, он является в какой-то степени человеком **крайностей**. Митя совершает и неблагородные поступки и великодушные: это, в свою очередь, делает его для многих неоднозначным персонажем» [Григорьева, Сузи, 2017].

Во всех приведенных выше цитатах употребление абстрактного существительного **крайность** выражает радикальный выход за норму описываемой ситуации, чрезвычайность; о лексикографическом портретировании лексемы **крайность** см. [Клюшина, 2020d].

Непосредственный анализ художественного произведения позволяет отметить некоторые конститuentы семантики крайности, которая проявляется в образе Дмитрия Карамазова и находит отражение в национальном менталитете русского народа. В ходе нашего исследования было выявлено 35 примеров, подтверждающих проявление семантики крайности в характере, поведении и поступках Дмитрия Карамазова. Систематизация полученных примеров позволяет заключить, что вербальная репрезентация функционально-семантической категории крайности у анализируемого героя произведения Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» проявляется в разных аспектах:

☒ при описании героя (12 примеров):

Он [Дмитрий] же в эти два дня буквально **метался во все стороны**, «борясь с своею судьбой и спасая себя», как он сам потом выразился, и даже на несколько часов слетал по одному горячему делу вон из города, несмотря на то, что страшно было ему уезжать, оставляя Грушеньку хоть на минутку без глаза над нею [Достоевский, 1990, Т. 9, с. 406].

Митя был бледен. Лицо его имело изможденный и измученный вид, несмотря на то, что он был до **крайности** разгорячен [Достоевский, 1991, Т. 9, с. 550].

☒ в словах Дмитрия (4 примера):

[слова Дмитрия] Но ведь сами же вы кричали, что широк Карамазов, сами же вы кричали про две **крайние** бездны, которые может созерцать Карамазов. Карамазов именно такая натура о двух сторонах, о двух безднах, что при самой безудержной потребности кутежа может остановиться, если что-нибудь его поразит с другой стороны [Достоевский, 1991, Т. 10, с. 248].

[слова Дмитрия] Видишь, голубчик, я откровенно и просто скажу: всякий порядочный человек должен быть под башмаком **хоть** у какой-нибудь женщины [Достоевский, 1991, Т. 10, с. 94].

☒ в словах других героев произведения (16 примеров):

[слова Ипполита Кирилловича] По натуре своей он [Дмитрий] тотчас же **бросился в крайность** и сам начал нас изо всех сил уверять, что Смердяков не мог убить, не способен убить. Но не верьте ему, это лишь его хитрость: он вовсе, вовсе еще не отказывается от Смердякова, напротив, он еще его выставит, потому что кого же ему выставить как не его, но он сделает это в другую минуту, потому что теперь это дело пока испорчено [Достоевский, 1991, Т. 10, с. 234].

[слова защитника] Он [Дмитрий] безудержен, он дик и буен, вот мы теперь его судим за это, а кто виноват в судьбе его, кто виноват, что при хороших наклонностях, при благородном чувствительном сердце он получил такое нелепое воспитание? Учил ли его кто-нибудь уму-разуму, просвещен ли он в науках, любил ли кто его **хоть** сколько-нибудь в его детстве? Мой клиент рос покровительством божьим, то есть как дикий зверь [Достоевский, 1991, Т. 10, с. 259].

☒ при описании отношения других героев к Дмитрию (3 примера):

Кстати, промолвим лишь два слова раз навсегда о чувствах Ивана к брату Дмитрию Фёдоровичу: он его решительно не любил и много-много что чувствовал к нему иногда сострадание, но и то смешанное с большим презрением, доходившим до гадливости. Митя весь, даже всю свою фигуру, был ему **крайне** несимпатичен. На

любовь к нему Катерины Ивановны Иван смотрел с негодованием [Достоевский, 1991, Т. 10, с. 105].

Анализ языкового материала позволяет заключить, что функционально-семантическая категория крайности анализируемого художественного героя широко представлена на лексическом языковом уровне и может быть выражена разнообразными языковыми средствами:

– лексемы *край, крайний, крайне, крайность* и др. (4 примера):

[слова Алеши] – *Он говорил мне раз о своей личной ненависти к отцу и что боится, что... в **крайнюю** минуту... в минуту омерзения... может быть, и мог бы убить его* [Достоевский, 1991, Т. 10, с. 185]

– фразеологические единицы со схожей семантикой (3 примера)

*Митя вздрогнул, вскочил было, но сел опять. Затем тотчас же стал говорить громко, быстро, нервно, с жестами и в решительном исступлении. Видно было, что человек **дошел до черты**, погиб и ищет последнего выхода, а не удастся, то хоть сейчас и в воду* [Достоевский, 1991, Т. 9, с. 413]

– комплексные конститuentы, включающие разнообразные частицы (*хоть, -нибудь* и др.) (28 примеров)

*Позвольте спросить, – проговорил наконец прокурор, – не объявляли ли вы **хоть кому-нибудь** об этом обстоятельстве прежде... то есть что полторы эти тысячи оставили тогда же, месяц назад, при себе?* [Достоевский, 1991, Т. 9, с. 547]

Подведем итоги. Творчество Ф.М. Достоевского изобилует примерами обращения к конститuentам семантики крайности. Герой его художественного произведения Дмитрий Карамазов считается отражением русского национального характера, которому свойственно обращение к крайности. Косвенным подтверждением всему сказанному являются многочисленные цитаты, включающие лексему *крайность*, ученых, критиков об ориентированности национального менталитета русского народа на крайность, о творческом методе анализируемого писателя и характере, действиях героев романа «Братья Карамазовы», а также образа Дмитрия Карамазова. Выявлено, что функционально-семантическая категория крайности находит свое выражение при описании анализируемого героя, при описании отношения других героев к Дмитрию, в словах как других героев произведения, так и самого Дмитрия. Кроме того, отмечено, что в образе Дмитрия Карамазова, как героя, отражающего национальный менталитет русского народа, конститuentами семантики крайности на лексическом языковом уровне являются лексемы *край, крайний, крайне, крайность*; фразеологические единицы со схожей семантикой; комплексные конститuentы, включающие разнообразные частицы.

Список литературы:

- Акимова О.Б. Семантика неизвестности и средства ее выражения в русском языке / О.Б. Акимова. – М., 1999. 168 с.
- Аменицкий Д.А. Психопатические типы в «Братьях Карамазовых» // Проблемы психиатрии и психопатологии / отв. ред. С. Н. Давиденков. – М.: Биомедгиз, 1935. С. 551-565.
- Бровкина И.В. Единицы неопределенной семантики в прозе А. Платонова: функциональный аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н. / И.В. Бровкина. – Уфа, 2009. 24 с.
- Голадейко Л.Н. Лексико-фразеологические средства выражения семантики представления в современном русском языке (на материале художественной прозы) / Л.Н. Голадейко. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. 72 с.
- Горшкова Л.А. Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б.К. Зайцева: диссертация ... кандидата филологических наук / Л.А. Горшкова. – Самара, 2005. 187 с.
- Григорьева С., Сузи В. Старший брат в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: к ключевой для автора теме семьи и братства [Электронный ресурс] / С. Григорьева, В. Сузи // Парус. – 2017. № 9. – Режим доступа: <http://xn--80alhdjhdxcxhy5hl.xn--p1ai/content/starshiy-brat-v-romane-fm-dostoevskogo-bratya-karamazovy-k-klyuchevoy-dlya-avtora-teme-semi-i>.
- Грифцов Б.А. Эстетический канон Достоевского. Вступительная заметка и публикация В. Лушпая / Б.А. Грифцов // Вопросы литературы. – 2005. №2. С. 191-208.
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. – Л.: Наука, 1991. Т. 9. С. 5-570.
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. – Л.: Наука, 1991. Т. 10. С. 5-295.
- Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке / Е.П. Иванян. – М., 2015. 307 с.
- Ильин И.А. Избранное. [Электронный ресурс] / И.А. Ильин. – 1934. Режим доступа: <http://project03.ru/cod/ii.php#PART1>.
- Калинина Л.В. Языковые средства выражения семантики неуловимого в поэзии раннего О.Э. Мандельштама / Л.В. Калинина // Филология и культура. – 2015. № 4 (42). С. 76-80.
- Клюшина А.М. Средства выражения пассивности в английском языке в синхронии и диахронии: автореф. дисс. ... к. филол. н. / А.М. Клюшина. – Самара, 2013. 23 с.
- Клюшина А.М. Проблема бытования функционально-семантического подхода в лингвистике: систематический обзор / А.М. Клюшина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020а. Том 13. № 10. С. 113-118.
- Клюшина А.М. Сочетание частиц для передачи семантики крайности в произведении А. Геласимова / А.М. Клюшина // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2020б. С. 138-144.
- Клюшина А.М. Проявление семантики крайности в персонифицированной В.С. Высоцкого / А.М. Клюшина // Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции. – Москва: Издательство МГОУ, 2020с. С. 247-250.
- Клюшина А.М. Лексикографическое портретирование лексемы «крайность» [Электронный ресурс] / А.М. Клюшина // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020d. №4. – Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/39FLSK420.pdf>.
- Криницын А.Б. К вопросу о типизации героев в романах «пятикнижия» Ф.М. Достоевского / А.Б. Криницын // Научный диалог. – 2016. № 4 (52). С. 128-142.
- Колесникова С.М. Семантика градуальности и способы ее выражения в современном русском языке / С.М. Колесникова. – М., 1998. 178 с.
- Лихачев Д.С. Никакой особой миссии у России нет и не было [Электронный ресурс] / Д.С. Лихачев. – 2015. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/2014/12/24_a_6358085.shtml.
- Михайлова М.Ю. Семантика невыразимого и средства её передачи в русском языке / М.Ю. Михайлова. – Самара: СГСПУ, 2017. 243 с.
- Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения / Т.М. Николаева. – М.: Изд-во «Наука», 1982. 104 с.

Никольская И.Г. Выражение семантики сомнения в современном русском языке / И.Г. Никольская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. № 118. С. 197-201.

Трушков М.А. Семантика типичности и основные средства её выражения в современном русском языке: автореф. дис. ... к. филол. н. / М.А. Трушков. – Нижний Новгород, 2018. 24 с.

Фридлиндер Г. Ф.М. Достоевский и его наследие / Г. Фридлиндер // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. Т. 1. С. 5-30.

Холондович Е.Н. Ф.М. Достоевский о русском национальном характере / Е.Н. Холондович // Историогенез и современное состояние российского менталитета: Сб. науч. статей / Институт психологии РАН; под ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонов. – М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 321-330.

Чебышев Ф.А. Семантика ожидания и средства её выражения в русском языке: автореф. дис. ... к. филол. н. / Ф.А. Чебышев. – Пермь, 2017. 24 с.

Чирков Н.М. О стиле Достоевского: Проблематика, идеи, образы / Н.М. Чирков. – М.: Изд-во Наука, 1967. 301 с.

Шубарт В. Европа и душа Востока / В. Шубарт // Пер. с нем. З.Г. Антипенко и М.В. Назарова. – М.: Альманах «Русская идея» (вып. 3, 2-е исправленное издание), 2000. 448 с.

Baring M. The Mainsprings of Russia / M. Baring. – London: Thomas Nelson & Sons, 1914. 332 p.

Bulgakov S. The Russian Public and Religion / S. Bulgakov // The Russian Review. – 1912. Vol. 1, № 4. P. 11-28.

References:

Akimova O.B. Semantika neizvestnosti i sredstva vyrazheniya v russkom yazyke [Semantics of the Unknown and Means of its Expression in the Russian Language] / O.B. Akimova. – M., 1999. 168 p. (In Russian).

Amenitskiy D.A. Psikhopaticheskie tipy v «Bratnykh Karamazovakh» [Psychopathic Types in the «Brothers Karamazov»] / D.A. Amenitskiy // Problemy psixiatrii i psikhopatologii [Problems of psychiatry and Psychopathology] / Ed. S.N. Davidenkov. – M.: Biomedgiz, 1935. P. 551-565. (In Russian).

Baring M. The Mainsprings of Russia / M. Baring. – London: Thomas Nelson & Sons, 1914. 332 p.

Brovkina I.V. Yedinitsey neopredelyonnoy semantiki v proze A. Platonova: Funktsionalny aspekt [Units of Indefinite Semantics in the Prose of Andrey Platonov: the Functional Aspect] avtoref. diss. ... k. filol. n. / I.V. Brovkina. – Ufa, 2009. 24 p. (In Russian).

Bulgakov S. The Russian Public and Religion / S. Bulgakov // The Russian Review. – 1912. Vol. 1, № 4. P. 11-28.

Chebyshev F.A. Semantika ozhidaniya i sredstva vyrazheniya v russkom yazyke [Semantics of Expectation and Means of its Expression in the Russian Language] avtoref. diss. ... k. filol. n. / F.A. Chebyshev. – Perm', 2017. 24 p. (In Russian).

Chirkov N.M. O stile Dostoevskogo: Problematika, idei, obrazy [About Dostoevsky's Style: Problems, Ideas, Images] / N.M. Chirkov. – M.: Izd-vo Nauka, 1967. 301 p. (In Russian).

Dostoyevsky F.M. Bratya Karamazovy [The Brothers Karamazov] / F.M. Dostoyevsky // Dostoyevsky F.M. Sobraniye sochineniy v 15 tomah [Collected works in 15 volumes]. – L.: Nauka, 1991. Vol. 9. P. 5-570. (In Russian).

Dostoyevsky F.M. Bratya Karamazovy [The Karamazov Brothers] / F.M. Dostoyevsky // Dostoyevsky F.M. Sobraniye sochineniy v 15 tomah [Collected works in 15 volumes]. – L.: Nauka, 1991. Vol. 10. P. 5-295. (In Russian).

Fridlender G. F.M. Dostoevskii i ego nasledie [F.M. Dostoevsky and his Legacy] / G. Fridlender // F.M. Dostoevskii. Sbraniye sochineniy v 15 tomah [F.M. Dostoevsky. Collected works in 15 volumes]. – L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1988. Vol. 1. P. 5-30. (In Russian).

Goladeyko L.N. Lexico fraseologicheskiye sredstva vyrazheniya semantiki predstavlenyya v sovremennom russkom yazyke (na material hudozhestvennoy prozy) [Lexical and Phraseological Means of Expressing the Demantics of Representation in the Modern Russian Language (Based on the Material of Fiction)] / L.N. Goladeyko. – Ufa: Izd-vo BGPU, 2012. 72 p. (In Russian).

Gorshkova L.A. Semanyka I funktsii neopredelyonnyh mestoimeniy v proze B.K. Zaitseva [Semantics and Functions of Indefinite Pronouns in B.K. Zaitsev's Prose] dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk / L.A. Gorshkova. – Samara, 2005. 187 p. (In Russian).

Grigoryeva S., Suzi V. Starshiy brat v romane F.M. Dostoyevskogo «Bratya Karamazovy»: k klyuchevoy dlya avtora teme semyi i bratstva [The Elder Brother in F.M. Dostoevsky's Novel «The Brothers Karamazov»: on the Key Theme of Family and Brotherhood for the Author] [Electronic resource] / S. Grigoryeva, V. Suzi // Parus, 2017. № 9 (In Russian). – Available at: <http://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--plai/content/starshiy-brat-v-romane-fm-dostoyevskogo-bratya-karamazovy-k-klyuchevoy-dlya-avtora-teme-semi-i>.

Gritsov B.A. Estetichesky kanon Dostoyevskogo. Vstupitel'naya zametka i publikatsiya V. Lushpaya [Dostoevsky's Aesthetic Canon. Introductory Note and Publication by V. Lushpay] / B.A. Gritsov // Voprosy Literaturny [Literature Issues]. – 2005. №2. P. 191-208. (In Russian).

Holondovich E.N. F.M. Dostoyevskii o russkom natsional'nom karaktere [F.M. Dostoevsky on the Russian National Character] / E.N. Holondovich // Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossiiskogo mentaliteta: Sb. nauchnih statei [Historiogenesis and the Current State of the Russian Mentality: Collection of Scientific Articles] / Institut psikhologii RAN [Institute of Psychology of Russian Academy of Science]; Eds. V.A. Koltsova, E.V. Haritonova. – M.: Institut psikhologii RAN, 2015. P. 321-330. (In Russian).

Ilyin I.A. Izbrannoye [Selected works] [Electronic resource] / I.A. Ilyin. – 1934 (In Russian). – Available at: <http://project03.ru/cod/ii.php#PART1>.

Ivanyan E.P. Semantika umolchaniya i sredstva yeyo vyrazheniya v russkom yazyke [The Semantics of Default and the Means of its Expression in the Russian Language] / E.P. Ivanyan. – M., 2015. 307 p. (In Russian).

Kalinina L.V. Yazykovye sredstva vyrazheniya semantiki neulovimogo v poezii rannego O.E. Mandel'shtama [Linguistic Means of Expressing the Semantics of the Elusive in the Poetry of the Early O. E. Mandelstam] / L.V. Kalinina // Filologiya i kultura [Philology and Culture]. – 2015. № 4 (42). P. 76-80. (In Russian).

Klyushina A.M. Sredstva vyrazheniya passivnosti v angliyskom yazyke v sinkhronii i diakhronii [Means of Expressing Passivity in English in Synchrony and Diachrony] avtoref. diss. ... k. filol. n. / A.M. Klyushina. – Samara, 2013. 23 p. (In Russian).

Klyushina A.M. Problema bytovaniya funktsionalno-semanticheskogo podhoda v lingvistike: sistematskii obzor [The Problem of the Existence of a Functional-Semantic Approach in Linguistics: a Systematic Review] / A.M. Klyushina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences: Questions of Theory and Practice]. – 2020a. Vol. 13. № 10. P. 113-118. (In Russian).

Klyushina A.M. Sochetanie chastits dlya peredachi semantiki krainosti v proizvedenii A. Gelasimova [The Combination of Particles to Convey the Semantics of the Extreme in the Work of A. Gelasimov] / A.M. Klyushina // Semantika. Funktsionirovanie. Tekst: mezhvuzovskiy sbornik nauchnih trudov [Semantics. Functioning. Text: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. – Kirov: OOO «Izdatel'stvo «Raduga-PRESS», 2020b. P. 138-144. (In Russian).

Klyushina A.M. Proyavlenie semantiki krainosti v personosfere V.S. Vysotskogo [The Manifestation of the Semantics of the Extreme in Peronosphere of V.S. Vysotsky] / A.M. Klyushina // Lekantovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoi konferentsii [Lecant Readings: Materials of the International Scientific Conference]. – M.: Izdatel'stvo: MGOU, 2020c. P. 247-250. (In Russian).

Klyushina A.M. Leksikograficheskoe portretirovanie leksemy «krainost'» [Lexicographic Portraiture of the Lexeme «крайность» (extreme)] [Electronic resource] / A.M. Klyushina // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya [The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies]. – 2020d. № 4 (In Russian). – Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/39FLSK420.pdf>.

Krinitzin A.B. K voprosu o tipizatsii geroev v romanah «pyatiknizhiya» F.M. Dostoyevskogo [On the Typification of Heroes in the Novels «The Pentateuch» by F.M. Dostoevsky] / A.B. Krinitzin // Nauchniy dialog [Scientific Dialogue]. – 2016. № 4 (52). P. 128-142. (In Russian).

Kolesnikova S.M. Semantika gradual'nosti i sposoby vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke [The Semantics of Gradualness and Ways of its Expression in the Modern Russian Language] / S.M. Kolesnikova. – M., 1998. 178 p. (In Russian).

Lihachev D.S. Nikakoy osoboy missii u Rossii net i ne bilo [Russia has no Special Mission and Has Never Had One] [Electronic resource] / D.S. Lihachev. – 2015 (In Russian). – Available at: https://www.gazeta.ru/comments/2014/12/24_a_6358085.shtml.

Mikhailova M.Yu. Semantika nevyrazimogo i sredstva peredachi v russkom yazyke [Semantics of the Ineffable and the Means of its Transmission in the Russian Language] / M.Yu. Mikhailova. – Samara: SGSPU, 2017. 243 p. (In Russian).

Nikol'skaya I.G. Vyrashenie semantiki somneniya v sovremennom russkom yazyke [Expression of the Semantics of Doubt in Modern Russian] / I.G. Nikol'skaya // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Bulletin of The Herzen State Pedagogical University of Russia]. – 2009. № 118. P. 197-201. (In Russian).

Nikolaeva T.M. Semantika aktsentnogo vydeleniya [The semantics of Accentuation] / T.M. Nikolaeva. – M.: Izd-vo «Nauka», 1982. 104 p. (In Russian).

Shubart V. Evropa i dusha Vostoka [Europe and the Soul of the East] / V. Shubart // Translated from German by Z.G. Antipenko and M.V. Nazarova. – M.: Al'manah «Russkaya ideya» (Issue 3, 2nd revision), 2000. 448 p. (In Russian).

Trushkov M.A. Semantika tipichnosti i osnovnie sredstva vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke [Semantics of Typicality and the Main Means of its Expression in the Modern Russian Language] avtoref. diss. ... k. filol. n. / M.A. Trushkov. – Nizhnii Novgorod, 2018. 24 p. (In Russian).

*Ковалевич Елена Павловна
Томашева Ирина Владимировна
Чернова Любовь Викторовна*

Армавирский государственный педагогический университет
г. Армавир (Россия)

*Kovalevich Elena
Tomasheva Irina
Chernova Lubov*

Armavir State Pedagogical University
Armavir (Russia)

**РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В РАССКАЗАХ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ПЕРЕВОДЫ НА АНГЛИЙСКИЙ И ИСПАНСКИЙ
ЯЗЫКИ**

**THE CATEGORY OF EMOTIVITY IN F.M. DOSTOEVSKY'S STORIES:
TRANSLATIONS INTO ENGLISH AND SPANISH**

В статье исследуются способы реализации категории эмотивности в рассказах Ф.М. Достоевского. Анализируя переводы рассказов Ф.М. Достоевского на английский и испанский языки, авторы обнаружили лексические и морфолого-синтаксические трансформации, выделили особенности порядка слов в словосочетаниях и построения текста в целом. Авторами рассмотрен ряд эмотивных языковых средств разных уровней, при переводе которых большую роль играет лингвокогнитивный уровень языковой личности переводчика. Выявленные лексические и синтаксические средства, создавая целую гамму ассоциаций, особый фон и эмоциональную тональность произведения, входят в ядро средств, составляющих идиостиль писателя.

Анализ переводов прозы Ф.М. Достоевского на английский и испанский языки выявил также эмотивные синтаксические трансформации на уровне как простого, так и сложного предложения. При этом выделяются особенности порядка слов и построения текста в целом. Говоря о прямых номинантах эмоциональных состояний, авторы приходят к выводу, что категория состояния как универсальная семантическая категория реализуется на предикативном уровне в виде предиката при субъекте состояния.

Analyzing translations of F.M. Dostoyevsky's stories into English and Spanish, the authors discovered lexical and morphological syntactic transformations, as well as the peculiarities of word order in phrases and of the text as a whole. The authors considered a number of emotive language tools of different levels, which is conditioned by the cognitive level of the translator's language personality. Constituting a part of the author's style, metaphors create a whole gamut of associations, special background and emotional tonality of the work. The analysis of Dostoyevsky's prose translations into English and Spanish also reveals emotive syntactic transformations at the level of simple and complex sentences, accompanied by specifics in word order and text construction.

Speaking about direct nominations of emotional states, the authors conclude that the category of state as a universal semantic category is realized at the predicative level in the form of a predicate with the subject of state.

Thus, the comparative study of emotion predicates in Russian, English and Spanish, as well as the study of their possible translation, deepens the idea of verbalizing the emotional conceptual sphere in the languages of the Romano-Germanic group.

Ключевые слова: эмотивность, эмоциональное состояние, метафоры, переводческие трансформации, переводческие приемы.

Key words: emotivity, emotional state, metaphors, translation transformations and techniques.

Художественный текст выступает как многомерное пространство, реализующее свои функции посредством системы образных форм, выражаемых языковыми и экстралингвистическими единицами. Изображаемый мир предстает через видение автора, и чем точнее создан образ, тем легче он воспринимается сознанием читателя. Тонкий, живой, глубокий психолог Ф.М. Достоевский предстает в избранных нами произведениях как комический автор. М.М. Бахтин в своей известной книге «Проблемы поэтики Достоевского» особое место отводит карнавальной традиции и выявляет карнавальную линию во многих произведениях Ф.М. Достоевского, уделяя большое место смеху, который является неотъемлемой частью карнавального мироощущения и миромоделирования [Бахтин, 1986]. В исследовании Н.Н. Чиркова «О стиле Достоевского» [Чирков, 1967] говорится о взаимопроникновении комического и трагического.

Различные формы комизма, из которых соткан внешний сюжет, образуют нелепые ситуации, насыщенные смешными диалогами. Однако глубинное содержание острее, тоньше, глубже, значительнее, оно развивается в определенном смысле драматично. В комедийный сюжет вплетены драматические психологические коллизии, которые его преобразуют и усложняют. Соответственно отображение психологических состояний персонажей не мыслится в отрыве от использования эмотивного фонда языка, поскольку основная функция категории эмотивности – прагматическое воздействие на получателя.

Исследованием проблем эмотивности занимались многие ученые, в частности, В.И. Шаховский. По его мнению, эмотивностью можно считать способность выражения эмоционального отношения, связанного с психическим процессом [Шаховский, 1987]. По-другому считает Л.А. Пиотровская, которая связывает эмотивность с функцией языковых единиц, выражающих эмоциональное отношение реципиента к объективной действительности [Пиотровская, 2007]. Среди лингвистов до сих пор отсутствует единство в определении терминологического аппарата, разграничивающего категории эмотивности и эмоциональности. Для языкового уровня характерна трансформация эмоции в эмотивность. Мы исходим из постулата, что эмоциональность относят к психологической категории, эмотивность – к языковой.

Большинство исследователей отмечает функциональную значимость категории эмотивности. Так, Н.Б. Мечковская, рассматривая речевую реализацию эмотивности, подчеркивает, что при ярко выраженном субъективно-психологическом отношении человека к информации происходит реализация эмоциональной или экспрессивной функции речи, хотя эмоциональное отношение реципиента может вуалироваться сложной инносказательной формой или имплицитивно [Мечковская, 2000].

Л.Ю. Буянова и Ю.П. Нечай уточняют, что эмотивности свойственен как визуальный, так и ситуативно-речевой характер, что обуславливает её адекватное восприятие носителями языка вне контекста [Буянова, Нечай, 2006]. Иной точки зрения придерживается Н.А. Лукьянова, по мнению которой эмотивность не всегда имеет языковой статус, но в контексте и в определённой речевой ситуации выражает эмоциональное отношение реципиента к предмету речи [Лукьянова, 1986].

Нельзя не согласиться с мнением В.И. Шаховского, который считает, что для эмотивной функции характерна способность реципиента осмысливать и словесно выражать эмоции, осознанно выбирать определённые языковые единицы с соответствующими коннотациями.

По нашему мнению, очевидным является вербализация категории эмотивности с помощью визуальных разноуровневых языковых средств, которые обладают свойством эмотивности: эмотивный компонент значения слова характеризуется как та семантическая доля, которая позволяет языковой единице осуществлять свою эмотивную функцию. Эмотивность представляет собой функционально-семантическую категорию, при реализации которой взаимодействуют лексические и грамматические элементы и которая выражается на всех уровнях языка: от фонологического до уровня структурных моделей. При выборе средств выражения эмоционального плана высказывания реципиент ограничен первичными базовыми эмоциями, которые способствуют одобрению или, наоборот, неодобрению. Следовательно, репрезентантами эмоционального содержания высказывания являются языковые средства разных уровней, прежде всего лексического и синтаксического.

Анализируя произведения Ф.М. Достоевского, мы определяем, что средства реализации категории эмотивности образуют общую систему с доминированием отдельных эмотивных средств. В первую очередь обращает на себя внимание лексика произведений, ярчайшая палитра, основанная на игре значений языковых единиц, ситуаций, контекстуальной и препозициональной информации. Смешение книжного и разговорного, нейтрального и стилистически маркированного создает особую манеру изображения действительности, свойственную, пожалуй, лишь только Ф.М. Достоевскому. Писателю удается виртуозно использовать возможности разных пластов лексики не столько называть, сколько эмоционально оценивать предмет речи, в также сочетать эту оценку с жестовыми, мимическими и другими контекстными средствами.

Общими чертами для избранных нами произведений являются следующие:

- определённое расхождение с реалистическим отображением соответствующего явления не только по причине его гиперболизации, но и благодаря искажению реальных взаимоотношений между его отдельными элементами;
- смешение планов реального и ирреального,
- введение двуплановой действительности.

Эти основные черты позволяют определить особенности текстов: нарушенное, иррациональное восприятие действительности, связанное с эмоциональным и мистическим мироощущением.

Среди лексических средств вербализации эмоциональных состояний в текстах рассказов Ф.М. Достоевского преобладают дескрипции – описания мимики, жестикуляции, голоса или особенностей речи субъекта состояния, которые выступают в окружении интенсификаторов эмоционального состояния.

Группа усилителей интенсивности неоднородна по своему составу, так как в ней могут находиться усилители, обозначающие разные степени интенсивности проявления эмоции. Среди таких средств выражения интенсивности можно выделить разные подгруппы усилителей, указывающих на наивысшую степень интенсивности проявления эмоции, что подтверждается словарной дефиницией самих лексических единиц.

Во-первых, это лексемы, обозначающие высокое проявление степени своим значением: *Конечно, проект был выгоден, но в случае неудачи покрывал изобретательницу **необыкновенным** позором.*

В процессе трансформации лексема «необыкновенный» выступает как компонент лексического значения единицы перевода *ignominious*, позволяя осуществить переводческую компенсацию на основе имплицитных смыслов:

Of course, in case of success, it would be a profitable undertaking enough; but in the event of *non*-success, what an **ignominious** position for the authors of such a failure.

В переводе на испанский язык лексема отсутствует, тем самым снижается степень проявления эмоции:

Por supuesto, el proyecto era ventajoso, pero si fallaba, **cubriría de deshonra** a quien lo había fraguado.

*На этот счёт у ней была одна удивительно верная мысль: «Обвенчают, так уж не развенчаются», – мысль простая, но соблазнявшая воображение такими **необыкновенными** выгодами, что Марью Александровну, от одного уже представления этих выгод, бросало в дрожь и кололо мурашками.*

В противовес глагольной динамичности оригинала, в англоязычном переводе присутствует статичное описание эмоционального состояния персонажа, переданного через физическое ощущение:

She had one very simple but very pointed notion on the subject: namely, this – “*once married they can't be unmarried again.*” It was a simple, but **very pleasant reflection**, and the very thought of it **gave** Maria Alexandrovna **atingling sensation in all her limbs**.

В предложенном варианте перевода на испанский язык лексема «необыкновенный» заменится интенсификатором «tan», что позволяет несколько усилить эмоциональное отношение к денотату «выгода», сохраняя при этом и глагольную динамичность эмоциональных ощущений героини рассказа:

La dominaba en este particular una idea completamente irrefutable: «Una vez casados, ya no se descasan», idea sencilla, pero que seduce a la fantasía con **ventajas tan insólitas**, que nada más que de figurárselas le entraba a Marya Aleksandrovna **un temblor y le daban escalofríos**.

Слух разрастался и укоренялся с необыкновенным упорством.

Процесс неотвратимого распространения информации, репрезентируемый глаголами растительной семантики, передаётся в английском языке идиоматичной конструкцией *spread like wild-fire* со значением неконтролируемой стремительности:

Whence came they? Who spread them? None could say; but they **spread like wild-fire**.

В словаре В.И. Даля необыкновенный определяется как «необычайный, странный, чудный, изумительный, небывалый или редко виданный, чрезвычайный, из ряду вон, исключительный, весьма замечательный, достойный особого внимания» [ТСД] и в своей семантике содержит ряд эмосем, в то время как испанское прилагательное «desusado» – *desacostumbrado, poco o nada habitual, que ha dejado de usarse* [DLE] является семантически нейтральной единицей, соответственно эмотивность словосочетания утрачена, несмотря на использование в переводе метафоры с растительным компонентом значения:

El rumor se difundió y se arraigó con **desusada** pertinacia

Брак с князем казался всякому до того выгодным, до того блистательным, что даже странная сторона этого дела никому не бросалась в глаза.

Such a marriage – a marriage with this prince – appeared to all to be a thing **so very desirable, so brilliant**, that the strange side of the affair had not seemed to strike anyone as yet!

El casamiento con el príncipe les parecía a todos **tan ventajoso, tan brillante**, que nadie reparó siquiera en el lado peregrino del asunto.

В переводе на английский язык ряд интенсификаторов *до того выгодным, до того блистательным* сохраняется на грамматическом уровне с сохранением однородности компонентов, при трансформации на уровне лексики также как и в переводе на испанский

язык: **desirable, ventajoso** – *выгодным*, **brilliant, brillante** – *блистательным*, что достигается приёмом логической синонимии. Однако в текстах переводов стилистический регистр интенсификаторов является нейтральным в отличие от эмотивного разговорного в тексте оригинала.

*Ты оставляешь навсегда этот **отвратительный** городишко, полный для тебя ужасных воспоминаний, где нет у тебя ни приветов, ни друга, где оклеветали тебя, где все эти сороки **ненавидят** тебя за твою красоту.*

В данном отрывке при репрезентации отрицательных эмоций наблюдается как полная корреляция языковых эмотивных средств – **loathsome, indecente, hate, horribles** так и семантические сдвиги – **sad, bullied and maligned**, обусловленные желанием переводчика компенсировать потери в процессе перевода:

You would leave for ever this **loathsome** little town, so full of **sad** memories for you; where you meet neither friends nor kindness; where they have **bullied and maligned** you; where all these – these *magpies* **hate** you because you are **good looking!**

Te vas para siempre de este poblacho **indecente**, lleno de **horribles** recuerdos para ti, donde no gozas de consideración ni tienes amigos, donde te han calumniado, donde todas esas urracas te **odian** por tu belleza.

Ко второй подгруппе отнесём усилители, выражающие наивысшую степень интенсивности морфологически, синтетическими и аналитическими адъективными формами, например:

*...я слышала об **ужаснейшем** происшествии!*

В английском варианте семантическая нагрузка значительно усилена сочетанием лексем **dreadful** и **occurrence**, в значении которых дублируется сема unpleasant:

“But, prince,” interrupted Maria Alexandrovna, impatiently, “what is this **dreadful occurrence** I hear of? I confess I was nearly beside myself with terror when I heard of it.

В переводе на испанский язык **me han contado lo del terrible accidente** уровень интенсивности снижается, поскольку прилагательное terrible используется в положительной степени, хотя его семантика является эмотивной и изменение порядка структуры словосочетания NS+NA несколько компенсируют утрату.

*– Да ведь это **безбожнейшее** коварство, если так! – прошептал Павел Александрович, **глупейшим** образом смотря в глаза Настасье Петровне.*

Англоязычная трансформация лексемы «безбожнейшее» позволяет переводчику привлечь как синтетические, так и аналитические средства для передачи эмоциональной пейоративной оценки ситуации. Словосочетание **глупейшим образом**, описывающее

состояние полнейшего непонимания персонажа, передаётся наречием *sheepishly*, семантика которого усилена этнокультурной зоометафорой:

“Why–why–it would be **most godless cunning**,” Paul stammered, looking sheepishly into Nastasia's eyes.

Pues si es así, es una **infame traición!** – murmuró Pavel Aleksandrovich, mirando **estúpidamente** a Nastasya Petrovna.

В переводе на испанский язык все нюансы стиля Ф.М. Достоевского стираются, поскольку переводчик использует приёмы синонимического перевода, стратегически сохраняя денотативную информацию.

Мы рассчитываем наши выгоды даже в великодушнейших, даже в бескорыстнейших делах наших, рассчитываем неприметно, невольно!

В данном случае переводчик вынужденно отказался от вербализации таких русских культурных концептов, как великодушие и бескорыстие, не имеющих соответствий в культуре языка перевода и образующих поэтому переводческие лакуны. Компенсация происходит за счёт средств синтаксического уровня путём трансформации в сложноподчинённую конструкцию:

I am not – I admit it; for if there have been calculations **it is I who have made them!** But I calculated for her, Paul; for her, not myself!

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в переводе на испанский язык:

Calculamos nuestros beneficios hasta en nuestras acciones **más irreprochables** y **magnánimas**, y lo hacemos sin querer, sin pensar.

Третью группу интенсивов составили, по нашему мнению, конструктивные выразители степени: интенсивность эмоции выражается синонимическими средствами, составляющими однородный ряд, или словами, уточняющими высокую степень проявления признака, чувства, эмоции, например:

*Каково ж притворяться! Я сама двадцать пять лет это испытываю. Твой отец **погубил** меня. Он, можно сказать, **высосал** всю мою молодость, и сколько раз ты видела слезы мои!..*

Why deceive ourselves? I have suffered from the same thing for twenty-five years; your father **ruined me** – he, so to speak, **sucked up my youth!** You have seen my tears many a time!”

¡Y cómo hay que fingir! Yo también conozco eso desde hace veinticinco años Tu padre echó a perder mi vida, se sorbió toda mi juventud, por así decirlo. ¡Y cuántas veces tú has visto mis lágrimas!

Приведённые примеры иллюстрируют наличие переводческой эквивалентности, при которой средства разных языков практически тождественны в передаче эмоциональной составляющей значения.

*– Но зачем же, дитя мое, смотреть непременно с этой точки зрения, – с точки зрения **обмана, коварства и корыстолюбия**? Ты считаешь мои расчеты за **низость, за обман**? Но, ради всего святого, где же тут обман, какая тут низость?*

В данном случае при выборе единиц перевода на английский и испанский языки переводчиками были избраны лексемы, наиболее полно отражающие суть вербализаторов применительно не только к речевой ситуации оригинала, но и культурной специфике перевода:

“But, my dear child, why, *why* look at it from this point of view? Why look at it under the light of suspicion as **deceit, and low cunning, and covetousness**? You consider my calculations as **meanness, as deceit**; but, by all that is good and true, where is **the meanness**? Show me the deceit.

Pero, hija mía, ¿por qué mirarlo desde ese punto de vista? ¿Desde el punto de vista **del engaño, la insidia o el afán de lucro**? Consideras mis cálculos como una **bajeza, como un fraude; pero**, por lo que hay de más sagrado, ¿dónde está **el fraude, dónde la bajeza**?

Кричали, что это грешно, даже подло; что старик не в своем уме; что старика обманули, надули, облапошили, пользуясь его слабоумием; что старика надо спасти от кровожадных когтей; что это, наконец, разбой и безнравственность; что, наконец, чем же другие хуже Зины?

При сохранении синтаксических позиций эмотивных компонентов автор старается передать эмотивные смыслы посредством единиц синонимических рядов, варьируя их стилистическую маркированность, что соответственно находит отражение и в переводах на английский и испанский языки:

People told each other that it was **a sin and a shame**, that the prince was crazy, that the old man **was being deceived, caught, robbed** – anything you like; that the prince must be saved from the bloodthirsty talons he had floundered into; that the thing was **simply robbery, immorality**. And why were any others worse than Zina? Why should not somebody else marry the prince?

Inmediatamente se alzaron gritos de furia por todas partes, afirmando que eso era **pecaminoso, incluso inmundo**; que el anciano no estaba en su sano juicio; que lo **habían engañado, embaucado, capturado a mansalva, aprovechándose de su debilidad mental**; que era indispensable salvarlo de esas garras sangrientas; que esto, en fin decientas, era **un robo**,

una inmoralidad; y que, al fin y al cabo, ¿en qué desmerecían otras señoritas comparadas con Zina?

На шкале интенсивности третья подгруппа усилителей наивысшей степени эмоциональности занимает крайнюю верхнюю зону в пределах интенсифицируемой эмоции, за границами которой следует переход в качественно новое эмоциональное состояние.

Таким образом, проанализированный материал даёт основания говорить о значительной роли лингвокогнитивного уровня языковой личности переводчика. Среди переводческих приёмов преобладают логическая синонимия, смысловое развитие и разного рода переводческие компенсации на основе выразительных средств языка. Нельзя также не упомянуть о переводческих лакунах, которые связаны с культурными кодами и заполняются языковыми средствами других уровней.

Анализируя переводы рассказов Ф.М. Достоевского на английский и испанский языки, авторы обнаружили лексические и морфолого-синтаксические трансформации, выделили особенности порядка слов в словосочетаниях и построения текста в целом. Говоря о прямых номинантах эмоциональных состояний, авторы пришли к выводу, что категория состояния как универсальная семантическая категория реализуется на предикативном уровне в виде предиката при субъекте состояния. Таким образом, изучение предикатов эмоционального состояния в русском, английском и испанском языках в сопоставительном плане, а также изучение возможностей их перевода углубляет представление о способах вербализации эмоциональной концептосферы в языках романо-германской группы.

Одной из доминант перевода текстов рассказов Ф.М. Достоевского является максимально полная передача эмоциональной информации средствами переводящего языка с целью создания того же прагматического воздействия на реципиента, который оказывает исходный текст на читателя текста-оригинала, что требует от переводчика профессионального умения в использовании многочисленных межъязыковых трансформаций с целью достижения адекватности перевода.

Список литературы:

- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1986. 486 с.
- Буянова Л.Ю., Нечай Ю.П.* Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: монография / Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. 277 с.
- Лукьянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления (под ред. А.И. Федорова) / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского Университета, 1986. 277 с.
- Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М., 2000. 208 с.

Пиотровская Л.А. Взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в процессе порождения речи / Л.А. Пиотровская. – Москва, 2007. 375 с.
Чирков Н.М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы / Н.М. Чирков. – М.: Наука, 1967. С. 30-100.
Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж, 1987. 208 с.

References:

Bakhtin M.M. Problemy poehtiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics] / M.M. Bakhtin. – М.: Khud. lit., 1986. 486 p. (In Russian).
Buyanova L.Yu., Nechai Yu.P. Ehmotivnost' i ehmotsiogenost' yazyka: mekhanizmy ehksplikatsii i kontseptualizatsii: monografiya [Emotivity and Emotionality of Language: Mechanisms of Explication and Conceptualization: Monograph] / L.Yu. Buyanova, Yu.P. Nechai. – Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2006. 277 p. (In Russian).
Chirkov N.M. O stile Dostoevskogo. Problematika, idei, obrazy [About Dostoevsky's Style: Problems, Ideas, Images] / N.M. Chirkov. – М.: Nauka, 1967. P. 30-100. (In Russian).
Luk'yanova N.A. Ehkspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya [Expressive Vocabulary of Colloquial Use] (ed. by A.I. Fedorov) / N.A. Luk'yanov. – Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo Universiteta, 1986. 277 p. (In Russian).
Mechkovskaya N.B. Sotsial'naya lingvistika [Social Linguistics] / N.B. Mechkovskaya. – М.: 2000. 208 p. (In Russian).
Piotrovskaya L.A. Vzaimodeistvie ehmotsional'noi i ratsional'noi otsenki v protsesse porozhdeniya rechi [Interaction of Emotional and Rational Evaluation in the Process of Speech Generation] / L.A. Piotrovskaya. – Moscow, 2007. 375 p. (In Russian).
Shakhovskii V.I. Kategorizatsiya ehmotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka [Categorization of Emotions in the Lexical and Semantic System of the Language] / V.I. Shakhovskii. – Voronezh, 1987. 208 p. (In Russian).

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET):

Достоевский Ф.М. Дядюшкин сон [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский // LibreBook. – Режим доступа: <https://librebook.me>.
Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля (ТСД) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net>.
Diccionario de la lengua española (DLE) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dle.rae.es/?id=6B6n5sS>.
Dostoewski F.M. El sueño del príncipe [Электронный ресурс] / F.M. Dostoewski. – Режим доступа: <https://www.unilider.edu.mx/el-sueno-del-principe>.
Uncle's Dream by Fedor Dostoieffsky. Translated by Frederick Wishaw // The Project Gutenberg EBook [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/38241/38241-h/38241-h.html#toc4>.
Diccionario de la lengua española (DLE) [Electronic resource]. – Available at: <https://dle.rae.es/?id=6B6n5sS>.
Dostoewski F.M. El sueño del príncipe [Electronic resource] / F.M. Dostoewski. – Available at: <https://www.unilider.edu.mx/el-sueno-del-principe>.
Dostoyevsky F.M. Dyadyushkin son [Uncle's Dream] [Electronic resource] / F.M. Dostoyevsky // LibreBook (In Russian). – Available at: <https://librebook.me>.
Tolkovyi slovar' zhiovago velikoruskago yazyka Vladimira Dalya [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] [Electronic resource] (In Russian). – Available at: <http://slovardalja.net>.
Uncle's Dream by Fedor Dostoieffsky. Translated by Frederick Wishaw // The Project Gutenberg EBook [Electronic resource]. – Available at: <http://www.gutenberg.org/files/38241/38241-h/38241-h.html#toc4>.

Кольовски Александр Александров
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kolovski Alexander
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

РОЛЬ «МЕТОДА МЕЛКИХ НАБЛЮДЕНИЙ» В РАСКРЫТИИ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ ДОСТОЕВСКОГО

THE ROLE OF THE SMALL OBSERVATIONS METHOD IN THE DISCLOSURE OF DOSTOEVSKY'S HEROES IMAGES

Статья посвящена научным исследованиям Альфреда Людвиговича Бема (1886–1945?) об эволюции образов героев Достоевского в контексте связи с творчеством таких русских писателей, как Грибоедов, Пушкин, Гоголь. Находясь в эмиграции, Бем осуществлял руководство рядом научных объединений, деятельность которых была связана с изучением и популяризацией творчества Федора Михайловича Достоевского. Самим Бемом было написано более полусотни статей, посвященных анализу произведений Достоевского. Работы Бема и его литературных единомышленников, в том числе и из советской России, положили начало новому этапу в изучении творчества писателя, к которому ранее применялся преимущественно религиозно-философский подход. Ключевым принципом литературоведческого анализа Бема является «метод мелких наблюдений», а понятие литературных влияний он заменяет термином «литературные припоминания», которые, по его мнению, играли важнейшую роль при создании Достоевским образов его героев. «Мелкие наблюдения» над текстом произведений писателя в сопоставлении с творчеством его предшественников позволили Бему убедительно обосновать этот тезис и дать свою интерпретацию ряда образов героев Достоевского.

The article is dedicated to the scientific research of Alfred Ludvigovich Bem (1886–1945?) on the evolution of Dostoevsky's heroes images in the context of the connection with the work of such Russian writers as Griboyedov, Pushkin, Gogol. Being in emigration, Bem supervised a number of scientific associations whose activities were connected with the study and popularization of the work of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. Bem himself wrote more than fifty articles devoted to the analysis of Dostoevsky's novels and stories. The works of Bem and his literary confederates, including those from Soviet Russia, marked the beginning of a new stage in the study of the writer's legacy. Previously a religious and philosophical approach was predominantly applied to it. The key principle of Bem's literary analysis is «the method of small observations», and he replaces the concept of literary influences with the term «literary reminiscences». In his opinion, they played a crucial role in Dostoevsky's creation of images of his heroes. «Small observations» over the text of the writer's works in comparison with the works of his predecessors allowed Bem to convincingly substantiate this thesis and give his own interpretation of some images of Dostoevsky's heroes.

Ключевые слова: А.Л. Бем, Общество Достоевского в Праге, достоевсковедение, образ героя, литературные связи.

Key words: A.L. Bem, Dostoevsky Society in Prague, Dostoevsky studies, hero image, literary connections.

В 1925 году на историко-философском отделении Русского народного (позднее – свободного) университета в Праге был открыт «Семинарий по изучению творчества Ф.М. Достоевского». Его участниками стали литературоведы, историки, философы, эмигрировавшие из советской России: Д.И. Чижевский, А.В. Флоровский, В.В.

Зеньковский, С.И. Гессен, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин и др. Инициатива создания Семинария принадлежала литературоведу, критику, педагогу Альфреду Людвиговичу Бему, который во все время существования этого объединения выдающихся представителей русской гуманитарной науки оставался его бессменным секретарем.

В 1929 году вышел сборник «О Достоевском», в котором были опубликованы самые значительные выступления участников Семинария. Второй и третий сборники под этим названием увидели свет в 1933 и 1936 гг. Во втором сборнике была представлена и коллективная работа, выполненная Бемом, Чижевским, Завадским и Плетневым по разработанной Бемом инструкции [Плетнев, 1981, с. 18] – «Словарь личных имен в произведениях Достоевского. Ч. I. Произведения художественные» (вторую часть Словаря, личные имена в «Дневнике писателя», планировалось включить в четвертый сборник, который издан не был). Третий сборник представляет собой уже персональное собрание работ Бема, а ряд его исследований вошел в изданную в Берлине в 1938 г. книгу «Достоевский. Психоаналитические этюды».

Успех первого сборника «О Достоевском», получившего положительный отзыв как среди русских ученых, так и в чешских академических кругах, дал возможность реализовать идею Бема об организации в Праге международного «Общества Достоевского». Оно было основано в 1930 г., его секретарем был избран А.Л. Бем. Общество развивало свою деятельность под покровительством Славянского семинария Философского факультета Карлова университета, а в конце 1933 г. было преобразовано в Собрание по изучению жизни и творчества Ф.М. Достоевского при Славянском институте, но вынуждено было прекратить свою работу после оккупации Чехословакии фашистскими войсками.

Деятельность Семинария-Общества-Собрания воспринималась в определенной степени как противовес религиозно-философскому подходу к творчеству Достоевского, преобладавшему в конце XIX – первой трети XX века. В условиях «тотальной обращенности к Достоевскому как к идеологу, апостолу русской идеи и духовному учителю человечества нужна была настоящая смелость, чтобы заговорить о нем прежде всего как о *писателе*: не пророке, но мастере, члене *цеха* литераторов, представителе конкретного вида искусства, где действуют свои правила и свои неотменяемые законы <...>. А. Бем заговорил о Достоевском именно так» [Гачева, 2008, с. 80]. Более полусотни статей Бема о Достоевском, а также труды других участников Семинария и ученых, работавших на родине (А. Долинин, К. Истомина, В. Нечаева и др.), обозначали новый этап «науки о Достоевском»: после крупного философского осмысления его творчества наступала пора истории литературы и поэтики.

Такой подход не был для Бема случаен. Уже в первой его теоретической статье «К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина», написанной на основе доклада, сделанного им в знаменитом семинарии С.А. Венгерова «Пушкин: история его жизни, творчества и текста», определилась одна из основных сфер его научных интересов – литературные влияния, генетические связи как внутри самой русской литературы, так и с литературой зарубежной. В этой же статье впервые появляется столь важное для Бема понятие «припоминание», причем в соединении с определением «невольное»: «Несложные сами по себе интриги, легшие в основу “Кавказского пленника” и “Цыган”, могли создаться путем невольного припоминания целого ряда сходных мотивов, воспринятых из книг и из жизни...» [Бем, 1914, с. 16]. Впоследствии в статье «Драматизация бреда» Бем напишет: «Внутренний мир человеческих переживаний сложен и впитывает в себя все явления внешнего мира, в том числе и книжные воздействия, по своим собственным законам перерабатывая их» [Бем, 2001, с. 319-320]. Особый интерес для Бема приобретают именно «книжные воздействия» – то, что он называет «литературными припоминаниями». Литературные припоминания – такая же «законная» часть лежащего в основу творчества материала, как и любые другие впечатления.

Рассмотрим статьи А.Л. Бема «Сумерки героя» и «Драматизация бреда» [Бем, 2001, с. 95-111; 264-326]. В первой он прослеживает рождение «фантастического героя» Достоевского. Отмечая, что его происхождение принято вести от «странных героев» петербургских повестей Гоголя и романтических чудаков Гофмана, сам Бем за героем Достоевского прежде всего видит пушкинского Германа, у которого «по крайней мере три злодейства» на душе. Попытавшись проследить эволюцию героя с ранних повестей писателя, Бем находит момент его «рождения» в повести «Слабое сердце». Бунт страдальца (по мысли Бема, вызывающий в памяти образ Германа, «напоминающего портрет Наполеона»), в основе которого лежит сострадание и который зачастую сокрушает самого бунтаря, – этот герой еще сохраняет признаки героя романтического. Но уже в романе «Игрок», в образе главного героя Алексея Ивановича, происходит преодоление романтического героя пушкинской «Пиковой дамы»: он уже не видит чужого горя и теряет способность к сочувствию и состраданию. В тот момент, когда Алексей Иванович возвращается к Полине с выигранными им деньгами, он становится уже другим человеком и не видит, что перед ним не прежняя гордая девушка, а существо надломленное и морально раздавленное. Воспользовавшись моментом, в порыве страсти, а не любви, герой совершает преступление над личностью человека. Так своеобразно переосмысливается Достоевским история Германа, а точнее, ей как бы задается другое

развитие: пушкинский герой, не узнавший тайну, которая привела бы его к богатству, не причинил зла ожидавшей его на ночное свидание девушке.

Согласно Бему, окончательное развенчание пушкинского героя происходит в «Бесах» и заключается в образе Ставрогина. Бем рассматривает, в частности, те сцены произведений, в которых Германн и Ставрогин идут на сближение с доверившимися им девушками, и отмечает, что в это время оба героя уже находятся во власти тяготеющего над ними осознания совершенного преступления. Германна гнетет смерть графини, а Ставрогина – невмешательство в убийство Лебядкиной, ее брата и их служанки. Германн не хочет остаться в памяти Лизы разбойником и убийцей. Ставрогин же, хоть и вступает в связь с Лизой Тушиной в момент ее слабости, тем не менее тоже пытается оправдаться, чтобы не оставаться для Лизы убийцей и поджигателем. В этом Бем видит несомненное доказательство непосредственной связи двух сюжетных положений.

Конечно, образы Германна и Ставрогина, пишет Бем, нельзя сравнивать напрямую: слишком далеко ушел Ставрогин по пути душевного разложения, однако не следует забывать, какой герой стоит в начале эволюционной лестницы образов главного героя Достоевского. Бем считал, что писатель опирался на отечественную литературную традицию, в которой исключительное место принадлежит пушкинскому Германну.

В статье «Драматизация бреда» Бем рассматривает раннюю повесть Достоевского «Хозяйка» в сравнении со «Страшной мезьей» Гоголя, применяя в том числе и психоаналитический метод (Бем посещал руководимый членом Общества Достоевского доктором Н.Е. Осиповым психиатрический фрейдистский кружок, но неоднократно подчеркивал, что психоаналитический метод должен использоваться применительно к тексту литературного произведения очень осторожно). Бем подробно разбирает сцену из «Страшной мести», в которой старик призывает душу своей дочери Катерины. Душа не знает, где в данный момент находится ее тело и что с ним происходит, но брошенные ею вскользь слова позволяют понять, что тем моментам, которые мы наблюдаем в повести, тем явным попыткам отца-колдуна добиться любви своей дочери, предшествовало более раннее преступное влечение его к ней, период, связанный с другим преступлением – убийством им своей жены, матери Катерины. Бем делает вывод, что душа девушки, находящейся в момент призыва в состоянии сна и достаточно далеко от места действия, прилетела к колдуну не в теперешнем своем состоянии жены казака и молодой матери его ребенка, а в том, в котором она находилась в пятнадцатилетнем возрасте (чистая душа), когда, как предполагает Бем, была убита ее мать. Также в ее словах Бем видит намек на то, что после совершения злодеяния отец-колдун увез куда-то девушку, ведь ее душа прилетела к нему из того самого места, где «родилась и прожила пятнадцать лет».

В «Хозяйке» Достоевского Бем усматривает «прямой диалог» с Гоголем – девушку тоже зовут Катериной (как и Лиза Тушина носит имя героини «Пиковой дамы»), и она является дочерью любовника своей матери, не зная об этом. Но, в отличие от гоголевской героини, Катерина Достоевского влюбляется в своего родного отца и убегает с ним.

У Гоголя убийство отцом матери находится в некоей, до конца читателю не понятной, связи с преступным влечением, которое испытывает отец к дочери. Достоевский же эту гоголевскую пустоту заполняет целыми сценами: ссора на почве ревности между матерью и дочерью, проклятия матери, угрозы рассказать все «отцу»-отчиму, наконец, сцена пожара, устроенного любовником, и гибель и «отца» Катерины, и ее матери. Бем приходит к выводу: «“История Катерины” Достоевского есть усложненная привходящими мотивами и развернутая по принципу психологического обоснования повесть о трагической судьбе другой, гоголевской Катерины». И здесь Бему видится не сознательное «встраивание» Достоевским своего произведения в определенную традицию и уж тем более не заимствование «истории» у Гоголя, а бессознательное использование писателем уже имеющегося литературного материала.

Мы рассмотрели только две статьи, в которых Бем реконструирует связь образов героев Достоевского с героями Пушкина и Гоголя. Другой русский писатель, оказавший, по мысли Бема, огромное влияние на творчество Достоевского, – это Грибоедов. В основу образа князя Мышкина, по Бему, «в творчески переработанном виде» легли «три литературных типа»: Чацкий, Дон-Кихот и Рыцарь Бедный [Бем, 2001, с. 41]. И если к герою стихотворения Пушкина есть непосредственная отсылка в тексте самого романа, а Дон-Кихот как «один из самых великих сердцем людей» органично вписывается в этот образный ряд, то апелляция к образу Чацкого может вызвать недоумение. Предвосхищая возможные возражения, Бем пишет, сопоставляя образы Чацкого и князя Мышкина, о том, что «князь Мышкин отличается таким же отсутствием чутья действительности, так же органически неспособен понять среды, в которой ему приходится действовать» [Бем, 2001, с. 42]. Это проявляется, в частности, в его выступлении на вечере у Епанчиных, который «по психологической обстановке чрезвычайно близко напоминает знаменитую сцену комедии Грибоедова на званом вечере у Фамусова, где Чацкий произносит свой знаменитый монолог» [Бем, 2001, с. 42]. Повторение сюжетного положения «Молчалин – Софья – Чацкий» Бем отмечает не только в романе «Идиот» («Ганя – Аглая – кн. Мышкин»), но и в романе «Подросток», герой которого сам поражен сходством любовной драмы Чацкого с отношениями его отца и Ахмаковой, которая предпочла тому «ничтожного» барона Бьеринга. «Но на этот раз еще ярче подчеркнуто сходство героя с Чацким в его отношении к героине. Версиров пленен Ахмаковой, его страсть к ней слепа

и безрассудна. Он сочинил себе образ любимой женщины (как сочинил себе Чацкий образ Софьи. – А. К.) и к этой сочиненной мечте прикован навсегда. Сама Ахматова сознает, что Верзилов любит не ее, а свою странную мечту. <...> Чацкий и Верзилов одного безумия люди, и это сходство символически подчеркнуто Достоевским в проникновенном исполнении Верзиловым роли Чацкого», а также в высказанном старым князем Сокольским резюме: «Итак, наш Андрей Петрович с ума спятил; *как невзначай и как проворно*. Я всегда предрекал ему, что он этим самым кончит» [Бем, 2001, с. 43-44].

Возражая возможным оппонентам, что «такое понимание Чацкого вовсе не отвечает подлинному образу комедии Грибоедова», Бем пишет: «На это можно ответить одно: *то, чего в произведении не заключено, из него нельзя вычитать*. Нет раз навсегда данного литературного образа, он живет вместе с нами и вместе с нами меняется. Заслуга Достоевского заключается в том, что он с гениальной прозорливостью прочел у Грибоедова то, что до него никто не заметил» [Бем, 2001, с. 44].

Термин Бема «литературные припоминания» фактически заменяет другой – «литературные влияния», отражая сам механизм этих влияний, каким он виделся ученому. В своем стремлении определить специфику внутрилитературных связей Бем не одинок: его сокурсник по венгеровскому семинару Ю.Н. Тынянов писал о «конвергенции», впоследствии М.М. Бахтин – о «культурно-исторической телепатии», а позднее В.Н. Топоровым был предложен термин «резонанс». Но Бем, как заметил С. Бочаров, был пионером в формулировании термина и идеи. Кроме того, у него за этим термином скрывается философский подтекст: припоминание – не цитирование и не простое воспоминание, этот термин перекликается с платоновским припоминанием стоящей за явлением идеи [Бочаров, 2008, с. 30-31]. Бем видел такого художника, как Достоевский, в особенном состоянии спонтанного и полусознанного припоминания, в том состоянии, в какое Сократ в диалогах Платона погружал своих собеседников, открывая им, что знание есть припоминание того, что душа (как Достоевский у Бема) уже знает, не сознавая того.

Применяя понятие «литературные припоминания» к анализу произведений Достоевского, Бем отмечал, что писатель часто был во власти таких состояний, и назвал это свойством гениального читателя – такого, кто обладает необычайной художественной восприимчивостью к чужому творчеству. Этот читатель не только читает, но и творит вместе с автором, сживает с его героями, переносит их в другую обстановку и заставляет жить новой для них жизнью. И делает это потому, что его возбуждают «затронутые в читаемой книге идеи», и он их художественно претворяет, разрабатывает, вносит свое понимание. Доказывая этот постулат на примере Достоевского, Бем утверждает, что природа творческой самобытности отнюдь не исключает внедренность в

литературную традицию: «Почему никто не поставит в упрек философу, что в своих философских построениях он опирается на выводы своих предшественников, почему здесь эта связь с научной традицией считается обязательной? В такой же мере и развитие литературы имеет свои законы, и писатель, как бы он ни был гениален, опирается на своих литературных предшественников. Наоборот, там, где эти связи порваны, там законно возникают сомнения в достоинствах произведения. Гениальность Достоевского-писателя и заключалась в том, что он, впитав в себя творчество своих предшественников, смог подняться на небывалую высоту» [Бем, 2001, с. 57].

Термин Бема «литературные припоминания» С. Бочаров назвал «формулировкой большого стиля» [Бочаров, 2008, с. 36] и этим во многом, но все же не полностью определил его литературоведческий стиль. Одна из важнейших статей Бема была им озаглавлена «Достоевский – гениальный читатель», однако то же определение может быть отнесено и к самому Бему, но уже как исследователю литературы. Свой метод сам ученый называл «методом мелких наблюдений», таким образом обозначая, возможно даже полемически, отличие масштаба своего внимания к литературному произведению от крупноформатного мышления философской критики. «Мелкие наблюдения», или, иначе, детальный анализ произведений Достоевского позволил Бему со всей уверенностью подтвердить сделанный еще Вяч. Ивановым вывод о качественном отличии связи писателя с иностранной литературой и литературой русской. «Пусть множатся работы об отражениях в творчестве Достоевского тех или иных западных влияний, они только подтвердят положение об его огромной начитанности, большой восприимчивости к чужому художественному творчеству, но, за редкими исключениями, они ничего не прибавят к нашему пониманию самой сути его творчества. Мы здесь все время остаемся на самой поверхности творческого процесса. Иное дело с литературой русской. Почти всегда в вопросах связи с явлениями литературы отечественной мы сталкиваемся с основными проблемами творчества Достоевского. <...> Понять Достоевского вне русской литературной традиции невозможно» [Бем, 2001, с. 36], и «гениальный читатель» Бем многое сделал для этого понимания.

Список литературы:

Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / А.Л. Бем. – М.: Языки славянской культуры, 2001. 448 с.

Бем А.Л. К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина / А.Л. Бем // Пушкинист I. Историко-литературный сборник / под ред. проф. С.А. Венгерова. – СПб.: тип. А.Ф. Дресслера, 1914. С. 1–17.

Бочаров С.Г. Феномен «литературного припоминания» в эстетике А.Л. Бема / С.Г. Бочаров // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. / сост., науч. ред. М.А. Васильевой. – М.: Русский путь, 2008. С. 29–37.

Гачева А.Г. Работы А.Л. Бема о Достоевском и религиозно-философская достоевистика / А.Г. Гачева // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. / сост., науч. ред. М.А. Васильевой. – М.: Русский путь, 2008. С. 76–95.

Плетнев Р. Воспоминания о первом международном Обществе имени Ф.М. Достоевского / Р. Плетнев // Записки русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 1981. Т. 14. С. 7–25.

References:

Bem A.L. Issledovaniya. Pis'ma o literature [Research. Letters About Literature] / A.L. Bem. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. 448 p. (In Russian).

Bem A.L. К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина [On the Question of the Influence of Chateaubriand on Pushkin] / A.L. Bem // Pushkinist I. Istoriko-literaturnyi sbornik [Pushkinist I. Historical and Literary Collection] / edited by S.A. Vengerov. – SPb.: tip. A.F. Dresslera, 1914. P. 1–17 (In Russian).

Bocharov S.G. Fenomen «literaturnogo pripominaniya» v ehstetike A.L. Bema [The Phenomenon of “Literary Recollection” in the Aesthetics of A.L. Bem] / S.G. Bocharov // A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh'ya: Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 120-letiyu so dnya rozhd. [A.L. Bem and Humanitarian Projects of the Russian Abroad: International Scientific Conference dedicated to the 120th Anniversary of the Birth] / edited by M.A. Vasil'eva. M.: Russkii put', 2008. P. 29–37 (In Russian).

Gacheva A.G. Raboty A.L. Bema o Dostoevskom i religiozno-filosofskaya dostoevistika [A.L. Bem's Works on Dostoevsky and Religious and Philosophical Dostoevsky studies] / A.G. Gacheva // A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh'ya: Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 120-letiyu so dnya rozhd. [A.L. Bem and Humanitarian Projects of the Russian Abroad: International Scientific Conference dedicated to the 120th Anniversary of the Birth] / edited by M.A. Vasil'eva. M.: Russkii put', 2008. P. 76–95 (In Russian).

Pletnev R. Vospominaniya o pervom mezhdunarodnom Obshchestve imeni F.M. Dostoevskogo [Memories of the First International Dostoevsky Society] / R. Pletnev // Zapiski russkoi akademicheskoi gruppy v SSHA [Notes of the Russian Academic Group in the USA]. – New-York, 1981. Vol. 14. P. 7–25. (In Russian).

Конюхова Елена Станиславовна
Лыткина Оксана Ивановна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Konyukhova Elena
Lytkina Oksana
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА В РОМАНЕ «БЕДНЫЕ ЛЮДИ» И ПОВЕСТИ «БЕЛЫЕ НОЧИ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

THE COLOR PALETTE IN THE NOVEL «POOR PEOPLE» AND THE SHORT STORY «WHITE NIGHTS» BY F.M. DOSTOEVSKY

Цветовую палитру «Петербурга Достоевского» обычно характеризуют как «серую», «темную», «черную», «желтую», но цветовая гамма в произведениях писателя намного сложнее и разнообразнее. Она связана с психологией, эмоциями, настроениями, а также с характером героев его книг. Наиболее часто исследования посвящали символике цвета в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Однако цветовая палитра писателя в ранних произведениях, хотя и не была достаточно изучена и освещена в научной литературе, не менее важна для понимания поздних произведений писателя и интересна. Особого внимания заслуживают роман «Бедные люди» и повесть «Белые ночи», которые были напечатаны в 1846 году в «Петербургском сборнике» и в 1848 году в журнале «Отечественные записки». В статье анализируется цветовая гамма этих произведений и дается интерпретация некоторых лексико-семантических групп слов.

The color palette of “Dostoevsky's Petersburg” is usually characterized as «gray, dark, black, and yellow», but the symbolism of the writer's color is much more complex and interesting. It is connected with psychology, emotions, mood as well as with the character of the heroes in his books. The most frequent research was dedicated to the symbolism of color in the novel by F.M. Dostoevsky's “Crime and Punishment”, however, the color palette of the writer in his early works was not sufficiently studied, analyzed and illuminated. The novel “Poor People” and the novel “White Nights” deserve special attention. They were first published in 1846 in the “Petersburg Collection” and in 1848 in the magazine “Otechestvennye Zapiski”. These books were written in the early period of creativity, which already causes interest in the use of color symbolism in these works of F.M. Dostoevsky. In the article, the authors try to analyze the use of colors in these works and the interpretation of some lexical and semantic groupings of words.

Ключевые слова: цветовая символика, Ф.М. Достоевский, «Бедные люди», «Белые ночи».

Key words: color symbolism, F.M. Dostoevsky, “Poor People”, “White Nights”.

Исследователи творчества Ф.М. Достоевского неоднократно обращались к теме символики цвета, отмечая ее особую значимость для понимания произведений. Чаще всего исследовалась символика цвета романа «Преступление и наказание», опубликованного в 1866 году в журнале «Русский вестник». Многие исследователи специально занимались изучением цветовой гаммы романа и сделали вывод о том, что в «Преступлении и наказании» автор чаще всего в описании прибегал к использованию желтого цвета [Кононенко, 2016; Кравченко, 2019; Чечина, 2020]. Желтый цвет в романе преобладает не случайно. Достоевский явно не любил желтый цвет: отрицательное

отношение к желтому проявляется в описании комнаты старухи-процентщицы: небольшая с желтыми обоями; старая мебель из желтого дерева, на стене картинки в желтых рамках. Каморка Раскольниковова тоже желтая, с желтенькими пыльными обоями»; с «желтоватыми, обшмыганными и истасканными обоями» комната Сони Мармеладовой; в комнате Порфирия Петровича «мебель из желтого отполированного дерева», в номере гостиницы, где остановился Свидригайлов, цвет обоев также «желтый» и т.д. Желтый цвет угнетает героев и подчеркивает чувство одиночества, отрешенности от мира, испытываемое героем, сводит с ума и толкает к необдуманным поступкам. Главный герой не может жить в окружающем его желтом пространстве.

Также исследователи обращали внимание на преобладание темных, серых, черных цветов в описании города, особенно Санкт-Петербурга, который писатель называл «самым предумышленным городом на свете» [Лурье, 2012]. Однако цветовая палитра Достоевского сложнее и не ограничивается темными оттенками, она намного разнообразнее и связана с психологией, эмоциями, настроениями, а также характерами героев. В этой связи интересно обратиться к частоте употребления слов, обозначающих цвет, в языке писателя, например: черный – 296⁸⁹, белый – 275, красный – 248, темный – 209, светлый – 162, золотой – 150, зеленый – 88, желтый – 83, серебряный – 69, голубой – 65, синий – 46, розовый – 43, огненный – 19, багровый – 16, пунцовый – 13, пестрый – 8, коричневый – 7, цветной – 7, изумрудный – 4, оранжевый – 3 и т.д. [Шайкевич, 2003, Электронный ресурс].

Таким образом, интерес исследователей к символике цвета в произведениях Достоевского вполне закономерен. Цель нашей работы – изучить и проанализировать цветовую палитру в ранних произведениях Ф.М. Достоевского – романе «Бедные люди» и повести «Белые ночи». Произведения были впервые опубликованы соответственно в 1846 году в «Петербургском сборнике» и в 1848 году в журнале «Отечественные записки». Эти книги вызывают интерес к использованию символики цвета Ф.М. Достоевским, поскольку, безусловно, уже в ранних произведениях намечена тенденция передачи сложных чувств, тончайших душевных движений через цветовые символы.

Символ – это знак, он заключает в себе некую тайну, намек, позволяющий лишь догадываться о том, что имеется в виду, о чем хотел сказать автор. Истолкование символа возможно не столько рассудком, сколько интуицией и чувством. Каждый цвет имеет свой подтекст, который может быть прочтен как слово, или истолкован как сигнал, знак, или символ. Например, в нашей культуре принято воспринимать белый

---

⁸⁹ Цифры указывают на количество употреблений слова в беллетристике.

цвет как символ чистоты, светлых помыслов, добра и высшей мудрости, черный цвет – как отрицание света, он является символом небытия, всего несуществующего и ассоциируется с ночью, злом, невежеством, символизирует тьму, мрак, траур, смерть. Синий цвет традиционно символизирует красоту, мягкость, величие, славу, честь, верность, честность, искренность, сухость, ясность, целомудрие, безупречность, например, синее небо. Розовый символизирует безусловную любовь, причем, чем бледнее цвет, тем сильнее выражение любви. Розовый цвет – это также романтичность, доброта, нежность, мечтательность, скромность, робость, мягкость, деликатность, хотя в некоторых случаях розовый цвет может символизировать и пылкую страсть. Розовый – очень позитивный цвет, символизирующий чистоту, преданность, женственность и любовь. Этот цвет может также символизировать радость жизни, молодость, период успехов. Видеть жизнь в розовом цвете – быть радостным, с оптимизмом смотреть в будущее. Символические значения красного цвета очень многообразны и противоречивы. С одной стороны, красный цвет ассоциируется с кровью и огнем, враждой, мстостью, войной, а с другой, красный цвет символизирует радость, красоту, любовь и полноту жизни. Малиновый цвет как разновидность красного символизирует страсть, огонь, самопожертвование, бескорыстие, бурное развитие, порывы. Однако он может быть символом возбуждения, нервозности, импульсивности. Зеленый цвет символизирует гармонию, поскольку он связан с цветом растений. Желтый – цвет позитивной энергии. Он стимулирует способность к концентрации, усиливает дар коммуникации, дает чувство легкости. Это цвет солнца, успокаивающего тепла. Символизирует духовный свет, знания, науку, динамизм, а также интеллектуальные качества, прозорливость, веселый нрав и свободу. В то же время мутно-желтый цвет указывает на тоску, печаль, разлуку.

В романе «Бедные люди» Ф.М. Достоевского прежде всего стоит обратить внимание на розовый цвет, олицетворяющий проявление любви Макара Деушкина к Вареньке Доброселовой: «А вот теперь весна, так и мысли все такие приятные, острые, затейливые, и мечтания приходят нежные; все в розовом цвете»⁹⁰. «Розовые мечты» – это что-то романтическое, призрачное, нереальное. Неслучайно Макар дарит Вареньке герань «пунсового цвета», как бы понимая, что его любовь к Вареньке – это только его грезы о счастье. Варенька пишет ему ответ, но в ее письме нет такого ассоциативного восприятия: «Что за прелесть на ней цветы! Пунсовые крестиками. Где это вы достали такую хорошенькую гераньку? Я ее посредине окна поставила, на самом видном месте...». Для Макара же, наоборот, цветовое определение его чувств – это розовый цвет: «И ощущения

---

⁹⁰ Здесь и далее цитируется по: Достоевский Ф.М. Бедные люди [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/17/p.1/index.html>.

нежные, и мечтания в розовом цвете – все здесь есть!». Розовый цвет здесь связан с проявлением любви, нежности, мечтательности, романтичности, скромности, робости и деликатности главного героя. Писатель через цветовую палитру передает душевное состояние Макара. Зрительное восприятие цвета и чувства героя сливаются воедино, как бы продолжая и дополняя друг друга. Интересно в этом отношении замечание Шарля Бодлера: «Подобно долгим эхо, которые смешиваются вдалеке и там сливаются в сумрачное, глубокое единство, пространное как ночь и как свет, – подобно долгим эхо отвечают один другому благоухания, и цвета, и звуки» [Бодлер, Электронный ресурс].

Не только розовый цвет в романе указывает на чувство любви героя, но также ароматы и звуки. Макар пишет в своих письмах, что, когда он вспоминает светлую улыбку Вареньки, для него меняется весь окружающий мир, это и голоса птиц и весенние запахи: «Солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит весенними ароматами, и вся природа оживляется – ну, и остальное там все было тоже соответственное; все в порядке, по-весеннему». Любовь, нежные чувства к Вареньке Доброселовой меняют внутренний мир главного героя, раздвигают его границы, наполняют светом. И в сумрачном Петербурге небо вдруг становится лазоревым, а в воздух насыщается ароматами такими, которых «не случается быть!». Словосочетание «лазоревое небо» встречается в тексте лишь один раз, и образ голубого неба связан с воспоминаниями о Вареньке Доброселовой. Таким образом, голубой, розовый, «пунсовый» – эти цвета появляются в романе, чтобы описать чувства Макара к героине. Все светлое связано для главного героя с героиней. Без любви к Вареньке его жизнь беспросветна и тосклива, в ней присутствуют только мрачные цвета, такие как темный, черный, чернильный, а запахи вызывают отвращение. Так, например, Девушкин описывает свою лестницу, кухню, рядом с которой находится его комнатка: «Зато уж про черную лестницу... лоханки стоят со всякою нечистью, с грязью, с сором; запах дурной... одним словом, нехорошо. Я уже описывал вам расположение комнат; ... но как-то в них душно, то есть не то, чтобы оно пахло дурно, а так, если можно выразиться, немного гнилой, остро-усласенный запах какой-то. Стоит только минуты две побыть у нас, так и пройдет, и не почувствуешь, как все пройдет, потому что и сам как-то дурно пропахнешь, и платье пропахнет, и руки пропахнут, и все пропахнет, – ну, и привыкнешь». Зрительный образ создается с помощью употребления таких существительных и прилагательных, как «черная», «грязная», «нечисть», «грязь», «сор»; одновременно идет обращение к осязательным ощущениям («стены жирные, что рука прилипает») и обонянию («гнилой, остро-усласенный запах», «запах дурной»). Но стоит появиться Вареньке, и настроение героя меняется, а вместе с ней появляются и

цвета, светлые, теплые оттенки и полутона: «А как вы мне явились, то вы всю мою жизнь осветили темную, так что и сердце и душа моя осветились, и я обрел душевный покой».

Обращает на себя внимание контраст черного и белого в романе. Контраст белого и черного цвета олицетворяет не только жизнь Макара Деушкина с Варенькой и жизнь без нее, но и жизнь бедных, униженных и оскорбленных людей в Петербурге, которую герой сравнивает с жизнью богатых. Так, на Гороховой улице царит атмосфера роскоши и богатства, вокруг богатые магазины и лавки, «все блестит и горит. Богатая улица! Немецких булочников очень много живет в Гороховой; тоже, должно быть, народ весьма достаточный». Описывая жизнь беззащитного, бесправного «маленького человека», писатель использует темные цвета, но совсем иная атмосфера царит на богатых улицах Петербурга. «Все блестит и горит» – это обычно золотой, серебряный цвета. Они в первую очередь символизируют богатство и власть.

Макару вторит и Варенька, рассказывая о своем детстве, проведенном в деревне, использует большое количество разнообразных цветов и оттенков. Например, «озеро было такое широкое, светлое, чистое, как хрусталь!»; «...если вечер тих, – озеро покойно; на деревьях, что по берегу росли, не шелохнет, вода неподвижна, словно зеркало. Свежо! холодно! Падает роса на траву, в избах на берегу засветятся огоньки... Какая-нибудь вязанка хворосту горит у рыбаков у самой воды, и свет далеко-далеко по воде льется. Небо такое холодное, синее и по краям разведено все красными, огненными полосами, и эти полосы все бледнее и бледнее становятся; выходит месяц; воздух такой звонкий, порхнет ли испуганная пташка, камыш ли зазвенит от легонького ветерка, или рыба всплеснется в воде, – все, бывало, слышно. По синей воде встает белый пар, тонкий, прозрачный. Даль темнеет; все как-то тонет в тумане, а вблизи так все резко обточено, словно резцом обрезано, – лодка, берег, острова; бочка какая-нибудь, брошенная, забытая у самого берега, чуть-чуть колышется на воде, ветка ракитовая с пожелтелыми листьями путается в камыше, – вспорхнет чайка запоздалая, то окунется в холодной воде, то опять вспорхнет и утонет в тумане. Желтые листья стелятся тропами по краям обнаженного леса, а лес синее, чернеет... Ах, какое золотое было детство мое!...»

Писатель, как художник, богатыми красками рисует сельский пейзаж, смело смешивая разнообразные цвета и оттенки. Синее, красное, бледное, белое, желтое, золотое – такой обширной цветовой гаммы, конечно, не встречается при описании Петербурга. Тяжело Вареньке привыкать к жизни в городе, грустные мысли преследуют ее: окна нового жилища выходят на какой-то желтый забор, на улице грязно и холодно. Она испытывает чувство одиночества в этом чужом городе, для нее наступают черные дни. Достоевский неоднократно повторяет «черное горе», «черные мысли», «подходит вечер, и

грусть нападёт смертельная», «темный вечер», «черные, закоптелые дома» и т.д. Функция цветowych эпитетов в данном случае заключается в описании не только определенных явлений и реальных деталей, но и в изображении внутреннего мира лирического героя, его видений, воспоминаний. Так проявляется контраст между описанием жизни в деревне и жизни в Петербурге. «Солнце светит» – о жизни в деревне, и «вечер темный» – о жизни в городе. У Ф.М. Достоевского наблюдается логика в подборе цвета, он тщательно обдумывает цветовые определения, в основе которой лежит индивидуально-авторское восприятие. Характер, глубина души главных героев романа постепенно раскрываются перед нами и цветовая палитра помогает читателю лучше понять их чувства и мысли. Таким образом, можно говорить о своеобразной психологии цвета, которая воздействует на читателя.

В повести «Белые ночи» также присутствует контраст белого и черного. Впервые автор знакомит нас с главным героем, мечтателем, во время белой, чудной, светлой ночи: «была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое...»⁹¹.

Описывая свои чувства к прекрасной незнакомке, герой подчеркивает, что «его ночь была лучше дня!». Может показаться, что читателя ждет рассказ о счастливой любви, однако любовь героя имеет трагический финал. Главная героиня повести Настенька навсегда исчезает из жизни мечтателя, и он остается один. Светлые, белые ночи сменяются унылым, темным, дождливым, пасмурным утром: «Не знаю отчего, мне вдруг представилось, что комната моя постарела так же, как и старуха... Стены и полы облиняли, все потускнело <...> Не знаю отчего, когда я взглянул в окно, мне показалось, что дом, стоявший напротив, тоже одряхлел и потускнел в свою очередь, что штукатурка на колоннах облупилась и осыпалась, что карнизы почернели и растрескались и стены из темно-желтого яркого цвета стали пегие...». Здесь белый цвет становится символом фантазии, мечты, полусна-полуяви, призрачности счастья.

Так же, как Макара Девушкина покидает Варенька, унеся с собою его мечты и надежды, уходит из жизни мечтателя и его любовь – Настенька. И чувство одиночества, тоски и безысходности поселятся в душе героя. Автор для описания изменений в жизни главного героя использует контраст «желто-яркого», солнечного цвета и оттенка желтого цвета – «замутненно-желтого», который выступает символом тоски, печали, разлуки, одиночества. Желтый цвет, таким образом, связан с чувством одиночества и тоски.

---

⁹¹ Здесь и далее цитируется по: Достоевский Ф.М. Белые ночи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/29/p.1/index.html>.

Достоевский так описывает происходящие изменения с одним «прехорошеньким светло-розовым домиком, который после покраски пожелтел, как канарейка: слышу жалобный крик: «А меня красят в желтую краску!» Злодеи! варвары! они не пощадили ничего: ни колонн, ни карнизов, и мой приятель. У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и я еще до сих пор не в силах был повидаться с изуродованным моим бедняком, которого раскрасили под цвет поднебесной империи».

С изменением цвета домика меняется и настроение главного героя, его сердце уже не радуется, а грустит. Мечтатель понимает, что такие же изменения вскоре произойдут и с его любовью, фантастический мир исчезнет навсегда, мечты увянут и осыплются, как желтые листья с деревьев, грустно будет остаться одному. Желтый цвет очень часто заменяет другие цвета, например, голубое небо застилает желтое облако, а прощальный луч потухающего солнца сверкнет и больше не появится.

Желтый цвет выступает в сочетании с черным цветом в описании первой встречи мечтателя и Настеньки, как предсказание мимолетности счастья и трагичности финала. Ср., например, описание девушки: «В сторонке, прислонившись к перилам канала, стояла женщина; облокотившись на решетку, она, по-видимому, очень внимательно смотрела на мутную воду канала. Она была одета в премиленькой желтой шляпке и в кокетливой черной мантильке».

В повести «Белые ночи» чаще присутствует не розовый (упомянутый лишь однажды), а красный цвет и его оттенки. Это и сравнения: «красная как вишня», «покраснела, как роза»; и глаголы «покраснев, как только могла покраснеть», «уж не знаю отчего, покраснела, застыдилась»; «я покраснела, и он покраснел»; «щеки ее вспыхнули», «слегка покраснела и потупилась», «смудишься и покраснеешь». Красный цвет в повести передает любовные чувства главных героев, символизирует радость, красоту, любовь и полноту жизни.

Зеленый цвет – это один из самых жизнеутверждающих цветов. В «Бедных людях» он появляется лишь однажды. В романе, когда писатель описывает прогулку Макара и Вареньки на острова. Сама героиня так пишет об этом: «Как там свежо, хорошо, какая там зелень! Я так давно не видала зелени; когда я была больна, мне все казалось, что я умереть должна и что умру непременно; судите же, что я должна была вчера ощущать, как чувствовать! Вы не сердитесь на меня за то, что я была вчера такая грустная; мне было очень хорошо, очень легко».

В повести «Белые ночи» зеленый цвет проявляется в описании зеленых стен жилища, символизируя в данном случае пассивность главного героя: «Как вы думаете, отчего он так любит свои четыре стены, выкрашенные непременно зеленою краскою,

закоптелые, унылые и непозволительно обкуренные?». Для описания наступления весны в Петербурге мечтатель использует другие цветковые эпитеты: петербургская природа вдруг «опушится, разрядится, упестрится цветами...», но это лишь обманчивая и мгновенная красота, которая быстро увядает. Здесь появляется не зеленый цвет, а вся цветовая палитра.

Итак, цветовая палитра в ранних произведениях Ф.М. Достоевского отличается разнообразием и не ограничивается набором только темных оттенков, с которыми чаще всего ассоциируется творчество Ф.М. Достоевского⁹². В этой связи показательно замечание И. Гете: «Если художник отдается своему чувству, то сразу появляется нечто красочное. Как только черное становится синеватым, возникает потребность желтого, которое затем художник инстинктивно разделяет и частично приспособляет в целях оживления целого в чистом виде для освещенных мест, частично – в виде красноватого и загрязненного, коричневого цвета для рефлексов так, как это ему кажется наиболее целесообразным» [Гете, Электронный ресурс]. Безусловно, каждый цвет в произведениях является символом, содержание которого обусловлено, с одной стороны, русской и европейской культурой, а с другой – восприятием действительности самим писателем. Обращение к цвету как зрительной характеристике влечет за собой привлечение лексики, создающей образы-звуки и образы-запахи, которые в совокупности пробуждают наиболее сильные эмоциональные воспоминания у читателя. В связи с чем представляется перспективным комплексное исследование цветковых, звуковых и обонятельных образов в произведениях Ф.М. Достоевского.

Список литературы:

Бодлер Ш. Соответствия [Электронный ресурс] / Ш. Бодлер. – Режим доступа: <http://vyach.ivanov.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10758>.

Гете И. К учению о цвете [Электронный ресурс] / И. Гете. – Режим доступа: https://royallib.com/book/gyote_iogann/uchenie_o_tsvete_teoriya_poznaniya.html.

Достоевский Ф.М. Бедные люди [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/17/p.1/index.html>.

Достоевский Ф.М. Белые ночи [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/29/p.1/index.html>.

Конonenko В.С. Национально-культурная и индивидуально-авторская составляющая концепта «цвет» (на материале произведений Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и И.С. Тургенева «Отцы и дети») / В.С. Конonenko // Методика преподавания иностранных языков: традиции и инновации: В 2-х частях. – 2016. С. 243-249.

Кравченко З.А. Философские идеи Достоевского в контексте цветовой символики его произведений / З.А. Кравченко // Гуманитарное пространство. – 2019. Т. 8. №7. С. 912-920.

Лурье Л.Я. Петербург Достоевского / Л.Я. Лурье. – Санкт-Петербург: издательство «БХВ-Петербург», 2012. 352 с.

---

⁹² Ассоциации носителей русского языка на слово-стимул Достоевский см. Русский ассоциативный словарь / Под ред. Ю.Н. Караулова. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/>.

Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс] / Под ред. Ю.Н. Караулова. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/>.

Чечина О.Н. Цветовая Лексика Ф. М. Достоевского: Гипотезы и Интерпретации / О.Н. Чечина // Наука и культура России. – 2020. Т. 1. С. 141-144.

Шайкевич А.Я. Статистический словарь языка Достоевского [Электронный ресурс] / А.Я. Шайкевич, В.М. Андриющенко, Н.А. Ребечкая; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Яз. славян. культуры, 2003. – Режим доступа: http://cfri.ruslang.ru/dost_cd0/dostoevski.htm.

References:

Bodler Sh. Sootvetstviya [Correspondances] [Electronic resource] / Sh. Bodler. – Available at: <http://vyach.ivanov.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10758>. (In Russian).

Chechina O.N. Tsvetovaya Leksika F.M. Dostoevskogo: Gipotezy I Interpretatsii [F.M. Dostoevsky's Color Vocabulary: Hypotheses and Interpretations] / O.N. Chechina // Nauka i kul'tura Rossii [Science and Culture of Russia]. – 2020. Vol. 1. P. 141-144. (In Russian).

Dostoyevsky F.M. Bednye lyudi [Poor Folk] [Electronic resource] / F.M. Dostoyevsky. – Available at: <https://ilibrary.ru/text/17/p.1/index.html>. (In Russian).

Dostoyevsky F.M. Belye nochi [White Nights] [Electronic resource] / F.M. Dostoyevsky. – Available at: <https://ilibrary.ru/text/29/p.1/index.html>. (In Russian).

Gete I. K ucheniyu o tsvete [Theory of Colours] [Electronic resource] / I. Gete. – Available at: https://royallib.com/book/gyote_iogann/uchenie_o_tsvete_teoriya_poznaniya.html. (In Russian).

Kononenko V.S. Natsional'no-kul'turnaya i individual'no-avtorskaya sostavlyayushchaya kontsepta «tsvet» (na materiale proizvedenii F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» i I.S. Turgeneva «Ottsy i deti») [National-Cultural and Individual-Author Component of the Concept Color” (Based on the Work by F.M. Dostoevsky “Crime and Punishment” and the Work by I.S. Turgenev “Fathers and Sons”)] / V.S. Kononenko // Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov: traditsii i innovatsii: V 2-kh chastyakh [Methods of Teaching Foreign Languages: Traditions and Innovations: in 2 Parts]. – 2016. P. 243-249. (In Russian).

Kravchenko Z.A. Filosofskie idei dostoevskogo v kontekste tsvetovoi simboliki ego proizvedenii [Dostoevsky's Philosophical Ideas in the Context of the Color Symbolism of his Works] / Z.A. Kravchenko // Gumanitarnoe prostranstvo [Humanitarian Space]. – 2019. Vol. 8. № 7. P. 912-920. (In Russian).

Lur'e L.Ya. Peterburg Dostoevskogo [Dostoevsky's Petersburg] / L.Ya. Lur'e. – Saint-Petersburg: izdatel'stvo «BKHV-Peterburg», 2012. 352 p. (In Russian).

Russkij associativnyj slovar' [Russian Associative Dictionary] [Electronic resource] / Edited by Yu.N. Karaulov. – Available at: <http://thesaurus.ru/dict/>. (In Russian).

Shaikevich A.Ya. Statisticheskii slovar' yazyka Dostoevskogo [Statistical Dictionary of the Dostoevsky Language] [Electronic resource] / A.Ya. Shaikevich, V.M. Andryushchenko, N.A. Rebetskaya; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. – М.: Yaz. slavyan. kul'tury, 2003. – Available at: http://cfri.ruslang.ru/dost_cd0/dostoevski.htm. (In Russian).

Мешкова Елена Михайловна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Meshkova Yelena
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

SOME FEATURES OF F. DOSTOEVSKY'S DISCOURSE IN ENGLISH TRANSLATIONS

В статье рассматриваются особенности дискурса Ф.М. Достоевского, в частности, его интертекстуальность (ориентация на библейский текст), которые представляют особую трудность для перевода. Под дискурсом в данном случае мы понимаем речь писателя, как языковые, так и содержательно-композиционные ее составляющие, «погруженные в жизнь», то есть в биографию писателя, его религиозно-философские взгляды и принципы художественного отражения действительности. По мнению ряда исследователей творчества Достоевского и его переводов на другие языки, в частности английский, религиозно-философская составляющая дискурса писателя играет немаловажную роль в создании художественного своеобразия его произведений и эта составляющая нередко ускользает от внимания переводчиков. В лучшем случае она находит отражение в комментариях к тексту, что не позволяет переводу производить на читателя то же впечатление, что и оригинал. Неправильная интерпретация содержания – игнорирование интертекстуальности – приводит к переводческим неудачам, поскольку перевод в таких случаях не дает адекватного представления о художественном своеобразии дискурса Достоевского. Поэтому задача переводчика заключается в выявлении всех дискурсивных особенностей произведений Достоевского и поиске соответствующих средств не только в языке, но и культуре и литературе текста перевода для передачи этих особенностей и создания адекватного перевода.

The article studies some features of Dostoevsky's discourse (in particular, its intertextuality, i.e. allusions to the biblical text) which present difficulties for translation. By discourse here we mean the speech of the writer, its linguistic and extralinguistic components including composition, "immersed in life", i.e. in the writer's biography, his religious and philosophical beliefs and principles of artistic reflection of reality. According to Dostoevsky's researchers and researchers of translations of his works into other languages, English in particular, the religious-philosophical aspect of his discourse contributes a lot to artistic idiosyncrasy of his works. And this aspect in quite a few cases escapes translators' notice. At best, it is treated in annotations to the translation, which results in the translation's failure to produce the aesthetic impact upon its readers similar to the one the original produces. Misinterpretation of content – intertextuality being ignored – leads to translator's failures, as the translation in such cases does not render adequately the artistic idiosyncrasy of Dostoevsky's discourse. Therefore, the translator's task is to decipher all discursive features of Dostoevsky's works and to search for adequate means of their rendering not only in the target language but in the target culture and its literature as well.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, интертекстуальность, интерпретация, адекватный перевод.

Key words: discourse, artistic discourse, intertextuality, interpretation, adequate translation.

Под дискурсом⁹³ в данном случае мы понимаем речь писателя, как языковые, так и содержательно-композиционные ее составляющие, «погруженные в жизнь», то есть в

---

⁹³ Наше понимание дискурса основывается на известном определении Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1990, с. 136-137].

биографию писателя, его религиозно-философские взгляды и принципы художественного отражения действительности. Как пишет Н.Н. Миронова, «Литературное пространство автора включает в себя все многообразие речевых (дискурсивных) форм, которое призвано раскрыть замысел автора» [Миронова, 2018, с. 544]. По мнению ряда исследователей творчества Достоевского и его переводов на другие языки, в частности английский, религиозно-философская составляющая дискурса писателя играет немаловажную роль в создании художественного своеобразия его произведений. План содержания произведений Достоевского нельзя рассматривать в отрыве от его религиозно-философских убеждений: «Содержательная сторона авторского дискурса Достоевского, в первую очередь, связана с религиозными и историософскими взглядами писателя. Идея Милосердия и восстановления заблудшей души, лежащая в основе почвеннической идеи Достоевского, восходит к новозаветному евангельскому архетипу. Мотив блудного сына – основной в евангельском коде авторского дискурса Достоевского, функционируя на разных уровнях идейно-художественной системы, организует биографию и творчество писателя как единый текст. В связи с этим особое значение для дешифровки авторского дискурса имеет евангельский код, в категориях которого Достоевский осмысливает свою биографию, историческую судьбу своего поколения и собственную идеологическую позицию, получившую название «почвенничество» [Габдуллина, 2010, с. 54].

Эти содержательные особенности произведений Достоевского обуславливают особую притчевую стратегию его авторского дискурса: «Притчевая стратегия авторского дискурса у Достоевского проявляется в создании метафизического подтекста, а также в особым образом организованной коммуникативной модели сотрудничества автора с читателем как сопричастным духовной сфере жизни. Авторский дискурс явлен в тексте не собственно в слове автора, а опосредовано – через систему аллюзий, сквозных мотивов и кодов, адресованных читателю-единомышленнику и вдумчивому критику. <...> ...важными моментами притчевого дискурса являются, во-первых, коммуникативный контакт между говорящим (рассказывающим притчу) лицом и слушающим и, во-вторых, волевая установка первого, направленная на воспринимающее лицо. При этом идея притчи не навязывается слушающему, авторская эмоциональность в ней приглушена и скрыта за счет создания метафорического плана; мораль притчи делается понятной и доступной слушателю благодаря ее яркой образности и приближенности её содержания к житейскому опыту слушающего» [Габдуллина, 2010, с. 8, 64].

Религиозная составляющая дискурса Достоевского нередко ускользает от внимания переводчиков. В лучшем случае она находит отражение в комментариях к тексту, что не

позволяет переводу производить на читателя то же впечатление, что и оригинал. Сопоставляя различные переводы романа «Братья Карамазовы», А.П. Рудометкин, в частности, приходит к выводу о том, что интертекстуальные связи с сакральными текстами теряются в переводе: «В переводах подвергается сокращению интертекстуальная отсылка к стилю церковных книг, показателем которой является инверсия» [Рудометкин, 2011, с. 14].

Сложность восприятия библейского интертекста в дискурсе Достоевского, в частности в романе «Преступление и наказание», заключается в том, что этот интертекст присутствует не только явно, но и неявно на уровне сюжета: «Наряду с евангельской притчей о воскресении Лазаря, которая введена в текст романа непосредственно, в виде обширных цитат, притча о блудном сыне входит в текст не явно, а в виде сюжетного мотива, актуализирующего идею притчи в читательском сознании без непосредственного воспроизведения ее содержания» [Габдуллина, 2010, с. 102].

Неправильная интерпретация содержания – игнорирование интертекстуальности – приводит к переводческим неудачам, поскольку перевод в таких случаях не дает адекватного представления о художественном своеобразии дискурса Достоевского. В переводах, где духовно-религиозная составляющая дискурса Достоевского, проявляющаяся в интертексте и некоторых стилистических особенностях, «опускается», мы имеем вполне светский, «детективный» сюжет, столь популярный у западного читателя. Прочитав один из отзывов о переводе «Преступления и наказания» на английский язык, осуществленном уже в XXI веке английским филологом и переводчиком Оливером Реди: «Читательский успех романа отчасти обусловлен его композицией. Сюжет «Преступления и наказания» теперь так хорошо известен, что трудно представить, насколько впечатляющими должны были быть приемы “замедленной расшифровки” в первой части романа Достоевского для читателей первых переводов. Нам даны только намеки и подсказки на то, что Раскольников намерен совершить. Мы путешествуем с ним по мере того, как преступление становится более конкретным в его сознании, и в конце концов, почти недоверчиво, становимся свидетелями его совершения. <...> В нескольких местах романа нам предлагается критиковать мысли и действия главного героя. Это легко сделать, потому что в Раскольникове есть много неприятного. По-моему, главная фигура в романе – Разумихин, друг Раскольникова. Только бессердечный читатель не сочувствовал бы его великодушию и постоянным попыткам вывести Раскольникова из оцепенения»⁹⁴ (перевод мой – Е.М.).

---

⁹⁴ “Part of the novel’s brilliance lies in its structure. The story is now so well known that it is hard to imagine how impressive Dostoevsky’s ‘delayed decoding’ techniques in the first part of the novel must have been to early

Англоязычный читатель не может понять связи образа Раскольникова с мотивом преступления, наказания и искупления. Раскольников представляется непривлекательным персонажем, сюжет ассоциируется с жанром детектива. Еще одно заблуждение западного читателя – ассоциация Достоевского с Диккенсом – также результат поверхностной интерпретации его произведений: «Еще один широко распространенный взгляд на творчество Достоевского – уподобление его Диккенсу. Реди, однако, говорит, что это ошибочное мнение, и полагает, что между этими писателями лежит «пропасть». «Конечно, у Достоевского присутствуют многие черты викторианского романа, - поясняет он, - но многие литературные и языковые инновации Достоевского – его необычайная прямота, прерывистое повествование, вопиюще трагические развязки – ставят его в один ряд с Джеймсом Джойсом, Фолкнером, Джоном Купером Пауисом, Дж.М. Кутзее и многими другими модернистами или просто современными писателями»⁹⁵ (перевод мой – Е.М.).

То, что переводчики не распознают библейский интертекст в содержании романов Достоевского, подтверждается тем, что, рассказывая о своей работе, они не упоминают о нем. В частности, Оливер Реди отмечает в основном сложности лексического плана. В работе над переводом «Преступления и наказания» Реди опирался на труды своих предшественников: «А позиция моя такова. Да, мне тоже очень важно сохранить лаконичность: но в отличие от Гарнетт – без сокращений и без излишнего сглаживания, а в отличие от Волохонской и Пивера – без готовности нарушить читательскую иллюзию, гипноз текста. Хочу, чтобы перевод сохранил плотную и тесную языковую ткань оригинала, в котором авторский словарь часто намеренно узок и отражает тесноту сознания героя. И хочу в одно и то же время, чтобы перевод дышал, чтобы он воспроизводил непредсказуемую схематичность, или схематичную непредсказуемость, письма Достоевского. То есть чтобы была и необходимость, и свобода в переводческой работе» [Реди, 2014].

---

readers. We are only given hints and clues about the deed Raskolnikov intends to commit. We travel with him as the crime becomes more concrete in his mind and eventually, almost incredulously, witness him perpetrating it. <...> At several points during the novel we are invited to criticize the thoughts and actions of the protagonist. This is easily done because there is a great deal to dislike about Raskolnikov. For me, the heart of the novel is Razumikhin, Raskolnikov's friend. It would be a cold-hearted reader who did not sympathise with his warm generosity of spirit and constant attempts to raise Raskolnikov from his stupor" [alarmingrep.medium.com... эл. ресурс].

⁹⁵ "Another common statement about Dostoevsky is that he can be compared to Charles Dickens. Ready, however, says that this is misleading, suggesting that there is a "chasm" between the two writers. "Of course, there are many elements of the Victorian novel in Dostoevsky," he explains, "but Dostoevsky's technical, linguistic and formal innovations – his extraordinary directness, his fractured mode of narration, his cacophonous catastrophes – align him more with Joyce, Faulkner, John Cowper Powys, J.M. Coetzee and a host of other modernist, or simply modern, writers" [Dostoevsky's cacophonous catastrophes... 2014, эл. ресурс].

Кстати, перевод Оливера Реди высоко оценивается критиками: «Перевод романа Достоевского английским русистом из Оксфорда Оливером Реди (Oliver Ready) в 2014 г. Д. Рейфилд считает выдающимся, поскольку переводчику удалось найти точный английский эквивалент для всех выразительных глаголов Достоевского и необычных объектов (мало кто из русских писателей может сравниться с Достоевским по лексическому диапазону), даже если его перевод иногда становится слишком буквальным. Так, О. Реди переводит обращение старой ростовщицы к Раскольникову «батюшка» буквальным английским «father», тогда как другие переводчики предпочитают менее буквальные эквиваленты: «dearie» (голубчик), «mister» (господин), «my good sir» (любезный сударь). Или, например, в случае с русским фразеологизмом «петь Лазаря», происходящим от песни «О богатом и Лазаре», написанной в XIX в. по мотивам новозаветной притчи (Лк. 16: 19–31), распевавшейся нищими, чтобы разжалобить прохожих, (английский эквивалент «whining like a beggar», т.е. «ныть, попрошайничать, пытаться разжалобить как нищий»), и Н. Пастернак-Слейтер, и Р. Пивер с Л. Волохонской дают буквальный перевод «sing Lazarus» и добавляют в сноске примечание, проясняющее для читателя смысл этого выражения. О. Реди также комментировал свой перевод «play Lazarus». Но М. Кац и К. Гарнетт «убирают Лазаря» и соответственно переводят это выражение как «играет на сочувствии» («play him for sympathy»), «жалуется на судьбу» («complain about my lot»), «делает кислую гримасу» («pull a long face») – такой перевод приемлем, но символический смысл оригинала утрачивается» [Красавченко, 2018, Эл. ресурс].

Другие дискурсивные особенности произведений Достоевского, с которыми переводчики справляются в целом намного лучше, чем с интертекстуальностью, также проблемны с точки зрения переводоведения. Е.С. Смоленская, в частности, выделяет следующие особенности: «транскрибирование имен собственных, перевод культурно-исторических реалий, стилизация народной или церковной речи, передача неологизмов, элементов иностранной речи и поэтических фрагментов» [Смоленская, Эл. ресурс]. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева приходят к выводу о том, что «перевод просторечной лексики с русского языка на английский является одной из наиболее сложных переводческих задач в силу отсутствия эквивалентов в английском языке, что вынуждает переводчиков прибегать к различным переводческим приемам и подбирать их в соответствии с каждой конкретной ситуацией» [Кормилина, Шугаева, 2020, Эл.ресурс]. Как показывает недавно проведенное А.О. Филипповой исследование, «почти все переводчики Достоевского пытаются воспроизвести... народную речь Достоевского средствами своего языка. Они используют либо аграмматизмы (ошибки в окончаниях, повторы предлогов, нетипичные

для английского и немецкого языка инверсии), либо архаические конструкции» [Филиппова, 2020, с. 39-40].

Вербализация ключевых понятий при переводе произведений Достоевского также представляет определенные трудности, которые на лексическом уровне разрешаются путём компенсации: «Кажущаяся тривиальность пары «преступление – наказание» в тексте Ф.М. Достоевского усложняется психологической хроникой нетривиального преступника. Это понимание и должно определять установки переводчика, чтобы проводить грань между точностью перевода с формальной точки зрения и под углом ценностноэстетической установки автора. Последнее обуславливает культурную специфичность текста, что важно для переводов произведений такого писателя, как Ф.М. Достоевский. Безусловно, не всегда можно передать оттенки значений, порождаемые на когнитивном уровне звучанием слов, или мистицизм текста, создаваемый в том числе повторяемостью многозначных слов. Так, этимологическая связь между «чёртом» и «чертой» в русском языке более слышна, нежели между их английскими «эквивалентами» “devil” и “mark”. Однако отдельные переводческие находки (“trial” (также «суд») как перевод «пробы»; “execution” (также «казнь») как перевод «исполнения задуманного») являются, по сути, случаями компенсации, за счет чего восполняется объективная невозможность передать слово оригинала в других местах, а также сохранить ритм и настроение текста в целом» [Изволенская, 2018, с. 172-173].

Таким образом, задача переводчика заключается в выявлении всех дискурсивных особенностей произведений Достоевского и поиске соответствующих средств не только в языке, но и культуре и литературе текста перевода для передачи этих особенностей и создания адекватного перевода.

Список литературы:

- Арутюнова Н.Д.* Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
- Габдуллина В.И.* Авторский дискурс Ф.М. Достоевского: проблемы изучения: учебное пособие / В.И. Габдуллина. – Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2010. 140 с.
- Изволенская А.С.* “Crime and punishment”: о вербализации ключевых понятий в переводах романа Ф.М. Достоевского / А.С. Изволенская // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Изд-во Моск. ун-та, 2018, № 2. С. 167-174.
- Миронова Н.Н.* Семиотика дискурса как механизм формирования когнитивного пространства литературного произведения / Н.Н. Миронова // Когнитивные исследования языка. Вып. 34. С. 543-546.
- Рудометкин А.П.* Категория стиля в сопоставительной модели «оригинал – перевод – оригинал» (на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01 и 10.02.20 / А.П. Рудометкин; Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова. – М., 2011. 24 с.

Филиппова А.О. Проблемы перевода романов Ф.М. Достоевского на английский и немецкий языки / А.О. Филиппова // The Newman in Foreign Policy, № 57 (101), Vol 6, ноябрь-декабрь 2020. С. 37-41.

References:

- Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse] / N.D. Arutyunova // Lingvisticheskiĭ ehntsiklopedicheskiĭ slovar'. – M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1990. P. 136-137. (In Russian).
- Filippova A.O. Problemy perevoda romanov F.M. Dostoevskogo na angliiskii i nemetskii yazyki [Problems of translating F.M. Dostoevskii's novels into English and German] / A.O. Filippova // The Newman in Foreign Policy № 57 (101). Vol 6, noyabr'-dekabr' 2020. P. 37-41. (In Russian).
- Gabdullina V.I. Avtorskiĭ diskurs F.M. Dostoevskogo: problemy izucheniya: uchebnoe posobie [F.M. Dostoevskii's authorial discourse] / V.I. Gabdullina. – Barnaul: Izd-vo AltGPA, 2010. 140 p. (In Russian).
- Izvolenskaya A.S. "Crime and punishment": o verbalizatsii klyuchevykh ponyatii v perevodakh romana F.M. Dostoevskogo ["Crime and punishment": on verbalization of key concepts in translations of F.M. Dostoevskii's novel] / A.S. Izvolenskaya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – Izd-vo Mosk. un-ta, 2018. № 2. P. 167-174. (In Russian).
- Mironova N.N. Semiotika diskursa kak mekhanizm formirovaniya kognitivnogo prostranstva literaturnogo proizvedeniya [Discourse semiotics as a cognitive space mechanism of a literary work] / N.N. Mironova // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 34. P. 543-546. (In Russian).
- Rudometkin A.P. Kategoriya stilya v sopostavitel'noi modeli «original – perevod – original» (na materiale romana F.M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»: avtoref. dis... kand. filol. nauk: 10.02.01 i 10.02.20 [Category of style within the contrastive model "original – translation – original"] / A.P. Rudometkin; Mosk. gos. un-t imeni M.V. Lomonosova. – M., 2011. 24 p. (In Russian).

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET)

- Кормилина Н.В., Шугаева Н.Ю. Особенности передачи просторечной лексики при переводе на английский язык романа Ф. М. Достоевского «Идиот». 2020. [Электронный ресурс] / Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peredachi-prostorechnoy-leksiki-pri-perevode-na-angliyskiy-yazyk-romana-f-m-dostoevskogo-idiot>.
- Красавченко Т.Н. Достоевский: новые англоязычные переводы и исследования. 2018. [Электронный ресурс] / Т.Н. Красавченко. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoevskiy-novye-angloyazychnye-perevody-i-issledovaniya-obzor/viewer>.
- Смоленская Е.С. Ф.М. Достоевский глазами немецких и английских переводчиков: вызовы, проблемы, перспективы. [Электронный ресурс] / Е.С. Смоленская. – Режим доступа: <http://yspu.org/images/6/67/Smolenskaya%D0%95S.pdf>.
- Реди О. Достоевский как русский Диккенс. 18.03.2014. [Электронный ресурс] / О. Реди. – Режим доступа: <https://russskiymir.ru/publications/86293/>.
- Dostoevsky's cacophonous catastrophes: A new translation of 'Crime and Punishment' Culture. AUG 22 2014 RBTH OLIVER READY [Electronic resource] Available at: https://www.rbth.com/literature/2014/08/22/dostoevskys_cacophonous_catastrophes_a_new_translation_of_crime_and_punishment.html.
- Oliver Ready's new translation of Crime and Punishment. 18 Jan., 2015. [Electronic resource] Available at: <https://alarmingrep.medium.com/oliver-readys-new-translation-of-crime-and-punishment-ac1f8c30dc42>.
- Dostoevsky's cacophonous catastrophes: A new translation of 'Crime and Punishment' Culture. AUG 22 2014 RBTH OLIVER READY [Electronic resource] Available at: https://www.rbth.com/literature/2014/08/22/dostoevskys_cacophonous_catastrophes_a_new_translation_of_crime_and_punishment.html.
- Кормилина Н.В., Шугаева Н.Ю. Особенности передачи просторечной лексики при переводе на английский язык романа Ф. М. Достоевского «Идиот». 2020. (In Russian). [Electronic resource] / Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peredachi-prostorechnoy-leksiki-pri-perevode-na-angliyskiy-yazyk-romana-f-m-dostoevskogo-idiot>.

Krasavchenko T.N. Dostoevskii: novye angloyazychnye perevody i issledovaniya. 2018. (In Russian). [Electronic resource] / T.N. Krasavchenko. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoevskiy-novye-angloyazychnye-perevody-i-issledovaniya-obzor/viewer>.

Oliver Ready's new translation of Crime and Punishment. 18 Jan., 2015. [Electronic resource] Available at: <https://alarmingrep.medium.com/oliver-readys-new-translation-of-crime-and-punishment-ac1f8c30dc42>

Ready O. Dostoevskii kak russkii Dikens. 18.03.2014. (In Russian). [Electronic resource] / O. Rudy. – Available at: <https://ruskiymir.ru/publications/86293/>.

Smolenskaya E.S. F.M. Dostoevskii glazami nemetskikh i angliiskikh perevodchikov: vyzovy, problemy, perspektivy. (In Russian). [Electronic resource] / E.S. Smolenskaya. – Available at: <http://yspu.org/images/6/67/Smolenskaya%D0%95S.pdf>.

Миронова Надежда Николаевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mironova Nadezhda
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**«ЧЕРНЫЙ БРИЛЛИАНТ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: РЕЦЕПЦИЯ И ПЕРЕВОДЫ
(К 200-ЛЕТИЮ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)**

**“BLACK DIAMOND” OF RUSSIAN LITERATURE: RECEPTION AND
TRANSLATIONS
(FOR THE 200TH ANNIVERSARY OF F.M. DOSTOEVSKY)**

Статья посвящена рецепции великого русского писателя, по праву ставшего одним из ярких представителей мировой литературы, – «черного бриллианта», по выражению М. Алданова. Семь европейских путешествий Ф.М. Достоевского в значительной степени способствовали его знакомству с христианскими ценностями и традициями. Переводы произведений Ф.М. Достоевского повлияли на появление исследований по сравнительному литературоведению и сопоставительной лингвистике. В центре внимания находятся вопросы, связанные с новыми переводами и их интерпретацией.

The report is devoted to the reception of the great Russian writer, the "black diamond", in the words of M. Aldanov, in Germany and Austria. F.M. Dostoevsky's seven European travels greatly contributed to his acquaintance with Christian values and traditions. Translations of the works of F. M. Dostoevsky influenced the emergence of studies on comparative literature and comparative linguistics. The focus is on issues related to new translations and their interpretation.

Ключевые слова: рецепция, сравнительное литературоведение, сопоставительная лингвистика, диахронические исследования переводов.

Key words: reception, comparative literature, comparative linguistics, diachronic translation studies.

Черным бриллиантом русской литературы называл Ф.М. Достоевского Марк Алданов, имея в виду психологичность его героев, их моральные страдания и распад личности. За 150 лет дискурс Ф.М. Достоевского сформировался в письменных текстах, воплощающих мировоззрение писателя на разные, прежде всего эстетические и этические, религиозные и философские темы, социальные и психологические направления, литературоведческие и семантические школы. Историю влияния Достоевского, творчество которого сконцентрировалось в пяти больших романах⁹⁶, Х.-Ю. Геригк связывает с тем, что читатели произведений русского писателя могут быть теологи, философы, криминалисты, психологи и психиатры: Достоевский-романист еще мог бы быть очень интересен для теологов – католических: Романо Гвардини (Romano Guardini);

---

⁹⁶ Самые значимые романы Достоевского: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» были созданы в период 1866-1880 гг.

протестантских: Эрнст Бенц (Ernst Benz), Конрад Онаш (Konrad Onasch); для юристов-криминалистов: Хайнц Вагнер (Heinz Wagner); для психиатров: Хуберт Телленбах (Hubertus Tellenbach); для моральных философов (Рейнхард Лаут (Reinhard Lauth). Но всецело Достоевский принадлежит литературоведению, как общему, так и сравнительному с поэтологией в центре [Gerigk, 2004, S. 97-98].

Ни в одной стране кроме, разумеется, России Достоевский не был так популярен, как в Германии⁹⁷. За семь предпринятых им европейских поездок большую часть он провел в Германии [Хехельшнейдер, 1996]. В небольшом курортном городке Бад-Эмсе, где Достоевский провел в целом с 1874 года четыре длинных курортных сезона и где он работал над двумя своими последними романами – «Подросток» (1875) и «Братья Карамазовы» (1879–1880), спустя сто лет (sic!) в 1971 году было основано Международное общество Достоевского.

Проблемы рецепции творчества великого русского писателя освещены в работах известных немецких писателей: Герман Гессе, Стефан Цвейг и Томас Манн. В 1915-1919 гг. Г. Гессе опубликовал три статьи о романах Достоевского, соответственно, «Подросток» (Der Jüngling), «Идиот» (“Der Idiot”) и «Братья Карамазовы» (“Die Brüder Karamasow”). В 1920 году его работа получила заглавие «Взгляд в хаос» (“Blick ins Chaos”). Само название выражает мрачный взгляд на действия героя повествования, связанные с тюрьмой, убийством, ядом, самоубийством, безумием, с подслушанными разговорами заговорщиков и пр. Матрица культурной памяти творчества Достоевского с позиций немецких литературоведов включает в себя понятия: материальная нужда (Geldmangel), заболевание эпилепсией (Epilepsie) и одержимость игрой в рулетку (Spielsucht).

По своей сути, общая оценка произведений Достоевского соответствует тому времени (Первой мировой войне и Веймарской республике). Наряду с критическими высказываниями, Г. Гессе и Г. Гауптман относились с большим интересом к творчеству Достоевскому, поэтому неслучайно в сопоставительном литературоведении появилось

---

⁹⁷ Перечислим имена немецких, австрийских и швейцарских славистов, посвятивших свои исследования творчеству Ф.М. Достоевского (рецепции и переводам):

Дмитрий Чижевский (г. Гейдельберг), Хорст-Юрген Герик (г. Гейдельберг), Альфред Раммельмайер (г. Франкфурт-на-Майне), Максимилиан Браун (г. Гёттинген), Вильгельм Леттенбауер (г. Фрайбург) Вольфганг Геземанн (г. Саарбрюккен), Лудольф Мюллер (г. Тюбинген), Йоханес Хольтузен (г. Мюнхен), Ульрих Буш (г. Киль), Ганс Роте (г. Бонн), Вольф Шмид (г. Гамбург), Вольфганг Казак (г. Кёльн), Рольф-Дитер Клуге (г. Тюбинген), Ренате Лахманн (г. Констанц), Бригитте Шульце (г. Майнц), Ааге Хансен-Лёве (г. Мюнхен), Рудольф Нойхойзер (г. Клагенфурт), Феликс Филипп Ингольд (г. С.-Галлен) и Биргит Харрес (г. Франкфурт-на-Майне, Лейпциг) и др.

обоснование аллюзий в их романах, восходящих к поэтике Достоевского [Gerigk, 2003, S. 23-28].

Стефан Цвейг подробно высказывается о Достоевском в произведении «Три мастера» (“Drei Meistern”, 1919), где он дает оценку творчеству Бальзака, Диккенса и Достоевского как создателям всемирно известных романов в XIX веке.

Эссе Томаса Манна 1946 года «Достоевский – но в меру» [Mann, 1997] возбуждает интерес читателей констатацией связи между гениальностью и болезнью. Достоевский ставится рядом с Ф. Ницше. Томас Манн отмечает как целое преступления, болезни и сексуальность, основываясь на биографических связях с прошлым.

Толкование личности писателя с позиций душевного состояния отмечено как в европейском литературоведении, так и в таких науках, как психология и психиатрия.⁹⁸

Ф.М. Достоевского часто сравнивают с Ф. Ницше, основываясь на глубине и важности философских вопросов бытия, которые были подняты в их произведениях: прозе Достоевского и философских работах Ницше. Рецепции читателей философии Достоевского и Ницше разнятся, но по силе восприятия важнейших вопросов самого существования человека, его морального выбора, выстраивания иерархии ценностей Достоевский занимает приоритетное положение. Это находит свое выражение в неустанной готовности мировых книжных издательств издавать новые переводы прозы русского писателя и комментарии к ним, с одной стороны, и в появлении многочисленных критических статей и монографий литературоведческих, философских, религиозных школ и направлений, относящихся к компаративистским диахроническим исследований семантических и семиологических характеристик как отдельных понятий, так и концептуальных оснований, как целого мировоззренческого единства [Korpen, 1971].

Современные исследования творчества Достоевского в своем оригинальном воплощении пришли и в другие страны, к примеру, Австралию и Японию.

В 2001 г. вышла книга С. Владив-Гловер «Романы Достоевского как дискурс трансгрессии и прихоти», посвященная анализу четырех романов Достоевского («Бесы», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы») в различных аспектах феноменологии, семиотики, психоанализа и постструктурального учения о конечности, заданной в дискурсе. Феноменология личности составила предмет исследования следующей работы С. Владив-Гловер о поэтике реализма, в которой произведения

---

⁹⁸ *Segaloff, T.* Die Krankheit Dostojewskys. Eine ärztlich-psychologische Studie mit einem Bildnis Dostojewskys, München 1907. (=Grenzfragen der Literatur und Medizin in Einzeldarstellungen, hrsg. von S. Rahmer, Berlin 5. Heft); *Kaus, O.* Dostojewski. Zur Kritik der Persönlichkeit. Ein Versuch. München 1916; Neufeld, J. Dostojewski. Skizze zu seiner Psychoanalyse, Leipzig/Wien/Zürich 1925. (=Imago-Bücher Bd. IV); Freud, S. Dostojewskij und die Vätermordung [1928], in: Freud. Studienausgabe, 10 Bde., hg. v. A. Mitscherlich u.a., Frankfurt am Main 1969, Bd. X, 267-268.; *Dempf, A.* Die drei Laster. Dostojewskis Tiefenpsychologie, München 1946.

Достоевского рассматриваются вместе с романами Флобера и Толстого как эстетические картины мира, воспринятого через посредство психического механизма «вИдения» («the gaze») Ж. Лакана [Владив-Гловер, 2013]. Развитие новой научной парадигмы определяется деятельностью учеников С. Владив-Гловер. Начиная с 1990-х гг. она читает курс в Центре литературоведческой компаративистики (Centre for Comparative Literature and Cultural Studies) университета Монаш; стал выходить журнал «The Dostoevsky Journal: An Independent Review». Большое внимание молодых достоеведов Австралии, особенно в психоаналитическом аспекте, привлекает повесть «Двойник». Д. Лэйн [Lane, 2005] анализирует образ «другого», воспроизводимый в бреде Голядкина, применяя концепцию Лакана о «расщепленном субъекте». Э. Аскрофт (E. Ascroft) своей задачей видит описание поэтики и онтологии Достоевского на основе фиктивного психоза, которым характеризуется Голядкин. Исследователь приходит к выводу, что желание или прихоть («desire»), доводящие личность до предела разума, на котором они переходят в не-разум или сумасшествие, представляют для зрелой личности социальную драму, которая идет на смену эдиповой драме [Ascroft, 2005]. Антропология Достоевского, основанная на описании психопатологической личности, по мнению Аскрофта, опередила психоаналитический дискурс более чем на полвека, так как русский писатель художественными средствами создал новую онтологию личности.

В австралийском журнале по достоеведению публикуются также исследования представителей феминистской критики. А. Зинк (A. Zink) из Базельского университета задалась вопросом о значении темы проституции в русской литературе, выраженной в образах падших женщин у Чернышевского, Толстого и Достоевского [Zink, 2006].

Первая статья о Достоевском Японии принадлежит перу Симэя Фтабатэя (Shimai Futabatei), известного литератора и первого японского филолога-русиста нового времени, появилась в 1897 году и была посвящена различиям в подходе к описанию человека в прозе Тургенева и Достоевского [Киносита, 2013, с. 194]. Киносита Тоёфуса – уникальный по своей широте исследователь дискурса Ф.М. Достоевского.⁹⁹

Остановимся на переводческом дискурсе Ф.М. Достоевского. Как известно, дискурс в

---

⁹⁹ Киносита Тоёфуса. Нихон Киндай вунгаку то Достоевский (Японская литература нового времени и Достоевский). Йокогама, 1993; 日本近代文学とドストエフスキ — 成文社 // 横浜, 1993; Киносита Тоёфуса. Достоевский — соно тайватеки сэкай (Достоевский и его диалогический мир). Йокогама, 2002; ドストエフスキー・その対話的世界. 成文社 // 横浜, 2002; Киносита Тоёфуса. Антропология и поэтика творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 2005. Киносита Тоёфуса. Ирония судьбы или ирония романтическая? По поводу трагедии героев рассказа «Кроткая» // Достоевский и мировая культура. 1999. № 12. С. 13–17 (то же см. в работе: Антропология и поэтика творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 2005. С. 44–50); Киносита Тоёфуса. «Где эта беда? Зачем они не понимали друг друга?»: причина гибели Васи Шумкова в повести «Слабое сердце» // Там же. С. 98–108; Киносита Тоёфуса. Вина Алеши Карамазова перед Смердяковым в отцеубийстве // Докл. на 14-м Междунар. симп. Неаполь, Италия, 2010 г. [Электронный ресурс] <http://www.ne.jp/asahi/dost/jds/dost404.htm> (дата обращения 13.05.21)

целом соответствует определенному коммуникативному пространству, актуализация которого имеет когнитивную (познавательную) природу. Литературный дискурс актуализируется в истории создания произведения (прозы и поэзии), критике литературы, переводах на иностранные языки, учитывая множественные варианты (Миронова, 2018: 543). В поле нашего интереса – не оригинальный, а вторичный дискурс, сегодня получивший именование «переводческий дискурс» и «переводной дискурс» [Гарбовский, 2011, с. 17]. «Переводческий дискурс» (ср.: «шекспировский переводческий дискурс», «чеховский переводческий дискурс» и пр.) объединяет в себе оригинал пьесы и его переводы на разные языки (в их вариативности), а также рецензии, комментарии, монографии, посвященные как оригинальному произведению, так и его переводам.

Романы Достоевского вошли в первое собрание сочинений в 22 томах и были опубликованы книжным издательством Пайпер в Мюнхене (Piper-Verlag) в 1906-1919 гг.

Переводчиком первого собрания сочинений была Элизабет Кэррик (псевдоним Е.К. Разин/Е.К. Rahsin). Ее сестра, Люси была замужем за Артуром Меллером ван ден Бруком, который был связан с книжным издательством Пайпер. Казалось, что сами обстоятельства, сложившиеся в эти годы, способствовали появлению книг Достоевского в Германии. Активную роль в том, чтобы они появились на свет, сыграл Д. С. Мережковский.

Светлана Гайер (1923-2010), переводчик с русского языка на немецкий, снискавшая признание ее таланта в европейской и русской литературе, завершила перевод пяти основных романов Ф.М. Достоевского на немецкий язык. Какое-то время все любителям Ф.М. Достоевского в Германии казалось, что ее переводы – эталон смыслового и структурного соответствия двух индоевропейских языков: русского и немецкого.

Новый перевод романа «Игрок» Достоевского вышел в 2016 году, переводчик – Александр Ницберг – виртуоз синтаксических структур. Новые переводы – новые исследования, новые интерпретации.

Список литературы:

- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.
- Гарбовский Н. К.* Перевод и «переводной» дискурс // Вестн. Моск. ун-та. Серия 22: Теория перевода. 2011. № 4. С. 3-19.
- Геригк Х.-Ю.* Немецкоязычное достоевсковедение между 1971 и 2011 гг. Обзор литературных исследований // Достоевский. Материалы исследования. Т. 20. Ин-т русской лит-ры РАН (Пушкинский Дом). СПб.: Изд-во Нестор-История, 2013. С. 44-87.
- Владив-Гловер С.* Достоевский в Австралии // Достоевский. Материалы исследования. Т. 20. Ин-т русской лит-ры РАН (Пушкинский Дом). СПб.: Изд-во Нестор-История, 2013. С. 167-180.
- Киносита Т.* Восприятие и изучение творчества Достоевского в Японии за последние 40 лет в свете истории восприятия творчества писателя с конца XIX в. // Достоевский. Материалы

исследования. Т. 20. РАН Ин-т русской лит-ры (Пушкинский Дом). СПб.: Изд-во Нестор-История, 2013. С. 194-219.

Миронова Н.Н. Семиотика дискурса как механизм формирования когнитивного пространства литературного произведения // Когнитивные исследования языка, *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике 10-12 октября 2018 года., № 34. с. 543-546.

Ascroft E. Lacan's Desire and Dostoevsky's «The Double»: The Problematics of Psychoanalytic Discourse in a Fictional Psychosis // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2005.

Vol. 6. P. 1–20.

Gerik H.-J. Dostojewskijs Wirkung im deutschen Sprachraum (Fragmente eines Überblicks vom Fin de siècle bis heute) // Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert (Opera Slavica. Neue Folge, Band 47). Hg. von Dittmar Dahlmann, Wilfried Potthoff. / Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 2004. S. 95-126.

Gerigk H.-J. Gerhard Hauptmanns "Der Narr in Christo Emanuel Quint" und Dostojewskijs "Idiot". Notizen zu einem poetologischen Vergleich // *New Zealand Slavonic Journal.* 37 (2003), S. 23-28.

Koppen E. Hat die Vergleichende Literaturwissenschaft eine eigene Theorie? // Horst Rüdiger (Hg.). Zur Theorie der Vergleichende Literaturwissenschaft, Berlin/New York 1971, C. 41-64. (=Komparatistische Studien. Beihefte zu „Arcadia“. Zeitschr. für Vergl. Literaturwissenschaft Bd. 1).

Lane D. A Reading of Dostoevsky's «The Double»: Through the Psychoanalytic Concepts of The Self and The Other // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2005. Vol. 5. P. 1–11.

Mann Th. Dostojewski – mit Maßen // Th. Mann, Essays, Bd. 6. Meine Zeit 1945-1955. Hg. von Hermann Kurzke und Stephan Stachorski. Frankfurt am Main: S. Fischer 1997. S. 14-32.

Xexelschneider E. "Meine Adresse: Allemagne, Saxe, Dresden a Monsieur Theodore Dostoiewsky, poste restante" // Sächsische Heimatsblätter. Zeitschrift für sächsische Geschichte, Denkmalpflege, Natur und Umwelt. 1996. Bd. 42. Hf. 5. S.316-321.

Vladiv-Glover S. Religious Imagery in Dostoevsky's Works // *Australian Slavonic and East European Studies.* 1988. Vol. 2, N 2. P. 95–110.

Zink A. What is Prostitution Good for: Dostoevsky, Chernyshevsky, Tolstoy and the «Woman Question» in Russian Literature // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2006. Vol. 7. P. 93–106.

References:

Ascroft, E. Lacan's Desire and Dostoevsky's «The Double»: The Problematics of Psychoanalytic Discourse in a Fictional Psychosis // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2005. Vol. 6. P. 1–20.

Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. L., 1972–1990. (In Russian).

Garbovskij N. K. Perevod i «perevodnoj» diskurs // *Vestn. Mosk. un-ta. Seriya 22: Teoriya perevoda.* 2011. № 4. p. 3-19. (In Russian).

Gerik H.-J. Dostojewskijs Wirkung im deutschen Sprachraum (Fragmente eines Überblicks vom Fin de siècle bis heute) // Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert (Opera Slavica. Neue Folge, Band 47). Hg. von Dittmar Dahlmann, Wilfried Potthoff. / Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 2004. S. 95-126.

Gerigk H.-J. Gerhard Hauptmanns "Der Narr in Christo Emanuel Quint" und Dostojewskijs "Idiot". Notizen zu einem poetologischen Vergleich // *New Zealand Slavonic Journal.* 37 (2003), S. 23-28.

Gerigk H.-YU. Nemeckoyazychnoe dostoevskovedenie mezhdru 1971 i 2011 gg. Obzor literaturnyh issledovanij // *Dostoevskij. Materialy issledovaniya.* T. 20. In-t russkoj lit-ry RAN (Pushkinskij Dom). SPb.: Izd-vo Nestor-Istoriya, 2013. p. 44-87. (In Russian).

Kinosita T. Vospriyatie i izuchenie tvorcestva Dostoevskogo v Yaponii za poslednie 40 let v svete istorii vospriyatija tvorcestva pisatelya s konca XIX v.// *Dostoevskij. Materialy issledovaniya.* T. 20. RAN In-t russkoj lit-ry (Pushkinskij Dom). SPb.: Izd-vo Nestor-Istoriya, 2013. p. 194-219. (In Russian).

Koppen E. Hat die Vergleichende Literaturwissenschaft eine eigene Theorie? // Horst Rüdiger (Hg.). Zur Theorie der Vergleichende Literaturwissenschaft, Berlin/New York 1971, C. 41-64. (=Komparatistische Studien. Beihefte zu „Arcadia“. Zeitschr. für Vergl. Literaturwissenschaft Bd. 1).

Mironova N.N. Semiotika diskursa kak mekhanizm formirovaniya kognitivnogo prostranstva literaturnogo proizvedeniya // Когнитивные исследования языка, *Cognitio* и *Sommunisatio* в современном global'nom mire. Материалы VIII Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike 10-12 oktyabrya 2018 goda., № 34. p. 543-546. (In Russian).

- Lane D.* A Reading of Dostoevsky's «The Double»: Through the Psychoanalytic Concepts of The Self and The Other // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2005. Vol. 5. P. 1–11.
- Mann Th.* Dostojewski – mit Maßen // *Th. Mann, Essays, Bd. 6. Meine Zeit 1945-1955.* Hg. von Hermann Kurzke und Stephan Stachorski. Frankfurt am Main: S. Fischer 1997. S. 14-32.
- Vladiv-Glover S.* Dostoevskij v Avstralii // *Dostoevskij. Materialy issledovaniya.* T. 20. In-t russkoj lit-ry RAN (Pushkinskij Dom). SPb.: Izd-vo Nestor-Istoriya, 2013. p. 167-180. (In Russian).
- Vladiv-Glover S.* Religious Imagery in Dostoevsky's Works // *Australian Slavonic and East European Studies.* 1988. Vol. 2, N 2. P. 95–110.
- Xexelschneider E.* “Meine Adresse: Allemagne, Saxe, Dresden a Monsieur Theodore Dostoiewsky, poste restante” // *Sächsische Heimatsblätter. Zeitschrift für sächsische Geschichte, Denkmalpflege, Natur und Umwelt.* 1996. Bd. 42. Hf. 5. S.316-321.
- Zink A.* What is Prostitution Good for: Dostoevsky, Chernyshevsky, Tolstoy and the «Woman Question» in Russian Literature // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2006. Vol. 7. P. 93–106.

Мишкuroв Эдуард Николаевич
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mishkurov Eduard
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ – ЧЕЛОВЕК, ПИСАТЕЛЬ-ФИЛОСОФ, ПУБЛИЦИСТ,
ПЕРЕВОДЧИК: PRO ET CONTRA**

**F.M. DOSTOEVSKY –A MAN, A WRITER-PHILOSOPHER, A PUBLICIST AND
A TRANSLATOR: PRO ET CONTRA**

В статье, посвященной двухсотлетию со рождения всемирно почитаемого писателя – Ф.М. Достоевского, чьи произведения постоянно переводятся на сотни языков народов мира, освещается его тернистый жизненный путь, писательское кредо страдальца человеческими бедами и проповедника высоких нравственных религиозно-гражданских норм поведения человека, ошибочно полагавшего, что «красота спасет мир». Абрисно описаны некоторые когнитивно-языковые трудности, с которыми сталкиваются все переводчики его произведений на свои нативные языки, типа бесчисленных ситуативных повторов частицы *как бы*, наречия *вдруг* и др. Анализируется также разовый вольный перевод самого Достоевского романа Бальзака «Евгения Гранде» (1844г.), с текстом которого переводчик обошелся довольно своенравно и весьма манипулятивно.

The article dedicated to the bicentennial of the birth of the world-renowned writer – F.M. Dostoevsky, whose works are constantly translated into hundreds of languages of the peoples of the world, highlights his thorny life path, the writer's credo of a sufferer of human troubles and a preacher of high moral, religious and civil norms of human behavior, who mistakenly believed that "beauty will save the world." Some cognitive and linguistic difficulties that all translators of his works into their native languages face are outlined, such as countless situational repetitions of a particle *as it were*, adverbs *suddenly*, etc. The author also analyzes a one-time free translation of Dostoevsky's novel Balzac "Eugene Grandet" (1844), with the text of which the translator treated quite capriciously and very manipulatively.

Ключевые слова: жизненный путь; писательское кредо; когнитивно-языковые трудности перевода, вольный перевод, манипулятивный перевод.

Key words: life path; writing credo; cognitive-linguistic difficulties of translation, free translation, manipulative translation.

1. Тернистым и многотрудным был путь к всемирному признанию и неувядающей славе провидца и знатока человеческих душ, великого писателя и самобытного философа Ф.М. Достоевского (1821–1881).

Он не был баловнем судьбы. Воистину в своей жизни прошел все семь кругов ада! Это человек, побывавший до последней минуты приговора под «смертным колпаком» расстрела. Четырехлетний узник «Мертвого дома» на каторге в Омской крепости. Многолетняя ссылка и поселение в Семипалатинске. Бесконечный надзор жандармерии. Трагический первый брак. Отвратительные корыстолюбивые родственники, пользовавшиеся его финансовой непрактичностью. Вечные долги, заставлявшие длительное время писать много и быстро, подчас с грубыми стилистическими огрехами.

Страшная болезнь – височная эпилепсия, после которой наступала «аура». Страстный игрок в рулетку, проигрывавший вещи, деньги и драгоценности свои и своей «бестиальной»¹⁰⁰ юной эмансипе-«femme fatale» А. Суловой, а также любимой второй жены А.Г. Достоевской (урожденная Сниткина (1846–1918)) – его ангела хранителя. Крайне набожен... При этом по характеру болезненно самолюбив, обидчив, неуживчив со своим писательским окружением.

Незадолго до своей смерти Достоевский так обозначил свое писательское кредо: «Чтоб хорошо писать – страдать надо, страдать!». Эти слова были сказаны при встрече молодому Дмитрию Мережковскому – будущему видному писателю, литературному критику, религиозному философу и общественному деятелю, который напишет в 1903 году знаменитую книгу «Лев Толстой и Достоевский» и другие работы о творчестве Достоевского [Мережковский (1): эл. рес.].

Он, в частности, писал сравнивая последнего с Тургеневым и Л. Толстым, следующее: «Тургенев, Лев Толстой, Достоевский – три корифея русского романа <...> Тургенев – художник по преимуществу; в этом сила его и вместе с тем некоторая односторонность <...> Лев Толстой – громадная стихийная сила <...> Достоевский роднее, ближе нам. Он жил среди нас, в нашем печальном, холодном городе; он не испугался сложности современной жизни и ее неразрешимых задач, не бежал от наших мучений, от заразы века. Он любит нас просто, как друг, как равный, – не в поэтической дали, как Тургенев, и с высокомерием проповедника, как Лев Толстой. Он – наш, всеми своими думами, всеми страданиями... Он с нами пил из общей чаши, как мы, отравлен и велик» [Мережковский (2): эл. рес.].

Напомним, к примеру, характер взаимоотношений Тургенева с Достоевским. В начале Достоевский достаточно лояльно и объективно писал о творчестве Тургенева. Так, критикуя некоего великосветского романиста и критика В.Г. Авсеенко, он писал о «Записках охотника» Тургенева в ряду с «Мертвыми душами» Гоголя, «Обломовым» Гончарова и комедиями Островского как о произведениях, которые «меньше всего могут быть обвинены в бедности внутренним содержанием», которое не может быть «верно прочувствованно и принято людьми типа Авсеенко, уверенными, что культура сохраняется лишь элитой, верхним слоем культурных людей» [см.: Фридендер, 1972, с. 139-140].

С другой стороны, Тургенев был потрясен описанием Достоевского игорных домов как своего рода «каторжной бани» в знаменитых «Записках из Мертвого дома».

---

¹⁰⁰ По выражению Ю. Карякина, «его возлюбленная в те годы (1861-1866 – Э.М.), А. Сулова была из женщин «бестиальных» [см.: Карякин, 1989, с. 131].

Конечно, трудно себе представить более непохожих друг на друга людей: мнительный, какой-то помятый, погруженный в себя Федор Достоевский и холеный, уже добившийся признания Иван Тургенев.

Объявленный Белинским гением после выхода романа «Бедные люди», будущий автор «Преступления и наказания» показался литературной тусовке, и небезосновательно, хвастуном. Ехидный Тургенев подбил Некрасова на пару сочинить обидную эпиграмму: «Рыцарь горестной фигуры! / Достоевский, юный пыщ, / На носу литературы / Ты вскочил, как яркий прыщ».

Взаимное неприятие копилось годами. Тургенев подолгу жил за границей и ставил в пример тамошний образ жизни. Пламенному патриоту Достоевскому чудилось в этом пренебрежение Родиной: «Тургенев сделался немцем из русского писателя, – вот по чему познается дрянной человек», горячился Федор Михайлович в письме поэту Аполлону Майкову. Достоевский даже посоветовал Тургеневу купить телескоп, чтобы через него смотреть на далекую от него Россию¹⁰¹.

Тургенев, после того как Достоевский памфлетно изобразил его в «Бесах», прекратил с ним всякие отношения.

И хотя Тургенев, забыв все обиды, со слезами на глазах бросился его обнимать и поздравлять с великолепным выступлением, вызвавшим небывалый восторг публики, при открытии памятника А.С. Пушкину в Москве в 1880г – их общего почитаемого гения русской поэзии [Благой, 1972, с. 424], но обида на Достоевского не покидала Тургенева очень долго. Даже смерть Достоевского не заставила Тургенева забыть былое – он сравнивал ушедшего с маркизом де Садам, распространяя слухи о якобы неприличной личной жизни писателя [см.: Мишуров, 2018].

Сопоставляя Достоевского с Тургеневым, французский писатель и литературный критик Эжен Мельхиор Вогюэ писал, что «Достоевский столь же решительно, как и Толстой, порвал с европейской литературной традицией, верным приверженцем которой до конца своих дней оставался Тургенев» [см.: Достоевский, художник и мыслитель, 1972, с. 463-464].

В.В. Набоков, перебравшись в США, зарабатывал на жизнь, в частности, чтением курса русской литературы, в котором одна из лекций была посвящена творчеству И.С. Тургенева. В целом Набоков не был поклонником Тургенева. Пытаясь быть объективным, снисходительно писал: «Он не великий писатель, хотя и очень милый». А Достоевского

---

¹⁰¹ В этой связи напомним, что в декабре 1867 года Федор Михайлович Достоевский с возмущением писал Аполлону Николаевичу Майкову о порядках и образе жизни Германии и Швейцарии: «Нравы дикие, о если б Вы знали, что они считают хорошим и что дурным» [см.: Беляков. 2014, с. 479].

он не любил еще больше, поэтому в его школьной классификации он следующим образом разделил места среди великих русских писателей: «Толстой был обозначен "5 с плюсом", Пушкин и Чехов - "5", Тургенев - "5 с минусом", Гоголь - "4 с минусом". А Достоевский был "3 с минусом" (или "2 с плюсом"...))» [см.: Шепелев, 2016, с. 2].

2. В разные периоды социально-политической и идейно-художественной жизни в России и странах Запада отношение к миропониманию и литературно-публицистическому и религиозно-философскому творчеству Достоевского полярно менялось. Так, в постреволюционной России он – писатель-изгой, ибо у политической и части художественной элиты страны были на памяти слова Ленина об «архискверном Достоевском».

Но по мере роста всемирного признания гения писателя острота негативных высказываний вождя о писателе понемногу нивелируется. В критический оборот вводится двойкая трактовка идейно-литературного наследия Достоевского. Предлагается отделить «упаднические, реакционные, антисоциалистические взгляды» писателя-философа от его «справедливой критики» буржуазного строя в «загнивающем Западе».

В итоге в официозной публикации А.А. Белкина о жизни и творчестве Достоевского в 3-ем издании БСЭ отмечаем попытку автора объективно и всесторонне оценить творчество Достоевского как писателя-философа, и публициста при сохранении отдельных критических замечаний – клише советской пропаганды о его некорректном восприятии «революционного движения своей эпохи» с точки зрения «лишь анархо-индивидуалистического бунтарства». Он опасался, полагает автор, что «в революционной практике может восторжествовать безнравственная идея: цель оправдывает средства» и т.п. А его искания нравственной опоры в идее бога рассматриваются таким образом, что «в решении проблемы добра и зла писатель был глубоко противоречив». В заключении автор констатирует, что «в марксистской критике признание гениальности Достоевского как художника сопровождалось борьбой против его реакционных идей. В статьях Луначарского с марксистских позиций охарактеризованы противоречия мировоззрения Достоевского» [Белкин, 1972, с. 466-468].

О том, что творчество Достоевского носит всемирно-исторический характер и заслуженно вошло в сокровищницу общечеловеческого художественного, социально-культурного и этико-философского наследия свидетельствуют все увеличивающееся число переводов и миллионные тиражи изданий его наиболее значимых произведений. Если к 160-летию со дня рождения писателя его произведения были переведены более чем на 50 языков, то к настоящему времени их число, по предварительным оценкам, превышает 170 языков народов Европы, Азии, Америки и Африки [Курьер ЮНЕСКО,

1982, март, с. 15; Достоевский...: эл. рес. 2021]. Только в Японии знаменитый роман «Братья Карамазовы» издавался в 2007-2008 гг. миллионным тиражом.

Известный философ-идеалист А.И. Лисин тонко подметил: «Рассуждения Платона о душе в «Федре», «Протагоре» и «Пире» являют собой шедевр человеческой мысли и потому, как и всякий шедевр, не нуждаются в подробных комментариях. Трудно назвать какие-либо другие произведения человеческого гения, в которых бы с такой силой и глубиной говорилось о сущности именно человеческой ипостаси идеальности (разве что в *бездонной прозе Достоевского* (курсив наш – Э.М.) [Лисин, 1999, с. 358].

Произведениями Ф.М. Достоевского зачитывались Ф. Ницше, Р.М. Рильке, Ф. Кафка, М. Пруст, У. Фолкнер, Э. Хемингуэй, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и многие другие выдающиеся писатели и философы.

Представители различных философских направлений усматривают в творчестве Достоевского черты христианского вероучения, предыдеи, воплощенные в последствии в ницшеанстве, экзистенциализме и др.

Папа Римский на встрече в июле 2019г. с В.В. Путиным заявил: «Я... говорю своим священникам, что без книг Достоевского, без того, чтобы осознать всю глубину его философии, нельзя быть настоящим священником». Президент сообщил журналистам о том, что «Понтифик разрешил мне сказать публично о том, что одна из его книг, которая всегда у него на столе, – это классика российской литературы, это и Достоевский, и Толстой» [Визит В.В. Путина...: эл. рес.].

В трактовке современных философов христианство Достоевского – это «христианство с человеческим лицом», отражающее сущность человека во всем ее психологическом разнообразии с верой, что «красота спасет мир». Призыв Достоевского к «всемирному всечеловеческо-братскому единению», провозглашенный писателем в речи при открытии памятника Пушкину – это апофеоз его философско-религиозных воззрений [см.: Философия: энциклопедический словарь, 2006, с. 250-252].

3. Замысловатые перипетии жизни Достоевского, особенности его мышления, характера и речевого кода нашли свое тончайшее отражение в гениальных произведениях писателя, архитрудно поддающихся переводу на любой иностранный язык. Известно, что Герцен пытался перевести на английский язык «Записки из Мертвого дома», но из-за сложности задачи от этой задумки отказался.

Язык произведений Достоевского воистину многоуровневый, по-особому колоритный и своеобразный. В романе «Преступление и наказание», пишет Ю. Карякин, слово «вдруг» (как знак катастрофы) встречается 560 раз, а также многократно в других произведениях Достоевского. Писатель по этому поводу замечает, что «не случайно

переводчики Достоевского на иностранные языки сокращают число «вдруг» едва ли не на треть, если не на половину, полагая, что исправляют «неряшливость» писателя. Но с другой стороны, прямой перевод всех до единого «вдруг» Достоевского может (должен) породить такой же эффект, как если бы у самого Достоевского вместо «вдруг» было – «неожиданно» или «внезапно» (3600 «неожиданно» или «внезапно» не могли бы пройти незамеченными и наверняка показались бы действительной «неряшливостью») [Карякин, 1989, с. 641-645].

С.В. Белов отмечал: «Язык у Достоевского служит могучей творческой мысли, которая без особых видимых усилий укладывает в свой стиль обычный, будничные материал человеческой речи. Лишь в минуты особого просветления в монологах Мышкина, Зосимы, Макара Ивановича, в эпилоге «Преступления и наказания» речь Достоевского льется плавно и ровно. Как правило, она психологически неустойчива, логически зыблема, нервна и прерывиста. Отсюда масса предположений, оговорок, уступительных предложений, все эти ограничивающие: впрочем, как будто, как-то, хотя» [Белов, 1971, с. 3].

В своей монографии «Язык и мир человека» Н.Д. Арутюнова указала, что по ее подсчетам в романе «Братья Карамазовы» Достоевский использовал частицу *как бы* не менее 155 раз. И далее она следующим образом описывает нюансировку функций данной частицы:

- «неопределенность признака», «субъективность впечатления», «кажимость»: «Ум его как бы померкал мгновениями»; «Какая-то как бы идея воцарилась в уме»; «Я застал его как бы пьяным»;
- «недоверность сравнения»: «Как, вы здесь? – начал он... таким тоном, как бы век был знаком»;
- «неуверенность интерпретации»: «С тех пор Алеша заметил, что Иван... даже как бы невзлюбил его»;
- «приблизительность»: «Я вас, так сказать, лично рекомендую, следовательно, за вас как бы тем ручаюсь»;
- «необычный, особый характер признака»: «Был он [Дмитрий Карамазов] мускулист, и в нем можно было угадывать значительную физическую силу, тем не менее в лице его выражалось как бы нечто болезненное» [Арутюнова, 1999, с. 837–838, 851, 854].

Практически все переводчики данного романа подчеркивают ограниченность возможностей для тонкой нюансировки функций данной частицы на ЯП.

В одном из переводов этого произведения на английский язык с аналогичными трудностями сталкиваются переводчики религиозной лексики романа.

Удачные и неудачные примеры наблюдаем в переводе следующих частей произведения. Фраза «Приезд Алеши как бы подействовал на него даже с нравственной стороны, как бы что-то проснулось в этом безвременном старике из того, что давно уже заглохло в душе его» (с. 21) адекватно звучит в искомом варианте переводчика. “Alyosha’s arrival seemed to affect even his moral side, as though something had awakened in this prematurely old man which had long been dead in his soul”.

Безликим, до предела «доместифицированным» предстает перевод следующего фрагмента: «*Старец* Варсонофий действительно казался иногда как бы юродивым, но много рассказывал и глупостей. Палкой же никогда и никого не бивал, – ответил монашек.

– Теперь, господа минутку повремените, я о вас повешу» (с. 35), ср.: “*The elder Varsonofy did sometime rather strange, but a great deal that’s told is foolishness. He never thrashed any one, answered the monk. Now, gentlemen, if you will wait a minute I will announce you*”. Замена в переводе «как бы юродивый» на безликое “rather strange” – яркий пример «доместикации перевода», теряющий важный аспект личности Достоевского – его набожности и соответственно адекватного восприятия феномена религиозного «юродства». К тому же для русского читателя очевидно, что «старец» в тексте – это не «elder – старик», а точнее в английском было бы “monastic elder” в сочетании с he kind of God’s fool / holy fool [Ермолович, Красавина, 2006, с. 899].

В другом месте в следующем фрагменте текста – «К слову о Федоре Павловиче <...> Безобразничать с женским полом любил не то что по-прежнему, а даже как-бы и отвратительнее» (“Fyodor Pavlovitch, by the way <...> His depravity with women (курсив наш. – Э.М.) was not simply what it used to be, but even more revolting” (с. 21)), а также в других местах романа, говоря о “дамском поле” [см.: Достоевский, 1976], Достоевский этими концепто-матрицами страдальческо-иронически выражает свое отношение к этой природно-притягательной части «прекрасной половины человечества», принеся лично ему не мало жизненных передряг и страданий. Поэтому нейтральное “women” в переводе нарушает ансамблевую стилистику творения писателя. Предпочтительнее было бы употребление выражения “the fair sex”. А конструкцию «а даже как бы и отвратительнее» точнее было бы перевыразить как “but as if it was even more revolting”, что звучит тяжелее, но намного ближе к оригиналу.

4. Для историографии перевода небезынтересным представляется факт увлечения Ф.М. Достоевского в молодые годы *переводческой деятельностью*. Во время обучения в Высшем инженерном училище (1839–1841), читая попадавшиеся ему в руки произведения

французских писателей, переведенные на русский язык, он часто негодовал по поводу их низкого качества.

Известно, что вообще в царской армии многие офицеры с целью дополнительного заработка, неплохо владея французским языком, занимались переводами на русский язык различных театральных водевилей, фривольных пьесок и т.п. развлекательной литературы. Делались также серьезные переводы произведений классической мировой литературы. Можно даже сказать, что переводческой деятельностью занималась значительная часть образованных слоев российского общества и не только с меркантильными интересами, но и с целью изучения художественного мастерства и опыта классиков мировой литературы [см.: Мишкурин, 2018].

В России к середине XIXв. наступила великая эпоха переводов, вызвавшая в то же время большую тревогу у власть предержащих: в отчете Министерства народного просвещения императору за 1847г. отмечалось, то «переводы иностранных романов, особенно французских, стали чрезмерно размножаться с некоторого времени, в связи с чем было предложено «обращать строжайшее внимание» на эти переводы» [см.: Волгин, 2000, с. 41].

В разные годы, наблюдая за переводческой работой своих товарищей по учебе и военной службе, Достоевский также пробует свои силы на этом поприще. Он брался, в частности, за перевод романа Эжена Сю «Матильда», Жорж Санд «Последняя из Альдини» и других авторов. Но все они не были переведены до конца. Ту же судьбу постиг вначале и роман Оноре де Бальзака «Евгения Гранде» (*Eugénie Grandet*). Это произведение он начал переводить в 1839г. Творчество этого писателя он обожал. Достоевский восхищенно следил за пребыванием Бальзака в Петербурге летом 1843г. В конце этого года он окончательно берется за перевод этого произведения и заканчивает его в январе 1844г. Он пишет восторженное письмо старшему брату Михаилу по поводу своего перевода: «Нужно тебе знать, что на праздниках я перевел «Евгению Grandet» Бальзака (чудо! чудо!), перевод бесподобный. Самое крайнее мне дадут за него 350 рублей ассигнациями...» [Нечаева, 1979, с. 105].

Стесненное материальное положение наводило на мысль поставить на широкую коммерческую ногу переводческий труд. В 1843–1844 Достоевский предлагает брату Михаилу взяться совместно с О.П. Паттоном за срочный перевод романа Э. Сю «Матильда» [см.: Ф.М. Достоевский в портретах... 1972, с. 441] и более того создать некую «переводческую кампанию» с целью заработка. Но далее этого проекта дело не пошло.

Но первый творческий и коммерческий успех пришел в июне-июле 1844г. В журнале «Репертуар и Пантеон» в № 6-7 был напечатан без упоминания имени автора перевод Достоевского романа «Евгения Гранде». Однако следует констатировать, что Петербургская критика не придавала особенного значения переводу данного романа Бальзака. По тем временам это было рядовое событие в области перевода зарубежной художественной литературы в России. А когда он получил благоприятный отзыв от Белинского о романе «Бедные люди» и о нем заговорили как о «новом Гоголе», Достоевский подчеркнуто говорил об этом произведении как его первой изданной литературной работе.

В последствии перевод Достоевского переиздавался в разное время шесть раз, но, как правило с большей или меньшей редакторской из-за обнаруженных в тексте перевода неточностей и отклонений от оригинала знаменитого французского писателя.

В СССР переводом Достоевского в 1935г. занимался Л.П. Гроссман, который структурировал текст по главам согласно изданию 1844г., а также стремился, как он подчеркивал, донести до читателя богатый язык перевода Достоевского и «последнюю волю Бальзака» одновременно. Он отредактировал перевод Достоевского в соответствии с последней версией романа Бальзака [см.: Гроссман. Приложение, 1935]. Как пишет А. Лешневская «Гроссман скрупулезно обозначил каждое изменение, внесенное в текст, в специальных «текстологических примечаниях»... таких изменений насчитывается более четырехсот, а длина «вставок» и «опущений» колеблется от слова до целой страницы».

Последние версии перевода была опубликованы в 2007г. с дополнительным тиражом в 2008г. Этот перевод в 2008г. был издан в издательстве «Азбука» с указанием имени переводчика. Он представляет собой купированную версию перевода романа в редакции Л. Гроссмана. Однако читатель, непосвященный в перипетии детального редактирования подлинника Достоевского, об этом не узнает, и будет думать, что у него в руках первоначальный вариант перевода молодого Достоевского [см.: Лешневская, 2009]. В 2014г. этот же перевод был издан тем же издательством в Санкт-Петербурге.

Истины ради напомним, как писатель «расправлялся» с подлинным текстом автора романа. Как переводчик, чужавший в себе большой писательский дар, Достоевский довольно свободно по языковым средствам и своевольно трактовал по-русски франкоязычный авторский текст. Цитируя по этому поводу анализ перевода, выполненный 1928г. Г.Н. Пospelовым, Е.А. Иванчикова пишет: «Тщательный анализ текста перевода привел автора к заключению, что Достоевский в процессе перевода видоизменял оригинал по своему вкусу: сквозь стиль переводимого автора легко обнаруживаются собственные приемы «переводчика». Для перевода Достоевского

характерны, например, расширение текста оригинала путем вставки добавочных эмоционально оценочных состояний героев, употребление отсутствовавших в оригинале тавтологий, усилительных оборотов, инверсий и т.п. Достоевский, по словам исследователя, не столько учился «творческим тайнам» у Бальзака, сколько «снабжал ими оригинал» [Иванчикова, 1979, с. 14]. Отмечено также, что переводчик вводит в текст «множество простонародных словечек и выражений, словно подслушанных вот тут же, на Петербургской улице: «глух как тетерев», «легок на помине», «где раки зимуют», «подобру-поздорову», «колпак ты, олух, племянничек» и т.п.» [Степанян, 2018, с. 339].

Достоевский по-своему лепит образ отца Горио. Если у Бальзака его герой – *bonhomme*, т.е. «добряк, простак», то для переводчика он не иначе как «чудак». К.С. Степанян по этому поводу пишет: «сам Бальзак, употребляя слово *bonhomme*, оговаривается, в переводе Достоевского, так: «Не худо будет заметить, что в Турени, в Анжу, в Поатье, в Бретони, слово чудак <...> равно принадлежит к означению стариков сварливого и злого характера, как и самых терпеливых и незатейливых добряков <...> в оригинале тут сказано иначе: что само определение *bonhomme* не означает доброты и кротости <...> А в первый же вечер по приезде Шарль называет *всех Гранде* чудачками – но только в переводе Достоевского, у Бальзака этого нет» [там же, с. 332-333].

И это лишь малая толика того, что «начудил» Достоевский в своем переводе!

Аналитики творчества Достоевского считают, что данный перевод во многом способствовал становлению Достоевского как самобытного великого писателя. Литературоведы подчеркивают, что он как бы прошел «психологическую школу Бальзака», став в конечном итоге наголову выше ее. Но после грандиозного успеха его романа «Бедные люди» Достоевский в последующие годы уже не упоминает свой перевод как первое успешное литературное творение. Оказалось, что Достоевский, переключившись на собственный писательский труд, не захотел стать профессиональным вольным переводчиком даже в «набоковской манере», как бы сказали специалисты в настоящее время.

Список литературы:

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
Белкин А.А. Достоевский Федор Михайлович / БСЭ, 3-е изд. – М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1972. т. 8. С. 466-468.
Белов С.В. О художественном мастерстве Ф.М. Достоевского // Русская речь. – М.: Изд-во «Наука», 1971, № 5. С. 3-10.
Беляков С. Гумилев сын Гумилева: [биография Льва Гумилева] – Москва: АСТ, 2014. 797, [3] с.
Благой Д.Д. Достоевский и Пушкин. / Достоевский – художник и мыслитель. Сборник статей. – М.: Художественная литература, 1972. С. 344-426.

Визит Владимира Путина в Италию и Ватикан [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6633471>

Волгин И.Л. Пропавший заговор. – М.: Либерия, 2000. 704 с.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том XIV. Книги I-X. – Ленинград: изд-во НАУКА (ЛО), 1976. 511 с. (перевод на англ. Project Gutenberg TEI edition I. The Brothers Karamazov [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://liteka.ru/library/read/72/40> 919 с.)

Достоевский Федор Михайлович. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ast.ru/authors/dostoevskiy-fedor-mikhaylovich-980117/>

Достоевский – художник и мыслитель. Сборник статей. – М.: Художественная литература, 1972. 687 с.

Ермолович Д.И., Красавина Т.М. Новый большой русско-английский словарь / Под общим руководством Д.И. Ермоловича, 2-е изд. – М.: Русский язык – Медиа, 2006.

Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. – М.: изд-во Наука, 1979. 286 с.

Курьер ЮНЕСКО: Родной язык и мозг. Какая наука нам нужна? – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1982. 15 с.

Лешневская А. Библиографическая редкость / Александра Лешневская // Новое литературное обозрение. 2009. №. 2 (96). С. 341-343.

Лисин. А.И. Идеальность. Часть 1. – М.: “Информациология”, “РеСК”, 1999. 832 с.

Мережковский Д.С. (1). [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://dugward.ru/library/merejkovskiy/merejkovskiy_dostoevskiy.html

Мережковский Д.С. (2). [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://fedordostoevsky.ru/around/Merezhkovsky_D_S/

Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. – М.: «Советский писатель», 1989. 656 с.

Мишуров Э. Н. И.С. Тургенев – человек, писатель, переводчик: Pro et contra // Русский язык и культура в зеркале перевода: VIII Международная научная конференция; 27.04 – 02.05.2018 г., Салоники, Греция: Материалы конференции. — Издательство Московского университета Москва, 2018. — С. 109–119.

Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 287 с.

Оноре де Бальзак. Бальзак в переводе Достоевского: Приложение / Гроссман Л. П. // Евгения Гранде = Eugénie Grandet / Пер. с фр. Достоевский Ф. М. — М., 2012. 272 с.

Степанян К.А. Достоевский – переводчик Бальзака. Начало формирования «реализма в высшем смысле». *Вопросы литературы*. 2018. С. 317-345.

Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах. – М.: «Просвещение», 1972. 447 с.

Философия: энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2006. 1072 с.

Фридендер Г.М. Эстетика Достоевского / Достоевский – художник и мыслитель. Сборник статей. – М.: Художественная литература, 1972. С. 97-164.

Шепелев А. Достоевский в художественном мире Набокова [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://omiliya.org/article/dostoevskiy-v-hudozhestvennom-mire-nabokova-aleksey-shepelyov>

References:

Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Human language and world]. – М.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 895 p. (In Russian).

Belkin A.A. Dostoevskii Fedor Mikhailovich / BSEH, 3-e izd [Dostoevsky F.M.]. – М.: Izd. «Sovetskaya ehn-tsiklopediya», 1972. t. 8. P. 466-468. (In Russian).

Belov S.V. O khudozhestvennom masterstve F.M. Dostoevskogo [About the literary skill of F.M. Dostoevsky] // Russkaya rech'. – М.: Izd-vo «Nauka», 1971, № 5. P. 3-10. (In Russian).

Belyakov S. Gumilev syn Gumileva: [biografiya L'va Gumileva] [Gumilyov son of Gumilyov: [biography of Lev Gumilyov]] – Moskva: AST, 2014. 797, [3] p.

Blagoi D.D. Dostoevskii i Pushkin. / Dostoevskii – khudozhnik i myslitel'. [Dostoevsky and Pushkin] Sbornik statei. – М.: Khudozhestvennaya literatura, 1972. P. 344-426. (In Russian).

Vizit Vladimira Putina v Italiyu i Vatikan [Vladimir Putin's visit to Italy and the Vatican] [Electronic resource] / Rezhim dostupa: <https://tass.ru/obschestvo/6633471> (In Russian).

- Dostoevskii F.M. Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov] / Polnoe sobranie sochinenii v tridsati to-makh. Tom XIV. Knigi I-X. – Leningrad: izd-vo NAUKA (LO), 1976. 511 p. (perevod na angl. Project Gutenberg TEI edition I. The Brothers Karamazov [Electronic resource] / (In Russian) – Available at: <https://liteka.ru/library/read/72/40> 919 s.)
- Dostoevskii Fedor Mikhailovich [Dostoevsky F. M.]. [Electronic resource] / (In Russian) – Available at: <https://ast.ru/authors/dostoevskiy-fedor-mikhaylovich-980117/>
- Dostoevskii – khudozhnik i myslitel'. Sbornik statei. [Dostoevsky is an artist and thinker. Digest of articles] – M.: Khudozhestvennaya litera-tura, 1972. 687 p. (In Russian).
- Ermolovich D.I., Krasavina T.M.* Novyi bol'shoi russko-angliiskii slovar' [New Comprehensive Russian-English Dictionary] / Pod obschchim rukovodstvom D.I. Ermolovicha, 2-e izd. – M.: Russkii yazyk – Media, 2006. (In Russian).
- Fedor Mikhailovich Dostoevskii v portretakh, illyustratsiyakh, dokumentakh. [F.M. Dostoevsky in portraits, illustrations, documents] – M.: «Pro-sveshcheniE», 1972. 447 p. (In Russian).
- Filosofiya: ehntsiklopedicheskii slovar'. [Philosophy: an encyclopedic dictionary] – M.: Gardariki, 2006. 1072 p. (In Russian).
- Fridlender G.M.* Ehstetika Dostoevskogo [Dostoevsky's aesthetics] / Dostoevskii – khudozhnik i myslitel'. Sbornik statei. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1972. P. 97-164. (In Russian).
- Ivanchikova E.A.* Sintaksis khudozhestvennoi prozy Dostoevskogo. [The syntax of Dostoevsky's fictional prose] –M.: izd-vo Nauka, 1979. 286 p. (In Russian).
- Karyakin YU.F.* Dostoevskii i kanun XXI veka. [Dostoevsky and the eve of the XXI century] – M.: «Sovetskii pisatel'», 1989. 656 p. (In Russian).
- Leshnevskaya A.* Bibliograficheskaya redkost' [Bibliographic rarity] / Aleksandra Leshnevskaya // Novoe lite-raturnoe obozrenie. 2009. №. 2 (96). P. 341-343. (In Russian).
- Lisin. A.I.* Ideal'nost'. Chast' 1. [Ideality. Part 1] – M.: “InformatsiologiYA”, “RESK”, 1999. 832 p. (In Russian).
- Merezhkovskii D.S.* (1) [Merezhkovsky D.S.]. [Electronic resource] / (In Russian) – Available at: http://dugward.ru/library/merejkovskiy/merejkovskiy_dostoevskiy.html
- Merezhkovskii D.S.* (2) [Merezhkovsky D.S.]. [Electronic resource] / (In Russian) – Available at: https://fedordostoevsky.ru/around/Merezhkovsky_D_S/
- Mishkurov EH. N. I.S.* Turgenev – chelovek, pisatel', perevodchik: Pro et contra [Turgenev as a man, writer, translator: pro et contra] // Rus-skii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya; 27.04 – 02.05.2018 g., Saloniki, Gretsia: Materialy konferentsii. — Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Moskva, 2018. — P. 109–119. (In Russian).
- Nechaeva V.S.* Rannii Dostoevskii. 1821–1849. [Early Dostoevsky. 1821-1849.] M.: Nauka, 1979. 287 p. (In Russian).
- Onore de Bal'zak.* Bal'zak v perevode Dostoevskogo: Prilozhenie [Balzac in Dostoevsky's Translation: Appendix] / Grossman L. P. // Evgeniya Grande = Eugénie Grandet / Per. s fr. Dostoevskii F. M. — M., 2012. 272 p. (In Russian).
- Shepelev A.* Dostoevskii v khudozhestvennom mire Nabokova [Dostoevsky in the literary world of Nabokov] [Electronic resource] / (In Russian) – Available at: <https://omiliya.org/article/dostoevskiy-v-khudozhestvennom-mire-nabokova-aleksey-shepelev>
- Stepanyan K.A.* Dostoevskii – perevodchik Bal'zaka. Nachalo formirovaniya «realizma v vysshem smysle». [Dostoevsky is Balzac's translator. The beginning of the formation of "realism in the highest sense."] Voprosy literatury. 2018. P. 317-345. (In Russian).
- Volgin I.L.* Propavshii zagovor [The lost conspiracy]. – M.: Liberiya, 2000. 704 p. (In Russian).
- Kur'er YUNESKO: Rodnoi yazyk i mozg. Kakaya nauka nam nuzhna? [Native language and brain. What kind of science do we need?] - M.: Izd-vo Inostr. literatury, 1982. 15 p. (In Russian).

Тилекова Назира Дуйшебаевна
Адинаев Шукур Адинаевич
Кыргызско-Узбекский университет
г. Ош (Киргизия)

Adinaev Shukur
Tilekova Nasira
Curgis-Usbek University
Osh (Kyrgyzstan)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТВОРЧЕСТВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И Ч.Т. АЙТМАТОВА

THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF F.M. DOSTOEVSKY AND CH.T. AITMATOV'S WORKS

В настоящей статье на основе изучения концепции известного американского психолога Скиннера об оперантном обуславливании (ОУ), исходя из изучения теории деятельности А.Н. Леонтьева, анализируя теоретические постулаты когнитивной психологии, произведен социально-психологический анализ творчества двух выдающихся писателей, которые будучи незнакомы с психологическими исследованиями, тем не менее изображали поступки, поведения, внутренний мир характеры своих героев сквозь призму вышеупомянутых наук. К примеру, причину преступления Раскольникова вполне можно объяснить знаменитым тезисом Скиннера: «Все, что психическое, то поведенческое». То же самое характерно и для героев Айтматова – Ильяса, Джамили, Сеида и др. Достоевский и Айтматов – художники разных эпох, разные по манере изображения, по способу видения мира, социально-историческим и индивидуально-психологическим особенностям (Леонтьев и Скиннер). Но их объединяет одно божественное кредо – вера в человека, возвеличение божественной духовой нравственности в каждом даже падшем по критериям общества человеке. Во многом герои Достоевского и Ч. Айтматова «продукты» той эпохи, в котором жили сами писатели и это определило их социальные поступки, характеры, словом, их социальную сущность (Леонтьев, Скиннер, Ницше).

This article undertakes a socio-psychological analysis of the works by two outstanding writers. The analysis is conducted on the basis of the concept study of the famous American psychologist Skinner about operant conditioning as well as the study of the theory of activity of A.N. Leontiev and the theoretical postulates of cognitive psychology. However, the writers being unfamiliar with psychological studies of modern psychologists portrayed the actions, behavior and inner world of their heroes' characters through the prism of the aforementioned sciences. For example, the reason for Raskolnikov's crime in Dostoevsky's novel can be fully explained by Skinner's famous thesis 'Everything that is mental, that is behavioral'. The same is common for the heroes of Aitmatov – Ilyas, Jamily Seida and others. Dostoevsky and Aitmatov are artists of different eras, they differ in the manner of depiction, in the way of seeing the world, in socio-historical and individual and psychological characteristics. (Leontiev and Skinner). However, they are united by one divine credo – faith in the man. The exaltation of divine spiritual morality in everyone, even people who have fallen according to the criteria of society.

Ключевые слова: когнитивная психология Скиннера, А.Н. Леонтьев, социология, характеры, творчество, социология, психология добро и зло, нравственность, общество, Ч. Айтматов, Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», произведение, духовность, литература и человеческий характер, религиозно-философский смысл.

Key words: Skinner's cognitive psychology. A.N. Leontiev, sociology, characters, creativity, sociology, psychology of good and evil, morality, society, Ch. Aitmatov, F.M. Dostoevsky, "Crime and Punishment", work, spirituality, literature and human character, religious and philosophical meaning.

Ф.М. Достоевский, продолжая традиции Пушкина и Лермонтова, и все русские писатели в последующем, утверждают идею нравственности, как наивысшей формы человечности. В произведениях этих гениальных писателей четкой линией идет мотив

личной ответственности каждого за происходящего в мире зло, поведение героев произведений (как и в реальной жизни) зависит от их ценностных ориентаций [Достоевский, 2019, с. 89-135].

Достоевского и Айтматова объединяет вера в духовность человеческой личности, ее ответственности за поведение и состояние дел на земле; они глубоко размышляют о путях развития человечества, о личности и ее месте в истории. Человеческая личность, ее психологический анализ, то, что по Г. Чернышевского, называется «диалектикой души», и что связано с показом внутренней нравственной энергии героя-искателя, размышляющего и выбирающего, а также оценивающего все эти вопросы.

Страхов писал: «Достоевский потому так смело выводил на сцену жалкие и страшные фигуры, всякого рода душевные язвы, что умел или узнавал за собою умение произносить над ними высший суд. Он видел божью искру в самом падшем и извращенном человеке; он следил за малейшею вспышкой этой искры и прозревал черты душевной красоты в тех явлениях, к которым мы привыкли относиться с презрением, насмешкою или отвращением» [Айтматов, 1988, с. 297-347].

«Преступление и наказание», как и другие романы Достоевского, – произведение, в котором широкий круг философских и нравственных проблем поставлен на современном, злободневном жизненном материале.

Центральная тема романа – жизнь и духовный облик русской молодежи 60-х гг. XIX в. Особенности ее трактовки в «Преступлении и наказании» связаны с тем, какие проблемы ставит Достоевский, основываясь на своем мировоззрении и жизненном опыте. Главная проблема произведения – религиозно-философский смысл нигилизма, распространившегося в 1860-е гг. в среде радикальной молодежи. По мнению писателя, Раскольников «поддался некоторым странным недоконченным идеям, которые носятся в воздухе». Итог его нигилистического «бунта» – не только преступление против других людей, ведущее человека к полной изоляции от общества, но и преступление против собственной личности, ее саморазрушение (Соня, близкая по духу самому автору, говорит Раскольникову, узнав, что он убийца: «Что вы, что вы это над собой сделали!») [Достоевский, 1997, с. 289].

Айтматов не просто восхищается гениальностью Ф.М. Достоевского в описании человеческих характеров и поступков, но и старается сам писать под влиянием Достоевского. На примере мальчика и деда Момуна из «Белого пароход» видно, как общественное и субъективное тесно переплетаются друг с другом и определяют собой судьбу мыслящего, много понимающего человека, но который по некоторым причинам (подавленность в силу социальных причин у Момуна, малый возраст, отсутствие

родителей у мальчика) не в состоянии включиться в активную борьбу за свои идеи. должен доказывать свое право считаться человеком. Ребенок, брошенный родителями, воспитываемый безвольным дедом Момуном и патриархально-архаичным укладом жизни остальных жителей кордона, при нажиме злой силы гибнет. В противовес случившемуся с мальчиком в «Белом пароходе» поступок, проявленный взрослыми (Орозкул браконьер) по отношению к Кириску в другой повести показал [Айтматов, 1987, с. 297] бессмертие человеческого рода, ответственность, самоотверженную, героическую любовь старших к младшим [Айтматов, 1988, с. 297-347; Достоевский, 2019; с. 89-135].

Через восприятие своего героя Авдия Калистратова автор пытается увидеть черты добра даже в таких «отбросах» общества, как члены хунты, которых свела судьба в Моюнктях. «Сколько земли, сколько простора и света, а человеку все равно чего-то недостает, и прежде всего. Свободы. – думал Авдий, глядя на необъятные просторы. – И без людей человек не может жить, и с людьми тяжело. Вот и сейчас – как быть? Что сделать, чтобы каждый, кто попал в сети Гришана, поступил бы, как велит ему разум...» [Айтматов, 1981, с. 230–347].

Достоевский и Айтматов – художники разных эпох, разные по манере изображения, по способу видения мира, социально-историческим и индивидуально-психологическим особенностям [Айтматов, 1981, с. 230 -347; Айтматов, 1988, с. 297].

Но их объединяет одно божественное кредо – вера в человека, возвеличение божественной духовной нравственности в каждом даже падшем по критериям общества человеке. Словом, как это объединяет их творчество с творчеством гения русской поэзии Пушкина « ... в мой жестокий век восславил свободу и милость к падшим призывал ...» [Достоевский, 2019, с. 89-135]. Ставим их имена по объединяющей их вере в духовность человеческой личности, ее внутреннюю свободу и потому самостоятельность, ответственность за поведение и состояние дел на земле, по глубоким размышлениям о путях развития человечества, о соотносении личности и истории. Их объединяет то, что при решении кардинальных проблем общественной жизни они обратились «не к политике, а к нравственности» [Кулешов, 19679, с.94].

Это дает им возможности исследования человеческого характера, связанные с изображением человека социально, исторически, духовно и вообще всесторонне свободного и одновременно всесторонне зависимого и связанного [Раков, 1974, с. 12].

«Человеческой природе свойственно лишь то, что лучше», потому что каждый человек, «кроме сознания своей плотской личной жизни, происходящей от мужского отца в утробе плотской матери, не может не сознавать свое рождение свыше...», «в этот божественный свет; по Толстому это и является залогом победы нравственных влечений

человека, Л Толстой в пишет: «Человеческой природе свойственно лишь то, что лучше», потому что каждый человек, «кроме сознания своей плотской личной жизни, происходящей от мужского отца в утробе плотской матери, не может не сознавать свое рождение свыше...», «в человеке живет божественный свет, сошедший с неба, и свет этот есть разум». Этот божественный свет, по Толстому и является залогом победы нравственных влечений человека. Достоевский вслед за Толстым, считает, что глубинная потребность жить заветами добра, братства и любви встречается с теми мелкими страстями, идущими от самолюбия и чувственности, которые разрастаются в гнилой атмосфере современного антагонистического общества. Он показал, что утрата чувства своей кровной, духовной и социальной связи с целым становится трагедией. Писатель в образе Раскольникова показывает трагедию человека, уверовавшего во всемогущество ложной мысли и потому обреченного на внутренний разлад. Для писателя нравственное – это движение непосредственного чувства, влечение к добру и отвращение ко злу. Добро им понимается как любовь к другим, способность жертвовать собой, а зло – эгоистическое разделение людей, их обособление [Достоевский, 2019, с. 89-135].

Достоевский, Айтматов вслед за Толстым, считают, что глубинная потребность жить заветами добра, братства и любви встречается с теми мелкими страстями, идущими от самолюбия и чувственности (Раскольников, Мармеладова, Неточка Незванова, Братья Карамазовы, герои Бесов; у Достоевского и Ильяс Джамия образ мальчика Таныбай, Сеид у Айтматова). Оба писателя беспощадной реалистической правдой показывают и доказывают, что утрата чувства своей кровной, духовной и социальной связи с целым становится трагедией: Орозкул, Раскольников, Свиригайлов, Бостон из Плахи. Все люди разделяются на две категории: люди могущественные, которым все позволено, и «твари дрожащие» [Достоевский, 2019, с. 89-135; Айтматов, 1988, с. 347]. В повести Айтматова «Тополек мой в красной косынке» образ авантюриста, молодого Ильяса, который вообразил себя лучше других, решившись с двумя принцами на грузовой машина без соответствующей технической подготовки преодолеть перевал Туя Ашу, что привело к аварии, к душевному разладу и разрыву с женой; это безнравственный поступок (измена жене Асель), и потому обреченного на внутренний разлад. Для обоих писателей нравственное – это движение непосредственного чувства, влечение к добру и отвращение ко злу. Добро ими понимается как любовь к другим, способность жертвовать собой, а зло – эгоистическое разделение людей, их обособление (Полина Неточка, Незванова и князь Мышкин, Сонечка Мармеладова у Достоевского ; Сеида Таннабай Джамия у Айтматова).

Именно аналогичные идеи свойственны творчеству Чингиза Айтматова. Его герои в романе «Плаха» – члены хунты и Авлий Калистратов. Бостон Урклтаиев и Авдий

Калистратов уходят из жизни, сделав все, что должны были сделать, предназначенное им судьбой. Авдий умирает, запечатлев свой образ в памяти «падших» членов хунты, и кто знает, может, он поможет им когда-нибудь ужаснуться своей жизни (как это уже произошло с некоторыми малолетними «гонцами»). Бостон умирает, невольно убив своего сына, «отвергая и убивая в себе» Базарбая, – преступив свой нравственный закон, свою сущность, без которой жизнь становится для него чужой, бессмысленной [Айтматов, 1987, с. 459].

В статье «Возвышение личности» Айтматов пишет, что «нравственный прогресс немислим без умения вопрошать себя, без умения отыскивать на эти вопросы ответы, которые должны носить характер высочайшего морального максимизма. В поисках максимальных критериев мы обращаемся ко всему ровному достоянию человечества. Но искать – не значит слепо перенимать, эпигонски заимствовать. Искать – это значит творчески обогащать...» Лев Толстой, разделяя с восточными фаталистами идею извечной предопределенности хода истории, не снимал значения активного личного начала в истории. Вопрос о значении «великого человека» волновал и Достоевского. Но он подвергает критике теорию исключительной личности, творящей историю. То есть во все времена писателей волнует вопрос роли личности в истории, нравственной ответственности человека [Кулешои, 1979, с. 94].

Преступление Раскольникова во многом обусловлено социальными причинами. Но Достоевский не мог считать его правомерным, необходимым результатом среды. Именно поэтому Раскольников, как и любой другой, безусловно, обязан прислушиваться к голосу своей совести. Тайное сознание вины обостряет внутреннее раздвоение Раскольникова. Преступление изображается как высший момент нравственного падения человека, извращения его личности. По замечанию автора, если бы в эту минуту Родион мог правильно видеть и рассуждать, то он «бросил бы все и тотчас пошел бы сам на себя объявить... от полного только ужаса и отвращения к тому, что он сделал». Всем ходом повествования писатель ответил на вопрос Раскольникова, показав, что преступление порождается нравственной болезнью [Достоевский, 1997; Ницше, 2020, с. 97].

Писатель абсолютизировал значение нравственного начала в деле исторического развития человека, «..если бы Собакевич и Коробочка стали настоящими христианами, уже совершенными, то изменились бы отношения между людьми. Прежние люди исчезли бы, как туман от солнца, и явились бы совсем новые люди» [Ракод, 1974, с. 279].

Пропаганда высокой нравственности в произведениях, пристальное внимание к проблемам морали – таковы черты творчества и Айтматова. Он с сарказмом высмеивает безнравственность (Орозкул – «Белый пароход», Исмаил – «Лицом к лицу», Абакир –

«Верблюжий глаз», Сабитжан из «Дольше века длится день». На одном только примере деда Момуна («Белый пароход») впечатляюще показано, к чему может привести непротивление злу, невежеству и жестокости.

Айтматов пишет: «Самым сокровенным и долговечным словом Достоевского в литературе явились его безмерное сострадание к человеку захлебывавшемуся в водовороте «жестокоего, циничного эксплуататорского общества». Достоевский пришел в русскую литературу, охваченный всесветной тревогой и болью за человека, терзаемо социальными трагедиями, противоречиями собственной изломанной натуры, страшную пору русский писатель возвысил одну из главнейших задач гуманистической литературы – воспитание нравственности человека; обучение состраданию, без которого он не может называться полноценным человеком» [Раков, 1974, с. 178].

С простотой гения Достоевский писал о людях среди людей, о повседневной, казалось бы, ничем не примечательной жизни своего времени. Но то, что он увидел в ней, в той жизни, и то, что он изобразил через судьбы и характеры своих героев, явилось откровением эпохи. Здесь немаловажную роль сыграло мастерство Достоевского, клинически точного в анализе психологии персонажей и мотивов их поступков, в выявлении зависимости судеб личности. «Для современных людей важно то, что Достоевский беспощаден к злу, и он дает беспощадный и точный анализ тому, вскрывает и причины, порождающие зло, тем самым писатель помогает нам жить и бороться за наши высокие идеалы. Он всегда учит думать о прошлом и настоящем, о вечной страде человеческого бытия – борьбу добра и зла».

Достоевского и Айтматова объединяет их вера в духовность человеческой личности, ее ответственности за поведение и состояние дел на земле. Они оба глубоко размышляют о путях развития человечества, о личности и ее месте в истории. Человеческая личность, ее психологический анализ, по Чернышевскому называется «диалектикой души», и что связано с показом внутренней нравственной энергии героя-искателя, размышляющего и выбирающего, а также оценивающего все эти вопросы, стали целью нашего сравнительного исследования творчества двух великих писателей.

Здесь немаловажную роль сыграло мастерство Достоевского, клинически точного в анализе психологии персонажей и мотивов их поступков, в выявлении зависимости судеб. Для современных людей важно то, что Достоевский беспощаден к злу, и что беспощадный и точный анализ вскрывает и причины, порождающие зло. тем самым писатель помогает нам жить и бороться за наши высокие идеалы. Он всегда учит думать о прошлом и настоящем, о вечной страде человеческого бытия – борьбы добра и зла. Айтматов не

просто восхищается гениальностью Ф.М. Достоевского в описании человеческих характеров и поступков, но и старается сам писать не хуже.

Список литературы:

- Айтматов Ч.* Плаха Фрунзе Кыргызстан 1987
Айтматов Ч. Романы и повести Фрунзе Кыргызстан 1988
Айтматов Ч. И дольше века длится день Фрунзе Кыргызстан 1981296 с
Леонтьев А.Н. Деятельность Сознание Личность Изд Политической литературы 1977 .348
Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики М Наука 1980литератур М.19775548 390 с
Достоевский Ф. М. Бесы М .Изд-во Аст М, 20191. 3000с
Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Воронеж. Цемчральио- Черноземное кя. изд-во, 97 347с
Достоевский Ф. М Собр соч в 30 томах том третий, Изд-во Наука М,1972 477 с
Достоевский Ф. М Собр соч в 30 томах том первый Изд-во Наука ,М,1972 472с
Достоевский Ф.М. Собр соч в 30 томах том второй, Изд-во Наука М,1972297с
История русской литературы XIX века. Вторая половина. Под ред. Скатова Н.Н. М., Просвещение,1987, с. 368
Кулешов К.И. Жм'знь и творчество Ф.М. Достоевского..., Дет.лит., 1979. 198с
Раков Ю. По следам литературных героев, -М., Просвещение, 1974. 347 с
Ницше Ф. По ту сторону добра и зла изд-во «Эксмо» М, 2020
Ницше Ф. Человеческое слишком человеческое Изд-во «Азбука»2015с
Солсо Р. Когнитивная психология Санкт-Петербург Питер 2011 588 с 475
Скиннер По ту сторону свободы и достоинства, *Астрель «011 335 с*

References:

- Aitmatov CH.* Plakha Frunze Kyrgystan 1987
Aitmatov CH. Romany i povesti Frunze Kyrgystan 1988
Aitmatov CH. I dol'she veka dlitsya den' Frunze Kyrgystan 1981296 s
Leont'ev A.N. Deyatel'nost' Soznanie Lichnost' Izd Politicheskoi literatury 1977 .348
Leont'ev A.N. Problemy razvitiya psikhiki M Natsuka 1980literatur M.19775548 390 s
Dostoevskii F. M. Besy M .Izl-vo Ast M, 20191. 3000s
Dostoevskii F. M. Prestuplenie i nakazanie. Voronezh. Tsemchral'io- Chernozemnoe kya. izd-vo, 97 347s
Dostoevskii F. M Sobr soch v 30 tomakh tom treii, Izd-vo Nauka M,1972 477 s
Dostoevskii F. M Sobr soch v 30 tomakh tom pervyi Izd-vo Nauka ,M,1972 472s
Dostoevskii F M Sobr soch v 30 tomakh tom vtoroi, Izd-vo Nauka M,1972297s
Istoriya russkoi literatury XIX veka. Vtoraya polovina. Pod red. Skatova N-N. M., Prosveshchenie,1987, s. 368
Kuleshoi K.I. Zhm'zn' i tvorchestvo F.M. Dostoevskogo..., Det.lit., 1979. 198s
Rakov YU. Po sledam literaturnykh geroev, -M., Prosveshchenie, 1974. 347 s
Nitsshche F. Po tu storonu dobra i zla izd-vo «EhksmO» M, 2020
Nitsshche F. Chelovecheskoe slishkom chelovecheskoe Izd-vo «AzbukA»2015s
Solso R. Kognitivnaya psikhologiya Sankt-Peterburg Piter 2011 588 s 475
Skinner Po tu storonu svobody i dostoinstva, *Astrel' «011 335 s*

Турдубаева Назгуль Шаршеналиевна
Киргизский национальный университет имени Ж. Баласагына
г. Бишкек (Киргизия)

Turdubaeva Nazgul Sharshenalievna
Kyrgyz National University of Jusup Balasagyn
Bishkek (Kyrgyzstan)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ПЕРЕВОДАХ НА КИРГИЗСКИЙ ЯЗЫК

THE WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY IN TRANSLATIONS INTO THE KYRGYZ LANGUAGE

Творчество Ф.М.Достоевского в киргизской литературе изучается долгие годы, его произведения были переведены для киргизских читателей.

В данной статье анализируются не все переводы; в частности, внимание обращается на качество перевода на киргизский язык романа «Бедные люди». Анализируется русский текст в сопоставлении с киргизским переводом и рассматриваются художественные образы, особенности языка писателя, словосочетания, обороты, реплики, лирические отступления, психологическая динамика в развитии диалогов и т.д.

Fyodor Dostoevsky's works have been studied for many years in Kyrgyz literature, his writings have been translated for Kyrgyz readers.

Not all translations are analyzed in this article. Particular attention is drawn to the quality of the translation of the 'Poor People' novel into the Kyrgyz language. The Russian text is analyzed and compared to the Kyrgyz translation with the study of artistic images, peculiarities of the writer's language, phrases, remarks, lyrical digressions, psychological dynamics in the development of dialogues, etc.

Ключевые слова: Федор Достоевский, «Бедные люди»; художественный перевод, национальная литература, Токтосун Мамбетсариев.

Key words: Fyodor Dostoevsky, 'Poor People', literary translation, national literature, Toktosun Mambetsariev.

Художественная переводная литература в Кыргызстане возникла одновременно с профессиональной и стала частью общей национальной литературой. Общий художественно-эстетический уровень переведённых произведений показал рост качества художественного перевода, профессиональную зрелость переводчиков XX века. Именно в конце 50-х годов в Кыргызстане на киргизский язык стали переводить произведения великого писателя Ф.М. Достоевского.

В 1957 году видный педагог, журналист Токтосун Мамбетсариев опубликовал перевод на киргизский язык романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» [Мамбетсариев, 1957, с. 130]; в 1960 году известный писатель Киргизии Касымбек Эшмамбетов перевёл «Униженные и оскорблённые» («Кор болуп, ызакөргөндөр») [Эшмамбетов, 1957, с. 405]; в 1978 году в переводе Х.Аманканова издаётся сборник «Повести и рассказы» на киргизском языке. В сборник входят произведения: «Белые ночи» (Буурул түндөр), «Слабое сердце» (Суу жүрөк), «Ёлка и свадьба» (Ёлка жана той), «Маленький герой» (Бала баатыр), «Господин Прохарчин» (Прохарчин мырза), «Ползунков» (Ак ниет уулу Ползунков)

[Аманканова, 1978, с. 218]; в 1984 году известный переводчик Базаркул Сагымбеков перевёл на киргизский язык роман «Идиот» (Көк мээ) [Сагымбаев, 1984]. Кроме того, в киргизской литературе были опубликованы научные статьи на страницах журнала «Литературного Кыргызстана».

В 1971 году публикуются статьи Н.Каримова «Достоевский на кыргызском языке» [Каримова, 1971, с. 13-15], профессора К. Ломуновой «Мировоззрение и творчество Достоевского» [Ломунова, 1971, с. 3], А. Бапаевой «Из воспоминаний» [Бапаева, 1971, с. 7], писателя Ч.Айтматова «С суровым реализмом» [Айтматов, 1971, с. 6] и т.д. Во всех публикациях и исследованиях отмечают великое влияние Достоевского на киргизскую литературу, как новатора традиций психолизма [Куслина, 2016, с. 119-121]. Действительно, писатель Ф.М. Достоевский является художником-психологом своих произведений, это создавало трудность перевода, но все же его известные произведения были переведены на киргизский язык. Проанализируем, одно из переведённых Токтосуном Мамбетсариевым произведений на киргизский язык, роман «Бедные люди».

Автор перевода Т.Мамбетсариев многие годы работал на факультете журналистики в КНУ имени Жусупа Баласагына. В 1974-1991 годы успешно руководил кафедрой печати. В эти годы профессорско-преподавательский состав кафедры журналистики проводил научные исследования в журналистике. Токтосун Мамбетсариев, занимаясь исследованием истории печати Киргизской Республики, защитил кандидатскую диссертацию на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Исследования журналистики на русском языке, защита кандидатской диссертации в России подтолкнули Т. Мамбетсариева к переводу русских шедевров на киргизский язык.

Название романа «Бедные люди» на киргизском языке переведено «Бечаралар» (бедные). Это одноименное слово со словом «бечалар» (бедные). Слово «бечаралар» (бедные) обозначает множественное число, т.е. люди, которые живут в недостатке, или от природы живые, созданные не по требованию человеческого существования. В переносном значении слово «бедный» означает несчастный. Отсюда производные «бедалага», «бедняга», «бедняжка». Герои романа действительно несчастны. Макар Девушкин - одинокий человек. Разве можно назвать счастливым человека без семьи? Варенька Доброселова пережила потерю родных, а потом вынуждена была выйти замуж за нелюбимого. Горшковы плачут от безысходности своего положения, а позже их положение усугубляется потерей 9-летнего сына. Таким образом, смысл названия романа Ф. Достоевского «Бедные люди» следует рассматривать в прямом значении. В киргизско-русском словаре слово «бечара» (бедные) переводится как «бедняга, бедняжка» или есть слово «бечаралык» (бедность, немощность, жалкое состояние кого-либо) [Юдахин, 1965,

с. 132]. Автор перевода на киргизский язык употребил это слово в прямом значении. Учитывая авторский замысел, название романа можно было бы перевести как «Кедей адамдар» (Бедные люди).

Роман «Бедные люди» небольшой по объему, смысл романа актуален по сей день. Роман начинается в эпистолярной форме. Эта форма помогает понять глубину сюжета романа. Главный герой романа Макар Девушкин пишет письмо своей возлюбленной Варваре Алексеевне. В содержании писем читатель знакомится с искренней любовью Макара Девушкина к Варваре Алексеевне. Переводы девяти писем приведены в начале романа. В письмах есть некоторые слова, которые в русском языке звучат и произносятся по-особенному, а в киргизском переводе теряют свою искренность. Например, в начале первого письма сказано: **«Вы знаете, маточка, что я часочек-другой люблю поспать после должности»** [Достоевский, 1986, с. 79]. В этом предложении есть слово **«маточка»**. Слово «маточка» употребляется как почтительно-фамильярное обращение к пожилой женщине. Оно является производным от слова «мать», что в данном случае обозначает близкую или верную женщину. В киргизском переводе это слово заменили **«жаным» (душа моя)**. Так подчеркивается близость главных героев друг другу. В киргизском языке это слово употребляется только по отношению к самому близкому человеку. Дальше во всех девяти письмах главный герой обращается к Варваре таким образом: «Бесценная моя, милостивая государыня, голубчик мой, Варенька». Все письма начинаются с этих душевных слов. В киргизском переводе подобные обращения главного героя были переведены как *«баажеткисасылым (моя бесценная благородная), мээримдүү (милостивая) ханышам (государыня) садагасы (благодетельница) Варенька»*. Т.е. в киргизском переводе было добавлено слово «садагасы» (благодетельница). В киргизской разговорной речи слово «садагасы» (благодетельница) употребляют только по отношению к своей возлюбленной и ни к кому другому. Также в сюжетной линии, в воспоминаниях главных героев есть слова, которые удачно звучат в русском тексте и неудачно звучат в киргизском тексте перевода. Например, в русском тексте: **«Плачу, бывало, целую ночь, длинную, скучную, холодную ночь»** [Достоевский, 1984, с. 98]. Этот же текст в киргизском переводе: **«Кээде суук, узун түндө таң аткыча ыйлап отуруучумун»** [Мамбетсариев, 1957, с. 22]. Автор произведения Ф.М. Достоевский мастерски употребляет одно слово в разных значениях, т.е. ночь в его понятии длинная, скучная и холодная, а в переводе Мамбетсариева, ночь просто холодная и длинная, слово «скучная» остается не переведенным и выпадает из текста. Почему? Мастерство Достоевского заключается именно в употреблении слов с несколькими значениями. Почему ночь нельзя перевести по авторскому описанию. Здесь можно было добавить слово-эпитет. Эти

“недопереводы” встречаются в предложениях с фразеологическими выражениями. Например, в русском тексте есть «**долгов было пропасть**» [Достоевский, 1984, с. 99]. Этот же текст в киргизском переводе «**карыз баштан ашты**» (**долг превышен, выше головы**) [Мамбетсариев, 1957, с. 23] получился не точным. Мы в жизни употребляем эту фразеологию, когда у нас много дел или нет свободного времени и т.д. Можно сказать, что переводчик старался показать выразительные особенности киргизского языка. Кроме того, в оригинальном тексте есть фразеологическое предложение «**сердце из груди хотело выпрыгнуть**» [Достоевский, 1984, с. 109]. Эта метафора соответствует менталитету киргизского народа и сохранена в переводе.

В романе Ф.М. Достоевского на основе образа Петра Покровского мастерски раскрывается жизнь простых, бедных людей того времени. Люди нашего времени так же трудно живут, как Петр Покровский. Сын Покровского не выходил из своей комнаты, всё время читал, мало говорил. Отец и сын были очень одинокими людьми до самой смерти. С одной стороны, Петр Покровский не смог реализовать свои способности и талант, не смог оставить свои знания в науке, а, с другой стороны, к этому его привела трудная жизнь.

Проблемы, поднятые Ф.М. Достоевским в своих произведениях, актуальны в нашем обществе. Образ Петра Покровского живет и сегодня.. Безработица в Киргизстане существует до сих пор. Такие как Покровские не могут устроиться на какую-либо работу или, устроившись, получают настолько мало, что денег не хватает до следующей зарплаты. Не добившись хорошей жизни, такие, как Пётр Покровский, умирают. Автор реально описал смерть Петра Покровского. Он просит открыть шторы у окна, ему открывают шторы: погода пасмурная, солнца не видно. Только холод и тоска - а через минуту Покровский умирает. Это говорит о том, что жизнь жестока. Когда человек начинает видеть свет в своей жизни, он тут же умирает. Читая описание смерти героя, чувствуешь, как ему трудно прощаться с жизнью. В последние минуты жизни человек не может осуществить последнее желание. Это все смог передать в переводном тексте Токтосун Мамбетсариев. Кроме того, он показал языковые особенности киргизского языка и сохранил стиль Ф.М. Достоевского.

В тексте романа употребляются слова в двух или трёх значениях. Например: **ночь** – длинная, скучная, холодная; со всеми здороваешься, смеёшься, хохочешь, бегаешь, прыгаешь; **что я** – бесчувственная, каменная; **старичок** – запачканный, дурно одетый, маленький, седенький, мешковатый, неловкий; **вы** – успокойтесь, лягте; **он** – с замешательством, с изумлением; **все** – грустные, тяжёлые; **облако** – дождливое, хмурое, грустное и т.д. Так много значений слов объясняется лексической сочетаемостью. В

переводе, к сожалению, многозначность русских слов сохранить не удалось: чаще всего было передано одно из значений слова.

В диалогах автор использует пословицы. Например, когда Макар Девушкин пишет о себе Вареньке: *«И пожалеешь, Варенька, о себе, что сам – то не того да не так; что по пословице – вырос, а ума не вынес»* [Достоевский, 1984, с. 131]. Этот диалог в киргизском переводе: **«теректей бой бергиче, теменедейакылберсин» (чем вырастет как тополь, лучше разумным быть как глаза иглы)**. Это дословный перевод. Если сравнить оригинальный текст с киргизским переводом, можно заметить, что Т. Мамбетсариев старался использовать народную мудрость, переводчик добавил свой текст. Например: *«Всё это вы по совести должны бы были знать, маточка, и он должен бы был знать; уж как взялся описывать, так должен бы был все знать. Нет, я этого не ожидал от вас, маточка: нет, Варенька! Вот от вас – то именно такого и не ожидал»* [Достоевский, 1984, с. 145]. Этот же текст в киргизском переводе: *«Ушунунбаарын сиз билишиңизкерек эле жаным, ушу“Шинелди” жазган жазуучу да билүүгө милдеттүү эле, жазам деп колго алгандан кийин, ал баарын тең билүүгө милдеттүү болуучу. Жок, мен сизден муну күткөн жок элем, жаным; жок Варенька! Чынын айтканда мен сизден мындай ишти күткөн эмесмин»* [Мамбетсариев, 1957, с. 68]. В переводном тексте говорится о каком-то писателе, который умел писать о шинели. Откуда переводчик добавил слово «шинель». Такое добавление к авторскому тексту не искажает замысел романа, а наоборот, своеобразно трактует его.

Теперь рассмотрим описание действующих лиц романа. В романе не много образов: Макар Девушкин, его любовь Варенька, Петра Покровский, его отец, Анна Фёдоровна – их фрагменты жизни, подтверждающие, что это бедные люди, требующие сочувствия. Этими образами автор раскрывает сюжет романа. Иногда в киргизском переводе в монологах главных героев встречаются лирические отступления. Приведём один пример. Варенька или Варвара Доброселова в одном из своих писем пишет: *«Макар Алексеевич. Ах, друг мой! Не счастья заразительная болезнь. Несчастливым и бедным нужно сторонится друг от друга, чтоб еще более не заразится»* [Достоевский, 1984, с. 149]. Этот текст в киргизском переводе: *«Макар Алексеевич! Эй, досум ай! Бактысыздык жугуштуу оору. Ошол ооруну бири-бирине жуктурбоо үчүн бактысыздар менен бечаралар биринен-бири оолак жүрүшү керек»* [Мамбетсариев, 1957, с. 72].

В киргизском тексте автор перевода практически дословно донес читателю душевное состояние Вареньки. Читатели киргизского текста поймут, почему Ф.М.Достоевский назвал роман «Бедные люди». Название романа подразумевает, что в романе будет описываться жизнь бедных людей, но это не так. Читая выше приведённый

текст, можно заметить, что автор хотел раскрыть жизнь людей, социальных изгоев. Один ограничен болезнью, другой просто инвалид, поэтому не общаются с окружающими людьми. Это заметно в тексте: *«Несчастливым и бедным нужно сторониться друг от друга, чтоб ещё более не заразиться»*. Читая этот текст, понимаешь, что бедные люди еще и несчастные. Эти философские размышления автора сохранились в киргизском переводе. Автор перевода поэтому назвал этот роман «Бечаралар». Он перевёл не по названию, а по смыслу этого произведения. Слово «бечаралар» имеет смысл «бедные». Ну почему-то автор перевода не добавил слово «люди». Можно было назвать на киргизском «Бечара адамдар»(Бедные люди).

В романе автор описывает характерные черты бедных людей. Он пишет: *«Бедные люди капризны. Это уж так от природы устроено...бедный – то человек, он взыскателен; он и на свет – то божий иначе смотрит, и на каждого прохожего косо глядит, да вокруг себя смущенным взором поводит, да прислушивается к каждому слову»* [Достоевский, 1984, с. 153]. В киргизском переводе: *«Кедей адамдар – кереаяк келет; бул өзү жаратылыштан ушундай. Муну мен мурун сезгенмин, ал эми азыр мурункулдан да күчтүрөөк сезе баштадым. Кедей адам иликтегич келет; кудай жараткан дүйнөгө да, башкача карайт; ар бир өткөн – кеткендерге кыйыр карап, айлана тегерегине, ар би сөзгө мен тууралу айтып жатабы деп шектенип карайт»* [Мамбетсариев, 1957, с. 77].

Автор даёт читателю понять, какими бывают бедные люди, под ударами судьбы они превращаются в капризных людей. Этот текст в киргизском переводе отличается словом «Кедей адамдар – кереаяк келет»(Бедные люди). Слово «кереаяк» в киргизско-русском словаре переводится «упрямый, супротивный» [Юдахин, 1965, с. 376]. В оригинале текста слово «каприз» обозначает характер человека. В русско-киргизском словаре «каприз» *«кежирлик, чыргоолук, эс нерсени кыртышын сүйбө, кубулма, өзгөрмөлүп турат»*– деп которулган [Мамбетсариев, 1957, с. 272]. В киргизском варианте «кереаяк» человек, который может сказать что угодно, а не просто нагрубить, не боясь бога. А каприз –слово, указывающее на человеческий характер, человек, которому очень сложно понравиться. У этого человека есть свои принципы.

В киргизском переводе романа «Бедные люди» удалось сохранить языковые особенности писателя Ф.М. Достоевского. Перевод Токтосуна Мамбетсариева точен в силу того, что переводчик в основном находит абсолютные эквиваленты, близкие аналоги, использует калькирование. Можно сказать, что Т.Мамбетсариеву удалось передать великое наследие Ф.М. Достоевского на киргизском читателю.

Список литературы:

- Достоевский Ф.М.* Бедные люди(Бечаралар) / Ф.М. Достоевский // Перевод на кирг.язык Т. Мамбетсариев. – Фрунзе: Кыргызсмамбас, 1957.130 с.
- Достоевский Ф.М.* Бедные люди. Романы,повести/ Ф.М. Достоевский. – 1984, 366с; 1986, 589с.
- Достоевский Ф.М.* Идиот(Көк мээ):Роман/ Ф.М. Достоевский // Б. Перевод Сагымбаев. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984.743с.
- Достоевский Ф.М.* Повести и рассказы(Повесттер, аңгемелер)/ Ф.М. Достоевский // Перевод на кирг.язык Х. Аманканов. – Фрунзе:Мектеп, 1978. 218с.
- Достоевский Ф.М.* Униженные и оскорбленные (Кор болуп, жаза көргөндөр) / Ф.М. Достоевский // Перевод на кирг.язык К. Эшмамбетов. – Фрунзе: Кыргызокуупедмамбас, 1960. 405с.
- Каримов Н.* Достоевский на кыргызском языке/ Н. Каримов. – Литературный Кыргызстан, 1971.№6. С. 13-15.
- Куслина Д.* К вопросу о трансляции произведений Ф.М.Достоевского в Кыргызстане/ Д. Куслина. – Известия вузов, 2016.№10. С. 119-121.
- Ломунов К.* Мировоззрение и творчество Достоевского(Достоевскийдин дүйнөгө көз карашы жана чыгармачылыгы)/К. Ломунов. – Советтик Кыргызстан, 1971.11ноября.3 с.(на киргизском языке).
- Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь / К.К. Юдахин. – Москва, 1965.
- Айтматов Ч.* Катаал реализм менен /Ч. Айтматов. – Кыргызстан маданияты, 1971.17ноября. №46. 6 с.(на киргизском языке).
- Бапаева А.Я.* Эскерүүлөрдөн/ А.Я. Бапаева. – Кыргызстан маданияты, 1971.10ноября. №43. 7 с. (на киргизском языке).

References:

- Aitmatov Ch.* Kataal realism is menen / Ch. Aitmatov. – Kyrgyzstan madaniyaty, 1971.17thNovember. No. 46. 6 p. (In Kyrgyz language).
- Бараева А.Я.* Eskeryülördөн/A.Ya. Baraeva. – Kyrgyzstan madaniyaty,1971.10thNovember. No. 43. 7 p. (in Kyrgyz language).
- Dostoevsky F.M.* Bednyelyudi[Poor People] (Becharalar) / F.M.Dostoevsky // Translation into Kyrgyz by T. Mambetsariev. – Frunze: Kyrgyzsmambas, 1957. 130 p.
- Dostoevsky F.M.* Bednyelyudi. Romany, povesti[Poor People. Novels, stories/ F.M.Dostoevsky. – 1984, 366p.; 1986, 589p.
- Dostoevsky F.M.* Idiot [The Idiot] (Kök mee): Roman / F.M.Dostoevsky// Translated by B. Sagymbaev. – Frunze: Kyrgyzstan, 1984.743p.
- Dostoevsky F.M.* Povestiirasskazy[Stories and short stories] (Povestter, gemeler) // Translated into Kyrgyz language by Kh. Amankanov. – Frunze: Mektep, 1978. 218p.
- Dostoevsky F.M.* Unizhenneyioskorblennye[Humiliated and Insulted] (Korbolup, zhaza көргөндөр)F.M.Dostoevsky // Translated into Kyrgyz language by K. Eshmambetov. – Frunze: Kyrgyzokuupedmambas, 1960. 405p.
- Karimov N.* Dostoevskii na kyrgyzskom yazyke [Dostoevsky in the Kyrgyz language] / N. Karimov.– Literary Kyrgyzstan, 1971. No. 6. P. 13-15.
- Kuslina D.* K voprosu o translyatsii proizvedenii F.M.Dostoevskogo v Kyrgyzstane[On the broadcasting the Works by F.M. Dostoevsky in Kyrgyzstan/ D. Kuslina. –Izvestiyavuzov,2016.No. 10. P. 119-121.
- Lomunov K.* Mirovozzrenie i tvorchestvo Dostoevskogo[Worldview and creativity of Dostoevsky] (Dostoevskydin dyynөгө көз карашы zhana chygarmachylygy)// K. Lomunov. – Soviet Kyrgyzstan, 1971.11thNovember. 3p. (In Kyrgyz language).
- Yudakhin K.K.* Kirgizsko-russkiislovar'[Kyrgyz-Russian dictionary] / K.K. Yudakhin. – Moscow, 1965.

Хуснулина Разиля Рафинатовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Khusnulina Razilya
The Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И АНГЛИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ-
«ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ» НАЧАЛА XX ВЕКА: ДИАЛОГ**

**F.M. DOSTOEVSKY AND THE ENGLISH "TRADITIONALIST" WRITERS OF
THE EARLY 20TH CENTURY: A DIALOGUE**

Ф.М. Достоевский (1821-1881) отнюдь не вошел в английскую культуру легко и плавно. Напротив, он был встречен настороженно и с опаской, как писатель, ломающий устойчивые литературные каноны, осваивающий неведомые темы и опровергающий привычные вкусы. Подобный «этнографический» подход к творчеству писателя как к некоей типовой всеобъемлющей формуле загадочной «русской души» на долгое время, вплоть до 1920-х годов, стал для литературоведов и критиков Англии самой простой «разгадкой» Достоевского - провидца со странной судьбой.

Доминанта загадочной «русской души» определила интерпретацию личности писателя, его творчества. Отчего и казалось возможным «не замечать» Достоевского и отодвинуть на периферию, говоря о его экспериментах как о причуде второстепенного прозаика. Таким образом, отношение писателей-«традиционалистов» к Ф.М. Достоевскому стало литературным «каузери»: его читали, ему подражали в своем творчестве, но демонстративно отстранялись от него в своих высказываниях. И только в 1920-е годы, когда старшее поколение писателей-«традиционалистов» уже сказало свое слово о Достоевском, модернисты бросили им вызов. В этом противостоянии Достоевский пришелся к месту. С этого времени началось реальное «открытие» Достоевского в Англии.

F. M. Dostoevsky (1821-1881) did not enter the English culture easily and smoothly. On the contrary, he was met with caution and apprehension, like a writer who breaks down stable literary canons, masters unknown topics and refutes familiar tastes. Such an "ethnographic" approach to the writer's work as a kind of standard comprehensive formula of the mysterious "Russian soul" became the simplest solution of Dostoevsky, a visionary with a strange fate, for literary critics and critics of England for a long time, until the 1920s.

The dominant of the mysterious "Russian soul" determined the interpretation of the writer's personality and his work. That is why it seemed possible to "ignore" Dostoevsky and push him to the periphery, speaking of his experiments as a quirk of a minor prose writer. Thus, the attitude of the "traditionalist" writers to F. M. Dostoevsky became a literary "causerie": they read him, imitated him in their work, but pointedly distanced themselves from him in their statements. Only in the 1920s, when the older generation of "traditionalist" writers had already said on Dostoevsky, that the modernists challenged them. In this confrontation, Dostoevsky fell into place. Since that time, the real "discovery" of Dostoevsky in England began.

Ключевые слова: каноны, провидец, традиционалисты, модернисты, вызов, открытие.

Key words: canons, visionary, traditionalists, modernists, challenge, discovery.

Отношение к творчеству Ф.М. Достоевского на рубеже XIX-XX веков в Англии неразрывно связано с собственно английской литературой, со столкновением и борьбой мнений, вкусов, идейных и художественных позиций писателей.

Одним из первых Достоевским заинтересовался Джозеф Конрад (1857-1924). В предисловии к «Коротким рассказам» (1924), куда вошел и его первый рассказ «Лагуна»

(1898), автор отметил, что на примере героя стремился показать, как в «прямодушном характере» «природная жестокость сочетается с неожиданно глубокой моральной утонченностью» [Конрад, 1959, с.678].

Конрад с первых рассказов подражал Достоевскому, считая, что это – кратчайший путь к успеху. Вместе с тем его отношение к писателю осложнялось личным отношением Конрада ко всему «русскому». Сын польского дворянина, высланного за участие в подготовке к восстанию 1863 года в российскую Вологду, Джозеф Конрад рано осиротел и, мечтая стать моряком, уехал сначала во Францию, потом в Англию, навсегда сохранив о России горестное чувство. Поэтому об этой стране, ее политике, литературе он писал со свойственной ему отчужденностью и травмированностью, что выразилось и в диалоге с Достоевским. «Имя Достоевского действовало на него, как красная тряпка на быка, – писал Голсуорси. – Мне говорили, будто однажды он признал, что Достоевский глубок, как море. Поэтому, возможно, он и не выносил его, а может быть, на польский вкус Достоевский слишком пропитан русским духом. Так или иначе, его безудержные метания из крайности в крайность оскорбляли что-то в душе Конрада» [Голсуорси, 1962, с. 442]. Подобное отношение Конрада к Достоевскому, в котором к ненависти примешивалось и неприкрытое соперничество, отнюдь не мешало, а, может быть, даже и способствовало поддержанию на протяжении ряда десятилетий диалога с ним, который принимал форму то полемики, то переосмысления наследия писателя с целью приблизить к английской современности.

В 1898 Конрад в письме к Эдварду Гарнетту, с которым его объединяла дружба, впервые публично высказал свое мнение о Достоевском, в романах которого он открыл для себя «новый мир». Эту фразу писатель заимствовал у В. Вулф, которая именно так характеризовала творчество Достоевского.

Когда в 1907 году вышел «Секретный агент» ('The Secret Agent') Конрада, Эдвард Гарнетт осторожно, не желая ранить самолюбие прозаика, предположил, что произведение выбивается из европейской литературной традиции; на его взгляд, оно ближе славянской. Позднее в очерке о романе «На взгляд Запада» Конрада, написанном за семь месяцев до окончания Констанс Гарнетт перевода «Братьев Карамазовых», критик напрямую соотнес эти романы, которые, на его взгляд, объединяет «изображение темных сторон души», «психологическая достоверность». Оценивая мастерство Конрада, Э.Гарнетт заметил: «Его многие страницы сопоставимы с романами Тургенева и Достоевского» (перевод мой – Р.Х.) [Гарнетт, 1937, с.141-142]. Конрад воспринял это как личное оскорбление и разразился гневным письмом, в котором отрицал «русское»

влияние. «Вы так проникнуты всем русским, мой дорогой, – ответил ему критик, – что не хотите признать очевидность» (перевод мой – Р.Х.) [Гарнетт, 1928, с.250].

Понять обиду Конрада, эмигранта, можно: он не хотел, чтобы его имя хоть как-то соотносилось с Россией, поэтому предпочитал, чтобы события, изображенные в романе, принимались читателями за обобщенные им факты из английских газетных хроник. В письме к Оливии Гарнетт он добавил к сказанному, что, в действительности, «знает ничтожно мало о русских» (перевод мой – Р.Х.) [Гарнетт, 1911, с. 250-251].

Принижая Достоевского и видя в нем «антитезу» почитаемому им И.С. Тургеневу, с которым испытывал «славянское» родство, Конрад писал, что Достоевский «слишком русский для него». Но к этому чувству примешивалось неприкрытое соперничество с ним, заметное в неоконченном романе «Сестры» (“The Sisters”, 1896). Имея в виду выведенный Конрадом образ мечтателя Стефана, разочаровывающегося в жизни, Форд заметил: «В глубине души он хотел быть таким, как Достоевский, мыслящим писателем» (перевод мой – Р.Х.) [Форд, 1928, с. 2]. Чувство метафизического родства с Достоевским, их сходной человеческой природы, в действительности, оказывается действенное, чем скепсис. За ним стоит многое: и нежелание осознать себя второстепенным по отношению к «скрытому кумиру», и – самое главное – память о том, с чего началась глава его собственной жизни, как много пришлось вытерпеть лишений и страданий, осваиваясь в новом, непривычном для него социуме - словом, обо всем том, что стало его судьбой. Поэтому то, о чем писал Достоевский, Конраду было ближе, чем кому-либо из современных ему английских романистов. Об этом свидетельствуют типологические соответствия его романа «На взгляд Запада» (“Under Western Eyes”, 1911) с «Преступлением и наказанием». В этом романе, как он признался О. Гарнетт, он «исключительно занят идеями» (перевод мой – Р.Х.) [Гарнетт, 1937, с. 27].

Именно идеи сближают его Разумова с Раскольниковым. Оба героя – бедные студенты - считают призванными совершить нечто такое, что позволит им выразить свою личность. Потрясенные своими деяниями, оба глубоко страдают и, в конце концов, признаются возлюбленным в виновности, хотя вполне могут скрыть свои преступления. Вместе с тем образ Разумова был задуман как «обычного молодого человека», а Раскольникова – «необычного». И в целом, по мысли Ж. Бейнес, «цель, тональность и форма романов ...абсолютно несхожие» (перевод мой – Р.Х.) [Бейнес, 1928, с. 369-370].

В отдельных «морских» повестях, к примеру, в «Теневой черте» (“The Shadow Line”, 1917) Конрад вслед за Достоевским исследовал тему трагической изоляции. Его герой – капитан, «подавленный одинокой ответственностью» перед лицом грозной стихии, которой не в силах противостоять, чувствует себя преступником: «Ни один

сознавшийся преступник не был так подавлен чувством своей вины» [Конрад, 1959, с. 581]. В другой повести «Признание» рассказчик, в момент кризиса взвешивает, подобно героям Достоевского, все “pro” и “contra”. На этом сюжетная «переключка» с Достоевским, по-видимому, и исчерпывается. Поясняя замысел повестей, Конрад отмечает, что они – не результат «какого-то заранее намеченного плана». Они «берут свое начало в глубинных источниках» [Конрад, 1959, с. 678]. Одним из таких «источников», по-видимому, был для него Достоевский. Произведения Конрада связаны с его романами тематически, и постоянные отсылки к ним создают соответствующий фон.

Для Джона Голсуорси (1867-1933) Достоевский, по-видимому, тоже был одним из таких «источников». Его ранние новеллы уже отмечены влиянием «Преступления и наказания», «Униженных и оскорбленных». Ларри из «Первых и последних» – не Раскольников, но примириться с тем, что за совершенное им убийство будет казнен другой, он не может: «Человек может сомневаться долгие недели – сознательно, подсознательно, даже в снах, – но потом наступает момент, когда больше колебаться невозможно» [Голсуорси, 19775, с. 86]. В новелле «Поражение» девушка-немка, жизнь которой проходит вдали от родины, в обществе «клиентов», рассказывает оказавшемуся рядом с ней солдату о «святости страдания» [Голсуорси, 1975, с. 110], совершенно несвойственного взглядам Голсуорси, и душевное состояние героини кажется списанным с Сони Мармеладовой.

В 1916-30 годах, в самый разгар споров о Достоевском и «русской душе», Голсуорси, составивший во время поездки в Россию свое, не книжное мнение о русских, неожиданно выступил с серией эссе о «дополнении» русских и англичан, в которых весьма критично отозвался о Достоевском. Уже прославленный автор в статье «Русский и англичанин» (1916) подвел итог тому, чему научился у русских писателей: «Произведения Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого и Чехова – поразительной искренностью и правдивостью этих мастеров - позволили мне, думается, проникнуть в некоторые тайны русской души» [Голсуорси, 1962, с. 370].

Автор эпопеи о Форсайтах, запечатлевшей типично английские образы, нравы и психологию, решил, что он постиг «тайну русской души», и сделал ряд обобщений об их «связанности»: «Удивительно, как русский и англичанин дополняют друг друга, составляя две половины целого. То, чего недостает русскому, есть у англичанина, то, чего недостает англичанину, есть у русского» [Голсуорси, 1962, с. 370]. Однако судил он о народах легко и опрометчиво, поскольку подразумевал под «дополнением» не «добавочность», а «роковое несходство», по поводу «разного отношения к правде». Англичане, на его взгляд, «дух правды» не особенно ценят, русские же мастера пишут так, «будто между

ними и жизнью нет печатного текста». Вместе с тем русским не хватает английской «сдержанности», «умения держать свои чувства в узде», из чего он делает вывод, что по образу жизни «мы ... старше вас».

Рассуждая о социальных и политических взглядах русских, «нации молодой и так щедро себя растрачивающей», Голсуорси выразил надежду, что они поддадутся английскому влиянию - «старой нации с практическим и осторожным взглядом на жизнь». Однако после Октябрьской революции он стал судить о возможности схождения между русскими и англичанами, как двумя половинками одного целого, с гораздо большей осторожностью. И русские, и англичане, как ему теперь кажется, «мало поддаются постороннему влиянию», хотя полностью его он не исключает: «В искусстве мы можем позаимствовать кое-что у вас, в жизни вы можете позаимствовать кое-что у нас. При этом Голсуорси имел в виду «прямоту изображения увиденного, искренность» [Голсуорси, 1962, с. 372].

В статье «Еще четыре силуэта писателей» (1930), написанной в продолжение «Силуэтов шести писателей» (1924), Голсуорси пишет, что для русских писателей «главное... - чувства, а еще больше, пожалуй, - выражение чувств» [Голсуорси, 1962, с. 435]. По способу их выражения, на его взгляд, Л.Н. Толстой «гораздо более велик», чем Достоевский, «и Тургенев тоже». Оставаясь духовно верным Тургеневу, Голсуорси с грустью пишет о том, что, когда английские критики в начале XX века «открыли» Достоевского, то «стало модно говорить ... с пренебрежением о Тургеневе». Казалось бы, для обоих талантов хватит места, пишет он, но в литературном мире «принято гасить один светильник прежде, чем зажечь другой» [Голсуорси, 1962, с. 399]. Отметив непостоянство читательской публики, которая торопится отдать предпочтение новому кумиру, с пренебрежением отзываясь о старом, Голсуорси критично отозвался о Достоевском.

За полгода до смерти Голсуорси признался К. Дюпре что, «если бы сейчас он перечитал Достоевского, то, бесспорно, нашел бы его интересным». В то же время он выразил и сомнение: «Я не уверен, что он способен оказать универсальное влияние на романиста. В вопросах морали и философии он расплывчат», и далее, сравнивая его с Толстым, замечает, он не настолько велик: и как художник, и как мыслитель» (перевод мой – Р.Х.) [Мэррот, 1035, с. 804].

Достоевский, у которого, как полагал Голсуорси, он научился «пониманию русской души», в действительности, удовлетворил его готовое ожидание, ответил предполагаемому стереотипу о том, что «русские души» – это «чудища», которые «выглядывают на тебя из нор, что в дрожь бросает». Из чего заключил: «Очень показательно для наших изломанных, забрызганных кровью времен, что бал сейчас

правит Достоевский» [Тугушева, 2000, с. 268]. Суждение Голсуорси – расхожий пример всевластия типовой формулы, не позволяющей ни понять, ни оценить Достоевского. Из него становится ясно, как многое теряется, отбрасываемое в угоду стереотипу подобных однобоких представлений.

Э.М. Форстер (1879-1970) встретил Достоевского, как и Голсуорси, настороженно, с опаской и воспринял его в некоем общем ряду. «В литературе, – как он пояснил в эссе “Вирджиния Вулф”, – возможна жизнь двойного рода: жизнь на страницах книги и жизнь в веках» [Форстер, 21977, с. 303]. В то, что Достоевский может заставить героев «жить вечно» он не верил, и тем противоречил себе. Уже в своем первом романе «Куда боятся ступить ангелы» (1905) он обратился к художественному опыту Достоевского и показал, как вмешательство чопорной англичанки Генриетты в семью ее покойной золовки приводит к трагедии: похищенный ею у «неподобающего» отца-итальянца ребенок умирает. О том, что кажущиеся оправданными намерения могут привести к разрушительным последствиям, Форстер наблюдал в романах Достоевского, и, как видно из статьи «Конец самовару» (1919), его восхищали моменты «стыка»: «вместо социальной сатиры или фарса неожиданно получаешь бесценный, раздирающий душу урок» (перевод мой – Р.Х.) [Форстер, 1927, с. 10]. Урок в романе получил брат Генриетты Филип, который, пережив потрясение, «преисполнился чистосердечного желания быть лучше... и достойным того важного» [Форстер, 1977, с. 154], что он за это время понял. Сочетание в романе английской темы – критики фарисейства, снобизма, стяжательства – с мотивами Достоевского воспринимается Форстером как потребность «оживить» писателя.

В той же статье «Конец самовару», посвященной впервые изданному в Англии сборнику «Честный вор и другие рассказы» (1877) Достоевского, особое место отведено Форстером «Сну смешного человека». Его внимание привлекает рассказчик, «смешной человек», который принадлежит к традиционному в творчестве Достоевского типу подпольных героев-философов. Опираясь на образ «смешного человека», Форстер вывел в своих рассказах «По ту сторону изгороди» и «В чем смысл» таких же философствующих героев, поставленных в фантастичные ситуации. «Сон смешного человека» притягивает Форстера еще и тем, что в нем достигает кульминации одна из постоянных тем творчества Достоевского – золотого века, наступление которого, как убежден писатель, неизбежно. Форстер также интересовался этой темой. В рассказе «По ту сторону изгороди» его тонущий герой был «ослеплен» красивейшим пейзажем, и ему показалось, что он - в раю. Но как только с ним заговорили спасатели, «мгновенно померкла радость» (перевод мой – Р.Х.) [Голсуорси, 1977, с. 225], и он понял, что вернулся к привычной жизни, вернее, «тюрьме». За это недолгое пребывание в «раю» он, как и «смешной человек», во сне

«увидевший своими глазами истину» [Достоевский, 1982, с. 520], осознает необходимость любви к ближним, к жизни. «Дайте мне жизнь, – говорит он, – с ее борьбой и победами, с ее неудачами и ненавистью, с ее глубоким моральным смыслом и с ее неведомой целью» [Голсуорси, 1977, с. 229]. Как видно, первоначальное отношение Форстера к Достоевскому включало стремление найти в творческом опыте писателя ключ к построению собственных произведений. Однако позже, занятый проблемами «сугубо английскими», он вступил в открытую полемику с Достоевским.

Героям, поставленным в фантастические условия, которые заставляют их прозреть, Форстер теперь противопоставляет англичан с «неразвитым сердцем». В романе «Комната с видом» (“A room with a view”, 1908) таким предстает жених Люси; она не выдерживает его пресной рассудительности и соединяет свою жизнь с другим, более свободным и открытым людям, человеком. В эссе «Заметки об английском характере» (1930) Форстер, в числе отрицательных черт англичанина, отмечает неумение выразить свои чувства: «У него нет недостатка в чувствах, но они остаются под спудом, не находят себе применения; нет недостатка и в умственной энергии, но она чаще применяется, чтобы утвердить его в предрассудках, а не искоренить их» [Форстер, 1977, с. 294].

Эти слова можно отнести к самому Форстеру. Предрассудки помешали ему понять Достоевского во всем многообразии его творчества; рецензируя рассказы писателя и даже подражая им, он не замечает их связи с романами. Рассматривая рассказы в отрыве от предыдущего творчества писателя, он называет их «неудачным»: «Достоевский уже устал, повторяет сказанное, а его юмор граничит с шуткой». Отдельные рассказы он считает совсем «никчемными» и удивляется «как Достоевский мог написать настолько плохо» (перевод мой – Р.Х.) [Форстер, 1927, с. 10]. И хотя Форстер отмечает, что «в качестве “стимула” Достоевский бесценен», он, вторя высказываниям Голсуорси, призывает английских писателей отвернуться от него: «Русский писатель очень далек от английских традиций и ценностей»; «он не может служить примером для тех, кто пишет на английском языке» (перевод мой – Р.Х.) [Форстер, 1927, с. 68-69].

Из приведенного резкого суждения о Достоевском видно, что по отношению к нему у Форстера выработались новые критерии. В статье «Аспекты романа» (1927) он отметил, что «в жизни нам не дано понимать друг друга», потому что не происходит «полного проникновения в чужой внутренний мир». В итоге «о литературных персонажах у нас складывается более полное впечатление, чем о реальных людях». Тем не менее «полного впечатления» о романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», о которых высказывался, Форстер не составил. Он указал на их «схематичность» и «неискренность»; отметил «недостаток художественного мастерства» автора.

Противореча своим предыдущим высказываниям, он назвал Достоевского «дорогим» и тут же отметил, что это «не имеет отношения к литературе». В том, как Форстер приближает и отталкивает от себя Достоевского, обнаруживается зависимость от него. В рассказе «В чем смысл» (1911) Форстер говорит о герое, вобравшем в себя черты автора: созданное им «открывало пути к будущему». Таким он и видел Достоевского: «великого романиста», «пророка» (перевод мой – Р.Х.) [Форстер, 1927, с. 132-133], который, как бы о нем ни отзывался Форстер, всегда оставался для него ориентиром.

Список литературы:

- Голсуорси Дж.* Воспоминания о Конраде // Голсуорси Дж. Собр. соч. в 16-ти т. - М.: Правда, 1962. - Т.16. С.370-375, 394-411.
- Голсуорси Дж.* Еще четыре силуэта писателей. - // Голсуорси Дж. Собр. соч. в 16-ти т. - М.: Правда, 1962. - Т.16. С.370-375, 394-411.
- Голсуорси.* Первые и последние // Голсуорси Дж. Новеллы. - М.: Художественная литература, 1975. 458 с.
- Голсуорси Дж.* Поражение // Голсуорси Дж. Новеллы. М.: Художественная литература, 1975. 458 с.
- Голсуорси Дж.* Русский и англичанин. // Голсуорси Дж. Собр. соч. в 16-ти т. - М.: Правда, 1962. - Т.16. С.370-375, 394-411.
- Голсуорси Дж.* Силуэты шести писателей. - М.: Правда, 1962. - Т.16. С.370-375, 394-411.
- Достоевский Ф.М.* Сон смешного человека. - Собр. соч. в 12 т. – М.: Правда, 1982. - Т.12. 384 с.
- Конрад Дж.* Предисловие к коротким рассказам. // Конрад Дж. Избранное в 2-х т. - М.: ГИХЛ, 1959. - Т. 2. 693 с.
- Конрад Дж.* Теневая черта // Конрад Дж. Избранное в 2-х т. - М.: ГИХЛ, 1959. - Т.2. 693 с.
- Тугушева М.П.* Джон Голсуорси. - М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2000. 384 с.
- Форстер Э.М.* Вирджиния Вулф // Избранное. - М.: Художественная литература, Ленинградское отд-ие, 1977.
- Форстер Э.М.* Заметки об английском характере // Избранное.. - М.: Художественная литература, Ленинградское отд-ие, 1977. 376 с.
- Форстер Э.М.* Куда боятся ступить ангелы // Избранное.. - М.: Художественная литература, Ленинградское отд-ие, 1977. 376 с.
- Форстер Э. М.* По ту сторону изгороди // Избранное. . - М.: Художественная литература, Ленинградское отд-ие, 1977. 376 с.
- Baines J.* Joseph Conrad: A Critical biography. - L.: Weidenfeld and Nicolson, 1960. -561 p.
- Ford M.F.* Introduction to: Conrad J. Sisters. - N.Y.: Crosby Gaige, 1928. P.3-31.
- Forster E.M.* Aspects of the Novel. - L.: Harcourt, Brace and World, 1927. 321 p.
- Forster E.M.* The end of samovar. Rev. of “An Honest Thief and Other stories by F. Dostoevsky // Daily News. – L., 1919, November, 11. P.21-94.
- Garnett E.* Conrad’s place in English Literature // Conrad’s Prefaces to His Works. - L.: Dent, 1937. 451 p.
- Garnett E.* Mr. Conrad’s new novel // Nation, 1911. Vol.10, October, 21.P. 82-124
- Letter to Edward Garnett. 1911. - October, 20. // Letters from J. Conrad, 1895-1924/ Ed. E.Garnett. - L.: Nonesuch Press, 1928. 546 p.
- Letter to Olive Garnet. 1911. - October, 20 // Letters from J. Conrad. 373 p.
- Marrot A.V.* The Life and Letters of John Galsworthy. - L.: William Heinmann, 1935.230 p.

References:

- Golsuorsi Dzh.* Vospominaniya o Konrade // Golsuorsi Dzh. Sobr. soch. v 16-ti t. - M.: Pravda, 1962. - T.16. S.370-375, 394-411. (In Russian).

- Golsuorsi Dzh.* Eshche chetyre siluehta pisatelei. - // *Golsuorsi Dzh. Sobr. soch. v 16-ti t.* - M.: Pravda, 1962. - T.16. S.370-375, 394-411. (In Russian).
- Golsuorsi.* Pervye i poslednie // *Golsuorsi Dzh. Novelly.* - M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 458 s. (In Russian).
- Golsuorsi Dzh.* Porazhenie // *Golsuorsi Dzh. Novelly.* M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 458 s. (In Russian).
- Golsuorsi Dzh.* Russkii i anglichanin. // *Golsuorsi Dzh. Sobr. soch. v 16-ti t.* - M.: Pravda, 1962. - T.16. S.370-375, 394-411. (In Russian).
- Golsuorsi Dzh.* Siluehty shesti pisatelei. - M.: Pravda, 1962. - T.16. S.370-375, 394-411. (In Russian).
- Dostoevskii F.M.* Son smeshnogo cheloveka. - *Sobr. soch. v 12 t.* – M.: Pravda, 1982. - T.12. 384 s. (In Russian).
- Konrad Dzh.* Predislovie k korotkim rasskazam. // *Konrad Dzh. Izbrannoe v 2-kh t.* - M.: GIKHL, 1959. - T. 2. 693 s. (In Russian).
- Konrad Dzh.* Tenevaya cherta // *Konrad Dzh. Izbrannoe v 2-kh t.* - M.: GIKHL, 1959. - T.2. 693 s.
- Tugusheva M.P.* Dzhon Golsuorsi. - M.: TERRA-Knizhnyi klub, 2000. 384 s. (In Russian).
- Forster E.H.M.* Virdzhiniya Vulf // *Izbrannoe.* - M.: Khudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otd-ie, 1977.
- Forster E.H.M.* Zametki ob angliiskom kharaktere // *Izbrannoe.* - M.: Khudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otd-ie, 1977. 376 s.
- Forster E.H.M.* Kuda boyatsya stupit' angely // *Izbrannoe.* - M.: Khudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otd-ie, 1977. 376 s.
- Forster E.H.M.* Po tu storonu izgorodi // *Izbrannoe.* - M.: Khudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otd-ie, 1977. 376 s.
- Baines J.* Joseph Conrad: A Critical biography. - L.: Weidenfeld and Nicolson, 1960. -561 p.
- Ford M.F.* Introduction to: Conrad J. Sisters. - N.Y.: Crosby Gaige, 1928. P.3-31.
- Forster E.M.* Aspects of the Novel. - L.: Harcourt, Brace and World, 1927. 321 p.
- Forster E.M.* The end of samovar. Rev. of “An Honest Thief and Other stories by F. Dostoevsky // *Daily News.* – L., 1919, November, 11. P.21-94.
- Garnett E.* Conrad’s place in English Literature // *Conrad’s Prefaces to His Works.* - L.: Dent, 1937. 451 p.
- Garnett E.* Mr. Conrad’s new novel // *Nation*, 1911. Vol.10, October, 21.P. 82-124
- Letter to Edward Garnett. 1911. - October, 20. // *Letters from J. Conrad, 1895-1924/* Ed. E.Garnett. - L.: Nonesuch Press, 1928. 546 p.
- Letter to Olive Garnet. 1911. - October, 20 // *Letters from J. Conrad.* 373 p.
- Marrot A.V.* The Life and Letters of John Galsworthy. - L.: William Heinmann, 1935.230 p.

Шестакова Наталья Николаевна
Римский университет «Сапиенца»
г. Рим (Италия)

Shestakova Natalia
Sapienza University of Rome
Rome (Italy)

**ВЕЛИКИЕ ТАЛАНТЫ СТРЕМЯТСЯ ДРУГ К ДРУГУ: «БЕЛЫЕ НОЧИ»
ДОСТОЕВСКОГО И ВИСКОНТИ**

**GREAT TALENTS MEET: WHITE NIGHTS BY DOSTOEVSKY AND BY LUCHINO
VISCONTI**

Автор выступления намеревается проследить наиболее интересные аспекты создания фильма «Белые ночи» великим итальянским режиссером Лукино Висконти с его слов (по журнальным публикациям и интервью), по воспоминаниям его ближайших коллег и единомышленников (прежде всего, талантливейшей сценаристки Сузо Чекки д'Амико) и критическим статьям наиболее влиятельных итальянских киноведев. Этот фильм, снятый в 1957 г. и получивший Серебряного льва на Венецианском фестивале того же года, лишь один из эпизодов в творчестве режиссера, который не раз обращался к произведениям Достоевского и на сцене, и на экране, что выдает глубокую внутреннюю духовную связь двух великих талантов, несмотря на разделяющую их даль во времени и в пространстве.

The author of the speech intends to trace the most interesting aspects of the creation of the movie "White Nights" by the great Italian director Luchino Visconti starting "from his words" (from magazine publications and interviews), according to the recollections of his closest colleagues and associates (first of all, the most talented screenwriter Suso Cecchi d'Amico) and specialized articles by the most influential Italian film critics. This movie, filmed in 1957 and awarded with the Silver Lion prize at the Venice Film Festival of the same year, is just one of the episodes in the work of the director, who has repeatedly turned to the works of the great Russian writer Dostoevsky both on stage and on the screen, which betrays a deep inner spiritual connection between these two great talents, despite the distance separating them in time and space.

Ключевые слова: динамическая эквивалентность, межсемиотический перевод, духовная связь талантов.

Key words: dynamic equivalence, intersemiotic translation, spiritual affinity of the talents.

Les beaux esprits se rencontrent.

Voltaire

Петербургская белая ночь – явление необычайное, присущее только северным широтам, – обернулось ночью белой от нежданно сошедшего с небес снега – явление необычайное для приморского итальянского городка – и принесла с собой мираж – мимолетное ощущение любви и счастья для мечтателя – героя фильма: это ли не блистательная динамическая эквивалентность при межсемиотическом переводе! И белым одиночеством и ледящим чувством поражения героя завершается картина Висконти, снятая в форме баллады: Марчелло Мастроянни alias Марио уходит от нас вдаль в сопровождении бродячего пса по той же безлюдной улице, где шел нам навстречу в первых кадрах.

Повесть Ф.М.Д. не раз вдохновляла кинорежиссеров: 1934 – *Петербургская ночь*, режиссеры: Григорий Рошаль и Вера Строева; сценарий Серафимы Рошаль и Веры Строевой (по мотивам «Белых ночей» и «Неточки Незвановой»); 1957 – *Le notti bianche*, режиссер: Лукино Висконти; сценарий Лукино Висконти и Сузо Чекки Д’Амико; 1959 – *Белые ночи*, режиссер и сценарист Иван Пырьев; 1971 – *Quatre nuits d'un rêveur* («Четыре ночи мечтателя»), режиссер и сценарист Робер Брессон (Франция); 1992 – *Белые ночи*, режиссер: Леонид Квинихидзе; сценарист Владимир Валущий.

В том же 1957 году в болонском издательстве Каппелли вышла одноименная книга под редакцией известного тогда и в СССР (по очеркам о неореалистическом итальянском кино Георгия Дмитриевича Богемского и др.) кинопродюсера и кинокритика Ренцо Ренци – ценнейший для нас документ, где прослеживается весь процесс создания этого киношедевра. В одном томе собраны все материалы о фильме: перевод повести на итальянский Аси Нобилоне (1948), сценарий Лукино Висконти и Сузо Чекки Д’Амико, воспоминания актеров Марии Шелл, Марчелло Мастроянни, Жана Марэ, сценографов Марио Гарбульи и Марио Кьяри, оператора Джузеппе Ротунно, монтажера Марио Серандреи, костюмера Пьеро Този, композитора Нино Рота, продюсера Франко Кристальди – только от перечня этих имен кружится голова. Это издание – свидетельство острого интереса к творчеству Висконти, каждое творение которого в театре и в кино становилось явлением неповторимой культурной жизни в стране, где одновременно с ним творили корифеи седьмого искусства: Росселлини, Де Сика, Де Сантис, Джерми, Пьетранджели, Лидзани, Франческо Рози, Феллини, Антониони... В годы создания «Белых ночей» живо развернулась и дискуссия о новых путях развития кино, в частности о неореализме, в рамках которой Висконти – смелому борцу за прогресс в жизни и в искусстве с позиций левого толка (нельзя забывать, что он был участником Движения Сопротивления и активным борцом в рядах коммунистической партии) – нередко приходилось защищаться от резкой критики, обвинений, нападков и, как Св. Иерониму, отстаивать свое мировоззрение и художественный стиль. Лестно заметить, что не раз он ссылаясь на мнение и поддержку советских коллег по цеху (напр., в знаменитом письме министру Фольки в защиту «Рокко и его братьев» он упоминает Сергея Бондарчука как единомышленника). [Visconti, Al ministro Folchi su Rocco e i suoi fratelli]. Благодаря этому мы располагаем богатейшим наследием великого мэтра мирового кино: многочисленные очерки, полемические статьи и заметки (в те годы на страницах «Униты» и другой коммунистической периодики), интервью – и, конечно, невероятным по глубине пластом монографий и эссе кинокритиков и «висконтиведов» на всех языках мира, включая русский. Вот почему в этом коротком выступлении мне бы хотелось представить

вниманию коллег наиболее интересные аспекты перехода от слова к кинокадру, преимущественно в формате «прямой речи», а именно, вольно цитируя, прежде всего, самого режиссера и Ренцо Ренци, включившего в вышеупомянутое издание пристальный анализ работы над сценарием и замечательные очерки о режиссуре фильма.

Сначала о весьма прозаических обстоятельствах, предшествовавших созданию этой уникальной во многих аспектах картины Лукино Висконти, который – как бы ни казалось странным и несправедливым это сегодня – оценивается как «не столь значительная» в творчестве режиссера: «un film minore», по выражению известного итальянского киноведа Джованни Ротолينو [Rotolino, 375]. Вот что говорит об этом фильме сам автор в интервью «От "Загородной поездки" Жана Ренуара до "Белых ночей"» («Da "Une partie de campagne" a "Le notti bianche"») в 1976 году: «Создание "Белых ночей" обусловлено тысячью причин. Итальянское кинопроизводство переживало довольно сложный период. Мы хотели сделать фильм, но что-нибудь не такое уж значительное, что-то такое, что можно было бы рассказать в довольно сжатых временных пределах. Снять фильм реалистический, как я хотел, но одновременно предоставить ему возможность как бы немного бродить во сне. Мы долго искали у всех других авторов, и подсказал нам "Белые ночи" Достоевского Эмилио Чекки (отец Сузо Чекки д'Амико – Н. Ш.). Надо сказать, что я сразу ухватился за эту маленькую историю – очень значительная у Достоевского и очень маленькая у меня в фильме – именно потому, что она давала возможность бегства от действительности через контраст между бодрствованием, когда все весьма обыденно и тягостно, и ночными часами, проведенными с девушкой, которая сама становится немного сном, чем-то нереальным, почти невозможным. Именно эта игра меня и привлекала» [Visconti, "Da "Une partie de campagne" a "Le notti bianche""]].

Стоит заметить, что Висконти не раз обращался к произведениям великого русского романиста на протяжении всего творчества как в кино, так и в театре. В 1946 г. – за более чем десять лет до «Белых ночей» – он поставил «Преступление и наказание» (в сценическом переложении французского комедиографа и режиссера Гастона Бати) в римском «Театро Элизео»: роли исполняли актеры одной из самых лучших трупп того времени в Италии – труппы Рины Морелли и Паоло Стоппы. Это была первая в Италии инсценировка романа Достоевского. Отзвуки влияния великого русского романиста явно звучат и в других его работах: в интервью о фильме «Рокко и его братья» («Rosso e i suoi fratelli») в 1978 году Висконти так говорит о его литературных предпосылках вообще и в частности: «В творческие императивы вошли и другие мотивы: некоторые из них восходят к Библии и к роману Томаса Манна "Иосиф и его братья", другие можно усмотреть в моем восхищении писателем Джованни Тестори и созданным им особенным

миром, и, наконец, в герое Достоевского, который во многих чертах – в самом существе своем – похож на Рокко в моем фильме: это Мышкин в «Идиоте», несравненный представитель доброты, ощущаемой как нечто самодовлеющее...» А на «Гибель богов» («La caduta degli dei», 1969) – сага о семье в эпоху прихода к власти нацистов в Германии – зловещую тень отбрасывают самые мрачные настроения «Бесов». [Visconti, Rocco e i suoi fratelli]. (Кстати, авторы оригинального сценария фильма Никола Бадалукко, Энрико Медиоли и сам Висконти стали кандидатами на премию «Оскар» в 1970 году).

Итак, при преобразовании великого произведения великого русского романиста XIX века в сценарий для кинофильма, который, как уже говорилось, должен был выйти на экраны Италии в 1957 г., его авторы – Сузо Чекки Д'Амико и Лукино Висконти – сумели остаться верными великолепной архитектуре литературного текста, одновременно изменяя – иногда радикально – весьма многие и значительные его аспекты. И здесь я «передаю слово» Ренцо Ренци, поскольку его мнение современника «золотого века итальянского кино» особенно ценно для нас. «Несомненно, авторам сценария предстояло явить этот шедевр так, чтобы его универсальное, а значит, и потенциально актуальное значение – помимо необычного, граничащего с патологией мироощущения героя, исторически помещенного во временные пределы вековой давности и в широты далекой и чужой страны, – достигло понимания тогдашней итальянской кинопублики, преодолев свойственное ей критическое отношение к миру и человеку. У Достоевского мистическая, христианская по сути проповедь всеобщей любви, перешагивающей через границы индивидуального одиночества в стремлении ко всеобщему очищению и причастию, вытекает из страдальческой судьбы одинокого героя повести, обреченного на отчаяние и бесплодное мечтательство, чему создают благотворные условия петербургские белые ночи. В их необычайном брезжущем свете стираются границы реального и ирреального, фантазии и действительности, обретают плоть самые невероятные сны и мечты, и бесплотными становятся настоящие события и люди» [Renzi, 69-83].

«Надо сказать, что повесть «Белые ночи» уже обладает чертами, которые как бы нарочно предназначены для театральной постановки: прежде всего, речь идет о единстве времени и места. Повествование разворачивается также в последовательности диалогов. Но подобная театральность (она чрезвычайно подходит и к кинофильму) могла бы обернуться ловушкой. Как известно, у кинематографа свои, только ему присущие, потребности и возможности: он требует динамики действия и непрерывной смены событий. На экране такая коллизия рисковала впасть в монотонность, поскольку оставался неизменным и однообразным пластический элемент: всё те же двое актеров и всё те же декорации. Авторы сценария хотя и стремились сохранить не только основной

порядок развертывания действия, но и его завершение, несколько изменили – сделали более напряженным и скорым ритм развития событий и внесли иные перемены, следуя специфическим требованиям кинематографа.

Поэтому в сценарии действие сосредоточено в трех ночах, которые чередуются с двумя утренними сценами, происходящими дома у героя (в них дополнительно рассказывается о предыдущих фактах его биографии); в течение второй ночи вводится также часть, посвященная воспоминаниям героини. Кроме того, третья ночь становится более оживленной и разнообразной благодаря сценам, которых нет в повести: танцы в баре и драка героя с рыбаками. А последнее утро, в котором нет действия, было упразднено.

Итак, создается впечатление, что в самом начале работы сценаристы сочли чрезмерными чувства, которые волновали главного героя, бесконечные мечтания, роившиеся в больном сознании одинокого человека, поскольку это сделало бы неприемлемым всю его историю для тогдашней публики. И они решили взять за основу историю героини Настеньки, ставшей славянкой по имени Наталия, и сохранить полностью и последовательно все перипетии ее судьбы.

Вслед за чем авторы заметили, что и ее история, даже будучи гораздо более приемлемой, оказывается вне времени, совершенно чуждой современности, поскольку представляет собой абсолют, чистый идеал. Для того, чтобы придать ей черты правдоподобия, необходимо было ввести элемент здравого смысла, олицетворением которого и стал персонаж Мечтателя, помещенного на ступеньку ниже героини, в то время как в оригинале он на семь пядей превосходит женский образ. Так «родился» Марио, изначальная задача которого сводилась к тому, чтобы «играть роль зрителя», реагируя перед лицом такой чересчур романтической истории Наталии так, как это сделала бы скептически настроенная тогдашняя публика. Она становится частью его характера и отражается на всей среде, где происходит действие фильма. Следовательно, история девушки обрела иную перспективу, что привело к смещению основных акцентов всего действия.

Каковы признаки этого нового героя? У Мечтателя Достоевского синдром солипсизма; полностью утратив связь с объективным миром, с реальностью, он лишь на миг – благодаря любви – возвращается в действительность, взлетая до самой вершины любви универсальной, вырвавшись из плена самосозерцания, отчуждения, эгоизма. Напротив, Марио – средний ординарный человек, который должен побороть не столько одиночество, сколько свою посредственность, излишек здравого смысла (вот он, портрет тогдашней публики!). И верно, все начало сценария словами Марио и окружающих его

людей выражает мелкое и мелочное здравомыслие, пошлое лукавство перед лицом настоящей любви.

Марио – герой иного мира. И это еще одна значительная перемена. У Достоевского тоже окружающая среда – образ самого героя. Но именно поэтому она – абстрактная, вне земных пределов пустота (обезлюдевший город), граничащая с бесплотной сказкой. Здесь же, напротив, внешний мир грубо и бесцеремонно врывается в мир героев, он мрачен, грязен, хаотичен и крут (дансинг и драка), в путанице улиц, каналов и мостов бродит проститутка как лейтмотив ночного города. В сравнении с повестью появляется совершенно новый, сексуальный аспект внешнего мира, который лукаво интригует героя. Секс в нем пошлый, назойливый (проститутка, хозяйка пансиона), весьма далекий от возвышенного эроса героя Достоевского. И в самом начале Марио тоже запятнан этой посредственностью, но он лучше других, потому что в конце открывает в себе способность к очищению.

И еще одна перемена происходит тогда, когда сценаристы характеризуют действующих лиц с социальной точки зрения. Мечтатель – бедный интеллигент, без определенного рода занятий; он ничем не занимается, только читает и мечтает, как и большинство героев русского романиста. В то время как Марио – отображение посредственности, усредненного человека, принадлежащего к среднему сословию, к служащим. Из-за социального положения еще более увеличилось расстояние между ним и Наталией, предоставив, однако, ему возможность духовного развития по мере сближения с мироощущением героини» [Renzi, 69-83].

Очень любопытно, как переиначили сценаристы знаменитый пассаж с письмом. Они сохранили верность оригиналу в музыкальной составляющей: звуки именно этой сцены из оперы Россини, где Розина поручает Фигаро передать уже написанное ею послание Линдору, служат фоном эпизода в ложе театра, откуда герои смотрят на невидимые нам подмостки. Однако его зеркальное отражение в повести было, по всей вероятности, сочтено авторами сценария настолько неприемлемым для мужского самолюбия Марио в исполнении Марчелло Мастроянни, что он оказался перевернутым вверх дном: герой рвет послание на мелкие клочки и бросает в воды канала. А Ренцо Ренци даже обрушивается с резкой критикой на самого Достоевского, сочтя подобное поведение героя писательским провалом!

Резюмируя, можно сказать, что «центр тяжести действия сместился от истории мечтателя к истории Настеньки, которая была перенесена в сценарий без изменений. Но создав персонаж Марио, авторы изменили угол зрения, под которым она предстает. Сначала Марио играет роль хора, потом изменяется по образу и подобию Наталии,

стремится подняться до ее уровня, открывая в себе дремлющие склонности к духовному восхождению.

На фоне тогдашних настроений Наталия становится символом состояния души, несправедливо вышедшего из моды и к которому необходимо вернуться. Но что же умирает, по мнению авторов этого киноповествования, такого далекого от обыденности и все же насыщенного настроениями сегодняшнего дня? Умирают высокие чувства, безусловная верность, чистота надежды, подлинная любовь (очень редкая тема в тогдашнем кино); и способность мечтать и верить до конца в свои мечты (черты, которыми обладает героиня). Возникает не диалектика между земной любовью, конечностью чувства, и бесконечной любовью за пределами себя самое (Достоевский), а разлад между всеохватывающей, цельной любовью и половинчатыми чувствами, между распространенной повсюду посредственностью, банальностью, скукой, здравомыслием, лукавством, пошлостью; разлад между компромиссом и настоящей высокой силой чувства, которая одновременно есть и целомудрие. Так, противопоставив сказку мелкому обывательскому цинизму, авторы сценария вступают в полемику со своим временем» [Renzi, 76 - 81].

«Режиссура «Белых ночей» – своего рода уникам, поскольку приняв решение снимать натуру в съемочном павильоне, Висконти оказался как бы на огромной театральной сцене. Он действовал будто перед ним был театральный текст, который нуждался – для того чтобы стать спектаклем – в огромном сценическом аппарате, включающем в себя актерскую игру, декорации и световые эффекты, операторскую работу, музыкальное сопровождение и многие другие элементы. Таким образом весь съемочный процесс приобрел черты театральной постановки, исходным материалом которой служила повесть. Впрочем, Висконти нашел в ней будто для него специально созданное произведение, поскольку отказываясь впервые от съемок на натуре, он не отказывался от стремления к подлинному, реалистическому, и здесь как демиург создавал в рамках театральной условности искусственную реальность, подлинное ненастоящее, реалистический обман. По словам оператора Джузеппе Ротунно Висконти всегда говорил: «Должно быть так, как будто все ненастоящее, искусственное; но когда возникает ощущение, что все обманное, оно должно стать таким, будто оно настоящее» [Renzi, 160]. Как на сцене, так и на экране, по замыслу режиссера, должна была явиться «реалистическая магия» искусства. Реальность в его постановках – особенная, это «una realtà interpretata», реальность в художественном преломлении, при создании которой режиссер (как бы ни обвиняли его в слишком самовольной трактовке театральных и кино-текстов) «бережно, с трепетом» относится к уже данному в литературе факту культуры и,

отталкиваясь от него, стремится к достижению новых вершин, обогащая ценнейшее наследие европейской цивилизации. А сам режиссер признает: «Это театр в той мере, в какой ею является история двух героев, полностью снятая в съемочном павильоне. В ней эхом отдается сцена, театральные подмостки. Но фильм можно было бы снять, если бы не было причин, связанных с кинопроизводством, в равной мере отлично и на натуре, в одном из кварталов Ливорно. Но к тому существовали непреодолимые препятствия. Дело было зимой: можно было бы снимать только несколько часов в день, только ночью, в холоде, на ветру. И сделать так было совершенно невозможно, потому что мы ангажировали Марию Шелл на весьма ограниченный срок. И это естественно отразилось на том, как сделан фильм, но в меру. Знаю, иногда говорят, что мои фильмы несколько театральны, а мой театр несколько кинематографичен. Я не вижу ничего предосудительного в этом, все средства хороши. Не думаю, что театр должен отказываться от этих средств, если они ему в помощь, и не думаю, что кино в еще большей мере должно от них отказываться, если эти средства ему годятся» [Visconti, Da “Une partie alla campagne a “Le notti bianche””] .

Таким образом, Висконти снял киноленту так, как поставил бы спектакль на сцене театра, используя и свой опыт театрального режиссера, приемы и изобретения, которыми пользовался с успехом в других сценических постановках, напр., он перенес в фильм такой особый способ перехода от настоящего к воспоминаниям, как в мизансценах «Смерти коммивояжера», или некоторые находки «Ужасных родителей» Кокто. И сам фильм был отснят последовательно, сцена за сценой, как будто в ходе долгой генеральной репетиции; все сцены снимались одна за другой, в интерьере, вслед за четко просчитанными движениями актеров: они складывались в единства, которые вряд ли можно было разбить при монтаже, потому что в них доминировала не последовательность кадров, а органически связанная актерская игра.

Висконти добавил много нового, своеобразного, иногда неожиданного, не отступая однако от общего, критически настроенного по отношению к тогдашней Италии, духа картины. Достаточно вспомнить эпизод в баре, наспех переоборудованном в дансинг американского образца, где в последнюю ночь происходит сцена судорожного рок-н-ролла – впрочем, она блестяще поставлена и исполнена популярным в то время французским хореографом и танцовщиком Диком Сандерсом. Если судить по чужести этому новому миру главных героев, нетрудно понять, что думал истинный аристократ, разделявший левые, коммунистические идеи Висконти о захлестнувшей тогда Италию стихии потребительства и так называемого массового искусства американского толка в рамках «Плана Маршалла».

В том же духе неприятия современности созданы и декорации: в глубине города – угрюмого, несмотря на чрезмерную навязчивую рекламу и неоновые вывески, – открывался вид на морской порт как символ мира иного, где царят приключение, сказка, свобода. «Тюрьма, через решетки которой проглядывает небо», по словам Ренцо Ренци, который в конце концов приходит к следующему заключению: «Висконти подсказал декораторам, чтобы они построили в съемочном павильоне город между старым и новым, а именно, город временный, где новое было бы холодным и враждебным, а старое более родным и по-человечески теплым. И тогда единственным местом покоя, прекрасным и далеким, становилось воспоминание. Далеким край первого счастья Наталии. Это дает нам возможность истолковать «Белые ночи» как подлинную исповедь режиссера. Висконти отвергает настоящее, всегда, и выносит резкий приговор нынешней ситуации: этот приговор чаще всего приобретает социальный характер. Он бунтует против мрачного настоящего, переходного времени, времени скоротечного, вызывающего острую неприязнь. Явно прочитывается отчаянное стремление режиссера к миру гармонии человеческих отношений (так же, как у Достоевского). Это грядущий мир. Но в том-то и дело – и это достаточно ясно в «Белых ночах» – представляя себе мир будущего, Висконти дает понять, что ощущает его не как маячащую впереди неизвестную реальность, а как прошлое, которое нужно вновь завоевать, как потерянное счастье, первозданное измерение, по которому мы испытываем ностальгию: ностальгия по будущему, весьма сходная с ностальгией по прошлому. Следовательно, это не мир, который предстоит построить, а мир, который предстоит вновь завоевать. Как-то Висконти сказал, что считает театр культурой, а кино – повседневностью. Складывается впечатление, что «Белые ночи» являют собой такое средоточие, когда кино приобретает для автора почти театральную ценность». [Renzi, 195 - 218]

После выхода фильма на экраны режиссер так парировал обвинения в «измене» неореализму: «Я снял "Белые ночи", потому что убежден, что надо пойти иной дорогой, чем та, по которой идет сегодня итальянское кино. У меня сложилось впечатление, что в последнее время неореализм стал чем-то вроде неотвратимого наказания. Сделав "Белые ночи", я хотел показать, что можно перешагнуть через барьеры и в то же время ни от чего не отречься. Мой последний фильм целиком снят в съемочном павильоне, в построенном декораторами квартале, который отдаленно напоминает Ливорно. И при помощи подобной сценографии я хотел создать не атмосферу ирреальности, а реальность, воссозданную искусственно, опосредованную, преображенную. Короче, я хотел резко отмежеваться от документальной, откровенной действительности, решительно порывая с обычной манерой сегодняшнего итальянского кино. Надеюсь, что создав этот фильм, я

открыл для молодых итальянских режиссеров, которые сегодня берутся за дело, новую стезю» [Visconti, Confini valicabili].

В заключение хотелось бы упомянуть о недавнем кино-литературном курьезе: в 2016 году в издательстве Селлеро (оно было основано в Палермо в 1969 г. Эльвирой и Энцо Селлеро по инициативе известного писателя Леонардо Шаши и быстро завоевало популярность среди самых прогрессивных итальянских интеллектуалов) вышла книга «La corrispondenza» за подписью известного и в России режиссера, лауреата премии «Оскар» за фильм «Новый кинотеатр "Парадизо"» в 1989 г. Джузеппе Торнаторе. На развороте обложки - слово автора к читателю: «Книга, которую вы сейчас открываете, роман, написанный по одноименному фильму (в российском прокате "Двое во вселенной"). Это – весьма оригинальная и необычная возможность вернуть писаному слову первенство, узурпированное у него кинообразом. Весьма разумная авантюра для того, чтобы вернуть право быть явным тому, что на киноэкране должно или лучше оставить за кадром». В интервью, опубликованном на сайте ilLibraio.it, режиссер более пространно рассказал об этой несомненно экстравагантной затее: «Такой издательский проект походит скорее на дивертисмент, оригинальную филологическую выдумку, это – как сказал бы Умберто Эко – "межсемиотический перевод", но в обратную сторону». Смеясь, Торнаторе сам навешивает ярлык «интеллектуального плутовства»: «Хотя я писал в предисловии, и сколько бы ни пояснял в интервью, большинство читателей думает, что речь идет о "романе, по которому был снят фильм". Из-за такой путаницы многие произнесут, как обычно, беспрекословный приговор: "А книга – лучше". Но поскольку в этом случае книга – простое преобразование сценария, то сказать – фильм не так хорош, как книга – значит косвенно признать превосходство сценария, а значит и самого фильма, – говорит автор. - «Чтобы написать роман с самого начала нужно много времени. Эту работу я смог выполнить, потому что у меня уже был сценарий. А вот создание сценария потребовало долгого времени вынашивания и написания: литературный сценарий, первый вариант, второй вариант, третий, разные адаптации и т.д. Я собрал воедино все, что было раньше написано, и только перелил в иную форму. И эта работа оказалась относительно короткой и относительно простой. В конце концов, для меня это явилось просто развлечением». [Liparoti, 2016].

Список литературы:

Renzi, Renzo, a cura di. *“Le notti bianche” di Luchino Visconti*, Cappello editore, Bologna 1957
Rondolino, Gianni *Luchino Visconti* UTET Libreria Torino 2010

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET)

LUCHINO VISCONTI Website dedicato interamente a Luchino Visconti e alla sua opera
<http://www.luchinvisconti.net/>

Scritti di Visconti:

Al ministro Folchi su Rocco e i suoi fratelli; Cinema antropomorfo; Esperienze di un regista;
La Terra Trema; Vaghe stelle dell'Orsa; Bellissima: storia di una crisi; Il lavoro con gli attori;
Cosa penso del pubblico; Approdo al realismo; Da Verga a Gramsci; Fra cento modi, uno;
Da *Une partie de campagne* a *Le notti bianche*; Rocco e i suoi fratelli; Confini valicabili

Liparoti, Alessia *Dal cinema alla letteratura: una lunga intervista a Tornatore*

<https://www.ilLibraio.it/news/dautore/cinema-letteratura-intervista-tornatore-316362/>

References:

Renzi, Renzo, a cura di. *“Le notti bianche” di Luchino Visconti*, Cappello editore, Bologna 1957
Rondolino, Gianni *Luchino Visconti* UTET Libreria Torino 2010